S 92/40
T. 2

S 92/40 2 кн. таб.

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

В. В. Розановъ.

СЕМЕЙНЫЙ ВОПРОСЪ

ВЪ РОССІИ.

Дѣти и родители.—Мужья и жены.—Разводъ и понятіе незаконнорожденности.—Холостой бытъ и проституція.—Женскій трудъ.—Законъ и религія.

СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., 8.
1903.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
Ф15707-35

2007041663

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

Оглавленіе II-го тома.

	Стр.
Діалогъ	1
Важная забота церкви	16
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса:	
XXI. Письмо въ редакцію „Новаго Времени“ *А. Дернова*	20
Евины внучки	22
Споръ объ убитомъ ребенкѣ	31
Святое чудо бытія	44
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.	
XXII. Письма: *О. Иванова, Анонима, Де-Планкона, N N, А. П—вой, * *, Ел. П.*	61
XXIII. Бракъ съ точки зрѣнія газетной философіи. Изъ *Церковнаго Вѣстника*	66
XXIV. О равноправности дѣтей незаконныхъ съ законными.	70
XXV. Дѣти и „дѣти“. По фармулѣ: „audiatur et altera pars“. *А—та*	72
Имущество, титулы и дѣти	77
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.	
XXVI. Открытое письмо В. В. Розанову. *А—та*	81
Отвѣтное письмо г. А—ту	85
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.	
XXVII. Въ чемъ дѣло? *А—та*	91
Стропила семейнаго уклада	97
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.	
XXVIII. Параллельно В. В. Розанову *А—та*	107
XXIX. Тяжелые упреки духовенству. *И. Дроздова.*	114
XXX. Открытое письмо г. В. Розанову. Свящ. *К. З—кій*	118
Нѣсколько разъяснительныхъ словъ	122

Стр.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XXXI. Факты и мнѣнія 125
XXXII. Христіанскій бракъ. *М. Сменцовскаго* 135
XXXIII. Письмо *анонима* 151
XXXIV. Бракъ или развратъ? По поводу статей г. Розанова о незаконныхъ дѣтяхъ. Отказъ на призывъ къ безформальному сожитію или, вѣрнѣе, къ половой разнузданности, и охраненіе святости брачнаго союза. Протоіерея *Александра Дернова* . . 152
XXXV. Изъ „Риголетто“ 219
XXXVI. Письмо въ редакцію „Новаго Времени“ 220
XXXVII. Письмо *г. А. Григорьева* 221
XXXVIII. Изъ частныхъ писемъ 222
XXXIX. Мѣры къ поднятію уровня общественной нравственности. Доктора медицины *Ф. Фрейгина.* 227
XL. „Церковныя Вѣдомости“ о брошюрѣ Ал. Дернова: „Бракъ или развратъ?“ *Н. М.* 242
XLI. Бракъ или сожительство? *А. Кирѣева* 244
XLII. Идилія, защищаемая А. Дерновымъ и А. Кирѣевымъ:
1. Изъ Ялтинскихъ нравовъ. Письмо 253
2. Сгорѣвшій мужъ 254
3. Исторія въ Рязани 259
4. Мать убійца 260
5. Преступная мать 261
6. Приговоръ по дѣлу И. Куликова 262
7. О мрачности темъ 262

Отвѣтъ г. Кирѣеву 263

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XLIII. Изъ писемъ о бракѣ и разводѣ 268
XLIV. Послѣдній отвѣтъ г-ну Розанову по вопросу о бракѣ *А. Кирѣева.* 270
XLV. Послѣдній отвѣтъ г. А. Кирѣеву на его послѣднюю декларацію. *Анонима* 273
XLVI. Еще изъ сужденій о незаконнорожденности 275
XLVII. Осужденныя—о себѣ 280

Второй отвѣтъ г. А. Кирѣеву 306

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XLVIII. По поводу. *В. Немировича-Данченко.* 314
XLIX. Женскіе паспорта 323
L. Покровительство злымъ и беззащитность добрыхъ . 325

Болѣзни безъ леченія 327

Стр.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

LI. „Церковный Вѣстникъ“ о разводѣ:

1. Неудовлетворительность бракоразводнаго процесса въ Духовномъ судѣ 331
2. Необходимость участія въ бракоразводныхъ дѣлахъ свѣтскаго суда 335
3. Проекты производства бракоразводныхъ дѣлъ . . 338
4. Мотивы за составленіе бракоразводныхъ дѣлъ въ духовномъ судѣ 340
5. Основанія для передачи бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ 344
6. Данныя къ рѣшенію вопроса о бракоразводномъ процессѣ 348
7. Исходный пунктъ къ рѣшенію вопроса о бракоразводномъ процессѣ 350

LII. Изъ „Дневниковъ“ кн. *В. Мещерскаго* 357

Фрагменты о бракѣ.

О наказаніи смертью и еще, сверхъ этого, чѣмъ-нибудь. 362

О древне-русскомъ разводѣ 363

Цѣнныя слова 364

Набрасное обремененіе (о вторыхъ и третьихъ бракахъ). 366

Опытъ самозащиты 369

„Внѣ-каноническіе“ дѣти, а не „внѣ-брачные“ . . . 373

„Внѣ-брачные дѣти“—contradictio in adjecto 375

Сколько разъ можно было вступить въ бракъ въ древней церкви 376

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

LIII. О записи въ метрики „незаконнорожденныхъ“ Прот. *А. Устьинскаго* 379

LIV. Когда незаконные дѣти будутъ законными? *А—та.* . 381

LV. Игра словъ. *В. Кривенко.* 383

LVI. Изъ писемъ о незаконнорожденности 385

LVII. Незаконнорожденные во Франціи 388

LVIIIa. О разводѣ у католиковъ *Реджэра* 391

Недоговоренныя слова 394

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

LVIIIб. „И не вводи насъ во искушеніе“. *В. К. В. К.* . . . 403

LIX. О городскихъ думскихъ учительницахъ. *Д.* 405

LX. Гнусный промыселъ. *Н. Лендера* 408

LXI. Бѣлыя невольницы. *Н. Андреева* 410

Стр.

Еще фрагменты о бракѣ.

Объ особаго рода „синдикатахъ“ 416
Безъ надеждъ на замужество 422
Педагогички-весталки 426
Сельско-хозяйственныя колоніи для дѣвушекъ-матерей. 429
Современные ханаанеи (о смѣшанныхъ съ иновѣрцами бракахъ) 431

Женскій трудъ и образованіе.

Утилизація главнаго женскаго таланта 436
Кн. В. П. Мещерскій о женщинахъ 439
Воспитательная и хозяйственная роль женщины . . 441
Возможная піонерка 443
Въ поискахъ за трудомъ и просвѣщеніемъ 444
Женское медицинское образованіе въ Россіи . . . 449
Учительницы въ коммерческихъ училищахъ . . . 450
Рукодѣлье въ женскихъ гимназіяхъ 452
О ручныхъ издѣліяхъ въ гимназіяхъ 454
Женскіе пансіоны 456
Новый женскій институтъ 458
О неурочныхъ занятіяхъ учащихся 459

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

LXII. Утвержденіе правилъ объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей 462
LXIII. Изъ откликовъ печати и частныхъ лицъ 467
LXIV. Письмо въ редакцію 474
LXV. Кто не обрадовался новому закону 475

Послѣдніе фрагменты о бракѣ.

Введеніе дѣтей въ семью 477
Дѣти офицеровъ и солдатъ 480

Къ читателю 483

Приложеніе:

„Дѣти Солнца... какъ они были прекрасны!“ 487

Рисунки:

Стѣнная живопись изъ пирамиды Гизеха. 490
Изъ памятниковъ древняго Египта. Чувство египтянъ къ животнымъ 492

Стр.
Тоже 493
Тоже 494
Чувство египтянъ другъ къ другу 495
Тоже 496
Чувство египтянами растеній 497
Чувство египтянами звѣздъ 498
Тоже 499
О нѣжности у египтянъ 500
Dea-vacca-isis 502
Исключеніе эгоистичности. Со стѣны египетскаго храма . 505
Безсмертіе — какъ романтическая идея. Со стѣны египетскаго храма 507
Древнѣйшее изображеніе херувимовъ 508
Солнце и его чувство къ людямъ. Со стѣны египетскаго храма 510
Тоже. Со стѣны египетскаго храма 512

Суди меня, Боже, и вступись въ тяжбу мою съ народомъ недобрымъ. Отъ человѣка лукаваго и несправедливаго избавь меня.

Псаломъ 42.

Равви Акиба толковалъ: «кто не занимается размноженіемъ, о томъ Писаніе говоритъ такъ, какъ если-бы онъ проливалъ кровь, ибо сказано въ Бытіи, 9, 6: *кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка*, а послѣ этого прибавлено: *вы-же плодитесь и размножайтесь*». Равви Элеазаръ, сынъ Азаріи, училъ: «кто не занимается размноженіемъ, о томъ Писаніе говоритъ такъ, какъ бы онъ уменьшаетъ подобіе Божіе, ибо сказано въ Бытіи, 9, 6—7: *ибо человѣкъ созданъ по образу Божію, вы-же плодитесь и размножайтесь*». Бенъ-Азаи говарилъ: «такой человѣкъ *и* проливаетъ кровь *и* уменьшаетъ подобіе, по Бытію, 9». Ему замѣтилъ равви Элеазаръ: «однако слова хороши, когда они выходятъ изъ устъ исполняющаго; иной хорошо толкуетъ и хорошо исполняетъ, а иной хорошо исполняетъ, хотя не хорошо толкуетъ, а Бенъ-Азаи хорошо толкуетъ, но не хорошо исполняетъ». Потому-что Бенъ-Азаи былъ не женатъ. Тотъ отвѣтилъ ему: «что мнѣ дѣлать? душа моя пристрастилась къ Торѣ; пусть уже міръ будетъ поддержанъ другими».

Мишна, трактатъ «Іевамотъ», VI.

Оправданная-же передъ судомъ, если она прежде рождала со страданіями—то будетъ рождать безъ страданія, если рождала дѣвочекъ — будетъ рождать мальчиковъ, если рождала некрасивыхъ — будетъ рождать красивыхъ, если рождала смуглыхъ—будетъ рождать бѣлыхъ, если рождала низкихъ—то будетъ рождать рослыхъ, если рождала по одному—то будетъ рождать по два.

Мишна, трактатъ «Сота», II.

Глупый благочестивецъ, хитрый нечестивецъ, женщина фарисейка и удары фарисеевъ губятъ міръ.

Мишна, трактатъ «Сота», III.

Діалогъ.

— Непонятно, непонятно и непонятно... Просто, уму непостижимо...

— Что вамъ непонятно?

— Ничего не понятно. Я говорю объ области брака. Наивные мои критики думаютъ, что я вотъ уже два года все возвращаюсь къ его темѣ только для того, чтобы указать нѣкоторое неравенство вѣсовъ и отклоненіе ихъ въ сторону темнаго цвѣта, аскетизма, противъ бѣлаго, брака. „Пусть будетъ больше браковъ — и все успокоится". Конечно, это входитъ въ мои соображенія, но не единственно. Въ моей совѣсти вопросъ идетъ гораздо дальше и сомнѣніе простирается... просто я не понимаю, что-же такое у теперешнихъ христіанъ бракъ? И куда дѣвались или, точнѣе, куда дѣвали слова Господни о *бракѣ*—во-первыхъ, и о *дѣтяхъ*—во-вторыхъ?

— Ну, они въ Евангеліи...

— Я не о томъ, что они не въ Евангеліи, а о томъ, почему они не въ жизни?

— Не въ жизни?

— Нельзя-же, процитировавъ столь ясныя слова, какъ слѣдующія: „Развѣ вы не читали, что Сотворившій въ началѣ *мужчину и женщину* сотворилъ ихъ, и сказалъ: „по сему оставитъ человѣкъ отца и мать и *прилѣпится къ женѣ* своей и будутъ *два одною плотью*"; такъ что они уже не двое, а одна плоть. Итакъ, *что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ*"; (Мато., 19),—нельзя, говорю я, зная твердо эти слова, задавать вопросъ, какъ г. Полозовъ въ книжкѣ 10-й за 1899 журнала „Вѣра и церковь": „но *что именно* составляетъ *существо брака, и какія его стороны* служатъ отображеніемъ союза Христа съ церковью—это въ богословской наукѣ съ достаточной полнотою не разъяснено"...

— Да вы что все безпокоитесь?

— Да какъ-же не безпокоиться, когда слова Господни—только въ книгѣ, а не въ жизни? Ну, напримѣръ, эта иррегулярная конница дѣтей...

— Какая конница?

— У Франца Іосифа, положимъ, есть регулярная кавалерія и иррегулярная кавалерія. Такая фантазія, чтобы одни были регулярны, а другіе—иррегулярны... Такъ это понятно потому—что войско есть *его* и его *предковъ* фантазія, и онъ его распредѣляетъ такъ и этакъ, по фантазіи.

— Ну, конечно...

— Но развѣ-же можно, не родивъ дѣтей, распредѣлить ихъ въ регулярные и иррегулярные?

— Не понимаю.

— Вопросъ слишкомъ серьезенъ, чтобы вы были не внимательны. Господь о чемъ въ приведенныхъ словахъ сказалъ?

— О рожденіи.

— По моему—тоже. Я эти слова, эту самую 19-ю главу отъ Матѳея, можно сказать, насквозь прочиталъ, наизусть выучилъ; сжевалъ бумагу и проглотилъ. И чѣмъ проглоченное сильнѣе дѣйствуетъ во мнѣ, тѣмъ менѣе начинаю что-нибудь понимать въ мірѣ.

— Ну ужъ и „въ мірѣ“...

— Именно. Это я вспомнилъ слова стараго умершаго идеалиста о „гармоніи міровой“, и вотъ все ухмыляюсь ей, думая объ иррегулярной и такъ сказать не „сгармонизованной“ въ кавалерійскіе ряды конницѣ, и именно—только дѣтей. Въ „гармонію“ всѣ попали, никто не исключенъ: ни банковскій воръ, ни тщеславный министръ, доведшій страну свою до Седана, ни болтающій въ парламентѣ ораторъ, ни самый презрѣнный журналистъ. Всѣ они „регулярны“, подъ закономъ, признаны. Власть не совершитъ невѣжливости ни передъ однимъ изъ нихъ. Но невинный, совершенно никому не мѣшающій ребенокъ со своей матерью въ эту гармонію не попали. И даже цѣлые полки ихъ, цѣлое казачество. Да что намъ казачество?! Все равно — пусть одинъ. Но тогда уже выходитъ не міровая „гармонія“, а уличная на мѣстѣ ея „гармоника“...

— Вы остритe?

Самая обыкновенная тульская гармоника, въ рубль съ четвертакомъ цѣна. Ибо гармоническіе ряды настоящихъ королевскихъ уланъ и гусаръ, состоящіе изъ этихъ министровъ, болтуновъ и писакъ, никогда даже и не отрицали, что они грѣшны, а ребенокъ безгрѣшенъ. Такъ что я „гармонику“ такъ и опредѣляю: *„грѣшная міровая гармонія, отчуравшаяся отъ безгрѣшнаго“*...

— Вы патетичны и философствуете. Говорите проще.

— Вѣдь вы согласны, что Господь у Матѳ., 19, сказалъ о рожденіи?

— О рожденіи. . . . . .

— И никто рѣшительно не отрицаетъ, какъ вѣроятно не отвергнете и вы, что приведенныя слова Его суть единственное основаніе христіанскаго брака?

— Основаніе.

— Такъ что бракъ есть—бракъ о ребенкѣ, какъ „Руслань и Людмила“ есть что-то о „Русланѣ“ и о „Людмилѣ“...

— Ну, конечно, смѣшной человѣкъ.

— Смѣшной вы, а не я: развѣ-же можетъ быть „Руслань и Людмила“ напр., объ Онѣгинѣ и Татьянѣ? То такъ и называлось-бы „Евгеній Онѣгинъ“ или „Романъ о Евгеніѣ и о Татьянѣ“.

— Ну-ну, все одно и тоже... это какъ въ Евангеліи трижды повторено: „Кто просящему у него хлѣба подастъ камень, и просящему у него рыбы—подастъ змѣю“... и еще что-то.

— Именно камень и змѣю... Человѣкъ просилъ у Господа дѣтей и Онъ далъ ему дѣтей; и человѣкъ просилъ у Господа благословить его дѣтей—и Господь благословилъ его дѣтей; между тѣмъ какъ въ „гармоникѣ“...

— Выражайтесь почтительнѣе.

— Между тѣмъ какъ Францъ Іосифъ, въ одно прекрасное утро, объявилъ: „не хочу играть въ солдатъ, а хочу играть въ дѣтей, и тоже—чтобы они были регулярные и иррегулярные“... Но вѣдь этого нельзя, потому-что они ему не подвѣдомственны?

— Не подвѣдомственны. Совсѣмъ другая категорія.

— Категорія — именно. Солдаты—государственная категорія; и дѣти—тамъ по имуществу, по сословію, вообще по одежкѣ бытія — тоже государственная. Но какъ просто дѣти, и еще не взрослые, т.-е. по близости къ рожденію — они категорія божеская. Неужто станете отрицать? Это даже Эльпе изъ „Нов. Времени“ застушится.

— Почему Эльпе? И какъ вы странно говорите: „Францъ-Іосифъ, Эльпе, божеская категорія“. Неужели вы не можете послѣдовательнѣе?

— Не могу, а главное—не хочу, ибо тутъ замѣшаны: Богъ, государство и природа, почему и называется „міровая гармонія“ или, въ случаѣ краха, будетъ названо „всемірною ошибкой“. Эльпе есть представитель природы, и въ фельетонахъ, пріятныхъ не мнѣ одному, онъ настаиваетъ, что нѣтъ частицы живой безъ Божества; такъ что этотъ другъ природы сдѣлался другомъ всѣхъ теологовъ, и они усердно его цитируютъ...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Какъ-же! Проф. Бронзовъ въ актовой рѣчи въ С.-Петербургской духовной академіи приводитъ почти цѣлыя страницы

изъ его фельетоновъ: „вотъ, и естественныя науки признаютъ, что органическая матерія одушевлена, и значитъ натуралисты тоже съ нами соглашаются, что есть Богъ". Да объ этомъ цѣлая богословская литература. Но тогда какже „иррегулярная"...

— Какая-же связь?

— Какъ какая связь?! Г. Полозовъ, въ статьѣ болѣе-чѣмъ серьезной, спрашиваетъ, *гдѣ* центръ *священства брака*...

— Ну?

— Такъ если все живое—божественно, и этому радуются теологи, опираясь на это какъ на „Нерушимую Стѣну" вѣры, наконецъ-то ими найденную въ наукѣ: то какъ-же сомнѣваться, что божественное въ бракѣ —есть *матеріальный субстратъ его, именно и названный Спасителемъ*...

— Ну, конечно.

— А „иррегулярные"-то?

— Иррегулярные?..

— Послушайте: вѣдь это — не Францъ-Іосифъ; ну, тотъ съ конницею — такъ и сякъ; его фантазія, его и затѣи: иррегулярнымъ панталоны въ сапоги, регулярнымъ — поверхъ сапогъ: у однихъ—кепи, у другихъ—шапки. Но вѣдь нельзя-же шапки, кепи, панталоны и сапоги вносить въ Царствіе Небесное...

— Вы кощунствуете.

— Кощунствовалъ-бы, если-бы я внесъ; но я запрещаю. Именно *я* раздѣляю категорію божескихъ вещей отъ земныхъ, и такъ какъ мы уже рѣшили, что рожденіе...

— Ну, конечно—божеская категорія или Небесное Царство.

Какимъ-же образомъ не на рожденныхъ только, но на самое рожденіе вы, выражаясь образно—то́ кепи, то́—шапки.

— Потому-что внѣ брака.

— Постойте, мнѣ кажется раньше Спасителя не было брака...

— Былъ—въ Ветхомъ Завѣтѣ.

— Но вѣдь Спаситель только перенесъ слова изъ Ветхаго въ Свой Новый Завѣтъ, и содержащееся у Матоея, 19,—читается раньше въ „Книгѣ Бытія", 2, безъ всякаго варіанта.

— Ну, ну скорѣе...

— Такъ вѣдь тамъ о Русланѣ и Людмилѣ, а вы мнѣ подаете книжку „О Русланѣ и Людмилѣ", въ которой разсказывается о Бовѣ и еще какой-то гадости.

— Не понимаю. Путаете религію и литературу.

— Вѣдь вы же согласились, что Спаситель сказалъ о рожденіи? И никто не отвергаетъ, что Онъ-же тутъ говоритъ о бракѣ.

— Ну, конечно.

— Почему-же заглавіе одно, а сюжетъ—другой?

— Гдѣ?

— Да въ европейской семьѣ. Не только г. Полозовъ сомнѣ-

вается, но г. Полозовъ потому,—и притомъ невинно, — сомнѣвается, что иррегулярные давно скачутъ... и такъ сказать небесная кавалерія...

— Что за жаргонъ?!

— Именно, но опъ—не мой Въ категорію небеснаго введенъ земной кавалерійскій строй, и если прежде были „херувимы и серафимы“ и даже обычно они изображаются дѣтскими личиками съ крылышками и плечиками, то вѣдь нельзя-же оспаривать, что въ „гармошкѣ“ совершенно грязная плетка хлещетъ по плечикамъ дѣтей, которыхъ мы, mutatis mutandis, называемъ ангелами. Право—такъ: ангеловъ изображаютъ дѣтьми, но зато дѣтей называютъ ангелами, и это не безъ связи съ Эльпе.

— Опять Эльпе?!..

— Опять, потому-что—міровой вопросъ. Эльпе потому съ такимъ упорствомъ, конечно чистосердечно, настаиваетъ, что каждая живая капля божественна, что въ сущности она не химико-механична, а трансцендентна, мистична и ирраціональна. Опъ это доказываетъ тѣмъ, что никакимъ скальпелемъ ее не возьмешь и ни въ какой микроскопъ не разсмотришь, и это просто отъ той глупой причины—что она родилась, т. е. идетъ изъ вѣчности, изъ глубины и прямо... отъ Бога. Теперь, если теологи этому обрадовались, то какъ же у нихъ „иррегулярныя“ капли, да и не только „капли“, а цѣлые дѣти, человѣческія капли. По моему—это вопросъ мистическій, и Антихристомъ пахнетъ.

Ну, и вы начитались Соловьева. Слышали, кто-то во время его лекціи объ Антихристѣ упалъ со стула?

— Это—я упалъ, потому что заснулъ, и заснулъ потому, что было очень скучно. Соловьевъ только казался мудрымъ человѣкомъ, а на самомъ дѣлѣ не обладалъ и остроуміемъ. Опъ началъ рисовать Антихриста съ какимъ-то электричествомъ и газетами. Между тѣмъ, уже теперь можно предвидѣть первый вопросъ „такъ называемаго“ анти-Христа. Замѣтьте, я говорю „такъ-называемаго“ и тутъ главная моя мысль. Рекомый Антихристъ, котораго будутъ порицать, порнографить, спросятъ непремѣнно добродѣтельныхъ христіанъ, какъ поступали они съ дѣтьми своими и въ частности укажетъ на „иррегулярную“ конницу... Часть ея, какъ всѣмъ извѣстно, попадаетъ въ колодцы, проруби, помойныя ямы, отхожія мѣста. Не только въ сей вѣкъ, но всегда у христіанъ было явленіе, именуемое *„незаконнорожденнымъ младенцемъ“*, и это—при обстоятельствахъ, что *„бракъ есть таинство о младенцѣ“*, но очевидно изъ этого, что—о какомъ-то непастоящемъ, а поддѣльномъ, маргариновымъ младенцѣ. Потому что настоящій-то вышелъ и, какъ теперь ищутъ ему терминъ юристы—„внѣбрачный младенецъ“. Вѣдь если есть „внѣ-брачный младенецъ“, то очевидно отъ того, что есть „бракъ внѣ-младенческій“. „внѣ-

ребячій", „внѣ-родовой", т. е. по моему, маргариновый и не настоящій. Что-то похоже на фальшивый паспортъ.

— Не понимаю.

— Эльпе лучше бы понялъ. Я вернусь къ нему. Капля—трансцендентна. Да и позвольте, не только Эльпе, но Филаретъ сказалъ:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога намъ дана.

Но онъ легко могъ ошибиться и написать это въ патическомъ восторгѣ и минутномъ забвеніи всѣхъ каноновъ, цѣлаго каноническаго о бракѣ права. Эльпе—внимательнѣе, ибо онъ много лѣтъ въ одну точку работаетъ. Теперь, если капля—трансцендентна, то вѣдь эта капля еще можетъ быть Христова или анти-Христова, ибо и анти-Христъ—тоже трансцендентность, и это—пустяки, что онъ придетъ съ газетами. Такъ что младенецъ, и именно человѣческій, можетъ родиться, какъ обмолвился Филаретъ

... отъ Бога...

но вѣдь также онъ можетъ рождаться и отъ діавола. Вамъ никогда не случалось читать, что средневѣковые теологи, вотъ тѣ, которые опредѣлили и выразили весь нашъ молитвенный и обрядный кругъ о рожденіи, называли устье женской матки „укусомъ діавола", „morsus diaboli"? Отреченія-то отъ Сатаны слушали?

— Какія отреченія?

— Все это пострашнѣе Соловьева. Развѣ вы не замѣчали, что всякій у насъ младенецъ, родившись, и прежде, чѣмъ вступить въ христіанскую общину, долженъ отречься отъ Сатаны? И если не онъ, по безсилію, то за него кто-нибудь; и при словахъ отреченія долженъ дунуть и плюнуть.

— Ну?

— Мнѣ думается, что этотъ плевокъ прямо приходится въ лицо родителямъ, которые, для избѣжанія совсѣмъ конфузнаго вида, и уходятъ, т. е. выводится за двери; да и гадливые жесты при этомъ, и въ самомъ дѣлѣ совершаемый плевокъ—все очерчиваетъ каку-то *скверну*, отреченіе отъ какой-то *скверны, пакости*; и я не могу не думать, да и никто не отвергнетъ, что это относится къ *родителямъ, которые напакостничали, родивъ*... собственно говоря, „чертенка". Какъ „чертенокъ" плюнулъ на родителей—такъ онъ становится чистъ. Такъ-что Филаретъ поторопился, сказавъ:

Жизнь—отъ Бога...

— и это упирается въ самый вопросъ „иррегулярной конницы" дѣтей. Собственно „иррегулярны" *всѣ*, иррегулярно *самое рожденіе*: самая его *суть, зачатіе—пакостно*. Но какъ нельзя же

всѣхъ рѣшительно дѣтей назвать „иррегулярными“, то именуются, но только именуются или, вѣрнѣе, переименовываются нѣкоторыя въ регулярныхъ. „Регулярныя“ тоже суть переряженныя, перекрашенныя „иррегулярныя“, но просто- это для виду, для спасенія видимостей... Дѣло въ томъ, что не „незаконнорожденныя“ происходятъ, какъ нѣкая искусственная часть, изъ „законнорожденныхъ“ — нѣтъ! Напротивъ, изъ „незаконнорожденныхъ“, какъ основы, фонда, неисчерпаемаго моря выходятъ, и то только снаружи перебѣляясь, „законнорожденныя“, которыхъ было-бы правильнѣе именовать: „*видимо* законнорожденныя“, „*кажущіяся* законнорожденными...“ Но это только для избѣжанія лишняго волненія публики... На *самомъ-же дѣлѣ*, по *сокрытой*, *тайной* философіи– закона вовсе въ рожденіи нѣтъ. Ни въ комъ и никакого. Кромѣ впрочемъ „дьявольскаго“. Всѣ люди суть „дѣти діавола“; т. е. всѣ младенцы, новорожденные. Потомъ, поступая въ банкъ, въ министерство, на желѣзную дорогу—исправляются; но это уже—потомъ... Тогда имъ и почтеніе, по чину, ордену и жалованью.

— Но почему же вы, несчастный и подозрительный человѣкъ, думаете, что отреченіе отъ сатаны, которое дѣйствительно на седьмой день дѣлаетъ отъ имени ребенка его воспріемникъ отъ купели, падаетъ на родительскій актъ и состояніе родительства?

— Есть подтвержденіе, это — споръ между Западомъ и Востокомъ о „непорочномъ зачатіи Св. Дѣвы.“ Западъ сталъ настаивать, что ну хоть единственная Дѣво-Матерь зачата была въ чистотѣ, „непорочно“; Востокъ однако отмѣлъ, т.-е. призналъ, что и Она зачата порочно, *обыкновеннымъ человѣческимъ способомъ*, *который*, — какъ слѣдуетъ изъ этой формулы,—*вообще* и всегда, абсолютно *заключаетъ въ себѣ порокъ*. Теперь вопросъ, *порокъ* онъ? или—*опорочевъ?*

— Вотъ какой вы придирчивый...

– Да вѣдь отъ этого множество дѣтишекъ и пошло съ камнемъ въ воду, такъ что добраться сути даже и филантропическій интересъ есть: все—„незаконнорожденные“ пошли въ воду, ни одного „законнорожденнаго“, и, слѣдовательно, мотивъ дѣтоубійства самый этотъ *терминъ*. Вотъ я и розыскиваю, ужъ не всѣ ли мы незаконнорожденные и есть ли законность вообще въ рожденіи?

— Ну, въ честномъ-то бракѣ... „Бракъ честенъ и ложе не скверно“, развѣ не читали?

– Какъ-же, умплялся въ свое время. Но теперь-то я понимаю, что это—обмолвка, дабы не очень страшно было. Дѣло въ томъ, что „плюнь и плюнь на Сатану“ происходитъ равно въ честномъ бракѣ и вић честнаго брака, при „благословенномъ“ сожитіи и „не“ благо-

словенномъ. Такъ-что еще вопросъ, чистосердечно-ли благословеніе, и во всякомъ случаѣ оно ничего изъ грязнаго въ чистое не передѣлываетъ. Но оставляю вопросъ объ искренности. Дѣло въ томъ, что не существуетъ вообще „честнаго брака“, исключая развѣ маргариноваго, въ которомъ ничего не рождается и не зачинается и вообще ничего нѣтъ. Я отъ того и закричалъ съ самаго начала, что „ничего не понимаю“... Ибо „честенъ бракъ“—если онъ безъ-роденъ, внѣ-роденъ и такъ сказать безъ-браченъ, а какъ только „браченъ“, „роденъ“ — eo ipso и „нечестенъ“. Дѣва то Марія ужъ конечно изъ святѣйшей семьи, однако „зачата — порочно“. Итакъ, порокъ или опорочено? Или, какъ говоритъ Соловьевъ—анти-Христъ или Христосъ?

— Какая же связь?

— Какъ какая? Вѣдь теперь все запуталось, и выходитъ, что Эльпе проповѣдуетъ въ фельетонахъ „черта“, когда цитировавшіе его теологи думали, что онъ проповѣдуетъ „Бога“. Оказывается, значитъ, теологи не умѣютъ отличить черта отъ Бога, и...

— И?..

— Мнѣ это рѣшительно все равно, умѣютъ они отличить или не умѣютъ, мнѣ дѣло до незакошпорожденнаго ребенка, и что это терминъ не Франца-Іосифа, а теологовъ-же.

— Да вѣдь онъ же внѣбраченъ?

— Да вѣдь бракъ то маргариновый, а младенецъ — живой, и просто это есть терминъ и послѣдствіе: „*не порочен*ъ бракъ *вн*ѣ и *без*-родный“, а „рождающій—порченъ“, что болѣе чѣмъ сомнительно при словахъ Господа: „*Мужчину и женщину* сотворилъ... и будутъ въ *плоть едину*... что *Богъ сочеталъ* человѣкъ да не разлучаетъ“. У насъ очевидно не этотъ Господень бракъ...

— Какой-же?

— Какое мнѣ дѣло, какой. Я знаю только не Господень. Господь основалъ рождающій бракъ, половой, а мы имѣемъ внѣполый, т.-е. такъ какъ совершенно не можетъ быть внѣ пола и брака, то мы имѣть-то его имѣемъ, но его половую сторону считаемъ сатанинской и порочной. Отсюда—„дуль, плюнь“. Теперь я объ Эльпе...

— Опять объ Эльпе?

— Именно: Богъ для меня... не сливается, но влитъ въ природу, ибо сама церковь имѣетъ одно таинство, гдѣ замѣшанъ натуральный, натуралистическій элементъ. Еще другого такого таинства нѣтъ, но въ этомъ—*кожа* и *кости*, *нервы* и *мясо*, словомъ *natura*, и даже genitrix. Теперь вопросъ между Эльпе и теологами, или точнѣе союзъ Эльпе съ теологами (такъ какъ они пожимаютъ другъ другу руки) соскальзываетъ на вопросъ объ отношеніи или пожалуй о возстановленіи дружбы между этими же теологами, но уже не съ Эльпе, а съ такъ называемыми древ-

ними „натуралистическими религіями“, о которыхъ теологи-же столько лѣты твердили и твердятъ міру, что они „льстили чувственности“ и „угождали діаволу“. „Весь древній міръ поклонялся бѣсамъ“, объ этомъ гремятъ всѣ „апологеты“ первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства. Но вѣдь это—„поклонялся бѣсамъ“ точь въ точь упирается въ „Сатану“, отъ котораго долженъ отрекаться и младенецъ. Замѣчаете, есть сходство даже терминовъ, и ужъ конечно гадливости. На нихъ въ I—IV вѣкахъ исторически „дунули и плюнули“, но ужъ я заступлюсь и возглаголю, что вѣдь въ самомъ дѣлѣ не безъ права „для эллиновъ—безуміе и для іудеевъ—соблазнъ“ считать проклятымъ, позорнымъ, порочнымъ рожденіе, началомъ скверны—младенца; и началомъ его святости, пріятія его въ Царство Небесное—отреченіе его, гадливое отреченіе отъ „порочныхъ“ своихъ родителей. „Изругай своихъ родителей, за свое зачатіе—и будешь нашъ“. Нѣтъ, эта жестокость въ самомъ дѣлѣ Сатаною пахнетъ... Но не въ этомъ даже дѣло, а глубже: тамъ въ древнемъ „бѣсовскомъ“ мірѣ дитя было *прославлено*, съ *него* начиналась *святость*... У насъ—опорочено, и такъ часто „въ воду съ камнемъ на шеѣ...“ Въ основѣ-то вѣдь этого идея, что всѣ „матери суть порочны и порочны ихъ дѣти“. Такимъ образомъ, вы видите, въ основѣ этого дѣла такъ сказать подъ-почвенныя воды всей нашей цивилизаціи. Намѣчается цѣлое міросозерцаніе:

1) Бракъ въ Европѣ есть только гражданскій, какъ сумма распоряженій о немъ взаимно-согласныхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей. Въ этихъ границахъ и до этого предѣла онъ безгрѣшенъ.

2) Грѣхъ начинается, какъ только распорядительное о бракѣ слово *исполняется*. Говоря примѣромъ, рыба начкаетъ неводъ, въ который она попадаетъ; неводъ, подводимый подъ рыбу, имѣетъ тенденцію скорѣе уничтожить ее, нежели наполниться ею.

3) *Приказаніе* на бракъ—свято, *исполненіе* приказанія грѣшно. Приказывающій—*не некренекъ*, приказаніе *лукаво*.

4) Въ лестницѣ святого и грѣшнаго дитя занимаетъ самое низшее мѣсто; онъ ближе всего къ аду; на лицѣ его адское отраженіе; въ фигуркѣ, глазахъ—сатанинскій свѣтъ.

Покойникъ, какъ противоположность новорожденному младенцу святое, фетишъ, въ феміамѣ куреній, среди возженныхъ свѣчъ. Младенца никто не цѣлуетъ, покойника всѣ цѣлуютъ. Младенцу никто не поклоняется, покойнику всѣ поклоняются. Покойникъ святъ смертью и есть начало ангела. И кто несетъ на землю смерть есть Владыко вселенной, Первый въ святости, Стоящій на верху лествицы святого и грѣшнаго.

5) Въ мертвомъ суть небеса. Живое, по скольку оно противится смерти грѣшно.

6) Свѣтъ адскій на младенцѣ—отъ его зачатія; вотъ—„не-

чистая (грязная, скверная) сила"! Она мощна, побораетъ даже праведниковъ, вовлекая весь міръ въ *бытіе*. Орудія (органы) зачатія суть какъ-бы живые члены сатаны, morsus diaboli. Тутъ діаволъ „укусилъ міръ" и міръ этимъ укусомъ болитъ, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ. Смерть отъ того и свята, а покойникъ—ангелъ, что только смерть отрѣзаетъ „укусъ діавола", и черезъ нее міровая боль—прекращается.

Тексты. Молитва отшельника, отходящаго ко сну: „Паки *князь тьмы и страстныхъ сладостей родитель* плѣненна мя сотвори и яко-же раба смиреннаго, того хотѣніемъ и желаніемъ плотскимъ работати принуждаетъ мя... Избави отъ *кала и скверны тѣлесныя и страстныхъ помышленій*, оскверняющихъ всегда душу мою окаянную.. Господи, Боже нашъ, даждь намъ ко сну отходящимъ ослабу души и тѣла, и соблюди насъ отъ *темныя власти*: устави стремленіе страстей, *угаси* разженіе возстанія тѣлеснаго".

7) Міръ болѣетъ жизнью; что онъ живетъ, длится—это немощь міра, хворь его. Онъ выздоравливаетъ—когда умираетъ.

8) Всѣ вообще дѣти—въ погибель, члены погибели. Путь ихъ прохожденія въ міръ долженъ быть съуженъ, въ жизни личной, общественной, исторической. О, если бы имъ вовсе не рождаться! Но если невозможно это—пусть рождаются менѣе, рѣже, не у всѣхъ, у немногихъ!

9) Когда помимо этого „узкаго моста" для дѣтей они все же рождаются,—они сталкиваются съ моста. Гибель дѣтей—не эмпирична только, а принципіальна. Это—съуженіе morsus diaboli.

19) Мать, собственными своими руками задушивающая дитя, только нѣсколько поздно, а все-же перехватываетъ горло діаволу, совершаетъ движеніе къ истинѣ. но только запоздавшее, неудачное и отъ сего одного какъ-бы неблаговидное. Она за это наказуется, но лишь для благовидности, чтобы на нее-же свалить и обвиненіе въ инициативѣ преступленія въ полномъ кругѣ его, хотя очевидно въ немъ она была лишь съ искаженнымъ отъ страха лицомъ исполнительницею. „Хватай, она преступна", дабы отвратить глаза судей отъ подлиннаго преступника. Какъ это пишетъ и Гете:

Фаустъ.

„Въ нищетѣ! въ отчаяніи! Страдавшая такъ долго на землѣ и, наконецъ, въ заточеніи, какъ преступница!...

Мефистофель.

„Она не первая!

Фаустъ.

„Песъ! отвратительный извергъ! О, Духъ Безконечный—обрати его въ червя, дай ему образъ пса, въ какомъ онъ часто являлся мнѣ по ночамъ, *подкатывался* подъ ноги беззаботному страннику и бросался къ нему на шею, *когда онъ плакалъ* [1]). О, дай ему любимый его образъ, да

[1]) Намеки. Фаустъ вообще исполненъ намековъ, иносказаній, въ своемъ родѣ „миѳовъ". Здѣсь говорится о кроткомъ ликѣ и кроткихъ слезахъ,

пресмыкается онъ вѣчно въ прахѣ... „Она не первая“! У каждаго содрогнется душа отъ одной уже мысли, что много найдется *подобныхъ ей созданій*, потонувшихъ въ такомъ-же бѣдствіи, отъ мысли, для чего страданія первой жертвы не въ силахъ были искупить вины остальныхъ у „Всепрощающаго“! Одна ужъ эта мысль гложетъ сердце, проникаетъ въ мозгъ костей; а ты можешь, чудовище, спокойно смотрѣть на гибель подобныхъ ей!

Мефистофель.

„Кажется, мы достигли самой высшей степени остроумія [1]), т. е. той степени, когда у васъ обыкновенно заходитъ умъ за разумъ. *Зачѣмъ-же ты связываешься съ нами* [2]), если тебѣ наше общество не подъ силу? *Хочешь летѣть—и бойшься, чтобъ голова не закружилась*... [3]).

Фаустъ.

„Не скаль свои кровожадныя зубы...

Мефистофель.

„Я не могу разбивать основы правосудія [4]). Спасти ее? А кто былъ виновникомъ ея гибели, ты или я?

. . . . . .

Маргарита, въ тюрьмѣ (безумная).

„Какъ развратница—мать,
„Извела меня,
„Какъ разбойникъ—отецъ
„Съѣлъ свое дитя.
„А малютка—сестра,
„Схоронивши въ тѣни
„Ото всѣхъ берегла
„Въ ямкѣ кости мои,
„А потомъ стала птичкою я.
„Ну, лети-же ты птичка моя!
Идутъ! Идутъ! О, страшно умирать.
Кто далъ тебѣ право, палачъ, надо мной?

какими бѣдныхъ, тоскливыхъ странниковъ человѣчества обманываетъ Мефистофель. Смотри сейчасъ-же слова дальше о подлинномъ видѣ его—„пресмыкающагося на чревѣ“...

[1]) Поразительный миѳъ. Нѣтъ, Гете и особенно его „Фаустъ“ не разгадываемы вовсе иначе, какъ съ точекъ зрѣнія, устанавливаемыхъ въ этой книгѣ, и, особенно, въ „Религіи и культурѣ“ и „Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго“. Кто сіи книги съѣстъ и такъ сказать сожжетъ ими внутренности свои,—какъ бы уже родится вновь и въ новый міръ; тому и созерцанія Гете, первые монологи „Фауста“ и вся путаница его не поэтической, но *необходимой* второй части—станутъ ясны. И „Елена греческая“, и „Великія Матери“... Внѣ моихъ точекъ зрѣнія, Фаустъ—тьма, красивый эпизодъ: такъ на него и смотрятъ, какъ на красивую исторію приключенія, европейскіе „Мефистофели“, переодѣвшіеся къ XIX—XX вѣкамъ изъ черной сутаны въ черный фракъ. Всѣ они, за первымъ Мефистофелемъ, повторяютъ: „она не первая“...

[2]) Какое иносказаніе!

[3]) Какой опять миѳъ! Ну, какъ эти слова съ обычныхъ точекъ зрѣнія на „Фауста“ объяснить въ Мефистофелѣ?!

[4]) Слушайте! Слушайте! говоритъ какъ господа, длинныя разсужденія которыхъ, начиная съ Дернова, мы привели въ концѣ первой части этой книги.

Смотри, молода еще я; въ эти лѣта
Мнѣ рано въ могилу
. . . . . .
И дай мнѣ ребенка еще покормить;
Его я всю ночь у груди прокачала.
Его унесли, чтобъ я больше страдала!
И что-же? всѣ стали теперь говорить,
Что будто его я сама умертвила .. [1])
Нѣтъ, мнѣ ужъ веселой не быть никогда,
И пѣсня у нихъ про меня сложена.
Не правда-ль, что *злобы ихъ много тутъ было?*
Есть *сказка, такой-же конецъ у нея...* [2])
Зачѣмъ-же ко мнѣ примѣнили ее.

Фаустъ.

Иль смерти моей тебѣ надо?..

Маргарита.

Нѣтъ, надобно жить тебѣ, милый!
Тебѣ разскажу я про наши могилы,
А ты позаботься о томъ.
Дай лучшее мѣсто для матери: рядомъ
Пускай она будетъ тамъ съ братомъ.
Поодаль могилу ты выроешь мнѣ,
Но только не очень далеко.
Съ ребенкомъ моимъ на груди одиноко
Мы ляжемъ въ нѣмой тишинѣ.
Кому-же охота лечь рядомъ со мною?

Фаустъ.

Съ тобою я остаюсь.

Маргарита.

Скорѣе роднаго
Ребенка спасай!
Все вдаль, по потоку
Тропинкой ступай:
За маленькимъ мостомъ
На лѣво, въ лѣсу,
У берега пруда
Ты доску найдешь.
Скорѣе, скорѣе
Его ты хватай!
Онъ живъ еще, бьется,
Онъ силится всплыть!..

---

[1]) Многоточіе Гете. Конечно. Маргарита знаетъ, что *не она* умертвила дитя, хотя все совершилось черезъ посредство рукъ ея. Тутъ, бѣдная, и запуталась умомъ, сошла съ ума...

[2]) Опять многоточіе у Гете: „сказка“, что „все кончается гробомъ„; и какъ ужъ „больше тебя, Маргарита, пострадали, то—пострадай и ты“. Этимъ объясняется строка слѣдующая: „зачѣмъ-же они ко мнѣ примѣнили ее?“

Фаустъ.

Мой другъ, посмотри, разсвѣтаетъ!

Маргарита.

Да, небо пылаетъ зарей;
Послѣдняго дня уже свѣтъ проникаетъ
Сюда... Въ этотъ день намъ вѣнчаться съ тобой!
Смотри-же, мой милый, ни слова.
Что съ Гретхенъ ты видѣлся снова.
Растоптанъ, разбитъ мой вѣнецъ [1]),
Но все-же мы свидимся, другъ, наконецъ,
Но только не въ пляскѣ на праздникѣ пышномъ...
Тѣснится толпа... ничего въ ней не слышно...
Всѣ улицы полны, безмолвенъ народъ...
Повсюда набата разносятся звуки...
Вотъ хрупнула палка... вотъ вяжутъ мнѣ руки
Хватаютъ и тащутъ—и вотъ
Меня положили на плаху...
У каждаго дрогнуло сердце отъ взмаха
Секиры надъ бѣдной моей головой—
И міръ весь, какъ гробъ, сталъ нѣмой.

Мефистофель.

Она осуждена!

Съ этимъ судомъ Мефистофеля согласуется и другой, ранѣе произнесенный: вотъ мы читаемъ его въ сценахъ у колодца и передъ Соборомъ.

Лизхенъ.

Да ей пройти нигдѣ мальчишки не дадутъ,
Они вѣнокъ вѣнчальный съ ней сорвутъ,
А мы дорогу къ двери дома
Замѣчемъ рубленой соломой...
. . . . . .

Маргарита.

Склони,
О Всескорбящая!
Божественный взоръ свой на меня,
Ты, въ сердцѣ, пронзенномъ мечомъ, всѣ страданья носящая
. . . . . .

---

[1]) Здѣсь—„ключь" позиціи: и мать ея, и братъ были бы живы и счастливы о сестрѣ и дочери, еслибы... безъ претензій на власть, для всей округи, квартала, города, прихода были всѣмъ дѣвушкамъ въ *1-й день зрѣлости* 13—14 лѣтъ розданы освященныя кольца съ правомъ ими и любовью награждать возлюбленнаго! Что она бѣдная мѣщаночка понимаетъ въ исторіи: „меня какъ устроили -такъ я и устроена, такъ и буду". Слѣдовательно, все дѣло, „устроили"-ли ее по теченію *ея* крови, повинующихся велительному: „и къ мужу—*влеченіе* твое и онъ будетъ *господствовать* надъ тобой" (во всемъ человѣчествѣ, у всѣхъ народовъ мужчина будетъ имѣть надъ дѣвушкою *обаяніе* и *господство*),—или по *своему*, ни на чемъ не основанному, *соизволенію*...

Куда бъ ни пошла я—
Тоска все, тоска гробовая—
Вездѣ я встрѣчаю ее.
Одна-ль остаюсь я порою,
Такъ слезы и льются рѣкою,
Такъ сердце и рвется мое.
Вотъ съ этими вмѣстѣ цвѣтами,
По утру, когда для Тебя ихъ рвала,
Всѣ стекла окна я слезами
Въ тоскѣ облила
И первый лучъ солнца меня
Засталъ ужъ не спящей.
Засталъ на постели сидящей:
Душа тосковала моя...
Спаси-же! мнѣ страшенъ позоръ!
Ужасна мнѣ смерть предстоящая!
О, Всескорбящая,
Ко мнѣ обрати свой божественный взоръ
. . . . . .

Хоръ.

Judes ergo quum sedebit
Quidquid latet—adparebit
Nil inultum remanebit.

Маргарита.

О, задыхаюсь я!
Тѣснятъ колонны, словно
Весь сводъ церковный
Валится на меня...

Злой Духъ.

Сокройся! *Грѣхъ* и *стыдъ*
Быть тайною не могутъ...

Хоръ.

Quid sum miser tunc dicturus?
Quem patronum rogaturus?
Quum vix justus sit securus?

Злой Духъ.

Свой *праведники ликъ*
Отъ грѣшной отвращаютъ.

Такимъ образомъ, Гете весьма не двусмысленно показываетъ, что Мефистофель согласенъ или, пожалуй, съ Мефистофелемъ согласны, съ „Злымъ Духомъ“ гармонируютъ и болтовня уличной дѣвушки и хоралы средневѣковые; всѣ, во слѣдъ ему, „лики отъ грѣшной отвращаютъ...“

Споръ съ язычествомъ, которое съ *дитяти* начинало славу міра, не конченъ:

Пришелъ Ураносъ... кругомъ Геи
Желая любви, онъ легъ вытянувшись

Отовсюду. Изъ тайника Сынъ его выходитъ
Рукою лѣвою, правая-же огромную сжимаетъ косу
Длинную, зазубренную; и вотъ—genitalia Patris
Торопливо срѣзаетъ, и бросаетъ ихъ, перекидывая назадъ черезъ плечо

. . . . . .

Genitalia Урана, когда, срѣзавъ ихъ Хроносъ
Бросилъ внизъ—то упали они въ многоволнующееся море.
И носились они здѣсь долго, пока бѣлая
Пѣна около безсмертнаго существа ихъ не возникла. Отъ нихъ дѣва
Произошла. И приплыла къ омываемому волнами Кипру.
Здѣсь вышла на берегъ, прекрасная,
Кругомъ ея и подъ ногами травы
Выростали: ее Аѳродитой люди и боги назвали.

. . . . . .

Ее назвали „amantem genitalia, qui ex genitalibus emersit“ [1];
Эросъ сопровождалъ ее, а Гермесъ слѣдовалъ за прекрасной,
Когда она, только что рожденная, въ собраніе боговъ входила.
Отъ начала честь воспріяла она: ей выдѣленъ
Особый удѣлъ среди людей и безсмертныхъ боговъ:
Это—дѣвичья болтовня и смѣхи и лукавства
И веселіе, и сладость любви, и нѣжность.

Смутный этотъ сонъ древности, *надежда* древности, ея *вѣра*, разсказанная Гезіодомъ (Теогонія, стихи 176—206)—выражаетъ мысль Эльше, Гете и обмолвку Филарета, что *безсмертно* и *небесно* происхожденіе человѣка. Отъ сего съ младенца древность и начинала святость. Поэтому Мефистофелю древнія небеса и отвѣтили на *его* крикъ: „осуждена“, возгласомъ: „спасена“. Теперь, „спасена-ли“ или „осуждена“ Маргарита, согласно или въ противорѣчіи съ рѣшеніемъ земли и Мефистофеля,—объ этомъ конкретно и поднимается споръ между въ сущности тремя небесами:

1) *древнимъ*
2) *теперешнимъ*
3) *грядущимъ*.

„Нов. Вр.“, 1900 г.

---

[1]) Какое объясненіе полового влеченія! *ex* quo, *ad* eum... Вѣдь *мы*, въ *наши* времена, ничего о немъ не понимаемъ, никакой его разгадки не имѣемъ. Но древность сказала: *изъ* чего мы сдѣланы, *то* вошло планомъ въ твореніе наше и устремило теченіе мыслей нашихъ и желаній...

Важная забота церкви.

Высокопреосвященнѣйшій Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій, назначилъ особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ талантливаго проповѣдника и писателя священника Орнатскаго, для разсмотрѣнія труднаго и сложнаго вопроса о такъ-называемыхъ „незаконныхъ сожительствахъ и незаконнорожденныхъ дѣтяхъ". Послѣднихъ въ Петербургѣ оказывается одна треть изъ общаго итога всѣхъ рождающихся: процентъ слишкомъ огромный, что бы онъ могъ оставаться безпризорнымъ, и безпризорнымъ именно со стороны церкви.

„Незаконныя сожитія" суть плодъ суженности брака или опасенія вступить въ бракъ. Первая категорія обнимаетъ людей, которые любятъ другъ друга, но имъ невозможно вступить въ бракъ по причинѣ суженности брачныхъ нормъ. Самый обычный примѣръ этого—фактически распавшаяся семья, которая умерла во всемъ своемъ реальномъ составѣ, но юридически продолжаетъ существовать. Такъ какъ живой человѣкъ живетъ не съ „юридическою женою", а съ настоящею и кровною, и нуждается не въ документѣ супружества, а въ фактическомъ супружествѣ, то, чувствуя первую семью для себя лично умершею,—онъ вступаетъ во вторую. Въ интересномъ докладѣ своемъ объ этомъ предметѣ священникъ Дернов отмѣчаетъ [1]), что на исповѣди "приходится выслушивать множество признаній въ незаконныхъ сожитіяхъ", особенно со стороны офицеровъ, полная правоспособность которыхъ къ браку несомнѣнна съ канонической стороны, но уничтожена служебнымъ правиломъ. Вторая категорія, обнимающая лицъ, боящихся вступить въ бракъ, вытекаетъ изъ того, что, брачась, очень трудно быть увѣреннымъ, что теченіе брака будетъ сколько-нибудь чистымъ: такъ какъ бракъ не расторгается и въ случаѣ прелюбодѣянія жены или мужа, хотя извѣстнаго въ семьѣ, но юридически не доказуемаго, то ему предпочитается простое „сожительство", которое и длится только до тѣхъ поръ, пока оно

---

[1]) Тутъ—моя ошибка. Мнѣніе это было мнѣ четко сказано священникомъ І. К. Херсонскимъ.

внутреннюю чисто, т.-е. пока мужъ и жена, или, по юридической квалификаціи, „сожитель“ и „сожительница“, обоюдно увѣрены во взаимной вѣрности и чистотѣ. Нужно замѣтить, изъ „юридической чистоты“ шубы не сошьешь, а нужна фактическая чистота. Тщетно Каренинъ утѣшалъ бы себя, что жена его рожаетъ дѣтей отъ Вронскаго безъ свидѣтелей, или не призывая къ этому спеціальныхъ свидѣтелей. Въ душѣ онъ не могъ бы не сознавать, что у него „нѣтъ жены“, что „какъ его жена — Анна умерла“.— Вообще бракъ, будучи чрезвычайно интимною и живою вещью, разстраивается, когда нѣтъ правды въ этой его интимности и жизни. Изъ расхожденія внутренней и внѣшней правды, изъ коихъ одна нужна кровному человѣку, а другая требуется законной нормой, и вытекаютъ въ сущности всѣ „незаконныя сожительства“ и „незаконнорожденныя дѣти“.

Прервать какой бы то ни было властью всѣ „незаконныя сожительства“ конечно нельзя, и на это никто не рѣшится: это суть часто долголѣтнія связи, полныя семьи, въ которыхъ, напр., дѣти даже не подозрѣваютъ о судьбѣ своей, видя вокругъ себя всю нѣжность и заботу попеченія родителей. Родители тутъ у нихъ на глазахъ, и одни знаютъ, а иногда отъ давности даже и забыли сами, что въ ихъ отношеніяхъ есть только любовь и согласіе, но нѣтъ уза законныхъ. Во-вторыхъ, если беременна дѣвушка, все-таки нельзя же ей помѣшать разрѣшиться ребенкомъ. Ее приметъ Воспитательный домъ, ее защититъ „Маріинскій родильный пріютъ“. Такимъ образомъ вопросъ можетъ быть не о фактической борьбѣ съ „незаконными сожительствами“, которая и непосильна никому, ибо здѣсь замѣшаны слишкомъ первоначальные въ человѣкѣ инстинкты, а объ опредѣленіи своего отношенія къ этому неподвижному и неизмѣнному факту.

До сихъ поръ практиковалось отношеніе совершеннаго игнорированія: долголѣтнія и совершенно счастливыя семьи признавались не существующими; дѣти, въ нихъ рождающіяся, не получали имени родителей своихъ и считались „неизвѣстно отъ кого рожденными“. При наличности тутъ же обоихъ родителей, нѣжно заботящихся о своихъ дѣтяхъ, это игнорированіе имѣло и имѣетъ характеръ болѣе страшности, чѣмъ дѣйствительнаго значенія. „Мы не видимъ и не смотримъ“. Что, однако, мѣняется отъ такого „несмотрѣнія“? Трудно понять. Притомъ рѣшительно нельзя упустить изъ вниманія, что вѣдь во всякомъ единичномъ случаѣ, гдѣ существуетъ „незаконное сожитіе“, оно, исчезнувъ, дало бы мѣсто совершенно невозбранно существующей проституціи. Проституція узаконена; противъ нея не борются и не имѣютъ силы бороться ни государство, ни церковь. Есть ли-же внутренній смыслъ или хотя внѣшнее благоприличіе бороться при такомъ положеніи дѣлъ съ „незаконными сожитіями“, гдѣ есть постоянство и вѣрность другъ

другу, гдѣ есть трудъ рожденія и воспитанія дѣтей, и которыя именно и возникаютъ въ силу отвращенія къ проституціи и влеченія къ правильно и прочно текущей семьѣ? На исповѣди, какъ объ этомъ и говоритъ [1]) священникъ Дернов, ни у одного священника не хватитъ духу присовѣтовать кающемуся „сожителю“, чтобы онъ оставилъ дѣтей своихъ или свою рекомую „сожительницу“, въ сущности же передъ обществомъ и семьею, конечно, жену. Этого не скажетъ священникъ ни покинутому *псевдо*-женою мужу, ни *псевдо*-холостому офицеру. А не скажетъ этого священникъ, не можетъ этого сказать и священство; не скажутъ этого на духу, на исповѣди, именемъ Божіимъ, и нельзя этого говорить ex cathedra. Правда Божія одна въ алтарѣ и на площади, въ исповѣдальномъ и въ юридическомъ синклитѣ. „Что дѣлать, грустно, но уже живите, какъ живете, и не оставляйте другъ друга“—кромѣ этого нечего сказать.

Вопросъ этотъ вообще имѣетъ незамѣченную странность. Онъ до сихъ поръ вращался въ понятіяхъ филантропіи, между тѣмъ какъ корень его лежитъ въ области очень глубокой метафизики. Есть святость брака, есть святость рожденія. Если мы признаемъ значеніе и рожденіе младенца простою „говядиною“ бытія человѣческаго,—не можетъ быть вопроса о бракѣ въ сакраментальномъ его значеніи. Физіологія никогда не можетъ быть сакраментальна, ни—получить сакральнаго освященія. Такимъ образомъ мы пятимся отъ этого понятія назадъ. Но куда же мы попадемъ, отпрянувъ въ страхѣ? Въ мистицизмъ зачатія и рожденія, т.-е. въ совершенное зачеркиваніе самаго понятія и термина „незаконнорожденный“. Только на мысли, что рожденіе человѣка включаетъ въ себѣ Божію тайну, и основана радость и удивленіе и до извѣстной степени мистическій трепетъ церкви передъ нимъ, поведшій въ вѣкахъ къ сложенію чина вѣнчанія и всей догмы о бракѣ. Но въ признаніи значительности и церковной святости брака, и всей суммы о немъ законовъ,—все имѣетъ объектомъ своимъ рождающагося младенца. Мы хотимъ сказать и приходится признать, что такъ какъ бракъ есть дѣйствительное таинство, то онъ святъ въ полной дѣйствительности своей, какъ въ наружныхъ сакраментальныхъ формахъ, такъ равно и въ фактическихъ рожденіяхъ, въ заботахъ, въ любви и вѣрности текущей жизни. Тутъ, въ мнимо „незаконныхъ“ сожительствахъ—несчастіе; тутъ—много слезъ человѣческихъ; тутъ есть рѣшительный инстинктъ благородной и чистой семьи. И, какъ хотите, приходится итти на соглашенія, дабы не

---

[1]) Здѣсь опять я сдѣлалъ обмолвку,—читалъ „Докладъ“ о. Дернова уже годъ назадъ и смѣшалъ его съ впечатлѣніями отъ устныхъ бесѣдъ: вообще я какъ памятенъ на *мысли*, такъ безпамятенъ на *факты*, *имена*, *лица* и *годы*.

ожесточилось сердце человѣческое. Нельзя у отца отнимать дѣтей, нельзя у матери отнимать дѣтей, когда они оба тутъ же и радуются на своихъ дѣтей; но вѣдь всякій смыслящій отецъ и всякая смыслящая мать понимаютъ, что дѣти, которымъ не дается имя (фамилія) родителей, конечно, безмолвно отнимаются у нихъ,— семья хоть не фактически, но юридически расторгается, убивается. Убита семья, убито дитя, между тѣмъ какъ они живы, вотъ тутъ же, держатся крѣпко за руки другъ друга. Этого нельзя дѣлать и, повторяемъ, не по одной филантропіи, но и потому, что это глубоко потрясаетъ всю мысль брака.

Комиссіи, которая теперь назначена, придется непремѣнно остановиться на этой метафизикѣ человѣческаго рожденія. Духовенство наше—не католическое, съ его фанатизмомъ и въ сущности очень коротенькимъ доктринерствомъ. Православіе—благостно и мудро. Давно замѣчено, еще первыми славянофилами, что тогда какъ западныя церковныя доктрины имѣли политическій духъ и политическія устремленія, Востокъ всегда былъ мистиченъ и созерцателенъ. „Онъ и льна курящагося не загаситъ“,— предсказывали о Спасителѣ пророки: вѣроятна ли гипотеза, что сойдя въ среду людей, Христосъ погасилъ бы хотя одно рождающееся дитя?! И отдѣлилъ бы это дитя—отъ родителей! Или, взглянувъ на фактически совершившееся рожденіе, не благословилъ бы его. Этому послѣдовать предлежитъ и комиссіи.

„Нов. Вр.“ 1899, сентябрь.

Матерьялы для разрѣшенія вопроса.

XXI. Письмо въ редакцію „Новаго Времени".

Милостивый Государь

Господинъ редакторъ!

Въ № 8458 „Новаго Времени", 14 сентября сего года, въ статьѣ г. Розанова „Важная забота Церкви", сдѣлано указаніе на мой докладъ пастырскому собранію 1-го декабря 1898 г.: „Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сожительствъ?" Въ означенномъ указаніи дважды приписаны мнѣ такія мысли, какихъ совершенно я не высказывалъ и *не могъ* [1]) высказать. Что сдѣланныя на меня въ указанной статьѣ ссылки неправильны, всякій можетъ убѣдиться, прочитавши мой докладъ, который тотчасъ же послѣ выше названнаго пастырскаго собранія изданъ отдѣльною брошюрою. Упомянутой въ означенной статьѣ вашей газеты „особой комиссіи", будто бы назначенной Высокопреосвя-

---

[1]) Курс. А. Дернова. Относится это къ словамъ моимъ: „На исповѣди, какъ объ этомъ и говоритъ священникъ Дерновъ, ни у одного священника не хватитъ духу *присовѣтовать* кающемуся сожителю, чтобы онъ *оставилъ дѣтей* своихъ или свою рекомую *сожительницу*". (См. стр. 309). Какъ намъ извѣстно стало, послѣ напечатанія статьи: „Важная забота церкви", А. Дерновъ позванъ былъ въ нѣкоторую высшую инстанцію, „вѣдающую дѣла рожденія", „святость брака", и спрошенъ объ этихъ словахъ, и, смущенный, потребовалъ отъ редакціи „Нов. Вр.", напечатанія письма съ отреченіемъ отъ приписанныхъ ему (дѣйствительно неправильно) словъ, которыхъ онъ „не могъ" сказать. Этотъ мелочный поводъ такимъ образомъ послужилъ толчкомъ къ формальному и категорическому заявленію священника Дернова, что онъ желаетъ отторженія отца отъ дѣтей и мужа отъ жены — если они живутъ не вѣнчано. Не знаемъ, сколько было „непраздниво" дѣтей при Продѣ: но при исполненіи пожеланія Дернова конечно ихъ больше-бы „непраздновалось" въ Петербургѣ и Россіи. Но „возстаетъ Звѣзда отъ Іакова и вождь отъ чресль его..." *В. Р—въ.*

щеннымъ митрополитомъ с.-петербургскимъ Антоніемъ для разсмотрѣнія вопроса „о незаконныхъ сожительствахъ и незаконнорожденныхъ дѣтяхъ“, также нѣтъ и *не было назначаемо*. Прошу Васъ, многоуважаемый господинъ редакторъ, не отказать напечатать настоящее мое письмо въ ближайшемъ № вашей газеты и принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ Вамъ почтеніи и уваженіи.

Настоятель Петерб. Петропавловскаго придворнаго, что въ крѣпости, собора протоіерей *Александръ Дернов*ъ.

Спб., 18 сентября, 1899 г.

Евины внучки.

Не заграждай уста волу молотящему.
Ветхій Завѣтъ, „Второзаконіе“.

„И дурны мы, и дурно намъ“... сколько вѣроятно женщинъ произносятъ это внутреннее о себѣ сужденіе! Женщины вовсе не страдаютъ избыткомъ самовосхваленія, самовосхищенія. Попробуйте поговорить съ ними посерьезнѣе, „по душѣ“, и вы услышите горечь о себѣ и осужденіе себѣ. Журналисту, позволяющему себѣ касаться вопросовъ семьи, ребенка, супружества, приходится иногда получать письма читателей, читательницъ. Какъ серьезенъ ихъ тонъ, и какая въ общемъ строгость взгляда на себя. Это лишь снаружи кажется, что женщины какъ будто только скользятъ по паркету и шуршатъ платьями. Въ душѣ ея на самомъ дѣлѣ смятѣніе, недоумѣніе, иногда гнѣвъ; но болѣе всего, мнѣ кажется, недоумѣнія... „Дурны мы, но это отъ того, что намъ дурно“. Вспомнишь старика Шекспира и его вѣщее слово:

Все благо и прекрасно на землѣ,
Когда живетъ въ своемъ опредѣленьи;
Добро—вездѣ, добро найдешь и въ злѣ.
Когда-жъ предметъ пойдетъ по направленью,
Противному его предназначенью,
Но сущности добро—онъ станетъ зломъ.
Такъ человѣкъ: что добродѣтель въ немъ,
То можетъ быть порокомъ... („Ромео и Юлія“).

Газеты только-что принесли два впечатлѣнія о женщинахъ. Одно изъ нихъ письмо студента Каменскаго относительно поведенія астраханской публики, при появленіи на сценѣ мѣстнаго театра баритона г. Боброва, имѣвшаго печальную исторію съ дѣвушкою или, вѣрнѣе, съ которымъ имѣла печальную исторію съ печальнымъ концомъ одна дѣвушка въ Воронежѣ. Второе впечатлѣніе -горячій и неопытный разсказъ г. Антропова въ № 8809 „Нов. Вр.“. подъ заглавіемъ „Обуза“. Обуза—это ребенокъ для

женщины. Но не будемъ забѣгать впередъ, и разсмотримъ и по-судимъ нѣсколько оба впечатлѣнія по порядку.

„Былъ бѣденъ; думалъ принести со временемъ огромную пользу обществу, для чего дѣйствительно имѣлъ нѣкоторый талантъ; выискалъ совершенно ненужнаго человѣка и убилъ его, чтобы воспользоваться средствами: но тутъ запутался, размякъ какъ-то, пришелъ съ повинной въ полицію и былъ сосланъ": вотъ краткое resumé „Преступленія и Наказанія". Вѣрно оно? Конечно! Но можетъ-быть въ этомъ resumé есть и нѣкоторая ложь? Да, есть: ужасная ложь краткости! Можно вѣдь и всемірную исторію такъ резюмировать: „былъ Адамъ и согрѣшилъ; потомъ всѣ жили и грѣшили: потомъ пришелъ Христосъ и искупилъ грѣхъ, но люди всетаки и потомъ грѣшили; потомъ пришелъ антихристъ, и началось свѣтопреставленіе". Тоже истина и тоже ложь, и ложь въ томъ, что очень коротко. Точно такъ же если сказать: „влюбилась въ баритона; но онъ ее оставилъ; потомъ она отравилась" то ложь тутъ заключается въ какой-то огромной картинѣ, не разсказанной, не нарисованной, но бывшей, но совершившейся. Геній Достоевскаго сумѣлъ краткое resumé судебнаго протокола раздвинуть въ истинное и поразительное изображеніе души человѣческой и общества человѣческаго и логики человѣческой и суда Божія: и всѣ ужаснулись, научились, запомнили, не только у насъ, но и въ Европѣ: „такъ вотъ что значитъ убить". До сихъ поръ не нашлось писателя, который съ равною истиною и подробностью, тоже приблизительно на два тома разрисовалъ бы намъ одну строчку не рѣдкихъ газетныхъ хроникъ: „увлеклась: увлеченье было не удачно; покончила съ собой". Пушкинъ задѣлъ эту необозримую тему въ извѣстномъ стихотвореніи, какъ-то быстро запаскавшемся: „Подъ вечеръ осенью ненастной". Толстой ее же взялъ въ „Воскресеніи": въ „Фаустѣ" Гете въ сущности взята та же тема. Но все это бѣдно, какъ изображеніе: тутъ или много философіи, или много морали: но очень мала, очень кратка внутренняя душевная драма, и все-таки въ стихотвореніи Пушкина она наиболѣе выразительна:

Склонилась, тихо положила
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Взята минута; срисованъ образъ; точно изображена психологія, и затѣмъ—занавѣсъ. Толстой съ его огромнымъ изобразительнымъ талантомъ и всемірнымъ нравственнымъ авторитетомъ могъ-бы поднять огромное множество заключающихся здѣсь вопросовъ, но этого не сдѣлалъ. И мы остаемся при краткомъ resumé: „Увлеклась; увлеченіе было не удачно; и — отравилась во время, или убила ребенка, если во время не отравилась". И тоже занавѣсъ.

— Нѣтъ, знаете, въ каждомъ виновномъ есть искра истины,

и я ихъ прощалъ бы. Но кого я не простилъ бы никогда матьубійцу. Ее бы я засудилъ...

Такъ говорилъ однажды уже пожилой и очевидно очень умный и очень добрый „судебный человѣкъ". Онъ сказалъ рѣшительно, безапелляціонно. Помню, я какъ-то задрожалъ въ душѣ своей, моментально сливъ это слово съ однимъ дѣтскимъ своимъ впечатлѣніемъ. Отелилась у насъ корова, и вотъ теленочка приспудили заколоть, а что-бы корова не билась, привязали ее въ саду, далеко. Но корова ужасно все время билась и стонала, чувствуя ли или услышавъ что-нибудь изъ телячьяго крика. Не знаю, но фактъ запомнилъ. Лучше ли корова человѣка? Больше ли чувствуетъ? Не знаю. Кто это вѣшалъ, опредѣлилъ и рѣшилъ? А если никто это не рѣшилъ, то никто и не взвѣсилъ огромнаго ужаса и огромнаго мистицизма и огромной метафизики, въ одну секунду или минуту или часъ протекающій въ душѣ матери, которая наскоро своими руками придушиваетъ своего ребенка.

— Но вѣдь корова этого не дѣлаетъ, ни одна, никакая—скажутъ. Очевидно человѣкъ хуже коровы; убить такую.

— Но вѣдь коровѣ не стыдно своего теленка. Она живетъ объ одномъ впечатлѣніи: „жалко".

— Да.

— Человѣкъ живетъ о двухъ впечатлѣніяхъ: жалко и стыдно; и второе впечатлѣніе: „стыдно"—поборетъ первое.

— Такъ.

— Если никто не взвѣсилъ метафизики ужаса—убить своими руками своего ребенка, то никто кромѣ испытавшихъ и не взвѣсилъ особеннаго мистицизма этого стыда, котораго, замѣтьте, почти никто не выноситъ, и всѣ такихъ или подобныхъ дѣтей „отъ несчастной и роковой любви" или убиваютъ или скрываютъ какъ-нибудь. Цѣломудренные и циники, молодые и старые, мужчины и женщины—все равно.

— Удивительно.

— Съ удивленія начинается философія, какъ опредѣлили еще Платонъ и Аристотель. Я зналъ одного чиновника, до 45-ти лѣтъ ловеласа, объ исторіяхъ или „соблазненіяхъ" котораго постоянно говорилъ весь городъ. Красавецъ и умница, онъ успѣвалъ съ вдовами, замужними, барышнями; любилъ и коротко и длинно. Само собою никто и никогда его не осуждалъ, а ужъ онъ самъ себя въ душѣ всего менѣе. Онъ былъ въ мѣру богатъ, дѣлалъ много и безъ кичливости добра, а главное—былъ очень образованъ и неустанно въ хорошемъ расположеніи духа, такъ что живой самъ всѣхъ оживлялъ. Печаль его началась съ серьезнаго. Онъ „попался", т.-е. влюбился подлинно, горячо въ только-что окончившую курсъ институтку, и она въ него влюбилась, сбѣжала, пріѣхала въ нашъ городъ, и онъ ее какъ-то пріютилъ не у себя, а

возлѣ себя. Какъ было между ними, что было—гробовая тайна. Черезъ немного лѣтъ она умерла, оставивъ ему сына, и вотъ объ этомъ-то мальчикѣ мнѣ и пришлось услышать отъ стараго, стараго, семидесятилѣтняго протоіерея.

— Ну, какъ живетъ NN?

— Такъ же всѣми уважаемъ и любимъ, какъ всегда.

— У него былъ романъ? Какая-то дѣвушка? Настоящая любовь?

— Умерла, сына оставила.

— Учится?

Отецъ протоіерей былъ нашъ общій знакомый и потому могъ знать все. Онъ замялся и зашевелилъ губами. Потомъ, какъ-бы отдавая честь такту умницы-чиновника, объяснилъ какъ-то протяжно и виикновенно:

— Нѣтъ. Онъ его... скромно держитъ, во внутреннихъ комнатахъ. Такъ-что если кто приходитъ мальчикъ уходитъ. Нѣтъ, не отдалъ въ гимназію; можетъ-быть дома какъ-нибудь.

Я говорю съ удивленія начинается философія: пусть кто-нибудь объяснитъ, почему этотъ человѣкъ, никогда себя не осуждавшій и никѣмъ не осужденный никогда за связи въ чужихъ семьяхъ, за связи безъ глубокой любви и дѣтей—почувствовалъ стыдъ, да какой стыдъ, за любовь серьезную, съ ребенкомъ, и даже по всему вѣроятію съ настоящимъ отцовскимъ чувствомъ къ ребенку? Вотъ вамъ и метафизика. Прокрасться почью въ окно къ дѣвицѣ—ничего; и даже если завтра будетъ весь городъ разсказывать о приключеніи—все-таки ничего. Улыбнется и проговоритъ: „Пустое". Да и не скроетъ, что „не пустое"; такъ улыбнется, что очевидно будетъ собесѣднику, что „не пустое". Но открыть дверь дѣтской и сказать: „Коля, прокатимся!" и посадить его въ коляску съ собой, и провезти по городу, заѣхать въ лавку и купить игрушку и на завтра выслушать: „это вы съ кѣмъ катались?"—„съ сыномъ отъ дѣвушки одной, умерла, а мальчикъ остался—преспособный"—этого онъ никогда не скажетъ, и никто не скажетъ. А никто не скажетъ изъ мужчинъ, образованныхъ, самостоятельныхъ, не можемъ мы и ожидать, чтобы сказала о себѣ и вообще открылась „съ дѣтищемъ" хотя бы одна дѣвица. Отсюда веревка и камень ему на шею, или спички, кислота, отрава—себѣ. Половина на половину бываетъ. Слова отца-протоіерея, такъ глубоко поразившія меня мимою разсказа: „онъ держитъ его скромно, никому не показываетъ" эти слова такъ же мнѣ не давали покоя, какъ въ дѣтствѣ страшный ревъ коровы о теленкѣ. Долго я не спалъ потомъ и все вдумывался въ психологію мальчика, что онъ думаетъ, о чемъ догадывается, о чемъ и какъ—тоже въ длинныя ночи—недоумѣваетъ. Звонокъ, кто-то идетъ.

— Коля, иди въ свою комнату.

Коля ушелъ; Коля по тону чувствуетъ, что нужно итти поспѣшно. Гости ушли.

— Коля, ты тамъ? Поди сюда теперь.

Коля вышелъ.

— Папа, ты ѣдешь? Возьми меня съ собой.

Папа замялся, смущенъ:

— Мнѣ, Коля, по дѣлу, когда-нибудь потомъ...

Все это есть только распространеніе осторожнаго протоіерейскаго:

— Онъ его скромно держитъ.

Но какая связь и что общаго между протоіереемъ, семидесятилѣтнимъ, исполненнымъ дѣйствительнаго такта и благоразумія (онъ таковъ былъ), и между этимъ чиновникомъ, любителемъ естествознанія, выписывавшимъ четыре газеты и много журналовъ, много путешествовавшимъ, добрымъ, ласковымъ? Ничего общаго! Но въ данномъ пунктѣ точка зрѣнія одна. Что въ этой точкѣ зрѣнія поразительно, такъ это то, что осужденіе внѣшнее и внутренній стыдъ относится къ серьезному. Шалимъ, шалимъ— нѣтъ стыда; вдругъ серьезное—ужасный стыдъ! позоръ! невыносимое! Полюбилъ настоящимъ образомъ—невыносимо стыдно! Родился ребенокъ—ну, это ни въ книгу вписать, ни перомъ не описать. Да почему?—Никто не понимаетъ.

Отецъ протоіерей сказалъ бы:

— Пусть бы повѣнчался, тогда бы и не стыдно. Тогда и въ гимназію могъ бы отдать.

— Но вѣдь не вѣнчавшись же онъ влѣзалъ въ окно къ дѣвицѣ N, и жилъ семь лѣтъ, душа въ душу, съ замужнею M?

— Этого никто не видѣлъ.

— Но всѣ знали и никто не осуждалъ. Напротивъ, всѣ сочувствовали. Всѣ явно знали и явно сочувствовали, какъ теперь явно всѣ засмѣялись-бы... Да вѣдь онъ и читаетъ Спенсера, любитъ естествознаніе, и ужъ простите, батюшка, но шила въ мѣшкѣ не утаишь: вся церковь и тѣмъ паче вѣнчаніе для него не составляютъ чего-то особеннаго. Почему же онъ самъ въ душѣ стыдится—и необоримо? А при вѣнчаніи дѣйствительно не стыдился бы самъ и въ душѣ своей? Тутъ скорѣй отсутствіе какого-то всемірнаго согласія...

— Какого-же?

— Очевидно онъ взялъ бы своего ребенка на руки и не спустилъ бы его съ колѣнъ, если-бы всемірно услышалъ: „радуемся тебѣ и ему и вашей связи“. Но какъ предчувствуетъ всемірное: „осуждаемъ тебя и его и вашу связь родительства“,— то хоть онъ и любитъ Спенсера— а передъ этимъ пасуетъ. Тутъ гипнозъ, а не логика. И давленіе этого-то гипноза, котораго нѣтъ для коровы, а есть для женщины и объясняетъ огромную разницу

въ поступкахъ одной и другой. Женщина не ниже коровы, и г. судья ошибся; но она гораздо несчастнѣе коровы, неизмѣримо. Корову отводятъ въ сторону, когда колютъ теленка, но женщинѣ даютъ его въ руки и говорятъ:

— Поди, убей сама.

Черезъ тысячелѣтіе она притупилась, и, можетъ-быть (хоть я и не вѣрю) иногда нѣкоторыя уже хладнокровно смотрятъ на смерть дѣтей. Читали вы, года три назадъ было сдѣлано любопытное наблюденіе, что телеграфная проволока по пятницамъ и субботамъ менѣе проводитъ телеграммъ, чѣмъ во вторникъ и особенно въ понедѣльникъ. Она устаетъ. Проволока устаетъ, утомляется, -такъ объясняли физики, этими словами. Устала и женщина. Проволока черезъ семь дней дѣйствія размагничивается: черезъ тысячу лѣтъ все стыда и все дѣтоубійства женщина... разматерѣла, что ли. Струны материнства ослабли и частью порвались. Это есть.

Когда-жъ предметъ пойдетъ по направленью,
Противному его предназначенью,
По существу добро—онъ станетъ зломъ...

*
* *

Мнѣ кажется, мы живемъ наканунѣ глубочайшаго преобразованія воззрѣній на семью, дѣтей, супружество, — потому что въ томъ кругѣ понятій, въ которомъ мы выросли насчетъ всего этого, нельзя и предвидѣть конца дѣтоубійства. Студенты, ошикавшіе въ Астрахани г. Боброва, стоятъ на новой точкѣ зрѣнія; самъ г. Бобровъ, заявившій, что романъ съ дѣвушкою „его домашнее дѣло", и астраханская публика, желавшая, чтобы онъ „цѣлъ" — стоятъ на старой точкѣ зрѣнія. Какова она? Въ чемъ она состоитъ?

„ — Дѣвушка отдалась; но не обязанъ же я ее любить: она покончила съ собой, но это ея дѣло, а не мое дѣло". Таково resumé надъ усопшей г. Боброва.

„— Дѣвушка сбѣжала отъ родителей и бросилась на шею мужчинѣ. Таковская была и таковскую получила себѣ смерть. Пойте, г. Бобровъ".—Это resumé слушателей въ театрѣ.

„— Вовсе нѣтъ. Дѣвушка какъ дѣвушка—Евина внучка. И мы такія, и матери наши были такія, и весь родъ человѣческій и все существо рода человѣческаго такое же, и изъ этого существа льется бытіе міра. Различны степени и различно состояніе горячности или холодности, наивности или опыта, довѣрчивости или подозрительности. Но вотъ гдѣ начинается дурное—въ вѣроломствѣ, злодѣйствѣ, жестокосердіи. Эта сторона лежитъ въ васъ, г. Бобровъ, и мы васъ судимъ". Таковъ, я думаю, взглядъ шикавшихъ въ театрѣ.

„ — Но кто далъ вамъ право, когда это совершенно частно?..

„— Право совѣсти человѣческой у насъ, право солидарности и слитности всего человѣчества, по которому погибшую мы признаемъ сестрою нашею, а васъ считаемъ какъ бы въ родѣ Каина... Ибо всѣ подобныя исторіи кончаются кровью, чьею-нибудь — но кровью: и вы въ ваши зрѣлые годы и съ вашимъ опытомъ шли на кровь...

„— Но что́ вы за судьи?..

„— Какъ греческіе судьи, которые въ нѣкоторыя минуты обращали театръ въ судъ, гдѣ произносились даже рѣчи, обвинительныя и защитительныя, и гдѣ эллинское общество также иногда, какъ и астраханское, кричало: „вонъ“. У грековъ, говорятъ, мертвая была совѣсть, еще не пробужденная закономъ христіанскимъ, а у насъ, христіанъ, уже совѣсть проснувшаяся, живая; но у насъ, христіанъ, вотъ такимъ артистамъ, какъ вы, кричатъ: „пойте, г. теноръ, а что тамъ за вами кровь—намъ это не интересно“, а у эллиновъ такимъ, какъ вы, „не давали огня и воды“. Такъ и постановляли въ случаяхъ нравственнаго негодованія: „лишить такого-то огня и воды“, т.-е. разобщиться съ нимъ глубочайшимъ образомъ, какъ бы изгнать его въ пустыню. „Ты Каинъ—иди въ пустыню; нѣтъ тебѣ съ нами мѣста, нѣтъ тебѣ воды изъ нашего колодца, и огня—отъ нашего очага. Мы не родня тебѣ болѣе, ибо ты самъ порвалъ съ нами общечеловѣческое родство“.

„— Но вѣдь домашнее дѣло, главное—домашнее...

„— Гдѣ уже два человѣка, вы и пришедшій со стороны—дѣло не домашнее, а именно общественное. Мы васъ и не судимъ закономъ, а судимъ совѣстью; и по совѣсти это—общее дѣло, глубоко-общечеловѣческое“.

* * *

Разсказъ „Обуза“ горячъ и не опытенъ. Взятъ фактъ—чрезвычайной холодности матери къ ребенку и чрезвычайной горячности отца къ ребенку. Ребенокъ гибнетъ, отданный на сторону.

„— Мнѣ не ловко было держать его у себя,—говоритъ въ оправданіе себѣ мать.

„— Ему не ловко показывать его другимъ“,—глубокомысленно и дальновидно объяснялъ мнѣ о чиновникѣ-отцѣ отецъ протоіерей.—Оба прячутся: но въ результатѣ—только спрятаны косточки ребенка. Это никогда не прекратится. Не забуду разсказа одной ветхой-ветхой бабушки. Приходитъ изъ церкви и говоритъ: „Такъ я полюбовалась. Оба бѣдные пре-бѣдные, студентъ и жена его—съ ребенкомъ. Пришли молитву брать. И все-то онъ нѣтъ-нѣтъ и осмотритъ одѣяльцо у ребенка или у ней кофту: не дуетъ ли, не холодно ли. Ужъ такой заботливый.

Кто наблюдателенъ, не можетъ не замѣтить кое-какихъ перемѣнъ въ юнѣйшемъ нашемъ поколѣніи. Напр. не знаю, обращалъ

ли кто вниманіе, какъ теперь много молодыхъ людей не курящихъ; слишкомъ много, до половины,—когда прежде всѣ и сплошь курили. Не думаю, чтобы это можно было приписать сколько-нибудь проповѣди Толстого; „не одурманиваться", потому что между некурящими множество не только не слѣдуютъ въ чемъ-нибудь Толстому, но прямо не любятъ и подсмѣиваются надъ его идеями. Тутъ движеніе какое-то органическое, и оно принадлежитъ не Ивану или Петру, а полосѣ людей. Вообще въ исторіи есть органическія перемѣны. Какъ много стало умирать отъ рака, а прежде это была болѣзнь рѣдкая, исключительная; прежде холера шла какъ смерчъ, теперь она входитъ въ городъ и никто ея не пугается. Слѣдовательно есть, идетъ полоса предрасположенности къ извѣстной болѣзни или напротивъ какъ бы застрахованности отъ другой болѣзни. Причина здѣсь и тамъ очевидно не въ самой болѣзни, въ ея объективныхъ данныхъ, а въ субъективномъ преобразованіи организма, тонкомъ, не изслѣдимомъ. Въ области куренія очевидно была прежде липкость къ никотину; но она прошла, и мы вошли въ полосу нерасположенія, отталкиванія отъ никотина. Возможно, что пронзойдутъ со временемъ такія же перемѣны или колебанія въ отношеніи къ чаю, кофе, алкоголю. Но разсказъ ветхой старушки обратилъ мое вниманіе вообще на большее вниманіе, нѣжность и деликатность юнаго поколѣнія въ отношеніи къ женщинѣ. Какое множество старыхъ холостяковъ было въ прежнее время. Цѣлое сословіе, со своимъ бытомъ, характеромъ, привычками, забавами. Теперь такое же огромное обиліе молодыхъ семей, самыхъ юныхъ, порой быть-можетъ необдуманныхъ, но семей. Я зналъ одну мать семьи, чрезвычайно крѣпкаго характера и большого ума, которая въ отчаяніе пришла отъ сыновей:

— Едва стукнетъ 23 года—онъ женится.

У ней было трое сыновей и всѣ поступили такъ, вопреки просьбѣ матери—подождать, кончить курсъ, опредѣлиться въ соціальномъ положеніи. Совѣты, угрозы, приказанія все было напрасно. Всѣ трое женились и тотчасъ встали въ тягло упорной, трудной работы, но весело. Я наблюдаю инстинктъ и говорю только объ инстинктѣ, и указываю, что какъ теперь общее и безотчетное отталкиваніе отъ никотина, такъ сдѣлалось общее и неудержимо влеченіе стать къ женщинѣ въ близкія и одновременно уважительныя отношенія. Это носится въ воздухѣ, это есть. И какъ горячая выходка студентовъ въ Астрахани, такъ и разсказъ г. Антропова, автора-мужчины можетъ быть не стараго и даже можетъ быть юнаго—суть показатели одного историческаго вѣянія.

Вотъ почему, я думаю, Евины внучки, которымъ дѣйствительно долго было „дурно и онѣ сами дурны" были, находятся все-таки

наканунѣ нѣсколько лучшей судьбы. Есть много симптомовъ, что уваженіе къ женщинѣ поднимается; и оно поднимается не въ отношеніи къ женщинѣ-дамѣ, даже не къ женщинѣ-труженицѣ; но къ ней въ извѣчныхъ ея путяхъ, къ которымъ могутъ быть отнесены слова Шекспира:

Все благо и прекрасно на землѣ,
Когда живетъ въ своемъ опредѣленьи.

Мнѣ пришлось истекшую зиму выслушать разсказъ — очень трогательный, и который очень могъ кончиться, какъ у г. Боброва. Дѣвушка, пріѣзжая въ Петербургъ, съ цѣлями ученья, очутилась въ томъ же положеніи, какъ и жертва г. Боброва, но съ другимъ геромъ. Мнѣ передавала сестра милосердія, прислуживавшая въ родовспомогательномъ заведеніи:

— Если бы вы знали, до чего на нихъ смѣшно было смотрѣть. Онъ не отходилъ отъ нея, приходилъ каждый день. Оба были веселы, никакого унынія. Обсуждали время свадьбы и какъ извѣстятъ родныхъ.

И сестра милосердія радовалась, передавая о нихъ. Свойство радости—родить радость же, какъ свойство унынія—родить уныніе. Что можетъ быть болѣе унылаго, чѣмъ повѣсть г. Боброва? Непонятно, какъ онъ могъ раскрыть ротъ и запѣть потомъ. Какія тутъ пѣсни... Случаи, подобные его, развѣ что прекратятся передъ свѣтопреставленіемъ, но какъ міръ стоитъ—такъ съ начала міра и эти случаи есть. Смерть побѣдила бы, если бы не побѣждалась рожденіемъ. Благословенна всякая побѣда надъ смертью, т.-е. благословенна всякая родившая и все рожденное. Нельзя задавить рожденную мышь, не то что человѣка. Объ этомъ опять хорошо послушать старыхъ людей. Я вошелъ разъ въ комнату, обмахиваясь вѣточкой яблони.

— Что вы это сдѣлали?

— Что?

— Сорвали?

— Что сорвалъ?

— Зачѣмъ вы сорвали вѣтку. Она вся обсыпана молодыми яблочками.

Я и не досмотрѣлъ. Маленькіе были; шелъ іюнь или май. Но съ тѣхъ поръ я запомнилъ это, семь лѣтъ назадъ услышанное восклицаніе очень почтенной шестидесятилѣтней старушки. Ей не яблоковъ было жалко—отъ кислой, нехорошей яблони, въ запущенномъ саду, куда никто и не ходилъ. Но какъ я *прервалъ жизнь* -вотъ это ей не понравилось и это она осудила. И такимъ тономъ, судящимъ и строгимъ, что мнѣ стало стыдно.

Такъ то́ яблоня, а это человѣкъ.

Споръ объ убитомъ ребенкѣ.

Не вари козленка въ молокѣ его матери.
Ветхій Завѣтъ „Второзаконіе“.

О, другъ! ты жизнь влачишь, безъ пользы увядая,
Пригнутая къ землѣ какъ тополь молодая;
Поблекла свѣжая вѣтвей твоихъ краса,
И листья кроетъ пыль и дольняя роса.
О долго-ль быть тебѣ печальной и согнутой!
Смотри, пришла весна, твои не крѣпки путы—
Воспрянь и подымись трепещущимъ столбомъ,
Вершиною шумя въ эѳирѣ голубомъ.
Гр. А. Толстой.

Публицистъ не можетъ не отмѣтить съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, что число нравственныхъ темъ, занимающихъ общество, расширяется и самый этотъ интересъ къ нимъ живъ, длителенъ, кажется—глубокъ. Пріятно также, что отдѣльные казусы общественной жизни мысль общества и печати стремится возвести къ высшему синтезу, пытается найти отвѣтъ на нихъ и успокоеніе своей совѣсти не въ ходячей морали и временныхъ правилахъ, а въ нѣкоторой философской концепціи.

Авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ „Сѣрый“, обсуждаетъ въ „Гражданинѣ“, по поводу моихъ „Евпыхъ внучекъ“, очень интересный вопросъ о такъ называемыхъ незаконнорожденныхъ дѣтяхъ. Между прочимъ, онъ думаетъ, что сама французская революція не совершилась-бы, не будь этого понятія и раздѣленія дѣтей на „законныхъ“ и такъ сказать, „беззаконныхъ“. Мысль совершенно новая, но почти вѣрная. Онъ говоритъ: „Если-бы въ аристократическія семьи вливалось все то, что являлось плодомъ ихъ шалости и увлеченія (авторъ забываетъ, сколько тутъ было настоящей романтической любви!), то очень скоро эти семьи расплывались-бы въ народной массѣ, обѣднѣли-бы (т. е. въ пользу дѣтей народа). Если-бы всѣ дѣти, рождавшіяся отъ гордыхъ маркизовъ и князей внѣ брака, считались законными, я думаю не было-бы

французской революціи, а у насъ крѣпостное право обрушилось-бы лѣтъ за 50 до 61 года. Всѣ неровности въ человѣчествѣ, созданныя рожденіемъ и состояніемъ, безъ всякихъ насилій и революцій могли-бы сгладиться только поднятіемъ этого, накрѣпко спущеннаго шлюза, отдѣляющаго дѣтей законныхъ отъ незаконныхъ. Дайте имя и права *всякому* (его курс.) рожденному ребенку, и черезъ столѣтіе не будетъ богачей, а титулы сдѣлаются также распространены, какъ болѣзни. Болѣе того: мнѣ кажется тогда-бы не было и такого количества, какъ теперь, адюльтера: его-бы сковывалъ страхъ крови, страхъ за свое имущество и наслѣдство".

Послѣдняя мысль очень цѣнна, но остановимся на первой. Дѣйствительно у древне-еврейскаго народа и въ современной намъ Турціи, двухъ племенахъ и религіяхъ, столь противоположныхъ во всемъ, не образовывалось никогда родовой аристократіи и имущественнаго капитализма въ силу выпаденія понятія: „не законное рожденіе". „незаконныя, безправныя и не наслѣдующія дѣти". Кровь каждаго расплывалась въ народной массѣ и расплывалось въ бѣдности имущество. Вспомнимъ богача Вооза и нищенку Руѳь въ библіи. И, дѣйствительно, тутъ невозможна революція и классовой антагонизмъ, потому что тутъ они означали-бы возстаніе на себя, антагонизмъ дѣтей противъ родителей. Удивительно, какъ эта простая мысль никогда не приняла на умъ какъ историкамъ, такъ и соціальнымъ реформаторамъ. Признай законъ права рѣшительно каждаго ребенка на имя отца и на равную со всѣми другими рожденными отъ него дѣтьми часть имущества, наслѣдства, и во-первыхъ каждый отецъ остерегся-бы переходить отъ романа къ роману, отъ дѣвушки къ дѣвушкѣ; но затѣмъ, такъ какъ все-таки нѣкоторая доля теперяшняго кажущагося адюльтера сохранилась-бы,—всѣ стали-бы немножечко „князьями", какъ казанскіе татары, и едва-ли-бы сохранились оптиматы, какъ Ротшильды, Струсберги, Корзинкины, Мамонтовы. Все немножко растворилось-бы, уравнялось. И, вмѣстѣ, замѣтимъ: чувство породы человѣческой, чувство славы рода человѣческаго—не понизилось-бы. „Ни одинъ царь не имѣлъ иного начала для рожденія: одинъ для всѣхъ входъ въ жизнь и одинаковый исходъ", говоритъ „Книга Премудрости Соломоновой" (гл. 7. ст. 5—6). Да, могила и материнское чрево—два равные абсолюта. Развѣ аристократія унижается отъ того, что она входитъ въ могилу „въ ногу" съ демократіей?!

Статья автора вызвана инцидентомъ г. Боброва съ несчастной воронежской дѣвушкой и удѣлитъ долю вниманія моимъ мыслямъ объ этомъ-же случаѣ въ „Еввиныхъ внучкахъ". Я указалъ тамъ, что причина самоубійства дѣвушекъ „отъ несчастной любви", какъ и убійства ими дѣтей своихъ, кроется въ гипнозѣ стыда,

идущемъ отъ раздѣленія любви на „законную“ и „беззаконную“ и самаго рожденія на „законное“ и „беззаконное“. Не будь этого дѣленія, убійства не было-бы. Нѣтъ и вѣроятно отъ начала міра не было случая, чтобы, родивъ законнаго ребенка, женщина задушила его, или законно зачавъ - удавилась-бы, утопилась, приняла кислоту или спички. Такимъ образомъ эти убійства суть остатокъ вычитанія изъ любви и рожденія вообще — любви и рожденія, закономъ не допущенныхъ. „Довольно, не надо болѣе“! И остатокъ—убивается. Матери играютъ здѣсь совершенно пассивную и едва-ли ими отчетливо понимаемую роль. Чтобы нѣсколько поддержать въ „падающемъ духѣ“ матерей, я предложу слѣдующій діалогъ между ними и закономъ, въ сущности не только возможный, но и дѣйствительно происходящій, только безмолвно:

Законъ. Если-бы вы родили въ бракѣ—и не вынуждены были-бы убивать. Сами виноваты.

Матери. Мы-бы и родили въ бракѣ, очень-бы рады были. Но брака намъ не дали, въ него не позвали, и вообще этого для насъ не сдѣлали. Виноватъ законъ.

Діалогъ этотъ очень трудно разсудить, т.-е. дѣйствительно трудно опредѣлить, кто тутъ виновный: дѣвушки-ли порознь и лично каждая, или нѣсколько виновенъ самый законъ. Но никакъ нельзя отрицать, что отъ сложенія міра и до сихъ поръ едва-ли была дѣвушка, которая-бы предпочла родить „такъ“ и отказалась-бы своею и доброю охотою отъ супружества. Всѣ легенды и мины о нихъ вѣдь въ сущности укладываются въ формулу:

— Развратница. Установленъ бракъ, а она не захотѣла. Не пошла лошадь въ хомутъ, а предпочла чистое поле. Ну, и родила. А родивши - испугалась, и сперва сама пыталась отравиться, а когда не удалось—убила ребенка.

Конечно, этого никогда не бываетъ. Конечно, дѣвушка раньше рожденія была глубоко несчастна, что полюбила человѣка, съ которымъ или невозможенъ бракъ, законодательно не установленъ, или который ее не захотѣлъ взять въ полное законное супружество по недостатку въ ней суммы имъ требуемыхъ качествъ:

— Я некрасива.

— Я бѣдна.

— Я уже не молода.

— У меня нѣтъ привѣтливаго и милаго характера.

Въ общемъ:

- Мы не настолько нравились, чтобы насъ взять замужъ.

Увы! Это вѣчная исторія еще съ сложенія міра. Всегда были дѣвушки некрасивыя, бѣдныя, злыя, старыя: но и одѣтъ, и другимъ, и третьимъ, въ ихъ позднемъ и старомъ, а можетъ-быть юномъ и неудачномъ дѣвичествѣ, мерещилась эта мысль:

— Я горю, какъ одна свѣча, и догораю какъ одна свѣча. И погасну. И нѣтъ у меня племени и некому будетъ придти на могилу мою.

По моему мнѣнію, чувство безконечной, *міровой* сиротливости присуще такимъ дѣвушкамъ „за флагомъ". „Мы -одни въ мірѣ, у насъ нѣтъ родства". Я думаю, это безконечно глубокое чувство, въ психологію котораго мы, мужчины, не заглядывали. И вотъ, въ оправданіе дѣвушекъ, я не могу не припомнить строкъ изъ вѣчно святой Библіи. Оговорюсь для избѣжанія соблазна. Можемъ-ли мы думать, чтобы написатель Библіи что-нибудь включилъ въ нее безъ смысла и намѣренія: и если сюжетъ явно соблазнительный, не очевидно-ли, что онъ включенъ въ Священную Лѣтопись первыхъ людей вовсе не для соблазна, но для какого-нибудь размышленія, поученія, которое мы въ немъ должны умѣть прочесть: „И вышелъ Лотъ изъ Сигора и сталъ жить въ горѣ и съ нимъ двѣ дочери его: ибо онъ боялся жить въ Сигорѣ. И жилъ въ пещерѣ и съ нимъ двѣ дочери его. И сказала старшая младшей: Отецъ нашъ старъ; и нѣтъ человѣка на землѣ, который вошелъ-бы къ намъ по обычаю всей земли: итакъ, напоимъ отца виномъ и переспимъ съ нимъ и возставимъ отъ отца нашего племя [1])... И сдѣлались обѣ дочери Лотовы беременными отъ отца своего. И родила старшая сына и нарекла ему имя: Моавъ, говоря: *это отъ отца моего*. Онъ отецъ моавитянъ до нынѣ. И младшая также родила сына, и нарекла ему имя: Бенъ-Амми, говоря: *вотъ сынъ рода моего*. Онъ отецъ аммонитянъ до нынѣ". (Бытія, гл. 19, ст. 30—38). Что-же здѣсь могло быть такого, что побудило бытописателя включить этотъ, вовсе ненужный для пониманія судебъ народа Божія, разсказъ въ скрижали священной исторіи? Только одна строка: „нѣтъ человѣка на землѣ, который вошелъ-бы къ намъ по обычаю всей земли". Вотъ ради этихъ словъ включено все событіе въ нить устроенія народа Божія на землѣ, и

[1]) Буквальный переводъ г. *Мандельштама* выразительнѣе (именно—физіологичнѣе, какъ и отвѣчаетъ духу разсказа): „И поселился Лотъ въ горахъ, и обѣ дочери его съ нимъ.. И старшая сказала младшей: отецъ нашъ старъ, а мущины нѣтъ на землѣ, чтобы сойтись съ нами по обыкновенію всей земли. Пойдемъ, напоимъ отца нашего виномъ, и ляжемъ съ нимъ, и оставимъ отъ отца нашего живое потомство.. По утру сказала она младшей: Вѣдь, вчера я лежала съ отцомъ нашимъ; напоимъ его виномъ и въ эту ночь: поди, полежи съ нимъ, и оставимъ отъ отца нашего живое племя.. И забеременѣли обѣ отъ отца своего". Именно, *нужда* крови была здѣсь—и Бытописатель оттѣнилъ ее: въ не буквальномъ русскомъ переводѣ, напр. черезъ незамѣтную перемѣну: „стали беременны" (*безлично, страдательный залогъ*, какъ-бы „по неволѣ") вмѣсто *личнаго* и *энергичнаго* и правдиваго: „забеременѣла", вводится нѣкоторое скопчество: разсказъ превращается просто въ легенду, fabul'y- и смыслъ его не ясенъ для читателя, какъ не былъ никогда комментированъ и богословскою наукою.

даже въ нить устроенія человѣчества на землѣ. Рѣчь—грустна, тосклива; сестры совѣтуются; должно рожденіе побѣдить смерть: вѣдь у нихъ ключи жизни и бытія, за которые онѣ отвѣтственны. И обѣ какъ-бы въ сомнамбулическомъ снѣ, во время котораго человѣкъ проходитъ надъ пропастью по тонкой и хрупкой дощечкѣ, прошли и взяли что̀ нужно, что̀ указано вѣчною природою, съ трепещущимъ сердцемъ, по всему вѣроятію съ крайнимъ страхомъ и... не загасли какъ свѣчка, по имѣли вѣчную молитву послѣ себя и о себѣ въ своемъ потомствѣ. Вотъ что̀ хотѣлъ сказать бытописатель; и хотѣлъ какъ-бы предостеречь родителей, и племена, и законъ: что, если они стануть на дорогѣ рожденія—женщина все-таки станетъ рождать; рухнетъ подъ ней дощечка—и все-таки она будетъ рождать, даже не останавливаясь передъ поступомъ, описаннымъ въ Бытіи, или... передъ грѣхомъ дѣтоубійства, какъ въ наши дни. Словомъ—тутъ абсолютъ. По и кромѣ того: если-бы сила рожденія въ своей непобѣдимости не доходила до этихъ вершинъ, описанныхъ здѣсь Моисеемъ, и въ случаѣ крайности даже черезъ нихъ не переступала конечно смерть, не знающая для себя законовъ, одолѣвающая препоны воли нашей, давно-бы одолѣла рожденіе и одна царила на землѣ. Такъ называемое „беззаконное рожденіе“,—а описанное-ли Моисеемъ не входитъ въ эту рубрику!—и стоитъ одно несокрушимымъ и несокрушаемымъ залогомъ, что мы мистически и религіозно обезпечены въ побѣдѣ надъ смертью: это—какъ радуга, данная Ною, что „потопа больше не будетъ“! Безъ него какихъ законовъ, необдуманныхъ и неосторожныхъ, могъ-бы натворить,—да и натворилъ вѣдь,—человѣкъ о родникѣ своего бытія. Теперь-же, когда потокъ жизни хлещетъ черезъ всякій неосторожный заборъ, и дѣвушки, даже вынужденныя убивать рожденное, все-же опять и снова рождаютъ, убиваются сами—и рождаютъ, квіетизмъ человѣчества обезпеченъ. „Ключи жизни“ ввѣрены герою и ангелу.

— Но вѣдь безъ закона? закричатъ мнѣ.

— Но почему-же вы думаете, что въ іерархіи законовъ, мистическихъ и міровыхъ, тотъ, которому онѣ повинуются, не есть высшій и въ силу-то этого болѣе неодолимый, чѣмъ другой, и болѣе новый и менѣе основной, изъ повиновенія которому поэтому единственно онѣ и вышли. Тутъ два закона. И болѣе первоначальный и іерархически высшій—беретъ перевѣсъ. Даже брезжится, что объ этомъ опять есть что-то въ вѣчной Библіи: „И Господь сказалъ Змію: такъ-какъ ты сказалъ это, то проклятъ ты болѣе всякаго скота и животнаго полевого... И положу Я *вражду между тобою и женщиною, между дѣтенышемъ твоимъ и между дѣтятею ея*: оно уязвитъ тебѣ голову, а ты уязвишь ему пяту“ (Бытіе, гл. 3; буквальный переводъ съ еврейскаго, Мандельштама. Берлинъ). Нисколько это не мессіанское пророчество, какъ объ-

ясняли въ средніе вѣка, что̀ очевидно изъ слова „женщина“, а не „дѣва“, отъ коей имѣлъ родиться Спаситель міра. Говорится тутъ о „женщинѣ“, т.-е. *не* о Маріи-*Дѣвѣ*, и, слѣдовательно—не о Спасителѣ; а излагается, показывается, что отнынѣ борьба съ злымъ началомъ будетъ происходить у павшаго человѣка на поприщѣ рожденія, и только рожденіемъ однимъ будетъ побѣждаться имѣющій у себя „ключи бездны“, „врата ада“ начальникъ Смерти. Древній Змій вождь смерти! Вотъ вѣчный могильщикъ! Онъ и принесъ смерть первому человѣку, безсмертно созданному. На другомъ полюсѣ—вѣчная Ева, отпрыски которой—наши бабушки, матери, сестры, дочери, внучки. И онѣ вѣчно поражаютъ „въ главу“ врага рода человѣческаго тѣмъ самымъ, чему мы такъ напрасно и грѣшно и безсильно противимся черезъ останавливающее ученіе о какихъ-то „незаконныхъ рожденіяхъ“.

Поразительно, однако, что демоническая „вражда къ сѣмени жены“ и выражается такимъ темно-свѣтнымъ фактомъ, какъ умерщвленіе младенцевъ. Книга Бытія сейчасъ оправдывается самой психологіей явно сатаническаго здѣсь ужаса. И все-таки „дѣтеныша женщины“ побѣждаетъ этого „дѣтеныша ехидны“. „Убью, уступая; и все-таки—уступивъ опять вдвойнѣ рожу“.

Да, все это—большая мистика. По нашимъ правиламъ, какъ легко судить: „не велятъ—не послушалась теперь кайся“. Но правила эти очень недавни, а законъ рожденія—отъ Авраама, Лота, отъ Ноя, Адама, Бога. Тема незаконнаго рожденія—неизслѣдимо глубокая, и богословъ, философъ найдутъ здѣсь обширное поприще для размышленія. Было обѣщано такое „благорастореніе воздуховъ“, что и прядь льна курящагося не будетъ погашена. Это у древнихъ пророковъ. Какой образъ, какое сравненіе: случайно и не нужно вы зажгли прядь льна и бросили на землю. И вотъ она тлѣетъ и только дымитъ; пророкъ взялъ это не нужное какъ примѣръ бытія ничтожнаго и предрекъ, что настанетъ такое сліяніе бытія и Божія благословенія надъ бытіемъ, что даже и эту курящуюся прядь льна Богъ не допуститъ никого загасить. Курится—и пусть курится, какъ растетъ дерево—и пусть растетъ, все во славу Господню. Еще вспомнимъ о Ниневіи, которой за ея великія грѣхи Богъ послалъ Іону проповѣдывать гибель, и Іона проповѣдывалъ и потомъ вышелъ изъ города и, сѣвъ подъ кустъ, сталъ ждать исполненія пророчества. И сказалъ ему Господь: „тамъ двѣсти тысячъ младенцевъ, не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой: неужели я ихъ погублю?“ Эта милость была въ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ, насъ научили, ужъ и нѣтъ ничего кромѣ „око за око“... Но вотъ мы живемъ въ новыя измѣнившіяся времена, въ которыя гонимая осужденіемъ дѣвушка съ ребенкомъ имѣетъ всѣ основанія воскликнуть:

Не вѣрю я и „льну курящемуся не погашаемому“; или

по крайней мѣрѣ—это не для меня. И вотъ я погашу жизнь своего ребенка, а потомъ скажу небу: „Ей, гряди Господи! И открой истинное царство истиннаго не погашенія льна курящагося. Ибо то, которое было не то, которое обѣщано".

Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно страшно было бы такой дѣвушкѣ объяснять, что теперь уже „всѣ примирены" и „другъ друга обымемъ" и „грѣха больше не будетъ" и „смерти больше не будетъ" и „всѣ любимъ другъ друга" даже до пресыщенія. Она, захохотавъ въ отвѣтъ, можетъ только указать на косточки своего ребенка:—„И льна курящагося не угашаете?!"

* * *

У г. Сѣраго есть и сбивчивость понятій, и вѣрныя мысли. Онъ какъ будто усиливается пробится къ свѣту, и часто только старая терминологія становится между имъ и искомою истиною. Старыя слова: „адюльтеръ", „наложничество", „любовница", „любовь", „бракъ"—все путается у него. Возьму я сосудъ съ водою. Это—рожденіе, рождаемость, всемірная. Теперь я опущу кисть руки въ воду. Конечно—образуется правая и лѣвая отъ нея сторона. Ну, пусть одну назвалъ онъ „бракомъ"; тогда конечно другая будетъ „не бракъ", при одномъ существѣ рожденія, и даже при лучшей полнотѣ условій рожденія въ смыслѣ вѣрности, цѣломудрія, любви, согласной жизни супруговъ (рождающихъ). Какъ только бракъ опредѣлился не черезъ рожденіе, т.-е. не черезъ свою сущность, такъ очевидно должны были получится внѣ-брачныя рожденія. Ихъ началъ тотъ, кто далъ браку невѣрное опредѣленіе, какъ не вѣрно опредѣляются математическія задачи, ошибочно произносятся формулы. Я опредѣлю человѣка въ древне-эллинскомъ смыслѣ: „человѣкъ есть существо свободное"; тогда конечно всѣ рабы будутъ „не люди"! Но вѣдь тутъ погрѣшность опредѣленія, а не дефектъ существа. Спаситель опредѣлилъ бракъ по существу. Въ единственномъ случаѣ, когда при вопросѣ фарисеевъ о разводномъ письмѣ Ему пришлось выразиться о бракѣ, Онъ отвѣтилъ искушающимъ Его: „Не читали-ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ (Бытіе, 1)? И сказалъ Сотворившій: посему оставитъ человѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два одною плотью (Бытіе, 2); такъ что они уже не двое, а одна плоть. Итакъ, что̀ Богъ сочеталъ—человѣкъ да не разлучаетъ" (Мато., 19). Не очевидно ли, что это сказано о всей суммѣ *произрастанія* человѣческаго, рождаемости человѣческой; и въ этихъ единственныхъ словахъ о бракѣ онъ опредѣленъ черезъ рожденіе, и даже короче и у́же—черезъ „прилѣпленіе" половъ. Что-же, проведена-ли здѣсь линія между способами рожденія въ „адюльтерѣ", „наложничествѣ", „любви" и прочее? Не сотворено самого понятія этого. Поэтому, начали эру

„незаконныхъ рожденій“ не дѣвушки, но тотъ, кто, сойдя съ этого опредѣленія брака по его существу, замѣнилъ его другимъ, по по существу: какъ-бы опустивъ въ бассейнъ съ водою руку, назвалъ воду въ право отъ нея похвальнымъ именемъ, а въ лѣво порицательнымъ. Ну, какъ назвалъ,—такъ и получилось. Но это по отношенію къ дѣлителю, а не по существу раздѣленнаго: это не на основаніи словъ Спасителя. На самомъ дѣлѣ, незаконныхъ рожденій нѣтъ.

То, что зовутъ поиллымъ именемъ „адюльтера“, и было создано тѣмъ, кто „опустивъ въ воду руку“,—сотворилъ самое его понятіе. Кто первый сказалъ, что „можно женщины касаться законно и внѣ-законно“, тотъ и сотворилъ психологію, способъ, методъ, сквернy и подлость фривольности къ женщинѣ. Вы входите въ церковь, гдѣ все образа. И вы всѣмъ имъ молитесь съ равно благочестивымъ чувствомъ. Но нѣкто хитрый научаетъ васъ: „изъ этихъ образовъ нѣкоторые есть не освященные“, и указываетъ на тѣ-то и тѣ-то. Получилась разница, и вы къ нѣкоторымъ образамъ научаетесь относиться какъ къ крашенымъ доскамъ. Сущность отношенія вашего къ образу нарушена, къ образу вообще; и вѣдь придетъ мигъ, настанетъ въ исторіи, что къ нѣкоторымъ и священнымъ образамъ вы отнесетесь не благочестиво. Молитвенное настроеніе въ васъ станетъ вызывать не его пластика, не его сюжетъ, а нѣсколько отвлеченное соображеніе, что онъ былъ „освященъ“. Такъ, на основаніи подобнаго же раздѣленія, и началось вообще недостойное отношеніе къ женщинамъ. Возьму еще иллюстрацію, ибо предметъ необыкновенно важенъ: вы входите въ магазинъ съ изящнымъ фарфоромъ. Любуетесь, боитесь до чего-нибудь дотронуться. Но вамъ объясняютъ, что тутъ есть бракъ и поддѣлка, цѣна въ 10 копѣекъ и даже вовсе безъ цѣны. Серьезность вашего настроенія сейчасъ падаетъ, вы свободно ведете себя въ магазинѣ, небрежно берете вещи и небрежно ихъ ставите назадъ. Я думаю, моя мысль понятна и убѣдительна: кто создалъ, сотворилъ идею, что можно, что есть способъ касаться женщины неосторожно и внѣ-брачно, тотъ и сотворилъ дѣйствительно неосторожное къ ней касаніе. Фарфоровая посуда разбилась; „иконопочитаніе“ кончилось.

Но храмъ оставленный—все храмъ
Кумиръ поверженный—все богъ.

Исцѣлить человѣчество отъ разврата—великая проблема. И ея неполненіе—въ объявленіи, что нѣтъ не законныхъ касаній; что какъ касаніе произошло, съ кѣмъ бы то ни было, какъ бы то ни было, оно по золотой тяжеловѣсности своего метала есть уже полнота обязанностей, правъ, заботъ, любви, воспитанія дѣтей, полнаго супружества. Всякій образъ человѣка есть образъ человѣка, и

всякій образъ супружества есть образъ супружества: создайте это понятіе, утвердите—моментально исчезнетъ самая психологія легкихъ касаній. А въ психологіи-то и дѣло. А въ психологіи-то и начало. Пока въ умѣ моемъ не искоренена мысль: „я могу и соблазнить", и законъ говоритъ—что „это точно есть", что это — „возможно", что это „внѣ его, закона", до тѣхъ поръ я буду внѣ закона соблазнять. Есть душеля есть охота; есть удовольствіе всегда найдется ищущій его. Но есть только долгъ: а, теперь попробуйте поохотиться! Такимъ образомъ, кто не началъ бы идею незаконности любви, на вѣчно сохранилъ бы цѣломудріе человѣчества. И кто первый сказалъ: „Она (или онъ) любитъ не законно", — первый тотъ и развратилъ человѣчество.

— Да, этотъ образъ не освященъ: плюю на него и ухожу къ другому.

Вотъ начало разврата въ исторіи.

* * *

Можетъ быть здѣсь мы впервыя подходимъ къ разгадкѣ предостереженія „не уклоняться въ различеніе добра и зла", полученнаго невиннымъ человѣкомъ въ Раю Невѣдѣнія и Сладости. Къ чему бы оно? Не постижимо!! Вѣдь сейчасъ все *добро* мы полагаемъ именно въ *различеніи* добра отъ зла, „чтобы удержаться отъ зла". Напрасное усиліе—удержаться уже не можемъ! Богъ страшился, чтобы человѣкъ что-нибудь не нарекъ „зломъ" (худымъ, плохимъ), и къ этому не почувствовалъ неуваженіе, а съ нимъ и не впалъ въ грубость, жестокость! Вотъ—грѣхъ!! Это потеря благоговѣнія къ вещамъ! Какъ что-нибудь человѣкъ увидѣлъ ниже себя, между собою и имъ увидалъ дифференцію („не освященный образъ", „посуда, бракъ", „любовница") міръ потерялъ для него сладость, а онъ въ мірѣ достоинство. Стѣны пали; Эдемъ пропалъ: горькій Адамъ оплакалъ себя на горькой землѣ [1]).

Въ замѣчательномъ романѣ Толстого „Воскресенье", какъ-то недосказанномъ, есть эта мысль: нельзя соблазнить дѣвушку не ставъ тотчасъ-же въ полнотѣ долга и правъ полнымъ ея супругомъ, не почувствовалъ глубочайшей и мистической и вѣчно неразрываемой, родной съ нею связи. Но Толстой все тутъ построилъ на филантропіи, на „сердобольности", — и тутъ-то и провалился въ ничтожество финала повѣсти, въ протухлыя потуги Нехлюдова. Тутъ—глубже, тутъ тайна. „Она пошла въ Сибирь, и я за нею, потому что она мнѣ *родная*." Представимъ, что вы „благопріобрѣли" имущество другого, и тотъ, дойдя до нищеты и проступковъ, пошелъ въ Сибирь же: вы или Нехлюдовъ все-таки не пошелъ бы за

[1]) Объясненіе термина, что „въ Адамѣ согрѣшила земля": *вкусъ* горькій и *вещи* стали горьки: *соотносительны оба;* и черезъ измѣненіе *одного* соотносящагося измѣнилось и *другое.*

нимъ. Не та психологія. „Нѣтъ соблазненія -есть только супружество! Нѣтъ случайнаго - есть только вѣчное! Нѣтъ паденія — есть только правда!“ Вотъ новое, что не договорилъ Толстой, но что явно брезжило въ геніѣ его при писаніи этого романа. Это путь исцѣленія, это путь великихъ пріобрѣтеній такой взглядъ. Вернемся къ нашей узкой темѣ и маленькому спору съ г. Сѣрымъ, пріуроченному къ казусу съ г. Бобровымъ. Зашикавшіе ему стояли на этой же новой точкѣ зрѣнія: нѣтъ отношенія къ женщинѣ иначе, какъ съ вытекающими изъ этихъ отношеній обязанностями, и опять же нѣтъ соблазненій, а есть только начало супружества. Это безотчетно, но это носится въ воздухѣ, и на это я указалъ, какъ на новое и можетъ-быть спеціально русское чувство брака. Не забуду воспоминанія, много лѣтъ назадъ напечатаннаго кѣмъ-то о покойномъ хирургѣ Пироговѣ. Онъ жилъ у себя въ имѣніи, и вотъ не подалеку отъ него одинъ купецъ выгналъ изъ своего дома дочь-дѣвушку, разрѣшившуюся отъ бремени. Купецъ захворалъ и пришелъ къ Пирогову. Что же сдѣлалъ свѣтило медицины, которому какое бы дѣло до домашней исторіи купца? — „Тебѣ, братецъ, надо сдѣлать операцію, и я сдѣлаю и даже безплатно: однако прости дочь и верни ее, и съ ребенкомъ, въ свой домъ. Тогда приходи съ болѣзнью, а безъ этого и за деньги не сдѣлаю операціи“. Вотъ новый взглядъ, не правда ли, русскій взглядъ? Нельзя представить себѣ такъ разсуждающимъ француза или англичанина: но Пироговъ, Толстой, студенты въ Астрахани сказали: „Мы такъ понимаемъ и такъ чувствуемъ“.

Г. Сѣрый говоритъ, указывая на крайнюю горесть, наступающую для любящихъ вицъ вѣнчанія, когда у нихъ рождается ребенокъ: „Одинъ и тотъ-же актъ—величайшій изъ актовъ природы (а Бога? развѣ возможно рожденіе безъ произволенія Божія?) — въ одномъ случаѣ украшаетъ и радуетъ родителей, въ другомъ— маретъ и наполняетъ скорбью; въ одномъ— скрѣпляетъ любовь, а въ другомъ — надламываетъ ее; въ одномъ—возвышаетъ душу, а въ другомъ — давитъ на нее. Кто же будетъ спорить, что въ надломѣ этой тѣни или, вѣрнѣе, сіянія, приносимаго съ собой въ міръ ребенкомъ, въ этомъ дикомъ, абсурдномъ дѣленіи дѣтей на законныхъ и незаконныхъ — никакой роли не играла природа (и Богъ)?! Кто усомнится, что только одинъ эгоистично злой инстинктъ человѣка все здѣсь напуталъ?! Принято считать два фактора стоящими поперекъ признанія законности всякаго рожденія: церковь и стыдъ. А я думаю, что тутъ - заблужденіе. Не церковь и не стыдъ раздвоили это сіяніе новой жизни, обративъ его въ мрачную тѣмь. Оба эти фактора пошли лишь въ помощь себялюбивому расчету людскому. Стыдъ, о которомъ столько справедливаго сказалъ г. Розановъ, - этотъ ужасный, вселенную наполняющій смрадомъ лжи, обмановъ, компромисовъ, позорныхъ ухищреній и

даже преступленій, стыдъ материнства внѣ закона—есть лишь то свойство человѣческой натуры, которая направляетъ людей плыть по теченію жизни, а не противъ теченія ея...“

Замѣчу здѣсь: мы любимъ даже революцію во всемъ, мы—фрондируемъ, и съ чувствомъ счастья, въ законахъ, модахъ, въ политикѣ, въ литературѣ. Но въ рожденіи мы никнемъ долу при всякой мысли о фрондѣ. Здѣсь мы отказываемся отъ всякой революціи. Первый революціонеръ и всякая анархистка становятся здѣсь кротки, какъ ягната: „О, какъ бы родить законно!“ Когда вдумываешься въ эти тайны, въ эти пистшкты, растериваешься: до чего же святы всѣ эти рождающіе, кротки, мпролюбивы, законолюбцы! И тѣмъ ужаспѣе, что къ этой-то воплощенной простотѣ и примиренію поднесено жало отрицанія: „Не признаемъ тебя! Нѣтъ тебѣ закона!“ И тогда, опять черезъ ужасную муку, дитя умерщвляется его кротчайшею матерью, на все бы согласною, на все бы готовою, лишь бы ее признали, и не находящею этого признанія. .

„Людской расчетъ, — продолжаетъ нашъ авторъ,—проклявшій внѣбрачное дѣторожденіе [1]), опирается на чувство стыда стаднаго. Этимъ стаднымъ стыдомъ да суровой церковностью прикрылся отъ выцвѣтенія фальшивѣйшій и бездушнѣйшій изъ всѣхъ людскихъ принциповъ—принципъ незаконности рожденія. Фальшивость его, помимо другихъ доказательствъ, свидѣтельствуется простѣйшимъ сопоставленіемъ: установлена ли, въ уравновѣшеніе законности рожденія — законность смерти? Если есть незаконнорожденные, должны быть незаконно-умершіе. Иначе нарушается основная, всюду разлитая въ природѣ, гармонія между жизнью и смертью“.

Вотъ гдѣ разсужденіе автора достигаетъ кульминаціоннаго пункта и поставитъ такъ вопросъ—значитъ упразднить его, снять съ очередныхъ вопросовъ исторіи, быта, государства, церкви. Рожденіе есть абсолютъ, на который опираются всѣ слабѣйшія и низшаго порядка явленія. Нѣтъ рождающихся -нѣтъ гражданъ, нѣтъ вѣрующихъ; нѣтъ государства какъ собранія гражданъ, и самой церкви какъ собранія вѣрующихъ. Все это плаваетъ въ рожденіяхъ, какъ суденышко въ океанѣ. Можетъ ли судно руководить океаномъ, его кормчій приказывать вѣтрамъ и опредѣлять теченія? Безразсудная попытка. Но я скажу г. Сѣрому: теперь уже поздно это судить. Мы тысячу лѣтъ убивали дѣтей и въ 1001-й годъ спросили: почему? Я говорю, судить поздно: потому что, какъ же вы отвѣтите

---

[1]) Термины „незаконное рожденіе“, „внѣбрачное рожденіе“ всѣ вытекли изъ неправильнаго въ законѣ опредѣленія брака и никѣмъ не признаются точными. Почему не ввести терминъ „тайно-брачныя рожденія“, не зарегистрованныя, не распубликованныя? Или еще — „не гражданскія рожденія“, т.-е. родившіеся безъ соблюденія полноты общепринятыхъ въ данной странѣ гражданами формальностей.

уже погибшимъ матерямъ за ихъ погубленныхъ дѣтей? А нѣтъ слезъ, которыя бы не вѣсили, и опять же нѣтъ крови, которая бы не вѣсила. Міровой вопросъ и можетъ быть рѣшенъ при свѣтѣ міровой правды. Судьбы царствъ рѣшались неправильностью ихъ устроенія. Былъ рабовладѣльческій Карѳагенъ и палъ передъ свободнымъ Римомъ. Но рожденіе—не фактъ соціальнаго устроиства, а членъ религіи. Съ рожденіемъ поднимаетъ голову длинная цѣпь фактовъ: материнство, семья, родительство все это только окруженіе родившагося ребенка. Пусть только одинъ ребенокъ, но принципіально, предвидѣнно—а ужъ у насъ-ли „непредвидѣнно" это совершается!!—былъ задушенъ въ невыносимой грусти матерью и мать не была при этомъ поддержана, утѣшена, остановлена,—то почему вы думаете, что за одну эту мать не вступится міровое родительское чувство, по ощущенію взаимной связанности и родства и близости? Клянусь, нѣчто подобное уже сейчасъ несется въ воздухѣ: не объ этомъ-ли писали мудрецы и поэты, писалъ Гете, пусть и не занимавшій штатнаго мѣста пастора; объ этомъ поднялся пусть это краткій и маловажный эпизодъ—свистъ въ Астрахани. „Мы всѣ родные, не обидь никого": „мы имѣли мать и всѣ рождающія суть косвенно наши матери". Спартакъ, соединивъ рабовъ, нѣкогда смутилъ Римъ; рожденіе какъ абсолютъ можетъ потрясти гораздо глубже очень, казалось бы, абсолютныя и стоикія вещи. До сихъ поръ оно уступало; хоронилось, бѣжало, какъ относительнѣйшая вещь, малѣйшая. Но это минута, которая можетъ кончиться. И рабы были рабами—и это продолжалось не вѣчно. Тутъ именно принципъ смерти въ сопоставленіи съ жизнью: мы захварываемъ, и кто спрашиваетъ, „по закону-ли"? Болѣетъ человѣкъ, страдаетъ: это—вечерняя заря, которая предваритъ собою ночь, смерть. Ей на другомъ полюсѣ отвѣчаетъ любовь, эта радость и утренняя заря бытія человѣческаго. Первую мы именуемъ: „великое таинство смерти" [1]) и считаемъ ее однимъ столпомъ міровой религіи. Тогда какимъ образомъ мы откажемъ въ аналогичномъ наименованіи любви,—и не объявимъ-ли тяготеніе цвѣтка къ цвѣтку, животнаго къ животному и человѣка къ человѣку вторымъ столпомъ религіи-же? Вырвите его, погасите кажущуюся вамъ не важною и капризною дымку любви—и вы покачнете міръ. Не качайте его: Фаустъ покачнулъ и погибъ, отдался дьяволу. Какъ многозначительно болѣть для человѣка, ровно въ этой-же мѣрѣ и даже болѣе—многозначительно для него полюбить. Одинъ шагъ въ перевѣсъ уваженія къ болѣзни—и всѣмъ міра упали одною чашкою въ адъ. Но въ то время какъ къ постели больнаго мы подходимъ на цыпочкахъ, и бережемъ его покой: а когда онъ умеръ—церковь высылаетъ золо-

[1]) Выраженіе одного, читаемаго надъ усопшимъ, церковнаго стиха.

тистый покровъ на бездыханное тѣло и окружаетъ свѣчами и ѳміамнымъ дымомъ „персть", „красную глину", — параллельно что дѣлается для ребенка? гдѣ ѳміамы, молитвы? гдѣ торжество всѣхъ въ отношеніи къ рожденному, рожденію и родившей. Какъ грубо и не благоговѣйно мы относимся и къ зарѣ ребенка, любви? Между тѣмъ если въ смерти есть „рокъ" и „фатумъ" и Провидѣніе и вѣчность, но вѣчность немощи нашей, то все это и въ любви есть, но уже какъ знакъ нашей силы. Кто-же далъ перевѣсъ „обожанія" и почти „обоженія" смерти надъ бытіемъ? и назвавъ рожденіе „скверною", если не выговорилъ, то подумалъ: „смерть есть богъ". Все это не было никогда уловлено и отсюда могутъ пойти большіе споры и очень сомнительныя въ исходѣ тяжбы. Вотъ какъ прелюдія къ этимъ спорамъ, въ высшемъ философскомъ и религіозномъ смыслѣ, понятіе „незаконнаго рожденія" и любопытно: ибо тутъ—весь человѣкъ, и вѣдь нельзя же о человѣкѣ разсуждать только въ гражданскомъ смыслѣ. Человѣкъ есть лицо священное: можно ли же говорить о его появленіи на свѣтъ, о ниспаденіи на землю его безсмертной души въ порядкѣ „Гражданскаго уложенія"?! Религіозное и судите религіозно. Вотъ почему столь долгіе вѣка рокъ удержалъ гражданство отъ разрѣшенія вовсе негражданскаго вопроса: дабы, разъ уже хотя бы одна „прядь льна курящагося" была погашена, дождаться въ линіи вѣковъ момента, когда будетъ поднятъ и можетъ быть поднятъ общій вопросъ объ угашеніи бытія человѣческаго: о водахъ горькихъ, которыя вдругъ выступили на мѣсто водъ сладкихъ въ самомъ родникѣ бытія человѣческаго. Короче: какимъ образомъ сладость рожденія перешла въ горечь рожденія и радость о рождаемомъ - въ уныніе о рождаемомъ? Тутъ что же могутъ знать юристы: это -дѣло философовъ и богослововъ, религіозный и философскій вопросъ и частью судебно-религіозная тяжба.

1900 г.

Святое чудо бытія.

Писатель не былъ бы внимателенъ къ своему труду, если бы онъ не прислушивался самымъ тщательнымъ образомъ къ тѣмъ возраженіямъ, недоумѣніямъ, вопросамъ, которые вызываются его статьями въ кругѣ читателей. Вообще, я думаю, литература есть настолько же дѣло читателя, творчество читателя, насколько есть творчество и дѣло писателя. Тутъ есть кругъ интимности, иногда почти телепатической. Извѣстны случаи, что, идя по улицѣ и встрѣтивъ кого-нибудь, вы оглядываетесь на этого прошедшаго мимо васъ человѣка,—и въ ту же секунду онъ на васъ оглядывается. Ваши глаза встрѣчаются,—повидимому ненужно и безпричинно. Тоже есть между писателемъ и читателемъ. Сочувствіемъ и пониманіемъ, раздраженіемъ или негодованіемъ читатели создаютъ пищу для писателя; волнуясь про себя, и иногда волнуясь даже не выходя изъ кабинета, они какимъ-то телепатическимъ способомъ сообщаютъ свое волненіе и пишущему. „Вотъ о чемъ нужно подумать"; „вотъ что нужно принять во вниманіе".

Недавнюю свою статью — „Споръ объ убитомъ ребенкѣ", я кончилъ словами, что понятіе „незаконнорожденнаго ребенка", кромѣ своей филантропической стороны, интересно какъ введеніе къ очень длинному религіозно-философскому спору; къ спору и, отчасти, къ тяжбѣ. Для меня лично понятіе „незаконнорожденности" всегда заключала въ себѣ два вопроса:

1) Вопросъ христіанской совѣсти. Какимъ образомъ въ христіанскомъ мірѣ, по тезису „искупленномъ, прощенномъ и примиренномъ", всегда существовало, бѣжало, скрывалось, обманывало людей такое робкое, смущенное, испуганное, безпросвѣтно унылое существо, какъ такъ-называемая „незаконнорожденная дѣвушка". Почему мы ее не поддерживаемъ? не поддерживали до сихъ поръ? никогда, никто, ни одну? И такъ, я смущаюсь, какъ христіанинъ; нахожу тутъ упрекъ для своей со-

вѣсти. По моему мнѣнію, такого умыслія въ христіанскомъ мірѣ не должно-бы быть; не предполагалось его программою.

2) Второй вопросъ—метафизическій и религіозный: отъ кого же рождаются дѣти, отъ Бога или „такъ"?

Немедленно по напечатаніи статьи я получилъ два письма, повидимому оба отъ священниковъ, хотя именемъ священника подписано одно только письмо. И изъ писемъ ясно, что въ данномъ направленіи заработала именно философская мысль. Письма такъ любопытны, что я приведу изъ нихъ краткія и вмѣстѣ центральныя мѣста. Одинъ корреспондентъ пишетъ:

„Въ смыслѣ физіологическаго акта рожденіе, конечно, не можетъ раздѣляться на законное и не законное; и если говорятъ, что такіе-то дѣти незаконнорожденные, то только по отношенію законности сближенія между собою ихъ родителей. Другими словами, незаконный ребенокъ есть плодъ незаконной любви, а признавать всякую любовь законною—значитъ низводить человѣчество на степень животнаго. Для того, чтобы люди перестали руководиться животнымъ инстинктомъ и помнили, что они существа высшія, а не животныя, былъ данъ черезъ Моисея отъ Бога законъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: „не прелюбодѣйствуй".

Вотъ очень связное изложеніе общепринятыхъ мнѣній. Прекрасно, что онѣ получили формулу, и критика въ формулѣ этой получаетъ твердый упоръ для своей мысли. Знаютъ ли многіе, что Моисей такъ именно взглянулъ на „незаконно-родившую дѣвушку", какъ студенты въ Астрахани почувствовали жертву г. Боброва: что и по пророку Божію дѣвушка уже есть потенціальная супруга того, отъ кого она родила, что она есть полу-супруга, а не постороннее ему, какъ по нашимъ законамъ, существо: не выбрасываемая на улицу „дрянь", которую только остается растоптать благочестивому обществу, охраняющему „чистоту своихъ правовъ"? Вотъ слова Бого-видца, и я радуюсь, что могу опереться на столь великій авторитетъ:

„Если обольститъ кто дѣвицу необрученную и приспитъ съ нею—долженъ дать ей вѣно и взять ее себѣ въ жену; а если ея отецъ не согласится, и не захочетъ выдать ее за него, пусть заплатитъ отцу столько серебра, сколько полагается на вѣно дѣвицамъ" (*Исходъ*, гл. 22). Увы! отъ подножія Синая и до стогнъ Петербурга такъ называемыя „обольщенія" имѣли мѣсто, и, очевидно никогда не умрутъ. Но изъ нихъ нужонъ выходъ. Мы имѣемъ худшій:

— Убей ребенка или отравись.

Но этого въ святомъ законѣ Божіемъ нѣтъ. Тамъ написано: „ты съ нею соединился и она твоя жена. Если ты не хотѣлъ ее взять въ жену ты не долженъ былъ прикасаться. Ты отвѣчаешь, какъ сильнѣйшій и мудрый, какъ господинъ, какъ Адамъ и вождь

супружества". Тутъ находимъ умиротворяющій душу нравственный исходъ, не заканчивающійся кровью двухъ невинныхъ. И я, христіанинъ, читая это въ книгѣ трехъ-тысячелѣтней давности, думаю: „вотъ какъ надо", „вотъ гдѣ правда". И этой правды, или подобной и приблизительной, я не вижу вокругъ, въ нашемъ христіанскомъ и казалось-бы лучшемъ мірѣ. Моисеево „не прелюбодѣйствуй" нисколько не значитъ: „не касайся дѣвушки", что невозможно и противорѣчило бы имъ же записанному въ „Бытіи" плану сотворенія человѣка Богомъ: „плодитесь, размножайтесь, *наполните* землю". Но вотъ смыслъ „не прелюбодѣйствуй": „не сотвори касанія къ дѣвушкѣ *лукаво, легкомысленно, не чистосердечно*"; „*опричь, кромѣ, за исключеніемъ (=пре)* состоящій подлинной любви — не сотвори касанія". Предметъ этихъ словъ, самое касаніе, свято: грѣхъ начинается съ излома въ мотивѣ „касанія". Отъ того Моисеемъ были установлены и у евреевъ до сихъ поръ сохранены сложнѣйшія и простѣйшія формы заключенія брака: вѣдь человѣкъ покрываетъ всю поверхность земли, ползетъ въ лѣсахъ, пустыняхъ. Возможно ли вездѣ сыскать полный приборъ обстоятельствъ для заключенія брака? У насъ, въ нашей св. церкви, есть правило: когда родившійся младенецъ очень слабъ и грозитъ немедленно умереть, а по близости нѣтъ священника—его можетъ окрестить, съ погруженіемъ въ воду и чтеніемъ крестильныхъ молитвъ, повивальная бабка или кто бы то ни было изъ присутствующихъ. А, такъ вотъ изъ этого я вижу, что крещеніе у насъ цѣнится, что церковь и мысли не допускаетъ о „некрещенномъ человѣкѣ", схватываетъ таинство какими-бы то ни было руками и при какихъ-бы то ни было обстоятельствамъ—и даетъ его человѣку. Тоже было-бы и съ супружествомъ, если-бы оно былъ въ очахъ религіи *столь-же* цѣнно, нужно. Или напр. возьмемъ исповѣдь, моментъ *покаянія, сознаніе* передъ церковью вины: тоже вѣдь оговорено, что она можетъ быть и глухою, безъ отвѣтовъ грѣшника, передъ смертью или въ случаѣ тяжкой болѣзни. И грѣхи ему прощаются, и онъ причащается св. таинъ, когда сдѣлана только мина, система жестовъ будто-бы покаянія. Такіе случаи исповѣди вижу памяти кающагося (передъ смертью) я видалъ. Но супружество? Совершенно очевидно, что если-бы религіею семейная жизнь мірянъ цѣнилась и требовалась столь-же абсолютно, какъ ею абсолютно требуется въ отношеніи себя состояніе покаянности; и если бы она ни въ мысли, ни соціально, ни явно, ни тайкомъ не допускала прелюбодѣянія, какъ безпорядочной и случайной формы половой связи, безъ послѣдствій и безъ обязанностей, — то она установила-бы и выработала для моря случайностей, для пустынь и лѣсовъ, для одиночества и безлюдства, кромѣ сложныхъ и болѣе *упрощенные формы* заключенія брака, но однако *брака-же* и именно *формы*, вплоть до одного благословенія родителей, до простой мѣны коль-

цами, до взаимнаго, написаннаго на бумагѣ, обѣта взаимной вѣрности. И тысячи дѣвушекъ спаслись-бы! И мы отдѣли-ли бы настоящую привязанность отъ случая, отъ фривольности, легкомыслія! Моисей какъ подлинно-священный союзъ цѣнилъ супружество, и установилъ три формы для его заключенія: полную, съ несеніемъ шатра (едва ли не символъ древней скиніи) надъ женихомъ и невѣстою; сокращенную, состоящую въ простыхъ словахъ жениха невѣстѣ, съ мѣною колецъ: „я беру тебя въ жены себѣ по закону Моисея“: и третью, почти описанную въ приведенной нами цитатѣ изъ „Исхода“: она заключалась въ простомъ фактѣ супружества. Очевидно вся сумма дѣвушекъ, переставшихъ быть таковыми, въ Библіи переходила въ полный итогъ брака. Лучше ли это нашего? Пусть судитъ каждый. Я же скажу, что не было плача дѣвушекъ тамъ и не было подлаго слова: „ты обезчещена“, „ты безчестная“, за устраненіемъ самаго этого понятія. Вотъ что значитъ кругъ заповѣди: „не прелюбодѣйствуй“: ее иначе нельзя истолковывать. Подъ нее отнюдь не подходитъ рожденіе; а напр., сюда подходятъ всѣ случаи предупрежденія зачатія, столь распространенные у насъ въ самыхъ законныхъ семьяхъ; входитъ всякое истребленіе плода; половыя сношенія *безъ* возможности зачатія; и напр. наша страшная проституція, о коей скромно молчатъ всѣ батюшки, набрасываясь лишь на случаи нарушенія разныхъ византійскихъ, нисколько не евангельскихъ и не библейскихъ (въ сущности—римскихъ) понятій о семьѣ.

* * *

Остальную часть сужденій почтеннаго корреспондента я разберу ниже, а пока приведу выдержку изъ другого письма, уже очевидно священника: „Законное супружество противополагается незаконному. Но законо, по-моему, всякое, болѣе или менѣе продолжительное [1]) и вѣрное другъ другу сожительство. Потому-то я терпѣть не могу, душа моя положительно не выноситъ этого несчастнаго слова *незаконнорожденный*, какое мы, священники, вынуждены въ извѣстныхъ случаяхъ прибавлять въ метрикахъ при записи крещенія. Вѣдь безусловно всѣ рождаются по закону, установленному Творцомъ. Внѣ этого *закона* (подчеркнуто въ письмѣ) никто не можетъ родиться. Какая же можетъ быть рѣчь о *не*законнорожденныхъ?“ (опять „не“ подчеркнуто авторомъ письма).

Вотъ тоже взглядъ довольно полный. Авторъ очевидно не по прочтеніи моихъ разсужденій затрепеталъ, и слѣдовательно уже

---

[1]) Вѣдь и полный нашъ бракъ въ своемъ родѣ „съ несеніемъ шатра надъ женихомъ и невѣстою“, бываетъ „болѣе или менѣе продолжительнымъ“, и часто—очень краткимъ, годъ-два, а иногда нѣсколько мѣсяцевъ.

давно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ нашихъ священникахъ, есть трепетъ страха при писаніи „незаконнорожденный". Откуда это, когда чиновники и писатели довольно равнодушны къ термину? Они—богословы, а существо рожденія дѣйствительно есть тема не чиновническая и не литературная, но высоко-метафизическая и слѣдовательно богословская.

Думаютъ обыкновенно, что вопросъ незаконнорожденности состоитъ въ устраненіи термина и связаннаго съ нимъ срама: но это не такъ. Два слова впрочемъ скажемъ и о срамѣ: да, посрамляется у человѣка самое рожденіе, пуповина бытія. И страшно, что именно при таинствѣ крещенія, передъ его совершеніемъ, въ секунду, какъ младенца пищащаго принять въ христіанскій міръ- · ему и пишется этотъ въ своемъ родѣ „желтый билетъ", волчій паспортъ. Страшно, что онъ такъ ничего объ этомъ не знаетъ. И что въ такую минуту. Потомъ онъ никогда не сотретъ этого „желтаго существованія" и не перемѣнитъ на бѣлое и чистое, на обѣленное. „Мнѣ не надо бы родиться, вотъ тутъ написано", „написали передъ крещеніемъ, и крещеніе я люблю, а этого — стыжусь, почему-то боюсь, никому объ этомъ не сказываю, краснѣю". У насъ былъ директоръ гимназіи, повидимому незаконнорожденный: такъ у себя въ кабинетѣ, въ никогда не раскрываемомъ ящикѣ, онъ держалъ всѣ документы учителей о службѣ, и съ метриками, обычно хранимыя въ канцеляріи, вмѣстѣ и съ директорскимъ. Это былъ очень умный, любящій учениковъ, угрюмый человѣкъ, очень гордый и даже высокомѣрный умственно. Но и онъ стыдился. Всѣ стыдятся. Почему? Никто не знаетъ. И, главное, никто не знаетъ точной мѣры и глубины и даже основаній этого стыда, кромѣ самихъ незаконнорожденныхъ.

— Вы кто?

— Незаконнорожденный?

— То-есть?..

— Мнѣ бы не надо родиться, я не имѣлъ права родиться, не по закону...

— Не по закону?

— Есть законное супружество и тогда бѣлое рожденіе, но... есть незаконное супружество, по желтому билету, и тогда желтое рожденіе. Я всѣмъ завидую, и хотѣлъ бы лучше быть нищимъ.

— Ну, вотъ... Вы директоръ гимназіи, васъ всѣ уважаютъ.

— Мнѣ указано самому не уважать моихъ родителей и самому не уважать, даже отрицать, свое рожденіе. „Я" есть до нѣкоторой степени „не я": не имѣлъ права быть „я". Я не законно „проскочилъ" въ человѣчество, фуксомъ. Такъ подъ лавкой въ вагонѣ есть безъ-билетные пассажиры. Я тоже безъ-билетный, но только не на проѣздъ, а на существованіе. Воръ,—и воровски существую, хоть и директоръ. На меня плюнуть надо.

— Вамъ все кажется...

— Вовсе нѣтъ, отъ того я и держу подъ замкомъ секретъ своего незаконнаго существованія, какъ бѣглый съ каторги бережетъ и прячетъ фальшивый паспортъ. Ему не надо бы бѣжать, а мнѣ не надо бы родиться. Иногда мнѣ кажется, что всѣ на меня указываютъ пальцемъ, обо мнѣ шушукаются: „Ему бы не надо родиться, а онъ дѣйствуетъ, ломитъ обстоятельства, сламливаетъ насъ— когда мы всѣ какъ слѣдуетъ". Я хуже всѣхъ и я всѣхъ ненавижу.

Вообще можно замѣтить, что незаконнорожденные бываютъ чрезвычайно угрюмы, желчны и нелюдимы; въ то же время въ тайнѣ души это часто нѣжнѣйшіе и благороднѣйшіе люди. Но оставимъ стыдъ и перейдемъ къ важнѣйшему.

Суть въ томъ, что вовсе не одинъ терминъ прикрѣпляется къ такому ребенку при самомъ рожденіи. Но что онъ не увѣнчивается вовсе своимъ родителямъ, ни матери, ни отцу. Мнѣ говорилъ о своемъ мальчикѣ, уже четырнадцати лѣтъ, одинъ отецъ:

— Я его могу завтра же выпроводить за ворота. И сколько бы онъ обратно ни стучался, куда бы ни обращался, въ полицію, консисторію, даже на Высочайшее имя—никто меня не принудитъ его признать, т. е. законъ предусматриваетъ и предупреждаетъ, чтобы такой мальчикъ никуда не стучался, ни даже къ своему отцу и матери. Онъ не носитъ моей фамиліи, ни фамиліи матери, хорошей женщины, съ которой я прожилъ восемь лѣтъ (по его разсказу, она умерла въ чахоткѣ).

Такимъ образомъ, вовсе не идетъ вопросъ объ устраненіи клеветническаго и необъяснимаго термина. Вопросъ о „незаконнорожденности" есть вопросъ о правѣ закона и религіи отнимать у дѣтей —ихъ родителей, налично существующихъ, а у родителей ихъ дѣтей, живыхъ, невинныхъ, реальныхъ. Вопросъ о правѣ закона, гражданскаго или церковнаго, порывать связь ex naturae genitricis текущую, или, пожалуй,—такъ какъ я хочу немножко грозить—ex Naturae Sanctae Genitricis.

— У васъ нѣтъ дѣтей!

— Есть: вотъ, Ваня.

— Да нѣтъ, это Ваня Семеновъ, по имени Семена, духовнаго отца, вотъ того лавочника изъ зеленной лавки, котораго вы второпяхъ позвали въ крестные отцы. Ему онъ и сынъ, духовный сынъ, по связи въ таинствѣ крещенія, по усыновленію. А вамъ онъ никакъ.

— Да я его родилъ?

— Да намъ наплевать. Это физіологическій актъ (первое письмо моего корреспондента). Мало ли кого вы родили, всѣхъ и считать вашими дѣтьми. По нашимъ законамъ позволительно вамъ родить отъ каждой дѣвки въ номерахъ: такъ вы воображаете, что такъ всѣ эти дѣти за вами и будутъ ползать.

— Да еслибъ пустили, или особенно еслибъ связали въ имени, правахъ и имуществѣ никто бы и не шалилъ въ номерахъ. Теперь и законныхъ-то избѣгаютъ рождать, такъ если бы незаконные всѣ уцѣплялись за отца—очевидно ихъ не рождали бы вовсе. Кто установилъ терминъ „не законно-рожденные дѣти“ потянулъ и фактъ случайнаго и незаконнаго рожденія, случайной и минутной, въ номерахъ, на кухнѣ, на улицѣ—связи съ дѣвушкой или женщиной.

Намъ наплевать, мы объ этомъ не думали. Очень мудрено.

– Да какъ же вы мудрые люди и законы пишете, а подумать вамъ трудно?

— Законы пишемъ, и вы повинуйтесь имъ.

— Такъ какъ же?

— Что „какъ же?“

— Сынъ-то у меня.

— Нѣтъ у васъ сына. Онъ — Семеновъ, по зеленщику, у котораго вы забирали картофель и капусту тогда по осени. Вѣдь сами-то вы Колотилинъ!

— Колотилинъ.

— Колотилинъ и Семеновъ — что же общаго? Чужіе вы. Не родные вы.

– Ну, а если бы не сынъ, а дочь, и вотъ ей семнадцать лѣтъ, а мнѣ сорокъ семь: можно бы мнѣ на ней жениться?

— На дочери!

— Да вѣдь вы говорите, что „не дочь“, или вотъ о сынѣ—что онъ „не сынъ“. Вы какъ-то врете: „сынъ“ и „не сынъ“, „дочь“ и „не дочь“. Очевидно вы знаете, что онъ—*мой сынъ*.

— Конечно знаемъ.

— Ну?

— Но не признаемъ.

Въ этомъ и сущность дѣла: что законъ и вообще администрація рожденій конечно знаетъ о фактѣ родительства и родственной связи, но ихъ отрицаетъ. И жало понятія „незаконнорождаемости“ падаетъ въ кровь человѣческую, въ сѣмя и кровь—и разрываетъ ихъ, какъ левъ раздираетъ въ пустынѣ лошадь. Т. е. тутъ отвергается святость крови, сила и святость; откуда косвенно проистекло и на нашихъ глазахъ течетъ вообще всякое: „убій“. Да, если нѣтъ и не содержится въ крови и сѣмени святаго, священнаго —тогда „убій“. Моисей, совершенно устранившій понятіе „незаконнорожденности“ и предупредившій, мудрою разработкою брака, самую возможность прелюбодѣянія, по чувству связанности этихъ двухъ фактовъ и написалъ около заповѣди: „не прелюбодѣйствуй“ другую, выше: „не убій“. Мы же, составившіе и введшіе въ кругооборотъ быта понятіе „прелюбодѣйствуй“, въ глубочайшей съ этимъ связи не пугаемся болѣе и „убій“. Ни литераторовъ, ни

чиновниковъ дѣтоубійство не тревожитъ. Нѣкоторыхъ только священниковъ оно тревожитъ,—какъ моего корреспондента,—и они пытаются найти новую формулу брака: какъ честнаго, продолжительнаго, вѣрнаго другъ другу, вообще индивидуально-чистаго сожитія, но съ устраненіемъ требованія другихъ, не всегда, при самомъ горячемъ желаніи, осуществимыхъ подробностей обстановки заключенія супружества. Какъ крестить иногда повивальная бабка,—такъ, увы! вѣчно будетъ и нѣкоторая сумма очень чистыхъ и вѣрныхъ другъ другу семей нелегальныхъ, и повѣрьте, въ угоду никакому закону—онѣ не разорвутся. Объ этомъ мальчикѣ вы говорите:

— Онъ духовно рожденъ отъ зеленщика, посему—его сынъ.

— Но ужъ позвольте, я *въ самомъ дѣлѣ* родилъ его, онъ сидѣлъ у меня двѣнадцать лѣтъ на колѣняхъ, и что бы вы ни говорили, съ какой бы полиціей не входили въ мой домъ, я скажу:

— Онъ мой сынъ.

У васъ Іех, у меня — кровь. До сей минуты Іех побѣждалъ кровь. Но вѣдь и христіане были нѣкогда въ катакомбахъ, а потомъ вышли и овладѣли имперіей. Боюсь, чтобы кровь или родство и родительство не выглянули изъ катакомбъ, и убравъ „зеленщиковъ", которыхъ вы подставляете въ „духовные родители" на мѣсто кровныхъ, принимая къ себѣ младенца, не подняли тяжбы и „при" съ духомъ и противъ духа. Мистицизмъ крови и сѣмени немножко другой, чѣмъ „духовной дружбы" и „духовной любви" и „духовнаго рожденія" и всѣхъ этихъ „всякую шаташеся" вдоскъ, коими вы, какъ увядшими цвѣтами, увили и увиваете міръ. Кровь—это живой цвѣтокъ. И страшно будетъ, когда онъ спроситъ у мертваго цвѣта: „откуда ты? и на моемъ мѣстѣ?".

*
* *

Центръ вопроса очевидно сводится къ метафизикѣ рожденія, „отъ Бога" оно или „такъ..." И къ священству родственности, крови.

Тютчевъ въ 60-е годы, въ эпоху всеобщаго нигилизма, ища опоръ противъ тріумфовъ Бюхнера, Молешотта, Фохта, Бокля, Спенсера, Дарвина, Геккеля, недоумѣнно и тоскливо спросилъ:

Не то, что мните вы, природа—
Не *слѣпокъ*, не *бездушный* ликъ:
Въ ней есть *душа*, въ ней есть *свобода*,
Въ ней есть *любовь*, въ ней есть *языкъ*.

Вы зрите *листъ и цвѣтъ на древѣ*;
Иль ихъ *садовникъ приклеилъ*?
Иль *зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ*
Игрою внѣшнихъ, чуждыхъ силъ?.....

Столь длинное, до удивительности длинное многоточіе (восемь въ оригиналѣ точекъ) поставлено симимъ Тютчевымъ. Онъ продолжаетъ:

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ какъ въ потьмахъ.
Для нихъ и солнца, знать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была.

И языками не земными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ
Органа жизнь глухо-нѣмой!
Увы, души въ немъ не тревожитъ
И голосъ матери самой.

Кстати о „матери самой“. голоса которой, т. е. механическаго звука, не слышитъ глухо-нѣмой. Но „глухо-нѣмой“ законъ, переименовывающій дѣтей по зеленщику, а не по отцу съ матерью, слышитъ ли голосъ материнскій въ интимномъ и мистическомъ смыслѣ? Законъ ли противъ материнства? Оказывается — да. Но наименованія: „святость материнскаго чувства“, „уваженіе къ отцовскому чувству“,—неужели риторичны? Увы, читатель,—да! Сущность понятія „незаконнорожденности“ и замѣна зеленщикомъ отца съ матерью конечно есть частица вообще не существующаго (въ самомъ законѣ) почтенія къ материнскому и отцовскому чувству, и знаете ли, знаете ли, мнѣ брезжетъ, что шалости съ дѣвицами въ номерахъ есть только послѣдствія этого же неуваженія, заложеннаго въ нашей цивилизаціи и можетъ быть въ нашей „духовной“ эрѣ: неужели, нападая на дѣвушку, беря ее на минуту, я уважаю въ ней возможную, потенціальную мать?! Конечно, нѣтъ!! И самъ въ себѣ я не уважаю потенціальнаго, возможнаго отца, вступая въ минутную и непрочную связь. Законъ не уважаетъ нѣкоторыхъ матерей: ну, пусть *одну* только, *какую нибудь* не уважилъ, хоть напр. Лотову дочь, рожденныхъ дѣтей которой въ правильномъ имени и точномъ отчетѣ занесъ въ метрику „книги бытія“ Моисей: тогда ужъ простите, я, частный человѣкъ, конечно нѣсколько расширяю мысль закона и не уважаю вообще реальныхъ и возможныхъ матерей. „Эта дѣвушка могла бы быть матерью“, вотъ основное мистическое чувство, страхъ Божій, безпокойство Тютчева. Но я, вмѣстѣ съ авторомъ перваго ко мнѣ письма, по-

правляю: „ну, вотъ еще: это—физіологія; дѣвушка нужна мнѣ сегодня на вечеръ". Вотъ исторія развращенія,—и нельзя же отрицать, что далекое зерно его—въ законѣ, и именно въ неуважительномъ его отношеніи къ крови и сѣмени и къ лону материнства. Это Агриппина сказала подосланнымъ Нероном убійцамъ:

— Бейте въ чрево, выносившее такое чудовище.

Они ударили въ чрево. Законъ „духовности" и у насъ „ударилъ въ чрево", и дитя вывалилось изъ рукъ матери, дрожащей, испуганной:

— Это не я. Не мой ребенокъ. Никакого ребенка нѣтъ. Виновата.

Ищутъ, разворотили полѣнницу и нашли ребенка подъ дровами:

— Ишь, развратница. Сблудила, да и прячется. Убить бы, да мы милосердны, въ новомъ законѣ живемъ: иди въ каторгу.

*
* *

Теперь мнѣ хочется сдѣлать „шахъ и матъ королю" дѣтоубійства. Не знаю, кто онъ и не ищу имени, обращаясь только съ понятіемъ. Мы привели стихи Тютчева. Ну, хорошо; съ одной стороны Тютчевъ, съ другой Спенсеръ, Бокль, Вундтъ и вообще нигилисты, физіологи-нигилисты. Мы въ чью-то вѣру вѣримъ. Но въ чью? Беремъ основной стихъ Тютчева:

Вы зрите листъ и цвѣтъ на древѣ;
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ, чуждыхъ силъ?

Да, это вѣчно убѣдительно; материнство есть вѣчная религія, такъ я думаю, такъ думалъ Тютчевъ. Кстати, такъ думалъ псалмопѣвецъ Давидъ, выразившись именно о рожденіи дитяти: „Иду ли я, отдыхаю ли, Ты (Богъ) окружаешь меня, и всѣ пути мои извѣстны Тебѣ... Сзади и спереди Ты объемлешь меня, и полагаешь на мнѣ руку Твою... *Ты соткалъ меня въ чревѣ матери моей... Не сокрыты были отъ тебя кости мои, когда я созидаемъ былъ въ тайнѣ, образуемъ былъ въ глубинѣ утробы. Зародышъ мой видѣли очи Твои... Къ Тебѣ привержена есмь отъ ложесенъ*" (псаломъ 21, стихъ 11). Да, такъ вотъ какъ говоритъ Давидъ, съ какими физіологическими подробностями, въ замѣнъ которыхъ Тютчевъ поставилъ восемь точекъ. Въ дополненіе къ поэту, выразившемуся о „дышущихъ солнцахъ", я замѣчу, что есть дѣйствительно нѣкоторое тайное основаніе принять весь міръ, универсъ, за мистико-материнскую утробу, въ которой *рождаемся* мы, родилось наше *солнце*, и отъ него—*земля*. Напр., свѣтъ солнца вѣдь дѣйствительно органическій. Онъ не разслабляетъ, какъ жаръ печи, не вызываетъ

головной боли и удушья. Онъ оживотворяетъ. Наконецъ — онъ опредѣленно-сложенный изъ разныхъ цвѣтовъ, и мнѣ хочется сказать: органически-сложенный. Удивительно его дѣйствіе на все живое, и это дѣйствіе, только на одно живое—тайна, чудо. Но вотъ еще наблюденіе: желтый цвѣтъ солнца и звѣздъ сходенъ съ цвѣтомъ желтка въ яйцѣ. Скажутъ случайно: пусть такъ! Но я еще добавлю, что пурпуръ зари, изъ котораго выходитъ и въ которое входитъ солнце, сходенъ съ пурпуромъ крови, изъ которой во всякомъ случаѣ выходитъ яйцо; а бѣлый лучъ солнца, бѣлый какъ эта бумага, на которой я пишу, сходенъ по бѣлизнѣ съ молокомъ матери, и съ разрѣзомъ всякаго почти, напримѣръ, въ разрѣзанномъ ядрѣ свѣжаго орѣха, сѣмени. Солнце не хладѣетъ: только живое не хладѣетъ, и мы рождаемся и умираемъ при 37 градусахъ. Все остальное, рѣшительно все, отъ лучеиспусканія, по непреложнымъ законамъ механики—хладѣетъ. Нѣтъ изъ этого исключенія, кромѣ звѣздъ и солнца, „умныхъ очей“ Божества. Живыя очи, которыя мы такъ понимаемъ умными своими очами... Но ребенокъ! ребенокъ!

— Какъ же его тогда убить, когда онъ животенъ, живъ? И когда живъ—Богъ? Когда есть,—удлинню терминъ, разверну мысль его,—„Живо-Богъ“, Богъ „животный“, „имѣяй животъ“ въ Себѣ, „ключи жизни“ Имѣяй?..

— Конечно, нельзя убить ребенка.

— Но однако онъ убивается. И простите, кто ударилъ отрицаніемъ въ кровь и сѣмя, кто первоначально и хотя-бы самымъ легкимъ мановеніемъ руки „отмелъ“ кровь, живое, „животное“, извелъ „животный принципъ“ изъ религіи, тотъ и есть подлинный, хотя-бы не изслѣдимый и уже невидимый, родоначальникъ всѣхъ дѣтоубійствъ. — Во всякомъ случаѣ, не рождающая мать убила. Она „животнымъ“ чревомъ дала жизнь, а не отъ нея идущее понятіе, идея какая-то, логика и духъ, отняла жизнь. „Не законнорожденный“, „не нужно рожденный“, „не нужно бы родиться“, „не-нужный“... Конечно, такой если умеръ —то „славу Богу“; у насъ это и о законныхъ умершихъ говорятъ („не нагрѣшитъ“): такъ какое надо маленькое прибавленіе къ этому, и содержащееся въ укорѣ стыда, чтобы онъ умеръ. Но я кончу о природѣ и ея мистицизмѣ, и не со своей, но съ богословской точки зрѣнія. У насъ былъ прекрасный законоучитель, какъ теперь помню—отецъ Андрей, старенькій-престаренькій, и съ нѣсколько смѣшными манерами. Онъ любилъ насъ удивлять, поражать. Какъ теперь помню, это было въ четвертомъ классѣ гимназіи. И вотъ разъ, объясняя намъ на урокѣ о всемогуществѣ и безпредѣльности воли Божіей, въ которой „вся, яже суть“, онъ быстро обернулся и изрекъ:

— А что-то есть неподвластное волѣ Божіей? Что-то есть, чего Богъ *не можетъ* сдѣлать?..

Мы разскрыли ротъ съ изумленіемъ. Онъ торжествовалъ:

— Догадайтесь. Ищите. Есть.

Онъ быстро-быстро заходилъ по классу и, вынувъ огромный деревянный гребень, трогалъ имъ жиденькую свою бородку.

Конечно, мы ничего не могли сказать.

— Всемогущество Божіе ограничено *непреложностью* воли Божіей. И Богъ все можетъ измѣнить, но воли Своей, святой и совершенной, Онъ не можетъ измѣнить: воли и закона.

Такъ это мнѣ запало въ душу, ибо очень ясно и въ сущности огромная тутъ философія. Теперь, 30 лѣтъ спустя, я думаю нашъ батюшка ошибся: совѣсть дѣйствуетъ по правдѣ и слѣдовательно въ примѣненіи къ условіямъ момента, а Богъ есть не только міровой законъ, Держатель міра, но и Совѣсть міра —его нравственный законъ. Бога умоляли пророки и для пророковъ Онъ перемѣнялъ рѣшеніе: для Моисея относительно истребленія еврейскаго народа, относительно Ниневіи—при Іонѣ, относительно Содома отступалъ отъ своего рѣшенія до четырехъ разъ—передъ мольбою Авраама. Это — фактъ, и вообще батюшка ошибся. Но лѣтъ двадцать я вѣрилъ ему и всегда находилъ его сужденіе гораздо болѣе понятнымъ и убѣдительнымъ, чѣмъ безчисленнѣйшія натуръ-философскія сужденія въ нашихъ духовныхъ журналахъ приблизительно на ту-же тему. Тема эта общеизвѣстна: что законы природы, leges naturae, суть мысли Божіи о природѣ; что Богъ міромъ управляетъ не вмѣшивая каждую минуту Свою волю въ частные случаи, но подчинивъ Свою тварь творческимъ Своимъ законамъ. На этомъ пунктѣ около половины нашего вѣка начался упорный споръ между богословами и естествоиспытателями: начиная съ Лапласа и его „Mecanique celeste“ и кончая Дарвиномъ и его „Origine of species“, математики, физики, химики, біологи стали какъ бы „отвоевывать природу у Бога“, отнимать тварь отъ Творца въ пользу системы своихъ фактовъ и дополняющихъ эти факты механическихъ гипотезъ. „Есть наука, а Бога нѣтъ, а главное — не было; и ничего Богъ не творилъ, а все произошло само собою, по своимъ собственнымъ и ни мало не божественнымъ причинамъ и законамъ. Causalitas mortua — esse natura!“ Богословію пришлось тяжко. Богословы уперлись. Въ „Вѣрѣ и разумѣ“, „Вѣрѣ и церкви“, въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, „Христіанскомъ чтеніи“, „Православномъ собесѣдникѣ“ я читалъ, постоянно читаю обширные богословско-физическія и богословско-физіологическіе трактаты, и вотъ есть одинъ пунктъ, можно сказать послѣдняя цитадель, гдѣ всѣ они запираются и откуда дѣйствительно до сихъ поръ ихъ не могли выгнать математики, физики, химики и физіологи: это — живая капля жизни, творческая капля, всегда рожденная, вездѣ изъ двухъ половъ! О рожденіи и полахъ уже я договариваю, а богословы осторожно не доводятъ до этого пункта

своихъ рѣчей. „*Здѣсь* —Богъ“, они восклицаютъ, „ибо это не разрѣшимо для науки! *тутъ* —трансцендентность, это—тайна! *Всѣ* ваши реторты ничтожны, немощны микроскопы, безсильны пустыя догатки и гипотезы: это *капля не отъ міра сего*“. Но вотъ тутъ-то, тутъ-то несчастный отецъ, у котораго отняты дѣти и на мѣсто сего къ дѣтямъ приставленъ зеленщикъ, „духовный отецъ по воспріятію отъ купели“, и скажетъ, и упрется: „Какъ? вы въ одномъ отдѣлѣ и для однихъ цѣлей утверждаетъ, что *это—отъ Бога* и что *тутъ — трансцендентность*, а не химія; а въ другомъ отдѣлѣ вашего же богословія и для другихъ цѣлей, именно для отстаиванія разныхъ византійскихъ подробностей, столь же побѣдительно говорите, что жизнь и рожденіе есть простая наука, и даже худая, омываемая и очищаемая въ водѣ крестильной; и что посему, хотя физіологически конечно всѣ дѣти одинаково произошли и ихъ нельзя дѣлить на законныхъ и не законныхъ; но какъ физіологія съ богословіемъ не совпадаютъ, и первая вторую—не учитъ, то, съ вашей точки зрѣнія и по преданіямъ вашихъ учителей, вы однихъ рожденныхъ объявляете—законными, другихъ—внѣ-законными. Противъ естествоиспытателей вы соединяете тварь съ Творцомъ, говоря о ретортахъ, что тамъ—„Божіе“, а противъ меня, несчастнаго и безсильнаго отца, вы раздѣляете тварь отъ Творца, отвертываясь отъ ретортъ съ словами: „тамъ обыкновенное“. Въ одномъ случаѣ, съ полемическими цѣлями, вы, указуя на мудрость природы и цѣлесообразность ея законовъ, утверждаете, что законы природы суть мысли Божія, а въ другомъ, именно въ отношеніи дѣтей—что мыслей Божіихъ нѣтъ въ законахъ природы и рожденіе дитяти, да и вообще все живое, есть просто—Stoff und Kraft, „матерія и сила“, въ ихъ сочетаніи, какъ и училъ Бюхнеръ, а вы почему-то ему возражали. Но теперь зачеркните же всю эту полемику, какъ не основательную и недоумѣнную; или, если вамъ страшно переплести свои орега omnia въ одинъ переплетъ съ Дарвиномъ, Молешоттомъ и Фохтомъ—вычеркните меня изъ состава „незаконно-рождающихъ“, а главное — въ себѣ самихъ, въ своемъ смутномъ и зломъ сердцѣ, погасите это чувство и эту мысль „незаконнорожденности“.—Въ самомъ дѣлѣ, на двойственности разныхъ отдѣловъ богословія покоится ученіе о „незаконнорожденности“ и весь огромный итогъ уже погубленныхъ дѣтей. О, пусть бы государство учило о „незаконнорождаемости“. Оно—не понимаетъ, для него дѣйствительно все только есть „наука“, оно наконецъ свѣтско. его преданія—въ Римѣ. Но государственный взглядъ на рожденіе и не породилъ бы такого страха передъ рожденіемъ, испуга, гипноза дѣвушекъ; не породилъ бы дѣтоубійства. Тутъ... идея проклятія надъ головой, какъ и выразилъ Гете въ заключительныхъ словахъ „Фауста“: —„Проклята!“—„Спасена!“ Спасена-то потомъ уже

и Гретхенъ этого не слышитъ, она только слышитъ: „проклята“ и умрастъ подъ бурей этого религіознаго „herem'a“. Черезъ „херемъ“ евреи отлучаютъ отъ синагоги; но въ эпоху безплотную, разрыва твари и Творца, есть тоже своеобразный „херемъ“— и онъ падаетъ на основного выразителя плоти—дитя и женщину; не на всѣхъ женщинъ, а на многихъ, ибо всѣхъ рождающихъ подвести подъ „херемъ“ значило бы вскорѣ потерять вообще самый предметъ для „благословеній“ и „стадо для слушанія“. Да, терминъ, можетъ быть наиболѣе точный для „незаконнорожденныхъ“ дѣтей—это „не благословенныя дѣти!“ Они -какъ лиліи полевыя, какъ птицы небесные: но уже нѣтъ на нихъ, порвана съ нихъ слава лучшая, чѣмъ Соломонова! Кто же это сорвалъ? Конечно—не Евангеліе, а тѣ сухія и недомысленныя искаженія, какимъ оно подверглось въ Византіи и Римѣ. Мечтается иногда, что если „незаконное рожденіе“ есть вѣчный стыдъ, то почему столь колоссальное бремя, колоссальное и непереносимо тягостное для человѣка, который его понесетъ—возлагается столь тихо, незамѣтно и такъ сказать не трудно. Нужно бы это развить, украсить, раздвинуть въ обрядъ; тогда и только тогда вдругъ подчеркнулся бы его смыслъ, строка петита—набралась бы аршинными буквами. Вотъ—помостъ; на немъ ребенокъ; пусть—дѣвочка или мальчикъ, полутора года, когда уже могутъ ощущать вину и стыдъ. А то что-же наказывать *чувствуемою* болью, но какъ-бы хлороформированнаго, новорожденнаго. Проснется—и будетъ тогда чувствовать, -а когда наказывается—не чувствуетъ. Нужно наоборотъ. Все торжественно, масса народа, зажженныя свѣчи въ храмѣ. Хоть дитя на помостѣ и „приблудное“, но папа съ мамой все-таки его любятъ и одѣли кой во что: ну, тамъ розовый бантикъ, чепчикъ, и кружевная рубашечка. Simplex natura. natura peccans... приглашается подойти къ помосту, дабы уязвиться болѣзненнѣе за „первородный грѣхъ“... И вотъ лучшая мечта Некрасова, апофеозъ нѣкоего алканія, „Власъ“. О, онъ уже прошелъ всѣ ступени подвига, труда, смиренія. И міръ, благодарный, облекъ его въ мантіи, и камни, и золото. Но онъ все также, какъ и тогда

Смуглолицъ, высокъ и прямъ.

Онъ поднимается на ступени помоста, гдѣ ребенокъ стоитъ одинъ:—его родители внизу, отдѣленные, символъ вѣчнаго будущаго отдѣленія. Дѣвочка оглядывается на высокаго подходящаго къ ней „дядю“ и какъ она привыкла у всѣхъ цѣловать руку, то весело хватается и за сухую длань аскета. Но онъ отдергиваетъ ее, какъ отъ касанія гада. Срываетъ розовую ленточку съ шеи. Дѣвочка испугана, хочетъ закричать: „дядя! дядя!“ но сильный толчекъ прерываетъ голосъ: „снимай башмаки—онѣ слишкомъ нарядны“. И, разувъ, онъ надѣваетъ на крошечныя ножки стоп-

тапыя, жосткія, корявыя башмаки. „Это—не мои!“ кричитъ дѣвочка.—„Это-то и твои: *единственныя* твои, теперь и до гроба, не снимаемыя“. Онъ рветъ на ней кружева, платьице—и накидываетъ грязную тряпку. Въ испугѣ и крайнемъ недоумѣніи дѣвочка кричитъ:

— Мама! мама! Гдѣ-же ты, мама?

Мама все видитъ, все *предвидитъ*, и закочепѣвъ въ ужасѣ, пятится назадъ... назадъ... къ самой далекой стѣнѣ, хочется ей вдавиться въ стѣну, пройти сквозь стѣну и, захвативъ свое дитя, бѣжать по улицѣ. Но еще не все кончено.

Теперь безобразный, красный и мокрый, въ тряпкахъ, кусокъ человѣческаго существа, остатокъ человѣка, сталкивается ногою съ помоста, и не то катится кубаремъ, не то сползаетъ на слизкѣ по ступенямъ внизъ. Толпа говоритъ: „такъ и надо“.

Вотъ, мнѣ кажется, *какъ* слѣдовало-бы выразить отношеніе къ „незаконнорожденности“. Сейчасъ только одинъ ребенокъ, беззащитный, принимаетъ ударъ; но вѣдь ударъ очень болепъ, лоссалепъ, и правдивость психологіи и соціальнаго строя требуетъ, чтобы также видны были и бьющій, чтобы посрамленіе было картинно въ деталяхъ своихъ. Вѣдь теперь это—уколъ, болѣзненный, болящій всю жизнь, наносимый тончайшей и даже вовсе невидимой иглой. Зачѣмъ это? къ чему лицемѣріе? къ чему все въ ущербъ, въ посрамленіе болящему: нѣтъ, пусть мужественно приметъ нѣкоторый стыдъ, стыдъ за жестокосердіе, и тотъ, кто дѣйствительно жестокосердъ! Кто имѣетъ жестокую душу, не долженъ смущаться жестокаго лица.

* * *

Да, и не безъ причины сказалъ, что вопросъ „незаконнаго рожденія“ неизслѣдимо глубокъ:

1) Это—хоремъ, постигающій рожденнаго культомъ безплодія.

2) Это—Stof und Kraft, откровенно признанное.

3) Это—выпавшіе цѣльные отдѣлы богословія.

Наконецъ, нельзя же не спросить, ибо въ глубокомъ несчастіи человѣкъ о всемъ въ правѣ просить: „Не понимаю я... У птицъ дѣтей не отнимаютъ, у меня отняли. Ну, есть просфора, есть просто хлѣбъ: *можно ли же однако растаптывать просто хлѣбъ?* А дѣтей во множествѣ, именно всѣхъ убиваемыхъ и всѣхъ отправляемыхъ въ воспитательные дома — очевидно растаптываютъ: и это предвидѣнно и принципіально. Но тогда я не вѣрю въ добротность и „освященнаго хлѣба“, „просфоры“, ибо и она очевидно не имѣетъ хорошаго въ себѣ состава, хорошаго матерьяла и муки, абсолютно въ смыслѣ матерьяла тожественнаго у нея съ обыкновеннымъ хлѣбомъ“.—Тутъ въ самомъ дѣлѣ философія таинства. Въ „таинство“, въ „благословеніе“, очевидно можно взять только

добротный, уже хорошій и благодатный въ себѣ самомъ, матерьялъ: воскъ, плоды, муку, масло, вино. Но напр. можно ли „благословить“ чумной бубонъ? И не подѣйствуетъ благословеніе, а, главное, вовсе нельзя его благословить, т. е. какъ бы сказать „гряди въ міръ и совершай присущее тебѣ“. Явно, что молитвенный свѣтъ принимаетъ на себя только уже naturaliter свѣтлая вещь; т. е. naturaliter добрая, полезная, нужная. Хлѣбъ мы ѣдимъ и только потому изъ него возможна просфора. Кто же скажетъ о натуральномъ хлѣбѣ: „его бы не надо“, „ему бы не быть“. Но если никто рѣшительно не оспоритъ, что о рожденномъ „незаконномъ“ ребенкѣ „Власы“ скорбятъ, что онъ *есть, рожденъ:* и терминъ „незаконнорожденный“ равняется: „не долженствовавшій бы существовать“, „не имѣвшій права родиться“, то совершенно неопровержимо, что „благословить“ его рожденіе вовсе и ни въ какомъ случаѣ нельзя. А всякій разъ, когда оно все-таки благословляется (законный бракъ),—оно благословляется мнимо и не дѣйственно. Въ связи съ тѣмъ и находится поражающая всѣхъ вещь, что вѣдь и въ законномъ бракѣ, по термину очистительной надъ рожешицею молитвы, ребенокъ рождается въ сущности незаконнымъ, „сквернымъ“; рожденіе его все равно изъявляется грѣхомъ, и при томъ безъ всякаго сглаживанія или смягченія вины сравнительно съ рожденіемъ вић брака. Т. е. что только въ утѣшеніе людямъ и какую-то иллюзію имъ дается будто бы благословеніе. Но какъ чумной бубонъ нельзя благословить,—и рожденіе благословить нельзя же и „законнаго брака“ метафизически не можетъ быть. Только духовный бракъ священника съ церковью (при посвященіи іерей водится вокругъ аналоя и при этомъ поется вѣнчальный, свадебный стихъ) есть единственный „законный христіанскій бракъ“. Прочіе—видимости; сны навѣваемые на міръ; по которымъ ничего въ дѣйствительности не отвѣчаетъ, и даже дѣйствительность имъ вполнѣ противоположна.

И вотъ почему „Власъ“ укалываетъ ребенка. Въ сущности—онъ всѣхъ укалываетъ. Но на всѣхъ онъ только кладетъ пятно, касаясь кожи и не пробуравливая ея. И только нѣкоторыхъ укалываетъ внутрь, на смерть. Не всѣ изъ нихъ умираютъ; но остающіеся въ живыхъ болятъ даже сильнѣе умершихъ.

*
* *

— Да, но вѣдь никто же не укалываетъ. Только даютъ терминъ, опредѣляютъ. Кто судитъ дѣвушекъ убивать дѣтей? Къ чему столь *чрезмѣрный* стыдъ? Мы, удалившіеся отъ міра, чисты какъ Пилатъ и какъ леди Макбетъ...

– Менѣе. Если *вчера* вы знали, что отъ такого-то термина сегодня произойдетъ самоубійство, дѣтоубійство; знали по предъидущимъ случаямъ, по фактамъ почти безъ исключенія: то неужели

всетаки положивъ сегодня терминъ—вы не погасили жизнь, только это сдѣлали не своими руками.

— Вольно столь стыдиться: предразсудокъ, преувеличеніе.

— Вы бы не теперь и не въ книгѣ это сказали, а публично и съ каѳедры и 1000 лѣтъ назадъ. Въ этомъ и весь пунктъ, что при зрѣлищѣ дѣтоубійства отъ стыда незаконнаго рожденія, ни одинъ однако Власъ не сказалъ: „Къ чему *такой* стыдъ? Это—*меньше* стоитъ. Это—*не такъ* важно, чтобы ребенку или матери не жить. *Успокойтесь*, такіе ли грѣхи бываютъ, придите въ себя, живите: ибо вы достойны жить". А если 1000 лѣтъ и ни одинъ „Власъ" не сказалъ этого, ни одинъ не указалъ, не посовѣтовалъ „меньше стыдиться", напротивъ — всѣ звали еще къ увеличенію стыда, корили, что недостаточно стыдятся, называли „безстыдницами": то стало-быть и уже намѣренно вы опредѣлили мѣру наказанія, уменьшеніе котораго вамъ было бы оскорбительно. А мѣра эта—„свари дитя въ собственномъ молокѣ".

1900 г.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса [1].

XXII. Письма.

1.

24 Сентября 1900 г.

Господ. В. Розановъ!

Чѣмъ больше читаю твое писанье, тѣмъ больше тебя презираю. Такъ и сквозитъ, что ты чѣмъ-то особенно раздосадованъ священствомъ. Но будь же и во гнѣвѣ справедливъ. Я не духовный, но по дѣламъ службы близко соприкасался съ правосл. духовенствомъ, и тобою возмущенъ. Къ чему глумиться надъ священными и дорогими для насъ православныхъ вѣрованіями? Къ чему сочинять для газеты кривотолки на св. Евангеліе? Къ чему передергивать? Лгать?

Къ чему въ одной грязи мѣшать понятіе о бракѣ, какъ таинствѣ св. Церкви, съ навязаннымъ духовенству обыскомъ, — этой чисто-юридической сдѣлкѣ, и съ порядками дух. консисторій?! Въ нихъ вѣдь сносится самая ужасная грязь семейныхъ отношеній всѣхъ сословій общества и, быть можетъ, твоя же собственная. И ты требуешь отъ мельника, работающаго на мельницѣ, чтобы онъ не былъ въ мукѣ?..

Впрочемъ, многіе, многіе уже убѣдились, что у тебя нѣтъ нравственныхъ устоевъ; нѣтъ критерія справедливости. Видится злоба въ сужденіяхъ и плохая, если есть, совѣсть. Всѣхъ на свою мѣрку не обобщай. Не тебѣ подрывать христіанскія основы

---

[1] Споръ о незаконнорожденности вызвалъ чрезвычайное напряженіе страстей. Безъ преувеличенія могу сказать, что на меня бросались съ каменьями и у меня цѣловали руки. И то и другое — живительное воспоминаніе и цѣнный матерьялъ къ рѣшенію вопроса. Къ сожалѣнію, у меня потерялась одна телеграмма, съ юга, съ подписью, что посылается отъ нѣсколькихъ сотъ (фабричныхъ?!) человѣкъ. *В. Р—въ.*

и твои плевки падаютъ на твою же самообольщенную, къ позору Русскую, нечестивую голову.

Въ сегодняшнемъ фельетонѣ ты весь сквозишь.

Не слишкомъ ли это?.. При такой злюкѣ, безъ полицейскаго, толстаго столба и обойтись нельзя. Къ нему тебя и приковать надо...

Гонораръ, г. В. Розановъ, за болтовню ты можешь получать, не прочитавши намараннаго, но „знай край и не падай“. Помни, что пишешь въ распространенной газетѣ, потому имѣй приличіе: себя назвать какъ хочешь можешь, но мы, читатели, не подлецы, не циники, не свиньи (см. ibidem). Я по крайней мѣрѣ, такого зла для Россіи, какъ ты, въ мысляхъ не имѣю, а ты проповѣдуешь.

Я уже старый человѣкъ, и съ ужасомъ вижу, какъ и въ печати Русской начинаетъ царить озорство и нахальство.

Развѣ ты не замѣчаешь, что тебѣ даже никто не отвѣчаетъ, считая тебя за „газетную шафку“.

Удивляюсь г-ну Суворину, всегда, хотя видимо, благонадежному.

Чисто-Русскій, православный читатель *О. Ивановъ* [1]).

2.

Вотъ достойный отвѣтъ г. В. Розанову на возмутительно-циничный фельетонъ 4-го октября на „Новомъ Времени“ подъ заглавіемъ „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“: *Въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духомъ обольстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ, черезъ лицемѣріе лжесловесниковъ* **сожженныхъ въ совѣсти своей** [2]), *запрещающихъ вступать въ бракъ* (1 Тим. 4, 1—3). з).

3.

Прочтя много Вашихъ сужденій о дѣтяхъ, внѣ закона рожденныхъ, могу только скорбѣть, что не всѣ люди обладаютъ Вашей чудной душой. Между 10 и 20 ноября въ Окружномъ Судѣ слушается дѣло о ребенкѣ, котораго желаютъ поставить внѣ закона. Защитникъ *де Плансонъ*.

---

[1]) Добрый, видно, человѣкъ. Такими Русь держится. Но „sancta simplicitas“... *В. Р—въ.*

[2]) Подчеркнуто краснымъ карандашомъ. *В. Р—въ.*

[3]) Анонимно. Прислано на клокъ, оторванномъ отъ бланка мѣняльной лавки. *В. Р—въ.*

4.

Милостивый Государь,

Василій Васильевичъ!

На страницахъ „Новаго Времени“ вы подали вашъ голосъ въ защиту незаконнорожденныхъ дѣтей—за каковую защиту я, какъ отецъ двухъ незаконнорожденныхъ дѣтей, приношу вамъ искреннюю благодарность и смѣю обратить ваше вниманіе еще на одинъ типъ несчастныхъ незакон.-рож. и ихъ несчастныхъ же родителей:—я раскольникъ, поморскаго согласія, одиннадцать лѣтъ тому назадъ сошолся съ дѣвицей вѣроученія господствующей церкви; послѣдствіемъ нашего сожительства имѣемъ двухъ дѣтей (крещены въ церкви), которыхъ, при всемъ своимъ искреннимъ желаніи, по существующимъ законамъ ни чрезъ бракъ, ни какими другими способами я не имѣлъ права ни узаконить, ни усыновить, и въ тоже время не могу и не признать ихъ своими дѣтьми. Единственный дозволенный закономъ способъ усыновленія дѣтей своихъ, чрезъ присоединеніе свое къ церкви и потомъ бракъ въ ней со своей сожительницей, для меня невозможенъ, ибо сопряженъ со сдѣлкою со своей совѣстію, что для меня не легче, чѣмъ и видѣть дѣтей своихъ заклейменныхъ именемъ незаконнорожденныхъ, и приходится жить связаннымъ естественнымъ родствомъ и раздѣленнымъ закономъ. Пока дѣти еще малы, то подобное ненормальное положеніе еще не особенно тяготитъ, но, боюсь, поздиѣе должно вызвать со стороны дѣтей озлобленіе и на своихъ родителей, и на власть придержащую, и мнѣ едвали въ дѣтяхъ своимъ придется видѣть честныхъ гражданъ и вѣрноподанныхъ своего царя.

Правдивое слово печати вызывало не разъ новыя законоположенія и отмѣняло старыя, уже отжившія. Оно, добрѣйшій Василій Васильевичъ, въ вашихъ рукахъ, и къ вамъ во имя христіанскаго человѣколюбія прибѣгаю отъ себя, своихъ несчастныхъ дѣтей и намъ подобныхъ съ покорнѣйшей просьбою путемъ печати сказать и въ защиту насъ „безъ вины виноватыхъ“ ваше правдивое и горячее слово. „Дитя не плачетъ мать не разумѣетъ“, и мы плачемъ и надѣемся чрезъ васъ быть услышанными нашей матерью отчизной и отцемъ Государемъ.

Простите за безпокойство, не смѣю надѣяться, что просьба моя будетъ вами услышана и уважена, слишкомъ она смѣла и назойлива, и позвольте еще разъ выразить вамъ глубокую благодарность за то, что уже вами сдѣлано и сказано.

Съ истиннымъ почтеніемъ и уваженіемъ къ вамъ пребываю.

Казань, 17 ноября 1900 г.

N. N.

5.

Прочитавъ фельетонъ 13 сентября въ „Нов. Врем.“ въ № 8817, подписанный „В. Розановъ“, „Евины внучки“—не могла отказать себѣ въ удовольствіи выразить ему благодарность за доброе слово въ защиту женщинъ. Мнѣ въ жизни (проживъ 39 л.) къ счастью не пришлось столкнуться съ гг. Бобровыми и т. д., но приходилось встрѣчать несчастныхъ жертвъ своего увлеченія, довѣрія мужчинѣ — и видя ихъ страданія нравственныя — пожалѣть до слезъ. Слава Богу, что есть еще люди (мужчины), которые говорятъ противъ безнравственности и ложнаго стыда „за своихъ“ дѣтей. Не стыдно имъ губить дѣвушку—а стыдятся хорошаго чувства! Здѣсь есть безнравственность и не воспитанность.

Ваша подписчица *А. П—ва.*

6.

М. Г.

Въ печати обсуждается горячо вопросъ неотложной важности „О дѣтяхъ несчастно рожденныхъ“. Кажется, съ этимъ назрѣвшимъ вопросомъ пора окончить, тѣмъ болѣе, что съ разумными доводами, приводимыми въ защиту „ни въ чемъ не повинныхъ дѣтей“, соглашается всякій благоразумный человѣкъ. И есть потребность времени, съ которою долѣе медлить нельзя; поэтому печать, какъ отголосокъ общественнаго мнѣнія и будитель дремлющей совѣсти людей, обязана „бить тревогу“! Пора проснуться, гг. писатели, вѣдь жизнь съ своими неотложными потребностями не ждетъ, а несчастно рожденные являются на свѣтъ Божій и заявляютъ о своихъ претензіяхъ наравнѣ съ другими, требуя себѣ извѣстнаго положенія въ обществѣ и имени своихъ родителей. Нельзя же ихъ лишать „законнаго права“ по своему недомыслію. И въ самомъ дѣлѣ, какъ подчиниться „безправному“ человѣку существующимъ законамъ, когда ему указываютъ, что онъ явился незаконно на свѣтъ Божій? и не можетъ пользоваться правами законнаго, даже носить имя своихъ кровныхъ родителей, если бы они признавали его.

Въ поясненіе изложеннаго обсужденія ссылаюсь на одинъ изъ тысячи примѣровъ:

Я, *холостой* и уже теперь старый человѣкъ, сблизился еще въ молодости съ чужою *женою*, не любимою и не любившею своего мужа; имѣю отъ нея дѣтей, желаю создать свою кровную *семью*, прожившій съ нею болѣе 20 лѣтъ; но мнѣ не позволено *кровныхъ* своихъ дѣтей назвать *своими* и дать имъ свое *имя*, потому что?!. Я обращаюсь къ закону, прошу назвать моихъ дѣтей, рожденныхъ мнѣ

брака, моими: *нельзя* нужна подписка родителей о полномъ согласіи на *усыновленіе*. Причемъ мать, конечно, къ услугамъ, а писанный, по метрическимъ записямъ отецъ—(фиктивный) не *согласенъ*, и нужно покупать у такого „писаннаго отца“ *согласіе*... Между тѣмъ, вѣдь по нашему закону подлогъ карается *строго*. А развѣ эта фальшивая запись о рожденіи „мосто“ ребенка *не подлогъ*, когда записывающему въ метрическихъ записяхъ говорятъ, кто именно родители ребенка, а онъ пишетъ другого, *бумажнаго отца*. Словомъ, подобное двусмысленное положеніе дѣтей и родителей не должно быть *терпимо*—ибо *ложь* [1]).

Одинъ изъ многихъ.

7.

Нѣкто остался очень недоволенъ, по видимому, статьею г. Розанова „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“, помѣщ. въ № 8839 „Нов. Вр.“: и на страницахъ одной изъ газетъ комментируетъ ее до такой степени странно, что невольно останавливается вниманіе на этомъ своеобразномъ истолкованіи сказаннаго г. Розановымъ.

Не вѣрится даже, что, прочитавъ хотя бы и не особенно внимательно указанную статью, можно было придти къ такимъ выводамъ: тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ, и если уже представитель печати усмотрѣлъ въ ней „предначертанія вродѣ устройства семьи по примѣру четвероногихъ“ и т. п. безсмыслицы, то что же мудренаго, если найдутся и другіе читатели, способные къ аналогичнымъ умозаключеніямъ. Думается, что на г. Розановѣ лежитъ обязанность еще точнѣе разъяснить преслѣдуемыя имъ задачи, имѣя въ виду и такихъ комментаторовъ прочитаннаго, какъ упомянутый „нѣкто“. Будетъ очень досадно, если хоть часть читателей не обратитъ должнаго вниманія на тѣ истинно христіанскія идеи, которыя все чаще и чаще встрѣчаются въ нашей прессѣ. Для него важно выяснить это недоразумѣніе, потому что, отмѣчая и критикуя соціальные вопросы, приходится

---

[1]) Дѣйствительно важно, что въ сущности всѣ наши метрическія книги просто *не вѣрны*. Т. е. будучи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вѣрны, но безъ оговорокъ—въ *какихъ* (въ разсказываемомъ случаѣ дѣти, 20 лѣтъ рождаясь отъ *такого* то, записываются законными дѣтьми *другого*), подаютъ поводъ заподозривать ихъ вѣрность вообще въ *каждой данной строкѣ*. „Книга бытія“ раба Божія Моисея есть первый экземпляръ метрики и образецъ истиннаго для истиннаго. Вотъ отчего и Лотъ съ дочерьми туда вписанъ безъ утаиванія. Нельзя утаивать въ рожденіяхъ: ибо это *начальный фактъ*, „исходъ“ нашего житія. „Книга бытія“ есть метрика рождающагося міра и рожденнаго человѣка. И записывать *не вѣрно*, напр. въ наши текущія метрики, есть не только *юридическій подлогъ*, но и *первородный грѣхъ*. Вотъ что духовенство должно-бы было разъяснить государству и отказаться въ томъ видѣ, какъ имъ ведутся, вести эти метрики. *В. Р--въ.*

быть отвѣтственнымъ предъ обществомъ за каждую сказанную въ печати фразу.

Многимъ изъ насъ, въ томъ числѣ и пишущему эти строки, къ сожалѣнію, навѣрно, не удастся видѣть того разсвѣта, зорька котораго все ярче и ярче разгорается въ умахъ и сердцахъ лучшихъ представителей нашей общественной совѣсти, и потому безпредѣльно отрадно, что хотя на закатѣ жизни пришлось убѣдиться, что нашлись смѣлые люди, которые называютъ вещи ихъ настоящими именами и призываютъ слѣдовать завѣтамъ Великаго Учителя, проповѣдывавшаго идеалы высшей нравственной чистоты, милосердія и уваженія къ человѣческой личности. Да будутъ же благословенны эти добрые призывы и да хранитъ Господь юныя жизни той молодежи, которая такъ горячо откликается на нихъ. Надо только поддержать стремленіе упорядочить отношенія къ себѣ самимъ и къ своему ближнему. Это всецѣло задача тѣхъ, кому принадлежитъ починъ въ этомъ святомъ дѣлѣ. *Ел. П.*

XXIII Бракъ съ точки зрѣнія газетной философіи.

Подъ заглавіемъ: „Споръ объ убитомъ ребенкѣ" В. Розановъ напечаталъ въ „Новомъ Времени" статью, въ которой, по собственному его выраженію, „отдѣльные казусы общественной жизни возводятся къ высшему синтезу и отыскивается на нихъ отвѣтъ не въ ходячей морали и временныхъ правилахъ, а въ нѣкоторой философской концепціи". Отмѣчаемъ эту статью, насколько она затрогиваетъ—и притомъ довольно неосмотрительно—религіозную область. „Казусъ общественной жизни", который служитъ исходнымъ пунктомъ для статьи,—поступокъ нѣкоего пѣвца Боброва, который соблазнилъ въ Воронежѣ молодую дѣвушку, бросилъ ее и тѣмъ довелъ до самоубійства, а когда возмущенная этимъ поступкомъ астраханская публика, при первомъ появленіи на подмосткахъ, освистала его, то онъ вломился въ амбицію и заявилъ, что публика должна судить только объ его артистическихъ талантахъ и не имѣетъ права вторгаться въ частную жизнь.—Авторъ не только признаетъ возможность уничтоженія различій между законно и незаконнорожденными дѣтьми, но и самыя основанія этихъ различій считаетъ неправильными, а усвоенную закономъ терминологію неточною. По его мнѣнію, вся путаница оттого происходитъ, что для опредѣленія брака (и слѣдовательно рожденныхъ въ бракѣ, законно, и внѣ брака, незаконно) принимается въ разсчетъ не существенный признакъ. Существенный признакъ брака — рожденіе, или точнѣе - - „прилѣпленіе" половъ. Это „абсолютъ" такой же значимости, какъ и противоположная рожденію смерть.

Гдѣ этотъ признакъ налицо, тамъ и бракъ; обычному дѣленію на „женъ“ и „наложницъ“ нѣтъ мѣста.

„Какъ только,—говоритъ авторъ,—бракъ опредѣлился не черезъ рожденіе, т. е. не черезъ свою сущность, такъ очевидно должны были получиться внѣ брачныя рожденія. Ихъ началъ тотъ, кто далъ браку невѣрное опредѣленіе, какъ невѣрно опредѣляются математическія задачи, невѣрно произносятся формулы. Я опредѣлю человѣка въ древне-эллинскомъ смыслѣ: „человѣкъ есть существо свободное“; тогда конечно всѣ рабы будутъ не люди! Но вѣдь тутъ погрѣшность опредѣленія, а не дефектъ существа. Спаситель опредѣлилъ бракъ по существу. Въ единственномъ случаѣ, когда, при вопросѣ фарисеевъ о разводномъ письмѣ, Ему пришлось выразиться о бракѣ, Онъ отвѣтилъ искушающимъ Его: „не читали ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ (Быт. 1)? И сказалъ Сотворившій: посему оставитъ человѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два одною плотію (Быт. 2); такъ что они уже не двое, а одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ—человѣкъ да не разлучаетъ“ (Матѳ. 19). Не очевидно ли, что это сказано о всей суммѣ произрастанія человѣческаго, рождаемости человѣческой, и въ этихъ единственныхъ словахъ о бракѣ онъ опредѣленъ черезъ рожденіе, и даже короче и уже—черезъ „прилѣпленіе“ половъ. Что же, проведена ли здѣсь линія между способами рожденія въ „адюльтерѣ“, „наложничествѣ“, „любви“ и прочее? Не сотворено самаго понятія этого“.

Отсюда у автора естественно вытекаетъ выводъ, что одинъ фактъ сближенія половъ устанавливаетъ между ними брачное соединеніе; какъ только мужчина коснулся женщины—онъ вступилъ съ нею въ полное супружество и принялъ на себя всю полноту обязанностей, правъ и заботъ какъ въ отношеніи взаимной любви, такъ и воспитанія дѣтей. Нѣтъ ни соблазненій, ни паденій; есть только супружество, къ которому нужно относиться съ величайшимъ уваженіемъ.

„Болѣзнь есть вечерняя заря бытія, любовь—утренняя. Смерть—свята; это—одинъ столбъ міровой религіи. Тогда свято рожденіе, и любовь цвѣтка къ цвѣтку, животнаго къ животному и человѣка къ человѣку — есть второй столбъ религіи. Любовь и болѣзнь между собою относятся, какъ рожденіе и смерть, какъ зори, утренняя и вечерняя, священно-бытія нашего. Объ абсолютны. Но когда вы соотвѣтственнымъ образомъ благоговѣете къ болѣзни, подходите на цыпочкахъ къ болящему, помогаете ему, творите слова поддержки и утѣшенія—какъ вы поступили съ Гретхенъ? Какъ поступили Фаустъ, Мефистофель? И вотъ плодъ этихъ поступковъ—смерть ея, ребенка, чудные послѣдніе діалоги драмы и заключительное небесное „спасена“! Гете очень много этимъ хотѣлъ сказать, много — именно введеніемъ въ земную драму небеснаго элемента. Ибо, какъ въ смерти небо и земля связываются, связываются они и въ рожденіи, и въ блистающихъ зорихъ того и другого. Это-то не было никогда уловлено и отсюда могутъ пойти большіе споры и очень сомнительныя въ исходѣ тяжбы. Вотъ какъ прелюдія къ этимъ спорамъ, въ высшемъ философскомъ и религіозномъ смыслѣ, понятіе „незаконнаго рожденія“ и любопытно: ибо тутъ—весь человѣкъ, и вѣдь нельзя же о человѣкѣ разсуждать только въ гражданскомъ смыслѣ. Человѣкъ есть лицо священное: можно ли же говорить о его появленіи на свѣтъ, о ниспаденіи на землю его безсмертной души въ порядкѣ „Гражданскаго уложенія“!? Мы хотимъ сказать, что вопросъ „незаконнаго рожденія“ нисколько не есть вопросъ гражданскаго законодательства, а религіозный и философскій вопросъ и частію судебно-религіозная тяжба.

Съ газетно-философской точки зрѣнія разсужденія автора, быть можетъ, не лишены остроумія и послѣдовательности, но напрасно авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, старается прикрыться и религіей. „Столпъ религіи“ онъ усматриваетъ совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ,—въ физіологическомъ актѣ, а не въ духовномъ началѣ [1]). Бракъ по церковному понятію есть одно изъ семи таинствъ, со стороны своей сущности для ума человѣческаго непостижимыхъ [2]), а у автора онъ пріобрѣтаетъ смыслъ болѣе чѣмъ реальный [3]). Образъ брачнаго единенія имѣетъ въ религіи до такой степени высокодуховное значеніе, что употребленъ для обозначенія союза между Христомъ и церковію, а у автора духовность замѣнена физическимъ отправленіемъ. Авторъ пользуется выраженіемъ Евангелія: *будутъ два одною плотію*, для опредѣленія, въ чемъ состоитъ сочетаніе, совершенное Богомъ и не подлежащее разлученію отъ людей; но при этомъ онъ забываетъ, что Христосъ Спаситель ясно отличилъ [4]) бракъ отъ прелюбодѣянія, одно разрѣшилъ и Своимъ присутствіемъ освятилъ, другое осудилъ и воспретилъ [5]). Какъ же возможно смѣшивать эти двѣ вещи и ото-

---

[1]) Вотъ *корень*-то дѣла. Конечно, я все время, уже много лѣтъ, чувствую, что родникъ „незаконнаго рожденія“ и слѣд. дѣтоубійство лежитъ не въ „прелюбодѣяніи“, не въ „седьмой заповѣди“ и ея отступленіяхъ при рожденіи: а—въ „духѣ“ и „духовности“, въ „духовномъ бракѣ“ (неуловимая тенденція къ „духовному супружеству“ хлыстовъ), которая вовсе вытѣснила кровно-сѣменную сторону и стала на ея мѣсто. Алгебра замѣнила механику, учебникъ математики—арки и мосты; слово—природу, Логосъ—книгу Бытія. Ну, конечно—это религіозно-философскій вопросъ. Но онъ уже предрѣшенъ въ исходѣ, ибо спорящіе стоятъ надъ трупикомъ младенца. Логосъ и логистика можетъ имъ подавиться,—это не только въ смыслѣ пожеланія, но и будущаго факта „грядущихъ судебъ“... *В.Р—въ.*

[2]) Собственно, что-же непостижимаго въ механизмѣ обряда? словахъ, жестахъ? Все въ высшей степени раціонально. *В. Р—въ.*

[3]) Да вѣдь *реальное*-то можетъ быть очень *непостижимо*. Что Іову Богъ говоритъ въ бурѣ?—о *непостижимости* реальныхъ вещей, и даже въ частности именно—*рожденій* и зачатій: „Знаешь-ли ты время, когда рождаютъ дикія козы на скалахъ и замѣчалъ-ли роды ланей? Можешь-ли расчислить мѣсяцы беременности ихъ, и знаешь-ли время родовъ ихъ“ (Іовъ, 39). А что все это „непостижимо“ не только въ смыслѣ неизвѣстности и сокрытости, а и божественности, то вотъ слова самого Іова: „...то что-бы я сталъ дѣлать, когда-бы Богъ возсталъ? И когда-бы Онъ взглянулъ на меня, что могъ-бы я отвѣчать Ему? *Не Онъ-ли, Который создалъ меня во чревѣ, создалъ и его* (друга Іова), *и равно образовалъ насъ въ утробѣ*“ (Іовъ, 31 ст. 14—15). Но это богословіе пустынь Азіи уже непонятно на болотахъ Петербурга, гдѣ „непостижимое“ и „божественное“ усматриваютъ только въ „чиноначаліи“. *В. Р—въ.*

[4]) Ожидалось-бы увидѣть ссылку на подлинныя слова. Я такихъ не помню. *В. Р—въ.*

[5]) „Кто не оставитъ *жены* и *дѣтей* — не можетъ быть Моимъ ученикомъ“, *Лука*, XIV, 26. Это—въ отношеніи къ законному браку. „Истинно говорю вамъ (книжникамъ и фарисеямъ): *блудницы впереди васъ* идутъ въ

жествлять [1]) ихъ? Мало того, что между ними лежитъ бездна [2]), но на пути человѣческаго совершенствованія и бракъ не можетъ имѣть значеніе непререкаемаго „абсолюта", если есть высшая ступень въ видѣ дѣвства [3]), ни для кого, правда, необязательнаго [4]), но доступнаго человѣку, „могущему вмѣстить", и имѣющаго для себя высшій образецъ [5]) въ лицѣ Христа. Сказаннаго достаточно, чтобы понять, въ какое противорѣчіе становится авторъ съ основоположеніями христіанской религіи [6]). И нельзя не пожалѣть, что

Царствіе Божіе", Мат. 21.". Такъ о чемъ-же судитъ новѣйшій фарисей?. *В. Р—въ.*

[1]) „Женщина, когда *рождаетъ*, то терпитъ скорбь, а когда родила—то забываетъ всю боль свою, ибо *новый человѣкъ* черезъ нее вошелъ въ міръ". Іоанна, 16: это собственно *главное* въ Евангеліи о бракѣ мѣсто. И здѣсь просто сказано—„женщина", безъ всякихъ раздѣленій. Что касается до посѣщенія брака въ Канѣ Галилейской, то пришествіе блудницы передъ Тайною Вечерею, возлившей Муро на ноги Спасителя, и слова Его о ней — съ заключительнымъ: „гдѣ не будетъ проповѣдано Евангеліе, будетъ упомянуто о ней", Луки, 7, еще разительнѣе, трогательнѣе, чѣмъ посѣщеніе брака въ Канѣ Галилейской. И это бы „книжникамъ" не мѣшало помнить. Но они „все забыли и ничему не научились". *В. Р—въ.*

[2]) Какой вздоръ и кощунство! „Ты имѣла пять мужей", сказалъ Спаситель самарянкѣ: „и котораго теперь имѣешь — *не мужъ* тебѣ". И никакого упрека. Зачѣмъ-бы Спасителю упомянуть о „не мужъ", какъ молчатъ о немъ всегда наши метрики, еслибы Онъ не хотѣлъ сказать, прямо и упорно, „жестоковыйнымъ": вотъ она имѣла и *мужей*, и *не мужа*— а Я открываю ей ученіе о вѣдахъ Вѣчной жизни, котораго не сказалъ мудрецамъ и учителямъ израилевымъ. *В. Р—въ.*

[3]) Это очень важно и вполнѣ вѣрно, что бракъ пересталъ быть „абсолютомъ", какъ только выявился идеалъ дѣвства. Т. е. столпъ рожденія. „книга Живота" вся до основанія поколеблена была, какъ только, безъ всякаго отрицанія брака, появился около него идеалъ дѣвства. Они—*не умаляются* одинъ возлѣ другого, и одинъ въ простомъ *присутствіи* другого—начинаетъ таять и исчезать. Это какъ луна и солнце *есть* солнце *-нѣтъ* луны, *есть* луна *-нѣтъ* солнца. *В. Р—въ.*

[4]) Какая уловка, и вѣчно она повторяется! „Ни для кого не обязательнаго!" Забыли несчастное состояніе молодыхъ вдовыхъ священниковъ! Идеалъ и законъ: да вѣдь *идеалъ* обязательнѣе *закона* для добраго, для совѣстливаго!! И вы хоть и „не обязали матерей убивать незаконнорожденныхъ дѣтей, а все же, добрыя и совѣстливыя, онѣ „и безъ обязательства не рождать", въ страшной мукѣ дѣтей своихъ умерщвляютъ. А „не обязавшіе" дѣвственники отходятъ въ сторону со словами: „въ крови сей мы не повинны; мы ей не велѣли убивать, мы ей не запрещали рождать; мы ей только посовѣтовали другой идеалъ, но она *не захотѣла*. Однако мы ее и за это не осудили, а только едва замѣтно поморщились. Но она съ чего-то сама испугалась, заметалась родивъ—и покончила, съ дитятею или съ собой". *В. Р—въ.*

[5]) Христосъ какъ Богъ умеръ за грѣхи міра; а профессора духовныхъ академій за грѣхи міра не умираютъ. Также—дѣвство Христа, какъ и искупленіе міра, для человѣчества *иначе созданнаго*—не „образецъ" вовсе. Каждый поступаетъ по своему закону—и твари нечего и восходить на пути Сотворившаго. *В. Р—въ.*

[6]) Въ которой, какъ я здѣсь доказалъ текстами, вы *ала* не понимаете. Преобразовали христіанство въ книжничество и фарисейство, вы-

распространенѣйшая газета содѣйствуетъ затемненію въ русскомъ обществѣ и безъ того смутныхъ религіозныхъ понятій. Кстати, по поводу склонности автора иллюстрировать свои мысли ветхозавѣтными примѣрами, ссылкой на „богача Вооза и нищенку Руѳь“ и т. под., мы посовѣтовали бы ему не выпускать изъ вниманія, что съ пришествіемъ Христа ветхій законъ упраздненъ [1]), ветхозавѣтныя нормы потеряли силу и получили иной видъ, такъ что напр. въ новомъ завѣтѣ признается преступнымъ [2]) кровосмѣшеніемъ то самое, что въ ветхомъ считалось законнымъ возстановленіемъ сѣмени брату.

(Церковный Вѣстникъ № 41).

XXIV. О равноправности дѣтей незаконныхъ съ законными. Отъ редакціи „Новаго Времени“.

По поводу фельетона В. В. Розанова „Святое чудо бытія“ протоіерей *А. Устьинскій* пишетъ въ защиту несчастныхъ, такъ-называемыхъ, незаконнорожденныхъ дѣтей:

„Вѣдь и они принадлежатъ къ тому обществу дѣтей, которыхъ благословлялъ Христосъ, и относительно которыхъ сказалъ: „Иже аще пріиметъ отроча таково во имя Мое, Мене пріемлетъ“ (Мто. 18, 5). Входите въ духъ милосердія Христова, ибо „Сынъ Человѣческій пришелъ взыскати и спасти погибшаго“ (ст. 11) и засвидѣтельствовалъ намъ, что „нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ Небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ“ (ст. 14). Замѣчательно, что именно этотъ отдѣлъ изъ Евангелія отъ Матѳея (гл. 18, ст. 10—20) положено Церковью читать за литургіей въ Духовъ день.“

Высказанную г. Розановымъ мысль, что въ понятіи незакон-

бросивъ изъ него *природу* и *совѣсть*. Толкуется на слѣдахъ фарисеевъ, только уже въ сей часъ и вѣкъ не передъ Христомъ, а позади Христа, и не совопросничая съ Нимъ, а будто-бы за Нимъ слѣдуя и Его похваляя. А въ себѣ не памѣнились, не возродились. О такихъ и скажетъ Онъ: „многіе будутъ говорить: *Господи, не Твое-ли имя мы призывали*; но я имъ скажу: *идите отъ Меня въ огнь* вѣчный, уготованный Діаволу и ангеламъ его“. *В. Р—въ.*

[1]) Вотъ это-то и главное. Авторъ, хоть и профессоръ академіи, не помнитъ: „небо и земля прейдетъ, а іота изъ закона (Ветхозавѣтнаго, ибо Новый еще только основывался) не прейдетъ;“ и „Я не нарушить пришелъ законъ, но исполнить“. Но что уважалъ Спаситель, зачѣмъ то уважать Петербургскимъ профессорамъ? Они просто нигилисты: словъ Христа не помнятъ, Ветхій Затѣтъ „отмѣни“ и помнятъ только „20—ое число“. *В. Р—въ.*

[2]) Гдѣ-же это въ Новомъ Завѣтѣ отмѣненъ левиратный бракъ евреевъ?! Это запрещеніе взято изъ языческаго римскаго права византійскими императорами, и занесено потомъ въ Номоканонъ. Но романъ Поль-де-Кока въ карманѣ семинариста ничего священнаго собою не представляетъ. *В. Р—въ.*

порожденности есть религіозно-философскій споръ и тяжба. авторъ письма находитъ совершенно вѣрной:

„Споръ этотъ, по своему характеру, отчасти напоминаетъ собою великій споръ апостольскаго вѣка объ обрѣзаніи. Какъ тогда обрѣзанные высокомѣрно и съ презрѣніемъ относились къ необрѣзаннымъ, такъ теперь законнорожденные съ презрѣніемъ и высокомѣрно относятся къ такъ называемымъ незаконнорожденнымъ, и не даютъ послѣднимъ участія въ благахъ равной общей жизни. Но въ апостольскомъ вѣкѣ необрѣзанные добились равноправности съ обрѣзанными. И теперь незаконнорожденные должны непремѣнно добиться равноправности съ законнорожденными".

Проектъ о троякой формѣ брака, по образцу древне-библейской жизни, о. протоіерей признаетъ прекраснымъ и заслуживающимъ практическаго осуществленія. Съ своей стороны авторъ письма дополняетъ его слѣдующими практическими подробностями, касающимися формы метрическихъ записей:

„Здѣсь, прежде всего, необходимо совершенно уничтожить, вычеркнуть слово *незаконнорожденный*. Къ чему налагать это позорное клеймо на младенцевъ, ни мало неповинныхъ въ своемъ появленіи на свѣтъ Божій? Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ и замѣнять это слово какимъ-либо другимъ синонимомъ. Вообще, въ графѣ, въ которой проставляется имя крещаемаго, кромѣ этого имени никакихъ прибавочныхъ и поясненительныхъ словъ писать отнюдь не должно. Затѣмъ, метрическія записи должны быть троякой формы, смотря по тому, какъ записывать родителей младенца. Первая форма — это та, которая теперь существуетъ для законнорожденныхъ. По этой формѣ въ графѣ о родителяхъ пишется: такой-то и законная его жена такая-то. Вторая форма должна быть для всѣхъ тѣхъ, многочисленныхъ и разнообразныхъ случаевъ, когда въ наличности является семья, состоящая изъ невѣнчавшихся въ церкви сожителей, все равно, будутъ ли это холостой человѣкъ и дѣвушка, сошедшіеся и начавшіе семейную жизнь безъ вѣнчанія, или мужъ, покинутый своею женой, и нашедшій себѣ новую сожительницу, или жена, покинутая своимъ мужемъ, и вступившая въ связь съ новымъ сожителемъ. Вообще, тутъ я имѣю въ виду всѣ тѣ случаи невѣнчанныхъ сожительствъ, когда отецъ и мать ребенка на лицо, не отпираются отъ своего дѣтища, а напротивъ признаютъ его своимъ. Для всѣхъ этихъ случаевъ должна быть слѣдующая форма метрической записи. Въ графѣ о родителяхъ слѣдуетъ писать: *такой-то и сожительница его такая-то*. Само собой разумѣется, что ребенокъ въ этихъ случаяхъ долженъ неизбѣжно носить отчество и фамилію своего фактическаго отца. Третья форма должна существовать для всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда отецъ ребенка прячется, скрывается, утаивается, когда въ наличности бываетъ только

мать. Въ этихъ случаяхъ, въ графѣ о родителяхъ и слѣдуетъ писать только имя, отчество и фамилію матери. Отчество ребенокъ долженъ получать или по крестному отцу, или по дѣду, а фамилію, мнѣ думается, онъ долженъ носить материнскую, чтобы не разрывать связи между сыномъ и матерью.

„И пока эти три формы метрическихъ записей не будутъ узаконены, не будетъ въ общественной жизни никакого порядка".

XXV. Дѣти и «дѣти».

(По формулѣ: Audiatur et altera pars).

Въ послѣдніе мѣсяцы, больше всего благодаря метафизическимъ статьямъ глубокоуважаемаго В. В. Розанова о бракѣ въ христіанской семьѣ, съ точки зрѣнія не только оригинальной, но и справедливой, въ печати стали появляться статьи, спеціально трактующія о положеніи такъ-называемыхъ (и скверно называемыхъ) „незаконнорожденныхъ" дѣтей.

Да позволено будетъ и мнѣ, нѣсколько занимавшемуся этимъ же вопросомъ, высказать по его поводу нѣсколько мыслей въ иномъ направленіи, чѣмъ тѣ благородныя, но недостаточно продуманныя, вообще говоря, предложенія и нареканія, какія можно и выгодно у насъ высказывать печатно.

Господа, съ истиннымъ и живымъ благородствомъ занятые вопросами о „натуральныхъ" дѣтяхъ (тоже названіе не ахти какое выгодное, такъ какъ при этомъ законныя дѣти выходятъ какъ бы не натуральными), забываютъ юридическую аксіому, что все, прибавленное къ правамъ этихъ натуральныхъ дѣтей, отнимается отъ правъ дѣтей, прижитыхъ въ бракѣ [1]). Нельзя мѣрить высоту лѣстницы числомъ ступеней, хотя это и принято въ обыкновенныхъ разговорахъ, но надо постоянно помнить, что, имѣя высоту, которую нельзя измѣнить, мы можемъ только, увеличивая число ступеней, уменьшать ихъ высоту, или напротивъ уменьшать число послѣднихъ цѣною увеличенія высоты ихъ подступенька. Послѣднее однако дѣлаетъ лѣстницу тяжелѣе. Совершенно также и въ этомъ злосчастномъ вопросѣ. Затѣмъ, путемъ признанія всѣхъ дѣтей, прижитыхъ въ бракѣ или внѣ брака, одинаково законными и одинаково натуральными, въ корнѣ разрушается самый смыслъ брака, какъ религіознаго и государственнаго учрежденія. Съ раз-

[1]) Постановка, сходная съ вопросомъ о капитализмѣ: „что́ дается пролетарію отнимается у оптимата". Или у насъ русскихъ: „что будетъ дано крестьянину—отнимется у помѣщика". Конечно. Но пришелъ Цезарь—и оптиматы спрятались: родился Александръ II—и помѣщики подѣлились съ крестьянами. Исторія оба факта назвала благодѣтельными. *В. Р—въ.*

рушеніемъ же брачныхъ основъ, неминуемо падаетъ много юридическихъ понятій, лежащихъ нынѣ въ основѣ современнаго гражданскаго общежитія. Ни правъ на титулы, ни правъ наслѣдованія, ни правъ даже эмеритурнаго страхованія, нельзя будетъ поставить сколько-нибудь прочно, разъ самый брачный институтъ будетъ уничтоженъ разрѣшеніемъ отыскивать [1]) отцовъ дѣтьми, прижитыми внѣ брака, и пользоваться всѣми правами дѣтей, прижитыхъ въ бракѣ. Безусловно при послѣднемъ, единственно справедливомъ рѣшеніи вопроса по отношенію къ дѣтямъ вообще, строй общества долженъ перемѣнить такъ-сказать полъ, и изъ мужского превратиться въ женскій,—ибо только мать даннаго ребенка всегда конкретна; напротивъ отецъ, даже и мужъ въ семьѣ, часто бываетъ отцомъ фиктивнымъ и проблематическимъ. Есть много основаній и много фактовъ, заставляющихъ думать, что за послѣднее время прогрессъ жизни шибко пошелъ именно въ сторону послѣдняго рѣшенія вопроса. Въ семьѣ слѣдующихъ вѣковъ будетъ главенствовать женщина и скоро полигамія явная (мусульманская) или скрытая (христіанская) замѣнится очевидной поліандріей, такъ какъ у одной матери будутъ расти и воспитываться дѣти столькихъ отцовъ, сколько мужчинъ ей заблагоразсудится осчастливить ласками ни къ чему не обязывающей любви.

Но такъ какъ женщина по природѣ существо жестокое [2]) и въ чувствахъ своихъ категорична, то возможно и теперь предвидѣть, что въ тѣ времена торжества правъ женщины и матери, въ мірѣ будутъ работать оскопленые рабы и рабыни, а хорошіе производители рода будутъ сидѣть на цѣпяхъ и при томъ едва ли розовыхъ. Обратите вниманіе, что уже теперь замѣчается сильное массовое движеніе въ пользу культа грубой силы. Явились атлеты, явились изъ высшаго общества тореадоры, и потому едва ли намъ далеко и до римскихъ гладіаторовъ, считавшихъ за честь умереть въ полной красѣ мускулатуры, при полнѣйшемъ отсутствіи интеллигенціи. Біологи въ утѣшеніе намъ, мужчинамъ, пожалуй скажутъ не безъ основанія, что это будетъ только атавизмомъ, такъ какъ царство амазонокъ уже существовало въ оны времена, и слѣды феминистскаго царства въ людяхъ ярко намѣчены во всѣхъ сказкахъ и легендахъ народовъ земного шара и потому,

---

[1]) Это очень важно: *ребенку запрещено отыскивать своего отца!!!* Поистинѣ, счастливѣе христіанъ козы и овцы, и сострадательнѣе ихъ медвѣди и лисицы! Поразительно. Но все это я раньше зналъ, и мнѣ надо было не своими устами, а *чужимъ языкомъ и равнодушнымъ посторонними словомъ* написать на стѣнѣ вашей эры это *мене, текелъ, фаресъ*. *В. Р—въ.*

[2]) Главное, это господа кавалеры говорятъ, безъ малѣйшаго смущенія бросающія дѣвушекъ и дѣтей ихъ!! *В. Р—въ.*

какъ всякій атавизмъ, и этотъ будетъ, въ свою очередь, непроченъ и спорадиченъ, такъ что вообще очень-то намъ мужчинамъ бояться феминисткой семьи съ явною полиандріею производителей потомства—нечего. Пусть и такъ. Однако такая атавія все же видѣется въ концѣ вопроса, уже сегодня настолько разработаннаго въ извѣстномъ смыслѣ, чтобы на этотъ ближайшій къ намъ кончикъ одного и того же прямого пути смотрѣть безъ излишней сантиментальности.

Съ этой точки зрѣнія нѣтъ, не было и не будетъ лучшаго и благороднѣйшаго рѣшенія вопроса о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, какъ укрѣпленіе чистоты брачныхъ отношеній, все равно съ точки зрѣнія физіологической, съ религіозной и съ юридической. Полное же сравненіе правъ всѣхъ безъ исключенія рожденныхъ женщиной дѣтей будетъ возможно только тогда, когда въ обществѣ исчезнутъ какія бы то ни было сословныя перегородки и имущественныя сословныя права.

Покуда же послѣднія существуютъ, конечно не смотря на всѣ раздуваемые ужасы нравственныхъ мукъ дѣтей, косвенно рожденныхъ, на одного идеалиста, который, будучи директоромъ гимназіи, завидовалъ бы законному сыну нищаго, найдется полмилліона законныхъ дѣтей-нищихъ, ежеминутно готовыхъ продать свое первородство за чечевичную похлебку мѣста директорскаго. Да и теперь на одного такого идеально мыслящаго директора, о которомъ сообщаетъ г. Розановъ, въ одной актерской средѣ можно найти сотни разныхъ Залихватскихъ-Загорянскихъ, которые, будучи найзаконнѣйшими дѣтьми по происхожденію, афишируютъ себя дѣтьми, происшедшихъ отъ незаконной любви разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Если же вы имѣли дѣло съ воспитанницами воспитательныхъ домовъ въ возрастѣ совершеннолѣтія, то должны знать, что едва-ли не каждая изъ нихъ увѣрена, что по крови происходитъ отъ князя. Ахъ, наивные, хорошіе люди, не всегда судите о ближнихъ по себѣ самимъ! Мы не цѣнимъ только того, что имѣемъ, напротивъ чужое достояніе, хотя бы бриллианты кокотки, вызываютъ слезы зависти у тысячи честныхъ дѣвушекъ и у десятковъ тысячъ небогатыхъ матерей.

Я очень хорошо знаю, что были и не рѣдко происходятъ такіе случаи, когда люди устраиваютъ себѣ фиктивное подкидываніе дѣтей, заставляя своихъ безплодныхъ женъ подражать внѣшностью беременнымъ женщинамъ, и даже съ попустительствомъ знакомыхъ врачей, такимъ образомъ получающихъ чужихъ дѣтей въ видѣ дѣтей законныхъ и тѣмъ обезпечивающихъ женѣ полную пенсію, которая вдвое, а иной разъ и втрое больше вдовьей. Тутъ мы имѣемъ также гражданское преступленіе и подлогъ въ правахъ, то есть значительное преступленіе съ чисто юридической точки зрѣнія, но не имѣемъ служебнаго подлога, который можетъ

быть сдѣлань только путемъ насилія надъ подчиненными намъ лицами, поставленными въ этихъ случаяхъ или въ необходимость донести о покушеніи на преступленіе, еще не совершенное, что очень мало выигрышно и вовсе неутѣшительно, или оставить службу ради высокаго принципа и пойти на сторону умирать съ голоду.

Несогласенъ я и съ трогательной версіей усыновленія своего ребенка отъ чужой жены въ передачѣ г. Энгельгардта. Прежде всего общее правило: отъ чужихъ женъ не слѣдуетъ имѣть своихъ дѣтей, особенно людямъ правды! Это первое, но есть и второе. Именно старый законъ, признающій всѣхъ дѣтей, рожденныхъ не разведенною женой, живущею въ одномъ городѣ съ мужемъ или пребывавшей въ теченіе времени беременности въ этомъ городѣ хотя бы въ теченіе только трехъ ночей, за дѣтей законныхъ, имѣетъ благія цѣли: удерживать мужей отъ напрасныхъ и преступныхъ разъѣздовъ съ порядочными женами и отъ попущенія законнаго ребенка признавать не законнымъ и тѣмъ уменьшить число незаконно или несчастно рожденныхъ, то-есть это законъ, идущій въ сторону желаемыхъ нынѣ узаконеній.

На практикѣ, однако, послѣдній законъ, какъ идеальный, всего болѣе способствовалъ дѣтоубійству въ средѣ крестьянской, купеческой и даже дворянской, и вообще обусловливалъ много матримоніальныхъ преступленій уголовнаго характера между супругами.

Лично мнѣ пришлось знать нѣчто ужасное въ этомъ смыслѣ. Въ теченіе семилѣтняго пребыванія человѣка въ столицѣ, его ненавистная и много болѣе его старая супруга, познакомившись съ этимъ закономъ, пріѣзжала въ столицу разъ пять, акуратно прописывалась на квартирахъ, и вотъ, возвратясь послѣ академіи домой, несчастный нашелъ у себя пять человѣкъ собственныхъ дѣтей! Жаловался онъ всѣмъ судамъ до Сената включительно, но отмѣтки на паспортѣ и въ домовыхъ книгахъ столицы рѣзко свидѣтельствовали, что эти, никогда не виданныя имъ дѣти — его собственныя, имѣющія всѣ права на его состояніе, какъ благопріобрѣтенное, такъ и родовое [1]).

И въ концѣ-концовъ исторія кончилась трагически и для дѣтей, и для супруги, которую разгнѣванный супругъ и по этапу поводилъ за собой [2]) по Россіи, хладнокровно говоря, что и въ этомъ случаѣ „долгъ платежемъ красенъ“. Небольшое состояніе свое онъ развѣялъ [3]) по свѣту бѣлому не безъ помощи чужихъ

---

[1]) Надо-бы лучше, да некуда! И самое пикантное—что вѣдь съ такой супругой онъ и развода добиться не могъ, ибо тѣмъ-же была „нарушена святость брачнаго союза“?! *В. Р—въ.*

[2]) Безчеловѣчіе одного факта уже влечетъ за собою безчеловѣчіе другого. „Ты меня ножомъ—такъ я тебя въ бокъ“. Но не явно-ли, что безчеловѣчіе *нравовъ* вытекло изъ безчеловѣчія *установъ*?! *В. Р—въ.*

[3]) Тоже важно. *Расточительность*—почти всегда есть послѣдствіе

женщинъ конечно, дѣтей уморилъ, а жена кончила свое бѣдственное существованіе въ больницѣ [1]).

Вотъ къ какимъ трагедіямъ ведутъ наи-идеальнѣйшіе [2]) законы, насильно втиснутые въ жизнь, ничего общаго съ нашими абстрактными идеями не имѣющую. И такіе примѣры, имъ же и числа нѣтъ, должны были бы уже давно пріучить насъ въ области чувства чаще слушаться разума, а въ области разума—не совсѣмъ забывать наше личное, доброе, спеціально человѣческое чувство.

Въ заключеніе еще два слова. Читая іереміады и славословія по адресу рожденія не въ физіологическомъ, а въ гражданскомъ значеніи слова „незаконнаго", развѣ не правы тѣ женщины, которымъ кажется, что тутъ за незаконное рожденіе сильно хлопочутъ или „не вѣдающіе бо, что творятъ", или сладострастники, сознательно сладострастію своему расчищающіе дорогу. Очень пріятно выступать защитникомъ незаконнорожденныхъ старому холостяку, у котораго ихъ можетъ быть множество [3]); это даетъ ему извѣстное cachet въ сужденіяхъ общества и въ то же время ни къ чему серьезному не обязываетъ. И послѣднее справедливо, такъ какъ нѣтъ законовъ, которые бы помѣшали честному отцу внѣ брака рожденнаго ребенка безъ понужденій взять на себя всѣ тяготы и всѣ заботы по устройству его судьбы [4]). Вотъ вѣрно такой отецъ и былъ у Розановскаго директора. Законъ холодный и прямой съ трудомъ справляется съ нашими чувственными преступленіями: дуэлью, незаконнымъ рожденіемъ и всякаго вида и рода проституцій—половой или гражданской, въ смыслѣ взиманія мзды намъ не принадлежащей—все равно. Но практика жизни, покуда люди живы, недурно съ этимъ справляется, и наказываетъ прелюбодѣевъ мужского и женскаго пола по мѣрѣ ихъ вины, надѣляя ихъ усиленной любовью къ невиннымъ страдальцамъ ихъ преступленія, и тѣмъ заставляя особенное вниманіе обращать на нихъ въ степени много болѣе высокой, чѣмъ вниманіе ими же обращаемое на дѣтей законныхъ. Въ этомъ и состоитъ наказаніе для сластолюбцевъ внѣ узаконенныхъ формъ, въ этомъ же и освобожденіе невинно страждущихъ отъ ихъ незаслуженныхъ страданій. *А—тъ.*

несчастія въ сѣмени и крови, а *бережливость* плодъ счастья въ семьѣ. Умѣйте наблюдать. *В. Р—въ.*

[1]) Хороша картина христіанскаго счастья. Не куда лучше. То-то „ляжетъ овца вмѣстѣ съ волкомъ, и лань около льва не получитъ обиды". Исполнилось... *В. Р—въ.*

[2]) Да почему они „наи-идеальнѣйшія", когда ведутъ къ такимъ „трагедіямъ". И таковая-то логика 1000 лѣтъ стоитъ. Философы, подумаешь. *В. Р—въ.*

[3]) Что за наивность! Одинокій эгоистъ богачъ вдругъ получаетъ 15 человѣкъ дѣтей! Да онъ удавится. И еслибъ зналъ, что ими его подъ старость удавятъ—и не развратничалъ-бы. *В. Р—въ.*

[4]) Да, но отъ позора и часто нищенства никакими условіями избавить уже нельзя. *В. Р—въ.*

Имущество, титулы и дѣти.

Въ своей очень обстоятельной статьѣ: „Дѣти и дѣти“ г. А—ть останавливается на имущественной сторонѣ дѣла, связанной съ вопросомъ объ уравненіи законныхъ и ех-законныхъ дѣтей. „Это—какъ ступени лѣстницы: чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ лѣстница труднѣе, и все, что вы прибавите незаконнорожденнымъ дѣтямъ, вы отнимите у законнорожденныхъ“. Вотъ аргументъ. Отвѣчаемъ на него:

1) Кто же препятствуетъ отцу, имѣющему законныхъ дѣтей, проиграть свое состояніе въ карты, или раздарить его танцовщицамъ или растратить на художественныя затѣи? Почему противъ танцовщицъ, картъ и художественныхъ вкусовъ, наконецъ противъ раздачи имѣнія въ духовномъ завѣщаніи филантропическимъ учрежденіямъ и монастырямъ, законъ не споритъ и отъ всего этого не гарантируетъ „законныхъ наслѣдниковъ“, а возстаетъ единственно и исключительно противъ дѣтей завѣщателя и женщины, все-таки бывшей ему долго ли коротко ли дорогою, и которую, отторгнувъ отъ себя, онъ на всяческій взглядъ безмѣрно обидѣлъ? Лучше будемъ думать о своемъ домѣ, чѣмъ объ отвлеченномъ благотвореніи; а вѣдь кажется отецъ имѣетъ долгъ по отношенію къ дѣтямъ, несомнѣнно и не оспариваемо отъ него рожденнымъ, да отъ которыхъ онъ нисколько и не отказывается.

Право распоряжаться *моимъ* имуществомъ *принадлежитъ мнѣ*; и заботы „закона“ тутъ излишни и неумѣстны, они прямо—безправны. Что касается до государства въ общемъ, то пролетаріатъ „незаконнорожденныхъ“, каковыхъ въ Петербургѣ $^1/_3$ всѣхъ рождающихся, едва ли для него удобенъ. Государству—чѣмъ меньше бѣдноты и нищенства, тѣмъ лучше; а въ „latifundiis“ едва-ли оно заинтересовано.—Нѣтъ, обдѣленіе „незаконныхъ дѣтей“ есть именно законъ въ интересахъ старыхъ и аристократическихъ сластолюбцевъ, которымъ выгодно „на крыльцо“ своихъ palazzo не пустить плодъ молодыхъ своихъ „шашень“. Но поразительно.

что личный эгоизмъ этихъ сухихъ и черствыхъ людей ставитъ въ невозможность помочь своимъ дѣтямъ и честнаго пролетарія; ибо законъ уже для всѣхъ одинъ.

2) Авторъ касается даже эмеритуры и пенсіи. Эмеритура и пенсія есть мое откладываніе отъ моего жалованья, которое я сберегаю и до времени храню въ казенномъ сундукѣ, чтобы передать моимъ дѣтямъ. Никто не оспоритъ, что я могъ бы отдать ихъ этимъ дѣтямъ (законнымъ), какъ и то, что я могъ бы этихъ дѣтей (законныхъ) имѣть, но никогда не имѣлъ. Государство ни малѣйше не имѣетъ права разсчитывать на мою бездѣтность, на мое холостое положеніе; учитывать, какъ вексель въ банкѣ, это мое холостое положеніе въ свою пользу; оно обязано выдать мною отложенныя или у меня вычтенныя деньги моимъ дѣтямъ, которые суть кровные мои потомки, безъ всякаго разсужденія о томъ, законны они или не законны. Это есть вопросъ каноническаго права, долгій счетъ съ религіей, а вовсе не съ казною. Для казны, какъ для должника (вѣдь она есть должникъ своихъ пенсіонеровъ и уплачиваетъ имъ за выслугу лѣтъ, а не изъ милости), совершенно достаточно видѣть жестъ указанія или какія бы то ни было косвенныя доказательства, что такой-то старый чиновникъ подлинно имѣетъ этихъ-то дѣтей. Я зналъ чиновника, умершаго 62-хъ лѣтъ, рѣдкой доброты и деликатности человѣка; о послѣднемъ сужу потому, что изъ скуднаго своего жалованья, что-то около 80 рублей въ мѣсяцъ, онъ дѣлалъ ежемѣсячные взносы въ бюро похоронныхъ процессій, дабы, когда умретъ— никому не составить тягости. Такъ и случилось. Оказалось, по смерти, что онъ уже имѣлъ студента сына, незаконнорожденнаго, которому конечно не досталось его пенсіи, какъ и старушкѣ... женѣ или не женѣ, ужъ не знаю, какъ назвать. Но вотъ мотивъ „незаконности" и „внѣ-брачнаго сожитія": она получала тоже пенсію, что-то около двадцати рублей, и его восемьдесятъ рублей плюсъ ея двадцать рублей давали имъ возможность, съ ожидаемыми дѣтьми, жить, тянуть лямку бытія. Они не вѣнчались потому, что съ выходомъ замужъ она, по странному пенсіонному правилу, теряла право на пенсію, и жизнь ихъ на восемьдесятъ рублей въ столицѣ была бы невыносимо трудна, прямо бѣдственна. Законъ у насъ любитъ рвать гроши съ бѣдняковъ. Почему казенная пенсіонерка не должна выходить замужъ? Непонятно. Почему законъ предполагаетъ, что она выйдетъ за богатаго? Это тоже непонятно! Вообще ничего тутъ непонятно, кромѣ страннаго предположенія, что пенсія есть не долгъ, а милость, которую „хочу—даю, хочу—нѣтъ". Такъ и жили до старости, не вступая въ бракъ, дабы не потерять пенсіи, эти скромные и тихіе люди. Вы можете считать это не бракомъ, не семьею, „блудомъ", какъ угодно; я же положа руку на сердце скажу: дай

Богъ, чтобы мои дѣти жили приблизительно такъ въ смыслѣ чистоты и вѣрности другъ другу.

Да подобныхъ явленій множество вокругъ. „Незаконныя“ дѣти вообще являются отъ трехъ причинъ: 1) Глубокаго соціальнаго разстройства брака, въ силу чего огромный контингентъ дѣвушекъ, часто прекрасныхъ, скромныхъ и цѣломудренныхъ, остается внѣ-брака. Наступаютъ годы, приходятъ минуты, которыя я не могу не назвать мистически-таинственными, такъ онѣ мало раціонально объяснимы, — и такія дѣвушки рождаютъ. Повѣрьте, что рождаютъ вовсе не худшія,—худшія хитры, увертливы и не рождаютъ, а скорѣе лучшія. 2) Отъ отсутствія развода, или и при разводѣ отъ запрещенія вступать въ бракъ „прелюбодѣю“ (читай: „великодушнѣйшей сторонѣ, принявшей на себя вину“). Разводъ стоитъ около 6—7 тысячъ. Семья фактически лѣтъ 8—10 не существуетъ и не имѣетъ никакихъ надеждъ воскреснуть. Вся психологія умершаго супружества не существуетъ, вся его логика и реальная религія—тоже. Мужъ, т.-е. „прелюбодѣй“ живетъ холостякомъ, годы, пять лѣтъ, десять лѣтъ, и конечно—прелюбодѣйствуетъ на этотъ разъ уже въ самомъ дѣлѣ, потому что принуждается къ этому „законнымъ“ своимъ положеніемъ, насильственно вдовымъ. Наконецъ, когда ему достаточно невыносима станетъ эта отвратительная жизнь, онъ вступаетъ въ „блудное сожитіе“, которое если посмотрѣть снаружи—кажется таковымъ, а войдя въ домъ—опять вы видите настоящую и полную семью, въ которую человѣкъ вырвался изъ принудительно навязаннаго ему разврата, въ которой онъ отдыхаетъ и утѣшается послѣ десяти лѣтъ жизни и муки: но, увы! всѣ дѣти отъ этой полной и чистой семьи суть тоже „незаконно-рожденныя“. 3) Ограниченіе правъ на бракъ офицеровъ и учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь опять образуется въ сущности тайный бракъ, который вовсе и не разорвался бы, не будь страха и гнета стыда, т.-е. былъ бы счастливъ и длителенъ, если бы не законъ. Но длителенъ онъ или не длителенъ, дѣтей, рожденныхъ отъ такого „не расшубликованнаго“ брака, нельзя отнимать: а) у матери- это во всякомъ случаѣ, б) у отца и матери—если отецъ отъ ребенка не отказывается.

Общее же правило: ни государство, ни религія не въ правѣ становиться между дѣтьми и родителями. Это — нечестіе, это—nefas! Это если не теперь, то со временемъ можетъ повести къ большимъ потрясеніямъ. Мнѣ разсказывалъ одинъ отецъ, все надѣявшійся усыновить сына, которому особенно ему хотѣлось передать отчество и фамилію свою, ѣздившій для этого сюда въ Петербургъ и проч., и все-таки ни въ чемъ не успѣвшій, что онъ откладывалъ до пятилѣтняго возраста крестины сына, и онъ мнѣ, передавая этотъ разсказъ, улыбнулся: „Когда я къ тому же

священнику черезъ годъ пришелъ крестить еще родившуюся дочь, онъ испугался:—„да неужели опять пяти лѣтъ?“ Вообще мало ли что можетъ выдумать человѣкъ на этой почвѣ раздражительности и мученія: не изобрѣтетъ одинъ, изобрѣтетъ другой, и можетъ изобрѣсти очень худое...

Всего же болѣе меня удивляетъ опасеніе г. А—та, что устраненіе дѣленія дѣтей на законныхъ и незаконныхъ „въ корнѣ разрушитъ смыслъ брака, какъ религіознаго и государственнаго учрежденія“. Мнѣ всегда казался бракъ „о чемъ-нибудь“, какъ словесное предложеніе есть „мысль, выраженная о чемъ-нибудь“. О чемъ же? О дѣтяхъ. Дитя и бракъ — почти тожественны; все остальное—„придаточныя слова“, опредѣлительныя, дополнительныя, занятыя, тире, но ни въ какомъ случаѣ не главныя слова предложенія, не подлежащее и не сказуемое. Такъ въ законѣ Божіемъ, надѣюсь—такъ и для государства. Теперь, какимъ же образомъ дѣти могли выпасть изъ брака? Очевидно отъ того, что самъ бракъ отпалъ отъ дѣтей, т.-е. истолковывая все на грамматическомъ примѣрѣ—предложеніе потеряло свое подлежащее и сказуемое. Но что же оно такое тогда? „Обстоятельственныя слова“—„тире“ и проч. Это происходило незамѣтно, и только отъ медленности перемѣнъ въ мысли брака мы этого не замѣтили. Я думаю, эта незамѣтная перемѣна и подточила семью, и сокрушаетъ теперь бракъ, разъѣдаетъ его медленнымъ, но вѣрнымъ раковымъ разъѣданіемъ. Дѣти предохранили бы бракъ отъ разложенія; но какъ въ „священной и государственной“ мысли о бракѣ они выпали, какъ непремѣнное, то пустая оболочка и трещитъ по всѣмъ швамъ. Самая экономическая забота противъ незаконныхъ дѣтей—ужасна! „Отнимемъ у нихъ хлѣбъ, чтобы намъ осталось больше“. А Богъ? Ну, мы все разсудили и сдѣлали, а Богъ? Накажетъ за дѣтей—и мы наказываемся тѣмъ, что именно столь оберегаемый юридически и экономически бракъ — разсыпается, таетъ, сталъ холоденъ, корыстенъ, нравственно никому не нуженъ. Тутъ Богъ, насъ наказующій: „Вы забыли тѣхъ дѣтей, Я васъ накажу въ этихъ“. Вотъ мой отвѣтъ г. А—*му*.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XXVI. Открытое письмо В. В. Розанову.

Дорогой другъ, зачѣмъ затѣвать споръ не въ одной плоскости и опровергать то, что сказано для подвальнаго этажа, указаніями на этажи верхніе? Зачѣмъ чисто практическое гражданское дѣло подпирать или критиковать божественнымъ началомъ въ человѣкѣ? Тутъ этому началу уже потому нѣтъ мѣста, что еще на горѣ Синаѣ было написано: „Не пожелай жены ближняго твоего“ [1]) и „Не прелюбодѣйствуй“. Христосъ же, защищая грѣшницу отъ фарисейской ярости пущихъ грѣшниковъ, сказалъ ей: „Иди и *не грѣши*“.

Видите ли, многоуважаемый В. В., если бы на землѣ люди были совершенны, тогда не надо было бы вовсе никакихъ законовъ не только гражданскихъ, но и религіозныхъ, по крайней мѣрѣ послѣднихъ съ ихъ обрядовой стороны. Но вѣдь этого не только нѣтъ, но и не предвидится въ весьма отдаленномъ даже будущемъ. Ужъ если самъ грозный Егова не могъ путемъ жесточайшихъ каръ [2]) урезонить человѣка не грѣшить, то не намъ съ вами братьеи за ту же самую задачу. Грѣшить будутъ и завтра точно такъ же, какъ грѣшили вчера, какіе бы пророки ни глаголали, какія бы ужасы ни сулили людямъ.

По смыслу моей статьи вы должны были видѣть, что я въ

---

[1]) Мало обращаютъ вниманія, что это есть *десятая* заповѣдь, *послѣдняя*; и выше, т. е. *грозное* ея поставлено: „не послушествуй на друга твоего свидѣтельство ложна“, т. е. *не оклевещи*; и выше же „помни день субботній“, т. е. *соблюдай праздники*. *В. Р—въ.*

[2]) Мысль о жестокости Ветхаго Завѣта весьма укоренена у христіанъ: но она не основательна. *Словесной* грозы много, какъ и у любящаго отца: а *на дѣлѣ*—все прощеніе и милость. Ради семи праведниковъ хотѣлъ пощадить Содомъ; а мы ни одного *невиннаго ребенка* не щадимъ, и если „не по нашему рожденъ“—съ камнемъ его въ воду. „Милостивцы“... *В. Р—въ.*

вопросѣ о призрѣніи дѣтей, внѣ брака (церковнаго) рожденныхъ, ни на шагъ не отстаю отъ васъ, вполнѣ понимаю всю несправедливость отношенія къ нимъ законодательства и нисколько не прочь поддерживать и на практикѣ большую легкость развода, одинаковость имущественныхъ правъ и такихъ дѣтей на состояніе родителей и тому подобное.

Но въ умиленіи я не закрываю глазъ на то, что изъ этихъ великодушнѣйшихъ и справедливѣйшихъ предложеній сдѣлаетъ мерзость человѣческая.

Почему не допустить отысканія отца? Съ точки зрѣнія правды, права и справедливости, рѣшительно ничего нельзя возразить противъ этого. Однако не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что какъ только эта правда начнетъ дѣйствовать, сейчасъ же у богатыхъ людей появятся сотни незаконныхъ младенцевъ, которые, по показанію ихъ матерей, окажутся ихъ дѣтьми [1]). Вотъ и потрудитесь тогда тратить время, средства и нервы, доказывая, что вы тутъ ни при чемъ. Да и какъ докажешь, если не прибѣгнуть къ героическому способу одного изъ придворныхъ императора Адріана (кажется), сопровождавшаго въ долгое путешествіе его жену и по возвращеніи обвинившаго въ прелюбодѣяніи съ нею!

Очевидно опасенія эти очень, очень стары, и потому едва ли предосторожность юристовъ въ этомъ направленіи, будучи по существу громадной несправедливостью и зломъ, въ то же время не отвращаетъ несправедливости еще горшія и зло еще большее.

Подумайте вы, сколько драмъ сохранила намъ исторія именно въ этомъ направленіи. Вспомните звѣрства удѣльнаго періода, гдѣ братъ брата [2]) рѣзалъ, терзалъ и призывалъ на него силу татарскую съ разрѣшеніемъ грабить не только братнину, но и свою землю. А мины и легенды эллинскіе, происходившіе среди боговъ на самомъ Парнасѣ? Затѣмъ семейные нравы Саула, Соломона, Давида и иныхъ библейскихъ старцевъ, не выключая исторіи Агари и продажи первородства Исавомъ Іакову. Все это исторіи кровавыя, вызванныя практикой свободнаго дѣторожденія и отъ своей и отъ не своихъ женъ [3]). И вотъ, основываясь на этихъ примѣрахъ, имя же имъ легіонъ, я глубоко убѣжденъ, что практика вашего

---

[1]) Ведите себя осторожнѣе, *какъ можно осторожнѣе*, съ дѣвицами вечерами не засиживайтесь, на ночь не оставайтесь—и никто къ вамъ не привяжется. Такимъ образомъ „право дѣвицъ отыскивать мужа въ любовникѣ, или отца ребенку“ будетъ только лозунгомъ къ чистѣйшимъ и осторожнѣйшимъ нравамъ. Вдругъ вся общественная атмосфера, теперь вонючая какъ задній дворъ, станетъ кристально чиста какъ голландская торцовая улица. *В. Р—въ.*

[2]) Все—„законные“, при полномъ дѣйствіи византійскаго брачнаго законодательства. Не понятно, о чемъ пишетъ *А—тъ*. *В. Р—въ.*

[3]) Ну, съ исторіей Агари никакъ нельзя сравнить исторію законнаго брака, разсказаннаго г. *А—товымъ* въ концѣ предъидущей статьи (см. стр. 75). *В. Р—въ.*

принципа поведетъ къ образованію женскихъ семей. а слѣдовательно и къ поліандріи.

Вы часто и справедливо цитируете еврейскія свободныя брачныя условія, но элементы поліандріи сохранились у нихъ и до сихъ поръ, всего болѣе въ законахъ, опредѣляющихъ положеніе (физіологическое) вдовы, по отношенію къ братьямъ ея мужа. Наконецъ евреи страшно жестоки и до сихъ поръ къ прелюбодѣйному грѣху среди еврекъ[1]). Но вотъ странность, для меня необъяснимая. Тѣ же еврейки, очень рано выдаваемыя замужъ, будучи объявлены невѣстами, имѣютъ право одинъ ходить по молодымъ мужчинамъ, выпрашивая себѣ на приданое. И вотъ тутъ-то, если еврейку продаютъ уже слишкомъ пархатому жидешку (а это случается сплошь и рядомъ), то онѣ не всегда являются на этихъ свиданіяхъ неумолимыми весталками и рогатятъ будущихъ супруговъ своихъ раньше самаго брака. И евреи это превосходно знаютъ и добродушно къ этому относятся. Очевидно тамъ въ корнѣ взгляды на женщину иные, чѣмъ у насъ.

Не правы вы фактически и по взгляду на пенсіи и эмеритуру, какъ на личное достояніе пенсіонера. Эмеритальное страхованіе жизни или дожитія въ частныхъ учрежденіяхъ еще далеко не сказало своего послѣдняго слова, но что въ этой операціи есть много подозрительнаго съ математической стороны, это кажется несомнѣнно. Во всякомъ случаѣ, выморочныя страховки и надежда платить пенсію не долго, такъ какъ пенсіонеры неизбѣжно люди старые, играютъ въ разсчетахъ этого рода предпріятій огромную роль. Но я говорилъ о казенныхъ пенсіяхъ и эмеритурѣ. Объ этомъ существуетъ прекрасная монографія генерала Соловьева, въ которой какъ дважды два четыре доказано, что наши пенсіи и эмеритуры суть яменно и только милости, которыя даруются за службу, а не взносы. Если бы принять во вниманіе одни только взносы, то размѣръ эмеритуры по военному вѣдомству кажется не могъ бы быть назначенъ даже въ третьей доли тѣхъ суммъ, которыя выплачиваются пенсіонерамъ нынче.

Если же допустить взглядъ, вами проводимый, что это собственное сбереженіе пенсіонера, то ни какая касса подобной практики не выдержитъ.

[1]) *Только*—къ замужеству съ христіанами, иноплеменниками. Можно догадаться, что смѣшеніе кровей еврейки съ не евреемъ, или еврея съ не еврейкою образуетъ „существо Ваала“ (отсюда смерть за это, безчеловѣчная жестокость), какъ смѣшеніе еврея и еврейки образуетъ сладостное и нѣжное дыханіе „Сый“ „Іеговы“.—Но если внѣ брака у еврейки отъ еврея родился сынъ—то самъ Соломонъ выйдетъ на судъ и сбережетъ ей ребенка, а теперь раввинъ подыметъ его на рукахъ и назоветъ (обязательное почетное имя) „Авраамомъ“: „этотъ ребенокъ — Авраамъ, потому, что онъ незаконнорожденный“. Такъ мнѣ передавалъ крещеный еврей С. К. Ефронъ. *В. Р—въ.*

Шестидесятилѣтніе старцы, выходя въ отставку и имѣя, какъ быть должно по законамъ природы, взрослыхъ дѣтей къ этому времени, пользуются пенсіей, ну, много въ среднемъ, если пять или хотя бы и 10 лѣтъ. Ну, а если 58-ми лѣтъ отъ роду они женятся или, тѣмъ болѣе, вступаютъ въ связь съ молодой дѣвушкой, и передъ смертью получаютъ дѣтей въ возрастѣ младенческомъ, затѣмъ умираютъ, то ихъ пенсія должна была бы выдаваться еще лѣтъ пятнадцать-двадцать до совершеннолѣтія сыновей или выхода замужъ дочерей, а въ половинномъ размѣрѣ еще того долѣе, лѣтъ даже сорокъ, если его сожительницѣ придется дожить до почтенныхъ лѣтъ шестидесяти или тѣмъ болѣе 70-лѣтней старухи. Такихъ страхованій не выдержитъ ни какое ни частное, ни тѣмъ болѣе казенное страховое учрежденіе. Между тѣмъ ваши великодушныя идеи несомнѣнно ведутъ и къ учрежденію у одного пенсіонера многихъ семей. Одна на Литейной, другая на Лиговкѣ, а третья можетъ быть и на Петербургской сторонѣ. Какъ дѣлить титулы, имущество родовое и эмеритуру [1]) въ этихъ случаяхъ?

Еще разъ повторю, хорошимъ людямъ — не надо законовъ, они сами всегда знаютъ, что имъ надо дѣлать и какъ расплатиться за свои грѣхи. Къ примѣру директора вы прибавили примѣръ вашего симпатичнаго старичка, да и я могъ бы такихъ примѣровъ набрать достаточно среди случаевъ мнѣ лично извѣстныхъ, но всѣ они доказываютъ только, что у хорошаго человѣка всегда и все хорошо, какія бы льготы на большую или меньшую безнаказанную мерзость ни предоставлялъ имъ законъ.

Тутъ слѣдовательно по существу и хлопотать нечего.

Но вотъ какъ быть въ случаѣ московскаго инцидента, когда г-жа Г. облила доктора Д. кислотой, и докторъ Б. облилъ г-жу Г. тоже купоросомъ? Очевидно у нихъ были счеты тоже эмеритальные. Вотъ вы и поѣзжайте въ Москву и попробуйте привести обоихъ пострадавшихъ къ взаимному полюбовному соглашенію, придерживаясь только однихъ вашихъ великодушныхъ и благородныхъ пожеланій. Но бѣда не въ конкретномъ безобразіи и не въ частномъ фактѣ. Бѣда именно въ томъ, что на одного благороднаго и смирнаго старичка - - цѣлая азбука и А, и Б, и В и т. д. до самой Θ и V великихъ сластолюбцевъ-паскудниковъ. Попробуйте-ка ихъ урезонить и образумить? Да нѣтъ, лучше и не пробуйте: ничего не выйдетъ. *А—тъ.*

---

[1]) Конечно, государству не для чего кормить дѣтей болѣе, чѣмъ отъ первой жены. Хотя г. *А—тъ* не замѣчаетъ: 1) что оно кормитъ и воспитываетъ теперь всю почти сумму незаконнорожденныхъ, *только не изъ того кармана* (Воспитательные дома), и 2) что сейчасъ старые престарые чиновники вдовцы женятся, и оставляютъ потомъ пенсію молодымъ вдовамъ. То, чего боится г. *А—тъ* отъ моего проэкта, уже привелъ какъ *фактъ* Пушкинъ въ „Евг. Онѣг." (Татьяна). *В. Р—въ.*

Отвѣтное письмо г. А—ту.

Въ спорѣ относительно термина и всѣхъ послѣдствій „незаконнорожденности“ имѣю указать моему почтенному оппоненту слѣдующее:

1) Термина и его всѣхъ послѣдствій, имущественныхъ и правовыхъ, я не сталъ бы оспаривать, если бы въ Европѣ и у насъ существовалъ только гражданскій бракъ. Терминъ этотъ существовалъ у римлянъ и существуетъ сейчасъ у евреевъ: но у послѣднихъ заключеніе брака или вступленіе въ бракъ не составляетъ таинства, а чисто и строго юридическое событіе. На этой почвѣ, если на нее переноситъ вопросъ, я всѣ свои предложенія беру назадъ, но, не пытаясь никого убѣдить, я сохраняю тогда про себя и для себя убѣжденіе, что „таинства брака“, „брака, какъ религіознаго таинства“ въ Европѣ не существуетъ. Если есть и пока есть хоть одинъ ребенокъ, именуемый „незаконнорожденнымъ“,—невозможно доказать живость и присутствіе у насъ этого таинства по слѣдующей второй причинѣ, на которую прошу обратить вниманіе, ибо она рѣшаетъ всю теорію вопроса;

2) Есть ѣда, сонъ и множество еще другихъ физіологическихъ дѣйствій или состояній. Конечно, вся жизнь наша таинственна, но въ *разной* мѣрѣ. Однако Церковь не возвела ни *одно* состояніе или дѣйствіе, духовное или физіологическое, напримѣръ науку или вкушеніе пищи—въ „таинство“, и только возвела въ него одно половое прилѣпленіе: очевидно по *исключительной* таинственности самого *пола* и по важности момента *размноженія*. Но этотъ моментъ или, точнѣе, кругъ моментовъ при наличности всякаго рожденія—тотъ же; слѣдовательно какъ въ гражданскомъ бракѣ могутъ быть дѣти „законныя“ и „внѣ-законныя“, такъ въ кругѣ ученія о таинствѣ всѣ дѣти суть равно „законныя“ („въ таинствѣ текущія“). Не могу не сослаться на мнѣніе недавно умершаго Т. И. Филиппова, государственнаго контролера и эпитропа Гроба

Господня, человѣка крайне стараго закала и строжайшаго ригориста въ сферѣ каноническихъ вопросовъ. Въ открытомъ „Письмѣ къ Ивану Федоровичу Нильскому“ („Сборникъ Т. Филиппова“, Спб. 1896, стр. 174—240), профессору С.-Петербургской Духовной академіи, онъ дѣлаетъ тончайшее изслѣдованіе разныхъ сторонъ брака и высказывается противъ того, чтобы „священнословіе“ или вѣнчаніе составляло абсолютно-требуемую органическую часть таинства: „Если въ исторіи истинной Христовой церкви дѣйствительно было такое время, когда вполнѣ правильные въ смыслѣ церковномъ браки (ἀνεύθυνος γάμος) составлялись *единымъ соизволеніемъ, безъ священнословія или вѣнчанія*, а между тѣмъ такого *времени*, когда бы бракъ въ церкви *не* почитался за таинство, никогда *не было*: то отсюда выводъ ясенъ и вопросъ о *безусловной* (курсивъ автора, раньше мой курсивъ) невозможности брака, какъ таинства, безъ священнословія—рѣшается отрицательно“ (стр. 198). Филипповъ приводитъ въ длинномъ рядѣ историческо-каноническихъ доказательствъ слѣдующій разительный примѣръ изъ законодательной практики нашихъ дней: когда еврейская или нѣмецко-лютеранская семья, состоящая изъ мужа, жены и дѣтей, переходитъ въ православіе, то отношенія членовъ этой семьи считаются законнымъ православнымъ бракомъ безъ требованія, чтобы они повѣнчались въ православной церкви. Крещеніе содѣлало таковую еврейскую семью православною; но что содѣлало православно-христіанскимъ ихъ бракъ? Очевидно не еврейское вѣнчаніе, а только простой фактъ супружества, совершенно равно-качественный и равно-количественный нашимъ не легальнымъ семьямъ, если, оговорюсь,—онѣ честны, вѣрны и чисты.

Къ разсужденію покойнаго Филиппова я прибавлю одно указаніе, которое не замѣчается, а оно бьетъ въ глаза яркостью. Есть понятіе „симоніи“, или взятіе денегъ за сообщеніе даровъ Св. Духа. Въ Церкви это считается страшнымъ грѣхомъ. Поэтому священнику никогда и въ голову не можетъ придти обусловить, и притомъ въ точной суммѣ, предварительно плату за крещеніе, причащеніе или исповѣдь. Но за вѣнчаніе плата обусловливается, и это было всегда и вездѣ, не возбуждая вопроса. Совершенно очевидно, что у духовенства самаго существуетъ сбивчивость представленій о вѣнчаніи, и если оно не колебалось брать предварительно и въ точности опредѣленной суммѣ плату за него, и никѣмъ никогда въ этомъ сверху, іерархически, не было остановлено,—то ясно, что по всеобщему представленію его самого въ вѣнчаніи не сообщается даровъ Св. Духа и оно не есть таинство. Между тѣмъ догматъ о „бракѣ-таинствѣ“ неискоренимъ и ожемпутно-ярокъ въ православіи; и, не содержась въ вѣнчаніи (иначе—симонія), онъ очевидно содержится въ тайнѣ фактическаго рожденія и супружества.

3) Совершенно безспорно, что таинство брака въ Бытіи, 2. и въ Евангг. Матѳ., 19, основано было реально, и дано человѣку къ реальному вкушенію: и сіе реальное таинство и реальное его вкушеніе очевидно и составляетъ ядро его.

4) Въ словахъ св. Іоанна Златоуста, авторитета достаточнаго, центръ и существо *таинства* брака указуется въ *таинственной* половинчатости половъ въ человѣкѣ: „Велика единаго *сила*! Премудрость Божія единаго *раздѣлила на двухъ* въ началѣ и дабы показать, что и по раздѣленіи пребываетъ единъ, но предоставила единому быть *достаточнымъ къ рожденію*. И такъ не единъ, *кто еще не соединенъ*. на полъ-единаго. И извѣстно, что *не дѣтворитъ онъ*, какъ и прежде. **Видишь-ли существо тайны?** Богъ сотворилъ *единаго изъ единаго*, и *опять двухъ такихъ сотворивъ единымъ*. творитъ единаго (т. е. ребенка), такъ-что и *нынѣ отъ единаго* (т. е. соединеннаго въ половомъ актѣ) *рождается*. Ибо жена и мужъ *не два человѣка, но единъ*“ („XII-ая Бесѣда Іоанна Златоуста на 4-ую главу *Къ колоссянамъ*“).

5) Даже въ *Кормчей*, гдѣ содержатся законы церкви о бракѣ, о формѣ заключенія его и обрядѣ даже не упоминается въ опредѣленіи брака. Но возможно-ли, чтобы въ *опредѣленіе* не вошла *существенная* часть опредѣляемаго? Вотъ эта формула: „бракъ есть мужа и жены *союзъ*, и общій *жребій* на всю жизнь, *общеніе* божественнаго и человѣческаго права“ (гл. 48).

6) Самый терминъ „*таинство вѣнчанія*“ совершенно отсутствуетъ въ богословской литературѣ, и необходимо передѣлать *всѣ опредѣленія* брака во всѣхъ богословскихъ курсовъ—что въ XIX вѣкѣ уже поздно—чтобы отождествить „таинство брака“ т. е. „двухъ въ плоть едину“ съ собственно благословеніемъ этому браку. *Сочетаются* мужъ и жена; но *когда* и черезъ *что* (въ вѣнчаніи)? Вѣдь ничего *физіологическаго* въ вѣнчаніи не содержится; а исключать физіологію изъ брака, *кровь, семя* и *полъ*, значитъ разрушать (раздирать) все Писаніе о бракѣ, гдѣ только о *полѣ*, непремѣнно о *мужчинѣ* и непремѣнно о *женщинѣ*, и говорится при этомъ.

7) Въ нѣкоторыхъ рѣдчайшихъ случаяхъ, когда фатальная причина мѣшаетъ жениху явиться къ вѣнчанію, и вѣнчаніе непремѣнно должно совершиться, посылается и стоитъ подъ вѣнцомъ съ невѣстою *замѣститель*: на *кого*-же при этомъ сходитъ Св. Духъ и бракосочетаетъ двухъ? На замѣстителя? Но *не онъ* становится мужемъ, а тотъ отсутствующій человѣкъ, который станетъ съ невѣстою жить, „познаетъ“ ее.

8) Распространенное въ народѣ и нерѣдкое въ устахъ духовенства, хотя въ догматикахъ нигдѣ не укрѣпленное мнѣніе, что „во время вѣнчанія на вѣнчающихся сходитъ благодать“, есть просто привычный у духовенства оборотъ рѣчи: „тутъ благодать“ (о чемъ нибудь хорошемъ, добромъ), „этакая благодать“

(о чемъ нибудь пріятномъ). Но это—modus dicendi, неосторожная поговорка, а не догматъ; пріятіе имени *благодать* всуе.

Государство и церковь обставили заключеніе брака подробностями и формами, которыхъ мы нисколько не оспариваемъ. Но тонкій критикъ легко различитъ это требованіе благоразумія и осторожности въ отношеніи столь огненной и стихійной вещи, какъ сближеніе половъ, и не смѣшаетъ полезныя прибавленія съ зерномъ дѣла, каковымъ навсегда остается одно: тайна чадородія, протекающая въ чистотѣ, въ вѣрности другъ другу, въ единеніи духовномъ и физическомъ.

Перехожу къ практической сторонѣ вопроса. Прежде всего—объ отысканіи отца ребенка.

Несчастенъ и позоренъ тотъ отецъ, котораго надо отыскивать. Конечно ни въ нравственномъ и ни въ какомъ смыслѣ это уже не отецъ. Лично я противъ подобныхъ отысканій, ибо они породили-бы только невыносимую злобу отца къ ребенку и матери его, ребенка къ отцу. Нѣтъ, кто скрытъ—пускай и скрывается. Государство наше требуетъ съ таковыхъ пенсіи въ пользу ребенка. Благая мѣра, хоть и жёстко-государственная: „Ты родилъ, ты и корми, а то куда-же я дѣну нищихъ“. Тутъ въ смыслѣ привлеченія отца больше нечего сдѣлать. Общество въ правѣ удвоить мысль государства, проливая жесточайшее нравственное осужденіе, какъ лютое негодованіе—на такихъ отрекающихся „папашъ“. Но для чего государство отдѣляетъ такого ребенка отъ матери, ввергая его въ круглое сиротство? Въ письмѣ въ редакцію „Новаго Времени“ священника А. У. было правильно указано, что такой ребенокъ долженъ получать фамилію матери и отчество дѣда, и конечно права (или ихъ часть) имущественнаго наслѣдованія матери. Такъ какъ поводомъ къ моимъ статьямъ было дѣтоубійство и дѣво-убійство, то все, на чемъ я настаиваю — это на снятіи всякаго религіознаго, государственнаго и общественнаго осужденія съ такихъ случаевъ, на безмолвномъ: „Не разлучаемъ тебя съ ребенкомъ, не раздѣляйся съ нимъ, и добрымъ его воспитаніемъ и заботою ты станешь на ряду со всѣми другими матерями“. Само собою разумѣется, что юридическій терминъ „дѣвица“—долженъ быть снятъ съ таковой, да чуть-ли не эта просто фальшь, невѣрное показаніе „примѣтъ“ въ паспортѣ, и порождаетъ дѣтоубійство. Нужно о матери или ничего не писать, или писать „вдова“, и „при ней сынъ—такой-то“, безъ всякихъ квалификацій. Вотъ надежное средство разрѣдить населеніе воспитательныхъ домовъ и не встрѣчаться съ замаскированными притонами дѣтоубійства въ родѣ приснопамятной Скублинской.

Но я пишу объ этомъ „отысканіи отца“ вскользь, не углубляясь въ подробности вопроса. Лично для меня мать ребенка, юридически отыскивающая его отца, и жалкое, и непріятное явленіе. Ея

можно отвѣтить: „Ты-же знала, съ кѣмъ сближалась, и могла высмотрѣть, надежный-ли онъ человѣкъ и любитъ-ли тебя; а безъ этихъ признаковъ тебѣ не слѣдовало сближаться". Меня поражаютъ другіе случаи: когда разные каноническія препятствія мѣшаютъ вступленію въ бракъ и когда мы имѣемъ на лицо прекрасную и полную, иногда стародавнюю семью, и все-таки эта семья религіозно и юридически разрывается, уничтожается. Вотъ гдѣ nefas, вотъ гдѣ—нечестіе, уже со стороны закона. Далѣе, настаивая (въ видахъ очищенія семьи, выбрасыванія изъ ящика съ смѣшанными яблоками—яблоковъ загнившихъ, порченыхъ) на безусловной свободѣ развода, и именно на возстановленіи древняго разводнаго письма и врученія права развода мужу—уже тѣмъ самымъ я не могу настаивать на „отысканіи отца". Но если при разводномъ письмѣ,—какъ впрочемъ и теперь при фактическомъ запрещеніи развода,—мужъ фактически можетъ оставить жену свою черезъ недѣлю послѣ вступленія въ бракъ, то теперь такая брошенная: 1) если она законная жена—остается безъ права до самой смерти когда-либо вступить въ новый бракъ, 2) если она дѣвушка или вдова—кончаетъ самоубійствомъ или дѣтоубійствомъ; въ обоихъ случаяхъ при полной безнаказанности негоднаго человѣка. Напротивъ, при разводномъ письмѣ она честная вдова, честная мать ребенка, способная къ труду, честной жизни и новому замужеству.

Мнѣ совершенно непонятно все, что пишетъ г. А—тъ о поліандріи, какъ „возможной при предложеніяхъ" моихъ. Да развѣ Каренина, жена Вронскаго и еще Каренина—не поліандристка? Сколько угодно такихъ сейчасъ. Развѣ-же возможно не замѣтить, что недопущеніе развода у католиковъ есть безмолвно допущенная поліандрія, какъ равно и полигамія. Всего годъ тому назадъ, мелькомъ и смѣясь, мнѣ юный одинъ литераторъ на вопросъ о довольно извѣстной дамѣ Петербурга сказалъ: „Нѣтъ, не съ мужемъ живетъ: она уже послѣ мужа живетъ съ четвертымъ, и отъ всѣхъ четырехъ имѣетъ дѣтей и всѣхъ дѣтей записываетъ на имя мужа, перваго и единственнаго". Вотъ „наслѣдники" титуловъ и богатствъ, о которыхъ г. А—тъ не подумалъ. И ничего. И терпятъ. Законы не рвутся и общество не трещитъ, говорятъ. И это не сейчасъ только, это всегда было, въ XVIII, XV вв., ибо такъ поставлено самое дѣло устраненіемъ развода. Но при допускаемой поліандріи, съ записью дѣтей отъ третьяго человѣка на имя мужа, полигамія въ этомъ-же видѣ не допущена; однако и она возможна и есть, но только „на шею женщинъ". Опять, пугая меня, г. А—тъ пишетъ о сластолюбцѣ, у котораго заведется семья „и въ Гороховой, и на Васильевскомъ островѣ, и на Петербургской сторонѣ". Да что мы, дѣти что-ли? Да сколько угодно есть такихъ сластолюбцевъ, у которыхъ „одна семья на Ва-

сильевскомъ, другая—на Петербургской". Вообще поразительную и не замѣчаемую (дышемъ какъ воздухомъ) сторону теперешней семьи составляетъ то, что нѣтъ худого, что въ ней было бы невозможно. Но худо,—и на это я указываю,—что многаго положительнаго хорошаго въ ней безусловно невозможно (по самой постановкѣ дѣла). Теперь поліандрія—фактъ, но при разводѣ она станетъ не мыслимой; и полигамія тоже теперь фактъ, но дешевый, ничего мужчинѣ не стоющій. Но при устраненіи теперешняго дѣленія дѣтей она станетъ невообразимо трудной (дорогой и безпокойной).

Увѣренъ вполнѣ, что безъ всякой подражательности евреямъ (всѣ подражанія въ исторіи—безсильны) русская совѣсть выработаетъ свой типъ семьи, ужъ во всякомъ случаѣ чистѣйшій и возвышеннѣйшій, чѣмъ печальнѣйшая въ смыслѣ чистоты византійская семья, и чѣмъ напа до сихъ поръ семья русская. Думать о лучшей постановкѣ семьи и притомъ съ фундамента—есть причина. Русскій народъ—исторически свѣжій и относительно-чистый. Совѣсть въ немъ не умерла. А съ совѣстливымъ взглядомъ на вещи--можно на многое отважиться, даже въ такой деликатной и чуткой области. Первый лозунгъ на этомъ пути мнѣ думается: „родители—не отлучайтесь отъ дѣтей", „законъ—не раздѣляй родителей и дѣтей".

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XXVII. Въ чемъ дѣло?

(Отвѣтъ В. В. Розанову).

Споръ нашъ съ вами, многоуважаемый В. В., по вопросу о способахъ упорядочить и укрѣпить семью, какъ ячейку каждаго гражданскаго общества и государства, видимо интересуя нѣкоторыхъ, въ тоже время для многихъ сталъ почти невразумительнымъ. По крайней мѣрѣ мнѣ лично высказывали подобныя недоразумѣнія иные изъ знакомыхъ читателей, да вѣротно тоже самое высказывали и вамъ. Въ числѣ такихъ недоумѣвающихъ позволю себѣ назвать автора книги „Мать-воспитательница", подписывающагося „Другомъ семьи". Такимъ образомъ волей-не-волей приходится продолжать разговоръ нашъ и далѣе, съ цѣлью выяснить, въ чемъ же собственно кроется наше съ вами разногласіе.

И вы, и я хотимъ укрѣпленія нравственныхъ и цѣломудренныхъ основъ семьи, какъ учрежденія, гарантирующаго продолженіе жизни народа въ будущемъ, притомъ въ условіяхъ гражданскаго и нравственнаго существованія и при наилучшемъ сохраненіи здоровья въ молодомъ его поколѣніи. Такимъ образомъ цѣль у насъ съ вами одна. Какъ средство упорядоченія и укрѣпленія семьи, вы предлагаете легкіе разводы, въ формѣ старозавѣтныхъ библейскихъ разводовъ, и такъ какъ разводы вообще православной церковью допускаются съ большимъ трудомъ и сопровождаются множествомъ грязныхъ подробностей, то вы разумѣется стараетесь доказать ссылками на священныя книги и каноническія правила, установленныя соборами, что эти затрудненія развода двухъ неудачно повѣнчанныхъ супруговъ не суть коренныя религіозныя постановленія, а являются скорѣе наслоеніемъ вѣковыхъ правилъ, обычаевъ и даже недоразумѣній, не имѣющихъ въ Евангеліи никакихъ основъ и серьезныхъ подкрѣ-

пленій. И я думаю на равнѣ съ вами, что болѣе легкій разводъ, чѣмъ существующій нынѣ, значительно помогъ бы прежде всего серьезному отношенію сторонъ, вступающихъ въ семейный союзъ, и особенно помогъ бы женской сторонѣ, всегда болѣе молодой, неопытной и легкомысленной, не шутить ни съ чувствами, ни съ разумомъ и расчетомъ и, не уповая на нерасторжимость брака, заключать его съ извѣстными обоюдными гарантіями нотаріальнаго характера. Насколько это на самомъ дѣлѣ укрѣпитъ семьи шатающіяся, сказать въ точности не умѣю, но вѣрю, что въ этомъ направленіи возможны значительныя улучшенія въ существующемъ порядкѣ вещей, за послѣдніе годы ставшемъ порядкомъ только въ смыслѣ ироническомъ. Но я болѣе чѣмъ слабъ въ канонахъ и богословіи. Вѣрнѣе сказать, въ этой области я буквально ничего не знаю и если сужу и разсуждаю, то со всѣми правами невмѣняемаго профана.

И мнѣ, какъ многимъ, страннымъ кажется, что съ одной стороны *таинство* брака нынѣ возбраняется, какъ нѣчто сугубо-плотское и нечистое. Страннымъ кажется отсутствіе матери и отца ребенка при его крещеніи, и даже обидными кажутся всѣ эти очистительныя обрядности и временное отлученіе отъ церкви родительницы новаго сына человѣческаго.

Но все же за эти обряды восемнадцать вѣковъ незыблемыхъ традицій, авторитетъ многихъ святителей, и я поэтому умолкаю съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что изъ исторіи знаю, что вопросъ именно о бракѣ въ каноническомъ его значеніи всегда, со временъ апостола Павла, являлся великимъ по трудности богословскимъ вопросомъ. При вѣнчаніи и моемъ собственномъ и тѣхъ, на которыхъ я присутствовалъ въ качествѣ гостя или свидѣтеля, многократно слушая, что *тайна сія велика есть*, я по-простецкому думалъ, что на свѣтѣ въ этомъ направленіи все есть не только великая, но о превеличайшая тайна, которую не людямъ пока разгадывать. И не тайна это, а прямое чудо, повторяющееся въ каждомъ куриномъ яйцѣ, въ каждой маковой росинкѣ [1]). Изъ сѣрнистаго вещества желтка, въ закрытомъ твердой оболочкой яйцѣ вырастаетъ птичка съ перышками, съ ноготками, съ кисло-

[1]) То-то. Всѣ, *весь міръ*, со словомъ „таинство брака" соединяетъ мысль о *жизни таинственно-брачной*: о *рожденіи* и *супружествѣ* (каковыя и въ случаяхъ вне-обрядовыхъ суть *то-же*, какъ во внутри-обрядовыхъ). И нужно начать говорить прямо что-то чудовищное, чтобы сказать: „нѣтъ—таинство только *въ формѣ, въ моментѣ заключенія* брака". Но чего не замѣчали,—что къ этой чудовищности и ведетъ отрицаніе или порицаніе не оформленныхъ соединеній и фактъ „незаконнорожденныхъ дѣтей". Тогда о „бракѣ", о „супружествѣ", о дѣтяхъ не для чего и говорить; читай только и перечитывай страницы „Требника", комментируй—только ихъ. Теологи только *это* и дѣлаютъ: но міряне бѣдные человѣки всегда говорятъ о дѣтяхъ и о супружествѣ! *В. Р. в.*

тами желудочными, съ глазами видящими [1]), способная цѣлесообразно двигаться, находить пищу, понимать опасность и въ дальнѣйшемъ выростающая въ шѣтуха или курицу, въ свою очередь способную нести такія же чудесныя яйца! Тоже и маковая росинка, тоже каждое зернышко и зерно [2]), производящія всю безконечно разнообразную, дивно окрашенную или дивно благоухающую растительность нашей планеты. Думалось мнѣ всегда, что именно объ этой-то великой тайнѣ и говоритъ намъ текстъ святой молитвы вѣнчальной. Такимъ образомъ и въ этомъ направленіи, хотя наша компетенція въ богословскихъ и каноническихъ вопросахъ далеко не эквивалентна, я близко слѣдую параллельно съ вами. Но разногласіе наше возникаетъ только тогда, когда вы съ той же религіозной и христіанской точки зрѣнія, введя въ это ученіе свои поправки, думаете обосновать новую семью и дать ей прочность чисто внѣшними словесными реформами. Васъ особенно безпокоитъ обидность самаго слова „незаконнорожденный" и обиднымъ кажется названіе „дѣвушкой" уже родившей женщины. И я самъ охотно бы отказался отъ термина „незаконнорожденный", какъ двусмысленнаго и неяснаго по существу, и я охотно бы вотировалъ предложеніе священника У. о метрическихъ запискахъ новорожденныхъ по тремъ формуламъ, находя ихъ вполнѣ разумными и цѣлесообразными. Но уже конечно я не согласенъ съ вашимъ предложеніемъ называть родившую дѣвушку „вдовою", такъ какъ это обрекало бы фиктивной смерти живого человѣка отца ея ребенка, что могло бы именно въ хорошихъ случаяхъ вести къ безчисленнымъ житейскимъ недоразумѣніямъ. Ну, подумайте сами, какъ бы эта вдова могла выдти замужъ за своего какъ бы умершаго мужа (незаконнаго) въ случаѣ, если бы разводъ или смерть законной жены дали ему возможность прикрыть грѣхъ съ такой вдовою женитьбой. Но вѣдь это конечно съ вашей стороны только газетная описка, вызванная спѣхомъ при написаніи мнѣ отвѣта.

Еще скажу, глубоко согласенъ я съ вами по нравственному взгляду на отыскиваніе потерпѣвшей женщиной отца своего ребенка, такъ какъ подобное отыскиваніе кладетъ некрасивую и даже злую тѣнь на всѣ поступки такой несчастливицы, и кромѣ того практически можетъ вести къ семейнымъ преступленіямъ уголовнаго характера, или къ такому безчеловѣчному и долгому мучи-

---

[1]) Чудо, сто разъ чудо! великое!! святое!!! За что-же меня ругать, когда я все дѣло и поворачиваю къ умиленью и восторгу передъ этимъ чудомъ, и говорю: „ищите тамъ звѣздъ и солнца—и найдете, ищите Бога—и отыщете". *В. Р—въ.*

[2]) Вся природа, весь міръ! Да, это древній „панъ" („все"). Не разгаданную „астарту" свою финикіяне изображали (см. раскопки въ Микенахъ) въ формѣ женщины съ *голубками* (начало *кротости*) въ рукахъ, около плечъ. *В. Р—въ.*

тельству, о которомъ я упоминалъ въ моей статьѣ о дѣтяхъ. Слѣдовательно, юридически одобряя возможность разрѣшенія искать въ извѣстныхъ случаяхъ отца, практически ни вы, ни я такое исканіе хорошей женщинѣ не посовѣтуемъ. И такъ, имѣя столько пунктовъ согласномыслія, въ чемъ же мы не согласны и гдѣ суть и корень нашего спора? Вы думаете, что вся бѣда въ византійско-суровомъ взглядѣ православной церкви на бракъ, вообще затрудняющемъ разводъ до-нельзя и тѣмъ какъ бы толкающемъ и хорошихъ людей на путь неизбѣжнаго прелюбодѣянія и разврата. Нѣтъ, я такъ не думаю, а думаю я, что шаткое состояніе нашей сегодняшней семьи всецѣло лежитъ въ условіяхъ экономическихъ. Пусть церковная власть, принимая во вниманіе фактическое повсемѣстное развращеніе нравовъ, притомъ во всѣхъ слояхъ общества, благословитъ разводы неудачливыхъ супруговъ безъ практики лжесвидѣтельства и иной грязи. Этого и я желаю, но я думаю, что семья наша отъ этого много не укрѣпится до тѣхъ поръ, пока не осядутъ вновь прочныя основы самаго бытія человѣческаго, покуда люди, наскучивъ вѣчнымъ движеніемъ по желѣзнымъ дорогамъ, снова прочно не сядутъ на землю и не будутъ жить не дальними и общечеловѣческими, а ближними и собственными интересами минуты. Отхожіе промыслы и кочевая жизнь современнаго человѣчества -вотъ главная язва, истинная гангрена современной семьи. И если во Франціи уменьшается народонаселеніе, если и у насъ, а не только въ разсчетливой Германіи, начинаетъ нравиться и пускать корни подлая двухдѣтная система брака, а паралельно съ этимъ ученые и лаборанты заняты изобрѣтеніемъ инкубаторовъ для младенцевъ, какъ изобрѣли ихъ для куръ, — то все это на мой взглядъ является неопровержимымъ доказательствомъ, что семья наша не ладитъ не только съ одними канонами, но и со средствами возможнаго экономическаго существованія.

И вотъ, устанавливая это коренное различіе между нами во взглядахъ на средства, какъ упорядочить семью, я съ грустью долженъ сознаться, что если бы правы были вы, то семья имѣетъ болѣе шансовъ укрѣпиться и нравственно повыситься, чѣмъ по моей схемѣ, ибо много легче убѣдить синодальную власть сдѣлать уступку злому времени ради спасенія многихъ чистыхъ душъ, да и самаго человѣчества, нежели радикально измѣнить экономическія условія современнаго быта и убѣдить человѣчество, что то самое, что оно считаетъ великимъ прогрессомъ и благомъ для себя, есть только злое издѣвательство надъ нимъ, грозящее неисчислимыми бѣдами и въ концѣ-концовъ великимъ и болѣзненнымъ всеобщимъ разгромомъ. Въ страхѣ, чисто паническомъ, отъ этихъ мыслей, я ищу успокоительныхъ компромиссовъ и нахожу ихъ въ семьѣ женской, то есть въ семьѣ, гдѣ бы главою была

мать дѣтей, а мужчина являлся бы рабочимъ п... и рабомъ. Чего хочется, въ то вѣрится, — говоритъ пословица, и вотъ можетъ быть въ оправданіе такой формулы я съ особеннымъ интересомъ наблюдаю за наростаніемъ торжества нашихъ вчерашнихъ рабынь и вижу въ этомъ торжествѣ довольно логичный путь къ моей окончательной цѣли. Мужчина изо дня въ день становится во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе женщины; падаетъ его энергія, падаетъ талантъ, падаетъ, прямо сказать, и его нѣтушиная сила. Напротивъ, женщины начали выдѣлять типы, дышащіе не заурядной энергіей, на всѣхъ поприщахъ труда и, несмотря на условія, еще весьма стѣснительныя и неравномѣрныя, шагъ за шагомъ и очень быстро завоевываютъ себѣ положеніе хозяевъ и распорядительницъ и на землѣ, и въ государствахъ. Даже усиленная защита незаконнорожденныхъ дѣтей, возвращеніе имъ правъ дѣтей естественныхъ и законныхъ, служитъ для меня доказательствомъ той же самой идеи. У женщины, даже какъ гражданки и матери, безусловно всѣ дѣти *законныя*, такъ какъ они ей не сомнѣнно свои; у мужчины же и законныя дѣти не всегда свои, между тѣмъ полными гражданскими и имущественными правами покуда еще пользуются исключительно мужчины. Кормя своего, все равно какого — законнаго или не законнаго ребенка, мать-кормилица несомнѣнно кормитъ *свое* дитя, рожденное ею по всѣмъ установленіямъ живой природы [1]), напротивъ отецъ, оставляя сыну или дочери состояніе, не вѣдаетъ—своему или не своему ребенку онъ все это оставляетъ, если конечно нѣтъ явныхъ чертъ фамильнаго сходства въ лицѣ, въ привычкахъ и въ характерахъ его дѣтей. Вотъ причина, почему все, сдѣланное для увеличенія правъ дѣтей незаконныхъ, является въ то же время увеличеніемъ нравственной и имущественной безнаказанности всякой прелюбодѣйки, и въ то же время тяжело ложится въ видѣ нравственной или имущественной кары на прелюбодѣя [2]).

А вотъ рядомъ „шестьдесятъ“ бальныхъ платьевъ отъ Пакена или отъ другого парижскаго портного-художника, поѣздка на выставку, соперничество честныхъ матронъ съ отчаянными кокотками - все это усугубляетъ экономическое бѣдствіе семей, не только просто, но и *очень* даже богатыхъ, создавая великое преимущество женскому негодяйству, любострастію и всѣмъ тѣмъ скернымъ и жестокимъ порокамъ, которые эти небесно-прекрасныя вѣдьмы унаслѣдовали отъ праматери своей Евы!

Много сказано дурного о женщинахъ за всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, но еще не достаточно. Вотъ когда на землѣ воцарится царство женщинъ властныхъ, тогда только мужчина, говоря вуль-

---

[1]) Вотъ всѣмъ этимъ святымъ строкамъ ура! *В. Р—въ.*

[2]) И по дѣломъ. Тутъ у *А—та* путаница мысли. *В. Р—въ.*

гарно, узнаетъ „кузькину мать“! Вотъ когда онъ не платонически, а реально раскается въ своей современной распущенности, слабости, нечестности, безхарактерности, жадности и тому подобныхъ добродѣтеляхъ, являющихся по законамъ разумной природы естественными, а иной разъ даже милыми (мужчинѣ) пороками женщинъ, и только благопріобрѣтенными и привитыми у мужчинъ.

Вотъ, многоуважаемый В. В., моя безнадежная точка зрѣнія! Радуюсь за васъ, если ваша точка зрѣнія радостнѣе и вѣрнѣе моей, но по индивидуальному опыту жизни я не могу раздѣлять вашихъ радужныхъ надеждъ на силу реформъ словесныхъ, хотя всѣмъ сердцемъ желаю имъ скорѣйшаго осуществленія, какъ несомнѣнно проектируемыхъ съ цѣлью благою и вѣрою непоколебимою въ добро и въ правду [1]).

А—тъ.

---

[1]) Прекрасная статья, по одушевленію,—съ частными ошибками, почти *описками*. *В. Р—въ.*

Стропила семейнаго уклада.

(Отвѣтъ г. А—ту).

I.

„Въ слишкомъ подвижномъ обществѣ, въ обществѣ желѣзныхъ дорогъ и всевозможной техники, въ обществѣ экономическомъ и матеріальномъ семья неудержимо таетъ, разлагается, расшатывается: ее словесно (читай: „закономъ") нельзя поправить". Такъ думаетъ г. А—тъ.

Будто въ этомъ дѣло? Развѣ желѣзныя дороги не тѣ же для евреевъ, какъ и для русскихъ? А у нихъ о паденіи семейныхъ основъ ничего не слышно. Развѣ техники не больше въ Англіи и Германіи, чѣмъ въ Россіи и Франціи, а, между тѣмъ, пройдитесь по картиннымъ выставкамъ нѣмецкихъ художниковъ и русскихъ, и вы поразитесь разницею сюжетовъ въ отношеніи къ трактуемой темѣ у насъ и у нихъ. Вотъ „семейная сцена" не геніальнаго живописца и не геніальная по художеству: сидитъ бабушка, чуть не столѣтняя, и вяжетъ нѣмецкими спицами нѣмецкій чулокъ; около нея внуки съ игрушками; тутъ-же дочь или сынъ, молодой отецъ или молодая мать, и непремѣнно на столѣ Библія; да, непремѣнно этотъ священный „Ветхій Завѣтъ", такъ мало у насъ читаемый, такъ рѣзко у насъ отдѣленный отъ „Новаго Завѣта" и отодвинутый изъ ежедневнаго и будничнаго употребленія въ даль археологическихъ изслѣдованій и чтенія избранныхъ „паремій" (мѣста изъ пророковъ, исключительно ко Христу относящіяся, и единственно читаемыя у насъ въ церквахъ). Таковъ обычно трактуемый у нихъ сюжетъ „семьи" въ живописи. Кто читалъ сказки Андерсена, кто знаетъ Диккенса и Вальтеръ-Скотта, знаетъ, что живопись слова повторяетъ у нихъ собою рисунокъ кисти. Воображеніе русскаго художника рѣдко касается семьи. Не манитъ. Да и нельзя не почувствовать, что, возьми онъ эту тему, онъ показался-бы или приторенъ или смѣшонъ, какъ печальный и мужественный авторъ настоящихъ статей, очень хорошо

сознающій, что онъ давно сталъ приторенъ и противенъ великому множеству русскихъ читателей, возясь съ темой, ни для кого не-интересной и всѣмъ практически постылой. Семья у насъ явленіе или жестокое, или комическое,—какъ и у католиковъ. Не семья у насъ, а „семейка". Изъ семейныхъ сценъ въ живописи я помню ярко только одну, видѣнную лѣтъ пять назадъ въ Академіи художествъ: „Богатый женихъ".

Богатый женихъ — лысый, во фракѣ и со звѣздой, худой какъ тощая корова, приснившаяся фараону. Около него—невѣста, юная и заплаканная; поодаль—ея бѣдные родители. Священникъ мѣняетъ кольца: „обручается рабъ Божій Симеонъ рабѣ Божіей Маріи"... Что сюжетъ такой не случаенъ и не сатиричевъ, что онъ въ духѣ и въ нравахъ нашей жизни, можно судить изъ того, что не этотъ-ли въ сущности печальный и постыдный сюжетъ Пушкинъ въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ" возвелъ въ chef d'oeuvre умиленія и поэзіи. Да. „Татьяны милый идеалъ" одинъ изъ величайшихъ ложныхъ шаговъ на пути развитія и строительства русской семьи. Взятъ моментъ, минута; взвился занавѣсъ—и зрителямъ въ безсмертныхъ, но *краткихъ* (въ этомъ все дѣло) строфахъ явлена необыкновенная красота, отъ которой замерли партеръ и ложи въ восхищеніи. Но кто-же „она"? Безплодная жена, безъ надежды материнства; страстотерпица, „распявшая плоть свою" по старопечатной „Кормчей". Охъ, ужъ эти *кроткія* книги, закапанныя воскомъ... Изъ подъ каждой восчинки—слеза, а то и кровь точится... Оставимъ критику, но вотъ чего не можетъ не подумать религіозный и соціальный строитель: что вѣдь занавѣсъ, эффектно взвитый Пушкинымъ, *увидѣлъ*, что жизнь,—не картина, а—*путь*; и какова-то будетъ Татьяна *не въ картинѣ*, а *въ пути*? Прошло пять лѣтъ, ну,—десять, двадцать: Татьяна—желчная старуха, или—угрюмая. Ей только и осталось, что сплетни и пепсія. Ей-ей, нельзя-же о „могилѣ няни" вспоминать 40 лѣтъ; ей теперь 20, а проживетъ—60, и слѣдовательно въ замужествѣ или вдовой она проживетъ 40 лѣтъ, безъ дѣтей и внуковъ, безъ всякой заботы и работы. О, кто знаетъ жизнь—знаетъ, какіе столбы „валятся". Читайте „Покаянный канонъ" Андрея Критскаго: подвижникъ церкви, съ которымъ мы рядомъ все-таки не поставимъ пушкинскую Татьяну, какъ она ни нравится намъ, скорбитъ: „увы мнѣ, окаянная душа... вмѣсто Евы чувственныя—мысленная мнѣ бысть Ева, во плоти *страстный помыслъ*, показуяй *сладкая*,—и вкушаяй присно горькаго напоенія". Какой языкъ, какіе словообороты! Но у подвижника, запертаго крѣпкими замками въ сырой пещерѣ или общежительномъ монастырѣ—только „мысленная Ева". Только-ли это будетъ у „страстотерпицы" Татьяны, нисколько никакими замками не связанной, свободной и богатой, но уже старой и некрасивой, уже надорванной въ терпѣніи, и у которой какъ-бы вы-

рвана тайна и глубина природы женской: „въ болѣзни будешь рождать дѣтей“. Увы, она безсильнѣй все-таки Андрея Критскаго, и вотъ въ конечныхъ путяхъ своей біографіи, не нарисованныхъ Пушкинымъ, не дастъ-ли она сюжетовъ, не только некрасивыхъ, но сальныхъ и позорныхъ? Да, тутъ вѣчный Шекспировскій законъ:

Когда-жъ предметъ пойдетъ по направленью
Противному его предназначенью,
По существу добро - онъ *станетъ зломъ*.

Провидѣніе сильнѣе нашихъ разсужденій. И идеалъ семьи можетъ быть построенъ не на разсчетѣ *личныхъ* силъ человѣческихъ, но на повиновеніи Богу. Я говорю, идеалъ Татьяны — лживъ и лукавъ, а въ историческихъ путяхъ нашей русской семьи -онъ былъ и губителенъ. Ибо онъ построенъ, красиво и минутно, на предположеніи геройческихъ силъ у отдѣльнаго существа, а не на томъ общемъ законѣ и инстинктѣ, что вотъ... „дѣти“, „я – бабушка“, вотъ—„мои заботы о замужествѣ дочери, и мои вздыханія о ея болѣзни“. Идеалъ Пушкина не органическій и живой, а дѣланный, и даже только... паркетный:

Къ ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже...

Да, хорошо гуляетъ Татьяна по паркету. Но дѣтей — нѣтъ: супружество прогорьклое, вкусовъ -не будетъ, и все въ общемъ гибельнѣйшая иллюстрація нашей гибельной семьи. Вспоминаю я въ параллель случай изъ моей жизни, грубый и простой случай, но неизгладимо врѣзавшійся мнѣ въ воображеніе. Служила у насъ, лѣтъ семь назадъ, въ дому служанка, некрасивая и немолодая, однако не старая и не безобразная. Мы замѣтили, что каждую ночь она прокрадывается въ комнату нашей дочери, и долго тамъ зачѣмъ-то оставалась. Это показалось намъ подозрительно и тревожно. Мы прослѣдили. Какъ всѣ улягутся спать, она вставала съ постели и проходила въ комнату дѣвочки, подростка лѣтъ 13, гдѣ обычно горѣла передъ образами лампадка. При тускломъ ея свѣтѣ она садилась на табуретъ передъ зеркаломъ и такъ неподвижно смотрѣлась на себя почти часы. Бѣдная, бѣдная... она искала чего-нибудь занимательнаго въ своемъ лицѣ или фигурѣ, но все было безнадежно въ смыслѣ привлекательности. Въ поведеніи она была очень нервна, горда, безмолвна и трудолюбива. Еще не разсвѣло, бывало, а она уже двигается безшумно по комнатамъ съ уборкой. Чтобы не получить какого-нибудь замѣчанія, она такъ сказать шла впереди задачъ своей работы. Очень поздно мы узнали, что у ней уже было двое дѣтей отъ безнадежнаго „жениха“, какъ выражаются здѣсь въ Петербургѣ. Ихъ она держала въ деревнѣ, у семейнаго брата, выплачивая за каждаго по

5 р. въ мѣсяцъ, и себѣ оставляла изъ жалованья два рубля. Однажды ранней весной, въ бурю и дождь, ей принесъ какой-то мужикъ записочку.—„Барыня,—говоритъ она моей женѣ,—я должна идти въ деревню". -„Какъ? куда? что? невозможно!" Время было и для насъ трудное, шла, кажется, уборка бѣлья. - „Тогда пожалуйте разсчетъ". Тутъ-то изъ распросовъ и оказалось, что у ней—дѣти, и что сейчасъ одинъ трудно боленъ, о чемъ и извѣщала полученная ею записочка объ брата. Конечно, она была немедленно отпущена. Въ невыразимую грязь она пустилась въ далекую дорогу, и дня черезъ два вернулась мокрая и холодная, „аки Іона изъ чрева китова". Раздулся какой-то ручей по дорогѣ, и она, переходя, искупалась въ немъ, и не обсушившись—все шла къ ребенку. Великое значеніе имѣетъ *цѣпкость къ жизни*, и я думаю цѣпкая жизнь, на „вѣки вѣковъ", каковая и нужна націи, зиждется и созиждется не на безплодныхъ Татьянахъ, а вотъ на такихъ обмокшихъ и усталыхъ, все „переступающихъ" ради дѣтей, женщинахъ. Мы ихъ *лично* коримъ, но *національно* отъ нихъ пользуемся. Право, было-бы глубоко страшно ихъ національно погасить и рискнуть остаться при фарфоровой... Лизѣ Калитиной („Дворянское гнѣздо") и Татьянѣ Ларіной. Полная получилась-бы картина національнаго вырожденія.

Но какъ-же устроить, урегулировать эту мощь и силу и хитрость и лукавство и бѣшенство рожденія?! Очевидно, не погашая его, что привело-бы къ вырожденію, но — согласуясь съ нимъ. Вспомнимъ Бэкона и его афоризмъ: „*повелѣвать* природою можно только *повинуясь* ей"...

Одна любовь укрощаетъ страсти и преобращаетъ могучаго льва въ послушнаго ягненка. Страсть (половая) есть сила, совершенно неодолимая, и только есть одна другая сила, которая съ нею справляется: сила любви. Вспомнимъ „Пѣснь пѣсней":

> Сильна *какъ смерть* любовь,
> Страшна *какъ преисподня*.

Не съ такими силами справляться тощему закону и вялымъ общественнымъ пожеланіямъ. Любовь разрываетъ ихъ, какъ тигръ ягненка, какъ левъ толпу гіенъ, переступившихъ ему путь...

За любимаго мужа жена пойдетъ въ огонь, и за дѣтей отъ любимаго человѣка она переплыветъ рѣки и океаны; и за любимую жену опять-же мужъ претерпитъ всѣ униженія на службѣ, не устанетъ ни въ какой работѣ, не оборвется въ жилахъ. Да, такъ вотъ въ чемъ идеалъ: въ семьѣ, гдѣ члены любили-бы другъ друга. Дайте мнѣ только любящую семью, и я изъ этой ячейки построю вамъ вѣчное соціальное зданіе. Построена-ли наша и вообще европейская семья на любви? Увы, разберите примѣры Калитиной и Татьяны, т.-е. разберите самый идеалъ зовущій насъ,

и вы увидите, что семья наша построена на другомъ принципѣ – *долга*.

О, я не о высотѣ этого принципа говорю, не идеальность въ немъ оспариваю; я говорю о *прочности*. Ибо вѣдь мы не *грезы* строимъ, а жизнь: и тщетно пускать поѣздъ на мостъ, построенный изъ приснившихся въ сновидѣніи матерьяловъ! „Мы должны", „я долженъ", „ты должна". Ну, хорошо, пять лѣтъ „я долженъ", десять лѣтъ „я долженъ"; все вспоминаю или пожалуй Татьяна вспоминаетъ о „могилѣ няни".—„И на одиннадцатый годъ вспоминаетъ"? „И на одиннадцатый"... — „Фу, пропасть: да о чемъ вспоминаетъ"? — „Да вотъ о томъ, что—могила, и тамъ—няня. И плачетъ. Мало кушаютъ и все плачутъ, о могилѣ и о нянѣ".— „Ну, ладно, мнѣ некогда, пусть ее посмотритъ лѣтъ еще черезъ десять какой-нибудь приватъ-доцентъ, а я проѣдусь... нѣтъ-ли у ней какого родства"?—„Какъ-же, сестричка Ольга, которая тоже плачетъ по Ленскомъ — выйдя замужъ за посѣдѣлаго предводителя дворянства". —„Ну, вотъ я къ ней". Теперь къ идеямъ соціальнаго строительства я прибавляю точку зрѣнія моральнаго пуриста, и собственно послѣдняя-то точка зрѣнія мнѣ особенно и важна. Въ усадьбу къ Ольгѣ пусть пріѣзжаетъ юный родственникъ ея мужа, и читатель согласится со мною, что опять тутъ открывается уголокъ нравовъ общественныхъ, о которыхъ скорбятъ публицисты и ищутъ ихъ причины, когда единственная причина скрывается въ ложномъ насъ манящемъ идеалѣ и въ ненадежности семейныхъ стропилъ, не строенныхъ изъ „долга". Дѣло въ томъ, что, входя въ семью построенную на „долгѣ", вѣдь я нисколько не знаю, на сколько въ ней долгъ выдержанъ. Terra incognita! И я присматриваюсь, какъ Колумбъ въ Америкѣ,—„гдѣ и что плохо лежитъ". Гдѣ „долгъ", тамъ *могутъ* быть и непремѣнно *есть* всѣ степени *начинающейся* измѣны ему, тогда какъ гдѣ „любовь"—тамъ уже не можетъ быть измѣны любимому (вѣдь измѣняютъ безъ любви, въ безлюбовной семьѣ). Татьяна не измѣнитъ, но можетъ быть Ольга измѣнитъ; а, впрочемъ, мнѣ все равно, я ищу не непремѣнно Татьяну или Ольгу, а вообще женщину. *И вообще женщину, способную измѣнить, я нахожу въ европейской семьѣ, построенной по „долгу", а не на „любви"*.—„Э, сударушки, кто-то изъ васъ слабнетъ въ долгѣ; не вижу, а носомъ слышу, да и умомъ а priori знаю, ибо гдѣ-же есть гвардія изъ ста тысячъ героевъ. А я охотникъ, съ теноромъ, молодостью и богатствомъ". Ну вотъ вы тутъ и читайте мораль.

II.

Ясно, что не въ *ней* дѣло, а въ томъ, что *почва* подъ семьею зыбка; въ безнадежности ея стропилъ; въ томъ, что *я* и *каждый* навѣрно

a priori знаемъ, что въ европейской семьѣ можно „охотиться“. Тоже и за мужьями охотятся подруги женъ, не слабѣетъ-ли кто изъ нихъ въ „долгѣ“. И только гдѣ долгъ совпадаетъ съ любовью или, устраняя фразы, гдѣ законъ и нравы признаютъ любовь и семья построена отъ фундамента до вершины на любви—„охота“ прекращается. До сихъ поръ и всегда психологія европейской семьи была психологія начинающагося похищенія, расхищенія; особенная психологія жадности пришельцевъ („гости“, „друзья“, „знакомые“) и... скуки матросовъ корабля по берегу. „Берегъ! берегъ“! „Любовникъ! любовникъ“! Да, скучно на кораблѣ, берегъ шире; на кораблѣ все „долгъ“, „служба“, а берегъ -широкое поле, съ рощами, гостиницами, лакомыми примашками. Кто о немъ не мечтаетъ? Т. е. кто въ европейской семьѣ не мечтаетъ о флиртѣ, о флиртѣ на вершокъ, о флиртѣ на аршинъ, о флиртѣ на версту! Собственно, что не пошатнулось въ Европейской семьѣ нисколько? Только правильность, незыблемость и абсолютный авторитетъ вѣнчанія. Это точь-въ-точь сейчасъ, какъ при Ярославѣ Мудромъ; но подъ вѣнчаніемъ пошатнулась семья, она разбѣжалась, наконецъ—она сдѣлалась грязна, сальна. Я и говорю, какъ мыслитель, какъ пуристъ: „да перенесите, гг. законодатели и моралисты, эту *абсолютность съ обряда на фактъ* и вы получите *семью крѣпкую*, какъ до сихъ поръ было и остается *крѣпко вѣнчаніе*. Переложите абсолютность, святость и авторитетъ съ формы на содержаніе, со скорлупы—на зерно, съ переплета—на книгу: и вмѣсто золоченыхъ переплетовъ, объемлющихъ пустую бумагу или неприличный романъ, вы получите плохонькій переплетъ, обнимающій безцѣнную книгу, святую книгу возможной европейской семьи!“ Въ этомъ весь узелъ вопроса. Вѣдь теперь какъ разсуждаютъ? „Ради Бога, не начните жить безъ *вѣнчанія*, ужь какъ-нибудь, но его добудьте. Повѣнчано—и *кончено* и все хорошо“. И безмолвное къ этому добавленіе, но непремѣнно изъ него вытекающее: „какъ это соблюли — въ *остальномъ* какъ хотите: хоть живите на разныхъ половинахъ одной квартиры, хоть совѣмъ по разнымъ квартирамъ, хоть даже въ разныхъ городахъ и государствахъ; пожалуй ссорьтесь, измѣняйте одинъ другому. Пьянствовать?— и вынить можете, человѣкъ слабъ, а жена стерпитъ. Жена наряды любитъ? со скуки, какъ вы водку? — и наряды ей дайте; жену надо побаловать, мы всѣ слабы“. Кто оспоритъ, что такъ абсолютно и движется все по абсолютному закону. И вотъ мнѣ, любителя жизни и практики, обуяла жажда этой *абсолютности для жизни* и, какъ маленькій Колумбъ, я въ мысляхъ порѣшилъ перевернуть загадочное яйцо семейнаго вопроса: „абсолютное—*семья*: тамъ какъ угодно съ золочеными скорлупами, но чтобы было здорово и вкусно самое *зерно*. Живите *согласно*, при одномъ *ложѣ* и за однимъ *столомъ*; непремѣнно чтобы были *дѣти*, и не-

премѣнно фактическое супружество; ни *соринки*, ни *грязинки*, никогда—*разлуки*, ни въ чемъ—*размолвки*. Одно тѣло и одна душа: и общая кровь въ жилахъ, какъ и одна мысль въ мозгу. *Это* все—абсолютно! а *остальное прочее* — какъ угодно!". Если таково станетъ требованіе отъ зерна, то очевидно абсолютность скорлупы должна податься, и гнилая пыль, сгнившая и пахучая пыль худого грѣха не должна прикрываться золоченою скорлупою. Здоровая обыкновенная скорлупа на здоровомъ орѣхѣ, и никакого *подлога*, никакого *несоотвѣтствія зерна и скорлупы*. Тогда я знаю, что раскусываю. Входя въ семью, я знаю, что вхожу въ здоровую семью, на протяженіи всей Европы; и у меня не создается психологія охотника въ лѣсу. Это-то и важно. И теперь есть чудныя семьи, но я не знаю, *которыя*, и не увѣренъ, не суть-ли чудныя семьи—„истощающіеся въ терпѣніи" семьи, гдѣ, слѣдовательно, можно начать охоту. Таково положеніе дѣлъ въ странѣ, въ вѣкахъ, въ цивилизаціи.

III.

Тутъ и полегъ геній Моисеева „разводнаго письма", секретъ его бытового дѣйствія, его психологіи. Секретъ этотъ пожалуй мнѣ объяснился лѣтъ 14 назадъ, въ первый мой пріѣздъ въ Петербургъ: остановился я въ гостинницѣ, по близости Аничкова моста, и готовитъ мнѣ комнату молодая и миловидная женщина, оказалась въ концѣ разговора—чухонка. Запомнилъ это потому—что я первый разъ въ жизни „чухонку" видѣлъ. Тогда, какъ и сейчасъ, прислугу или извозчика я всегда спрашивалъ: „женатъ или замужемъ? есть дѣти или нѣтъ? и всѣ-ли здоровы"? Такая разговорная привычка у меня, спеціально направленная не къ душе-спасительному, а къ тѣлесно-спасительному. „И замужемъ и не замужемъ", отвѣтила мнѣ миловидная женщина.—Я впалъ въ сердобольный тонъ, догадавшись, что она „такъ" живетъ,—но она мнѣ гордо отвѣтила (какъ и вообще была горда и какъ-то счастлива съ виду): „Онъ и хотѣлъ-бы жениться, да я не иду". На крайнее мое изумленіе (замужество почетъ) она проникновенно сказала (только баба и можетъ объ этомъ догадаться): „Что мнѣ обѣщаетъ замужество? Теперь онъ меня бережетъ, за мной ухаживаетъ, слова грубого мнѣ не скажетъ. Я ему дорога и нужна; ничего въ смыслѣ денегъ не стою—и хороша. И онъ мнѣ дорогъ—потому что ласковъ, потому что милъ. А выйду замужъ и... можетъ быть рука его на меня подымется". Я поразился. Но вѣдь это такъ!!! Любящая женщина конечно есть сокровище, но его надо сберечь. Абсолютность, перенесенная на обрядъ, и есть принципъ: „не надо беречь, все равно — въ карманѣ". Снятіе абсолютности съ обряда и перенесеніе ея на семью есть въ то же

время сущность Моисеева „разводнаго письма“, которая заключается въ уничтоженіи этого главнаго яда семьи, теперешней самодѣянности, теперешней „законной“ самоувѣренности: „какой я ни подлецъ, а—мужъ, и ты ноги мои мой—да воду эту пей“, или съ другой стороны: „говоришь, спина ломится отъ труда, ничего, вѣдь я законная жена: мнѣ нужно шляпку въ восемьнадцать рублей, потому что мой любовникъ любитъ шляпки не ниже восемнадцати рублей, а ты потрудись и заработай“. Вотъ вы такъ связаннымъ въ законѣ людямъ и читайте мораль:

„Котъ Васька—плутъ!
„Котъ Васька—воръ!

Боже, до чего глупы, до чего горько глупы эти сѣтованія!! Какъ мудрёй моя чухонка въ померахъ!—„Я дорога ему“. Да, конечно такъ, какая-же жена не дорога, на самую прозаическую оцѣнку, по самому простому счету. Очевидно есть что-то специально гибельное въ условіяхъ нашей семьи, какой-то arsenicum, мышьякъ въ нее впрыснутый, что дорогое можетъ превращаться въ недорогое. Глупые увѣряютъ: „это отъ того, что надоѣдаетъ человѣкъ человѣку“. Какъ бы не такъ! А я скажу: „дорогое должно бы становиться съ годами дороже, потому что съ каждымъ днемъ крѣпнетъ привычка“. Почему-же старые брилліанты, картины и статуи, долженствовавшіе-бы „пріѣсться глазу“, не продаютъ, не „спускаютъ за безцѣнокъ, чтобы обмѣнять на новенькое“, а болѣзненно хранятъ и въ старости любуются ими больше, чѣмъ въ молодости. „Неремѣнъ“ въ библіотекахъ и коллекціяхъ не любятъ. Такъ то *вещи*: какова-же *привычка*—къ *человѣку*! И когда его хотятъ смѣнить,—значитъ и съ самого начала „прилѣпленія“ („два въ плоть едину“) не было, а было простая *лежалость* рядомъ, механика *сосѣдства* безъ тайны *взаимо-проникновенія*. Французы давно замѣтили пошлымъ, но наблюдательнымъ взглядомъ: „le mariage est le tombeau de l'amour“. Они указываютъ прямо линію, моментъ, откуда начинается *охлажденіе*. Съ—*вѣнчанія!* т. е.—*съ нерасторжимости*!! Теперь я обращу вниманіе нашихъ русскихъ наблюдателей: до какой степени не насытно длятся и никогда почти не ломаются: 1) тайныя связи уже замужнихъ женщинъ, 2) нелегальная семья. У Гончарова въ „Обрывѣ“, у Достоевскаго въ „Вѣчномъ мужѣ“ есть наблюденіе надъ первыми; я наблюдалъ вторыя, безъ единой грубости другъ другу въ теченіе долгихъ лѣтъ. Все этимъ и рѣшается. „Mariage“ потому есть „tombeau de l'amour“, что это есть минута, черта, начиная отъ которой возможно свинство. Переступилъ—и попалъ въ хлѣвъ. Почему? Да потому, что все вдругъ становится возможно! „Теперь я свинья—о, совѣты-то мнѣ даны на праведную жизнь, но вѣдь то́ совѣты, и мнѣ на нихъ наплевать,—а, по за-

кону, какая бы я ни былъ свинья, все равно законный мужъ". Секретъ прочности „связей" и „нелегальной семьи" и заключается въ томъ, что принципъ: „живите согласно", есть въ нихъ не платоническое правило, а желѣзный—о, какой желѣзный! законъ: „живешь согласно, не обижаешь, не бранишься о побояхъ я и думать не начинаю: и я—твоя" (разсужденіе чухонки). Мужъ (или „любовникъ") и живетъ „согласно", да и какъ же жить „не согласно", когда послѣ первой-же грубости—не говоря о привычкѣ и любви—просто въ физіологическомъ смыслѣ придется обратиться, вмѣсто чистой и прекрасной женщины, къ „улицѣ", „твари", проституткѣ. Вотъ отчего „любви" и „сожитія" рѣдко распадаются, а „браки"—очень часто. Психологія какъ 2×2=4 простая. Добавлю къ ней еще одно тончайшее наблюденіе. Все ускользающее—безконечно дорого; а „что имѣемъ—не храпимъ, потерявши плачемъ". „Любовь" или „сожительница" есть вѣчно ускользающая вещь, и которой нельзя ничѣмъ (юридически) удержать: именно этимъ-то бѣгучимъ въ себѣ моментомъ она дразнитъ, раздражаетъ, манитъ, родитъ любовь и ею, какъ стальною цѣпью, и держится. Она безконечно бережется и безконечно берегущій „мужъ" („сожитель"), даже безъ влюбленности женщины, бережется и ею, какъ вѣрный залогъ покоя и счастья. Да и просто онъ милъ дѣлается за одну свою деликатность. Мало-по-малу образуется такая атмосфера удовлетворенности и покоя, безъ опаснаго момента „законной скуки",—что „связь", будучи ничѣмъ извнѣ не обезпечена, становится несокрушима. Вставьте-же эти счастливѣйшія условія любви въ бракъ: и вы получите бракъ прочный какъ любовь. Но что это за условіе? Не связанность, паденіе узъ: точнѣе—замѣна психологическими узами, „благодатными", юридическихъ. Сколько я постигаю, сумму этой психологіи и уловилъ древній еврейскій законодатель, построивъ столь непохожій на нашъ разводный механизмъ:

— „Я тебя позвалъ въ семью, какъ любящую и вѣрную подругу, мать будущихъ дѣтей нашихъ, какъ хозяйку дома. Вотъ на столѣ у меня разводное письмо. Не тянись. Будь вѣрна—пока вѣрна, береги имущество мое, будь воспитательница дѣтей. Не притворяйся, ибо ложь есть arsenicum семьи: какъ только ты внутренно пала, какъ мать, жена или хозяйка, -безъ шума, возни и полиціи,ты—жена другого, и я буду искать себѣ лучшую жену".

Въ сущности- это логика моей чухонки въ номерѣ, и не мудрѣе, и не глупѣе. Вѣдь „разводное письмо" не приходится никогда (за рѣдчайшими исключеніями „роковой любви" или ужъ совершенной негодности, негодяйства жены) приводить въ движеніе. Къ чему? Оно есть условіе такого счастья, покоя, трезвости жизни, что только шальной кипется въ омутъ дальнѣйшихъ приключеній. Такъ это „разводное письмо" и легло на правы цѣль-

ной нации. Оно успокоило кровь (необыкновенно бурную у евреевъ, см. „Библію"), выправило нравы, создавъ одну и самонужнѣйшую вещь: деликатность, нѣжность, осторожность. „Тутъ ужасно легко порвать: а поэтому будемъ осторожны". Совершенно противоположно нашему: „У, канатище—не оборвешь. Попробуемъ! Налягемъ"!

— У меня любовница.

— У меня тоже любовникъ.

— Идемъ въ консисторію.

Пришли.

— У насъ по любовнику и по любовницѣ.

— Худо. Есть свидѣтели?

— Какъ-же, вся улица знаетъ.

— Нѣтъ, особенные, которые чтобы подкуплены были и чтобы врали. Мы только имъ вѣримъ.

— Почемъ-же стоитъ такой свидѣтель?

— По три тысячи на рыло. Нужно два свидѣтеля.

— Отчего такъ дорого?

— Какъ-же, подъ присягой вѣдь. Трудно. Тоже совѣсть.

— Нѣтъ такихъ денегъ.

— Ну, а нѣтъ, такъ и живите... согласно, любите другъ друга и не оскорбляйте святое таинство брака.

— Это—платонически? или... какъ?

— Платонически. По закону ты можешь ей рыло свернуть и она можетъ тебя мышьякомъ отравить, а платонически вы „живите согласно, любите другъ друга и не нарушайте святого"...

— Хорошо, Матрена, пойдемъ домой; и теперь ты—меня, а я—тебя; и кто кого скорѣи до гробовой доски.

Такъ-то и выходитъ, что дѣйствительно въ „неисповѣдимой тайнѣ" супружества паутинка-ниточка разводнаго письма не лопается, а нашъ корабельный канатъ брака (процедура развода) — трещитъ.

— У, постылая! убью тебя!

— У, постылый! отравлю тебя!

Корреспонденты пишутъ:

„Крайняя подвижность общества, желѣзныя дороги, новѣйшая школа и развращающее дѣйствіе скандальныхъ судебныхъ хроникъ расшатали благочестивые нравы прошлаго вѣка (въ которомъ буквально писали то же самое) и дали еще одинъ скорбный инцидентъ: въ улицѣ NN городка MM чиновникъ или мастеровой, или писатель, бивъ 12 лѣтъ жену, дѣйствительно сварливую и негодную, и все-таки не добивъ, полоснулъ ножемъ по горлу. Осталось пять человѣкъ дѣтей, нервно-больныхъ, отъ отца и матери—пропащъ: благотворители, примите участіе".

Вотъ о чемъ надо подумать.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XXVI. Параллельно В. В. Розанову.

Итакъ, милый другъ, приходится продолжать и все въ томъ-же родѣ? Смущаетъ меня только вопросъ: да не надоѣли-ли мы съ вами читателямъ? Нѣтъ? Ну, пусть будетъ нѣтъ: начнемъ говорить далѣе. Страннѣе всего въ нашемъ спорѣ именно то, что я имѣлъ уже случай подчеркнуть и отмѣтить. Мы въ основахъ съ вами какъ будто-бы тѣсно согласны, а между тѣмъ споримъ. О чемъ? Ни минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что вы признаете роль *долга* въ семейныхъ отношеніяхъ, и, со своей стороны, прошу васъ постоянно помнить, что я неспособенъ отрицать великую первенствующую роль *любви* [1]) въ томъ-же вопросѣ. Не лучше-ли намъ помириться на формулѣ: любовь — созидаетъ бракъ, долгъ его поддерживаетъ. Право, ни для кого не будетъ обидно подписаться подъ такой формулой, и если-бы дѣло ограничивалось торжествомъ словеснымъ, формальнымъ, то мы-бы съ вами имѣли полное право рука объ руку торжествующе слѣдовать въ храмъ великихъ моралистовъ, при ликованіи довольной толпы, съ благословеніями какъ старыхъ, такъ и молодыхъ поколѣній! Ибо сіе *древнѣе* міра и *незыблемѣе* горъ, покуда оныя работой времени не обрушатся.

Вы, дорогой другъ, и частію учитель, съ пьедестала сбиваете меня цитатами богословскаго характера, передъ которыми я пасую. Въ этой области пусть спорятъ съ вами лица компетентныя, и я на эту арену гладіаторства съ вами не пойду. Къ чему идти

---

[1]) Да, всѣ признаютъ *любовь*... платонически, въ стихахъ, въ разсказахъ и философіи. А какъ до *дѣла касается*, до *суда* дойдетъ, до *закона* — то всѣ любви чураются, всѣ *ее* обвиняютъ, и никакое *рѣшеніе* о семьѣ не опирается на фактъ *признанной* и *уважаемой* любви. Въ этомъ все и дѣло. *В. Р—въ.*

туда, гдѣ будешь побитъ въ ту же минуту, ибо когда противникъ будетъ фехтовать зрячимъ, тебѣ придется отфехтовываться съ глазами завязанными?

Я, опять ставъ на почву чисто гражданскую, куда и вамъ входъ вполнѣ доступенъ, постараюсь еще разъ повернуть важный и страстный вопросъ въ сторону его практическаго разрѣшенія.

Любовь все объемлетъ, все зиждетъ, все приводитъ къ хорошему концу и тамъ, гдѣ она *есть*, тамъ намъ съ вами дѣлать нечего.

Ромео, Вертеръ, Поздышевъ, Вронскій, Онѣгинъ, даже Печоринъ съ княжной Мери, все это суть частности любовнаго отношенія къ женщинѣ, не всѣ конечно, но тѣ, какіе немедленно и безъ труда пошли мнѣ подъ перо и пришли на память. Всѣ они любили, хоть каждый и по своему, и всѣ эти несомнѣнно любившіе не годились-бы для семейнаго счастья.

Я ужъ не цитирую ни Ловеласа, ни Жуана, ихъ любовь, однако столь цѣнимая женщиной, въ счетъ не входитъ. Правильно и вѣрно вы указываете для такихъ случаевъ плотской любви ея безплодіе, то есть по вашему неблагословеніе такой любви Богомъ. До сихъ поръ, какъ видите, мы двигаемся съ вами параллельно, и не далѣе, чѣмъ какъ двигаются пути одной и той-же дороги. Но являются въ результатѣ любви дѣти, и вотъ тутъ-то наши съ вами пути немедленно, если и пойдутъ въ ту-же сторону, то есть въ сторону укрѣпленія и утвержденія семейныхъ основъ, то уже во всякомъ случаѣ не на полотнѣ одной и той-же желѣзной дороги.

Дѣти? Ахъ, какъ много и какъ трогательно говоримъ мы о нихъ!

Вамъ особенно почему-то милы *несчастныя* дѣти любви несчастной? И вы, въ благородномъ стремленіи улучшить ихъ участь въ гражданскомъ, а не въ духовномъ смыслѣ, не видите и не замѣчаете, что легкій разводъ, неустойчивость семейнаго уклада ничего въ сущности реальнаго не дастъ плоду любви несчастной и, напротивъ, все отниметъ отъ плода любви, если и тоже несчастной, то во всякомъ случаѣ заявленной у нотаріуса.

Это рѣшеніе простое и радикальное. Если-бы кокоткамъ и гетерамъ повелѣно было носить бриллианты, одѣваться у лучшихъ портныхъ за счетъ государства, *но непремѣнно* ѣздить въ экипажахъ на *желтыхъ* колесахъ, то я убѣжденъ, что явная проституція сейчасъ-бы согнула голову и притушила-бы немедленно свою побѣдоносность.

Есть старый разсказъ (боюсь соврать, кого, Н. Успенскаго, кажется), въ которомъ отчаяннѣйшій кнутобой, управляющій надъ крѣпостнымъ имѣніемъ, тиранившій мужиковъ до-нельзя, существовалъ отлично, не смотря на страхъ, имъ внушаемый всѣмъ и

каждому. Но вотъ съ объявленіемъ воли, онъ однажды нерадиваго работника приказалъ посадить на золотое кресло и привязать къ нему обыкновенной ниткой. Въ ту-же ночь этотъ свирѣпый кнутобой, которому сходили страшныя истязанія даромъ, былъ безчеловѣчно убитъ человѣкомъ и рабомъ, надъ которымъ онъ себѣ позволилъ издѣваться. Вдумайтесь-ка въ это и вы увидите, къ чему приведетъ ваша по внѣшности столь милая схема. Если полноправнымъ гражданиномъ по общему *органическому*, а не писанному только убѣжденію, можетъ быть человѣкъ рожденный только отъ брака, благословеннаго церковью (все равно, какія-бы ни были детали этого благословенія), то дайте вы не только равныя права, но и великія преимущества инако рожденнымъ, все равно ихъ положеніе въ мірѣ не станетъ ни на волосъ лучшимъ. Пусть незаконнорожденные носятъ висонъ и золотыя бармы, пусть пользуются особымъ уваженіемъ толпы, пусть при ихъ появленіи обязательно городовые честь отдаютъ, для чего (замѣтьте это) имъ нужно дать какое-либо отличіе, ну хотя брилліантовую звѣзду на шляпѣ [1]), но пусть при этомъ ихъ не признаетъ церковь за Божіихъ людей [2]), положеніе ихъ не только не станетъ лучшимъ, но напротивъ худшимъ. Теперь незаконная дочь, выходя замужъ, совсѣмъ теряетъ всѣ свои особыя *не*права; выслужившійся директоръ гимназіи до дѣйствительнаго статскаго совѣтника становится дворяниномъ потомственнымъ, и дѣти его нисколько не страдаютъ отъ его незаконнорожденности. Ну, а тогда, извините, явится каста ублюдковъ привилегированныхъ, можетъ-быть и не злобная каста, но во всякомъ случаѣ человѣческаго въ ней будетъ мало. Какая-же противъ этого мѣра?

Одна единственная только, дорогой другъ: „не прелюбодѣйствуй“ и „не имѣй незаконныхъ дѣтей“. Это говоритъ Богъ, а Его слова благоговѣйно повторяетъ церковь. Если-же по несчастію, по пылкости натуры или благодаря вмѣшательству гражданской власти въ отправленія чисто физіологическія, разумѣя запрещенія браковъ прежде 21-го года, явится тоже дѣти,—то только за любовью отчей и материнской, въ толерантности христіанскаго общества, въ заступничествѣ у Бога и Дѣвы Маріи за этихъ дѣтей и всего болѣе благодаря христіанскому *всепрощенію*, эти дѣти могутъ получать

---

[1]) Какое издѣвательство?! Къ *чему* оно? надъ *кѣмъ*? Вотъ такіе-то „мимоходомъ“ щелчки въ затылокъ и породили дѣтоубійство въ христіанскомъ мірѣ. Оставьте, гг. писатели, и *не смѣйте ни надъ однимъ и ни надъ какимъ ребенкомъ издѣваться*—иначе насмѣшника полетитъ въ очень дорогія для васъ вещи. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ это—колоссально важно. Все дѣло въ перемѣнѣ не *государственнаго* и *общественнаго*, а церковнаго взгляда на рожденіе, вообще *всякое*, а затѣмъ уже и „незаконное“. Такъ я и говорилъ все время, къ этому все и веду. Но авторъ не замѣчаетъ, что отъ этого дѣло становится *острѣе* и *чреватѣе послѣдствіями*... *В. Р—въ.*

человѣческія права и достигать всего, чего достигаютъ дѣти законныя. Это сторона нравственная. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда отецъ не признаетъ своихъ дѣтей своими, когда мать кидаетъ младенцевъ въ прорубь,—намъ христіанамъ лучше всего вѣрить искренно и глубоко, что пути Божіи намъ неисповѣдимы [1]). Не земною только жизнью живетъ духъ человѣческій, и кто знаетъ, можетъ-быть сюда шлетъ его Богъ для испытанія и для кары, за единый великій грѣхъ—грѣхъ не послушанія—этотъ первородный грѣхъ, сгубившій всю землю. Думающіе по вашему неминуемо должны вѣрить, что смерть есть наказаніе, есть ужасъ [2]); напротивъ вѣрящіе въ благость Божію должны вѣрить, что смерть есть избавленіе отъ мукъ грѣха, есть конецъ, послѣ котораго „Нынѣ отпущаеши раба" есть наивѣрнѣйшая формула для мысли благочестивой.

Поймите точно и строго, что всѣ мы смертны и часу своего никто не знаетъ. Почему-же бы въ этомъ направленіи надо силиться и стараться дать какіе-то особыя преимущества дѣтямъ незаконнорожденнымъ?

Милый мой другъ по духу, вамъ, какъ человѣку не на словахъ, но и духомъ вѣрующему, позвольте сказать, что въ вопросѣ о незаконнорожденныхъ я имѣю нѣкоторую фактическую компетенцію. Мать моя незаконнорожденная дочь одного изъ лучшихъ людей [3]), достаточно высокопоставленныхъ (только не королей), временъ Александра I. Онъ былъ *четвертымъ* мужемъ моей бабушки и нисколько не скрывалъ своей связи, почему и оставилъ своимъ дѣтямъ свою фамилію, но конечно не титулъ; онъ-же оставилъ имъ свое состояніе и даже похоронилъ подъ мавзолеемъ рядомъ со своей четвертой гражданской женой, которую конечно любилъ тою любовью *семейной*, которую и вы проповѣдуете. Дочери его, не смотря на свое незаконное происхожденіе, сдѣлали отличныя партіи; дѣти ихъ пошли высоко по службѣ и всѣ отличались дѣдовской честностью, прямотою и не обижены были и талантами [4]). Такъ хотѣлъ значитъ Богъ. Затѣмъ смолоду

---

[1]) То-то „христіанская толерантность". Тогда и объ Иродѣ надо сказать, что онъ разсчитывалъ на „неисповѣдимость путей" и пожалуй предварилъ не только наши дѣтоубійства, но и нашу religio. *В. Р—въ.*

[2]) Конечно—ужасъ!! А дѣтоубіеіство (каково матерямъ послѣ)—ужасъ ужасовъ. И я всегда думалъ, что *идея* и *чувство* и насмѣшки около „незаконнорожденности" суть какъ-бы восковая (изъ чернаго воску) свѣча въ капищѣ сатаны. *В. Р—въ.*

[3]) Какъ торопится замѣтить: „одного изъ лучшихъ", изъ „высокопоставленныхъ". А раньше смѣялся надъ питомицами Воспитательныхъ домовъ, говорящими, что „они происхотятъ отъ князей". Но Богъ обратилъ насмѣшку на смѣющагося. Но каково дѣтямъ *простыхъ? В. Р—въ.*

[4]) Что-же изъ этого *худого* вышло? Какое *множество* добрыхъ послѣдствій! Почему-же не разрѣшенъ 4-й и 5-й бракъ: приведенный раз-

я вращался въ родственномъ мірѣ артистовъ, художниковъ, очень знаменитыхъ поэтовъ, архитекторовъ и т. далѣе. Но эта среда, не смотря на то, что ей приписываютъ какое-то вообще отрезвляющее значеніе въ жизни, сама отличается замѣчательною свободою нравовъ, т.-е. половою распущенностью и пьянствомъ. И такихъ родственниковъ съ талантами у меня было очень много, гораздо болѣе, нежели я-бы того желалъ, и отъ нихъ осталось много вотъ такихъ несчастно-рожденныхъ. У многихъ я былъ поневолѣ и опекуномъ и попечителемъ. И вотъ, повѣрьте мнѣ на слово. Изъ мальчиковъ незаконорожденныхъ вышли идеальнѣйшіе отцы семейства [1]), несмотря на ихъ можетъ быть и невысокія гражданскія качества. Изъ дѣвочекъ, предварительно прошедшихъ огонь и мѣдныя трубы, вышли не плохія, жены и матери [2]) до тѣхъ поръ, покуда въ душахъ ихъ жилъ страхъ Божій. Имъ самъ Богъ посылалъ удивительнѣйшихъ по душевнымъ качествамъ мужей, и до тѣхъ поръ, покуда этотъ страхъ Божій сохранялся,—и миръ царствовалъ въ ихъ благословенныхъ семьяхъ [3]). Много иначе стоитъ дѣло тамъ, гдѣ въ основу былъ положенъ обманъ, взаимное надувательство и собственный развратъ. Вотъ тутъ были случаи, когда законнорожденный негодяй женился на законнорожденной негодяйкѣ [4]) и былъ обманутъ также жестоко, какъ и самъ надѣялся обмануть свою законную подругу жизни. Но, многоуважаемый, изъ зла -кромѣ зла никогда ничего не вырастетъ, изъ плевелъ вырастетъ плевелъ сугубый, изъ лжи общей растетъ ложь злая. И это есть кара Божія, и какъ таковую ее надо и принимать [5])!

Почему я такъ пристально слѣжу за вашими идеями и спорю съ вами? Потому, что вы не вѣдаете, что творите. Вы убиваете этотъ страхъ Божій тѣми послабленіями развода и узаконенія

сказъ—колоссальный доводъ въ пользу мною проповѣдуемой необходимости *открытости* и *признанности отношеній* теперешнихъ „не легальныхъ связей“. Ибо въ разсказанный фактъ введите *тайну, укрывательство*—и вмѣсто добрыхъ плодовъ вы получите *несчастье, злобу*, нищенство (дѣтей) или ихъ смерть. Кому это нужно? Зачѣмъ? Давидъ, стыдящійся Вирсавіи, далъ-бы человѣчеству не Соломона, а лишній дѣтскій трупикъ. О, какъ вразумительны свидѣтельства Библіи! *В. Р—въ.*

[1]) Какое признаніе! А мы такихъ „съ камнемъ на шеѣ—въ воду“. Сколько отнимаетъ общество у себя, государство! *В. Р—въ.*

[2]) То-то, то-то. А вы выше говорили: „не будемъ разсуждать о смерти такихъ дѣтей: это есть искупленіе грѣха“. Нѣтъ, это есть свѣчка дьяволу. *В. Р—въ.*

[3]) То-то, то-то, Какъ я радъ, что вызвалъ всѣ эти признанія. Сколько въ нихъ важности. Будемъ-же сіе беречь, лелѣять. И оставимъ жестокость. *В. Р—въ.*

[4]) Интересно. О, какъ все это важно. А вы, настаивая на *формѣ*, говорите: „шире дорогу этимъ негодяямъ, и сбросьте съ путей ихъ тѣ благочестивыя семьи“! Но Богъ заворачиваетъ ваши слова иначе, чѣмъ вы сами хотите. *В. Р—въ.*

[5]) Нѣтъ, съ нею надо бороться. *В. Р—въ.*

дѣтей, которыя вытекаютъ у васъ изъ самыхъ лучшихъ побужденій и благодаря только вашей чистотѣ душевной. Вы проповѣдуете любовь? Да, любовь бываетъ на утрѣ семейной жизни. Мужу 25, женѣ 20 лѣтъ: всѐ вокругъ нихъ сіяетъ, все благоухаетъ, и любви ихъ кажется и конца нѣтъ. Но вотъ прошелъ годъ, явился ребенокъ. Муки, хлопоты, безпокойства, безсонныя ночи, у мужа страхъ за родильницу? Да, крута горка да забывчива,—говоритъ пословица.—Еще годъ—еще дитя и то-же самое. Еще годъ—опять повтореніе пройденнаго.

А тамъ еще и еще. Наконецъ возникаетъ вопросъ о сапогахъ:

— Вы понимаете-ли, что значитъ чиновнику или даже генералу не послѣдняго разбора, получающему хотя-бы четыре тысячи въ годъ, купить дѣтямъ по парѣ сапоговъ, когда такихъ дѣтей десять, а женѣ всего еще 30 лѣтъ? — спрашивала меня одна изъ идеальнѣйшихъ матерей семейства, шествуя по Гостиному двору, обремененная покупками на лѣто.

— А вѣдь надолго-ли такая пара сапогъ этимъ разбойникамъ, которые не имѣютъ понятія, что за нихъ заплачено, сколько эти сапоги, которые они рвутъ, стоятъ родителямъ и крови, и пота, и злыхъ заботъ?

И вотъ слушая эти святыя, хотя и прозаическія рѣчи, не только убѣжденный холостякъ, уповающій на Воспитательный домъ, но и холостякъ случайный думаетъ: „Какъ хорошо, что я не женился“.

Вотъ гдѣ слѣдовательно гнѣздится червякъ, подтачивающій современную лучшую идеальнѣйшую семью.

Вы иронизируете надъ моимъ положеніемъ, что семью разрушили желѣзныя дороги. Но не все то невѣрно, что съ перваго слова кажется страшнымъ. Желѣзная дорога даетъ возможность каждому немедленно бѣжать оттуда, гдѣ ему не нравится. Это въ нѣкоторомъ родѣ тотъ-же чрезмѣрно легкій разводъ съ тѣмъ случайнымъ неудовольствіемъ, которое васъ сейчасъ угнетаетъ. Развѣ въ оны дни не было того-же? Ахъ, какъ было. Да и неудовольствія были много ужаснѣе нынѣшнихъ. Но бѣжать было некуда и все,—извините пожалуйста.—обходилось. Кое-что выленяли, иногда прощали съ обѣихъ сторонъ, ибо если уѣхать было трудно, то и выписать новаго слугу было столь-же хлопотно и трудно, и потому выгода экономически-нравственная подсказывала и тому и другому мысли миролюбивыя. А теперь? Бацъ, бацъ съ одной стороны, бацъ, бацъ—съ другой, и вотъ одинъ уѣхалъ въ Китай, а другой на Парижскую выставку. И само собой понятно, гдѣ-же тутъ столковаться, при наилучшей почтѣ, и какіе шансы имѣетъ примиреніе поссорившихся? И эта легкость развода фактическаго объясняетъ многое, но внѣшности необъяснимое. Затѣмъ экономка. Каждому провинціалу не элегантно сытому кажется, что въ сто-

лицахъ у Яра, у Кюба, у Донона и въ Славянскомъ базарѣ кормятъ *даромъ* за таланты. „Ахъ, вы талантливы, пожалуйста кушайте у насъ. Обѣдъ -три рубля съ румынами, которые уши дерутъ, или — пять съ цыганами, которые музыкальную тошноту возбуждаютъ, но съ васъ, какъ съ таланта—смѣемъ-ли мы брать что-либо? Пейте, кушайте, слушайте и прославляйте насъ какъ можете и какъ подскажетъ вамъ талантъ". Ну, и ѣдутъ таланты на даровые хлѣба, и такихъ талантовъ въ Петербургѣ по послѣдней переписи было 8,000, а теперь по новой навѣрное окажется ужъ тысячъ 10. Смотря на эти успѣхи талантовъ, за ними скачетъ и провинціальная безталанность. „Жену и дѣтей на время (это для совѣсти) по боку, а тамъ увидимъ", и вотъ проходитъ полгода, годъ, и обнищавшая, заголодавшая, покинутая семья получаетъ посланіе: „Душечка, стосковался по тебѣ въ этой подлой столичной сутолокѣ и прошу выслать мнѣ четвертную. Займи хотя у дяди, пусть меньше пьетъ, ему пить вредно, я у докторовъ справлялся. Ѣду, чтобы успокоиться отъ пережитыхъ *ужасныхъ* (три раза подчеркнуто) столичныхъ впечатлѣній".

А смотря на это, холостяки и убѣжденные, и не убѣжденные рѣшаютъ не жениться, а плодить и наполнять землю путемъ воспитательныхъ домовъ или вовсе ихъ не плодить, при помощи разныхъ средствъ и докторовъ.

Причемъ тутъ любовь? Причемъ тутъ каноны? Причемъ тутъ облегченный разводъ? Все это было да прошло. Поздно говорить о разводѣ, когда въ столицѣ нѣсколько десятковъ тысячъ разведенныхъ женщинъ, порядками чисто-полицейскими. Кто тяготится имъ,—тотъ разъѣзжается, кто любитъ незаконно—продолжаетъ незаконно родить.—и теперь вы требуете избавить этихъ незаконно любящихъ, этихъ разрушителей общественной ячейки [1]) послѣдняго укора совѣсти, то-есть дать права незаконнымъ до степени законныхъ дѣтей, въ то-же время не признавая семьи—въ формѣ семьи женской? Вотъ слѣдуя за вами параллельно, вполнѣ соглашаясь, что установленная легкость развода безъ гнусныхъ и грязныхъ формальностей желательна, *до* заключенія опрометчивыхъ браковъ, я не желаю, чтобы съ негодяйства адюльтернаго была снята послѣдняя узда и чтобы прелюбодѣй, въ обществѣ христіанскомъ внесшій много горя и досады въ жизнь согражданъ, могъ-бы высоко и гордо держать свою грязную голову. Пусть терпитъ, если согрѣшилъ, и если онъ пустилъ въ міръ *невинныхъ* страдальцевъ, пусть *самъ* трудомъ своимъ искупаетъ ихъ страданіе, стараясь придать и достать имъ права людей сво-

[1]) Хоть-бы вспомнилъ милую *бабушку* свою! Да чѣмъ она „разрушала *ячейку*"? Сама была несокрушимою и святою ячейкою, изъ которой вылупился птенчикъ, мой оппонентъ. *В. Р—въ.*

бодныхъ. Говорятъ-же: „Любишь кататься, люби и саночки возить". Вотъ пусть-же и они повозятъ эти саночки.

Въ заключеніе бѣглое замѣчаніе. Говорилъ съ умнымъ евреемъ о разводѣ, и тотъ сказалъ мнѣ [1]), что вы напрасно такъ полагаете о *безусловной* легкости еврейскаго развода. Для послѣдняго нужны также *доказательства* безплодія или прелюбодѣянія жены, какъ у насъ, и разрѣшеніе на разводъ раввина синагоги. „Иначе, сказалъ онъ мнѣ, исторія Леи, подсунутой Іакову, совершенно не была-бы понятна по цѣлесообразности своей". *А—въ.*

XXIX. Тяжелые упреки духовенству.

(Изъ письма въ редакцію „Петерб. Листка").

Довольно знакомый съ духовенствомъ, но не знающій его, какъ слѣдуетъ, г. Потапенко не такъ давно набросалъ смѣлою кистью типъ *„новаго"* іерея въ лицѣ от. Семена Маккавеева („Новый", изъ хроники ю. рус. села, 1899 г.).

Одежда у от. Семена „какъ будто не православная" (стр. 190), „ряска точно подтыкана" (104), щиблетики, воротнички (16), въ углу маленькая иконка, любитъ онъ поиграть въ преферансъ по маленькой (135), посты считаетъ предразсудкомъ (131), по средамъ ѣстъ индѣекъ (173)... Но это еще все цвѣточки. Ягодка-то зрѣлая вотъ какова: от. Семенъ съ классическимъ безстыдствомъ „продекламировалъ" въ первомъ своемъ словѣ съ церковной каѳедры о таксѣ: „дабы избѣжать постыдныхъ торговъ при совершеніи требъ, я составилъ таксу, въ которой обозначено, сколько какая треба стоитъ. Сія такса находится у причетниковъ, и всякій желающій можетъ ее видѣть. Аминь". (146). Это-ли не патріархальная откровенность,—не „Ровоамовы скорпіоны" (3 Цар. XII, 1)! Таксу эту онъ носилъ и лелѣялъ въ своемъ сердцѣ, еще когда былъ въ семинаріи (171). Прихожане, естественно, вознегодовали на таксу съ высокими цѣнами за требы. Дошла о ней вѣсть до архіерея. От. Семенъ, оказалось, восторжествовалъ: такса его не только не разорвана была владычною рукою, а пошла еще лучше „въ ходъ". И немущіе даже несли ему столько, сколько полагалось! (216)... Вотъ каковы „новые" іереи! Неужели *всѣ?* Повиди-

---

[1]) Еврей этотъ или ошибся, или ввелъ въ обманъ г. А—*ва*, ибо онъ ничего не могъ и *не въ правѣ* былъ сказать, кромѣ того, что содержится въ *Мишнѣ* и *Гемарѣ*: а тамъ „достаточно мужу заявить, что у жены его дурно пахнетъ изо рта" или, что „она худо ему сварила супъ"—чтобы получить разводъ. Конечно, тонкіе еврейскіе законодатели понимали, что *любящій* мужъ на это не пожалуется; а кто пожаловался значитъ онъ *не любитъ* и тогда пусть скорѣй *перестанетъ быть мужемъ*. *В. Р—въ.*

мому *такъ!* Вѣдь г. Потапенко пишетъ не газетную замѣтку объ единичномъ фактѣ: онъ *обобщаетъ* какъ будто свои наблюденія надъ новыми іереями, группируетъ около от. Семена яркія черты, присущія цѣлому поколѣнію „дѣтей", *всѣмъ* новымъ пастырямъ. И такъ — лейтъ-мотивомъ пастырской дѣятельности „новыхъ" является — такса! Пышнымъ цвѣтомъ цвѣтетъ у новыхъ — культъ мамоны! Архипастырскій жезлъ не бьетъ сребролюбивой руки пастырей. Совѣсть у нихъ спокойна, либо и вовсе ея не обрѣтается въ новыхъ: сожжена, видно! Идиллія, подумаешь, точно вотъ при блаженной памяти „барщинѣ": гуляй низкія страстишки не баръ только, а новыхъ іереевъ — на просторѣ. „Вся вамъ лѣтъ и вся на пользу"!.. Надо-ли однако говорить много, что *новые* іереи г. Потапенко—уродливая карикатура на дѣйствительность, злая, глумливая, тенденціозная. Обидно, право, видѣть, какъ своитo, православные люди, поютъ въ тонъ злымъ недругамъ церкви и пастырства—какимъ-либо штундистамъ и пашковцамъ. Пусть-бы даже и были отцы Семены въ какихъ либо дикихъ уголкахъ, но чего-же ради и называть такихъ выродковъ—„новыми" представителями пастырства? Лучше было-бы покрыть срамоту всеже отцовъ духовныхъ покрываломъ снисходительности [1]), а не тащить на свѣтъ Божій, на посмѣяніе міру крещенному и некрещенному—рѣдкостные экземпляры нравственныхъ уродовъ, какъ будто и способныхъ вырасти *лишь* на новой почвѣ. Не грѣшно смѣяться надъ смѣшнымъ, но грѣшно дѣлать смѣшнымъ несмѣшное. От. Семенъ, по нашему мнѣнію, больной человѣкъ, психопатъ. Высмѣивать больного, а тѣмъ болѣе ставить его *типомъ новыхъ*, судите сами, мало талантливая выдумка. Не знаю, что сказали-бы, положимъ, доктора, если бы новому какому Потапенко пришло въ голову написать книгу подъ заглавіемъ: „Самый новый" – „изъ московской хроники", въ которой откровенными мазками намаливать во весь ростъ врача Z., прививающаго больнымъ и здоровымъ скверную фр. болѣзнь,—при молчаливомъ согласіи высшихъ врачебныхъ начальствъ. Думаемъ, что въ такой хроникѣ нашли-бы обиду цѣлому сословію врачей. Но славу намъ—теперешнимъ пастырямъ—несетъ и „Новый" г. Потапенко. Онъ брызжетъ грязью и на невинныхъ въ „новыхъ" злохудожествахъ, созданныхъ фантазіею г. Потапенко—далеко не благодушнаго юмориста.

Въ *нѣкоторой* степени уподобился г-ну Потапенко модный,

---

[1]) Вотъ это правда. Укоромъ другому самъ не очистишься. Духовенство наше если и скупо, то *сюда пошелъ таланта*, потому-что ему некуда дѣться. Сидитъ батюшка дома, знаетъ только требы и службу; и растетъ въ дѣтей и въ деньги. Ни науки у него, ни широкой исторической дѣятельности. „Матушка", по способу выбору невѣсть, часто—постыла. *В. Р—въ.*

кажется, теперь писатель-философъ г. Розановъ. Онъ очень смѣло указалъ въ „Нов. Времени“ (№ 8876 „Мал. фел.“) на то, будто духовенство не признаетъ вѣнчаніе таинствомъ, такъ какъ всегда и вездѣ точно опредѣляетъ и предварительно беретъ плату за вѣнчаніе, и никогда никѣмъ въ этомъ сверху (отъ архіереевъ?) не было остановлено. А плата не взималась никогда за таинства: въ таинствахъ сообщаются дары Св. Духа. Взятіе денегъ за это сообщеніе всегда считалось страшнымъ грѣхомъ. Ясно поэтому, что вѣнчаніе, совершаемое за плату, не принадлежало никогда къ таинствамъ. Вотъ *суть* указаній г. Розанова! Съ г. Потапенко онъ сходится во взглядѣ на плату за требы. Оба очень опредѣленно говорятъ о таксѣ за требы. „Точно опредѣленная сумма платы, взимаемая до вѣнчанія“ — что это, какъ не та же такса „новаго“? Крупная ошибка, г. Розановъ! Никогда не дозволялось духовенству „учинять торгъ за дѣло служенія“, а совѣтовалось всегда и совѣтуется теперь „быть довольнымъ подаваемымъ доброхотнымъ подаяніемъ“ (Дух. регл. ст. 21, пр. прич.). „Истязаніе себѣ корысти отъ братіи“ — вымогательство платы за требы, — „корыстолюбіе, домогательство платы, договоры съ прихожанами о платѣ за требы“ — все это влечетъ за собою строжайшую кару для виновнаго, начиная отъ „внушенія съ подпискою“ до монастыря и низведенія въ причетники. Просмотрите граммату архіерейскую, уст. д. кон., инстр. благоч мъ, резолюціи, положимъ, митр. моск. Филарета, и вы воочію убѣдитесь, что съ таксою шутить нельзя іерею: она приведетъ его подъ архипастырскій жезлъ. Церковь—не кочермница, гдѣ „по прейсъ-курапту“ съ ргіхіхе—отпустятъ, чего прикажете. Не омраченный страстью сребролюбія іерей, повѣрьте, никогда не дерзнетъ предварительно *точно* опредѣлить и даже будто бы и *взять*, не сдѣлавши дѣла, плату за него. А г. Розановъ увѣряетъ, что *всѣ всегда такъ* вотъ и дѣлаютъ, какъ онъ сказалъ. Можно думать, что нашъ философъ не раздѣлилъ точно двухъ моментовъ въ платѣ: есть плата за освѣщеніе церквей при вѣнчаніяхъ, за пѣвчихъ, обстановку, — и есть плата за самый обрядъ вѣнчанія, за совершенія таинства. Не споримъ, что плата пѣвчимъ и за освѣщеніе можетъ быть *точно* опредѣляема напередъ; но нѣтъ правъ у причта опредѣлять и *требовать* точной платы *себѣ* [1]) за вѣнчаніе. Она—доброхотное даяніе и никакимъ регламентаціямъ не можетъ быть подчинена. А ежели *гдѣ-либо* и бываетъ иначе, то это — не по праву, а по произволу [2]). Обобщать же произволъ одного или нѣкоторыхъ, до

---

[1]) Ну, это трудно раздѣлить. Тутъ-то и начинается софистика газетной статьи или злоупотребленія быта. Намъ, мирянамъ, гдѣ тутъ разобраться. *В. Р—въ.*

[2]) Такъ вѣдь о *немъ* и говорится. Мы (миряне) видимъ *обычай*, и по нему *констатируемъ* дѣла. *В. Р—въ.*

значенія закона доводить *исключительные* случаи — по меньшей мѣрѣ нелогично. Въ семьяхъ не безъ урода, но обидно же, когда *изъ-за одного* урода *всѣхъ* сочтутъ уродами. Въ золото рѣчей своихъ не подобаетъ г. Розанову вплетать паутины... Тяжело выслушивать отъ нашего немилосердаго судіи и другой очень тяжелый, какъ жерновъ ослиный, упрекъ въ непризнаваніи духовенствомъ „вѣнчанія" за таинство. Подумалъ ли г. Розановъ, что не признавать іерею таинства—таинствомъ не иное что значитъ, какъ обвинить себя въ *неправославіи*. Каждому іерею вмѣняется въ обязанность совершать семь таинствъ, въ томъ числѣ „вѣнчаніе по волѣ и согласію мужа и жены" (арх. граммата). Если же іерей станетъ колебаться въ представленіи о вѣнчаніи, если онъ дерзнетъ „отметать" св. таинства, то онъ самъ подпишетъ себѣ и приговоръ, отлучающій его отъ церкви и подвергающій его извержению изъ сана („грам." и Послѣд. въ нед. правосл.).

Но „какъ же, скажете, плату-то можно, однако, брать за вѣнчаніе, если оно таинство? Не симонія ли это?" Ничуть! Плата, какъ мы говоримъ, предлагается *добровольно* за трудъ, а *не* за благодать [1]). Благодать нельзя оцѣнить, да некому за нее и денегъ брать: она—отъ Бога. Цѣну ей знаетъ одинъ Богъ и цѣна эта, конечно, не можетъ быть таксирована!.. Господа Іисуса Христа и св. Его апостоловъ кормили добрыя души, пріютъ имъ давали, служили имъ отъ имѣній своихъ, въ благодарность за обильно даруемую ими благодать ученія, исцѣленій. Но кто же скажетъ, что Богочеловѣкъ и Его св. апостолы „торговали благодатію", въ „ковчежецъ" свой *плату* брали *за* израсходованную „сумму благодатныхъ даровъ"? Царь жалуетъ милостію вѣрнаго слугу, даетъ ему и вещественные знаки благоволенія Своего — награждаетъ орденомъ. За вѣсть о Царской милости, за вручение ордена, за самый орденъ награжденный платитъ что́ можетъ и что́ даже долженъ платить по статуту. Неужели же онъ этою платою окупаетъ царскую милость? Нѣтъ, онъ только за трудъ платитъ вѣстнику о Царской милости, платитъ за матеріалъ для ордена потребный.

Священнику дано право и власть совершать таинства, быть посредникомъ между Богомъ и пасомыми въ сообщеніи благодати таинствъ, и вотъ паства въ благодарность *за труды* его поитъ его и кормитъ. Кромѣ полной правды, ничего нѣтъ въ этомъ кормленіи пастыря „млекомъ стада"! Молотитъ волъ, хозяинъ обязанъ кормить его. И всякій дѣлатель достоинъ мзды своея! Нельзя жестоко обрекать и пастырей на голодный столъ [2]).

Прот. Н. Дроздовъ.

---

[1]) „Благодать непродаваема" (VI всел. соб., прав. 23). *Прим. Др-ова.*

[2]) Господь съ ними. И въ мысляхъ ничего подобнаго не имѣлъ. *Искренно* ему желаю прибавленія достатковъ. Цѣль моя была—не *упрек-*

XXX. Открытое письмо г. В. Розанову.

(Черезъ газету „Россія“).

Отнюдь не желая входить съ г. В. Розановымъ въ газетную полемику по существу о рожденіяхъ и о бракѣ, изъ благоговѣнія къ св. таинствамъ и къ св. прав. церкви, о чемъ, по моему убѣжденію, даже крайне *неумѣстно* полемизировать въ повседневной газетѣ (для этого есть спеціальные журналы), я спрашиваю г. Розанова: за что онъ крайне меня обижаетъ, публично меня оскорбляетъ? Да и не меня одного, а навѣрно и тысячи моихъ неповинныхъ собратій?

Въ 8876-мъ № газеты „Новое Время“ г. В. Розановъ въ м. фельетонѣ пишетъ слѣдующее: „Есть понятіе симоніи или взятіе денегъ за сообщеніе даровъ св. Духа. Въ церкви это считается страшнымъ грѣхомъ. Поэтому священнику никогда и въ голову не можетъ придти обусловливать предварительно плату за крещеніе, причащеніе или исповѣдь. Но *за вѣнчаніе плата обусловливается* (курсивъ), и это было *всегда и вездѣ* (курсивъ), не возбуждая вопроса“.

Я священникъ, и г. Розановъ это на меня *клевещетъ*. *Никогда* у меня этого не было [1]).

Публично предлагаю г. Розанову за 10 лѣтъ моей службы списать изъ книги обысковъ о всѣхъ, мною повѣнчанныхъ (мой адресъ въ редакціи), съ ихъ поручителями (въ томъ числѣ и его газетныхъ сотрудниковъ) и, подъ присягою, допросить: „*обусловливалась-ли съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ*“, мною или моимъ причтомъ „*плата за вѣнчаніе?*“ Г. Розановъ увѣряетъ, что это было „*всегда и вездѣ*“.

Сильно сомнѣваюсь, чтобы и самъ г. Розановъ не понималъ, въ чемъ суть этого эффектнаго, подобно ракетѣ, въ стотысячный разъ направляемаго въ вынужденное питаться унижающими его подачками духовенство! — Враги его готовы пользоваться даже и независящими отъ духовенства способами къ его пропитанію, дабы обвинить насъ даже „въ симоніи!“ Это, видите ли, понадобилось для доказательствъ г. Розанову, что бракъ не есть таин-

---

нуть духовенство, но анализомъ *выдѣлить*, что въ бракѣ есть таинство: дабы сказать: „это ребенокъ! супружество!“ Авторъ вовсе не понялъ моей мысли. *В. Р—въ.*

[1]) Смотрите, какъ обидѣлись. Такъ *зачѣмъ же вы не взяли боли* то же въ своемъ родѣ „клеветы“ на сотни дѣвушекъ! на тысячи дѣтей!!. „клеветы“, къ *мести* приводящей, содержащейся въ терминѣ „незаконнорожденный“. Чужимъ вы подстилаете матрасъ изъ гвоздей, а себѣ требуете пуховикъ. Но потежите же хоть недолго сами на желѣзномъ матрасѣ. *В. Р—въ.*

ство?!. Еще легче было бы обвинять поголовно духовенство въ торговлѣ св. Тѣломъ и св. Кровію Христовой [1]). Это вышло бы эффектнѣе. Вѣдь при причастіи тоже деньги даютъ [2]), и даже не въ квартирѣ, какъ, въ большинствѣ случаевъ, при свадьбахъ, а въ храмѣ.

Сомнѣваюсь, чтобы г. В. Розановъ не зналъ, какое сильное стремленіе *вездѣ* обставить вѣнчаніе возможною для каждаго торжественностью.

Кому же неизвѣстно, что на торжество при вѣнчаніи тратятъ отъ 30 копеекъ до многихъ тысячъ рублей?

Виновенъ ли священникъ, трепещущій обычно предъ вѣнчаніемъ за полность и вѣрность требуемыхъ „обыскомъ“ документовъ, что спроситъ передъ бракомъ, напр., г. Розанова: „Съ какимъ освѣщеніемъ церкви желаете вѣнчаться? въ какихъ вѣнцахъ? съ діакономъ или безъ него? съ пѣвчими или безъ нихъ? съ полнымъ хоромъ или половиною“ и т. п.?

Виновенъ ли священникъ, что, быть можетъ, указалъ заплатить о. діакону или псаломщику за обыскъ, за этотъ тяжкій, отвѣтственный, чисто юридическій актъ, ставящій и безъ того униженное, забытое православное духовенство, по самому слову „обыскъ“,— на ступень противнаго „*сыщика*“?

Обыскъ надѣляетъ причтъ грудою переписки копій съ документовъ и служитъ корнемъ великихъ недоразумѣній и нареканій при бракахъ на духовенство. Не будь обысковъ, навязанныхъ духовенству, я увѣренъ, были бы изъяты изъ консисторій и ихъ позорище—разводы [3]).

Гдѣ же тутъ симонія? Гдѣ торговля дарами Св. Духа?

Еслибы даже кто-либо изъ духовныхъ, видя приготовленія богатой обстановки для вѣнчанія или для свадебныхъ пиршествъ,

---

[1]) Что за чудовищность. *По всей Россіи всѣ знаютъ*, что за причащеніе *копейки* не берутъ іереи. Страшно. А за вѣнчаніе—не страшно, и тутъ все дѣло въ различіи *самочувствія священника* при настоящемъ таинствѣ и при обрядѣ. *В. Р—въ.*

[2]) Гдѣ? когда? кто? „Теплоту“ вышивая причетнику (отнюдь не священнику) кладутъ мелкую серебряную и мѣдную монету. Авторъ прибѣгаетъ къ софизмамъ, не зная, какъ вывернуться. *В. Р—въ.*

[3]) То-то „позорище“. Вѣрно въ первый разъ за русскую исторію это сорвалось съ пера духовнаго лица. Если-бы съ начала вѣка и всѣ сто лѣтъ вы въ *каждой* книжкѣ *всѣхъ* духовныхъ журналовъ писали: „разводъ—это *наша* позоръ! *насъ* онъ позоритъ! *совѣстно! страдаемъ!*“—то этою правдою вы и сами бы спаслись, и тысячъ людей не допели бы до отчаянія. Но отъ „позора“ разводовъ „пушокъ“ оставался на рыльцѣ не однихъ чиновниковъ. Самъ я видѣлъ въ Нижнемъ цѣлую систему (съ надворными флигелями) деревянныхъ домовъ у старого-стараго протоіерея, много лѣтъ завѣдывавшаго въ консисторіи „бракоразводнымъ столомъ“. Кстати. „брать за разводъ“ тоже не есть-ли *симонія*, если ужъ считать *весь бракъ въ его цѣлости* за таинство? *В. Р—въ.*

бывающихъ при всякой почти свадьбѣ, и, зная по горькому опыту, что при самыхъ помпёзныхъ обстановкахъ, въ подобныхъ случаяхъ, ему, имѣющему *узаконенное право* на получку за труды, *ничего* не заплатятъ, или заплатятъ, сравнительно, *самые ничтожные гроши*, или прямо *надругаются* надъ его трудомъ ничтожностью платы (чего знаю факты въ С.-Петербургѣ съ людьми состоятельными, въ чинахъ, изъ хорошихъ фамилій), —и не получая жалованья и извѣрившись въ *заказчиковъ*, *спросилъ* бы плату за свой трудъ впередъ, или указалъ бы, сколько обычно платятъ за вѣнчаніе (иногда съ обрученіемъ, съ молебномъ, съ проводами —все это цѣна труда),—и „трудящійся да ястъ“ Мѳ. 10, 10, но при чемъ же тутъ дары Св. Духа? Или, если бы священно- и церковно-служитель указалъ, сообразуясь съ разными, чисто житейскими соотношеніями и соображеніями, сколько ему хотѣлось бы получить за свой трудъ (и то, надѣюсь, по забитости своей, *робко* и *не настойчиво*), то гдѣ же тутъ-то симонія? при чемъ же тутъ-то дары Св. Духа?

„*Святая Святыхъ*“, слышимъ часто мы. А тутъ священникъ ставится далеко не въ положеніе святого, а скорѣе случайно понадобившагося наёмника-рабочаго [1])... На плату духовеству, быть можетъ и безсознательно, но *по нравственному чутью* такъ именно, по моему, смотрятъ и почти всѣ православные: тридцать лѣтъ живу при требахъ въ духовномъ мірѣ, но ни разу ни отъ кого не слыхалъ: „Вотъ вамъ за дары Св. Духа“, или „за благодать“, но всегда слыхалъ до г. Розанова и слышу: „Вотъ вамъ, батюшка, за труды“.

Навѣрно, всякій знаетъ и можетъ судить по себѣ, что въ минуты вышеупомянутаго вынужденнаго спуска въ столь жизненныя меркантильности ни у одного священника, ни у одного ищущаго брака или заказчика [2]) нѣтъ, и даже *не можетъ быть мѣста* для мысли о дарахъ Св. Духа. Въ эти минуты все поглощаетъ обоюдно-жуткій вопросъ: у ищущихъ вѣнчанія: „Какъ бы священникъ не отказалъ“: у священника — „Какъ бы его не подвели“. Смотри, да смотри документы: 1) нѣтъ ли подчистокъ, подписокъ (а положитесь-ка на писарскія помѣтки въ паспортахъ?!); 2) нѣтъ ли между женихомъ и невѣстою родства или свойства, возбраняющихъ бракъ (а узнайте-ка?); 3) въ здравомъ ли умѣ женихъ и невѣста? (на что же проф. Бехтеревъ, Мержеевскій, Чечоттъ?— да и они иногда ошибаются). А выразя упорное желаніе видѣть

---

[1]) Ужасно все поставлено, ужасно горьки эти признанія священника. И больно отъ ихъ ученія міру, и больно имъ самимъ отъ міра. *В. Р* въ.

[2]) Это хорошъ терминъ, *добровольный* въ устахъ священника; „заказчикъ *на вѣнчаніе*“, „заказчикъ... *на таинство?!*“ По всѣмъ этимъ терминамъ и видно, что самъ мой оппонентъ *бракъ*, *супружество* считаетъ таинствомъ, а вѣнчаніе – *только обрядомъ*. *В. Р - въ.*

лишній разъ жениха или невѣсту, —сейчасъ же: „Батька придирается“, „хочетъ взятку сорвать“, „подороже взять“ и т. п.; 4) по доброй ли волѣ вступаютъ въ бракъ? по какимъ побужденіямъ?.. Поисповѣдуйте-ка нынѣ вступающихъ въ бракъ, передъ бракомъ. Поговорите-ка со многими откровенно... Охъ, г. Розановъ!.. Вы заговорили бы иное...

Вы думаете „разрѣдить населеніе воспитательныхъ домовъ“ публичнымъ отрицаніемъ брака [1]), какъ св. Таинства? (см. ibidem).

Не сдѣлаете ли этимъ обратнаго?

Свящ. К. З—кій.

---

[1]) И не думалъ этого дѣлать. Я тку паутину мысли, а оппонентъ бросается съ топоромъ, принимая ее за канатъ. Смотрите, канатъ обрубите, а паутина все же останется. А въ паутинахъ иногда большой узоръ... *В. Р—въ.*

Нѣсколько разъяснительныхъ словъ.

Нахожу себя вынужденнымъ дать нѣкоторое объясненіе въ отвѣтъ священнику К. З—кому и протоіерею П. Дроздову.

Никогда мнѣ и въ голову не приходило (имѣя въ родствѣ своемъ священниковъ и по прямой линіи происходя отъ дѣда священника) взводить упреки на наше не высоко образованное, но во всякомъ случаѣ честное и большею частью доброе духовенство, къ тому же безусловно во всей массѣ несущее санъ свой съ чувствомъ чрезвычайнаго религіознаго страха. Поводъ къ этому „письму“ и статьѣ подало мое упоминаніе въ одной изъ статей о симоніи (плата за совершеніе таинства) въ связи съ разборомъ вѣнчанія, каковую симонію, по словамъ авторовъ статей, я приписываю нашему духовенству. Ничего подобнаго я не говорилъ. Не знаю, какъ въ Петербургѣ, но въ Москвѣ, вѣнчаясь въ 1881 году, я уплатилъ въ точной суммѣ семьдесятъ пять руб., а въ селахъ, опять же мнѣ точно извѣстно, не только черствые, но и самые добрые священники никогда не понижаютъ платы за вѣнчаніе, ссылаясь: „Уступи я рубль бѣдняку, и самый богатый мужикъ уже не дастъ выше платы, чѣмъ этотъ самый бѣдный мужикъ“; „во всемъ пожалѣю мужика, и уступлю, и ему помогу; но въ платѣ за вѣнчаніе не уступлю и не могу уступить“. Да это, мнѣ кажется, общеизвѣстно, и никогда никѣмъ не скрывалось. Но смыслъ моей статьи именно отрицалъ здѣсь симонію, каковую можно было бы предположить: ибо я уравниваю вѣнчаніе съ большими и малыми церковными „службами“, каковы: молебенъ, литургія, всенощная и проч. За всенощную на дому (наканунѣ дня Ангела) плата берется; берется въ опредѣленной суммѣ она и за упокойную литургію, за помины души и проч. Вѣнчаніе, которое рѣшительно во всѣхъ каноническихъ книгахъ и въ народномъ говорѣ зовется „чиномъ“ („чинъ вѣнчанія“) и нигдѣ въ книгахъ и никогда въ говорѣ не называется „таинствомъ вѣнчанія“, естественно оплачивается какъ матеріальный трудъ священника. Въ

немъ и черезъ него церковью благословляется бракъ: но благословеніе и благословляемая вещь — не тожественны; молебенъ путешествующему и самое путешествіе — не тожественны.

Митрополитъ Филаретъ, сказавъ: „не благословенный церковью бракъ лишаетъ благословенія Божія *семейство*“, въ словахъ этихъ выразилъ, что и безъ благословенія бракъ есть однако-же *бракъ*; семейство есть *семейство*, а не скопище животныхъ, которыхъ можно или слѣдуетъ разогнать, въ разныя стороны и съ разными именами и фамиліями, безъ признанія за членами такого семейства какой либо связи. „Связь есть, связи вы не имѣете права разорвать или ее отрицать“: это я высказалъ, это я доказываю, требую признать эту связь юридически, священно и государственно. Адамъ и Ева *благословлены* были „плодиться и множиться“ еще въ раю и до грѣхопаденія: вотъ прообразъ вѣнчанія. Но когда-же и гдѣ написано, чтобы еще въ раю и до грѣхопаденія былъ между ними „бракъ“: очевидно, онъ *отдѣленъ и не сліянен и не тожественъ со словомъ благословляющимъ*. Извѣстны очень рѣдкіе, но возможные и бывалые случаи, когда при необходимости совершить бракъ въ такой-то срокъ и за невозможностью жениха прибыть въ мѣсто нахожденія невѣсты, женихъ посылалъ за себя „замѣстителя“, каковой съ его невѣстою и становился подъ вѣнецъ на мѣсто жениха. Но возможно ли, чтобы бракосочетающіе дары Св. Духа сошли на замѣстителя, а подѣйствовали и бракосочетали — отсутствующаго жениха?! Возможно ли представить, чтобы причастіе проглотилъ одинъ, а причастился имъ другой; или если мой ребенокъ боленъ—въ таинствѣ крещенія погрузили за него въ воду другого ребенка? Вотъ разница между обрядомъ и таинствомъ; въ таинствѣ конечно *невозможно* замѣщанія, а гдѣ оно есть ,тамъ *нѣтъ таинства*. Этотъ кругъ моихъ соображеній и наблюденій совершенно позволителенъ, потому-что онъ совершенно новъ и не противорѣчитъ никакому сложившемуся и установившемуся ученію. Этихъ подробностей никто не разбиралъ, и я самъ не наткнулся-бы на нихъ, если-бы не миссія, мною принятая на себя: разыскать права *дѣтей, жены* и *мужа*, совершенно затерявшіяся въ европейскомъ бракѣ. Теперешнее отождествленіе брака *съ формою его заключенія* отзывается губительно на теченіи семьи. Прошелъ часъ „вѣнчанія“—и все священное кончилось. Что слѣдуетъ потомъ, что теперь предстоитъ повѣнчаннымъ, какъ имъ жить? Животныхъ наставляетъ мудрый инстинктъ,—берегущій силы ихъ, разсчитывающій дѣтонопеніе, а *не* „инстинктивный“ болѣе человѣкъ не имѣетъ наставленія, которое управило-бы его. Начинается жизнь двухъ животныхъ, но потерявшихъ инстинкты свои. Вотъ отчего половыя отношенія людей (все равно—въ бракѣ) пали ниже и позорнѣе жизни животныхъ (см. въ предисловіи къ 1-му тому ссылку на старинный требникъ). Мнѣ кажется,

обрядность должна влиться внутрь брака; надо (слегка) обрядно супружествовать, материнствовать, отчествовать. Но и вступительный обрядъ могъ-бы выразиться пышнѣе, мистичнѣе, учительнѣе, нежели сейчасъ. Подумаемъ кой о чемъ. Передъ вѣнчаніемъ говѣютъ и причащаются, но—иногда за мѣсяцъ, чтобы только священнику подать „свидѣтельство о говѣніи". Между тѣмъ прекрасная и теперь потерянная мысль говѣнія заключается не въ „удостовѣреніи", а въ томъ, что бракосочетающіеся должны быть чисты тѣлесно и духовно, и совершенно было-бы возможно сдѣлать говѣніе непосредственно передъ вѣнчаніемъ, а причащеніе св. Даровъ, съ одной ложицы и даже по полу-ложицѣ каждому, жениху и невѣстѣ, можно-бы ввести въ чинъ вѣнчанія. Это было-бы понятно! Это было-бы внушительно! Далѣе, отчего-бы, еще въ дали вѣковъ, не внести сюда и міропомазанія: помазуется чело брачущимся, со словами: „во очищеніе отъ дурныхъ мыслей, всякой лжи и лукавства" (въ теченіе всѣхъ лѣтъ брака); уста со словами—„да не изрекутъ мужу (и женѣ) обмана", уши „дабы не услышали (отъ мужа, отъ жены) злого"; перси—„въ благословенное питаніе дѣтей", чрево—дѣто-пошенія, и лоно—дѣто-зачатія; ступни ногъ:—„дабы пути хожденія были прямы", ладони рукъ: „да благословится ихъ трудъ".

Я думаю, у духовенства слишкомъ много своихъ скорбей, чтобы не протянуть руку міранамъ и не сказать согласно: „и у васъ, и у насъ есть скорби, хоть и различныя, и облегчите вы насъ, а мы—васъ". Не понимаю совершенно интереса духовенства поддерживать ученіе о незаконнорожденности, хулить младенцевъ и хулить рожденіе. Увѣренъ, что это просто недоразумѣніе, историческая ошибка, хотя тягостно долго затянувшаяся. Отвергая это, не священниковъ я порицаю, но доктрину и взглядъ, издревлѣ идущій, въ который едва-ли они когда-нибудь вникали.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XXXI. Факты и мнѣнія.

1.

Читая страстную полемику г. В. Розанова и А-та, не могу удержаться, чтобы не вмѣшать въ споръ свой голосъ, — голосъ не профессіональнаго писателя, а житейскаго человѣка. Вполнѣ присоединяюсь ко взглядамъ г. Розанова, такъ какъ, думаю — *невиновныхъ* не судятъ. Надо найти виновнаго, узнать „кто виноватъ“ и тогда уже произносить приговоръ, а не заранѣе, предполагая лишь фактъ появленія ребенка на свѣтъ, произносить осужденіе.

Попробуйте подойти къ вопросу о „виновности“ съ какой угодно точки зрѣнія, и если сумѣете, отвѣтьте прямо, значитъ: существующее сейчасъ преждевременное осужденіе справедливо? Вѣдь незаконнорожденныя прежде, чѣмъ родятся, уже попадаютъ на скамью подсудимыхъ, и общество заранѣе знаетъ, что адвокатъ не возмется выиграть въ пользу несчастныхъ дѣтей процеса, и они будутъ расти, заклейменныя терминомъ „незаконнорожденныя“ и лишенныя всѣхъ правъ и состоянія, принадлежащихъ имъ (подобно родлымъ дѣтямъ) по рожденію. За ними признается, въ видѣ снисхожденія, право существованія „изъ милости“.

Если вдуматься, какія послѣдствія изъ всего этого вытекаютъ, въ какую бездну опускаются безпомощныя дѣти и что они въ продолженіе своей жизни, особенно въ дѣтствѣ, отрочествѣ и юности, претерпѣваютъ, невольно спросишь: „За что? за то, что родители пошли противъ установившагося обычая, обряда, что они совершили прелюбодѣяніе? Такъ судите ихъ. Дѣти здѣсь не при чемъ и едва ли за это они подлежатъ божескому суду. Человѣческій судъ другое дѣло. Онъ можетъ ошибаться и потому быть несправедливымъ, но въ данномъ случаѣ, кромѣ несправедливости, онъ насквозь пропитанъ преднамѣреннымъ эгоизмомъ.

Судятъ только за вину сознательную, сдѣланную способнымъ отвѣчать за свои поступки человѣкомъ.

Мужчина и женщина прелюбодѣйствуя совершаютъ проступокъ, по современнымъ понятіямъ наказуемый, но какое злодѣяніе совершилъ новорожденный, въ чемъ его вина?

Какой злой ироніей отзывается это заранѣе осужденіе. Оно совершенно подобно немыслимому случаю: разбойники убили семью отсутствующаго человѣка и за это его же осудили, а разбойниковъ отпустили съ миромъ.

Въ данномъ случаѣ родителямъ какъ бы говорится: „идите съ миромъ, и за вашъ проступокъ пострадаетъ ребенокъ".

Но посмотримъ, насколько виноваты родители незаконнорожденныхъ дѣтей. На первый взглядъ кажется виноватъ больше всего отецъ ребенка, затѣмъ мать. Отецъ — главный виновникъ нелегальной семьи, но онъ отвѣчаетъ только предъ своею совѣстью, мать же терпитъ гоненія общества и чаще всего навсегда портитъ свою жизнь. Вы, г. Розановъ, справедливо замѣтили, что у дурной женщины дѣти не родятся, а дурной отецъ найдетъ способъ избѣжать этого послѣдствія. Большинство же подобныхъ отношеній возникаетъ по увлеченію, по любви, вовсе недурныхъ людей, а скорѣе напротивъ, и если не кончаются браками, такъ масса приведенныхъ г. Розановымъ обстоятельствъ—достаточныя тому причины.

Въ виду иллюстраціи приведу одинъ извѣстный мнѣ случай.

Молодого мужчину изъ хорошей фамиліи оставляетъ жена. Онъ пріѣзжаетъ въ Москву и здѣсь знакомится съ одною только-что кончившею институткою. Это было лѣтъ тридцать слишкомъ назадъ, когда воспитанницы институтовъ кончали курсъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о реальной жизни. Частыя встрѣчи постепенно сблизили молодыхъ людей, ими овладѣваетъ влеченіе, любовь, и въ результатѣ эта женщина дѣлается матерью. Отецъ ребенка не могъ на ней жениться, помочь деньгами не было возможности, и усыновить ребенка онъ тоже не имѣлъ права.

Впослѣдствіи, когда дѣла его поправились, онъ дѣлаетъ попытку чрезъ своего великодушнаго брата поправить несчастіе хотя бы цѣною брака послѣдняго на этой женщинѣ.

Вышло печальное недоразумѣніе и попытка это не удалась. У дѣвушки была только одна мать, которая выгнала ее безъ всякихъ средствъ на мостовую.

Чрезъ одну добрую женщину она знакомится съ акушеркой С., у которой и родила 16-го сентября 1871 г. С. приняла въ ней участіе, нѣкоторое время содержала ее и сама была воспріемницей ребенка; а въ крестные отцы пошелъ штабсъ-капитанъ Я. Акушерка С. постаралась [1]) торжественно отпраздновать крестины

---

[1]) Сколько добра, вниманія, деликатности! Вотъ примѣръ для священниковъ. Скажетъ-ли кто, что эта акушерка-труженица, поденщица

ребенка, для чего—какими судьбами, не знаю—привлеченъ былъ къ участію покойный герой Кавказа Б.

Мать отдала ребенка въ воспитательный домъ въ надеждѣ, что поступитъ гувернанткою, соберетъ кое-какія средства и ребенка возьметъ. Она была тогда настолько неопытна, что не знала: въ гувернанткахъ денегъ нажить нельзя. Она была неопытная, но честная женщина, и потому жить нелегальнымъ образомъ не могла. Честность ей помѣшала даже выйти замужъ за очень и очень хорошихъ людей. Всѣ они думали, что она барышня, а она была женщиною-матерью, и сказать про это не рѣшилась. Такъ и осталась бѣдною труженицею изъ-за куска хлѣба, перебивающеюся изо-дня въ день. А вѣдь она могла имѣть средства, если бы вышла замужъ. Судьба ребенка мучила ее постоянно, но такъ какъ она не жила въ Москвѣ, то просила справляться С., которая сначала отвѣчала—„живъ“, а чрезъ нѣсколько лѣтъ написала, что ребенокъ умеръ. Не вѣрить С. послѣ стольких съ ея стороны благодѣяній она не могла, и такъ бы никогда и не увидала своего сына. но, спасибо, добрые знакомые надоумили справиться спустя много лѣтъ, и оказалось —ребенокъ живъ и получилъ нѣкоторое образованіе. А вотъ и судьба ребенка.

Онъ попалъ въ деревню къ бездѣтнымъ средней руки крестьянамъ на воспитаніе. Послѣдніе любили его и, когда ему минуло 8 лѣтъ, отдали въ школу воспитательнаго дома, куда питомецъ обязанъ былъ ходить учиться.

Крестьяне поощряли ребенка къ ученью и онъ дѣйствительно учился прекрасно, окруженный отеческою заботою и любовью простыхъ, но добрыхъ воспитателей.

За выдающіяся способности ребенка отправили на счетъ воспитательнаго дома въ семинарію. О дальнѣйшей судьбѣ ребенка, теперь уже взрослаго человѣка, неудобно распространяться. Скажу только, что онъ не довольствовался полученнымъ съ помощію казны образованіемъ и имѣетъ университетскій дипломъ.

Это счастливое исключеніе, что ребенокъ попалъ въ благопріятныя обстоятельства. Но такова судьба большинства.

Не много найдется крестьянъ, которымъ питомцы нужны, какъ сыновья или дочери. За питомцевъ платятъ, крестьяне находятъ плату выгодной, такъ какъ вначалѣ выдаютъ достаточное вознагражденіе, которое уменьшается съ возрастомъ. Зато они съ питомцами ничѣмъ не связаны. Кончитъ онъ учиться, устроятъ его въ

своей профессіи, „поощряла блудъ“?!. Нѣтъ, это было благороднѣйшее существо въ лучшемъ подвигѣ своей жизни. Съ *торжественнаго* и *ликующаго* отношенія священниковъ къ подобнымъ фактамъ должна начаться реформа брака. Кстати, о священникахъ: они должны быть вѣчно въ ликованіи, ликующіе священники!! Вотъ ихъ психологія, а не унылая и угрюмая. *В. Р—въ.*

мастерство (въ ученики) чрезъ воспитательный домъ, и, въ большинствѣ случаевъ, на этомъ и прекращается забота крестьянъ о 14-лѣтнемъ мальчикѣ. Дѣвочки, тѣ чаще остаются въ деревнѣ до замужества, и въ этомъ отношеніи счастливѣе мальчиковъ.

Я сказалъ уже, что крестьяне находятъ плату выгодной и потому очень часто встрѣчаются люди, у которыхъ своихъ троечетверо дѣтей, да питомцевъ наберутъ столько же. Понятно, равенства у такихъ крестьянъ между своими дѣтьми и „шпитатами“ (такъ ихъ крестьяне называютъ) почти никогда не бываетъ. Они относятся гораздо хуже тѣхъ воспитателей, у которыхъ нѣтъ своихъ дѣтей. Послѣднихъ очень мало, а потому можно судить, каково положеніе несчастныхъ дѣтей.

Вообще, можно сказать про крестьянъ, что одни относятся къ питомцамъ порядочно, другіе плоховато, а нѣкоторые очень худо. Особенно рѣзко выступаетъ разница въ школьномъ періодѣ.

Питомцы всѣ обязаны учиться (это — благодѣяніе для нихъ) и видимъ: одни одѣты лучше, другіе—хуже; у однихъ—хорошая провизія, у другихъ, часто изъ болѣе зажиточныхъ домовъ, кромѣ ломтя очень чернаго хлѣба, почти никогда не увидишь ничего другого; нѣкоторые прекрасно или хорошо учатся, другіе же—плохо.

Ошибочно думать, что ходъ ученья зависитъ только отъ способностей и прилежанія дѣтей. Совсѣмъ нѣтъ. Многіе съ средними способностями учатся недурно, а другіе не имѣютъ къ этому возможности, такъ какъ ихъ заставляютъ веревки вить, пряжу прясть и исполнять разныя домашнія работы. Такъ одна дѣвочка первый мѣсяцъ училась прекрасно, а потомъ возьметъ книгу, ей говорятъ—„пряди или ухаживай за ребенкомъ“. На улицѣ въ праздничные дни, иногда въ дурной семьѣ, питомцы часто слышатъ, какъ крестьяне добродушно бесѣдуютъ между собою, что законъ называетъ „шпитатъ“ „незаконнорожденными“ и „не равняетъ послѣднихъ“ съ родными дѣтьми. А вѣдь среди питомцевъ не мало дѣтей дворянъ по отцу и матери, не мало дѣтей чиновниковъ, вообще людей интеллигентныхъ разныхъ профессій.

Очень многіе, не смотря на ужасныя условія, бываютъ честными людьми и хорошими гражданами. Попадаются хорошіе мастера, учителя, фельдшера... Не всегда они довольствуются небольшимъ образованіемъ, а изыскиваютъ способы, учатся и кончаютъ даже университеты безъ всякой поддержки съ чьей-либо стороны. Да если подумаешь, сколько униженій и лишеній приходится переносить питомцамъ (о которыхъ я здѣсь не сообщаю) потому лишь, что законъ не даетъ имъ никакихъ правъ, то невольно возникаетъ сомнѣніе въ справедливости осужденія и думается, что не худо бы упорядочить положеніе незаконнорожденныхъ, которые находятся при родителяхъ, и тѣхъ другихъ, которыхъ злая судьба отправила въ Воспитательный домъ на попеченіе казны.

При средствахъ, затрачиваемыхъ послѣднею, но при другихъ правовыхъ законоположеніяхъ о несчастныхъ дѣтяхъ, цѣль этихъ домовъ—воспитаніе честныхъ полезныхъ для государства людей—скорѣе достигнулась бы.

Мнѣніе и законъ налагаютъ на родителей никогда несмываемое пятно, и даже если бы дѣторожденіе было точно послѣдствіемъ прелюбодѣянія, то и тутъ судъ общества относится къ нимъ слишкомъ строго (особенно къ женщинѣ). Отецъ, который теперь ничего не можетъ сдѣлать для ребенка, не имѣетъ никакихъ на него правъ, и мать, поддавшаяся увлеченію, которая послѣ неоднократно раскаивалась, виновата только передъ ребенкомъ, и потому дайте имъ возможность исполнить по отношенію къ нему свои права и обязанности. Это для хорошихъ, честныхъ людей будетъ благодѣяніемъ, а для дурныхъ—наказаніемъ. И пусть они несутъ его по заслугамъ. Бросать же камнемъ въ мать, оставившую при настоящихъ условіяхъ своего ребенка, и которой часто ѣсть нечего, едва ли слѣдуетъ.

Христосъ даже блудную женщину не осудилъ, а только сказалъ: „иди и не грѣши". Онъ былъ правъ, отпуская ей грѣхи, и совѣтъ могъ дать ибо какъ Спаситель Онъ безгрѣшенъ; но люди, находившіеся при этомъ, не посмѣли ни осудить, ни дать совѣта. И хорошо сдѣлали, такъ какъ не найдется такого святого человѣка, который бы сказалъ себѣ: „Мнѣ пороки не извѣстны, и послѣднихъ не понимаю и потому безъ сожалѣнія навсегда осуждаю".

Пусть г. А—ть не сокрушается, что, при увеличеніи правъ ребенка, уменьшится наказаніе для матери и увеличится для отца: мать въ настоящее время слишкомъ сильно страдаетъ, а отецъ не несетъ почти никакихъ каръ. *Б—въ.*

Москва, 24-го ноября 1900 г.

2.

Г-ну В. Розанову.

М. Г.

Хотя и не имѣю чести знать вашего имени и отчества, а все-таки позволю обратиться къ вамъ съ маленькимъ письмомъ, не будучи, впрочемъ, увѣренъ, что оно дойдетъ до васъ.

Рядъ вами написанныхъ статей о бракѣ, разводѣ и незаконныхъ дѣтяхъ пытается поднять и подготовить къ рѣшенію одинъ изъ важнѣйшихъ общечеловѣческихъ вопросовъ. Дай Богъ вамъ силы продолжать ваши труды. Вы—„рыцарь Духа", Вы имѣете „помазаніе отъ Святаго". Благодареніе Богу, что русская земля не перестаетъ производить такихъ даровитыхъ, честныхъ и смѣлыхъ людей. Множество нашихъ православныхъ, и очень порядочныхъ, прожили всю жизнь, томясь въ оковахъ неудачной

брачной жизни, безъ всякой надежды на облегченіе. Теперь, кажется, есть проблески надежды.

Смотришь на евреевъ и завидуешь ихъ семейной жизни. Разводъ у нихъ легкій, не знаю, правда-ли, будто-бы даже противный запахъ изо рта (постоянный) можетъ служить поводомъ къ разводу. Тѣмъ не менѣе случаи развода не часты, и цѣломудріе супруговъ у нихъ—фактъ общеизвѣстный. Иногда разводъ происходитъ по причинѣ бездѣтности; проходитъ нѣсколько лѣтъ послѣ развода и вторичнаго брака,—смотришь у того и другого есть дѣти, тому и другому хорошо. Бракъ не пугаетъ ихъ драконовскими законами, молодые люди не боятся вступить въ него, во-время рождаются дѣти, родители успѣваютъ поднять ихъ, старыхъ дѣвъ между ними почти нѣтъ, о мезальянсахъ не слыхать, дѣтоубійство рѣдкость, и силу еврейства, въ особенности его быструю размножаемость надо приписать, между прочимъ, брачнымъ законамъ его.

Что у насъ, православныхъ? Сколько прекрасныхъ дѣвушекъ, добрыхъ, умныхъ, съ задатками материнства сидятъ, заматорѣваютъ въ ожиданіи мужа, но тщетно; цѣлые года ждутъ, нервничаютъ, природа беретъ свое... А что дѣлаемъ мы, правоспособные? Боясь взять на себя обязанности мужа и отца—потому что не хотимъ знать, что въ этомъ вся радость и благо жизни,—довольствуемся суррогатами брака, ищемъ въ немъ удовольствій безъ отвѣтственности и совершаемъ на самомъ дѣлѣ ужасные преступленія противъ своего рода. „Ребенокъ родился—а я чѣмъ виноватъ? Расквитывайся, какъ хочешь! Я этого не хотѣлъ, это не входило въ мои планы". Люди образованные, съ чуткой совѣстью, соль земли, и тѣ сплошь и рядомъ отправляютъ въ родильные дома или въ деревню своихъ дѣтей, свою плоть и кровь, потому что они незаконные, плодъ случайной встрѣчи; пусть кое-какъ на міру выростутъ и пусть сидятъ у околицы. Папеньки ихъ учатъ юношество, иногда печатаютъ трактаты. Даже „бородачи" наши (какъ называлъ черное духовенство Петръ), которые держатъ въ своихъ рукахъ судъ надъ супругами и только отягчаютъ для насъ ярмо брачныхъ законовъ, и тѣ, если по правдѣ сказать, оставляютъ, въ бытность студенчества, въ монастырскихъ слободкахъ своихъ дѣтей, и грязь отъ каретъ ихъ брызжетъ на собственныхъ малютокъ съ сумками чрезъ плечо, съ нищенскими сумками. А если кто изъ совѣстливыхъ людей рѣшится на виду у всѣхъ, прямо, или съ нѣкоторыми обходами, взять свое дѣтище и по-человѣчески вести его и воспитывать, какъ другіе добрые люди воспитываютъ, сколько надъ нимъ насмѣшекъ, глумленія, какой благопріятный случай для шантажа, въ особенности по отношенію къ женщинѣ! Особенно грубо и жестоко это проявляется въ провинціи. Повидимому и „бородачи" въ глубинѣ

своей души не считаютъ такихъ дѣтей угодными Богу, по крайней мѣрѣ одинаковыми съ законными: помню, одинъ изъ нихъ, впрочемъ добрый человѣкъ, говорилъ, что „дѣти освящаются таинствомъ брака и этимъ благословляются церковью". Предполагается, что дѣти натуральныя не имѣютъ этого благословенія.

Нужно имѣть не мало мужества, чтобы разсуждать объ этомъ на страницахъ большой газеты; вы это дѣлаете, и дѣлайте до тѣхъ поръ, пока не будетъ стыдно бородачамъ, и будете увѣнчены, какъ борецъ за малолѣтокъ.

Законъ 12 марта 1891 г. (объ усыновленіи) допускаетъ усыновленіе только по взаимному соглашенію супруговъ. Почему? Развѣ не бываетъ такихъ случаевъ, что другой супругъ, нарочно, по досадѣ [1]), не позволяетъ этого сдѣлать, хотя между ними брака фактически не существуетъ уже много лѣтъ, а остался отъ него, какъ вы выразились какъ-то, одинъ консисторскій документъ, никому не нужный?

Еще: если не ошибаюсь, законъ этотъ позволяетъ усыновить только одного ребенка, ибо сказано: „дозволяется усыновлять тѣмъ, у кого нѣтъ своихъ или усыновленныхъ дѣтей". Если у меня нѣтъ брачныхъ дѣтей (да хотя-бъ даже и брачныя были?), а я имѣю возможность и желаніе усыновить двухъ—трехъ, почему-же, спрашивается, нельзя этого позволить?

Не можете-ли вы и этихъ вопросовъ коснуться.

Дай вамъ Богъ здоровья и смѣлости продолжать вашу работу. Какъ широко и истинно по христіански освѣтили вы это дѣло, которое до сихъ поръ таилось въ затхлыхъ консисторскихъ застѣнкахъ,—и куда снова хотятъ его запрятать своими разсужденіями А—ты и другъ.

Лучшаго пожеланія не могу вамъ высказать, какъ то, которое мнѣ привелось однажды услыхать отъ бѣдной крестьянки, переселявшейся въ Сибирь: „Дай Богъ тебѣ долго жить, а когда умрешь, то царства небеснаго". 11 Ноября 1900 г. Пенза. *Одинъ изъ многихъ несчастныхъ.*

3.

Вы устарѣли, г. Розановъ, и стали приходить въ дѣтство. Оставьте пожалуйста самоуслаждаться писаніемъ благоглупостей. Какой, вы, подумаешь [2]), богословъ?!!

---

[1]) Это очень важно, необыкновенно важно! М-me Лаврецкая, жившая со всякими альфонсами въ Парижѣ, попробуй Лиза Калитина имѣть ребенка отъ ея несчастнаго мужа,—задушитъ, задавитъ этого ребенка. И всѣ законы помогутъ *ей*, ни одинъ—Лаврецкому и Лизѣ. Summum jus summa injuria. *В. Р—въ.*

[2]) По самоувѣренности тона почти навѣрное можно угадать профессора одного изъ высшихъ духовныхъ училищъ. *В. Р—въ.*

Сочувствуютъ-же вамъ, навѣрное, одни развратники, пьяницы хотя и корчащіе изъ себя людей хорошихъ, *В. Борисовъ* (? подпись не разобрана).

4.

Г. Розанову.

М. Г.

Ваши искреннія и убѣжденныя статьи въ защиту безправія обездоленныхъ дѣтей вызываютъ сочувствіе, волнуютъ умы смыслящихъ людей и пробуждаютъ заглохшую совѣсть многихъ отцовъ этихъ дѣтей! Такое индифферентное отношеніе закона и общества къ судьбѣ несчастнорожденныхъ вопіетъ о несправедливомъ и безвыходномъ положеніи ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей?!. Единственный выходъ изъ двусмысленнаго положенія довольно правильно указывается въ вашей замѣткѣ („Новое Время", № 8873) „Имущество, титулы и дѣти", гдѣ довольно вѣрно вы подчеркиваете общее правило: *„ни государство, ни религія не въ правѣ становиться между дѣтьми и родителями*, и нельзя отнимать дѣтей, рожденныхъ отъ такого тайнаго, не распубликованнаго брака: а) у *матери — это во всякомъ случаѣ*, б) *у отца и матери — если отецъ отъ ребенка не отказывается*". Въ подтвержденіе безправія дѣтей отъ свободнаго сожитія можно привести массу примѣровъ съ ужасающими послѣдствіями не только въ городахъ, бойкихъ мѣстечкахъ, но и въ глуши, гдѣ-бы должны царить патріархальности и строгіе нравы; но жизнь прогрессируетъ и остановить данный толчекъ прогрессомъ на порогѣ XX вѣка — это *абсурдъ*. Поэтому защитники прежнихъ нравовъ и безправія, голоса которыхъ слабо раздаются въ печати, должны умолкнуть и послѣдовать общему движенію впредь и не мѣшать восторжествовать правдѣ въ концѣ вѣка!

Для убѣдительности сошлюсь на одинъ изъ многихъ примѣровъ такого, по истинѣ, безвыходнаго положенія родителей и внѣбрачныхъ (отъ не распубликованнаго брака) дѣтей.

Отъ свободной связи холостого съ замужнею (продолжавшейся 20 лѣтъ) явились дѣти и, когда наступилъ школьный возрастъ, нужно было подготовить дѣтей въ учебныя заведенія. Во избѣжаніе огласки по документамъ, пришлось пригласить къ себѣ учителей на домъ, съ надеждою выхлопотать *усыновленіе дѣтей*, чтобы дѣти не знали своего двусмысленнаго положенія, но... по нашимъ законамъ, на право усыновленія дѣтей требуется *согласіе* родителей. Оказывается, что безъ согласія мужа законнаго, одна мать не въ правѣ передавать усыновленіе постороннему лицу (хотя-бы законному отцу своихъ дѣтей), но по *метрической* записи не состоящаго законнымъ (записаннымъ) отцемъ...

Отсюда возникаетъ Гамлетовскій вопросъ: „что-же дѣлать“? Выкупить право согласія писаннаго въ метрической выпискѣ (законнаго) отца по существу беззаконіе, потому что онъ не имѣетъ никакого права на дѣтей, происшедшихъ отъ бывшей его записанной жены, внѣбрачныхъ дѣтей. Къ тому-же, послѣ процессовъ уголовнаго „за прелюбодѣяніе“ и духовнаго „о разводѣ“ со стороны мужа, потерпѣвшаго фіаско, обозленнаго неудачными преслѣдованіями, просить согласія, — нѣтъ никакой надежды. Оставалось покориться крайней необходимости и открыть дѣтямъ истину ихъ двусмысленнаго положенія. И вотъ несчастно-рожденныя учатся прекрасно: дѣвочка въ гимназіи, мальчикъ реалистъ, по успѣхамъ въ числѣ первыхъ — на радость и утѣшеніе родителей, растутъ, называются нашими дѣтьми по рожденію, но по документамъ „*чужіе* дѣти“?!. Но вѣдь по мудрому изреченію „*нужда извиняетъ законы*“, и въ данномъ случаѣ законъ долженъ стать въ защиту обездоленныхъ дѣтей.

Одинъ изъ многихъ.

5.

Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ, по поводу такъ называемыхъ „незаконнорожденныхъ дѣтей“, по поводу письма о нихъ протоіерея А. У—скаго. Протоіерей А. У. предлагаетъ для уничтоженія слова „незаконнорожденный“ въ метрическихъ запискахъ, слѣдующія измѣненія, а именно: располагать записи, по тремъ категоріямъ; первая, которая существуетъ и теперь для законнорожденныхъ, вторая—когда отецъ ребенка прячется, скрывается, утаивается, когда въ наличности только мать, и третья „для дѣтей, рожденныхъ отъ невѣнчавшихся паръ, будетъ то холостой человѣкъ и дѣвушка, сошедшіеся и начавшіе семейную жизнь безъ вѣнчанія, или мужъ, покинутый своею женою и нашедшій себѣ новую сожительницу, или жена, покинутая своимъ мужемъ и вступившая въ связь съ новымъ сожителемъ“. Въ этой послѣдней категоріи сдѣланъ весьма существенный пропускъ въ перечисленіи представляющихся случаевъ внѣ-брачнаго сожительства, но который долженъ быть поставленъ во главѣ всего этого вопроса: „мужъ, покидающій надоѣвшую ему жену, хотя-бы на другой день брака, и вступающій въ сожительство съ новою женщиною и продолжающій идти въ этомъ-же направленіи, до конца своихъ дней, такъ что можетъ стать, въ одинъ прекрасный день мужемъ многихъ женъ и отцомъ во многихъ семьяхъ“. Вѣдь надѣюсь, что мы говоримъ не о словѣ „незаконнорожденный“, а о понятіи, которое выражается этимъ словомъ. Слово это не гадкое, а если такъ можно выразиться „смѣшное“, потому что законы рожденія физическаго для всѣхъ одинаковы и акта рожденія за-

конпаго и незаконнаго въ природѣ не существуетъ. Но существуютъ дѣти, рожденныя отъ браковъ благословенныхъ церковью, что даетъ всю полноту гражданскихъ правъ, выраженныхъ въ законахъ, и существуютъ дѣти, рожденныя отъ браковъ или лучше сказать союзовъ не благословенныхъ церковью, ограниченныя въ своихъ гражданскихъ правахъ. А такъ какъ мы говоримъ не о дѣтяхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но говоримъ о дѣтяхъ въ смыслѣ происхожденія, мы должны столкнуться съ разными вопросами, которые разрѣшить однимъ почеркомъ пера, какъ это предполагаетъ протоіерей Д. У скій, рѣшительно невозможно. Разематривая вопросъ со всевозможныхъ сторонъ, въ приложеніи его къ нашей будничной жизни, можно натолкнуться на такія вещи, какъ казна лишенная возможности оплачивать семьи пенсіонеровъ, какъ на это указалъ нашъ уважаемый сотрудникъ А—тъ, или—четыре вдовы, претендующія на капиталъ или движимое имущество послѣ мужа, и оставляющія этимъ способомъ безъ всякихъ средствъ законныхъ дѣтей, прижитыхъ отъ этого-же мужа. И не у евреевъ искать намъ въ этомъ случаѣ разрѣшенія этого вопроса, если желаемъ, чтобы всѣ дѣти, передъ закономъ, носили одно общее названіе „дѣтей". Его слѣдуетъ искать у мусульманъ, у восточныхъ народовъ и у мормоновъ, т. е. въ открытой полигаміи или же въ такой же открытой поліандріи, или, другими словами, въ полномъ измѣненіи всего нынѣ существующаго соціальнаго строя. Мѣры весьма рѣшительныя. Ну, а покамѣсть будемъ довольствоваться палліативами, въ родѣ облегченія разводовъ и разрѣшенія наслѣдованія дѣтьми послѣ матерей [1]), когда въ наличности имѣется только мать. Что-же касается метрическихъ записей, оставимъ прежнія двѣ категоріи: дѣтей, рожденныхъ отъ вѣнчанныхъ паръ, и—дѣтей, у которыхъ извѣстна только одна мать, и придумаемъ имъ названіе въ родѣ „полнобрачныхъ" и „неполнобрачныхъ", какъ уже существуетъ въ зоологіи названіе „полнозубый" и „неполнозубый". *Нашъ.*

---

[1]) Да что-же вы сдѣлаете и какъ лишите наслѣдства матери ребенка, рожденнаго отъ солдата или офицера, которымъ *запрещено* жениться?! Эти несчастныя матери вѣдь только очищаютъ атмосферу отъ заражения проституціей, ихъ чистая любовь—это фагоциты, пожирающія болѣзнетворныхъ микробовъ цивилизаціи. А благодѣтельствуемое ими общество ихъ же казнитъ! Въ общемъ все письмо какъ-то пагло и цинично. *В. Р—въ.*

XXXII. Христіанскій бракъ.

„Неблагословенный бракъ лишаетъ благословенія Божія семейство".

Митрополитъ Филаретъ. „Собраніе мнѣній и отзыв." Т. V, ч. 1, стр. 70.

Въ послѣднее время въ „Новомъ Времени" помѣщенъ рядъ статей г. В. Розанова по вопросу о бракѣ. Г. Розановъ справедливо сѣтуетъ на непомѣрную легкость нравовъ и расшатанность семейныхъ узъ, призываетъ общество къ нравственному оздоровленію и намѣчаетъ единственный, по его мнѣнію, выходъ изъ тѣхъ затрудненій, которыя здѣсь ставитъ жизнь. Призывъ къ нравственному оздоровленію и освѣженію, конечно, дѣло хорошее. Къ сожалѣнію, г. Розановъ видитъ источникъ оздоровленія семьи не тамъ, гдѣ должно, и вообще высказываетъ не мало сужденій, не только не выясняющихъ дѣла, но содѣйствующихъ еще большему затемненію, большей сбивчивости и безъ того не всегда ясныхъ взглядовъ общества по этому весьма важному вопросу.

По мнѣнію г. Розанова, всѣ затрудненія въ области брачныхъ отношеній происходятъ отъ того, что неправильно понимается самая сущность брака. Сущность брака, полагаетъ онъ, рожденіе, или точнѣе — „прилѣпленіе" половъ. Это „абсолютъ" такой же значимости, какъ и противоположная рожденію—смерть. Гдѣ есть на лицо этотъ признакъ, тамъ и бракъ... „Какъ только, — говоритъ авторъ, — бракъ опредѣлится не черезъ рожденіе, т. е. не черезъ свою сущность, такъ очевидно должны были получиться внѣбрачныя рожденія. Ихъ началъ тотъ, кто далъ браку невѣрное опредѣленіе, какъ невѣрно опредѣляются математическія задачи, невѣрно произносятся формулы. Я опредѣляю человѣка въ древне-эллинскомъ смыслѣ: „человѣкъ есть существо свободное", тогда, конечно, всѣ рабы будутъ не люди! Но вѣдь тутъ погрѣшность опредѣленія, а не дефектъ существа. Спаситель опредѣлилъ бракъ по существу. Въ единственномъ случаѣ, когда при вопросѣ фарисеевъ о разводномъ письмѣ, Ему пришлось выразиться о бракѣ, Онъ отвѣтилъ искушающимъ Его: *„не читали ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ?* (Быт. 1). И сказалъ Сотворившій: [1]) *посему оставитъ человѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два одною плотію* (Быт. 2): *такъ что они уже не двое, а одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ*" (Матѳ. 19). Но очевидно-ли, что это сказано о всей суммѣ произрастанія человѣческаго, рождаемости человѣческой, и въ этихъ единственныхъ словахъ о бракѣ онъ опредѣленъ черезъ рожденіе, и даже, короче, уже—черезъ „прилѣпленіе" половъ. Что же, проведена ли здѣсь

---

[1]) Г. Розановъ забываетъ, что нижеприводимыя имъ слова произноситъ Адамъ, а не Творецъ міра. Быт. II, 23. *М. Смирновскій.* — Но ихъ повторяетъ, какъ *мотивъ*, Спаситель, и черезъ это они становятся *Божіими словами*. Поэтому я и прибавилъ въ текстѣ: „Сотворившій", ибо и Христосъ *не* напоминаетъ ученикамъ, что это *Адамъ* сказалъ. *В. Розановъ.*

линія между способами рожденія въ адюльтерѣ, наложничествѣ, любви и прочее? Не сотворено самаго понятія этого" [1]). Отсюда у автора естественно вытекаетъ выводъ, что одинъ фактъ сближенія половъ устанавливаетъ между ними брачное соединеніе. Въ этомъ именно сближеніи половъ, а не въ церковномъ вѣнчаніи, и заключается будто бы таинство брака. Посему, нѣтъ ни соблазненій, ни паденій; есть только супружество, къ которому надо относиться съ величайшимъ уваженіемъ. Посему, съ другой стороны, общество, устанавливая различіе между законнымъ бракомъ и сожительствомъ, повинно въ великомъ грѣхѣ: оно создало „незаконнорожденныхъ", какихъ по существу дѣла нѣтъ и быть не можетъ. „Фальшивость этого, выдуманнаго, будто бы, суровой церковностью, принципа незаконности рожденія свидѣтельствуется простѣйшимъ сопоставленіемъ: установлена ли въ уравновѣшеніе законности рожденія—законность смерти? Если есть незаконнорожденные, должны быть и незаконноумершіе. Иначе нарушается основная, всюду разлитая въ природѣ, гармонія между жизнью и смертью" [2]).

Въ другой статьѣ, появившейся нѣсколько позднѣе — „Святое чудо бытія", г. Розановъ ту же мысль обосновываетъ соображеніемъ, что всякое рожденіе происходитъ по законамъ природы, которые суть *мысли Божіи* о природѣ, — слѣдовательно, всякое рожденіе отъ Бога и въ равной мѣрѣ благословенно. Различіе между бракомъ и сожительствомъ, между законными и незаконными дѣтьми, суть будто бы „сухія ограниченія, какимъ подверглось Евангеліе въ Византіи и Римѣ".

Развивая такія воззрѣнія на сущность брака, авторъ попутно высказываетъ рядъ соображеній о соціальныхъ и экономическихъ причинахъ, заставляющихъ нынѣ многихъ волей-неволей уклоняться отъ брачной жизни, и указываетъ рядъ желательныхъ измѣненій въ церковно-гражданскихъ законахъ о бракѣ; см. статью: „Имущество, титулы и дѣти". Нельзя не признать справедливости нѣкоторыхъ изъ этихъ соображеній. То же или подобное было высказываемо и на пастырскихъ собраніяхъ столичнаго духовенства и обсуждалось въ докладахъ протоіереевъ Горчакова, Дернова и др. Посему мы не будемъ говорить здѣсь объ этихъ сторонахъ дѣла, а коснемся лишь религіозно-нравственной стороны вопроса.

Обобщая изложенныя нами „обвиненія" г. Розанова, можно свести ихъ къ тремъ главнымъ пунктамъ: во-1-хъ, яко-бы неправильно опредѣляется богословами сущность брака, какъ таинства; во-2-хъ, они ввели произвольное, не отвѣчающее природѣ, дѣленіе дѣтей на законно- и не законнорожденныхъ, и, въ 3-хъ, узаконили тягостныя для многихъ формы вступленія въ бракъ, въ существѣ своемъ совершенно лишнія, ибо не въ нихъ сущность таинства брака, а въ самомъ фактѣ супружескаго сожительства.

[1]) „Споръ объ убитомъ ребенкѣ". *Прим. М. Сметцовскій.*
[2]) „Евины внучки". *М. Сметцовскій.*

Коснемся вкратцѣ каждаго изъ этихъ пунктовъ.

II, прежде всего, дѣйствительно ли сущность таинства [1]) брака — въ прилѣпленіи половъ? Опредѣлять бракъ съ этой именно стороны, не значитъ-ли сводить его къ чисто физіологическому отправленію [2]), забывая, что въ человѣкѣ, кромѣ тѣла, есть духъ и что духовная сторона выше тѣлесной. Г. Розановъ пользуется выраженіемъ Св. Писанія: „будутъ два одною плотію“ для опредѣленія того, въ чемъ состоитъ установленный Богомъ и не подлежащій разлученію отъ людей брачный союзъ, но онъ забываетъ, что при установленіи брака Творцемъ, изречено: *не хорошо быть человѣку (мужу) одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣтственнаго ему* (Быт. 2, 18). Ясно, что сущность брака шире, чѣмъ простое общеніе половъ: бракъ предполагаетъ общеніе мужа и жены не только физическое, но и духовное—въ трудѣ и отдохновеніи, въ скорбяхъ и радостяхъ жизни [3]). Эта полнота не физическаго только, но и духовнаго общенія мужа и жены въ бракѣ настолько очевидна, что отмѣчена даже языческимъ законодательствомъ. Римское право опредѣляетъ бракъ, какъ „conjunctio maris et feminae et consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio“, т. е. какъ „мужа и жены союзъ и общій жребій на всю жизнь, общеніе божественнаго и человѣческаго права“ [4]), каковое опредѣленіе, какъ отвѣчающее природѣ брака, удерживаетъ

---

[1]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что, говоря о *таинствѣ* брака, разумѣемъ таинство въ спеціально-догматическомъ значеніи этого слова, какъ „богоучрежденное священнодѣйствіе, въ которомъ преподается вѣрующимъ, въ каждомъ таинствѣ особый, благодатный даръ“. Кромѣ этого спеціальнаго значенія, „таинство“ на языкѣ церковно-богослужебномъ употребляется въ болѣе широкомъ значеніи, въ приложеніи къ предметамъ и явленіямъ таинственнымъ, превосходящимъ силы человѣческаго пониманія. Въ этомъ общемъ смыслѣ въ канонѣ погребенія говорится о „таинствѣ“ смерти, а въ одной изъ пѣсней церковныхъ воспѣвается „таинство“ чуднаго рожденія Сына Божія отъ Дѣвы: „таинство странное вижду и прославное...“. Сопоставляя „таинство“ рожденія и смерти, г. Розановъ, кажется, былъ введенъ въ заблужденіе именно этимъ двоякимъ значеніемъ слова таинство. *М. Семенцовскій.*

Отвѣтъ. „Таинство въ спеціально догматическомъ смыслѣ, какъ богоучрежденное священнодѣйствіе“ и проч., имѣетъ въ себѣ силу и значеніе, пропорціонально важности благословляемой *вещи*. Если-бы въ Свящ. Писаніи, въ *Бытіи*, 1—2 и у *Матѳ* 19, не стояло извѣстнымъ словъ о *рожденіи, мужчинѣ и женщинѣ*, и о *прилѣпленіи*,—то и „догмата о бракѣ“ или „таинства въ догматическомъ значеніи“ не могло-бы *возникнуть*. Этимъ все и рѣшается. *В. Р—въ.*

[2]) Нѣтъ,—и къ *психологіи* во время этого отправленія. *В. Р—въ.*

[3]) Да, но все это въ „незаконномъ сожитіи“ тоже самое, что въ законномъ бракѣ. Даже болѣе: что-же женщина получаетъ, соединяя судьбу съ офицеромъ, съ солдатомъ? *Ничего* выгоднаго; значитъ, дѣйствуетъ *одна* любовь и *самопожертвованіе*. *В. Р—въ.*

[4]) Да, но тутъ о *формѣ заключенія* ничего не говорится; опредѣленіе это обнимаетъ всѣ натуральныя *хорошія* семьи. *В. Р—въ.*

и наша Кормчая (Кормч., законы градск., гр. 4, ст. 1). Посему-то, не всякое общеніе половъ есть бракъ, но есть и такое общеніе половъ, которое на языкѣ Писанія именуется прелюбодѣяніемъ, блудомъ [1]) и т. п. И Христосъ ясно отличилъ бракъ отъ прелюбодѣянія и освятилъ Своимъ присутствіемъ брачное торжество [2]), а прелюбодѣяніе осудилъ и воспретилъ [3]). Есть и еще одна сторона въ бракѣ, которую никакъ нельзя забывать: это благословеніе Божіе. Самъ Богъ приводитъ въ раю жену первозданному человѣку и вручаетъ ее ему; и въ церкви Христовой съ самыхъ первыхъ временъ [4]) соблюдалось требованіе, чтобы бракъ заключался *о Господѣ* (1 Коринѳ. 7, 39). т. е. съ благословенія церкви. Итакъ, бракъ есть союзъ мужа и жены не только физическій, но и духовный, союзъ свободный, нравственно-отвѣтственный и свыше благословенный [5]). Этими чертами онъ отличается какъ отъ случайныхъ грѣховныхъ [6]) сожительствъ и связей, такъ и отъ того, что́ мы наблюдаемъ въ мірѣ животныхъ, и что́ также слѣдовало бы назвать бракомъ, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія г. Розанова.

Въ основу брачнаго союза христіанство полагаетъ взаимную любовь и преданность [7]) супруговъ. (1 Кор. VII, 3. Ефес. III, 18;

---

[1]) Да *что* это такое? Отчего этого никогда не разберутъ богословы? *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ такъ и пошло отсюда все. Христосъ посѣтилъ въ Канѣ *вѣнчаніе*; отсюда заключили, что вѣнчаніе и отличаетъ бракъ отъ блуда. Въ тоже время вѣнчаніе стали давать какъ можно рѣже и труднѣе (вмѣшательство идеала дѣвства). Отсюда уже одинъ шагъ до объявленія десятковъ тысячъ старыхъ и вѣрныхъ семей—блудомъ. „Луна“ стала „дѣлаться въ Гамбургѣ“ и бочаръ получилъ все, что ему было нужно. Но „дѣлатели луны въ Гамбургѣ“ не приняли во вниманіе двухъ вещей: 1) вѣнчаніе еврейское есть *пиръ гостей*, въ то самое время какъ женихъ и невѣста введены въ *опочивальню*, въ „хупу“ (священный шатеръ для „молодыхъ“). Т. обр. Спаситель посѣтилъ не *обрядъ* обрученія-вѣнчанія, а *пиръ во время перваго пресѣданія* повѣнчанныхъ и отъ этого-то въ Евангеліи не упоминается, чтобы Онъ видѣлъ или говорилъ съ новобрачными, *которыхъ* на пиру уже не было. Т. е. Спаситель освѣтилъ посѣщеніемъ брака въ Канѣ Галилейской самое „прилѣпленіе“; освятилъ его и вторично благословилъ. 2) Христосъ посѣщалъ и блудницъ (какъ мытарей), и если каноническое значеніе имѣетъ посѣщеніе брака въ Канѣ, есть каноническое-же значеніе и въ посѣщеніи блудницъ. *В. Р—въ.*

[3]) Гдѣ? Въ какихъ словахъ? „Блудницы *впереди книжниковъ* и фарисеевъ (постниковъ, ханжей) идутъ въ царство небесное“. *В. Р—въ.*

[4]) *Не ранѣе*, какъ съ III вѣка по Рожд. Христовѣ. *В. Р—въ.*

[5]) Признаю вполнѣ эту формулу. Она—моя. *В. Р—въ.*

[6]) Да въ *чемъ* „грѣховныхъ“? *чьмъ*? Ужъ не находитъ-ли авторъ „грѣхъ“ въ „случайности“, на которой дѣлаетъ ударѣніе? Но что можетъ быть „случайнѣе“ брака кандидатовъ въ священники, когда они наскоро, въ срокъ 2 -3-хъ недѣль, объѣзжаютъ округу, и женятся на первой сколько-нибудь подходящей невѣстѣ? *В. Р—въ.*

[7]) Неизвѣстно, что „христіанство полагаетъ“, ибо оно голоса индивидуальнаго не имѣетъ, а въ Евангеліи рѣчей объ этомъ прямыхъ нѣтъ.

V, 22. 28). Но что такое эта любовь? Это не та чисто животная страсть, о которой, какъ основѣ семьи, говоритъ г. Розановъ [1]). Страсть эгоистична, капризна, случайна, измѣнчива въ своихъ требованіяхъ. Христіанская любовь супруговъ чиста, самоотверженна, постоянна, соединена съ кротостію и терпѣніемъ въ перенесеніи взаимныхъ слабостей [2]) и недостатковъ (Еф. IV, 2). Время и годы не ослабляютъ этой любви [3]), а укрѣпляютъ и возвращаютъ. Высшій идеалъ этой любви указанъ въ любви Христа къ Своей церкви (Еф. V, 26—27). Эта христіанская любовь супруговъ родитъ чувство взаимнаго долга и облегчаетъ переносить подчасъ его суровыя требованія [4]). Созидаемая на такой основѣ, христіанская семья дѣйствительно можетъ быть и бываетъ союзомъ святымъ, незыблемымъ и неразрывнымъ. Такую семью не разрушитъ „ни скорбь, ни тѣснота“ [5]), ни старость, которая охлаждаетъ страсти, ни болѣзнь, которая можетъ поразить одного изъ супруговъ, ни другія жизненныя испытанія. Другое дѣло, если въ основу семьи будетъ положена физіологія—страсть. Тогда не можетъ быть и рѣчи объ устойчивости и прочности,—не говоримъ уже о святости,—брака. Страсть непостоянна и эгоистична. Она не знаетъ вѣрности, не признаетъ обязанностей. Сегодня одно увлеченіе, завтра другое, послѣ завтра третье и такъ безъ конца. Неудивительно, что проповѣдникъ этой любви г. Розановъ—обращается къ идеаламъ древней Греціи съ ея „построенной на фундаментѣ любви, вѣчной въ своемъ покоѣ (разводы по произволенію любящаго или нелюбящаго мужа), вѣчно-любящей въ каждой данной точкѣ, въ каждую данную минуту, семьей“. Въ самомъ дѣлѣ: ка-

---

Но, напр., у насъ, русскихъ, конечно ни „любовь“, ни „преданность“ въ основу брака не полагается: ибо семьямъ ссорящимся, и много лѣтъ ссорящимся, развода все же не дается. А *мотивы* развода суть *критеріумъ* существа брака: что его кассируетъ, тому обратное есть сущность брака. Напр. *отсутствіе* вѣнчанія кассируетъ его по закону: ergo *присутствіе* вѣнчанія созидаетъ по закону бракъ. *В. Р—въ*

[1]) См. отзывъ г. А—ту. „Новое Время“, № 8887. Сравни его же: „О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи“. (Ibid. 1899 г. № 8481). „Страсти, пишетъ онъ здѣсь, суть динамическое, зиждущее и вмѣстѣ матеріальное условіе семьи, порохъ, безъ котораго не бываетъ выстрѣла. Я съ улыбкою читаю разсужденія, что причина необыкновенной распущенности семьи въ наше время лежитъ въ сильномъ дѣйствіи и притомъ разнузданныхъ страстей... Изъять страсти изъ семьи, значитъ не начать семьи». *М. Семенцовскій.*

[2]) Читай: „въ перенесеніи побоевъ, надѣвательства, распутства, пьянства“. О, софисты и притворщики: дѣлаютъ видъ, что не знаютъ дѣйствительности. *В. Р—въ.*

[3]) Да почемъ вы знаете? Да и *о чемъ* вы говорите? О томъ, что *есть*? что *будетъ*? что *должно* быть? И почему „должно“ и какъ „будетъ“? Просто, это наборъ словъ. *В. Р—въ.*

[4]) Читай: „побои“. *В. Р—въ.*

[5]) Просто, секретарь консисторіи не дастъ развода. *В. Р—въ.*

кой высокій идеалъ! Мужъ, сегодня любящій, т. е. желающій обладать женщиной, завтра удовлетворенный и потому охладѣвшій, даетъ своимъ женамъ свободный разводъ —сегодня одной, завтра другой!.. Напрасно только г. Розановъ такъ настойчиво выдаетъ свой идеалъ за идеалъ христіанскій...

Христіанская совѣсть, незатемненная ложными мудрованіями, никогда не приметъ этого идеала. Въ ея живомъ голосѣ и въ законѣ евангельскомъ дано иное требованіе, указанъ иной идеалъ: *„яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ“* (Мато. XIX, 6). Свято и непорочно только это, Богомъ установленное и церковію благословенное, сочетаніе мужа и жены въ бракѣ. Всякая же иная связь для христіанъ православныхъ неблагословенна и грѣховна. Обнаруженіемъ этой совѣсти и служитъ тотъ стыдъ, тотъ даже ужасъ, который испытываютъ женщины, имѣвшія несчастіе сдѣлаться матерями внѣ брака, и который, по единству бытія [1]), переживаютъ вмѣстѣ съ ними и ихъ несчастныя дѣти. Этотъ стыдъ — святое чувство, прочно заложенное въ нашей природѣ, это голосъ совѣсти, охраняющей нравственное достоинство человѣческой личности. Вотъ почему этотъ стыдъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ г. Розановъ, переживаютъ и „первый революціонеръ и первая анархистка“ [2]). Это голосъ Божій [3]) и потому голосъ властный. Уничтожьте юридически различіе между дѣтьми, рожденными въ бракѣ и внѣ брака, выбросьте изъ обихода „нехорошую кличку“— незаконнорожденный, положеніе дѣла измѣнится мало, и именно потому, что это вопросъ не юридическій, а вопросъ совѣсти христіанской, а для христіанской совѣсти сожительство внѣ брака, благословеннаго церковію, было и останется грѣхомъ, нравственнымъ преступленіемъ, тяжесть котораго испытываютъ не только непосредственные виновники этого грѣха, но и рожденныя ими внѣ брака дѣти [4]). Въ этомъ случаѣ исполнится слово Законо-

---

[1]) „По единству бытія“... Какъ подкрадывается „закваска фарисейская“, чтобы „сварить козленка въ молокѣ его матери“. *В. Р—въ.*

[2]) См. „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“. *М. См—скій.*

[3]) „Божій голосъ“ одинъ отъ сотворенія міра и до Суда надъ нимъ: почему-же этого „Божьяго голоса“ въ себѣ не слышали дочери Лота, такъ громко наименовавшія, отъ кого онѣ родили сыновей? ни Рахиль около Лін? ни Агарь около Сарры? Но вѣдь самъ-же г. Сменцовскій сказалъ выше, что „опредѣленіе брака“ взято въ „Кормчую“ изъ язычества, а церковь вѣнчаетъ и отказывается вѣнчать, руководясь Кормчей: слѣд. дѣвушки, теперь рождающія, часто просто нарушаютъ „Кормчую“, т. е. не повинуются „язычеству“. Что-же, голосъ Юпитера Капитолійскаго что-ли мучитъ ихъ въ совѣсти? *В. Р—въ.*

[4]) Вотъ это все вѣрно, что вопросъ въ гласномъ, ex cathedra, и притомъ своевольно -свободно выражаемомъ мнѣніи духовенства о такихъ дѣвушкахъ. Не даромъ глубокомысленный Гете поставилъ Грехенъ передъ Соборомъ, а не повелъ ее за изцѣленіемъ души въ городскую ратушу. Но она услышала тамъ угрожающіе ноты, которые звучатъ здѣсь

дателя: *грѣхи отцевъ на чадахъ ихъ и на чадахъ чадъ, до третіяго и четвертаго рода* (Исх. 34, 7).

Таковъ непреложный божественный законъ [1]). И его не устранить софизмомъ: „всѣ дѣти рождаются по законамъ природы, которые суть мысли Божіи,—слѣдовательно всѣ дѣти отъ Бога". Законы природы, конечно, установлены Богомъ и сохраняются Его Промысломъ. Но Богъ и природа, — не одно и то же. Міръ, по изволенію Божію, до нѣкоторой степени самостоятеленъ [2]) въ своей жизни. Онъ живетъ по законамъ, разъ установленнымъ и непрерывно сохраняемымъ Божественнымъ Промысломъ, но живетъ, какъ отличная отъ Бога сущность. Что же касается человѣка, то онъ живетъ по законамъ не физическимъ только, но, подобно другимъ духовноразумнымъ существамъ, еще и по законамъ нравственнымъ, и пользуется свободою въ своихъ дѣйствіяхъ. Злоупотребленіе этой свободой [3]) и служитъ источникомъ нестроеній какъ въ мірѣ нравственномъ, такъ часто и въ мірѣ физическомъ. Посему, во-первыхъ, не все, что совершается въ мірѣ „отъ Бога" (вспомнимъ исторію праведнаго Іова), а во-вторыхъ, дѣянія человѣческія нельзя оцѣнивать только съ точки зрѣнія внѣшней ихъ естественности. Подобная мѣрка будетъ слишкомъ узка для человѣка. Вѣдь и убійство и воровство съ внѣшней—физической своей стороны естественны. Ножъ убійцы вонзился въ сердце, произошла смерть. Всѣ таковые процессы вполнѣ понятны съ точки зрѣнія физіологіи и физики. Однако, мы называемъ это дѣяніе преступленіемъ, поскольку въ немъ сказывается злая воля... Другое дѣло, если несчастный случайно наткнулся на ножъ. Тутъ только несчастный случай. Такъ и въ дѣлѣ дѣторожденія. Пусть въ смыслѣ физіологическаго акта рожденіе не можетъ раздѣляться на законное и незаконное, ибо то и другое совершаются по однимъ и тѣмъ же законамъ естества, но они могутъ и должны быть различаемы съ точки зрѣнія нравственно-религіозной значимости, ибо одно совершается согласно съ требованіями нравственно-религіознаго христіанскаго закона, другое вопреки этимъ требованіямъ [4]).

и у М. Смоленскаго. А вотъ сейчасъ, въ строкахъ его, и судьба ребенка Гретхенъ: но какъ эти строки совпадаютъ съ словами Фаусту Мефистофеля. Я говорю, что теологъ и черный пудель за печкой Фауста (Мефистофель) до поразительности единомышленны. *В. Р—въ.*

[1]) А какой-же былъ законъ для Авраама, Іакова? для Вооза, Давида, Соломона? Мнѣ онъ кажется болѣе „непреложно божественнымъ", чѣмъ законы Юпитера Капитолійскаго. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ софизмъ. До *которой*-же степени самостоятеленъ? Вспомнимъ слово въ Недѣлю Православія: „міръ мнима быти безъ Бога—анаѳема". Но вѣдь авторъ пишетъ статейку, а не о Богѣ думаетъ; Богъ у него „всуе" путается на языкѣ. *В. Р—въ.*

[3]) Читай: „не послушаніе намъ". *В. Р—въ.*

[4]) Обращаясь къ самому термину „незаконнорожденный", мы должны сказать, что онъ отнюдь не церковнаго происхожденія. Церковь разли-

Отрицая различіе между бракомъ, благословляемымъ церковію, и простымъ сожительствомъ, г. Розановъ энергично возстаетъ и противъ самаго чина вѣнчанія, считая его такъ же „произведеніемъ Византіи и Рима“ и усматривая въ немъ нѣчто случайное, не относящееся къ существу брака. Взамѣнъ этого „сложнаго чина, онъ желалъ бы выработать для моря случайностей болѣе упрощенныя формы заключенія брака, напримѣръ, вилоть до одного благословенія родителей, или до простой мѣны кольцами. И тысячи дѣвушекъ, прибавляетъ онъ, спасутся! И мы отдѣлимъ, говоритъ г. Розановъ, настоящую привязанность отъ случая, фривольности, легкомыслія“.

чаетъ между святымъ и грѣховнымъ, но не ставитъ своею задачею различать, что законно (легально) и что „незаконно“ во внѣшнемъ отношеніи и состояніи общества. Это задача государства. Такъ во всемъ, такъ и въ вопросѣ о бракѣ. Церковь осуждаетъ внѣбрачное сожительство, какъ грѣхъ, и благословляетъ супружество въ бракѣ, но она не дѣлаетъ въ отношеніи своихъ благодатныхъ даровъ никакого различія между дѣтьми, рожденными въ бракѣ и внѣ брака. Тѣхъ и другихъ съ одинаковою благопопечительностію она облекаетъ званіемъ христіанина и надѣляетъ всѣми правами, принадлежащими этому званію. И если въ церкви Христовой нѣтъ различія національностей, общественныхъ состояній и пола, но „всяческая и во всѣхъ Христосъ“, то въ равной мѣрѣ нѣтъ и законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ, а всѣ „дѣти Божіи“. Въ памятникахъ церковнаго права вы не найдете даже самаго званія — незаконнорожденный. Оно введено въ жизнь законодательствомъ гражданскимъ и сравнительно поздняго происхожденія—во всякомъ случаѣ послѣ-петровской эпохи. Гражданское законодательство въ христіанскомъ государствѣ, дѣйствуя въ интересахъ огражденія правъ церкви и подъ вліяніемъ ея нравственныхъ идеаловъ, ставитъ разнаго рода ограниченія незаконнымъ сожительствамъ, и свою карающую руку простираетъ и на дѣтей, рожденныхъ отъ такихъ сожительствъ. То, что въ данномъ случаѣ на языкѣ церкви есть только грѣхъ, на языкѣ государственномъ есть уже преступленіе, караемое государственнымъ законодательствомъ. Правда, въ настоящее время терминъ „незаконнорожденный“ принятъ въ церковномъ дѣлопроизводствѣ, въ такъ называемыхъ „метрическихъ книгахъ“ о родившихся, въ „метрическихъ свидѣтельствахъ“ и „въ метрическихъ выпискахъ“ изъ этихъ книгъ, выдаваемыхъ въ различныхъ случаяхъ, напр., при поступленіи дѣтей въ училище, при вступленіи въ бракъ и т. п.; но самыя эти книги, и тѣмъ болѣе выписи изъ нихъ, имѣютъ значеніе не столько церковное—служитъ удостовѣреніемъ христіанскаго званія,—сколько именно государственное, въ качествѣ актовъ, удостовѣряющихъ гражданское состояніе каждаго лица христіанскаго исповѣданія,—какъ то: его возрастъ, принадлежность къ семьѣ, сословію и званію. Подобныя же книги ведутся духовными лицами и другихъ христіанскихъ и даже нехристіанскихъ исповѣданій. Государство возложило на духовенство обязанность вести эти акты, и духовенство выполняетъ эту обязанность, но оно нисколько не потеряетъ въ своихъ духовныхъ правахъ и полномочіяхъ, если государство сниметъ съ него эту обязанность. Насколько само государство сознаетъ, что вопросъ о законности рожденія есть вопросъ гражданскій, а не церковный, видно изъ одного того, что оно предоставляетъ рѣшеніе этого вопроса исключительно судебнымъ учрежденіямъ, по иску мужа, и слагаетъ его съ обязанностей духовенства (Свод. зак. ч. 1, т. X, ст. 120). Посему всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, не расторгнутомъ церковною властію,

Въ доказательство своей мысли, г. Розановъ ссылается на авторитетъ недавно умершаго Т. И. Филиппова, который въ открытомъ письмѣ къ И. Ѳ. Нильскому указывалъ, что „въ исторіи истинной Христовой церкви было такое время, когда вполнѣ правильные въ смыслѣ церковномъ браки составлялись единымъ соизволеніемъ, безъ священнословія или вѣнчанія, а между тѣмъ такого времени, когда бы бракъ въ церкви не почитался за таинство, никогда не было, и что, слѣдовательно, отсюда выводъ ясенъ и вопросъ о *безусловной* невозможности брака, какъ таинства, безъ священнословія,—рѣшается отрицательно“ [1]).

Времени, когда браки заключались бы въ церкви единымъ соизволеніемъ брачущихся, безъ соизволенія и освященія церкви, отвѣтимъ мы, конечно, никогда не было [2]). Правда, признавались законными, какъ и нынѣ признаются, браки, заключенные *до обра-*

отмѣчаются въ метрическихъ книгахъ законными, хотя бы они родились по естественному порядку слишкомъ рано отъ совершенія брака, или при отсутствіи фактическаго сожительства мужа и жены. *М. Семенцовскій.*

Все это —такъ, но плачевно до боли, что 200 лѣтъ назадъ духовенство не заявило твердо: „не читаемъ ни въ Ветхомъ, ни въ Новомъ Завѣтѣ о незаконнорожденныхъ; не знаемъ такого слова; и какъ оно *убиваетъ* дѣтей (факты)—то и отказываемся писать его“. И здѣсь М. Семенцовскій въ „примѣчаніи“ пишетъ, что —на его взглядъ и церковный—„незаконнорожденности“ нѣтъ, а выше *самъ* же написалъ: „въ этомъ случаѣ исполняется слово законодателя (не гражданскаго): *грѣхи ваши на васъ и на дѣтяхъ вашихъ до третьяго и четвертаго колѣна*. Т. е. *вдохновенье* на терминъ этотъ идетъ отъ духовенства; да и онъ же сказалъ: „гражданскія перемѣны *ничего не убавятъ въ* стыдѣ дѣвушекъ, а онъ-то и убиваетъ и мы его *не снимемъ*“. Само собой, дѣло не въ *терминѣ* „незаконнорожденный“, а въ *винѣ*, въ *безсилвости*, въ *презираніи*, съ какою онъ *произносится*. И всего этого *корень* — въ идеалѣ оскопленія. *В. Р—въ.*

[1]) „Открытое письмо г. А -ту“. Г. Розановъ выставляетъ здѣсь и еще одинъ доводъ въ пользу того, что церковный чинъ вѣнчанія не имѣетъ существеннаго значенія въ бракѣ. „За вѣнчаніе берутъ деньги. Значитъ вѣнчаніе не таинство, ибо тогда получать за него деньги было бы симоніей“. Отвѣтъ на подобное возраженіе данъ апостоломъ Павломъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, гл. IX. Какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь оплачивается не благодать, не продаваемая и не покупаемая, а трудъ священника, по немощи плоти имѣющаго нужду въ пищѣ, одеждѣ и прочемъ. *М. Семенцовскій.*

Все это нѣсколько софистично: за вѣнчаніе берутъ довольно высокую плату (я заплатилъ въ 1882 г., въ Москвѣ, 75 р. безъ нѣвчихъ), и *строго оговариваемую*. Отчего-же за „трудъ“ при крещеніи не берутъ? Въ крещеніи слишкомъ ясно присутствіе „таинства“. Взять хоть 5 к. за *трудъ* причащенія священникъ просто бы *испугался:* такъ *яркость* таинства бьетъ здѣсь въ лицо. Напротивъ, въ вѣнчаніи *тусклость* присутствія таинства, *неясность*, сходитъ-ли тутъ благодать (въ *какую*-же минуту? гдѣ *центръ* тутъ?) такъ очевидно, что и миряне на немъ присутствуютъ безъ того *страха*, какъ на крещеніи или передъ причастіемъ, и у священника руки не дрожатъ, когда онъ беретъ за это деньги. *Страха къ вѣнчанію* ни у кого, ни у мирянъ, ни у духовенства, нѣтъ. А этимъ и рѣшается все. Ибо *гдѣ* Богъ—тамъ *страшно*, само собою и невольно, всякому. *В. Р—въ*

[2]) Ниже авторъ самъ это опровергаетъ. *В. Р—въ.*

щенія въ христіанство или до присоединенія къ церкви, но и только. Что же касается лицъ, рожденныхъ и воспитанныхъ въ церкви, или же только вступающихъ въ бракъ послѣ присоединенія къ церкви, то для нихъ чинъ браковѣнчанія всегда считался обязательнымъ. Конечно, въ настоящей своей формѣ этотъ чинъ вырабатывался постепенно и претерпѣвалъ различныя измѣненія, но зерно его несомнѣнно апостольскаго происхожденія. Указаніе на этотъ чинъ можно находить уже въ приведенныхъ нами словахъ апостола, что бракъ долженъ быть *„точію о Господѣ“* [1]) (1 Кор. 7, 39). У святыхъ отцевъ и учителей церкви первыхъ вѣковъ христіанства содержатся ясныя указанія на существованіе этого чина. Святый Игнатій Богоносецъ, напр., пишетъ: „подобаетъ женящимся и выходящимъ замужъ, чтобы союзъ ихъ совершался по благословенію епископа, да будетъ бракъ о Господѣ, а не по вожделѣнію“ [2]). Тертуліанъ говоритъ: „какъ я могу описать счастіе моего брака, который *церковь утверждаетъ*, жертва скрѣпляетъ, *благословеніе запечатлѣваетъ*, ангелы возвѣщаютъ, *Отецъ утверждаетъ*“ [3]).

Тотъ же Тертуліанъ говоритъ, что брачные союзы, заключенные безъ вѣдома и благословенія церкви, считаются наравнѣ съ прелюбодѣяніемъ и блудомъ (De pudic., c. 4). Долгое время эта въ христіанской церкви обязательность церковнаго благословенія въ бракѣ опиралась исключительно на требованіяхъ нравственнаго характера и можетъ служить посему прямымъ доказательствомъ вѣровавшія церкви, что именно это благословеніе содѣлываетъ христіанскій бракъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по своей

---

[1]) Апостолъ Павелъ, ревностный по образованію іудей, въ словахъ „точію о Господѣ“ повторилъ знаменательныя и важныя слова Товіи и Сарры передъ ложемъ: „я беру ее женою не для удовлетворенія желанію, *но по истинѣ*“ (во исполненіе Божіей заповѣди о размноженіи). Вообще, введеніе молитвы Товіи и Сарры въ вѣчный и ежедневный ритуалъ брачнаго житія, въ „молитву на сонъ грядущій“ брачныхъ, и притомъ только ихъ исключительно—вотъ начало истиннаго устроенія супружества. Приведемъ ее здѣсь полностью: „Благословенъ Ты, Боже отцовъ нашихъ, и благословенно Имя Твое святое и славное во вѣки! Да благословляютъ Тебя небеса и всѣ творенія Твои! Ты благословилъ Адама и далъ ему помощницею Еву, подпорою—жену его. Отъ нихъ произошелъ родъ человѣческій. Ты сказалъ: не хорошо быть человѣку одному, сотворилъ помощника, подобнаго ему. И нынѣ, Господи, я беру сію сестру мою не для удовлетворенія пожеланія, но по истинѣ: благоволи-же помиловать меня и дай мнѣ состариться съ нею“ („Книга Товита“, VIII). Какъ одинъ писатель нѣкогда сказалъ: „мы имѣемъ больше, чѣмъ конституцію—мы имѣемъ присягу“, такъ я о „прилѣпленіи“ скажу: „мы имѣемъ больше, чѣмъ позволеніе на него — мы имѣемъ на него приказаніе“, и отсюда-то оно есть „по истинѣ“ и должно быть „точію о Господѣ“ (должно быть совершаемо съ непрерывною мыслію о Немъ). *В. Г-въ.*

[2]) S. Ignat. Epistola ad Polic., cap. V. *М. Сменцовскій.*

[3]) Tertullian. Ad uxorem, II, cap. 9. *М. Сменцовскій.*

природѣ. Внѣшнюю, юридическую обязательность церковный чинъ бракосочетанія получилъ довольно поздно [1]). Въ гражданскихъ византійскихъ законахъ церковное благословеніе брачнаго союза признано необходимымъ условіемъ законности брака въ первый разъ лишь 89 новеллой императора Льва Философа (около 893 г.), на рабовъ же это постановленіе распространено еще позднѣе — при Алексѣѣ Комнинѣ (1095 г.) [2]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сказался взглядъ римскаго законодательства, что въ бракъ можетъ вступать лишь человѣкъ свободный; рабы же по римскому праву были лишены этого права: они могли вступать лишь въ сожительство (contubernium). Церкви долго пришлось бороться съ этимъ [3]) языческимъ взглядомъ. Признавая и въ рабахъ то-же самое человѣческое достоинство, какъ и въ свободномъ гражданинѣ, она предъявляла къ тѣмъ и другимъ одинаковыя нравственныя требованія какъ во всемъ, такъ и въ вопросѣ о бракѣ, и тѣмъ и другимъ въ церковномъ чинѣ вѣнчанія равно преподавала благословеніе при вступленіи въ супружескій союзъ.

Признавая законность брачнаго союза, заключеннаго иновѣрцами до вступленія въ православную церковь, церковь руководствуется прямою апостольскою заповѣдію: „если какой братъ имѣетъ жену невѣрующую и она согласна жить съ нимъ, то онъ не долженъ оставлять ее. И жена, которая имѣетъ мужа невѣрующаго, и онъ согла-

---

[1]) А, вотъ то-то. Въ этомъ все и дѣло. Никто не говоритъ, и я—всего менѣе: „*избѣгайте* благословенія пресвитеровъ". Не только въ бракъ вступая, но и какое бы дѣло ни начиналъ ты—благословись у священника, благословись у родителей, простись съ сосѣдями и у нихъ благословись на дѣло, подвигъ, предпріятіе. Но все это—по любви, а не по принужденію. А когда *по несчастію* не удалось этого, не „голову-же съ плечъ долой" мирянину, а тѣмъ болѣе, въ бракѣ, не „голову-же съ плечъ долой" дѣтямъ. А теперь именно такъ и выходитъ, и грустно, что богословы настаиваютъ на *юридической* значимости и принудительности своего благословенія. Нельзя не замѣтить, что въ сущности мы имѣемъ *гражданскій* по ощущенію его *бракъ*, но только *священникомъ и религіозно-церемоніально совершаемый*. А нужно-бы (и хотѣлось-бы) *святой бракъ* (молитва Товіи и Сарры). Теперь *бракъ* (сожитіе) *грѣшенъ* (молитва надъ родильницей, все равно и въ законномъ бракѣ), а святъ (=великъ) благословляющій; я-же бы хотѣлъ великаго таинства и святости въ самомъ бракѣ. Вотъ около чего кружится споръ. *В. Р—въ.*

[2]) См. объ этомъ въ курсѣ церк. права профессора Бердникова. Казань. 1888 г., стр. 63. *М. Сменцовскій.*

[3]) Итакъ, ровно *осемь вѣковъ*, до самого 1095 г. полные и законные браки въ христіанскомъ мірѣ, въ Православной Византіи, могли совершаться по соизволенію брачущихся *но съ вѣнчаніемъ, но безъ вѣнчанія.* Но въ 1096 году уже окончилась эпоха Вселенскихъ соборовъ, закончился *весь* канонъ церкви: и сльд. церковь во все время творческаго само-устроенія не находила поводовъ и мотивовъ протестовать противъ „сожительствъ" и ихъ нарекала „законнымъ бракомъ", ни мало не „блудомъ". И тогда-то дѣти отъ нихъ именовались конечно „брачными и законными". *В. Р—въ.*

сенъ жить съ нею, не должна оставлять его. Ибо невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освѣщается мужемъ вѣрующимъ. Иначе дѣти ваши были бы нечисты, а теперь святы. Если же невѣрующій хочетъ развестись, пусть разводится; братъ или сестра въ такихъ случаяхъ не связаны Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, мужъ, почему знаешь, не спасешь ли жены? Только каждый поступай такъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ, и каждый, какъ его Господь призвалъ" (1 Кор. VII, 12—17). Практика церкви всегда и вполнѣ отвѣчала этой апостольской заповѣди, такъ, что при переходѣ въ православіе одного изъ супруговъ нехристіанскаго исповѣданія, если мужъ и жена изъявятъ согласіе продолжать супружескую жизнь, сожительство ихъ признается бракомъ въ церковномъ смыслѣ этого слова, безъ утвержденія его вѣнчаніемъ по церковному чину. Церковь вѣруетъ, что такой бракъ освященъ уже однимъ совершеніемъ чина крещенія [1]) надъ обратившимся или обратившеюся, и нравственнымъ изволеніемъ Церкви. Дѣйствующее нынѣ церковное законодательство требуетъ, чтобы въ такихъ случаяхъ нехристіанская сторона дала письменное обязательство въ томъ: а) что имѣющія родиться съ этого времени дѣти будутъ крещены въ православную вѣру, б) что ни прещеніями, ни угрозами и никакими другими способами онъ или она не будутъ склонять къ измѣнѣ православію какъ этихъ дѣтей, такъ и обратившагося или обратившуюся въ православіе своего супруга или супругу, и в) что будутъ продолжать бракъ въ единобрачномъ сожительствѣ съ обращеннымъ или обращенною въ тѣхъ случаяхъ, когда обратившійся къ церкви мужъ имѣлъ многихъ женъ или обратившаяся состояла одною изъ многихъ женъ [2]). Такимъ обра-

---

[1]) Ну, это новое ученіе г. М. Сменцовскаго. Гдѣ-же оно *выражено, оформулировано* въ догматикахъ? въ какомъ апостольскомъ или соборномъ правилѣ? Вѣдь поэтому ученію и православный, „разъ уже онъ крещенъ и въ крещеніи всѣ прочія таинства воспринялъ", можетъ, вступая въ „сожительство" думать: „все равно—я *повѣнчался въ крещеніи*". Ибо если *обратное* дѣйствіе имѣетъ крещеніе относительно евреевъ, то оно имѣетъ дѣйствіе и *впередъ* у русскихъ. Отчего нѣтъ? *В. Р—въ.*

[2]) Это и разбиваетъ теорію г. М. Сменцовскаго. Въ самомъ дѣлѣ, если крестится татарская семья, состоящая изъ мужа и его трехъ женъ, и *крещеніе входитъ брако-вѣнчаніемъ въ крещаемыхъ*, то, очевидно, оно вошло такимъ образомъ *во всѣхъ трехъ женъ*. И для послѣдовательности, надо-бы церковно, черезъ св. Синодъ, расторгнуть бракъ его съ двумя женами, оставляя только съ одною. Но этого не дѣлается. Очевидно, просто церковь признаетъ *своимъ бракомъ на выборъ сожительство его съ которою нибудь одною женщиною-женою*. Не могу однако я не скорбѣть объ участи *двухъ брошенныхъ, и съ дѣтьми*, женъ: тутъ надо-бы оказать снисхожденіе, особенно для вновь крещенныхъ, только что вступившихъ въ церковь, вступившихъ съ радостью, не для унынія! Случаи подобные такъ рѣдки! и что значитъ въ многомилліонномъ христіанскомъ мірѣ 5—10—10) семей, сохраняющихъ поличамный типъ своей древней семьи? *Терпимъ-же* мы дома терпимости, не „раздираемъ одеждъ на себѣ" при видѣ ихъ. *В. Р—въ.*

зомъ видимъ, что въ вопросѣ о бракѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, церковь наша отличается истинно материнскимъ снисхожденіемъ къ нуждамъ человѣческимъ.

Нужно-ли послѣ этого вводить какія-либо измѣненія въ церковный чинъ брака и установлять какія-то „упрощенныя формы" заключенія брачнаго союза? Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ. Чинъ этотъ освященъ вѣками, торжественъ, трогателенъ, умилителенъ, потрясаетъ сердца. Съ другой стороны, никакія упрощенныя формы не разрѣшатъ затрудненій и не спасутъ, какъ на это надѣется г. Розановъ, не только тысячъ, но и одной дѣвушки Ибо развѣ можетъ служить этотъ чинъ какою-либо помѣхою для тѣхъ, кто сближаясь съ существомъ иного пола, ищетъ именно брачнаго союза и готовъ принять всѣ нравственныя и иныя обязательства, проистекающія отъ такого сближенія, и въ комъ живо христіанское сознаніе необходимости освященія этого союза благословеніемъ свыше?.. Если же нѣтъ этого сознанія, если, съ другой стороны, нѣтъ и желанія „связывать себя обязательствами", то никакія упрощенныя формы брака не помогутъ: въ результатѣ получится случайное сожительство, а не бракъ.

Г. Розановъ любитъ указывать, въ подтвержденіе своихъ мыслей, примѣры изъ ветхозавѣтной исторіи. Такъ и въ вопросѣ о бракѣ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что ветхозавѣтное законодательство не знало незаконнорожденныхъ и что будто бы бракъ по закону Моисееву обставленъ былъ такою свободою, что часто заключался въ простомъ фактѣ сожительства (Исх. гл. 22, 16).

Не споримъ. По „жестокосердію" [1]) подзаконнаго человѣчества (Мѳ. 19, 8), ветхозавѣтный бракъ соединенъ былъ съ менѣе строгими нравственными требованіями [2]), чѣмъ нынѣ. Въ подзаконномъ іудействѣ было терпимо многоженство, практиковался свободный разводъ, существовало наложничество [3]). Все это от-

---

[1]) И вѣчно это обвиненіе на библейскаго человѣка, и косвенно—на Библію: ибо кто, порицая „русскаго человѣка", косвенно этимъ не порицалъ-бы „Россію". *В. Р—въ.*

[2]) Ужъ куда у насъ „нравственныя требованія въ бракѣ". См. въ „Матерьялахъ" примѣры, хотя-бы подъ рубрикой: „Какъ далеко простирается христіанское долготерпѣніе". *В. Р—въ.*

[3]) Вы все *цифры* считаете, *аршинолѣ* бракъ мѣряете: а вѣдь въ „тайнѣ Божіей" значительно качество, а не количество. Неужели-же бракъ Авраама, имѣвшаго Сарру и Агарь, а затѣмъ еще Хеттуру и „наложницъ" былъ по *тону*, по *стилю*, по *колориту* низкопробнѣе трогательной „четы" русскихъ, которая просыпаясь дерется, и на сонъ грядущій напивается и дерется-же. Гдѣ ангелы летаютъ, около русскихъ сапожниковъ или около „наложницы" Агари? Читаемъ и можемъ-ли не заплакать отъ умиленія: „Но Сара, жена Авраама, не рождала; у ней была служанка египтянка, именемъ Агарь. И сказала Сара Аврааму: вотъ, Господь заключилъ чрево мое, чтобы мнѣ не рождать (NB: вотъ отъ

мѣнено закономъ Христа [1]) (Еф. II, 15; 2 Кор. V, 17). Что же касается случаевъ „свободнаго сожительства“, то законъ Моусеевъ каралъ ихъ со всею строгостію. Вступившій въ сожительство съ чужою женою и нарушившій чистоту брака (Лев. 18, 20; 20, 10—17; Втор. 22, 22), опорочившій обрученную другому, дѣвица, не

Кого, „отъ Бога“—рождаются); войди-же къ служанкѣ моей, можетъ быть *я буду имѣть дѣтей отъ нея*. Авраамъ послушался словъ Сары. И взяла Сара, жена Авраамова, египтянку Агарь, и дали ее мужу своему въ жену (NB: не сказано: „въ наложницу“, „въ блудъ“). Онъ вошелъ къ Агари, и она зачала“.—Какой міръ! какое отсутствіе нашихъ отвратительныхъ ревностей! Какія „ревности“ въ бракѣ „точію о Господѣ“? Исполняется „долгъ“, и Сарра радуется плодородію Агари, нарекая его „своимъ“, „роднымъ себѣ“ плодородіемъ: ибо онъ объ какъ раздѣлившаяся на двое Ева, единяя въ стремленіи и въ любви, въ напоеніи пола мужа своего. Вышла ссора, отъ необдуманной заносчивости Агари; у насъ, „*не* жестоковѣйныхъ“, какими-бы палками была выгнана Агарь, при хохотѣ улицы, законовъ, всѣхъ! Но „отъ начала было не такъ“, и Агарь, чрево которой расцвѣтилъ Господь, увидѣла Ангела Господня: „И нашелъ ее Ангелъ Господень у источника воды въ пустынѣ. И сказалъ: Агарь, служанка Сарина, откуда ты пришла и куда идешь? Она сказала: я бѣгу отъ лица Сары, госпожи моей. Ангелъ Господень сказалъ ей: возвратись къ госпожѣ своей и покорись ей. И сказалъ ей Ангелъ Господень: умножая умножу потомство твое, такъ что нельзя будетъ и счесть его отъ множества. И еще сказалъ ей Ангелъ Господень: вотъ, ты беременна и родишь сына и наречешь имя ему *Измаилъ*, ибо услышалъ Господь страданіе твое. Руки его будутъ на всѣхъ и руки всѣхъ на него. И нарекла Агарь Господа, который говорилъ съ ней, симъ именемъ: *Ты Богъ видящій меня*. Ибо сказала она: точно я видѣла здѣсь *вслѣдъ видящаго меня*“. Какая исторія! Что за нѣжность и глубина! Отчего ее не читаютъ у насъ въ храмахъ хотя-бы во время „внѣбогослужебныхъ собесѣдованій!“? Но вотъ что̀ усмотримъ въ приведенномъ: есть жалобы, есть подозрѣніе, что семья содѣлываетъ человѣка „*эгоистомъ*“, *сдружная* кругъ заботъ его, устремляя къ центру *жены* и *дѣтямъ* отъ нея. Обращая вниманіе, что Сара становится плодною лишь принявъ ребенка отъ Агари, а Рахиль безплодна-же, пока не дала Іакову Валлы, не прозрѣваемъ-ли мы здѣсь Промысла, разламывающаго сухость и черствость *моно-центральной* семьи; разбивающаго семью почти въ *народѣ*, въ *народецѣ*, въ волнующееся малое стадо, гдѣ есть разнообразныя формы *любви* и *дружбы*, различіе *судебъ*, обиліе *событій*? Вся эта философія не принята во вниманіе, и хотъ мы имѣемъ надъ собою Промыселъ, но вѣчно *боремся* противъ него. Тогда способность и иногда неодолимая потребность ко второй и третьей любви,— не у всѣхъ, а у нѣкоторыхъ,— объяснится какъ именно переходъ брака въ соціальное строительства, въ народо-изведеніе изъ себя, во что-то открытое подъ солнцемъ, а не замкнувшееся отъ солнца. По истинѣ, мы имѣемъ въ карманѣ милліонъ, а расходуемъ только гривенникъ. *В. Р—въ.*

[1]) Ни въ *единомъ мѣстѣ* Христосъ объ этомъ ничего не упоминалъ, кромѣ принципіальнаго: „не нарушать пришелъ Я законъ, но *исполнить*“; и еще: „земля и небо прейдутъ скорѣе, по ни одна *іота* изъ закона“. Что касается указываемыхъ „Посланій“ Ап. Павла, то въдь Ап. Павелъ говорилъ о *своемъ* тѣсномъ времени, въ ожиданіи скорой кончины міра, на что̀ онъ и ссылался, говоря, что ее встрѣтить *легче*, оставаясь безбрачнымъ. Это не *принципъ*, а совѣтъ *на случай*. *В. Р—въ.*

сохранившая своего дѣвства, жена, нарушившая супружескую вѣрность (Втор. 22, 20, 21, 23—25; Числ., 5, 12—31), всѣ подлежали смертной карѣ [1]). Единственное исключеніе изъ этого правила въ законѣ Моисеевомъ допускалось для тѣхъ, кто обольститъ дѣвицу необрученную: въ этомъ случаѣ обольститель обязанъ былъ уплатить отцу дѣвицы 50 сиклей серебра и, если отецъ изъявлялъ согласіе, обязанъ былъ взять ее въ жены безъ права развода (Исх. 22, 16, 17, Втор. 22, 28, 29). Очевидно въ этомъ послѣднемъ случаѣ законодательство Моисея выражаетъ собою то именно требованіе, которое нашъ простой народъ выражаетъ словами „прикрыть грѣхъ вѣнцомъ". Различіе лишь въ томъ одномъ, что законодательство Моисея вмѣняетъ это соблазнителю не въ нравственную [2]) только, но и въ юридическую обязанность. Что же касается дѣтей, рожденныхъ отъ свободныхъ сожительствъ, то въ законѣ Моисеевомъ читаемъ слѣдующее суровое требованіе: „сынъ блудницы [3]) не можетъ войти въ общество Господне, и де-

---

[1]) Какое безобразное невѣжество въ Ветхомъ Завѣтѣ! Да что, неужели вовсе не читаютъ Библіи въ семинаріяхъ и Академіяхъ? Авторъ совершенно забываетъ, что *абсолютная* легкость развода eo ipso уже заключала въ себѣ *позволительность* всего, имъ отмѣчаемаго. Что касается до дѣвицъ, то израильтянину достаточно было *бросить финикъ на улицѣ дѣвушкѣ*, произнося формулу: „освящаю тебя этимъ финикомъ въ жену себѣ",—чтобы получить ее въ обладаніе. При чемъ на утро онъ могъ ей выдать *гетъ* („разводное письмо"). Въ „Мишнѣ" въ одномъ мѣстѣ говорится: „если кто освѣтилъ себѣ жену и далъ ей разводъ, и еще освятилъ и опять далъ разводъ, и *такъ до семи разъ въ одинъ день*" и проч.,—откуда видно, что „обрѣзаніе" (духъ всей библейской жизни) безконечно освящало и благословляло „возстанія плоти", не полагая имъ вовсе никакого предѣла и въ этомъ его смыслъ. Обрѣзаніе Кронштадъ брака: за его твердынями онъ не сокрушимъ, не упрекаемъ, вмѣстѣ—всегда святъ, во всемъ благочестивъ. Похожъ на лѣсъ и чистъ какъ весталка. Невозможно не отмѣтить, что пророкъ Наванъ не повелѣлъ даже Давиду разстаться съ Вирсавіей (не „развелъ ихъ", не расторгъ ихъ незаконнаго брака), какъ и Богъ благословилъ чрезмѣрное вожделѣніе рожденіемъ *Соломона* (изъ величайшей *любви*—величайшая *мудрость*). Давидъ былъ наказанъ *только* за Урію, несчастнаго, невиннаго, но за *Вирсавію* не былъ обвиненъ: у него была вѣдь возможность взять ее черезъ *разводъ* (съ Уріей). *В. Р—въ.*

[2]) То-то „нравственную обязанность". Сколько у насъ дѣвушекъ удавилось, пот. что обольстившимъ ихъ молодымъ людямъ говорили только „нравственно": „намъ-бы на обольщенной жениться, а впрочемъ—*какъ хотите*, мы это только *нравственно* совѣтуемъ". То-то мы „не жестоковѣйны". *В. Р—въ.*

[3]) Что за безобразное невѣжество: да что, Агарь блудница была? А вѣдь было съ нею у Авраама „свободное сожительство". „Блудницею" въ Библіи называется особая категорія женщинъ, а вовсе не „свободная сожительница", хотя-бы кратковременная. Для доказательства, вотъ законъ: „первосвященникъ передъ Днемъ Очищенія проходилъ краткій постъ, время абсолютной тѣлесной чистоты; такъ какъ на эти 5—6 дней его жена могла быть „не чиста" (менструозна), а ни на какое, даже са-

сятое поколѣніе его не можетъ войти въ общество Господне" (Вт. 23, 2). Это равносильно лишенію всякихъ гражданскихъ правъ.

Въ заключеніе еще нѣсколько строкъ. Г. Розановъ, ратуя за уничтоженіе различія между бракомъ и сожительствомъ, думаетъ тѣмъ самымъ „защитить, поддержать, оздоровить семью". Насколько призрачно подобное ожиданіе, легко понять. Въ результатѣ, несомнѣнно, получится не оздоровленіе семьи, а полнѣйшая распущенность нравовъ: полигамія и поліандрія [1]), которыя въ корнѣ подорвутъ значеніе брака, какъ религіознаго и государственнаго учрежденія. Уничтожьте различіе между бракомъ и сожительствомъ,—сожительство не сдѣлается отъ этого чище и святѣе [2]). Правда, быть можетъ, чрезъ это будетъ успокоена чья-

---

мое краткое время, первосвященникъ не долженъ былъ сохранять полового воздержанія (что могло-бы вести къ „блуду", т. е. пиръ воображенія или къ худому въ ночи поступку, чего израиль смертельно боялся), то *ня эти дни поста ему давалась въ законную жену* дѣвушка, никогда не старше 12½ лѣтъ (не „богорѣтъ", „перезрѣлая"), которая послѣ Дня Очищенія переставала быть его женою" (см. „Мишна") До такой степени скопчество до *корней было выброшено* изъ древне-библейской жизни; а наши богословы все еще пытаются привязывать къ Библіи свои воззрѣнія, опираться на нее. Ищите опоръ себѣ въ Каанголіи, у безплоднаго Юпитера; но пути въ Ἱερὸν Σαλήμ („Святыня Солима"-Соломона) вамъ „заказаны". Они вами потеряны и вы ихъ не найдете. *В. Р—въ.*

[1]) Ну, а дома терпимости не есть „полигамія" или „поліандрія"? Скорѣй, конечно, „единоженство". А грѣхъ Онана? Авторъ воображаетъ, что Россія чиста, какъ его ученый кабинетъ. Домъ терпимости есть вотъ что: „у меня - *милліонъ* женъ, но такихъ, что у каждой—*милліонъ* любовниковъ". Этотъ 1.000.000 1.000.000 блуда у насъ не возбранно и законно допущенъ всякому. Г. Звягинъ, посѣтитель Абессиніи, сказывалъ мнѣ: „абессинцы, пріѣхавъ въ Петербургъ, были болѣе всего поражены множествомъ продающихся женщинъ на улицахъ, и говорили: Богъ съ ней, съ цивилизаціей и съ Европой: если сближеніе съ нею ведетъ къ этому неизбѣжно, сохрани Богъ нашу страну отъ всякой цивилизаціи". А не такъ давно издатель „Семейнаго университета", Ф. С. Комарскій, сказалъ мнѣ: „выйдите въ 11 часовъ вечера на Невскій проспектъ, близъ Сѣверной гостинницы: васъ обступятъ дѣвочки подростки, лѣтъ 15—14—13, умоляющіе взять ихъ, хватающіеся за пальто ваше; это—голодъ; а у насъ противодѣйствуютъ всѣми мѣрами образованію семьи, охраняя строгость условій вступленія въ бракъ". Говорившему такъ было за 60 лѣтъ: онъ судилъ не какъ мальчикъ, и видѣлъ не случайное. *В. Р—въ.*

[2]) Пусть оно *чаще* будетъ! въ „чаще" весь секретъ. Самъ-же Апостолъ сказалъ: „во избѣжаніе блуда (напр. какъ у Онана) *каждый* имѣй свою жену и *каждая* имѣй своего мужа". Конечно, это не къ обряду, а къ *жизни* относится. *Только* осуществленія этого слова апостольскаго я и добиваюсь. Бракъ долженъ бы быть построенъ на этомъ словѣ *(единственно)*, но этого исторически не случилось. Теперь я говорю: въ *каждомъ* дому, въ каждомъ *дворѣ*, въ каждой *квартирѣ, комнатѣ, каморкѣ, „углу"* да освѣщаетъ солнце не *мою*-человѣка, а *чету*-человѣка, „по образъ Адама и Евы, плана сотворенія человѣка Богомъ". Благословеніе имъ *уже есть*: пусть живутъ „точію о Господѣ", тихо, безбоязненно, мирно, ласкаясь, съ дѣтьми, въ работѣ и вѣрности. И недѣля такой жизни—зачтется у Господа; больше счетъ ихъ на небесахъ, если жизнь—дольше.

либо не очень чуткая совѣсть, ибо „*закономъ познаніе грѣха*“ (Рим. 3, 20). Нѣтъ закона, и по внѣшности все будетъ обстоять какъ будто благопристойно; но внутренняя, нравственная сторона такого сожительства, какъ нѣкоего гроба повапленнаго [1]), по-прежнему будетъ полна „*костей мертвыхъ и всякія нечистоты*“ [2]) (Мо. 23, 27). Законъ тревожитъ, не даетъ обмануть свою и чужую совѣсть. Но вѣдь такова и цѣль закона, ибо „*законъ положенъ* [3]) *не для праведника, но для беззаконныхъ... развратныхъ... для блудниковъ*“ (1 Тим.. 1, 8, 9). Безспорно, современная семья, особенно въ городахъ, требуетъ обновленія и оздоровленія. Но это оздоровленіе можетъ и должно быть достигаемо иными, болѣе дѣйствительными средствами: оздоровленіемъ печатнаго слова, оздоровленіемъ искусствъ, зрѣлищъ, болѣе строгимъ нравственнымъ воспитаніемъ юношества въ семьѣ и школѣ. Необходимы и нѣкоторыя измѣненія во внѣшнемъ строѣ жизни, облегченіе процессуальной стороны развода, когда семья уже разложилась и фактически не существуетъ и т. п., но обсужденіе этихъ вопросовъ выходитъ за предѣлы нашей задачи [4]).

XXXIII. Письмо анонима.

Многоуважаемый Василій Васильевичъ, напечатана и на-дняхъ выходитъ брошюра свящ. Дернова „Бракъ или развратъ“, написанная по порученію ** противъ Вашихъ статей въ „Новомъ Времени“ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ [5]).

Мѣсяцъ лучше недѣли, годъ лучше мѣсяца, вся жизнь вмѣстѣ—вѣнецъ желаній: годъ хуже лѣтъ, мѣсяцъ хуже года, недѣля хуже мѣсяца: а конецъ и проклятіе и геена—если пѣтъ сожитія, а вмѣсто этого проституція. Вотъ моя мысль и планъ, какъ *лѣстница*. Не убирайте этой лѣстницы. Не указывайте на небо говоря: вскочите *туда*, а кто не можетъ—риньтесь *въ преисподнюю*. Такой идеализмъ—жестокъ! *В. Р—въ.*

[1]) Это надо запомнить. Какая клевета ритора. Да видалъ-ли онъ хоть *одно* незаконное сожительство? А пишетъ о *всѣхъ*. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ я ниже, въ обрядцахъ нашего „долготерпѣнія“, покажу, какая „чистота“ лежитъ въ ящикѣ обрядоваго брака. *В. Р—въ.*

[3]) О *Новомъ* Завѣтъ Апостолъ Павелъ сказалъ, что уже „законъ“ *прошелъ* въ немъ; да и самъ г. *С—кій* выше съ презрѣніемъ называлъ: іудеевъ „подъ-законными“, ибо по Ап. Павлу „гдѣ благодать—тамъ *умеръ законъ*“. *В. Р—въ.*

[4]) Такъ, только *двѣ* строчечки о такой важной вещи, какъ разводъ для случаевъ, когда „семья уже разложилась и фактически не существуетъ“. А вѣдь ни Анна Каренина не умерла-бы, ни Лаврецкій не поѣхалъ бы преждевременно, ни Лиза Калитина въ монастырь не пошла-бы, еслибъ торопящійся поужинать и заснуть авторъ не двѣ-бы строчки и въ 1900 году написалъ объ этомъ, а 200 или 2.000 страницъ, и притомъ въ 1875, 1850 годахъ и еще раньше-бы. О, равнодушныя, о, риторичныя: медвѣдь деретъ корову, а вы флейту настраиваете. *В. Р—въ.*

[5]) Письмо—анонимное, какого-то друга. „По порученію...“ названо важное имя. При личномъ свиданіи (со мною, въ числѣ членовъ-учре-

XXXIV. Бракъ или развратъ? По поводу статей г. Розанова о незаконныхъ дѣтяхъ. Отпоръ на призывъ къ безформенному сожитію или, вѣрнѣе, къ половой разнузданности, и охраненіе святости брачнаго союза. Протоіерея Александра Дернова.

I. Въ статьяхъ „*Евины внучки*“, „*Споръ объ убитомъ ребенкѣ*“, „*Святое чудо бытія*“, „*Имущество, титулы и дѣти*“, и „*Открытое письмо г. А—ту*“, г. В. Розановымъ высказаны своеобразныя сужденія о чрезвычайно важномъ вопросѣ, по самому существу его. Вопросъ, трактуемый г. Розановымъ, касается самаго важнаго закона въ порядкѣ земной жизни человѣчества: отдѣльныхъ лицъ, супружествъ, или браковъ, семействъ и дѣтей. Законъ этотъ установленъ въ самой природѣ человѣка и освященъ самимъ Богомъ [1]) и по существу своему составляетъ великую тайну [2]). Посему самому всякая неправильность въ сужденіяхъ по отношенію къ этому закону, къ этой тайнѣ, должна озабочивать всякаго здравомыслящаго человѣка.

Г. Розановъ, подкупающій своихъ читателей своею некрепостію, какъ отзываются о немъ его критики, высказываетъ: „Мнѣ кажется, мы живемъ наканунѣ глубочайшаго преобразованія воззрѣній на семью, дѣтей, супружество, потому что въ томъ кругѣ понятій, въ которомъ мы выросли на счетъ всего этого, нельзя и представить конца дѣтоубійства“ („Евины внучки“). И далѣе, въ четырехъ названныхъ статьяхъ онъ старается показать вѣрность этихъ своихъ словъ, допуская, какъ замѣчаютъ г. Евгеній Марковъ и г. А—тъ, сужденія рискованныя.

Но мало сказать: „рискованныя“; его сужденія извращаютъ самое дѣло, смущаютъ умы многихъ читателей, представляя собою смѣлыя и рѣшительныя, хотя совсѣмъ бездоказательныя, нападки на аскетизмъ и греко-русскія брачныя установленія. Нападая на нихъ, г. Розановъ обвиняетъ ихъ въ искаженіи истиннаго Христова ученія въ вопросахъ о бракѣ и дѣторожденіи, косвенно приписываетъ имъ дѣтоубійства, не приз-

---

дителей „Религіозно-философскихъ собраній“) высокопреосвященный митрополитъ Антоній сказалъ, что онъ читалъ брошюру А. Дернова и посовѣтовалъ ему „писать покороче“. Самъ Владыка хорошо и съ добротой говорилъ о „незаконнорожденныхъ“, и когда я упомянулъ о дѣтоубійствѣ, выразился, что терминъ этотъ вовсе не церковный, а государственный, отъ государства идетъ, и что священники лишь повинуясь гражданскому закону, вписываютъ его въ метрики. *В. Р—въ.*

[1]) Это „за здравіе“; но вездѣ дальше пойдетъ „за упокой“. И поразительно: сколько богословскихъ сужденій о бракѣ и семьѣ я ни читалъ, вездѣ въ *предисловіе*—взята похвала, а *за нею*—сплошное порицаніе. Точно „пассы“ съ неба, точно магія міровая дѣйствуетъ. *В. Р—въ.*

[2]) Видите, „тайною“ называется *фактъ, реальное.* Но это все *пока* „за здравіе“. *В. Р—въ.*

наетъ бракъ религіознымъ [1]) и государственнымъ учрежденіемъ, приписываетъ намъ, что *мы добровольно принимаемъ на себя тяжкій грѣхъ „симоніи“*, именно: беремъ плату за вѣнчаніе, и будто-бы только вслѣдствіе этого называемъ его таинствомъ [2]).

Въ виду того, что такіе, дышащіе страстью и некрепостію, взгляды и сужденія г. Розанова, являющіеся въ распространенныхъ газетахъ, обольщаютъ не утвержденныхъ въ вѣрѣ своею смѣлостію, *-справедливость требуетъ, чтобы высказанъ былъ взглядъ и тѣхъ, по адресу кого* г. Розановъ высказываетъ свои нападки, приводя, по обсуждаемому имъ и очевидно очень близкому его сердцу вопросу, цѣлый рядъ положеній и сужденій, не соотвѣтствующихъ ни историческимъ даннымъ, ни существу дѣла.

Благо Св. Церкви, благо добраго, славнаго народа нашего, который г. Розановъ называетъ самъ „исторически свѣжимъ и относительно чистымъ“—все, что дорого для современныхъ тружениковъ литературы и печати въ глубинѣ ихъ сердца,—все это требуетъ самаго осторожнаго отношенія къ церковнымъ вопросамъ, серьезнаго взгляда на дѣло, указанія дѣйствительныхъ недостатковъ, если они есть [3]), и цѣлесообразныхъ мѣръ къ ихъ устраненію; а фразы и диллетантизмъ могутъ только сѣять смуту и развращать умы, слабые въ вѣрѣ. А, вѣдь, г. Розановъ всѣ свои сужденія направляетъ, повидимому, къ тому, чтобы убѣдить людей въ зависимости ихъ жизни отъ Бога, убѣдить ихъ въ необходимости религіозной жизни, ослабить чрезъ это дальнѣйшій ростъ вредныхъ общественныхъ явленій, ослабить или уничтожить развратъ, и, какъ говоритъ онъ, „выработать новый и лучшій типъ русской семьи“.

А что, если г. Розановъ избираетъ для этого ошибочныя средства, которыя скорѣе принесутъ не пользу, а вредъ?..

Своеобразная способность г. Розанова мыслить и выражаться, его сужденія часто не совсѣмъ ясныя, его художественно-яркая образность, заставляющая его дѣлать необычные скачки отъ пред-

---

[1]) Всегда признавалъ и признаю бракъ религіознымъ таинствомъ. Въ защиту этого мною написана цѣлая книга: „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго“. Но перечтите-же *всю* каноническую литературу, и вы увидите, что *центръ* брака вездѣ или не указанъ, или указывается, *хотя и ненарокомъ*, какъ у меня: „два въ плоть едину“, „мужа и жены (мужчины и женщины) союзъ“, „по свободному согласію“ (— соглашенію). *В. Р—въ.*

[2]) Какая путаница! Совершенно обратное я говорилъ: а) за таинства брать деньги есть *симонія*; в) по за вѣнчаніе деньги берутся; с) слѣдовательно, берущими (духовенствомъ) оно (вѣнчаніе) таинствомъ (= бракомъ) не признается. *В. Р—въ.*

[3]) Да, „если есть“—какъ это осторожно! „Себѣ соломки постелю, а ты хоть о камень разбейся“ (незаконнорожденные). И ни на минуту мысли: „что будетъ *тамъ*? Како пойду ко Господу моему“! *В. Р—въ.*

мета къ предмету и выражаться презрительно о такихъ предметахъ, о коихъ въ другихъ мѣстахъ самъ-же г. Розановъ выражается съ великимъ почтеніемъ и уваженіемъ, — все это представляетъ большія трудности къ тому, чтобы сразу-же видѣть безосновательность нападокъ г. Розанова на господствующее ученіе о бракѣ и дѣтяхъ.

Поэтому есть крайняя необходимость прежде всего систематизировать его воззрѣнія и потомъ уже противопоставить имъ правильныя каноническія воззрѣнія.

Говоря о духовномъ управленіи, г. Розановъ постоянно допускаетъ такія выраженія, что, повидимому, отождествляетъ его съ византійскимъ государствомъ [1]).

Всѣ духовные греко-россійскіе порядки, которые ему почему-либо не нравятся, по его выраженію,—суть „византійскіе, нисколько не евангельскіе и не библейскіе": таковы, по его выраженію, „понятія о семьѣ,—на случаи нарушенія каковыхъ понятій, набрасываются, говоритъ г. Розановъ, всѣ батюшки". Послѣднихъ г. Розановъ также отождествляетъ съ духовнымъ управленіемъ, приписывая именно имъ неправильный, по его мнѣнію, взглядъ на бракъ, на рожденіе дѣтей. Затѣмъ онъ все это смѣшиваетъ съ религіей и богословіемъ [2]).

И все это: „духовенство", „византизмъ", „религія", „богословіе" —„стоитъ, по неоднократнымъ выраженіямъ г. Розанова, въ прямомъ, будто-бы, „противорѣчіи съ ученіемъ и завѣтами Спасителя" въ вопросахъ о бракѣ, о семьѣ, о дѣторожденіи. „Бракъ, говоритъ г. Розановъ, суровые богословы опредѣляютъ неправильно". Т. е [3]) признавая его таинствомъ. „Незаконныя рожденія — выдумка духовенства"... „Бракъ по существу своему и на основаніи словъ Спасителя, говоритъ г. Розановъ, есть поло-сочетаніе, притяженіе мужчины къ женщинѣ; незаконныхъ рожденій нѣтъ"... „Всѣ рождаются по закону, установленному Творцомъ". „Существо рожденія есть тема богословская. А между тѣмъ при таинствѣ крещенія, предъ его совершеніемъ, младенцу незаконнорожденному пишется этотъ въ своемъ родѣ волчій паспортъ, „желтый листъ", т.-е. что онъ „незаконнорожденный". „И суть въ томъ, что вовсе не одинъ терминъ прикрѣпляется къ такому ребенку при самомъ рожденіи, но что закономъ онъ вовсе не признается рожден-

---

[1]) Да, кто знаетъ каноническое право, знаетъ же, что всѣ въ немъ законоположенія о бракѣ, кромѣ малыхъ исключеній, суть просто *эдикты* византійскихъ императоровъ, притомъ частью прямо черпавшіе изъ *языческаго законодательства*. Какую же они *религіозную силу* имѣютъ? Неужели Поль-де-Кокъ, съ оторваннымъ заглавнымъ листомъ, читаемый потихоньку семинаристомъ подъ партою становится въ рукахъ его священною книгою?! Давно духовенству слѣдовало *отсортировать* и *выбросить* изъ законовъ о супружествѣ *все идущее отъ римскаго язычества*, т. е. $^9/_{10}$ *В. Р—въ.*

[2]) „А я не знаю, какъ тутъ все раздѣлять. „Рѣпка за рѣпку, бабка за бабку—вытанцимъ-потянемъ". Пусть ужъ сами разбираются. *В. Р—въ.*

[3]) Вотъ такъ „т.-е"! Нигдѣ этого я не утверждалъ. *В. Р—въ.*

нымъ отъ тѣхъ, отъ кого рожденъ, что онъ—выбрасывается изъ семьи, хотя-бы совершенно добропорядочной и давно существующей" II въ другомъ мѣстѣ г. Розановъ прибавляетъ, какъ-бы въ поясненіе, что это за семьи: „Увы! вѣчно будетъ нѣкоторая сумма очень чистыхъ и вѣрныхъ другъ другу семей—нелегальныхъ, и повѣрьте, никакому закону въ угоду онѣ не разорвутся". „Блудное сожитіе", если посмотрѣть снаружи; кажется таковымъ, а войдя въ домъ, вы видите настоящую и полную семью, въ которую человѣкъ вырвался изъ принудительно (?) навязаннаго ему разврата, въ которой онъ отдыхаетъ и утѣшается послѣ десяти лѣтъ жизни и муки: но, увы! всѣ дѣти отъ этой полной и чистой семьи суть тоже *незаконнорожденныя*"... „Вопросъ *незаконнорожденности*—есть вопросъ о правѣ закона и религіи лишать дѣтей ихъ родителей, а у родителей отнимать ихъ дѣтей"... „Кто установилъ терминъ *незаконнорожденныя дѣти*—тотъ создалъ и фактъ случайнаго и незаконнаго рожденія, случайной и минутной связи съ дѣвушкой или женщиной"... „Богословіе, по словамъ г. Розанова, въ одномъ отдѣлѣ и для однѣхъ цѣлей утверждаетъ, что жизнь и рожденіе отъ Бога; что это—трансцендентность, а не химія, что это—тайна; а въ другомъ отдѣлѣ и для другихъ цѣлей, именно для отстаиванія разныхъ *византійскихъ подробностей*, столь-же побѣдительно говоритъ, что жизнь и рожденіе есть простая наука, и что хотя физіологически конечно нельзя дѣлить дѣтей на *законныхъ* и *незаконныхъ*, но какъ физіологія предъ Богомъ—ничто, то съ божественной стороны, конечно, одни дѣти *законны*, и другія *беззаконны*. Противъ естествоиспытателей богословы соединяютъ тварь съ Творцомъ, а противъ несчастнаго безсильнаго отца они раздѣляютъ тварь отъ Творца. На двойственности разныхъ отдѣловъ богословія покоится ученіе о *незаконнорожденности* и весь огромный итогъ погубленныхъ дѣтей"... „Государственный взглядъ на рожденіе, какъ на незаконное, не породилъ-бы дѣтоубійства (т. е. государство *будто-бы* не учитъ [1]) о „незаконнорожденности"). Терминъ этотъ, который лучше замѣнить словомъ: „не благословенныя дѣти", выдумало *(будто-бы)* „религіозное отлученіе". „Благословенія этихъ дѣтей лишило не Евангеліе, а тѣ сухія ограниченія, какимъ оно подвергалось въ Византіи и Римѣ".

„Фальшивость-же этого принципа незаконности рожденія свидѣтельствуется простѣйшимъ сопоставленіемъ: установлена-ли въ уравновѣшеніе

[1]) Да вовсе не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что авторитетъ государства, *не будучи священнымъ*, не породилъ-бы *религіознаго ужаса, религіозной робости* въ незаконно-рождающихъ и не толкнулъ-бы ихъ къ дѣтоубійству и самоубійству. Государство запрещаетъ раньше 1-го іюня стрѣлять бекасовъ: но люди стрѣляютъ и отъ тоски не вѣшаются. А дѣвушки незаконно-рождающія вѣшаются. Пусть бы съ церковныхъ каѳедръ священники на завтра объявили, что нѣтъ *вины* и *грѣха* въ рожденіяхъ дѣвушекъ и вдовъ—и послѣ завтра-же во всей странѣ дѣтоубійства и дѣвоубійства прекратятся. Посмотрите, какъ твердо, *магически—твердо*, народъ постъ содержитъ: по деревнямъ во всей Руси никто не нарушитъ: больные, умирающіе, какъ моя покойная мать—и тѣ страшатся осквернится скоромнымъ. Такъ вотъ равное-то, давленіе мысли, что „рожденное внѣ вѣнчанія есть плодъ разврата", „нарушеніе VII заповѣди", „за каковое въ ветхомъ завѣтѣ побивались дѣвицы камнями (что есть ложь), а мы по милосердію только шпыняемъ васъ, какъ бл...ей, и дѣтей вашихъ нарицаемъ вы...дками" вотъ—это ужасное давленіе въ 100-милліонномъ народѣ и побудило одиночекъ дѣвушекъ къ дѣтоубійству или самоубійству. *В. Р—въ.*

законности рожденія—законность смерти? Если есть незаконно-рожденные, должны быть и незаппо-умершіе. Иначе нарушается основная, всюду разлитая въ природѣ, гармонія между жизнью и смертію. Понять это—значитъ упразднить вопросъ, снять его съ очередныхъ вопросовъ исторіи, быта, государства. *церкви*. Рожденіе есть абсолютъ, на который опираются всѣ другія слабѣйшія и низшаго порядка явленія. Нѣтъ рождающихся - нѣтъ гражданъ, нѣтъ вѣрующихъ: нѣтъ государства какъ собранія гражданъ и самой церкви, какъ „собранія вѣрующихъ". И далѣе: „Болѣзнь есть вечерняя заря бытія, любовь—утренняя. Смерть свята; это одинъ столпъ міровой религіи. Тогда свято рожденіе, и любовь цвѣтка къ цвѣтку, животнаго къ животному и человѣка къ человѣку—есть второй столпъ религіи. Любовь и болѣзнь, какъ рожденіе и смерть, объ абсолютны"... „Человѣкъ есть лицо священное: можно-ли же говорить о его появленіи на свѣтъ, о ниспаденіи на землю его безсмертной души въ порядкѣ *Гражданскаго уложенія?* Мы хотимъ сказать, что вопросъ *незаконнаго рожденія* нисколько не есть вопросъ гражданскаго законодательства, а религіозный и философскій вопросъ и частью судебно-религіозная тяжба"... „Себялюбивый расчетъ людской, духовные законы и стыдъ стоятъ поперекъ признанія законности всякаго рожденія".

„Всего-же болѣе меня удивляетъ опасеніе г. А та, что устраненіе дѣленія дѣтей на законныхъ и незаконныхъ „въ корнѣ разрушитъ смыслъ брака, какъ религіознаго и государственнаго учрежденія". Мнѣ всегда казался бракъ „о чемъ-нибудь", какъ словесное предложеніе есть „мысль, выраженная о чемъ-нибудь". О чемъ-же? О дѣтяхъ. Дитя и и бракъ—почти тожественны; все остальное „придаточныя слова", опредѣлительныя, дополнительныя, запятыя, тире, но ни въ какомъ случаѣ не главныя слова предложенія, не подлежащее и не сказуемое. Такъ въ законѣ Божіемъ, надѣюсь такъ и для государства... Дѣти предохраняли-бы бракъ отъ разложенія; но какъ въ „священной и государственной" мысли о бракѣ они выпали, какъ непремѣнное, то пустая оболочка и трещитъ по всѣмъ швамъ... Столь оберегаемый юридически бракъ—нравственно никому не нуженъ"... „Таинства брака", „брака какъ религіознаго таинства", въ Европѣ не существуетъ. Если есть и пока есть хоть одинъ ребенокъ, именуемый „незаконнорожденнымъ". невозможно доказать живость и присутствіе у насъ этого таинства!" „По всеобщему представленію *самого духовенства* въ вѣнчаніи не сообщается даровъ Св. Духа и оно не есть таинство".

Вотъ главная сущность возврѣній г. Розанова.

Начавши съ того, что религія и богословіе виноваты въ томъ, что есть „незаконнорожденныя" дѣти, г. Розановъ, пожалѣвши далѣе о томъ, что государство не учитъ [1]) о „незаконнорожденности", и въ то же время утверждая, что вопросъ этотъ не есть вопросъ гражданскаго законодательства, что бракъ не религіозное и не государственное учрежденіе [2]), что онъ нравственно никому не нуженъ, потому что онъ не есть таинство [3]), заканчиваетъ тяжкими обвиненіями неповинныхъ учрежденій и лицъ.

---

[1]) Что за путаница! Авторъ не понимаетъ моего изложенія. *В. Р—въ.*

[2]) Бракъ есть не „учрежденіе", но какъ опредѣляетъ даже *Кормчая* „мужа и жены союзъ и жребій на всю жизнь". Нельзя-же сказать, что пути вращенія небесныхъ свѣтилъ суть „учрежденія астрономовъ", предметъ, коимъ они *облагодѣтельствовали* міръ. И эти пути, и бракъ суть *факты*, вовсе не *учрежденные*, а до „учрежденія" существовавшіе. *В. Р—въ.*

[3]) Что-за чепуха! Ничего не узнаю изъ своихъ мыслей. *В. Р—въ.*

Очевидно, г. Розановъ находится въ какомъ-то логическомъ кругѣ, вслѣдствіе того, что не имѣетъ точнаго понятія о предметахъ, имъ трактуемыхъ [1]),—не хочетъ знать точнаго греко-россійскаго ученія объ этихъ предметахъ. Равно существо Церкви, а особенно отношеніе ея къ человѣку, ему не ясно представляется.

Это отношеніе и необходимо намъ выяснить прежде всего.

II. Церковь имъ представляется, какъ что-то внѣшнее и воздѣйствующее на внѣшнюю только сторону человѣка [2]). Но Церковь имѣетъ въ виду не внѣшній только образъ жизни своихъ членовъ, согласный съ проповѣдуемымъ ею ученіемъ и моралью; ея задача болѣе высока. Церковь имѣетъ задачу руководить каждаго члена своего по пути къ вѣчному спасенію, посему власть ея распространяется не только на внѣшнее поведеніе, но въ равной мѣрѣ и на все внутреннее настроеніе, и гдѣ это послѣднее не стоитъ въ согласіи съ заповѣдями христіанства и Церкви, хотя-бы во внѣшности при этомъ и не проявлялось оно дѣяніями, нарушающими общественный порядокъ, или оскорбляющими другихъ лицъ, тамъ выступаетъ она со своими опредѣленными средствами и распоряженіями ради спасенія одного этого самаго лица. Это—учительная [3]) власть Церкви или священная, подраздѣляющая на три вида: ученіе, священнослуженіе и пастырство. Эта власть получается хиротоніею,—есть даръ благодати Св. Духа, сообщаемый рукоположеніемъ [4]).

На ней основывается и законодательная власть Церкви. Ибо все церковное законодательство есть не что иное, какъ истолкованіе закона божественнаго [5]).

---

[1]) Ну ужъ, не поучился у А. Дернова. *В. Р—въ.*

[2]) Ничего не понимаю, здѣсь и сейчасъ ниже. *В. Р—въ.*

[3]) Вы все начинаете съ „учительнаго", а перевернешь страницу—смотришь ужъ „приказанія", которымъ если нѣтъ у человѣка силы послѣдовать, то—„о, если-бы я взяла дѣтей твоихъ и разбила ихъ о камень"... И притомъ всуе здѣсь упоминается „церковь". Церковь есть храмъ, молитвы, милость и любовь, а дѣло идетъ о метрикахъ и консисторіяхъ, о законахъ греческихъ царей, по недоразумѣнію и духовной лѣности пастырей перенесенныхъ въ составъ juris canonici. Вообще церкви, храму, молитвѣ, священнику служащему службу,—я ни явно, ни въ мысли не говорилъ никогда порицанія. Но не могу-же я признать святыми и „непогрѣшимыми" *внѣ-богослужебныя* дѣйствія священниковъ, какъ и ихъ попытки философствованія. *В. Р—въ.*

[4]) Вотъ это-то все, содѣлавшее людей „яко боговъ" („будете яко бози"...) и придало малѣйшему слову ихъ, мановѣнію руки авторитетъ, передъ которымъ трясутся горы. „Еретики" покорно всходили на костеръ; дѣвушки покорно стали убивать дѣтей, ибо онѣ суть „еретички" въ рожденіи. Давно пора отдѣлить и точно ограничить, что хиротонія и благодать священства дѣйствуетъ въ богослуженіяхъ, но въ *частной жизни и научныхъ мнѣніяхъ* духовенства не дѣйствуетъ. *В. Р—въ.*

[5]) Смотрите, какъ „закруглилось"! „Все церковное законодательство есть истолкованіе закона божественнаго". Авторъ явно не былъ въ ду-

Но учительная власть Церкви выступаетъ въ свойствѣ законодательной не только въ области вѣроопредѣленія, но и въ области *канонической* въ тѣсномъ смыслѣ, или въ содержимыхъ церковью правилахъ церковнаго устройства и церковной дисциплины. И въ этой области св. апостолы и, по ихъ примѣру, отцы церкви являются и сами выдаютъ себя отнюдь не законодателями, а только учителями, истолкователями, или даже просто передатчиками и хранителями учрежденій и повелѣній [1]) Господа: Онъ и здѣсь, какъ въ области вѣроученія, въ собственномъ смыслѣ Законодатель [2]).

Изъ понятія сущности и происхожденія церковно-законодательной власти открывается и особенный характеръ церковныхъ законовъ и ихъ сила. Въ своемъ дѣйствіи, въ своей силѣ, они аналогичны законамъ государственнымъ, но отличны отъ нихъ. Авторитетъ ихъ—чисто нравственный [3]), поддерживаемый не физическою карою и устрашеніемъ, а благоговѣніемъ [4]) къ волѣ Божіей, этими законами раскрываемой. Они зиждутся на божественномъ законѣ и правѣ, и суть не болѣе, какъ *его* толкованіе,

---

ховной академіи и кончилъ только семинарію, ибо, какъ очевидно, совершенно не вѣдаетъ, что значительное большинство „каноническихъ законовъ“ суть *духовенствомъ къ себѣ зарегистрованные* свѣтскіе законы свѣтскихъ греческихъ государей, частью языческаго происхожденія. А напр. „божественные законы“, попедшіе во *Впорозаконіе*, содержащіеся въ Библіи—вовсе не вошли въ jus canonicum, исключены совершенно изъ церковныхъ законовъ! Да и потомъ, развѣ не помнитъ авторъ словъ ап. Павла: „*а если закономъ оправданіе*—то Христосъ напрасно умеръ“, (*Къ Галатамъ*), т. е. что *христіанизмъ* и *легализація* понятія не совмѣщающіяся. *В. Р—въ*

[1]) „Могій вмѣстити—да вмѣститъ“, вотъ слова І. Христа, разъ и навсегда предупреждавшія людей отъ постановленія *законовъ*. Законъ не говоритъ: „если ты *можешь*“, а приказываетъ: „ты—*долженъ*“. Но сказавъ: „если вы можете“, Господь открылъ людямъ свободу. Онъ „въ завѣтѣ“ съ людьми, въ „любви“ завѣтной, тайной, интимной: неужели не пропасть между этимъ и между закономъ?! Вотъ предметъ забвенія богослововъ, „первородный грѣхъ“ богословствованія. *В. Р—въ*.

[2]) Нѣтъ *-завѣтно*-датель! Мы не знаемъ книгъ: „Ветхій законъ“. „Новый законъ“, а „Ветхій *завѣтъ*“, „Новый *завѣтъ*“. И какъ все софистично: авторъ уже безцеремонно пролезъ подъ „воекрилія“ Господа и объявилъ свои выдумки и эдикты греческихъ царей „повелѣніями Законодателя—Бога“. Вотъ гдѣ мѣсто вспомнить: „не пріимли имени Господа Бога твоего всуе“. *В. Р.—въ*.

[3]) Скажите, пожалуйста: ну, а требованіе, чтобы внѣ вѣнчанія дѣти даже фамиліи родителей не носили, и вообще считались неизвѣстно откуда и отъ кого родившимися, неужели это отнятіе правъ на *отчество*, на *материнство*, на *дѣтство*—есть всего только легкое „нравственное воздѣйствіе“? Отъ нашихъ „духовепій“ горы сыплются, а изъ людей множество сошло съума отъ горя. *В. Р—въ*.

[4]) Вотъ то-то. Тутъ гипнозъ. И онъ-то и дѣйствителенъ, и онъ-то и страшенъ. А посему и распоряжаться имъ надо-бы крайне осторожно. *В. Р—въ*.

совершаемое просвѣщеннѣйшими мужами, призванными Самимъ Основателемъ Церкви на это дѣло, обязанными преимущественно предъ всѣми прочими христіанами поучаться въ законѣ Господнемъ день и ночь (VII всел. соб., пр. 2). Тамъ, гдѣ они занимаются устройствомъ Церкви и учрежденій ея, они имѣютъ въ виду сохранить въ точности заповѣди Господа и преданія апостоловъ [1]), а тамъ, гдѣ занимаются опредѣленіемъ образа жизни вѣрующихъ и способа дѣйствованія пастырей, имѣютъ въ виду дать истинныя средства „ко исцѣленію душъ и уврачеванію [2]) страстей". Ихъ обязательная и принудительная сила—опять чисто духовнаго свойства: нарушеніе и противленіе канонамъ влечетъ за собою лишеніе духовныхъ правъ и благъ [3]), а въ крайнемъ случаѣ и совершенное изъ общества вѣрующихъ удаленіе.

Понимаемая въ такомъ свойствѣ *законодательная власть духовенства совершенно достаточна для осуществленія возложенной на него задачи—спасенія рода человѣческаго* [4]).

Но сознаніе великой пользы наиболѣе сильнаго вліянія и воздѣйствія церковной власти на общественные и національные нравы побуждало, нерѣдко, благочестивыхъ христіанскихъ государей усиливать значеніе церковныхъ правилъ до уравненія ихъ съ государственными законами [5]). Такъ было въ древней

---

[1]) Проф. А. А. Бронзовъ очень кстати на стран. „Пов. Вр." разъяснилъ, что такъ называемыя „Постановленія апостольскія" есть апокрифъ IV-го вѣка, никакого серьезнаго значенія не имѣющій; а въ „Богословской энциклопедіи" проф. Лопухина указывается апокрифичность и „Правилъ апостольскихъ", часть которыхъ произошла уже позднѣе даже Климента Александрійскаго. Таковы данныя современной богословской науки. Но въ вѣка болѣе ранніе на собраніяхъ духовенства въ Никеѣ, Антіохіи, Карѳагенѣ, Лаодикіи и проч., эти „правила" и „постановленія", апокрифичность которыхъ не была извѣстна, вписывались въ „постановленія такого-то собранія", и въ этомъ видѣ дошли до насъ. Но апокрифъ переписанный, даже хоть семь разъ, все-же остается апокрифомъ. *В. Р—въ.*

[2]) Да, *совѣты* „по уврачеванію" давайте, а отъ приказаній удержитесь. Кто-же лѣчитъ палкою. Но „незаконнорожденность" есть палка, отъ которой много подохло человѣческихъ „щепковъ". *В. Р—въ.*

[3]) Какъ тонко. Какъ все скользко. Змѣя ползетъ—и кольца переливаются то золотомъ, то серебромъ, то чѣмъ-то краснымъ. *В. Р—въ.*

[4]) Да, „спасли". Цѣло человѣчество Но о чемъ-же были хлопоты Лорнова въ докладѣ о „незаконныхъ сожительствахъ"? И что за хлопоты медицинскаго департамента Мин Вн. дѣлъ о сплошной корѣ сифилиса, покрывающей русскую несчастную страну? *В. Р—въ.*

[5]) Какъ это все тонко. „Не мы! Не мы! А—государство". Но уже я защищу доброе государство, все-же съ улицы подобравшее незаконнорожденныхъ дѣтей, и воздвигнувшее для нихъ дворцы—воспитательные дома. Нѣтъ, частные люди и государство всегда были къ незаконнорождающимъ милостивы. А императоръ Николай I даже разъ посѣтилъ Воспитательный домъ; да чуть-ли для питомицъ его не открытъ одинъ изъ институтовъ. Что-же аналогичное сдѣлало духовенство? Молчаніе И вотъ это-то молчаніе и страшно. *В. Р—въ.*

греко-римской имперіи, когда, вскорѣ по признаніи Церкви государственною религіею, императоры утверждали за отдѣльными *догматами* значеніе государственныхъ законовъ, а потомъ, со времени Юстиніана, долго имѣло силу высказанное имъ общее правило, что церковные каноны имѣютъ силу законовъ; впослѣдствіи-же времени сдѣлалось обыкновеннымъ, что императоръ византійскій или самъ лично участвовалъ на соборѣ, издававшемъ церковныя постановленія, которыя eo ipso получали значеніе и законовъ государственныхъ,—или-же въ отсутствіе его изданныя, утверждалъ впослѣдствіи въ значеніи государственныхъ законовъ.

Сходный съ этимъ порядокъ изданія церковныхъ законовъ дѣйствуетъ и въ настоящее время въ русскомъ государствѣ.

Въ полномочія устроительной или правительственной власти въ церкви входитъ, далѣе, власть *надзора* [1]), соединеннаго съ соотвѣтственными административными мѣропріятіями [2]). Общая задача его—наблюденіе надъ всѣмъ состояніемъ общества вѣрующихъ и охраненіе даннаго ему устройства.

Столь-же существеннымъ, кореннымъ полномочіемъ церковно-правительственной власти, сколько и надзоръ, служитъ судебная власть церкви [3]). Предметы, подлежащіе вѣдѣнію церковнаго суда—суть споры о правахъ, даруемыхъ церковію, и правонарушенія церковныя. Церковь облекаетъ человѣка званіемъ христіанина и надѣляетъ правами, принадлежащими этому званію. Хотя по существу своему эти права суть духовной природы, но они тѣмъ не менѣе имѣютъ свойства юридическихъ отношеній [4]).

Законодательство, надзоръ и судъ суть три главныхъ вида полномочій правительственной духовной власти: ими исчерпывается все содержаніе [5]) послѣдней. Отличительный характеръ ихъ, по сравненію съ полномочіями священной власти, состоитъ въ томъ, что каждый актъ приложенія ихъ направленъ къ внѣшнему благоустройству церкви какъ общества и какъ божествен-

---

[1]) Вотъ какъ пробирается все дальше. А началось съ смиреннаго „насъ тутъ не было и нѣтъ". *В. Р—въ.*

[2]) Еще дальше. Совсѣмъ за пазухой сидитъ и щелеститъ холодными кольцами. *В. Р—въ.*

[3]) Тутъ вездѣ есть сбивчивость термина. Въ катехизисѣ церковь опредѣляется какъ „общество вѣрующихъ", а Дерновъ говоритъ только объ одной *администраціи*, и притомъ еще объ одной *монашествующей*: но это есть малая дробь церкви, тѣнь въ ней, пусть и длинная. *В. Р—въ.*

[4]) То-то вотъ и дѣло то. И какъ все тонко. Началось съ „нравственнаго воздѣйствія", а кончилось „юридическими отношеніями", изъ коихъ одно и страшное: отъ самаго рожденія лишеніе дитяти не только гражданскихъ, но и естественныхъ (на *отца и мать*) правъ, притомъ безъ всякой съ его стороны вины. *В. Р—въ.*

[5]) Можетъ быть этого мало? *В. Р—въ.*

наго установленія, тогда какъ приложеніе полномочій священной власти имѣетъ въ виду воздѣйствіе исключительно на внутренній міръ каждаго въ отдѣльности члена церкви. *Ученіе, священнодѣйствіе и пастырство имѣютъ въ виду исключительно религіозно-нравственную область индивидуальной человѣческой личности; сфера-же правительственныхъ дѣйствій церковной власти—исключительно сфера внѣшнихъ явленій, почему и каждый актъ этой власти имѣетъ правовой* [1]) *характеръ.*

III. Всѣ вышеприведенныя разсужденія о Церкви и церковной власти и объ отношеніи къ ней гражданской государственной власти должны привести къ рѣшенію поставленнаго г. Розановымъ вопроса о томъ, кто правъ, и кто не правъ, давая дѣтямъ названіе „незаконнорожденные", т. е. можетъ-ли гражданское законодательство рѣшать вопросъ о „законности и незаконности" рожденія, или это дѣло церковной власти?

Въ этомъ вопросѣ у насъ, въ Россіи, *инціативы Церкви нѣтъ* [2]).

По существующимъ у насъ „*гражданскимъ законамъ*" (X т. ч. I, ст. 119 св. зак.), всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ и не расторгнутомъ судомъ духовнымъ, признаются законными; рожденныя-же отъ дѣвицъ, а также отъ матерей, разведенныхъ по духовному суду съ ихъ мужьями, и отъ вдовъ, по истеченіи трехсотъ шестидесяти дней со времени расторженія брака или смерти мужа, признаются незаконными т., е. „незаконнорожденными"!

Это опредѣленіе гражданскаго закона [3]); но оно имѣетъ зна-

---

[1]) Ну, вотъ и добрался. „Мы только изъ устъ дуемъ, а руками не трогаемъ". Но оказывается—и „руками трогаютъ", да вѣдь въ этомъ-то и дѣло, а то что „въ-пустую-то" дуть. Не столь педальповидны. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, вотъ съ этого-бы и слѣдовало *начать* и этимъ *кончить*! Но *тогда* не для чего-бы и писать всю брошюру. А посмотрите, какъ заглавіе ея горитъ гнѣвомъ! Странно: „иниціативы нашей въ ученіи о незаконнорожденности—нѣтъ", а какъ явился писатель, начавшій отрицать „незаконнорожденность"- вдругъ „наши ряды" заволновались, при полномъ спокойствіи гражданскихъ рядовъ, и изъ нихъ выѣхали наѣздники, „отъ нихъ-же первый семь азъ", могъ-бы воскликнуть А. Дернов. Но какъ эта характерна его боязливость: „это я сражаюсь, и не я", или „я и сражаюсь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не сражаюсь". Удивительно. Гдѣ sancta simplicitas?!! *В. Р—въ.*

[3]) Очень важно: хотя-бы даже и не искренно (тонъ всей брошюры: см. также ниже въ письмахъ священ. *Титова*, уравнивающаго дѣтей незаконнорожденныхъ съ сифилитиками, и *Ignolus'a*, нарекающаго отцовъ и матерей такихъ дѣтей „кобелями и суками", да проститъ читатель грубость выраженій: они сохранятся, какъ необыкновенно важныя). Здѣсь впервые въ официальномъ почти сочиненіи признается, что *понятіе незаконнорожденности не есть такое, на которомъ церковь и церковная администрація настаиваютъ*; что они готовы его и снять. *В. Р—въ.*

ченіе для Церкви [1]) при *записяхъ* въ метрическія книги, кои *признаются со стороны государства важнѣйшими церковно-приходскими документами, такъ какъ они служатъ общими актами состояній* [2]). Имена вступающихъ въ православную Церковь, т. е. крещеныхъ, вмѣстѣ съ именами родителей и воспріемниковъ, вносятся въ книгу, которая составляетъ первую часть такъ называемыхъ метрикъ или метрическихъ книгъ.

Первая часть этой книги въ *значеніи гражданскомъ* составляетъ *главное доказательство* вѣроисповѣданія, происхожденія, имени и лѣтъ жизни, принадлежности къ семьѣ, къ сословію (дворянству, купечеству и проч.). Посему метрическое свидѣтельство, означевынисъ изъ метрической книги записи акта о рожденіи и крещеніи, требуется при доказательствѣ правъ на наслѣдство, при поступленіи въ училище и вступленіи въ бракъ, въ дѣлахъ тяжебныхъ и проч. [3]).

Первоначальное происхожденіе метрикъ имѣло смыслъ исключительно церковный. Въ древне-христіанской Церкви существовали *диптихи* (списокъ) оглашенныхъ, въ кои вписывали пресвитеры (иногда даже діаконы) новокрещенныхъ, т. е. званіе оглашенныхъ, степень усвоенія ими христіанской вѣры и время крещенія ихъ, а затѣмъ самые списки представлялись епископу. Для послѣдняго эти списки были необходимы для того, чтобы не причислить къ клиру людей несвободнаго состоянія (рабовъ), недостаточно свѣдущихъ въ вѣрѣ (крещеныхъ во время болѣзни клириковъ), и чтобы новокрещенныхъ не посвятить на іерархическія степени (Ап. пр. '82; IV Всел. соб. пр. 4; Ап. пр. 80; I Всел. соб. пр. 2).

Кромѣ сего, диптихи о новокрещенныхъ, употреблявшіеся въ древне-христіанской церкви и замѣненные впослѣдствіи метриче-

---

[1]) Т. е. какъ-бы церковь пассивно и невольно подчинялась опредѣленію государственнаго закона. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ и „духовеніе“: вся сумма гражданскихъ и имущественныхъ правъ опредѣляется „почеркомъ пера“ передъ таинствомъ крещенія. Можно-ли удивляться, что это такъ потрясаетъ людей и что они съ записью метрики и характеромъ ея соединили такой *стыдъ*, въ случаѣ дефекта, что ужъ лучше спрятать косточки ребенка въ могилу. Кто-же не стыдится „лишенія всѣхъ правъ состоянія“: и вѣдь это съ пищащаго ребенка назадъ отбрасывается на мать, которой какъ-бы говорятъ: „ты родила лишеннаго всѣхъ правъ состоянія“, „ты *лишеніемъ всѣхъ правъ способомъ* родила: какъ каторжная каторжнаго родила—и мы только по милосердію прощаемъ“. Вотъ узелъ дѣла. *В. Р—въ.*

[3]) Словомъ, это—*видъ*, паспортъ, гдѣ *все* опредѣлено, и притомъ на *всю жизнь непоправимо*. Дивиться-ли, что этого *пугаются*?! Даже когда во Франціи королевы имѣли такихъ дѣтей—царственныя матери *не смѣли* признать ихъ *своими*. Ну, если уже цари пугаются, значитъ этотъ гипнозъ съ неба, тутъ—„Азъ есмь Господь Богъ твой“ цѣлой нашей эры. Вотъ гдѣ узелъ вопроса. *В. Р—въ.*

скими книгами, назывались у христіанъ *священнымъ* памятникомъ и имѣли и имѣютъ особенное *знаменованіе духовное*. Сіи книги въ смыслѣ церковномъ свидѣтельствуютъ о священныхъ и высокихъ обѣтахъ служенія Богу и Господу нашему Іисусу Христу, данныхъ родителями, воспріемниками и вступившими въ Церковь, и служатъ утѣшительнымъ залогомъ непрестанныхъ молитвъ Церкви о вѣрныхъ, принятыхъ сю въ свое попеченіе. Вас. Вел. XIII Бес. о принятіи крещенія.

Нѣкогда на страшномъ судѣ книги обѣтовъ разгнутся [1]) и, подобно письменамъ на судѣ гражданскомъ, будутъ, какъ говоритъ св. Златоустъ, служить уликою и обвиненіемъ противъ нарушающихъ св. обѣты завѣта съ Богомъ.

Иначе: *этими записями Церковь удостовѣряетъ, что она облекла человѣка званіемъ христіанина и надѣлила правами, принадлежащими этому званію*. А государство придало этимъ записямъ церковнымъ характеръ *гражданскаго значенія государственныхъ законовъ (актовъ о состояніи)*. Для облегченія въ достиженіи собственныхъ цѣлей, Государственная власть воспользовалась записями церковными, чтобы чрезъ эти записи вести точную регистрацію населенія. И Церковь—помогаетъ Государству. И если-бы Государство взяло исключительно въ свое вѣдѣніе эту регистрацію населенія, Церковь съ величайшею охотою уступила-бы эту регистрацію, оставивши для своихъ цѣлей только записи духовнаго свойства. На Западѣ мы и видимъ это раздѣленіе.

Въ руководственныхъ церковныхъ книгахъ (*Кормчей* и др.) нигдѣ мы не найдемъ наименованія: „*незаконнорожденные*“ [2]).

Это наименованіе внѣ компетенціи Церкви [3]). Оно введено государствомъ. Когда?

[1]) Да, я тоже думаю, что на Страшномъ судѣ „метрики“ разогнутся; и будетъ спрошено: „а отчего-же въ нихъ не внесены при рожденіи умерщвленные; и пѣть графы: задушенные, утопленные, удавленные“. Ибо документъ долженъ быть точенъ. „Книга Бытія“ и Лота не утаила: все должно быть *полно* и *точно*. *В. Р—въ*.

[2]) Всѣ эти признанія очень важны. По всей линіи авторъ чурается термина „незаконнорожденный“. Какая несчастная судьба поплекла его въ писаніе брошюры Какъ легко было-бы тутъ, при поднявшемся вопросѣ о незаконнорожденности, духовенству стяжать вѣчную себѣ славу и память въ потомствѣ, быстро и сонмомъ воскликнувъ: „не *хотимъ* такъ писать, *запрещаемъ* и государству, ибо блудница Раавъ вошла въ прематери нашего Господа, и другую блудницу, возлившую Ему муро на ноги, Онъ указалъ помнить до скончанія вѣка“. Вотъ правое восклицаніе. Но одинъ добрый и мудрый священникъ, *А. П. Устьинскій*, мой личный и наставникъ и другъ, сказалъ это. И, вѣрю, ему сохранится за это историческая память. *В. Р—въ*.

[3]) Ну, вотъ. До чего это все важно. Но какой-же васъ рокъ увлекъ сказать неосторожныя слова (эта брошюра); а „написаннаго перомъ—не вырубишь топоромъ“. *В. Р—въ*.

Можно сказать, что вообще это наименованіе вошло въ наше гражданское законодательство только въ истекающемъ 19-мъ столѣтіи, какъ это можно судить по цитатамъ къ статьямъ X-го тома свода законовъ.

Названіе же таковыхъ дѣтей въ прежнее время, въ Россіи, заимствовалось отъ *зазорной* [1]) жизни ихъ матерей, и, въ особенности, отъ *соблазнителей* послѣднихъ:

Въ „Уложеніи" 1649 года, Алексія Михаиловича, въ главѣ 10-й, статьѣ 280-й читаемъ:

„А будетъ кто съ кѣмъ побраняся, назоветъ выблядкомъ и тотъ, кого онъ назоветъ выблядкомъ, учнетъ на него Государю бити челомъ о безчестьѣ, и съ суда сыщется про того челобитчика допряма, что онъ не выблядокъ, и ему на томъ, кто его назоветъ выблядкомъ, велѣть по сыску доправить безчестіе вдвое безо всякія пощады. А будетъ про того челобитчика съ сыску скажутъ, что онъ прямой выблядокъ, прижитъ онъ у наложницы до законныя жены, или и при законной женѣ, или послѣ законной жены, и такимъ выблядкамъ въ безчестьяхъ отказывати, и къ законнымъ дѣтямъ того, кто его у наложницы прижилъ, не причитати, и помѣстей и вотчинъ того, кто его беззаконно прижилъ, ему не давать. А будетъ тотъ, кто того выблядка у наложницы прижилъ, на той наложницѣ и женится: и ему того выблядка въ законные дѣти не причитати же, и помѣстей его и вотчинъ тому его выблядку не давать потому, что онъ того выблядка прижилъ у наложницы своей беззаконно до женитьбы" [2]).

---

[1]) Вотъ это-то и есть „мѣшечекъ съ ядомъ" надъ зубомъ гремучей змѣи. Чудныя дѣвушки убиваютъ дѣтей своихъ, п. ч. *нѣтъ силъ* имъ доказать, убѣдить, что онѣ родили по любви къ человѣку („и онъ будетъ *господиномъ* тебѣ", Бытія, 4), по немощи, по потерѣ *воли* (опять-же „онъ будетъ *господиномъ* тебѣ").—а вовсе не какъ сальныя существа и въ сальную минуту. Вотъ чтобы сохранить видимую *невинность*, избѣжать *каторги* нравственной —дѣти убиваются. Такимъ образомъ конечно не въ „метрикахъ" дѣло, это—снаружи (хотя важно), а во внутреннемъ, скрытомъ духовеніи „зазора"; въ образованіи мнѣнія, что дитя рождается изъ „сала" и „сальною дѣвицею" отъ „сальнаго господина" во всѣхъ безусловно случаяхъ, когда оно рождено „безъ нашего соизволѣнія". Иными словами: отождествленіе человѣческой *нравственности* и особенно женскаго *целомудрія* съ „духовнымъ послушаніемъ" владыкамъ, которыхъ сущность и обѣты заключаются въ совѣтѣ, въ идеалѣ, въ завѣтѣ—„лучше не рождать", „не жениться", „не выходить замужъ", это отождествленіе повиновенія и нравственности и есть *корень* всего дѣла. *В. Р—въ.*

[2]) Вездѣ у А. А. Дернова: „сынъ блуда", съ оговоркой въ примѣчаніи подъ страницей: „въ подлинникѣ поставленъ терминъ *болѣе рѣзкій*" (курс. А. Дернова). У меня есть „Уложеніе" Алексѣя Михайловича.—и я, уже студентомъ его читая, былъ пораженъ терминомъ „выблядокъ". Теперь—серія вопросовъ: неужели Гретхенъ (ибо въ Германіи были тѣ-же термины какъ въ Москвѣ) *могла* сколько-нибудь удержаться отъ погубленія младенца, когда законодательно, какъ-бы съ эшафота, ей брошено: „ты бл...". Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ: а что-же „Уложеніе" при „тишайшемъ" и богобоязненномъ Алексѣѣ Михайловичѣ не было-ли редактировано *съ участіемъ* духовенства того времени, а въ статьяхъ о супружествѣ и дѣтяхъ и *прямо* имъ продиктовано, составлено, *обдумано*? И

Называя такъ и ограничивая такихъ дѣтей въ ихъ правахъ, древніе-же русскіе законы грозили страшнымъ наказаніемъ дѣтоубійцамъ [1]). Такъ, въ первомъ полномъ собраніи свода законовъ, т. 1-й № 441, (1669 года) въ статьѣ III-й читаемъ:

„А будетъ которая жена учнетъ жить блудно и скверно, и въ блудѣ приживетъ съ кѣмъ дѣтей, и тѣхъ дѣтей сама, или иной кто по ея велѣнью погубить, а сыщется про то допряма: и такихъ беззаконныхъ женъ, и кто по ея велѣнью дѣтей ея погубитъ, казнить смертію безо всякой пощады, чтобъ на то смотря, иные такого беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали и отъ блуда унялись. А въ градскихъ законѣхъ написано: аще жена во чревѣ имуще, и зло помыслитъ на свою утробу, яко да извержетъ младенца, будетъ біема и отъ предѣла да изженется“.

Значитъ все дѣло и въ наименованіи, и въ ограниченіи дѣтей зависитъ отъ настроенія и направленія законодательной власти въ государствѣ. И напрасно г. Розановъ говоритъ, что „государство ни малѣйше не имѣетъ права на это, — что разсужденіе о томъ, законны или незаконны дѣти, есть вопросъ каноническаго права, долгій счетъ съ религіей“.

Ниже мы скажемъ объ этомъ.

Что-же касается Св. Церкви, то она, не давая дѣтямъ сама того или другого наименованія, въ своемъ попеченіи о спасеніи

такъ „выблядокъ“,—съ коимъ такъ согласуются термины о. *Титова* и *Ignotus'а*: „сифилитикъ“, „сынъ кобеля и суки“.—есть собственно формула духовенства, отъ которой о. Дерновъ запоздало отступаетъ. Да и *отступаетъ*-ли? заглавіе брошюры его: „Бракъ или *развратъ*; по поводу статей Розанова о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ“, развѣ не кричитъ urbi et orbi: „такія дѣти суть плоды *разврата*“ что есть лишь описательная и *уклончивая* форма нареченія: „выблядокъ“. Между тѣмъ это такое имя, что онъ даже не напечаталъ его, а намекнулъ на него въ примѣчаніи: если-же имени такого *бумага* не терпитъ, какъ стерпѣть живому человѣку? дѣвушкѣ? иногда милой и граціозной, какъ несчастная Катюша Маслова въ „Воскресеньи“ Толстого? Вотъ вамъ и „диптихи“, „знаменованіе духовное“, „утѣшительный залогъ“ и „попеченіе“, съ каковыми ласковыми словами онъ подкрался къ несчастному убитому человѣку, чтобы закричать: „выблядокъ“, „бл..дь“, „бл...динъ“. „Коварство и любовь“, какъ озаглавилъ Шиллеръ одну свою пьесу. Но тогда зачѣмъ говорить о любви? „Мы любимъ міръ“, „любимъ людей“. О, какъ трудно и тяжело человѣчеству въ этомъ „коварствѣ и любви“. *В. Р—въ.*

[1]) Это—остроумно. Чтобы не было дѣтоубійства, надо было не ругаться. Но ругаться хочется. А какъ отъ этого происходитъ дѣтоубійство, то чтобы вину его на несчастныхъ-же свалить, вписали: „а будетъ, которая убьетъ, — то-то-ей“. И все — „ей“. Все—несчастной! Да когда-же хоть что нибудь достанется Іеровоаму съ его „скорпіонами“. Іеровоамъ такъ щекотливъ, что всталъ на дыбы при простомъ указаніи на тотъ общеизвѣстный фактъ, что за „благословеніе“ берутся деньги. Такъ если есть у *васъ* гордость, почему ей не быть у дѣвушки? И если вы заволновались, застыдились, всѣ усилія употребляете чтобы сказать „нѣтъ симоніи“ „благословляемъ безплатно“,—почему дѣвушка не будетъ спихивать съ себя подозрѣнія? Вы ее представляете какой-то бездушной, каменной. Впрочемъ, бичу всегда кажется, что онъ хлещетъ по обуху, а не по человѣку. *В. Р—въ.*

всѣхъ людей, творя волю Божію на землѣ, призываетъ въ благодатный союзъ съ Богомъ всѣхъ безъ изъятія, младенцевъ и взрослыхъ, дабы было, по глаголу Господа, едино стадо и единъ пастырь.

Попеченіе матери Св. церкви о младенцахъ родителей христіанскихъ, *независимо отъ наименованія ихъ*, согласно закону гражданскому,—*законный или незаконный*, начинается отъ самаго рожденія ихъ: ко всякой рѣшительно родившей христіанкѣ Церковь приходитъ со своими очищающими молитвами [1]), ко всякому новорожденному младенцу матери христіанки, даже и не-христіанки (подкидыши) приходитъ со своими охраняющими молитвами и спѣшитъ совершить надъ нимъ таинство крещенія, т. е. *немедленно облекаетъ званіемъ христіанина и надѣляетъ всѣми правами, принадлежащими этому званію* [2]). Какого-либо различія между „законнорожденными и незаконнорожденными" для Церкви не существуетъ. И въ древности, и вообще никогда въ исторіи Церкви христіанской, незаконнорожденность не препятствовала достиженію высшихъ сановъ и должностей церковныхъ, и нынѣ не препятствуетъ сему.

---

[1]) Поразительно, что запись въ метрики, опредѣляющую всѣ права и состояніе младенца, священникъ даже не своею рукою производитъ, а „препоручаетъ" это псаломщику,—самъ же скрѣпляетъ только подписью. До того это „неинтересно" и не волнуетъ священника, какъ-бы ни ёжились родители. Все уже разъ и навсегда скрѣплено еще „Уложеніемъ": „безъ вѣнчанія рожденный -выблядокъ". Это *равнодушіе* отразилось и въ томъ, что не введено различій, о которыхъ говоритъ А. Дерновъ. Но и, далѣе: *очистительная* молитва, если она одна для законной жены и „бл..ди" (мать„ выблядка"), то это не тотъ смыслъ имѣетъ, чтобы послѣдняя уравнивалась въ глазахъ духовенства съ честною женщиною: вѣдь молитва-то *очистительная*, очищающая *скверну* съ родившей, а не *прославляющая* ее, и, стало быть, обратно, скорѣе на „честную жену", вѣнчанную, она имѣетъ взглядъ какъ на „выблядовавшую" младенца. Иначе, отчего-же *очищеніе*? И точь въ точь *въ однихъ словахъ*, какъ и для матери „выблядка"? Отсюда объясняется жестокое, непремѣнное для брака требованіе обрядовыхъ формъ его заключенія: *однѣ онѣ и святы*, т. е. свято то, что въ бракѣ *священникъ* дѣлаетъ; а что между супругами происходитъ, самая ихъ жизнь, т. е. „бракъ" самый—есть „бл....ство". Все это важно для *анализа* мысли о бракѣ. *В. Р—въ.*

[2]) Года за два передъ тѣмъ, какъ начатъ полемику въ печати о незаконнорожденности, я бесѣдовалъ объ этомъ съ М. П. Соловьевымъ, бывшимъ управляющимъ по дѣламъ печати. Ему-же первому я сказалъ о симоніи (на что онъ отвѣтилъ, растерявшись: „ну... это *обычай*, а не принципъ, фактъ *быта* и слабости человѣческой, а не ученія"). Онъ мнѣ также сказалъ: „церковь вѣдь не отказываетъ окрестить незаконнорожденнаго". Ну, а что какъ родители такого младенца (см. ниже одно письмо матери) *сами откажутся* его крестить? Поставятъ дилемму: „или окрестите *законнымъ*, или *вовсе не* крестите: ибо мы (родители) *вамъ* дали христіанина, овцу въ стадо: верните-же *намъ* за это сына, сыщите и подайте дитя". Въ сущности этотъ діалогъ только не приходитъ на умъ, а идейно ему нельзя отказать въ правости. А. А. Дерновъ забылъ, что

Изъ всего этого можно видѣть, что „церковь“ [1]), „византійскія подробности“, „суровая церковность“, „Византія“. „Римъ“ нисколько не повинны въ „незаконнорожденности“, каковой терминъ такъ старается приписать именно имъ г. Розановъ.

IV. Г-нъ-же [2]) Розановъ, приписывая вину этого термина ненавистнымъ ему предметамъ и лицамъ, и не замѣчаетъ, что уничтоженіемъ этого термина, что проповѣдію своею о томъ, что бракъ по существу и, будто-бы, даже на основаніи словъ Спасителя, есть только полосочетаніе, что незаконныхъ рожденій нѣтъ, что въ вѣнчаніи не сообщается даровъ Св. Духа и что оно не есть таинство [3]),- не замѣчаетъ, что всѣмъ этимъ *онъ разрушаетъ вѣру и говоритъ хулу на Св. Духа и уничтожаетъ всякую опору нравственности.* Вѣдь, проповѣдуя, что церковь и стыдъ стоятъ поперекъ признанія законности всякаго рожденія, г. Розановъ противопоставляетъ этому полное безстыдство [4]) и этимъ *проповѣдуетъ явный развратъ* [5]). Г. Розановъ приводитъ сначала слова г. Сѣраго (изъ журнала „Гражданинъ“) „Стыдъ—этотъ ужасный, вселенную наполняющій смрадомъ лжи, обмановъ, компромиссовъ, позорныхъ ухищреній и даже преступленій, *стыдъ материнства внѣ закона* (курсивъ нашъ)—есть лишь то свойство человѣческой натуры, которая направляетъ людей плыть по теченію жизни, а не противъ теченія. А послѣ этихъ словъ г. Розановъ продолжаетъ:

„Замѣчу здѣсь: мы даже любимъ революцію во всемъ, мы фрондируемъ, и съ чувствомъ счастья, въ законахъ, модахъ, въ политикѣ, въ

миссіонеры и въ Китай, и въ Японію спѣшатъ крестить: что не есть знакъ благорасположенія къ восточнымъ имперіямъ, а заботы объ увеличеніи *своего* стада. Но какъ печально родителямъ видѣть, что о *себѣ* забота изгнается и выставляется какъ актъ *любви* къ людямъ. Вспомнишь формулу осужденія еретиковъ средневѣковыхъ: „мы вамъ (государству) передаемъ отступника для наказанія его *съ любовью* и кротостью, безъ пролитія крови“ (сожженіе). *В. Р—въ.*

[1]) Я уже оговорился, что подъ „церковью“ всегда разумѣю *храмъ, молитву* и *священниковъ*: т. е. *молитвы святости*, а не вѣка дѣть. И А. А. Церковь, говоря, что я „церковь“ въ чемъ-то упрекаю, не различаетъ моей мысли. Какая-же „церковь“ греческіе цари Левъ VI философъ и Іустиніанъ Великій? Можно-ли Наполеона и Людовика XV назвать: „вотъ католическая церковь“. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, вотъ—начинаются раскаты грома. Авторъ какъ будто совѣмъ отступилъ на предыдущихъ страницахъ отъ понятія и термина „незаконнорожденности“, и что трогательно—чистосердечно. Но то было *бо льное* отступленіе, съ сжавшимся въ груди сердцемъ, для „краткаго вида“. Когда же форма „милости хочу, а не жертвы“ соблюдена, авторъ зажимаетъ сердце, вбираетъ воздухъ въ грудь и бросается на жертвы. И теперь уже онъ не только имѣетъ „видъ искренности“, но слова его горятъ и онъ и *въ самомъ дѣлѣ* искренъ. Снимемъ-же съ него фотографію въ этотъ моментъ, и забудемъ о предыдущей фотографіи. *В Р въ.*

[3]) Тутъ все перепутано. Мое ученіе, *тонко различаемое*, не такое. *В. Р—въ.*

[4]) Ну, вотъ. *В. Р—въ.*

[5]) Ну, тоже самое, что въ „Уложеніи“ Алексѣя Михайловича. *В. Р—въ.*

литературѣ. Но въ рожденіи мы никнемъ долу при всякой мысли о фрондѣ. Здѣсь мы отказываемся отъ всякой революціи. Первый революціонеръ и всякая анархистка становятся здѣсь кротки, какъ ягнята. „О, какъ-бы родить законно"!.. Когда вдумываешься въ эти тайны, въ эти инстинкты, растериваешься: до чего-же святы—всѣ эти рождающія, кротки, миролюбивы, законнолюбцы"!

Итакъ, г. Розановъ сожалѣетъ, что у женщинъ, незаконно рождающихъ [1]), остается еще какой-то стыдъ, и нѣтъ фронды, нѣтъ бравированія своимъ позоромъ [2]), нѣтъ безстыдства.

И слава и благодареніе Богу, скажемъ съ своей стороны, что у женщинъ еще сохраняется стыдъ.

Вѣдь *стыдъ есть основа нравственности.*

„Чувство стыда есть отличительный признакъ человѣка, отличительная его особенность отъ прочихъ животныхъ, особенно въ половой стыдливости", говоритъ В. С. Соловьевъ въ своей книгѣ „Оправданіе добра". „Этотъ основной фактъ антропологіи и исторіи, незамѣченный или намѣренно пропущенный въ книгѣ современаго корифея науки, былъ за три тысячи лѣтъ до него вдохновенными чертами отмѣченъ въ книгѣ болѣе авторитетной. „И открылись глаза у обоихъ (въ моментъ грѣхопаденія) и узнали, что наги они; и сорвали листьевъ смоковницы и сдѣлали себѣ опоясаніе. И услышали голосъ Превѣчнаго Бога..., и скрылись человѣкъ и жена его отъ лица Превѣчнаго Бога среди деревьевъ сада. И возвалъ Превѣчный Богъ къ человѣку и сказалъ ему: *гдѣ ты?*—И сказалъ (человѣкъ): голосъ Твой услышалъ я въ саду и убоялся, ибо нагъ —

[1]) Да вѣдь такъ ихъ *нарекли* и имъ предлежитъ кличка стыдиться: а по *существу*-то чего-же? Въ семействѣ мнѣ знакомомъ, *классическомъ* по тѣсной и глубокой привязанности всѣхъ членовъ другъ къ другу, при живыхъ отцѣ и матери, отъ 7-рыхъ братьевъ и сестеръ, ушла 23-хъ лѣтняя дѣвушка, красавица собою, и вступила (безъ вѣнчанія) въ супружество съ докторомъ, давшимъ разводъ не любившей его женѣ съ принятіемъ на себя вины и прописью въ паспортѣ: „навсегда запрещенъ къ браку за прелюбодѣяніе". И мужъ ея, и она принимались родителями въ домъ, и, какъ отецъ ея мнѣ говорилъ: „они живутъ какъ голуби, до того нѣжны другъ съ другомъ". Отецъ очень любилъ этого своего зятя, вѣчно съ нимъ споря по медицинскимъ вопросамъ. Они и до сихъ поръ живутъ и счастливы, а случился уходъ въ 1893 году. Почему она совершила *худой* поступокъ? въ чемъ? гдѣ ея „разпрать"? Отецъ ея, чиновникъ, получалъ 500 жалованья, а сама она была писанная красавица, добрая и ласковая и очень простая (не гордая) дѣвушка. Почему-же она должна „стыдиться", хотя дѣти ея суть „незаконнорожденные", „дѣти дѣвицы", какъ говоритъ жестокая вродись метрикъ и паспорта. Да гдѣ-же вы найдете еще примѣръ исполненія словъ: „да душу свою полагаетъ за други своя". Она только *спасла* человѣка, духовно и нравственно,—котораго погубила каноника и Грецiя. Много лѣтъ спустя отецъ ѣздилъ въ Константинополь, думая, что тамъ можно обвѣнчать при патріархатѣ: но оказались какія-то условія, тамъ съ нами (съ Россіей) заключенныя, по которымъ если-бы обрядъ *тамъ* и совершился, у *насъ* онъ былъ-бы не признанъ. Конечно, единственное средство побороть всю эту тяжесть условій,—это понизить *степень стыда*: и отдѣляя честное въ зернѣ отъ нечестнаго, признать все первое доблестнымъ, не стыднымъ, великодушнымъ, нравственнымъ. *В. Р—въ.*

[2]) Есть и должно быть ругательство позора и позорящихъ, [illegible] этихъ „мефистофелей", лающихъ въ видѣ черного пуделя на женщ[illegible] ребенка. *В. Р—въ.*

я, и скрылся [1]).—И сказалъ (Богъ): кто возвѣстилъ тебѣ, что ты нагъ"? Въ моментъ грѣхопаденія въ глубинѣ человѣческой души раздается высшій голосъ, спрашивающій: гдѣ ты? гдѣ твое нравственное достоинство? Человѣкъ, владыка природы и образъ Божій, существуешь-ли ты еще? —И тутъ-же дается отвѣтъ: я услышалъ божественный голосъ, я убоялся возбужденія [2]) и обнаруженія своей низшей природы [3]). *Я стыжусь, слѣдовательно, существую*, не физически только существую, но и нравственно,—я стыжусь своей животности [4]), слѣдовательно, я еще существую какъ человѣкъ". („Оправданіе добра", 2-ое изд., стр. 56 и 57).

---

[1]) Соловьевъ самъ не понимаетъ, что онъ написалъ: до грѣхопаденія *нагота были и ея не стыдились*: т. е. *не стыдиться* есть свойство и преимущество безгрѣшнаго. А какъ согрѣшили—застыдились, т. е. грѣшнику присуще стыдиться, въ стыдѣ грѣхъ, грѣхъ и стыдъ и есть внутреннее и внѣшнее одного явленія. Теперь, тѣ, кто *пристыживаютъ*—распространяютъ грѣхъ, ибо грѣхъ и стыдъ одно и тоже. Само собою мы тутъ не о *наглости* говоримъ, а о невинности: но вѣдь дѣвушка, спасающая супружествомъ своимъ „приговореннаго къ вѣчному безбрачію" страдальца, конечно невинна, а не нагла; какъ и истинно любившая дѣвушка, Гретхенъ или Маслова. Но Соловьевъ сдѣлалъ и худшую еще ошибку: *застѣнчивость, сокрытіе*, жестъ *тайны* онъ отождествилъ съ *грѣшностью въ томъ*, что уносится въ тайное помѣщеніе (половыя части). Тогда какъ человѣкъ, согрѣшившій „различіемъ добра отъ зла", весь померкъ: и отъ грѣшнаго его ума и взора убѣжали въ сокрытіе части „древа жизни", одни оставшіеся непричастными грѣху. А безумные скопцы (и имъ слѣдуетъ В. С. Соловьевъ) рѣшили: „а, ихъ закрываютъ, значитъ—*тутъ* грѣхъ: рѣжь ихъ"?!! Безуміе. Долженъ замѣтить, что отъ Ѳ. Э. Шперка, въ началѣ горячо сошедшагося съ Вл. Соловьевымъ я слышалъ, что будто-бы Соловьевъ говорилъ ему о себѣ: „меня томитъ желаніе оскопиться, какъ поступилъ Оригенъ". Характерно (ибо подтверждаетъ всю мою мысль о связи духа скопчества съ развратомъ духовнымъ), характерно мнѣ передавалъ извѣстный библіографъ Венгеровъ, очень любившій Соловьева, что онъ „въ кампаніи часто любитъ говорить невообразимыя сальности, смѣшныя". *В. Р—въ.*

[2]) Какое вранье: этого въ Библіи *нигдѣ не сказано*. Напротивъ, для чего-же и сотворена была Ева, какъ не въ отвѣтъ на возбужденіе нисколько не павшаго и не согрѣшившаго человѣка. Да и восклицаніе Адама: „вотъ она *жена* моя", говоритъ о его восторгѣ при видѣ ея прелестнаго тѣлеснаго очерка. Боже, какъ все запуталось у людей. Грѣхи своей теперешней юдоли они переносятъ въ *рай*, гдѣ любовались и не стыдились, были наги и невинны. Да и сейчасъ мужъ и жена, обнажаясь, нагіе одинъ передъ другимъ,—ну хоть въ духовенствѣ въ субботнюю старозавѣтную баню, или древніе наши благочестивые цари, ходя послѣ вѣнчанія съ царицами въ „мыльню" (см. Котошихина) неужели-же стыдятся?! а не стыдясь неужели грѣшатъ!?!! Но у нихъ „закрываются" тѣ очи грѣха, которые отверзлись послѣ вкушенія отъ древа *познанія* добра и зла. Вновь они невинны, опять—какъ дѣти. И супружества главная тайна лежитъ въ снятіи, *временномъ и личномъ* (для пары) первороднаго грѣха: отъ того въ Библіи и вѣчный совѣтъ: „плодитесь! множитесь" т. е. *черезъ это* поборайте въ себѣ черную каплю первороднаго грѣха! Боже, какъ забылъ все человѣкъ и извратилъ! *В. Р—въ.*

[3]) Манихейство. Это манихеи учили, что „тѣло есть низшая природа и создано діаволомъ"; а по Библіи—тѣло образовалъ Господь: „по образу, по подобію Нашему сотворимъ его". *В. Р—въ.*

[4]) Прямо—кощунство. „Ваши тѣла суть храмы Божіи", сказалъ Апостолъ. *В. Р—въ.*

„Чувство стыда переходитъ, въ видѣ *совѣсти*, на всю область человѣческой этики". „Стыдъ и совѣсть говорятъ разнымъ языкомъ и по разнымъ поводамъ, по смыслъ того, что они говорятъ, одинъ и тотъ-же: *„это не добро, это не должно, это недостойно"*.

„Такой смыслъ уже заключается въ стыдѣ; совѣсть прибавляетъ аналитическое поясненіе: *сдѣлавши это не позволенное или не должное, ты виновенъ во злѣ, грѣхѣ, въ преступленіи"* (*ibid.*, стр. 67). „Когда человѣкъ поступаетъ дурно въ какомъ нибудь отношеніи, ему бываетъ потомъ *совѣстно*. Вотъ настоящее душевное зерно всего человѣческаго добра и отличительный признакъ человѣка, какъ существа нравственнаго" (*ibid.*, стр. 183).

Вмѣстѣ съ этимъ приведемъ и другой взглядъ на значеніе стыда, на дняхъ только что высказаный:

„Стыдъ можно считать средствомъ для предохраненія человѣка отъ половыхъ излишествъ, которыя особенно сильны могутъ быть у юношей, кровь которыхъ кипитъ, кровь которыхъ не уравновѣшена. Стыдъ и служитъ уравновѣшивающимъ началомъ. Онъ и не позволяетъ юношамъ до наступленія извѣстнаго возраста, до извѣстной зрѣлости, вступать даже и въ какія-бы то ни было половыя сношенія. У юношей стыдъ и долженъ быть особенно силенъ. Когда-же наступаетъ нормальный для половыхъ отношеній возрастъ, стыдъ, какъ предохраняющее начало, *естественно нѣсколько уже долженъ отступить на второй планъ*. Это и видимъ обыкновенно у взрослыхъ мужчинъ" (проф. А. А. Бронзовъ).

Не здѣсь-ли причина, что почти исключительно *только въ первый разъ* незаконно родившія дѣвушки умерщвляютъ своихъ дѣтей? А при послѣдующихъ, повторяющихся, незаконныхъ рожденіяхъ такія дѣвушки уже не умерщвляютъ дѣтей, и даже бравируютъ [1]) своимъ положеніемъ.

Блаженный-же Августинъ „чувство стыдливости считаетъ результатомъ чувствительности къ потерѣ и утратѣ первобытной гармоніи между тѣломъ и духомъ, каковая дисгармонія ощутительно и рельефно обнаруживается въ актѣ плотскаго вожделѣнія [2]), каковыя и составляютъ предметъ наибольшаго стыда, даже въ случаѣ законнаго пользованія похотью въ бракѣ. Человѣческая душа стыдится того, что приличное по

---

[1]) „Бравируютъ"... Авторъ точно жалѣетъ, что онѣ не убиваютъ и во второй, и въ третій разъ. Но простимъ ему: „не вѣдаетъ бо, что творитъ". „Только въ первый разъ убиваютъ, а потомъ уже не стыдятся"... Прямо страшно читать. *В. Р—въ.*

[2]) „Дисгармонія... вожделѣнія": Извѣстны излишества юности, коимъ ненасытно предавался до принятія христіанства бл. Августинъ: и вотъ реакція противъ „гноища" юности оказалась у этой Маріи Египетской въ мужскомъ образѣ—излишествомъ мнѣній въ старости и зрѣлости. Вообще едва-ли не весь аскетизмъ и все манихейство представляютъ „покаянныя слезы" о „быломъ". Товія, отъ отрочества мужъ. Іаковъ—въ юности почти отецъ 12-ти сыновъ, среди здоровой полевой жизни, среди благополучныхъ стадъ не заплакали-бы о „дисгармоніи плотскаго вожделѣнія" въ супружествѣ. „Нынѣ я куплю тебя (за мандрагоровые яблоки) у сестры моей ради, пресни со мною" говоритъ некрасивая Лія возвращающемуся со стадами Іакову, дышащему своемъ только что спавшаго полуденнаго зноя. Такъ говорятъ невинные. Такъ они желаютъ. Да будетъ благословенна память ихъ. *В. Р—въ.*

природѣ совершается такъ, что его сопровождаетъ нѣчто постыдное, привзошедшее въ природу [1]) человѣка, какъ наказаніе".

А у дѣвицъ, незаконно родившихъ, это нѣчто постыдное, безъ ихъ желанія, проявляется уже предъ всѣми (плодъ—ребенокъ); отсюда желаніе скрыть ребенка, убить [2]).

Это-то зерно, этотъ-то благодѣтельный [3]) для людей стыдъ г. Розановъ и думаетъ уничтожить у женщинъ и мужчинъ, рождающихъ дѣтей не въ бракѣ, и очень сожалѣетъ о присутствіи его у нихъ.

„И тѣмъ ужаснѣе, говоритъ онъ далѣе, что къ этой-то вѣлощенной простотѣ и примиренію поднесено жало отрицанія. „Не признаемъ тебя! Нѣтъ тебѣ закона!" „И тогда (прибавляетъ г. Розановъ), опять чрезъ ужасную муку, дитя умерщвляется его кротчайшею матерью, на все-бы согласною, на все-бы готовою, лишь-бы ее признали, и не находящею этого признанія"...

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Розанова, надобно уничтожить бракъ, какъ приводящій къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, т. е. уничтожить бракъ, какъ что-то низшее, во имя высшихъ нравственныхъ требованій.

Но, скажемъ словами В. С. Соловьева:

„Въ нравственности вообще высшія требованія не отмѣняютъ низшія, а предполагаютъ ихъ и включаютъ въ себя. Казалось-бы, это само собою разумѣется; между тѣмъ, многіе не понимали и не понимаютъ этой простой и ясной истины. Такъ, по ученію нѣкоторыхъ христіанскихъ сектъ, древнихъ и новыхъ, высшее правило безбрачія отмѣняетъ седьмую заповѣдь, какъ низшую, вслѣдствіе чего эти сектанты, отрицая бракъ, охотно допускаютъ всѣ виды блуда. Очевидно, они заблуждаются" (*ibid.*, стр. 128)

Очевидно заблуждается и г. Розановъ.

Заблуждается онъ и въ томъ, что стремится найти подкрѣпленіе своимъ воззрѣніямъ въ письмахъ священнослужителей. Послѣдніе, зная хорошо духъ Церкви, ея любвеобильное, чисто материнское отношеніе ко всѣмъ, едва-ли могли-бы высказать то, что напечатано въ № Нов. Вр. 8868-мъ, стр. 4, столб. 8, отъ имени [4]) будто-бы нѣкоего протоіерея А. У.

Выше уже нами было выяснено, какъ Церковь со своею бла-

---

[1]) Все это ужасная ошибка противъ текста *Библіи*. Вообще *Библію* мы почти утратили способность безстрастно читать: до того заражены и обвѣяны скопчествомъ. *В. Р—въ.*

[2]) Авторъ почти радуется. Вотъ вамъ и „дѣтихи"... *В. Р—въ.*

[3]) Да и радуется съ самомъ дѣлѣ: „постыдное, ребенокъ -проявляется передъ всѣми; отсюда желаніе скрыть ребенка, убить: этотъ *благодѣтельный* стыдъ г. Розановъ думаетъ уничтожить". Да, „разогнется" все это на Страшномъ Судѣ, какъ и предрекъ авторъ. *В. Р—въ.*

[4]) Да не „отъ имени", а от. *А. П. Устьинскій* прислалъ мнѣ письмо, отрывки коего, а не все оно цѣликомъ и не съ полною подписью, охраняя автора отъ злобныхъ навѣтовъ, редакція „Нов. Вр." и помѣстила. Но позднѣе, черезъ годъ, А. П. Устьинскій уже за полной подписью помѣстилъ въ „Нов. Вр." письмо, ниже сего початаемое. *В. Р—въ.*

годатною помощію приходитъ рѣшительно ко всѣмъ, какъ она исполняла всегда, исполняетъ и будетъ исполнять всѣ завѣты Спасителя объ отношеніи къ дѣтямъ, о чемъ, какъ будто-бы дѣлая какое-то открытіе, говоритъ авторъ приводимаго въ „Нов. Вр." письма.

Странно, почему пр. У. скрылъ подъ иниціалами свою фамилію [1]) и не высказалъ прежде своихъ мыслей своимъ собратіямъ - пастырямъ, укоряя ихъ теперь [2]) будто-бы въ ихъ не-христіанскомъ отношеніи къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ.

Еще болѣе страннымъ представляется со стороны А. У. признаніе прекраснымъ и заслуживающимъ практическаго осуществленія проекта г. Розанова о троякой формѣ брака. Еще свѣтское лицо, какъ напр. г. Розановъ, можетъ высказать, что будто-бы древне-библейская жизнь (!) допускала троякую форму брака. Моисей вовсе не установлялъ трехъ формъ для заключенія брака [3]), какъ это говоритъ г. Розановъ. Эти формы придуманы гораздо позднѣе временъ Моисея раввинами [4]).

---

[1]) Это редакція газеты сдѣлала. Если-бы священники у насъ не были стѣснены аскетическимъ административнымъ гнетомъ,—то идея и фактъ аскетизма, противорѣчащаго во всѣхъ частяхъ св. Писанію, былибы давно обращены „въ перстъ". Но бѣдное бѣлое наше духовенство заперто на крѣпкій замокъ: и, какъ позднѣе апостолу Петру, „водившему за собою жену",—ему надѣты оковы на руки. *В. Р—въ.*

[2]) См. выше т. II, стр. 70, рубрика „XIV" *Матерьяловъ. В. Р—въ.*

[3]) Моисей, повелѣвши дѣвушку, съ которою „преспалъ" мужчина, взять ее въ жену ему, тѣмъ самымъ отождествилъ „преспаніе" съ фактически уже наставшимъ бракомъ. „Уже совершилось и она жена тебѣ". Эта одна форма, *въ Библіи установленная*, лишь усложнилась позднѣе другими, болѣе обрядовыми, „принаряженными" и приближающимися къ нашей формѣ заключенія брака. Но основная эта форма дошла до времени І. Христа, и, какъ пишетъ ниже-же Дернов, вошла даже въ „Апостольскія правила". Когда и кѣмъ она отмѣнена—непостижимо. Но эта-то отмѣна и разрушила въ корнѣ бракъ, положивъ въ гнѣздо его „кукушку" разныхъ словъ и жестовъ, *отождествивъ* ихъ съ бракомъ. *В. Р—въ.*

[4]) „Да что тутъ толковать о „раввинахъ". Прежде всего къ І. Христу народъ обращался со словами: „равви! равви!" и это имя должно-бы быть для насъ священнымъ, а не презрительнымъ. А главное, что я хочу сказать: потрудитесь возстановить *все* „Второзаконіе" Моисеево, съ *установленными Богомъ* тамъ брачными нормами (степени родства и проч.) или-же открыто и смѣло, прямо и честно отвергните боговдохновенность „Второзаконія" и признайте апокрифичность вообще Синайскаго законодательства. Не двоитесь. Помните, намъ запретилъ Илія Весвитянинъ „напать на два колѣна". И „наше, и не наше", „признаемъ и не признаемъ", „завѣтъ - но ветхій". Что-же, разнь *устарѣвшій?* да разнь слово Божіе *стареетъ?* и въ которой книгѣ, пророческой или Моисеевой, сказано: „это все *потомъ* отмѣнится, это *временно, пока* дается, а затѣмъ настанутъ дни и пѣка, когда это будетъ *ветхимъ*". Терминъ „ветхій завѣтъ" абсолютно отсутствуетъ *во всѣхъ* книгахъ Ветхаго завѣта. И какъ мы рѣшаемся писать на *первомъ* заглавіе, какого книга *сама себѣ* не даетъ?!!

И для какой это надобности [1]) эти три формы? Развѣ *совершеніе* таинства брака можетъ быть обусловлено случайностію? Развѣ можно сравнивать заключеніе брака съ крещеніемъ повивальною бабкою младенца родившагося [2]) слабымъ?

И объ исповѣди *нигдѣ не оговорено*, какъ стремится доказать г. Розановъ, что „она можетъ быть и глухая".

И если люди не сходятся другъ съ другомъ какъ звѣри (что возможно только во время полнаго упадка нравственности), то можетъ-ли быть какое-либо море случайностей въ заключеніи брака?

И можетъ-ли какой-либо священникъ признать вѣрными, а тѣмъ болѣе заслуживающими практическаго осуществленія, слова г. Розанова:

„Если бракъ стоитъ у насъ на равной степени съ другими таинствами, и мы ни въ мысли, ни соціально (*еще-бы?*) не допускаемъ прелюбодѣянія, мы должны установить и выработать, для моря случайностей, кромѣ сложныхъ и болѣе упрощенныя формы заключенія брака, напримѣръ вплоть до одного благословенія родителей [3]),

---

Но когда вотъ теперь идетъ кровавый споръ о дѣтяхъ, отнимаемыхъ у родителей, послѣднимъ пора воскликнуть: „*завѣтъ вѣчный даю тебѣ*, сказалъ о *всемъ* законѣ Моисею Богъ, и объ обрѣзаніи Аврааму—Богъ-же". А „обрѣзаніе" и есть „sum et fuero" дѣтей, родителей, мужей, женъ. Изъ обрѣзанія вытекъ и глаголъ Исаіи, *для нашихъ дней и даже нашихъ* споровъ прогремѣвшій, „будетъ [время] семь дѣвъ ухватятся за полу одного мущины и скажутъ: свой хлѣбъ будемъ ѣсть и свою одежду носить: только сними съ насъ позоръ дѣвства". Точно пророкъ предвидѣлъ наши „приданыя", —да что не смотря и на нихъ мущины не хотятъ жениться. Кстати, по адресу В. С. Соловьева и А. А. Бронзова о происхожденіи стыда. Да и до сихъ поръ *старыя* дѣвушки *стыдятся* своего положенія, и вотъ это *настоящій стыдъ* грѣха, уже не застѣнчивость. А какая-же мать и супруга „стыдятся" своей „познанности"? Онѣ—*цвѣтутъ* гордостью и славой. *В. Р—въ.*

[1]) Да для того, что вы *не вѣнчаете*; для того, что вы *запрещаете* вступать въ бракъ напр. офицерамъ, студентамъ и всему рабочему пришлому въ Петербургъ населенію; что вы развили незамѣтно и постепенно *интердиктъ* на семейную жизнь, какъ въ средніе вѣка католичество, отказывавшееся „отпѣвать "покойниковъ. Только католичество въ землю зарывать не запрещало, а вы и въ землю зарывать запрещаете (борьба съ „незаконными сожительствами"). Вѣдь это *ужасъ*, среди чего мы живемъ, и духовенство только отъ того, что никогда не выходитъ изъ своихъ квартиръ и „съ мытарями и блудницами" не бываетъ, не видитъ, въ какое положеніе оно поставило міръ, всовывая на всѣхъ путяхъ „палку" въ колесницу „священной весны", любви человѣческой, „и къ мужу *влеченіе* твое" (Бытіе, 4). Троякая форма брака вырвала-бы насъ изъ „чернаго тѣла", изъ „рубища", въ которое семейныхъ людей одѣлъ аскетизмъ. *В. Р—въ.*

[2]) Какіе-же это *аргументы*? какое-то бормотанье. *В. Р—въ.*

[3]) Бракъ Товіи съ Саррой. Исаака съ Ревеккой. Эта форма необыкновенно важна и я на ней очень настаиваю: ибо необыкновенно возвысила-бы авторитетъ родителей, и вмѣстѣ содѣлала бы лицо отца и матери чѣмъ-то милымъ, дорогимъ, ласковымъ для дѣтей: ибо ничего нѣтъ

или до простой мѣны кольцами [1]), даже до простого факта супружества".

Вѣдь это-же попраніе и отрицаніе всякаго таинства и допущеніе полнаго [2]) распутства! И можетъ-ли согласиться съ этимъ

дороже минуты вступленія въ бракъ, никогда сердца юныхъ такъ не раскрыты, не довѣрчивы, такъ не благодарны какъ къ благословляющему союзъ любви. И передача этого благословенія, по образу Товита, Лавана, Авраама,—родителю и родительницѣ—о, какой-бы свѣтъ и тепло въ связь семьи пролило! При этомъ, получивъ себѣ почти іерархическую функцію („по чину Мельхиседекову") какъ родитель и родительница выросли-бы въ своихъ глазахъ, вошли-бы въ *царство* (въ хорошемъ смыслѣ), въ санъ, въ княжество. Наконецъ послѣднее удобство: что вѣдь только одни родители,—по признакамъ, которыхъ не надо называть—знаютъ точно *срокъ*, когда уже пора „дѣву выдавать въ бракъ"—„юношѣ давать жену"; и нельзя-же объ этихъ признакахъ на площади кричать. А „срокъ" этотъ бываетъ индивидуально очень разный, и законами для *всѣхъ одинъ* его нельзя предначертать, не ошибившись (тайные пороки). Словомъ, все стало-бы уютно и мило тогда, тепло: превратилась-бы въ гнѣздышко семья, которая теперь такъ похожа на площадь. Это тоже самое, что „домашнее воспитаніе", въ его духовныхъ и культурныхъ преимуществахъ передъ „казеннымъ". Тогда-бы у насъ семья была домашняя, священная, святая, а теперь она—казенная, публичная и театральная. Вѣди! Вѣди? *В. Р—въ.*

[1]) Это для рѣдкаго (теперь, увы, частаго!!) случая суровыхъ и корыстолюбивыхъ родителей, дѣлающихъ изъ дѣтей коммерческую аферу: сына женятъ на богатой не нравящейся невѣстѣ, дочь въ 16 лѣтъ выдаютъ за богатаго жениха. Поразительно, что принудительные браки стали вводиться у христіанъ уже съ IV-го вѣка: именно, еще до сложенія чина вѣнчанія Василій Великій сталъ отлучать на 2 года отъ причащенія дѣвицъ, *которые вопреки волѣ родительской* (очевидно, принуждавшей къ браку съ нелюбимымъ богатымъ человѣкомъ) уходя отъ нихъ, сами выходили замужъ. Авторитетъ родительскій великъ и святъ, но не безконеченъ, и онъ не тогда святъ, когда злоупотребляетъ своимъ механическимъ положеніемъ. Въ словахъ *Бытія: „того ради оставитъ отца и мать и прильпится къ женѣ"*... (*жена* по еврейски *женщина;* а мущина — *ишъ;* „мущина" тамъ уже значитъ „мужъ", а „женщина" есть въ тоже время „жена"),—въ этихъ словахъ навсегда утверждена аутокефальность, самостоятельность, свобода взаимнаго выбора и соединенія юныхъ. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, конечно если „распутствомъ" считать семейную жизнь. „Вы блядки"-то вѣдь суть дѣти и законныхъ родит., откуда и „очищеніе" ихъ. Но это точка зрѣнія (манихейская) для насъ не обязательна. Евреи, вотъ видите-ли, не имѣющіе холостыхъ, „распутны", а мы, русскіе, съ „Аркадіями", пѣвичками и проч. плодами „воздержанія", не распутны. Не могу не передать разговора моего съ извощикомъ:—„И откуда, баринъ, это гг. гвардейцы деньги берутъ?"—„А что?"—„Вчерашній день ѣду по Невскому, вышелъ отъ Палкина господинъ офицеръ, должно быть выпивши, а тутъ дѣвицы его съ Невскаго окружили. Онъ какъ зыкнетъ на нихъ: становись всѣ въ шеренгу. Стало должно быть ихъ дѣвицъ десять. Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, и по красненькой каждой: а потомъ взялъ двухъ, въ экипажъ къ себѣ посадилъ и поѣхалъ. А нашъ братъ работаетъ-работаетъ, черезъ силу хозяину 3 рубли выработаешь, а когда-то себѣ четвертакъ али полтинникъ али рубль выѣздишь. А онъ получилъ себѣ десять рублей, и безъ работы". —„Пороть такихъ надо". —„Вѣстимо. Да откуда деньги-то такія?"—„Папашины земли проживаетъ. Изъ губер-

какой-либо священникъ? Но далѣе г. Розановъ возводитъ уже явную клевету на духовенство, что оно изъ-за денегъ, изъ-за корысти выдумало, что бракъ есть таинство [1]). Вотъ его слова:

„Къ разсужденію покойнаго Филиппова я прибавлю одно указаніе, которое не замѣчается, а оно бьетъ въ глаза яркостью. Есть понятіе „симоніи", или взятіе денегъ за сообщеніе даровъ Св. Духа. Въ Церкви это считается страшнымъ грѣхомъ. Поэтому священнику никогда и въ голову не можетъ придти обусловить предварительно плату за крещеніе, причащеніе или исповѣдь. Но за вѣнчаніе плата обусловливается, и это было всегда и вездѣ, не возбуждая вопроса. Совершенно очевидно, что у духовенства самаго существуетъ сбивчивость представленій о вѣнчаніи, и если оно не колебалось брать предварительно и въ точно опредѣленной суммѣ плату за него, и никѣмъ никогда въ этомъ сверху не было остановлено, -то ясно, что по всеобщему представленію его самого въ вѣнчаніи не сообщается даровъ Св. Духа и оно не есть таинство. Между тѣмъ догматъ о „бракѣ — таинствѣ" неискоренимъ и ежеминутно ярокъ въ православномъ; и, не содержась въ вѣнчаніи (иначе—симонія), онъ, очевидно, содержится въ тайнѣ фактическаго рожденія и супружества" [2]).

И для поясненія этого, т. е. [3]) что духовенство даже имѣло право такъ дѣлать, онъ говоритъ:

„Есть ѣда, сонъ и множество еще другихъ физіологическихъ дѣйствій или состояній. Конечно, вся жизнь наша таинственна,—но въ разной мѣрѣ. Однако, Церковь не возвела ни одно состояніе или дѣйствіе, духовное или физіологическое,—напримѣръ науку или вкушеніе пищи—въ „таинство", и только возвела въ него бракъ,—очевидно, по исключительной таинственности и важности момента размноженія. Но этотъ моментъ, или, точнѣе кругъ моментовъ, при наличности всякаго рожденія—тотъ-же; слѣдовательно, какъ въ гражданскомъ бракѣ могутъ быть дѣти „законныя" и „внѣ-законныя", такъ въ кругѣ ученія о таинствѣ всѣ дѣти суть равно „законныя" („въ таинствѣ текущія").

Въ докладѣ нашемъ пастырскому собранію с.-петербургскихъ столичныхъ пастырей, 1-го декабря 1898 г.: „*Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сожительствъ?*"—мы выяснили (стр. 9), какъ „пастыри озабочены тѣмъ,

---

ніи шлютъ". Но всего этого о. Дерновъ не видитъ. „Въ театрѣ я не бываю, романовъ не читаю, ночью по улицамъ не хожу". Но вѣдь еще меньше его „видитъ" все это, а потому и считаетъ все „благополучнымъ" тотъ, кто отъ роду не просыпался. Да какъ-же только тогда *управлять* міромъ, или бракомъ, и съ такими претензіями и самоувѣренностью? Тутъ надо „стыдъ взять въ руки". Тутъ-то вотъ о „стыдѣ" изъ бл. Августина и слѣдовало-бы вспомнить. Нѣтъ, *гордость*, а не „похоти" есть первородный грѣхъ. *В. Р—въ.*

[1]) Что за чепуха. Никогда такого не говорилъ. Авторъ *читать* не умѣетъ. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, что же? Я говорю только, что за вѣнчаніе плата *берется основательно*, ибо оно не таинство, а самый *бракъ есть таинство*. Почему-же терминъ „таинство *вѣнчанія*" не употребителенъ? Да и въ *Кормчей* даже сказано: „бракъ *есть мужа и жены союзъ* (—союзность, любовь, дѣторожденіе) и жребій на всю жизнь". Просто *А. Дерновъ* не анализируетъ. *В. Р—въ.*

[3]) Вовсе не „т. е.". Ничего авторъ не понялъ въ моемъ изложеніи. *В. Р—въ.*

чтобы обставить совершеніе таинства брака полнымъ благоговѣніемъ и со стороны совершителей, и со стороны брачущихся, и со стороны присутствующихъ при бракосочетаніяхъ, для того, чтобы устранить причины, которыя могли бы внести поврежденіе въ тайну брака при *самомъ совершеніи* этой тайны".

Тутъ уже дѣло идетъ не о наживѣ духовенства, не объ упрощеніи формы заключенія брака. *Итакъ, ясно, что мы признаемъ бракъ таинствомъ* [1]).

Въ томъ же докладѣ со скорбію было повѣдано нами и о *причинѣ*, нисколько, впрочемъ, независящей отъ воли пастырей, *повреждающей* законъ о *нерушимости* таинства брака послѣ заключенія его: это—„статья гражданскаго узаконенія нашего, требующая записывать дѣтей законными, хотя бы всѣмъ извѣстно было о незаконномъ происхожденіи дѣтей" (Докл., стр. 9). Напрасно, слѣд., и „Новое Время", и г. Энгельгардтъ, и г. Розановъ хотятъ отнести это на счетъ духовенства [2]).

Пастыри заботились всегда и заботятся о сохраненіи *святости брака*. Это можно видѣть изъ указаннаго [3]) же доклада (стр. 8 и 9).

Тамъ же (стр. 10) указано на *ясное сознаніе* духовенствомъ *необходимости* отмѣны ограниченія правъ на вступленіе въ бракъ лицъ, достигшихъ полной физической зрѣлости, на что указываетъ и г. Розановъ, какъ на причину происхожденія „незаконныхъ дѣтей" [4]). Только г. Розановъ несправедливо пользуется этимъ случаемъ для защиты такъ полюбившагося ему тайнаго (т. е., безцерковнаго вѣнчанія, вообще безформеннаго) брака. „Здѣсь, —при

---

[1]) Совѣмъ ничего не понимаю, что такое и для чего говоритъ авторъ Очевидно, духовенство и свѣтскіе лица просто говорятъ разными языками и не умѣютъ читать другъ друга Отъ вѣковой раздѣленности у нихъ выросли *тропы* въ мозгу, *дорожки*: и ни намъ по ихнимъ мозговымъ дорожкамъ не побѣжать, ни—имъ по нашимъ. *В. Р—въ.*

[2]) Да, но о *чемъ* вы плачитесь? Что и *этихъ* дѣтей вамъ не даютъ записать: „незаконнорожденный". А вѣдь желаніе-то общее—это чтобы ихъ писали *родившимися отъ подлинныхъ родителей*, но уже какъ-бы вступившаго между собою въ бракъ, со всеконечнымъ (хотя и запоздалымъ) расторженіемъ предъидущаго, лишь бумажно существующаго, брака. *В. Р—въ.*

[3]) Все себя хвалитъ. *В. Р—въ.*

[4]) Да что „указано"! „Соловья баснями не кормятъ", и пока вы указываете, а васъ не слушаютъ, дѣти рождаются „не законными" и выбрасываются въ Воспитательный домъ или въ выгребныя ямы. Прямо должны вы твердо сказать: „станемъ вѣнчать всякаго достигшаго лѣтъ зрѣлости не входя ни во что, ибо намъ завѣщалъ Апостолъ: *во избѣжаніе блуда—каждый* имѣй свою жену—каждая имѣй своего мужа". Вотъ услышавъ такой мужественный голосъ *въ защиту міра, мірянъ, людей*—государство прониклось-бы уваженіемъ къ духовенству: „А, они на святомъ стоятъ, а не только отстаиваютъ монастырскія богатства". *В. Р—въ.*

ограниченіи правъ на бракъ офицеровъ и учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній,- опять образуется, *говоритъ г. Розановъ*, въ сущности тайный бракъ, который вовсе и не разорвался бы, не будь страха и гнета стыда, т. е. былъ бы счастливъ и длителенъ, если бы не законъ".

И немыслимо допустить, чтобы кто-нибудь изъ священниковъ рѣшился отвергнуть этотъ ненавистный г. Розанову законъ и высказать такія слова, какія, будто бы, высказалъ протоіерей А. У., какъ это напечатано въ № 8868-мъ „Новаго времени", по поводу формы метрическихъ записей:

„Вторая форма должна быть для всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ случаевъ, когда въ наличности является семья, состоящая изъ невѣнчавшихся въ церкви сожителей, все равно: будутъ ли это холостой человѣкъ и дѣвушка, сошедшіеся и начавшіе семейную жизнь безъ вѣнчанія, или мужъ, покинутый своею женою и нашедшій себѣ новую сожительницу, или жена, покинутая своимъ мужемъ и вступившая въ связь съ новымъ сожителемъ. Вообще — всѣ случаи невѣнчанныхъ сожительствъ, когда отецъ и мать ребенка на лицо, не отпираются отъ своего дѣтища, а, напротивъ, признаютъ его своимъ".

И послѣ этого скрывающійся подъ иниціалами авторъ заключаетъ:

„Пока эти три формы (о второй изъ коихъ мы сказали сейчасъ) метрическихъ записей не будутъ узаконены, не будетъ въ общественной жизни никакого порядка".

Могъ ли, и можетъ ли какой-либо священникъ, по долгу пастырской совѣсти, проповѣдывать открыто [1]) такой безформенный бракъ и говорить, что только при такомъ бракѣ и будетъ порядокъ въ общественной жизни?

---

[1]) Да онъ ничего не „проповѣдуетъ", а говоритъ, что надо *писать* *вѣрно* то, что есть. А вообще вѣроятно онъ, какъ и я, желаетъ, чтобы *всѣ* жили съ вѣнчаніемъ, при полнотѣ обряда, благополучно. Но вѣдь это *желаніе*, его надо отличать отъ *факта*! *что*-же дѣлать когда не вѣнчаютъ (офицера, студента, пришедшаго на промыселъ рабочаго). А. Дерновъ скажетъ: „пускай пребываютъ въ цѣломудріи". Но что такое за монашество безъ пострига и обѣтовъ? Тутъ, *и только тутъ*, и начинается наше расхожденіе. *Мы не смѣемъ* имъ совѣтовать „цѣломудріе", ибо они не суть тѣ, которымъ „дано вмѣстить" дѣвство. Что-же дальше?! А. Дерновъ молчитъ, все духовенство молчитъ, уклоняясь отвѣтить: а „дальше" только и есть два: 1) проституткa, домъ терпимости. 2) честная сожительница, „сожитіе одного съ одной", даже по „Кормчей" правильное. Мы, я и *А. П. Устьинскій* и выбираемъ второе, въ тоже время *запрещая* писать дѣтей отъ такихъ не получившихъ себѣ формы браковъ (интердиктъ) „незаконнорожденными", ибо они „безъ формы" родились *по отказу духовенства* дать форму. Что за дикость и жестокость: ты меня моришь голодной смертью, а когда я умеръ—уже трупъ тащишь въ судъ и обвиняешь по § „самоубійство", въ нарушеніи человѣческихъ и божескихъ законовъ. Вѣдь говорится о *парахъ, которыхъ отказались обвѣнчать*, только о нихъ говорится. Но неумолима „мачиха", именующая себя „матерью", въ бичахъ и скорпіонахъ надъ несчастной падчерицей и пасынкомъ. А еще пишетъ: „диптихи, диптихи". „наши диптихи". Забыли Пастыря, извлекавшаго овцу изъ ямы въ субботу: вы-же эту овцу побиваете камнями за грѣхъ паденія въ яму именно въ субботу". Просто непостижимо въ нравственномъ смыслѣ. *В. Р—въ.*

Между тѣмъ, какъ во всемъ мірѣ безформенные браки признавались всегда и признаются первымъ зломъ [1], *разстраивающимъ именно всякій порядокъ* [2] *въ общественной жизни.*

И отчего г. Розановъ не обратитъ вниманіе на то, что и у животныхъ есть полосочетаніе; но есть ли у нихъ [3]) бракъ? Вѣдь, только одни существа человѣческаго рода, во всемъ мірѣ, прежде чѣмъ войти въ полосочетаніе, заявляютъ въ *такой* или *иной* формѣ о своемъ этомъ намѣреніи или родителямъ, или общинѣ, да непремѣнно и требуютъ, чтобы это заявленіе было признано, или иначе утверждено, чтобы всякій членъ общины зналъ,—по крайней мѣрѣ родители (представители Бога),—что они мужъ и жена, что они съ сего времени „законны". Для чего это? Несомнѣнно тутъ сказывается не только „стыдъ *материнства*

---

[1]) Такъ не доводите до этого зла, не морите голодомъ. Благословляйте *всѣхъ, къ вамъ приходящихъ*, во исполненіе слова: „солнце свѣтитъ добрымъ и злымъ". Дѣло въ томъ, что вы „растеряли" сами бракъ, а теперь ищите его у другихъ и выворачиваете карманы прохожихъ: „дай посмотрѣть, хранишь-ли ты то, что я потерялъ". Позднія заботы. $^{1}/_{3}$ рождающихся въ Петербургѣ—уже безъ вѣнчанія рождены. сами констатировали. Сперва это были только несчастные офицеры, солдаты, пришлые рабочіе,—*всѣ получившіе отказъ въ религіи*: а затѣмъ пошло уже и добровольно, и какъ мнѣ передалъ объ Абессиніи г. Леонтьевъ, „тамъ кромѣ придворныхъ вельможъ вообще брачущіеся не вѣнчаются во избѣжаніе расходовъ". Абессинская церковь – одна изъ древнѣйшихъ въ христіанскомъ мірѣ, и, о ней говорилъ мнѣ Леонтьевъ: „пріѣзжавшіе въ Петербургъ абессинцы были страшно поражены и разстроены зрѣлищемъ уличной у насъ проституціи; тамъ это явленіе неизвѣстное, всѣ живутъ дома, у себя", –хотя, какъ мы видимъ, и безъ обряда. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, а скажите, былъ-бы „порядокъ" въ жизни Іакова, Исаака, Лавана? Да и у Андромахи и Гектора, почти въ миѳическую пору? Вѣдь Пенелопа, не вѣнчанная язычница, какъ и ваша Ярославна, плакавшая объ Игорѣ со стѣны города Путивля („Слово о полку Игоревѣ") дали образцы „порядка", ужь не въ примѣръ выше нашей семьи подъ „консисторскими ауспиціями". Да нѣтъ, это вздоръ все пишетъ А. А. Дернов. „Порядокъ" въ бракѣ есть любовь. Вотъ — ангелъ, семью оберегающій. Все прочее—золоченые скорлупы орѣха. *В. Р—въ.*

[3]) *Вотъ* рѣшительно слова Бога Адаму и Евѣ считаются *основаніемъ* брака, словесною его формулой: но *растеніямъ* и *животнымъ* дана такая же: съ умиленіемъ цитирую: „И сотворилъ Богъ рыбъ большихъ и всякую душу животныхъ пресмыкающихся, которыхъ произвела вода, по роду ихъ, и всякую птицу пернатую по роду ея. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И благословилъ ихъ Богъ, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды въ моряхъ, и птицы да размножаются на землѣ. И былъ вечеръ и было утро день пятый". Быт. I. Такимъ образомъ, что *основанъ* бракъ у животныхъ — въ этомъ никакого нѣтъ сомнѣнія; или для человѣка и его брака мы должны выбрать *другое* основаніе, нежели *Книга Бытія* и благословеніе Божіе: но тогда онъ потеряетъ религіозную санкцію. Второй вопросъ, *есть-ли* у животныхъ бракъ, т. е. чувствуютъ-ли они *связанность*, парами или иначе, *вѣрность* и *ревность?* Исторія съ лебедями, разсказанная г. Энгельгардтомъ (см. т. I, стр. 85 и слѣд.), устраняетъ вопросъ о *связанности*. Примѣръ ревности и горя и страха

внѣ закона", но и какое-то непреодолимое сознаніе, что безъ какого-то высшаго (Божественнаго, такъ какъ всякая власть [родители, община] отъ Бога—опять-таки, хотя неясное, но вездѣ есть это сознаніе) утвержденія и благословенія не *могутъ* они *сами собою* устроить свою семейную жизнь *хорошо, счастливо* [1]). И

я разъ наблюдалъ у пѣтуха, у котораго красавецъ-пѣтухъ съ сосѣдняго двора отбилъ его маленькое стадо. Пахалъ водворился въ его семьѣ, и водилъ за собою безпечныхъ измѣнницъ. Это было въ саду; и вотъ я видѣлъ, по забору, издали, плетется робкій, испуганный старый пѣтухъ: но куда бы новый курицъ ни повелъ—старый слѣдуетъ за ними. Поразительно, что когда я разъ разсказалъ это едва-ли счастливому мужу, я увидѣлъ, что онъ сжался, жалко и грустно, какъ тотъ пѣтухъ, почувствовавъ родство свое съ нимъ. Вообще у животныхъ *браки* есть, такъ-какъ *семья* во всякомъ случаѣ есть: животныя вовсе живутъ не такъ что вотъ бѣжитъ-бѣжитъ по лѣсу, увидѣлъ самку—и совокупился Такой человѣкообразной проституціи у животныхъ нѣтъ. Наблюдателей смущаетъ, что у нихъ нѣтъ *едино*-женства: но у голубей и у лебедей оно есть, а у рогатаго скота есть *поли*-гамія. Повидимому, человѣку, какъ микрокосму, даны въ отраженіи *всѣ* виды животной семьи: отъ лебединой моногаміи, съ беззавѣтной ихъ вѣрностью, до *поли*-гаміи копытныхъ (евреи, китайцы, турки). Теперь, чтобы покончить эту необыкновенно важную сторону вопроса, я замѣчу, что при чтеніи Мишны я остановился пораженный нѣкоторыми подробностями библейскаго храмо-устроенія: „Четыре *печати* было въ Храмѣ и на нихъ написано: Теленъ (*эгель*), Овенъ (*захаръ*), Козленокъ (*геди*) и *хотѣ* (слово неизвѣстнаго смысла). Печати эти употреблялись при разныхъ видахъ жертвоприношенія". Едва-ли нужно говорить, что *печать* какъ и *перстень* или *медальонъ* включаетъ въ себѣ что-то *дорогое* и *важное*, въ храмѣ—священное, существенное, высокое, а не побочное. Такъ говорится въ трактатѣ *Шэкалимъ*, гл. V, и тамъ-же говорится, что изъ должностныхъ лицъ при Храмѣ одно завѣдывало „*гнѣздами* жертвенныхъ животныхъ". Это и въ голову не приходитъ намъ, а между тѣмъ это-то и важно, что „тельцы", „козлы", „овцы" и „голуби" не *были*, а *жили* при (въ ?) Храмѣ, и не какъ продажный и убойный „скотъ", а парами и съ дѣтьми. Отсюда понятны и указанія Библіи: „возьми годоваласо агица", т. е. когда послѣ рожденія завѣдующій „гнѣздами" отсчитаетъ ровно годъ, или: „тельца мужескаго пола и женскаго пола". Но самое поразительное, что я встрѣтилъ, это — что животнымъ было доступно *назорейство*: см. трактатъ *Назиръ* гл. II: „нѣкто сказалъ себѣ: „эта *корова* говоритъ себѣ, что она будетъ назиркой (—назорейкою), если встанетъ". Наконецъ, что-то похожее на *разводъ* у животныхъ мелькаетъ въ слѣдующихъ вопросахъ и отвѣтахъ трактата *Іевамотъ* (о левиратномъ бракѣ). „Его спросили: дозволяется-ли разводить собакъ; а онъ отвѣтилъ: а дозволяется-ли разводить свиней"... „Его спросили: дозволяется-ли разводить куръ, а онъ отвѣтилъ: дозволяется-ли разводить мелкій скотъ"? Сверхъ этого мы должны замѣтить, что въ соблюденіе *субботняго покоя* введены и животныя: „не долженъ работать ни ты, ни сынъ, ни рабъ твой, ни *волъ твой*". Въ книгѣ пророка Іоны, въ концѣ, разсказывается, что царь Ниневіи, испуганный угрозой разрушенія города, велѣлъ народу молиться и *наложилъ постъ на жителей и скотъ*, велѣлъ одѣть и послѣдній въ траурное. Все это надо принять во вниманіе при разрѣшеніи труднаго вопроса, заданнаго о. Церковнымъ. Онъ долженъ вспомнить и видѣніе Іезекіиля съ мистическими *животными* около Престола Господня. *В. Р—въ.*

[1]) Ну, ужъ о *чужомъ* счастьи оставьте *ваши* заботы. Въ исторіи всегда

только послѣ такого заявленія или утвержденія (въ такой или иной формѣ) полосочетающіеся *получаютъ внутреннее убѣжденіе*, что и всякая власть (въ лицѣ ли родителей, общины и т. п.) будетъ ограждать своимъ вліяніемъ законныя отношенія ихъ, ихъ интересы, а также признаетъ и будетъ ограждать и пропешедшихъ отъ нихъ дѣтей. И только у животныхъ не замѣчается этого предварительнаго (предъ полосочетаніемъ) заявленія [1]) предъ своимъ „стадомъ?“

Не хочетъ ли г. Розановъ свести существа человѣческаго рода на степень животныхъ?

Но, очевидно, онъ и самъ находитъ нужнымъ это *оказательство прежде полосочетанія.*

V. Здѣсь прежде всего замѣтимъ относительно приводимой въ письмѣ прот. А. У. ссылки на то, что, по автору, согласно будто бы съ г. Розановымъ, есть въ понятіи „незаконнорожденности“ религіозно-философскій споръ и тяжба. И далѣе очень страннымъ и несообразнымъ съ существомъ дѣла и исторіей представляется со стороны священника сравненіе вопроса о „незаконнорожденности“ съ великимъ споромъ апостольскаго вѣка объ „обрѣзаніи“. Эти два предмета никакъ не сравнимы между собою. Да и благоговѣющій предъ Церковью апостольскаго вѣка служитель Церкви никакъ не дерзнетъ дѣлать такихъ сопоставленій [2]).

Что касается, собственно, такъ называемой г. Розановымъ,

такъ выходило, что „забота“ ваша непремѣнно „преобращалась“ во власть, и власть суровую, несходительную, безпощадную. Въ бракъ особенно это и случилось: сперва васъ позвали; вы вошли; долго (см. исторію каноническаго права) сидѣли какъ гости: а сейчасъ дитя, рожденное безъ гостя, разбивается о камень. И хоть „гость“ это знаетъ и видитъ. Но не скажетъ: „да ничего, что меня не было, Господь съ нимъ“, „съ ними“. Тяжело все это. *В. Р—въ.*

[1]) Ну, такъ и *пріимите* „заявленіе“, никто его не откажется дать: это отличная мысль, чтобы священнику прихода заявляли хоть положимъ пришлые чернорабочіе, что они „вступили въ муже-женино“ отношенія, а священникъ бы записалъ въ метрику бракосочетавшихся. Мысль эта о. Черпова заслуживаетъ разработки. За *оформленіе* всякаго союза и я стою. *В. Р—въ.*

[2]) Да *почему?!* Тогда *не* обрѣзанные унижались,—но были Апостоломъ возстановлены въ чести. Въ самомъ дѣлѣ, въ словахъ Апостола: „въ Господѣ Іисусѣ Христѣ нѣсть *ни обрѣзанный, ни необрѣзанный, ни рабъ, ни свободный, ни мужескій полъ, ни женскій, ни эллинъ, ни іудей*“, уже упраздненъ понятіе и чувство и терминъ „незаконнорожденный“: и только отъ того, что такого чудовищнаго понятія и не было въ Апостольскій вѣкъ, ап. Павелъ не прибавилъ: „ни законнорожденный, ни незаконнорожденный“. Да и не дико-ли было бы представить, что при словахъ Спасителя: „не мѣшайте дѣтямъ приходить ко мнѣ“, если бы кто сказалъ: „Господи, неужели и незаконнорожденнымъ?“ то Онъ отвѣтилъ-бы: „нѣтъ, незаконнорожденныхъ не допускайте“. Этимъ рѣшается споръ о „выблядкахъ“ уложенія Алексѣя Михаиловича, а съ тѣмъ вмѣстѣ упраздняется и этотъ трактатъ А. Черпова. *В. Р—въ.*

религіозно-философской тяжбы, то его слова: „Не пытаясь никого убѣдить, я сохраняю про себя и для себя убѣжденіе, что „таинства брака", „брака, какъ религіознаго таинства", въ Европѣ не существуетъ. Если есть и пока есть хоть одинъ ребенокъ, именуемый „незаконнорожденнымъ", — невозможно доказать живость и присутствіе у насъ этого таинства по слѣдующей причинѣ:

„Есть ѣда, сонъ и множество еще другихъ физіологическихъ дѣйствій или состояній. Конечно, вся жизнь наша таинственна, — но въ разной мѣрѣ. Однако, Церковь не возвела ни одно состояніе или дѣйствіе, духовное или физіологическое, напримѣръ науку или вкушеніе пищи,—въ „таинство" и только возвела въ него бракъ—очевидно—по исключительной таинственности и важности момента размноженія. Но этотъ моментъ, или, точнѣе, кругъ моментовъ при наличности всякаго рожденія тотъ же; слѣдовательно, какъ въ гражданскомъ бракѣ могутъ быть дѣти „законныя" и „внѣ-законныя", такъ въ кругѣ ученія о таинствѣ всѣ дѣти суть равно „законныя" („въ таинствѣ текущія").

и далѣе его вопросъ:

„Можно ли говорить о появленіи человѣка на свѣтъ, о ниспаденіи на землю его безсмертной души въ порядкѣ „Гражданскаго уложенія?", т. е. называть рожденіе „незаконнымъ", такъ какъ это вопросъ религіозный..."—

Имѣютъ себѣ отвѣтъ [1]) въ словахъ св. Писанія: „*Я въ беззаконіи зачатъ, и во грѣхѣ родила меня мати моя*" (Пс. 50, 7).

Религія, Церковь, на отношеніи этихъ ясныхъ словъ священнаго Писанія признаетъ рожденіе грѣховно-болѣзненнымъ, недобротнымъ [2]): „*сквернави всѣ семы* [3]) *предъ Тобою*", говорится въ

---

[1]) Ну, вотъ, это ясно и уже „не подаетъ на два колѣна": „и любимъ и не любилъ". Твердо поставлено: „*не* любимъ", „*не* хотимъ рожденія", „вообще *никакого* и ни *отъ кого*". Только напрасна ссылка на Псаломъ: это лишь *примѣнительно* къ случаю и минутѣ съ Уріей и Вирсавіей вырвалось у Давида какъ *впечатлѣніе* возрѣнія на грѣхъ свой. Воображать, что тутъ *универсальный* законъ сказанъ, значило бы думать, что Давидъ не читалъ никогда *Книги Бытія* съ „роститеся, множитеся". Впрочемъ геніальный въ подробностяхъ разборъ этого мѣста Псалма сдѣланъ *А. П. Устьинскимъ* и помѣщенъ мною въ книгѣ: „Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго", куда и отсылаемъ А. А. Дернова и читателей. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, вотъ это опять ясно: брака конечно тогда *нѣтъ*, иначе какъ если онъ а) *безъ дѣтей*, b) *безъ супружества*. Тогда онъ признается, „такъ какъ мы его учредили и тутъ наша власть". „Хоть и на нечистомъ мѣстѣ стоитъ мой амбаръ, однако какъ онъ мой — то и мѣсто чисто: однако *пока* онъ мой и *насколько* мой". Всѣ *подробности* ученія о бракѣ и отношенія къ нему, бракъ „хромыхъ", „слѣпыхъ", неспособныхъ, старыхъ, коммерческій и врозь на разныхъ квартирахъ, — все это „при соблюденіи формальностей", т. е. „если амбаръ мой", добротно. А счастливый бракъ, и юныхъ, и плодородныхъ, но „безъ моего участія" — *харемъ*, и дѣти отъ него—*харемъ*. *В. Р—въ.*

[3]) Ну, вотъ; а не то что-бы тамъ „бракъ честенъ и ложе не скверно". Всѣ эти оговорки уже не могутъ срубить главнаго: „суть скопцы", каковое изрѣченіе въ сущности *покончило* съ бракомъ. *Всѣ*—„незаконнорожденные, весь *родъ* человѣческій"; и только чтобы не очень страшно было, нѣкоторые не „зарегистровываются" въ „незаконнорожденные". *В. Р—въ.*

молитвѣ церковной „въ первый день, по внегда родити женѣ отроча“ [1]). Церковь учитъ, что, происходя отъ Адама, согрѣшившаго и осужденнаго, человѣкъ зачинается и рождается [2]) въ состояніи грѣха и осужденія; отчего самое рожденіе, коимъ распространяется (Пс. 50, 7; Римл. 5, 12 и 18) прародительскій грѣхъ и осужденіе, сопровождается [3]) болѣзнями (Іоан. 16, 21; Быт. 3, 16) и отлученіемъ отъ Церкви [Лев. [4]) 12 гл.]. Итакъ, Церковь признаетъ человѣка, явившагося въ міръ, нечистымъ, несвятымъ, т. е. дѣлаетъ то же, что и „гражданское уложеніе“. которое на-

---

[1]) Разъ навсегда слѣдуетъ замѣтить, что и въ Библіи была *установлена* очистительная жертва отъ роженицы,—*черезъ шесть недѣль послѣ рожденія* дитяти: но она очищала грѣхъ, или, по Библейской терминологіи, „нечистоту“ кровотеченія, *и къ младенцу и къ его рожденію не относилась*. Въ Библіи всѣ истеченія изъ тѣла, гноя, сѣмени, крови—оскверняли человѣка: гноя—потому-что онъ уже *трупенъ*, сѣмени—потому-что быстро умираетъ и *становится трупомъ*, крови потому-что *свертывается и тогда мертва*. А *мертвое* есть „отецъ отцовъ нечистоты“ (первоисточникъ нечистаго или, въ переводѣ на греческія и римскія понятія—„грѣха“). Отъ этого во время жертвоприношенія, когда кровь жертвеннаго животнаго собирали въ чаши, то ее *быстро вспрескивали лопатками въ воздухъ* дабы она *окислялась* и *жила*, была *живою*: тогда она *свята* и *угодна* Богу, („кровь есть *душа* животнаго“, говоритъ Моисей въ „Исходѣ“). Также сѣмя называется часто въ Библіи „святымъ“, напр., въ концѣ пророка Исаіи: „да льется святое сѣмя твое передо Мною“, говоритъ Господь Израилевъ; и во многихъ мѣстахъ „Второзаконія“. Но чтобы *актъ рожденія*, и само *рожденное какъ таковое* было грѣхомъ. — этого конечно мы въ Библіи нигдѣ не найдемъ. Это—идея скопцовъ: „мясо какъ плодъ совокупленія плотей—проклято“. Тутъ, конечно, въ „мясѣ“ и растенія, и вся жизнь проклята. *В. Р—въ.*

[2]) Такъ вѣдь онъ и служитъ, и ходитъ, и купается, и даже богословствуетъ „въ состояніи грѣха“, т. е. „будучи грѣшнымъ, неполнымъ и падшимъ“ существомъ. Но кто вамъ разрѣшилъ спеціально къ *рожденію* пріурочивать грѣхъ? Это-грѣхъ. И какъ можно было *осудить* рожденіе „съ вѣтра“, не созвавъ для спеціальнаго объ этомъ разсужденія первыхъ богослововъ и мыслителей цѣлаго міра? И даже неизвѣстно, кто и когда и гдѣ первымъ началъ его высказывать. Что „церковь“ объ этомъ вовсе не учитъ, а это есть только мнѣніе неумныхъ батюшекъ — это едва-ли надо разъяснять. *В. Р—въ.*

[3]) „Ты (Змій) будешь кусать ее („жену“) въ пяту, а она поражать тебя въ голову“. Змій есть вождь смерти — и бросаетъ *болѣзнью* въ „жену“, какъ бы *ядъ* выплевываетъ на нее („и пустилъ *воду* вслѣдъ ея“, въ *Откровеніи*) всякій разъ, когда рожденіемъ она „поразила его въ главу“. Это его безсильная месть, и успѣлъ *помѣшать* рожденію, заставить его бояться, даже избѣгать (теперешнія женщины, безплодныя, которыя „сидятъ на змѣѣ и изъ чаши блудодѣянія своего опоили весь міръ“). Но вообще говоря *болѣзнь при родахъ* есть *противоположное родамъ*: жизнь выходитъ изъ женщины, а тьма кидается на нее, пытается „заградить уста“, убить ребенка или ее. Но почти всегда „поражается въ главу“, ибо немногія умираютъ и рождаютъ мертворожденныхъ. *В. Р—въ*

[4]) Ужъ не ссылались-бы лучше на „Левитъ“: вѣдь все это *отмѣнено*! А то *возстановите степени родства* въ бракѣ, *установленныя* въ „Левитѣ“! *В. Р—въ.*

именовываетъ человѣка, въ извѣстномъ случаѣ, „незаконнорожденнымъ“, т. е. лишеннымъ нѣкоторыхъ правъ [1]).

И предъ Церковію всякій новорожденный—„безправенъ“, „безблагодатенъ“, ибо кто внѣ церкви, тотъ и внѣ благодати [2]).

Но, вотъ, тутъ-то г. Розановъ и ошибочно смотритъ на дальнѣйшее отношеніе Церкви къ этимъ „безблагодатнымъ“. „Если, говоритъ онъ, въ своей природѣ дѣти и рожденіе столь не благодатны, то и благословить, очевидно, вовсе и нисколько нельзя“.

Г. Розановъ, постоянно желающій основываться на Евангеліи, и забываетъ въ данномъ случаѣ слова Евангелія: „*Не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные. Пойдите, научитесь, что значитъ: милости хочу, а не жертвы? Ибо я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію*“ [3]). (Мар. 9, 12 и 13 и Осіи 6, 6).

Вѣрная завѣтамъ и примѣру своего Основателя, Православная Церковь, по грѣховно-болѣзненномъ рожденіи младенца христіанскихъ родителей, признавая въ то же время рожденіе и радостнымъ событіемъ (Іоан. XVI, 21), поспѣшаетъ на помощь родившей и слабому ея младенцу съ своими материнми и утѣшительными молитвами. И тѣ родители, кои вѣрятъ благодати и молитвѣ Православной Церкви, присоединяются всѣмъ сердцемъ къ этой молитвѣ. „Безъ вѣры не полезна молитва“ (Филаретъ, м. Моск.). И молитва учреждена въ Церкви не какъ благовидный обрядъ, но какъ духовная помощь [4]) и орудіе къ привлеченію благодати [5]) Божіей, милующей и спасающей. Своими молитвами у постели

---

[1]) Ну, вотъ, это все ясно. Источники „незаконнорожденности“ на лицо. *В. Р—въ.*

[2]) Нужевъ бы тутъ тончайшій анализъ. Ну, а „полевыя лиліи“, а „птицы небесныя“, на коихъ съ любовью взиралъ Спаситель? Если „подъ Богомъ“ — то и подъ благодатью, ибо Богъ не безблагодатенъ. Но міръ *весь* подъ Богомъ, и стало быть во всемъ въ немъ дышетъ благодать. У А. Дернова есть тенденція опредѣлить послѣднюю, какъ почти рангъ служебный, передаваемый отъ начальника служащимъ: что-то государственное, служивое, слишкомъ антропоморфическое, онъ привноситъ сюда. *В. Р—въ.*

[3]) Авторъ совсѣмъ не понимаетъ, о чемъ я сказалъ: что если сожитіе — *скверна*, то „благословить“ человѣка на эту скверну нельзя, и тогда какъ-же произошло вѣнчаніе? Вотъ моя мысль. *В. Р—въ.*

[4]) Да я не вижу, гдѣ тутъ *помощь?* Очищается „отъ грѣха и скверны“ роженица. Есть и особый чинъ и молитва въ „Требникѣ“ для очищенія колодца, въ который попала и тамъ утонула кошка, щенокъ или мышь. Нельзя-же сказать, что и тутъ оказывается „помощь“. *В. Р—въ.*

[5]) Но есть-ли и чтеніе очистительной молитвы надъ роженицею „совершеніе таинства“, такъ какъ тутъ „привлекается благодать?“ Вѣдь вѣнчаніе по какимъ признакамъ и по какому его существу есть и именовывается иными „таинствомъ?“ Единственно потому, что „привлекается благодать“ на сочетающихся, по участію здѣсь благодати. Но тогда одно изъ двухъ: 1) или и молитва надъ роженицей „таинство-же“, или 2) вѣнчаніе—не таинство. Дѣло въ томъ, что у духовенства, когда оно не отвѣ-

родившей и у колыбели новорожденнаго Церковь умилостивляетъ [1]) Вседержителя, исцѣляющаго всякій недугъ, давшаго заповѣдь: „растите и множитеся“; проситъ Самаго благоволившаго родиться отъ Пречистыя Дѣвы и бывшаго младенцемъ, помиловать [2]) родившую, простить ей прегрѣшенія [3]), даровать здравіе и благоволеніе душѣ и тѣлу, очистить отъ скверны ее и весь домъ, въ коемъ родилось отроча [4]), всѣхъ прикоснувшихся ей и всѣхъ обрѣтающихся въ немъ. Это—съ древнихъ временъ, съ первыхъ вѣковъ христіанства.

А такъ какъ жизнь человѣка есть, по взгляду Церкви, высочайшій даръ [5]) Божій, имѣющій вѣчно продолжаться, и самое рожденіе есть событіе всегда радостное [6]), потому что оно есть знаменіе творческой силы [7]), распространеніе и торжество жизни и славы [8]) Божіей: то православная Церковь руководствуетъ вѣрующихъ ежегодно воспоминать день своего рожденія съ Благода-

---

часть курсъ наукъ на экзаменѣ, есть „употребительныя рѣченія“, манеры слово-выраженія, façons de parler. Въ нихъ вѣчно мелькаютъ слова: „сила Божія“, „благодать“, „Духъ Святый“, и кажется мелькаютъ вопреки: „не пріими имени Господа твоего всуе“. Мелькаютъ эти слова *не въ собственномъ смыслѣ, а распространительно*. О хорошей погодѣ—„какая благодать“, тоже и объ урожаѣ. Но затѣмъ по возникновеніи спора или нужды эти façons de parler захлестываются въ узелъ, получаютъ упоръ какъ опредѣленная и старая мысль, какъ *ученіе*. И напр. вѣнчаніе, сложившееся параллельно типамъ разнаго благословенія, сейчасъ уже отождествилось съ „таинствомъ брака“, хотя въ немъ нѣтъ „двухъ въ плоть едину“ и вообще ничего физіологически-брачнаго. Отъ того вѣнчанія дѣти „выблядки“ („Уложеніе“). *вѣнъ-брачныя*. Хотя они-то конечно и суть *подлежащее* брака. *В. Р—въ.*

[1]) Да за что Богу *гнѣваться* на родившую? Что *исполнила* Его заповѣдь? Нѣтъ, Онъ гнѣвается на А. Дернова, несущаго околесицу и приписывающаго Богу гнѣвъ, когда онъ наполняетъ грудь роженицы восторгомъ (чувство *всѣхъ* роженицъ, о которомъ и Спаситель говоритъ). Но „façons de parler“ стучатъ словами о „гнѣвѣ“ и „милости“ какъ бы это были костяшки на счетахъ. Слишкомъ безцеремонно: вспомните-ка неосторожнаго, коснувшагося Ковчега Завѣта, когда его перевозили. *В. Р—въ.*

[2]) Да за что?!. Околесица. *В. Р—въ.*

[3]) Какія? что неисполнила-то заповѣди: „плодитесь, множитесь“. *В. Р—въ.*

[4]) Ну, вотъ. — полная аналогія колодцу, въ который пала дохлая кошка. Привожу этотъ примѣръ, какъ мнѣ лично памятный съ дѣтства: бабьею у насъ вытащили мышь изъ него; мать моя покойница позвала священника и онъ совершилъ очистительную надъ колодцемъ молитву. Такъ вѣдь есть разница *между новорожденнымъ ребенкомъ* и *дохлой* мышью. *В. Р—въ.*

[5]) *Даръ* и скверна? „Façons de parler“... Одинъ споръ (словесный) отмолотилъ—молотитъ теперь другой. *В. Р—въ.*

[6]) Что за радость въ „грѣхѣ“? *В. Р—въ.*

[7]) А *грѣхъ*-то, а *грѣхъ* то? Все забылъ человѣкъ. *В. Р—въ.*

[8]) Вотъ тебѣ и разъ: такъ „грѣшила“-ли она, „распространяя“ славу Божію? А вѣдь именно на идеѣ *скверны* и *грѣха* построено угнетеніе *стыдомъ* рождающихъ, и слѣд. дѣтоубійство. Вотъ ужъ тюремщикъ, ко-

реніемъ Богу Творцу и Промыслителю и духовною радостію. А благодареніе и радость всего приличнѣе выражать молитвою Богу и благотвореніемъ ближнимъ, чтобы они, вспомоществуемые нами, особенно во дни нашихъ рожденій, имѣли сильнѣйшее для себя побужденіе къ молитвамъ о безгрѣшномъ и благополучномъ продолженіи дней нашей жизни.

Согласно съ заповѣдію Господа, внушающею намъ любить другъ друга, какъ Онъ возлюбилъ насъ (Іоан. XIII, 34), и жизнь ихъ и свою беречь, какъ высочайшій даръ любви Божіей и источникъ благополучія временнаго и вѣчнаго, Церковь издревле постановила налагать эпитимію на женъ, извергшихъ зачатаго младенца, и тѣмъ учинившихъ убійство волею или неволею [1]. Но, не лишая женъ, извергшихъ зачатый плодъ, своего молитвеннаго предстательства и утѣшенія, Церковь и къ нимъ поспѣшаетъ на помощь и умоляетъ милосерднаго Господа помиловать ихъ, простить имъ грѣхи, исцѣлить и очистить ихъ и бывшихъ при нихъ [2].

Можно ли же послѣ всего сказаннаго говорить, какъ это дѣлаетъ г. Розановъ, что совершается отлученіе дѣтей, что для „незаконнорожденныхъ" дѣтей наиболѣе точный терминъ: „неблагословенныя дѣти?"

Напротивъ, мы-то всѣхъ рѣшительно и благословляемъ [3].

Но г. Розановъ пишетъ: „Вопросъ идетъ вовсе не объ устраненіи неточнаго и едва ли вѣрнаго термина: вопросъ „незаконнорожденности"

торый заключилъ жертву въ тюрьму и самъ спитъ безпечально возлѣ ея двери: ибо всѣ эти слова *какъ-бы во снѣ* говорятся. До того они несообразены съ предъидущими словами. *В. Р—въ.*

[1]) Ребенокъ для матери, видите-ли, есть только „ближній". Да *волею* извергнуть младенца — это значитъ стать дѣто-убійцею, а „неволею" — впасть въ ужасное несчастіе. Для второй надо *утѣшеніе, утѣшительная молитва.* Есть особая болѣзнь, такъ называемая „привычный выкидышъ": дѣло въ томъ, что матка женская, какъ-бы подобная живому и одушевленному существу, *пріобрѣтаетъ привычки*, и разъ выкинувъ по несчастію, -напр., одна женщина поскользнулась на льду зимою, затѣмъ выкидываетъ неудержимо, и я зналъ одну несчастную, которая несмотря на всѣ медицинскія мѣры выкинула 6 разъ и умерла отъ истощенія, оплакиваемая мужемъ и матерью. Неужели на таковую несчастную накладываютъ эпитемію?!! Но вѣдь тогда и чахоточнаго слѣдовало-бы замучить поклонами за „грѣхъ простуды"? Да накладывается-ли *на себя* когда нибудь эпитимія накладывающими ее на другихъ? Что касается до „изверженія волею", то въ законномъ бракѣ это развилось на почвѣ ученія, что *не* ребенокъ — цѣль брака (нѣтъ развода по причинѣ безплодія); а внѣ брака—отъ стыда. Въ обоихъ случаяхъ виновенъ не индивидуумъ, а теченіе историческое, свѣтъ эпохи, губительный и ложный. *В. Р—въ.*

[2]) Т. е. все тоже, что при *законномъ рожденіи?* Значитъ „законно родить" (въ формальномъ полномъ бракѣ) не лучше, чѣмъ „волею выкинуть", т. е. вытравить плодъ? Тяжелыя „уравненія"... кто-то *разрѣшитъ* ихъ? *В. Р—въ.*

[3]) Т. е. *очищаете.* Это—разница. *В. Р—въ.*

есть вопросъ о правѣ закона и религіи лишать дѣтей ихъ родителей, а у родителей отнимать ихъ дѣтей". Фразы въ высшей степени темныя и дышащія злобою.

Но уже выше сказано, что даруя, съ своей стороны, всѣ блага духовныя всякому новорожденному, мы нисколько неповинны въ терминѣ „незаконнорожденности", хотя и вносимъ его въ свои списки. Здѣсь Церковь исполняетъ требованія [1]) государства.

Вѣдь государство, какъ государство, не подчинено Церкви, и потому государственная власть можетъ, по своему усмотрѣнію, составить законъ и подчинить ему всѣхъ подданныхъ, не исключая церковной іерархіи.

Государственная власть, сообразно съ цѣлями государственнаго

---

[1]) Ну, *не законныя, анти* каноническія, *анти*-религіозныя требованія государства церковь всегда отказывалась исполнять, или—какъ о монастырскихъ имуществахъ - исполнила съ крайне сжатымъ сердцемъ. И писать „незаконнорожденными" дѣтей духовенство согласилось только потому, что оно конечно не только раздѣляетъ этотъ взглядъ государства, но и внушило ему, еще начиная съ „Уложенія". „Семья безъ обряда есть блудъ", „дѣти — *приблудныя*": вотъ ученіе морально-религіозное, проводимое и во всей этой брошюрѣ, каковое государство только пассивно приняло, покорно и даже робко приняло. Наконецъ, бывали случаи въ исторіи,—какъ съ *Бецкимъ*, сыномъ Трубецкаго,—что даже государи при всемъ благожеланіи не осмѣливались передать фамилію и все законное родство рожденному внѣ-канонично и безъ-обрядно. Наконецъ, какъ было съ французскими королями,—государи *сами* не имѣли силы усыновить своихъ весьма любимыхъ и отъ любимыхъ женщинъ дѣтей. Такъ кажется произошла фамилія Конде. Явно, что тутъ дѣйствуетъ не только взглядъ церковный, но еще какой-то *страшный даже для государей*, первоначальный принципъ, что-то въ родѣ: „да не будутъ тебѣ бози инїи разнѣ Мене" Ветхаго Завѣта. Вдумываясь, мы и дѣйствительно находимъ, что „Азъ есмь Богъ твой", т. е. коренное, первое,—въ нашей эрѣ есть *воздержаніе, самоограниченіе, скупость* на сладкое, скопчество. Но сладость любви и зачатія—сильнѣйшая всего. Это какъ лезвіе противъ лезвія стоитъ противъ скопчества: и „первородный грѣхъ", глубочайшій, основной. Плодъ „грѣха" этого, „сладости", ребенокъ не по себѣ самъ, но по происхожденію изъ сладостнаго враждебенъ, непріязненъ, угрожающъ, подозрителенъ всей эрѣ. Но какъ-же *быть* и *не рождать*? „Какъ можно меньше"! Явилась идея „духовнаго брака", или больного, стараго, искалеченнаго,—даже коммерческаго -и то лучше, нежели *очень сладкаго и очень плодовитаго*. Но „плодъ любви", вспыхнувшей какъ зорька въ пустынѣ, въ безмолвіи, при случайной встрѣчѣ, юноши-ли съ дѣвою или уже женатаго человѣка (случай Трубецкаго) есть именно „инїи бози", ставшіе на мѣсто „Азъ есмь единый, вѣчный Богъ". И какъ Рахиль похищенныхъ у Лавана, отца своего, маленькихъ „божковъ" спрятала подъ себя, сокрыла: даже цари скрываютъ ихъ „иныхъ боговъ". Кстати, параллель безсильныхъ вѣнценосцевъ совершенно объясняетъ всю тягость стыда дѣвушекъ, какъ Маслова, какъ Гретхенъ—и до послѣдней степени объясняетъ дѣтоубійство. Но *корень* всего этого и лежитъ въ *лукавомъ* „благопожеланіи" рожденію *какъ-бы* съ любовью, а въ дѣйствительности съ страшною, первородною ненавистью. Съ тѣмъ вмѣстѣ это *ненависть къ первому и изначальному глаголу Бога*. Вотъ тутъ и разбирайся, кто можетъ. Все темно. *В. Р—въ.*

управленія, можетъ распространять или ограничивать нѣкоторыя *гражданскія права званій и лицъ*, принадлежащихъ Церкви. Какъ послѣдняя независима въ своей сферѣ и совершенно самостоятельна въ раздаяніи благодатныхъ, усвоенныхъ ей даровъ, такъ и государство самостоятельно и независимо въ своей сферѣ. Но та и другая находятся въ союзѣ и имѣютъ взаимныя обязанности по отношенію другъ къ другу. Этотъ союзъ не необходимъ для существованія Церкви, хотя и полезенъ для той и другой стороны. Но не взаимная польза есть первое основаніе союза ихъ, а самостоятельная истина.

Союзъ Церкви и государства вполнѣ естественный: христіанскій государь со своимъ величествомъ повергся предъ святынею алтаря Христова.

У государя, сдѣлавшагося „слугою" Христа, и у Церкви естественно возникли общіе интересы, именно: „вѣра, благочестіе, созиданіе блага христіанъ и человѣковъ. Церковь проповѣдуетъ благочестіе [1]; благочестивый государь мудрымъ и благодѣтельнымъ управленіемъ охраняетъ благочестіе и миръ Церкви".

Какъ слѣдствіе союза съ Церковію, у христіанскаго государства появились слѣдующія обязанности: Православное государство должно чтить православную Церковь, уважать ея права, опредѣленныя церковными правилами.

Православное правительство не можетъ объявить „недѣйствительными" апостольскія и соборныя правила, не можетъ также издать закона „противоборствующаго Церкви и ея правиламъ", ибо въ этомъ случаѣ нарушилась бы гармонія Церкви и государства. Эта гармонія налагаетъ на государство, кромѣ того, долгъ охраны и защиты Церкви, покровительства ей въ сравненіи съ другими вѣроисповѣданіями и, наконецъ, попечительства о внѣшнемъ благѣ ея.

Въ силу той же гармоніи и православная Церковь должна помогать, содѣйствовать православному государству въ достиженіи его цѣлей.

---

[1]) Вотъ „благочестіе" въ отношеніи къ рожденію, заключающееся въ дѣвствѣ, т. е. *воздержаніи* отъ рожденія - и есть *корень* всего. Оно дохнуло и въ гражданскіе законы. Между тѣмъ государство ли, „Русь"-ли „Матушка" за безбрачіе? Ну, это такой волъ (я говорю о Руси), которому конечно „лучше жениться". Незамѣтно для законодателей этотъ 1.000-лѣтній туръ, съ рожищами до небесъ, съ копытами въ версту и туловищемъ отъ океана до океана, ведется однако въ поводу „тощею коровою фараона", пожравшаго „семь тучныхъ коровъ"; и руками законодателей, черезъ ученіе о незаконнорожденности, сократило и истощило бурю Богоблагословеннаго рожденія. Тутъ вовсе не „благоустройство" дѣйствуетъ,— на которое выше сослался А. Церковъ: какое „благоустройство" въ домахъ терпимости, которые всѣми сторонами принципіально допущены: но — вражда именно къ сладости, къ счастью, къ беззавѣтной любви. *В. Р—въ.*

Основное начало, которымъ руководствуется Церковь въ отношеніи государства, содержится въ Евангельской заповѣди: „*воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богови*“. Эту заповѣдь Восточная Православная Церковь никогда не раздѣляла на двѣ противоположныя части и всегда старалась и старается одну другою поддерживать, а не ослаблять. Іерархія Православной Церкви не обязана повиноваться государственной власти только тогда, когда ее принуждаютъ признать то, что противно Закону Божію и ея совѣсти [1]). Въ этомъ случаѣ православная іерархія должна лучше пострадать, нежели подчиниться такому принужденію, по слову апостольскому: „*повиноваться больше Богу, нежели людямъ*“ (Дѣян. 5 гл., 29 ст.).

Россія, замѣтимъ здѣсь, есть единственное государство въ Европѣ, въ которомъ и правительство и народъ вполнѣ признаютъ, что „нѣсть власть, аще не отъ Бога“. И Государь всю законность свою получаетъ отъ церковнаго помазанія, изъ чего вытекаетъ,

---

[1]) Вотъ какъ „противные Закону Божію и совѣсти“, ученіе и законы о незаконнорожденности и слѣдовало-бы не только отвергнуть, —уже вѣка назадъ, съ самаго начала,—но и распространить съ каѳедры въ обществѣ, что въ рожденіи беззаконія и скверны нѣтъ: ибо „по образу, по подобію Божію“ созданъ человѣкъ, и чѣмъ больше на землѣ „подобныхъ“ Образу Божію, т. е. рожденныхъ, тѣмъ земля (вся, какъ планета) святѣе, цвѣтущѣе, лучше, чище: что черезъ рожденіе „очищается и побѣждается первородный грѣхъ“. У нѣмцевъ есть „конфирмація“, трогательный по красотѣ обрядъ совершеннолѣтія дѣвушекъ. Вотъ такъ-же слѣдовало-бы „конфирмовать“, съ роздачею священныхъ колецъ по числу мужей Самаряшки, — отроковъ и отроковицъ въ странѣ: дабы каждый и каждая были вмѣстѣ и *собственниками*, какъ выражается Дерновъ, „творческой силы, распространенія и торжества жизни и славы Божіей“, —и вмѣстѣ собственниками не беззаконными, ворующими счастіе у старыхъ и скупыхъ стражей, а — законными, счастливыми, священными, благословенными. Изъ шести колецъ, пяти золотыхъ и одного серебрянаго (бесѣда съ Самаряшкою объ ея бракахъ), у $^{99}/_{100}$ пять осталось-бы никому не врученными: и ушли-бы въ могилу съ счастливою матерью и счастливымъ отцомъ: у $^{1}/_{100}$ выразились-бы тѣ комбинаціи, какія человѣку присущи какъ микрокосму, въ которомъ отраженъ міръ и его сочетанія. Но вообще говоря, всѣ муки и коллизіи теперешнія исчезли-бы. И какъ-бы всѣ, каждая пара, побѣжала благословляться къ доброму священнику.— какъ Ромео и Юлія къ своему доброму патеру, благословившему ихъ въ тиши, въ безмолвіи, въ уединеніи. Право-же, бракъ долженъ быть уединеннымъ: все *площадное* должно быть убрано изъ него, ибо площадь есть *грязь*. Какъ скверны эти теперешнія *оглядывания* жениха и невѣсты: публика бѣжитъ на *зрѣлище*; считаютъ годы обоимъ, и соображаютъ „взялъ“ или „не взялъ“ (приданое), судя по красотѣ и лѣтамъ невѣсты. Прочь все это, прочь весь цинизмъ; бракъ долженъ *затвориться*, по слову нашего Спасителя: „ты-же, когда хочешь молиться, войди въ горницу и *затвори за собою дверь*“. Родители и священникъ и ихъ любящія другъ друга дѣти, — и кольца съ мѣною — и все уютно, дома, какъ прекрасныя наши „всенощныя на дому“, передъ днемъ Ангела, столь особо умилительныя своимъ уединеніемъ - вотъ что „будь! будь!“ въ бракѣ. *В. Р—въ.*

что положеніе Церкви и отношеніе ея къ самодержавной власти не сходно съ положеніемъ церквей въ государствахъ католическихъ и протестантскихъ.

Будучи самостоятельнымъ и не смѣшиваясь съ гражданскимъ, духовное вѣдомство находится въ тѣсномъ соотношеніи съ послѣднимъ. Очень многія дѣла смѣшаннаго церковно-гражданскаго характера касаются того и другого вѣдомства, а потому должны вѣдаться и рѣшаться вмѣстѣ церковною и гражданскою властью.

Таковы акты, заносимые въ метрическія церковныя книги, о рожденіи и бракосочетаніи.

Поэтому, напрасны восклицанія Г. Розанова: „О, пусть бы государство учило о „незаконнорожденности". Оно не понимаетъ: для него, дѣйствительно, все только есть „наука": оно, наконецъ, свѣтско, его преданія—въ Римѣ".

Государство наше, самостоятельно опредѣляя терминъ „незаконнорожденности", и узаконяя его для церковныхъ записей, выходитъ, вѣроятнѣе всего, изъ духовныхъ началъ [1]). Благоговѣя предъ св. Церковью, оно вѣритъ въ освящающія молитвы св. Церкви, оно вѣритъ въ святость брака, какъ таинства, и поэтому оно въ правѣ называть дѣтей отъ безформеннаго, неблагословеннаго Церковію сожитія: „незаконнорожденными", оно въ правѣ и лишать ихъ нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ. Государство въ правѣ *„удлинить мысль"* Церкви.

Но страшными и фактически невѣрными являются слѣдующія слова Розанова:

„Но для чего государство отдѣляетъ такого ребенка отъ матери, ввергая его въ круглое сиротство? Въ письмѣ въ редакцію „Новаго Времени" священника А. У. было правильно указано, что такой ребенокъ долженъ получать фамилію матери и отчество дѣда, и, конечно, права (или ихъ часть) имущественнаго наслѣдованія матери. Такъ какъ поводомъ къ моимъ статьямъ было дѣтоубійство и дѣво-убійство, то все, на чемъ я настаиваю—это на снятіи всякаго религіознаго, государственнаго и общественнаго клейма съ такихъ случаевъ, на безмолвномъ: „Не разлучаемъ тебя съ ребенкомъ, не раздѣляйся съ нимъ, и добрымъ его воспитаніемъ и заботою ты станешь на ряду со всѣми другими матерями".

Когда и гдѣ государство отдѣляетъ ребенка отъ матери? Если

---

[1]) Вотъ въ томъ и дѣло, что государство конечно въ этомъ дѣлѣ „творитъ волю не свою, а пославшаго его". Нуждаясь въ заселенности территоріи и порядкѣ, въ воинахъ и хлѣбопашцахъ, государство сторвало-ли бы хоть одного здороваго ребенка отъ здоровой матери? Да не оно-ли съ *улицы* подобрало дѣтей, построило имъ Воспитательные Дома, съ лекарями, мамками и училищами? Не оно-ли всячески препятствуетъ расторженію уже законченныхъ такъ называемыхъ „неправильныхъ браковъ". Но не въ силахъ идти противъ первой заповѣди скопчества: „не плодитесь, не размножайтесь", которая извилисто и смутно отождествилась, постаралась войти въ тожество съ VII заповѣдью: „не прелюбодѣйствуйте". *Размноженіе* отождествилось съ *прелюбодѣяніемъ*: и государство, не смѣя покровительствовать второму, не смѣетъ покровительствовать и первому. *В. Р—въ.*

только сама мать не противится, то всегда ребенокъ (незаконнорожденный) и получаетъ ея фамилію [1]):

Не „миражъ“ ли это г. Розанова?

Государство ограничиваетъ рожденныхъ всѣ законнаго брака дѣтей въ правахъ?... Это—его дѣло [2]). Но при этомъ оно, несомнѣнно, имѣетъ въ виду [3]) и богословскія соображенія, вопреки которымъ г. Розановъ говоритъ: „что смерть свята и рожденіе свято“ и прибавляетъ также вопреки своимъ, ранѣе сказаннымъ словамъ, что вопросъ „незаконнаго рожденія нисколько не есть вопросъ гражданскаго законодательства, а религіозный и философскій вопросъ и частью судебно-религіозная тяжба“.

VII. Вотъ къ этой судебно-религіозной тяжбѣ, какъ это хочется г. Розанову, и перейдемъ, сдѣлавши при этомъ, по необходимости, экекурсію и въ ту „*двойственность разныхъ отдѣловъ богословія*“, какъ говоритъ г. Розановъ, „*на которой покоится, будто бы, ученіе о незаконнорожденности и весь огромный итогъ уже погубленныхъ дѣтей*“.

Законна ли смерть?—По мнѣнію г. Розанова „смерть не только законна, но она—свята. Поэтому и рожденіе—свято. Поэтому нѣтъ незаконнорожденныхъ, нѣтъ и незаконноумершихъ. Поэтому надобно вычеркнуть и „незаконное рожденіе“. Иначе нарушается основная, всюду разлитая въ природѣ гармонія между жизнью и смертью. Уравновѣшеніемъ законности рожденія и законности смерти свидѣтельствуется фальшивость принципа незаконности рожденія“.

Спросимъ же г. Розанова: „есть ли незаконноумершіе“? — И отвѣтитъ онъ, несомнѣнно, что—есть.

Самоубійцы, не берегущіе свое здоровье, разстраивающіе его разными излишествами и страстями, вообще умершіе отъ насилія такъ называемою неестественною смертью: развѣ они всѣ умираютъ законно? И развѣ самая смерть вообще законна? Въ книгѣ премудрости Соломона въ I гл. прямо говорится: „*Богъ смерти не сотворилъ, но все создалъ для бытія*“ [4]). Библія прямо свя-

[1]) Нѣтъ, ребенокъ получаетъ фамилію *по имени крестнаго отца*: и въ фамиліи его, такимъ образомъ, не сохраняется никакого *слѣда* ни отца, ни матери. Мнѣ извѣстны случаи рожденія дѣвушками дѣтей отъ мужей, покинутыхъ своими женами: никакими средствами онѣ не могли даже *усыновить* этихъ дѣтей; и я знаю, когда сестра такой дѣвушки-матери нарочно не пошла замужъ, дабы *усыновить себѣ* сына сестры. Ибо дѣвушка у насъ можетъ усыновить *чужого* ребенка („милосердіе“), а *своего*—не можетъ („прелюбодѣяніе“). *В. Р—въ.*

[2]) „Умываемъ руки“... *В. Р—въ.*

[3]) То-то и дѣло. Значитъ, сколько ни „мой“ руки, пятнышки останутся. Но чтобы внять въ монологи леди Макбетъ, на которые такъ не похожи сіи безжизненныя страницы, надо почувствовать въ себѣ сердце Шекспира. *В. Р—въ.*

[4]) Какъ чудесно. И вообще всѣ наши унылыя разсужденія, получая вкрапленную въ себя строку изъ Библіи—какъ зарею освящается ею. Я измѣнилъ, перепечатывая, отождествленіе *святости рожденія* со *святостью смерти*. Нѣтъ, какъ и Соломонъ, я тоже думаю, что „смерти Богъ не сотворилъ“ и слѣд. *смерть всегда грѣшна*. Человѣкъ, *поскольку*

зываетъ, какъ причину и слѣдствіе, смерть и грѣхъ и, слѣдовательно, считаетъ смерть случайностію, обусловливаемою грѣхомъ человѣка. И грѣхъ и смерть [1]) Библія прямо называетъ *зломъ*. И первое зарожденіе или начало зла указываетъ перенесеннымъ изъ надземной сферы въ міръ земной, и здѣсь указываетъ мѣсто его зарожденія въ области нравственной человѣческой свободы, въ свободномъ уклоненіи первыхъ людей отъ указаннаго имъ Творцемъ назначенія. Въ противоположность философіи, здѣсь, по вопросу о происхожденіи зла, Библія не вдается въ какія-либо отвлеченныя разсужденія: ученіе о происхожденіи зла она даетъ въ конкретныхъ чертахъ историческаго разсказа о грѣхопаденіи нашихъ прародителей (Быт. гл. II).

Библейскій разсказъ не есть сказка или вымыселъ, но подлинная исторія, на что указываетъ помѣщеніе ея въ книгѣ исторической (кн. Бытія) и то, что на этой исторической основѣ покоятся преданія, согласныя въ мелкихъ подробностяхъ всѣхъ древнихъ народовъ о грѣхопаденіи родоначальника человѣческаго рода, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокоправдивое психологическое изображеніе той исторіи, которая должна повторяться въ жизни каждаго мыслящаго человѣка.

Возникнувшее сначала въ нашихъ прародителяхъ, зло должно было отсюда распространяться во всемъ человѣческомъ родѣ со всѣми слѣдствіями этого зла. А слѣдствія зла или грѣха есть смерть духовная - удаленіе души человѣка отъ Бога, источника жизни, проявляющееся въ уменьшеніи духовныхъ силъ и жизни. При этомъ человѣкъ является не только несчастнымъ существомъ, но и *преступнымъ* [2]) предъ Богомъ и недостойнымъ любви Божіей,

---

грѣшенъ—постольку умираетъ. Это отождествленіе я сдѣлалъ, чтобы поднять изъ ямы рожденіе. Дѣло въ томъ, что у насъ смерть -на горѣ, а рожденіе въ ямѣ; рожденіе *очищаютъ*, а умершаго—*прославляютъ* (покровъ на лицо, свѣчи, фиміамъ, чтеніе псалтиря). И за это и уцѣпился: „дайте хоть *уровнять* со смертью, *почтите* любящую какъ больного, и *родильницу*—какъ покойника". Но когда рожденіе вынуто изъ ямы, эта лѣстница отталкивается въ сторону, какъ не нужная: рожденіе, конечно, не равно смерти, а выше ея. Поскольку смерть *всегда есть грѣхъ, рожденіе всегда есть святость*. Почему-то дѣвъ блудницы и пришли съ требованіемъ суда къ Соломону; а онъ, оставивъ міръ, счелъ нужнымъ удовлетворить ихъ; поэтому-то и двѣ дочери Лотовы записаны въ *Книгу Бытія*, а не утаены, какъ позоръ. *В. Р—въ*.

[1]) Вотъ это-бы надобно помнить, подходя къ роженицѣ съ очистительною молитвою. *В. Р—въ*.

[2]) Да, но связывайте *преступленіе* именно со *смертью* и *смертнымъ*, а не съ живымъ, не съ рожденіемъ и младенцемъ. Но сейчасъ у автора пойдетъ, что „влюбляясь"-то человѣкъ и обнаруживаетъ „испорченность нашей природы". Въ узлѣ ученія о незаконнорожденности конечно стоитъ подстановка, подтасовка, — до совершенной обратности — сутя первороднаго грѣха. Именно онъ есть смерть, но въ вѣкахъ смерть-то, т. е. первородный грѣхъ, и получила санкцію святости, обоженіе („уме-

благодати Божественной. Это удаленіе Бога отъ человѣка немедленно отражается въ душѣ человѣка, въ его совѣсти, чувствомъ страха, виновности, нравственной тревоги. Отсюда — стремленіе заглушить голосъ совѣсти преданностію чувственнымъ удовольствіямъ [1]) или же измышленіемъ нелѣпыхъ религіозныхъ и нравственныхъ идей. Кромѣ этого, грѣхъ образовалъ въ людяхъ наклонность ко злу больше, чѣмъ добру, такъ какъ грѣхъ внесъ разстройство въ область воли, — человѣческой нравственной свободы. За нравственнымъ извращеніемъ человѣка естественно послѣдовало помраченіе ума, способности познавательной, способности познаванія высшихъ, религіозныхъ предметовъ, а не логической способности мышленія, не способности познанія внѣшняго міра. Третье слѣдствіе грѣха простирается дальше души человѣка, до самаго его тѣла. Оно связывается въ болѣзняхъ и смерти. Послѣдняя не есть нѣчто отдѣльное отъ болѣзни, но конецъ того постояннаго тлѣнія, разрушенія организма, которое продолжается во всю жизнь въ человѣкѣ. Самая жизнь человѣка въ физическомъ смыслѣ и есть постепенное умираніе, т. е. убыль жизненной энергіи въ тѣлѣ, или постоянная борьба со смертью. Такъ сбывается райская угроза: „въ который день вкусите, (въ тотъ) смертію умрете“. Съ христіанской точки зрѣнія *смерть* есть наказаніе за грѣхъ, какъ явленіе ненормальное, иначе: „незаконное, несвятое“.

Въ 6-й гл. посл. къ Римл. Ап. Павелъ выражаетъ это словами: „смерть оброкъ грѣха“ (возмездіе за грѣхъ),—та дань, которую грѣхъ беретъ съ человѣка. Ап. Іаковъ выражаетъ другой оттѣнокъ мысли: „грѣхъ, сдѣланный, рождаетъ смерть“ (Соб. посл. Іак. I, 15). Въ первомъ случаѣ выражается та мысль, что смерть есть внѣшнее наказаніе правды Божіей за грѣхъ, а во второмъ указывается естественная внутренняя связь между смертью и грѣхомъ.

Только натуралистическая философія и можетъ говорить, что смерть нормальна и слѣд. свята, а истинное библейское, христіанское ученіе никогда этого не скажетъ; оно считаетъ смерть случайностію, обусловливаемою грѣхомъ человѣка [2]).

Истинное христіанское ученіе указываетъ и четвертое слѣдствіе грѣха—такъ называемое физическое зло, завершеніемъ котораго служитъ смерть, и всѣ разнообразные виды котораго имѣютъ цѣлію духовное совершенствованіе людей. Смерть, напр. [3]), спра-

---

реть для міра“, „хорошо умереть младенцемъ, потому-что не нагрѣшишь“). *В. Р—въ.*

[1]) Ну, вотъ: своротилъ не замѣтно и ужь теперь пойдетъ колесами по шпаламъ. *В. Р—въ.*

[2]) Вполнѣ неповѣдую и я это библейское ученіе. Смерть есть случай и временное. *В. Р—въ.*

[3]) Ну, вотъ: да вѣдь *смерть* же есть *грѣхъ*? Какою-же *грѣхъ* можетъ быть „учительницею?“ *В. Р—въ.*

ведливо называется учительницею мудрости; она заставляетъ человѣка задумываться о самомъ себѣ, о своемъ назначеніи, и препятствуетъ человѣку погружаться въ чувственность [1]) и въ ней находить удовлетвореніе. Однако, она не называется святою [2]).

Важнѣйшее, наконецъ, изъ слѣдствій прародительскаго грѣхопаденія—первородный грѣхъ.

Христіанское ученіе о первородномъ или наслѣдственномъ грѣхѣ, объясняющее происхожденіе зла въ мірѣ, заключаетъ въ себѣ двѣ половины: одна половина ученія раскрываетъ положеніе о всеобщности, вторая—о прирожденности грѣха [3]). Мысль о всеобщности грѣха, о неизбѣжности его для всякаго человѣческаго существа, подверженнаго равно и заблужденіямъ, и грѣху, раздѣляется почти всѣми. Зло нравственное такъ глубоко сидитъ въ нашей душѣ, что оно примѣшивается и ко всему доброму въ насъ. Тщательное наблюденіе фактовъ именно въ этомъ направленіи заставляетъ заключать, что человѣкъ рождается [4]) нечистымъ, что зло прирожденно ему.

Въ положеніи о прирожденности или наслѣдственности грѣха въ свою очередь также двѣ половины: одна совершенно понятная, именно ученіе о переходѣ грѣховнаго состоянія или духовно-тѣлеснаго поврежденія,—въ смыслѣ разстроенства духовной и тѣлесной природы человѣка, грѣховнаго состоянія нравственной нечистоты и тлѣнія отъ Адама на его потомство. Это стоитъ въ полномъ согласіи съ біологическимъ закономъ наслѣдственности, въ силу котораго родители передаютъ своимъ дѣтямъ не только свои физическія особенности, родовыя и индивидуальныя, но и нравственныя, при томъ часто случайныя, черты своего характера.

[1]) Откуда это выскочило? Напротивъ, чувственность *упраздняетъ* смерть, рождая второе, третье и т. д. „я". Она—*раститъ*, смерть—*умаляетъ*. И если въ смерти—грѣхъ, въ чувственности—истина. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, если „учительница", то отчего-бы и не назвать ее „святою". Да и называете, только потихоньку; *думаете* такъ. Предлагаемъ А. А. Дернову серьезнѣйшимъ образомъ вдуматься къ первородный грѣхъ: не произошло-ли въ самомъ дѣлѣ *поколѣнія* ему, незамѣтнаго, безотчетнаго? Анализъ незаконнорожденности ко многимъ открытіямъ поведетъ. *В. Р—въ.*

[3]) Важнѣе было-бы опредѣлить: *съ чего начинать* іи собственно грѣхъ? и *съ чего*—святость? Чуть-ли смерть, „которой Богъ не сотворилъ", не считается у насъ „разрѣшающею узы грѣха"; а *жизнь, бытіе* -сплошнымъ грѣхомъ?! Вообще тутъ если не сейчасъ, то со временемъ, и я думаю—скоро, мысль должна войти въ глубочайшій анализъ двухъ кардинально противоположныхъ моментовъ: *кончины* человѣка и его *зарожденія* (зачатія), и черезъ которое-то одно изъ нихъ *богосвязуемости*: тогда *другое* будетъ расторгать человѣка съ Богомъ. *В. Р—въ.*

[4]) Да почему только „рождается?" Ну, а „служитъ" онъ на желѣзной дорогѣ или въ банкѣ „чистымъ?" Но объ этомъ умалчивается, это *не замѣчается*: ибо уже молча про себя авторъ рѣшилъ: „зачатіе — вотъ morsus diaboli!" *В. Р—въ.*

Другая половина ученія о наслѣдственности грѣха можетъ представляться тѣмъ, что называется „тайною". Какъ себѣ представить возможнымъ, съ точки зрѣнія нравственной, именно—справедливости, переходъ вмѣстѣ съ наслѣдственностью и вины, и осужденія за грѣхъ на всѣхъ потомковъ Адама, не принимавшихъ лично участія въ его грѣховномъ актѣ, преступленіи райской заповѣди; какъ возможно, съ точки зрѣнія понятія о нравственномъ вмѣненіи, сдѣлать людей отвѣтственными за грѣхъ, совершенный [1]) Адамомъ, а не ими лично,—тогда, когда ихъ еще не существовало [2])? Нѣтъ ли здѣсь противорѣчія разуму и чувству справедливости?

Мы стоимъ здѣсь предъ непостижимою тайной, доступною только вѣрѣ, а не разуму. Мы обязаны принять эту тайну, какъ непреложную истину вѣры потому, что она въ такой же степени ясно и твердо устанавливается въ Библіи, какъ и параллельно раскрываемая съ нею тайна искупленія людей въ Іисусѣ Христѣ. Подробное и спеціальное раскрытіе ученія о первородномъ грѣхѣ въ связи съ ученіемъ объ искупленіи чрезъ Іисуса Христа даетъ ап. Павелъ въ V гл. посланія къ Римлянамъ, 12—21 ст., гдѣ онъ говоритъ о переходѣ грѣха Адамова со всѣми его послѣдствіями, именно грѣховною *порчею природы, осужденіемъ и смертью*, на все потомство или человѣчество, при чемъ разсматриваетъ это въ связи съ обратнымъ явленіемъ перехода оправданія, жизни и праводности, отъ Новаго Адама, Іисуса Христа, на все Его духовное потомство и на вѣрующихъ въ Него.

Кто, по этому, вѣритъ въ оправданіе рода человѣческаго чрезъ Новаго Адама его, Іисуса Христа, тотъ долженъ признать тѣмъ самымъ возможнымъ и дѣйствительнымъ осужденіе всего рода человѣческаго въ ветхомъ его Адамѣ...

Изъ этого ученія, всесторонне разсмотрѣннаго и правильно понятаго, является невольный выводъ, что и новорожденные младенцы, наравнѣ со всѣми, безъ всякаго отличія отъ взрослыхъ, осуждены на гибель грѣхомъ Адама и виновны предъ судомъ Божественной правды [3]). Младенцы, какъ люди, со всѣми раздѣ-

---

[1]) Да мы всѣ „адамы" (съ маленькой буквы), дроби большого Адама: ибо размноженіе есть только раздробленіе, „безконечная дѣлимость матеріи"... Нѣтъ, впрочемъ—лучше и больше; ибо Адамъ въ насъ *растетъ* и *выросъ*; но все еще грѣшенъ. Однако, чѣмъ болѣе растетъ—тѣмъ менѣе грѣшенъ (обѣщанное „Древо Жизни" „Апокалипсиса"). *В. Р—въ.*

[2]) Въ Адамѣ мы всѣ существовали. Адамъ есть человѣчество не раскрытое; человѣчество—раскрывшійся Адамъ. Это (да будетъ прощено вульгарное выраженіе) какъ колода картъ до сдачи и до игры,—и опаже раскинутая, нарядная, широкая; съ милліонными выигрышами и горестными проигрышами. *В. Р—въ.*

[3]) Да виновны-то они виновны, только не больше чиновниковъ и не больше членовъ консисторіи. Что все вы на дѣтей упираете? Такъ глазъ

ляютъ общую печальную участь. Можно ли поэтому утверждать, какъ дѣлаетъ это г. Розановъ, что *рожденіе* [1]) *свято*?

Ключъ къ правильному пониманію рожденія и смерти, что именно такое они по существу своему, дается въ правильномъ ученіи объ искупленіи.

Въ Адамѣ всѣ согрѣшили. Вѣрою въ новаго Адама получаютъ всѣ оправданіе, возстановляютъ свой союзъ съ Богомъ. Но для этого потребно не одно только удовлетвореніе за насъ правдѣ въ Іисусѣ Христѣ, но и личное участіе каждаго изъ насъ въ этомъ искупительномъ дѣлѣ Христовомъ, въ силу чего усвояется намъ послѣднее и дѣлается какъ бы нашимъ собственнымъ дѣломъ. Плоды искупительнаго дѣла Христова дѣлаются нашими по силѣ нашего участія въ искупленіи, а потому искупленіе получаетъ свойственный ему характеръ нравственнаго духовнаго процесса и перестаетъ быть простымъ актомъ внѣшняго юридическаго оправданія или прощенія: оно становится духовнымъ обновленіемъ и возрожденіемъ къ новой жизни, а это достигается тѣснымъ единеніемъ вѣрующаго со Христомъ, сліяніемъ его съ Личностію и жизнію Христа, какъ лоза соединена со своими вѣтвями (Іоан. 15, 5—57).

Средствомъ пріобщаться Христу и сливаться личностью своею съ Нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобщаться и всему, что дано и намъ въ Немъ и что сдѣлано Имъ для нашего спасенія, служатъ Св. Таинства. И только чрезъ посредство таинства св. Крещенія,—тѣлесное—по существу грѣховное,—*не святое*, рожденіе можетъ стать святымъ.

Къ таинствамъ принадлежитъ и *бракъ*, который такъ превратно понимается г. Розановымъ.

VIII. Послѣдній, выходя изъ тѣхъ же данныхъ, на основаніи которыхъ православная Церковь учитъ о бракѣ какъ о Таинствѣ, коего начало—благословеніе брака первыхъ человѣковъ, а полнота въ христіанствѣ, учитъ, что бракъ есть не что иное по

и клонитъ сюда, точно Авраама къ мистическому сну передъ обрѣтеніемъ. Ужъ и вы не хотите-ли „вступить въ завѣтъ", только съ кѣмъ тогда? И вотъ все клонитъ васъ къ головкѣ неповиннаго младенца: „пѣтъ, онъ виновенъ! выдайте мнѣ головой этого преступника; прочь, отцы и матери, не заступайтесь, не вашъ онъ, а—*мой*". Страшно это. *В. Р—въ.*

[1]) Ну, а *смерть?* „Смерти Богъ не сотворилъ", сами говорите. Тогда *свято рожденіе*, ибо ужъ его-то творческимъ повелѣніемъ *сотворилъ* Богъ. О смерти Богъ предупреждаетъ, что она придетъ, *если* человѣкъ согрѣшитъ. Но Богъ *не насылалъ* на человѣка смерть, не „благословилъ" умирать и не повелѣлъ. Смерть пришла какъ третье, пришла откуда-то, не отъ Бога. А рожденіе—отъ Бога и оно свято. И ничего, что *рождающійся* существо слабое, ограниченное, смертное, грѣшное: мѣдь не золото, но мѣдникъ и работа мѣдника отличается золотомъ какъ совершенно чистая, святая, золотая работа. Тоже—о рожденіи. *В. Р—въ.*

существу своему, какъ именно „прилѣпленіе“ половъ, что посему нѣтъ ни „адюльтера“, ни „наложничества“, нѣтъ и „незаконныхъ“ рожденій, что нѣтъ и паденій. Такой взглядъ, по мнѣнію г. Розанова, есть путь исцѣленія человѣчества отъ разврата. „Нѣтъ вовсе, говоритъ г. Розановъ, незаконныхъ касаній женщины, а есть только супружество! Нѣтъ случайнаго, есть только вѣчное! Нѣтъ „паденій“, есть только правда! *Нѣтъ соблазненій, а есть только начало супружества*“. „Это, говоритъ онъ далѣе, безотчетно, но это носится въ воздухѣ, и на это я указалъ, какъ на новое и можетъ быть спеціально русское чувство брака“.

„Увѣренъ вполнѣ, что безъ всякой подражательности евреямъ (всѣ подражанія въ исторіи—безсильны) русская совѣсть выработываетъ свой типъ семьи, ужъ во всякомъ случаѣ чистѣйшій и возвышеннѣйшій, чѣмъ печальнѣйшая въ смыслѣ чистоты византійская семья и чѣмъ наша до сихъ поръ семья русская. Думать о лучшей постановкѣ семьи и притомъ съ фундамента—есть причины. Русскій народъ исторически свѣжій и относительно-чистый. Совѣсть въ немъ не умерла. А совѣстливымъ взглядомъ на вещи—можно на многое отважиться, даже въ такой деликатной и чуткой области. Первый лозунгъ на этомъ пути, мнѣ думается: „родители—не отлучайтесь отъ дѣтей“, „законъ—не раздѣляй родителей и дѣтей“.

Такимъ образомъ, по воззрѣніямъ г. Розанова, плотскія движенія, положенныя въ грѣховной природѣ человѣка [1]), проявляющіяся именно въ незаконныхъ касаніяхъ къ женщинѣ, въ паденіяхъ, въ соблазненіяхъ [2]), суть „вѣчное“, т. е. составляютъ сущность природы человѣка.

Ради этой сущности г. Розановъ желаетъ установить болѣе упрощенныя формы заключенія брака (чѣмъ сложныя церковныя),—для моря случайностей, прибавляетъ онъ,—напр. вплоть до одного благословенія родителей, или до простой мѣны кольцами, или, наконецъ, даже до самой простой формы, которая заключается въ простомъ фактѣ супружества, т. е. какъ онъ говоритъ много разъ, въ „прилѣпленіи половъ“, въ „полосочетаніи“.

---

[1]) Да откуда вы это взяли? Что за сатанизмъ?! „Не хорошо быть человѣку *одному*, сотворимъ ему *помощницу*“... „Вотъ это—*плоть отъ плоти моей, и кость отъ кости моей*: посему нарѣчется женою“. Все это—*до* грѣхопаденія, въ *раю*; и даже *внѣ предвидѣнія грѣхопаденія*, которое было свободнымъ человѣческимъ актомъ. Что-же за безсовѣстность такая,—не говорю ужъ о забвеніи Св. Писанія—въ вожделѣніи „помощницы“ себѣ видѣть „плодъ соблазненія Евы зміемъ“?? Развѣ змій такъ соблазнялъ Еву: „какъ хорошъ Адамъ; зачѣмъ ты отъ него отошла; поди, вернись къ нему, лягъ головой къ нему на плечо“. Онъ говорилъ ей какую-то другую чепуху. Право, если что онъ и могъ говорить, то—такъ какъ Божій завѣтъ былъ: „*плодитесь, множитесь*“—обратное этому: „отойди отъ Адама, не возвращайся къ нему, останься одна, странствуй и размышляй и вовсе забудь о немъ, своей *родинѣ*“ (изъ ребра его). *В. Р—въ.*

[2]) Откуда взяли? Хоть-бы *текстомъ* доказали? Все это „пріятіе имени Господа Бога всуе“, забвеніе Божьей заповѣди и подстановка на ея мѣсто своей. Но я вспоминаю защитительный глаголъ Апостола: „не надлежитъ слушать человѣковъ болѣе, нежели Бога“. *В. Р—въ.*

И ужели семья русская до сихъ поръ была печальнѣйшею [1])? И печальнѣйшею потому, что она хотѣла держаться „чистоты византійской семьи?“ Далѣе, ниже, мы покажемъ, былъ ли у насъ, въ Россіи, типъ семьи *чистѣйшій и возвышеннѣйшій*? И если *былъ*, вопреки утвержденію г. Розанова, то укажемъ и то, *отъ чего именно зависѣлъ этотъ типъ*? И надобно ли русской совѣсти стремиться вырабатывать свой типъ семьи?

А теперь, читая горячія разсужденія г. Розанова, невольно приходишь къ мысли, что, по его мнѣнію, стремленіе человѣка къ истинѣ, къ добру, къ небесному, къ божественному, это все не существенное, а сущность человѣка есть стремленіе къ [2]) женщинѣ! Вотъ до какой крайности можетъ довести неумѣренное усиліе доказать желаемую мысль во что бы то ни стало,—именно, что „незаконныхъ“ рожденій нѣтъ.

Стремясь доказать, что незаконныхъ рожденій нѣтъ, что всякое рожденіе свято, что посему дѣло не въ формѣ брака, но въ зачатіи, г. Розановъ, повидимому, хотѣлъ сказать, что, собственно съ *точки зрѣнія самого родившагося ребенка, рожденіе*—свято, законно, такъ какъ ему—ребенку дарована чрезъ рожденіе—жизнь.

А если рожденіе произошло отъ болѣзненнаго отца и зараженной матери (сумасшедшіе, сифилитики, прокаженные), то назоветъ ли тогда г. Розановъ рожденіе святымъ [3]) и законнымъ? Не есть ли это насиліе надъ рожденнымъ, когда родители сами больные [4]), произвели и его больнымъ? И не въ правѣ ли родившійся самъ

---

[1]) Да, ужъ не красива. *В. Р—въ.*

[2]) За тысячу лѣтъ перевѣсъ въ сторону *отторженія* „ишъ“ отъ „иша“, („мужа и мущины“ отъ „жены и женщины“) былъ такъ великъ, и къ такимъ горестнымъ послѣдствіямъ привелъ,—что я намѣренно накрениваю корабль на другую сторону. Да, только тотъ, кто видалъ ужасы проституціи (а священники ихъ вовсе не видѣли), знаетъ, до чего дошло дѣло съ „безбрачіемъ“. *В. Р—въ.*

[3]) Ну, пошли „сифилитики“. Незаконные дѣти, какъ непремѣнно отъ любящихъ родителей рождающіеся, удвоенно здоровы и даровиты. Это была-бы краса населенія въ странѣ, и она-то выбрасывается въ клоаки и въ воспитательные дома. *В. Р—въ.*

[4]) Ну-ну! Не повѣнчанныхъ приравнивать къ физически больнымъ и сумасшедшимъ! Это все одно, какъ если бы въ *цѣлой странѣ* сдѣлать абсолютно обязательнымъ постъ, аргументируя передъ правительствомъ: „послушайте, гг. министры и государственный совѣтъ: есть ядъ, какъ-то мышьякъ, сулема, фосфоръ и т. п. Если скушать ихъ, то вѣдь умрешь! По сему, не всякое вкушеніе полезно, и мышьякъ, молоко и мясо, и даже мясо и молоко преимущественно передъ мышьякомъ не должны быть вкушаемы ни малымъ, ни старымъ, ни больнымъ и никѣмъ въ семь недѣль Великаго поста, шесть—Рождественскаго, 2—успѣнскаго, и въ Петровскій постъ. А если кто оскоромится, должно давать тому рвотнаго для изблеванія“ (параллель усилію расторгнуть „незаконныя сожитія“ черезъ ученіе о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ“). *В. Р—въ.*

сказать, что онъ рожденъ незаконно? Не будетъ ли онъ проклинать свое [1]) рожденіе?

Да! „Незаконныя рожденія“ есть, и по самой сущности, а не по гражданскому только опредѣленію!

И, вотъ, къ такому-то рожденію, всегда грѣховному, слѣд. *незаконному*, ибо грѣхъ есть нарушеніе закона [2]), и приходитъ на помощь св. Церковь съ освящающими молитвами и таинствами, и изъ незаконнаго дѣлаетъ законнымъ. „Аще кто не рóдится водою и Духомъ, не можетъ внити [3]) въ царствіе Божіе“. Таинство крещенія примиряетъ такого несчастнаго съ его несчастнымъ положеніемъ: если не тѣло, зараженное болѣзнію, то духъ спасется; скорбя тѣломъ, онъ при благодатной помощи таинствъ будетъ очищаться духомъ для царствія Божія. Но и тѣло, облагодатствованное св. тайнами, становится храмомъ св. Духа: слѣд. и оно врачуется [4]), спасается!

Сверхъ сего, св. Церковь заботится и о томъ, чтобы самихъ родителей сдѣлать такими, чтобы рождаемое отъ нихъ было „законнымъ“, „святымъ“: она освящаетъ тѣхъ, кто хотятъ сдѣлаться родителями, св. таинствомъ брака, съ тою именно цѣлію, чтобы въ нихъ, при самомъ зачатіи дѣтей, порокъ, грѣхъ былъ ослабленъ благодатію: „бракъ—честенъ, ложе нескверно“ [5]).

Церковь Православная, послѣдующая св. Писанію, не знаетъ

---

[1]) И до какой мерзости, до какого *ужаса мірового* вы доводите людей, здоровыхъ, здоровою и нравственною жизнью живущихъ (см. письма), этими своими подвохами и аналогіями. *В. Р—въ.*

[2]) Божія; и человѣческаго—если онъ *тавтологиченъ* Божію. Но вѣдь неужели-же А. А. Дернов не слыхалъ на лекціяхъ каноническаго права, что нормы брачныя въ Европѣ устроены по римскому гражданскому праву, еще языческому, а вовсе не по „Второзаконію“ раба Божія Моисея? И что это „Второзаконіе“, допускающее бракъ въ очень близкихъ степеняхъ родства, не знающее нашего „свойства“, не противящееся даже полигаміи, о которой, кстати, и Христосъ ничего запретительнаго не изрекъ, хотя въ Іудеѣ при Немъ она была наличнымъ фактомъ,—что это „Второзаконіе“, книга каноническая и боговдохновенная, узаконяетъ какъ Слово Божіе *всѣ формы нын̀ѣ порицаемаго брака.* Весь этотъ его трактатъ есть одинъ сплошной *грѣхъ. В. Р—въ.*

[3]) Эти слова—неизрѣченной глубины и тайны, и не на этихъ страницахъ изъяснить ихъ. *В. Р—въ.*

[4]) Это про *наслѣдственнаго* сифилитика пишетъ авторъ, или про плодъ незаконнаго сожитія? *В. Р—въ.*

[5]) Кстати объ опредѣленіи *сущности* брака; ловлю васъ на цитатѣ, которая и мнѣ не приходила въ голову: „бракъ честенъ, ложе не скверно“, отождествляетъ *бракъ ложу* и какъ-бы говоритъ: „вотъ что такое бракъ, и это (ложе) не скверно, а честно“. Можно-ли бы было сказать: „пѣнчаніе честно и ложе не скверно“ (раздѣляя)? Самое слово „честно“ употреблено съ ударéніемъ, какъ бы были у людей сомнѣнія; но развѣ же могло быть сомнѣніе въ *честности* обряда? Итакъ, ап. Павелъ видитъ центръ брака тамъ, гдѣ и я. И вся борьба А. А. Дернова просто незаконна, противо-апостольчна. *В. Р—въ.*

никакого „непорочнаго“ зачатія: никто изъ рожденныхъ женами, кромѣ Богочеловѣка Іисуса Христа, не зачинался безъ „беззаконія“ (Пс. 50, 7). „Плотское рожденіе, говоритъ св. Григорій Богословъ, есть дѣло почи, рабское и страстное“ [1]). (Соч., ч. 3, стр. 224).

„Того не знаетъ отецъ, родитъ ли онъ любезнаго сына или дочь; но только возстаніе плоти угашаетъ на супружескомъ ложѣ“ (Соч., ч. 5, стр. 59). „Плотское сочетаніе изобрѣтено веществомъ,—этою непрестанно текучею природою. Впрочемъ, Богъ и сему положилъ мѣру [2]), узаконивъ бракъ“ (Соч., ч. стр. 91).

„Плотское супружество удерживается въ должныхъ предѣлахъ этимъ Закономъ Божіимъ [3]) о бракѣ“ (Соч., ч. 5, стр. 158).

А относительно безбрачныхъ св. Григорій Богословъ говоритъ: „Забавно увѣрять, что плоти вступаютъ въ союзъ для произведенія на свѣтъ добрыхъ. Добрыми или худыми образуетъ время. А кто сѣетъ, тотъ не иное что дѣлаетъ, какъ уступаетъ только наглымъ требованіямъ плоти [4]). Но смѣшно думать о себѣ въ страсти, что содѣйствуешь Божіей волѣ“ (ч. 5, стр. 159).

[1]) Св. Григорій Богословъ канонизованъ въ жизни своей, подвигахъ дѣла и правды, борьбы за вѣру: но не *во всякомъ* словѣ: ибо тогда онъ былъ-бы не святъ, а божественъ. Святость всегда есть святость *жизни*, а не *безгрѣшность мысли*. И св. Григорій Богословъ не зналъ „непорочнаго зачатія“ и произошелъ, какъ мы, ограниченнымъ, слабымъ. Иной праведникъ, напр. Марія Египетская, лишь *концомъ жизни* пріобрѣла святость: канонизованность ея простремъ-ли мы назадъ и скажемъ: „вотъ *безгрѣшная въ дѣлахъ и мысли*“. Посему, хотя Григорій Богословъ и святъ, но, какъ подверженный закону грѣха и ошибки, напр., въ приведенныхъ словахъ, порицающихъ законъ размноженія *Богомъ благословенный*, онъ погрѣшилъ неосторожностью и порывистостью личнаго впечатлѣнія. Товія и Сарра зачинали какъ мы; Авраамъ и Сарра прямо зачали *по повелѣнію* Божію: неужели-же они *согрѣшили*?! Можетъ быть однако св. Григорій Богословъ хотѣлъ сказать, что падшій родъ людской уже разучился въ праведности зачинать, а зачинаетъ (въ его время) въ объядѣніи и пьянствѣ: тогда его глаголъ и упрекъ вѣчно святъ!! Но тогда онъ примѣнимъ къ случаямъ, къ людямъ, а не есть выраженіе мірового закона зачатія. *В. Р—въ.*

[2]) Во „Второзаконіи“, а не въ „кормчей“. *В. Р—въ.*

[3]) Во „Второзаконіи“ опять-же. Вообще противъ „незаконныхъ сожитій“ вы можете бороться, но не ранѣе, какъ возстановивъ „Второзаконіе“ Но тогда они *всѣ* подойдутъ подъ него и вы потеряете вѣсь поле, васъ пугающее. *В. Р—въ.*

[4]) Все это могло относиться къ лицамъ и временамъ, но не общему закону. *Зачинать* вообще можно грѣховно: 1) съ не любимою женщиною, когда къ ней чувствуешь отвращеніе, равно съ нелюбимымъ мужемъ. 2) съ непримиренною душою, раздраженный, злой въ этотъ мигъ, 3) въ разсѣяніи и суетности. Это можетъ быть въ законномъ и незаконномъ бракѣ. Зачатіе-же святое протекаетъ: 1) въ полномъ мирѣ душевномъ, 2) любви, 3) радости, и. какъ молились Товія и Сарра 4) „не какъ удовлетвореніе личнаго и своего страстнаго вожделѣнія, но какъ страстное исполненіе заповѣданія Божія“. И опять-же это можетъ быть въ законномъ и

IX. Въ какомъ же противорѣчіи съ этими словами [1]) стоятъ слова г. Розанова!

„Исцѣлить человѣчество отъ разврата—великая проблема. И ея исполненіе—въ объявленіи, что нѣтъ незаконныхъ касаній; что какъ касаніе произошло, съ кѣмъ бы то ни было, какъ бы то ни было, оно, по золотой тяжеловѣсности своего металла, есть уже полнота обязанностей, правъ, заботъ, любви, воспитанія дѣтей, полнаго супружества. Всякій образъ человѣка есть образъ человѣка, и всякій образъ супружества есть образъ супружества: создайте это понятіе, утвердите- моментально и исчезнетъ самая психологія легкихъ касаній".

Правда ли это? Напротивъ, не самый ли это легкій путь къ тому, чтобы моментально *развратъ разлился по всему человѣчеству*? чтобы всякій удовлетворялъ непрестанно „*законнымъ требованіямъ* [2]) *плоти*?".

Вѣдь, тогда, если „всякій образъ супружества есть образъ супружества" и слѣдовательно „законенъ": — и у несовершеннолѣтнихъ другъ съ другомъ, у взрослыхъ съ несовершеннолѣтними,

---

незаконномъ бракѣ. И, думается, *разность этихъ тоновъ* и мотивовъ и образуетъ „законность" и „незаконность" брака. Законно сонтіе для исполненія закона размноженія (въ раю данная), не законно по всѣмъ инымъ мотивамъ (всѣ виды корыстнаго, разсчетливаго брака, не съ восклицаніемъ „вотъ кость отъ кости моей и плоть отъ плоти моей"). Только „нравящіеся" браки, любовныя, съ любовью, съ ангелическимъ другъ къ другу довѣріемъ, когда бросаются другъ къ другу („вотъ кость моя"! Съ восклицаніемъ: „на всю жизнь! до гроба! только ты одинъ (одна)!" суть законные: хотя-бы восклицанія эти и оказались и лживыми, и тогда удерживать ихъ, можетъ быть уже полные отвращенія и ненависти, было-бы опять преступленіемъ закона, „бракомъ нечестнымъ и ложемъ сквернымъ". Вообще лющіяся минуты брака должны быть чисты, безгрѣшны, теплы, лучисты, нѣжны, бескорыстны, самоотверженны. *В. Р—въ.*

[1]) Я спокоенъ и довольствуюсь, когда согласуюсь со всѣмъ пространствомъ св. Писанія. *В. Р—въ.*

[2]) Успокойтесь, ничего не будетъ. Теперь дѣйствуетъ *только* наша мораль (никѣмъ не слушаемая), которая не сдержитъ ни 1) дѣвушки въ 30 лѣтъ, ни 2) холостого до 40 лѣтъ кавалера. О, уже всѣ пути Божіи и заповѣди Господни нарушены, забыты, перепутаны теперь. Слишкомъ мы поздно разговариваемъ. Но при моемъ проектѣ [„да бери кого угодно и сколько угодно—*но съ дѣтьми*, отъ тебя рожденными"], теперешніе безпутники закричатъ: „да на это имущества не хватитъ; у меня хватаетъ имущества *не на ребенка прокормить, а только ей за любовь заплатить*, какъ это хорошо и устроено въ нашихъ законахъ черезъ терминъ о незаконнорожденныхъ; я только не беру, удовольствіе отъ нея, тѣло ея; а что тамъ родится—то чортъ съ нимъ, незаконное вѣдь, ну пусть бросятъ, ну пусть въ Воспитательный домъ". Вѣдь вотъ какъ сейчасъ разсуждаютъ, и вѣдь по закону такъ разсуждаютъ, пріученные закономъ къ такой мысли! Вѣдь вотъ гдѣ корень-то разврата: *въ легкости и дешевизнѣ его*. А я говорю: „помножьте на *тысячу* этотъ золотникъ (дѣвушка), дабы онъ вѣсилъ *сто пудовъ* (дѣти): и теперь пусть беретъ сколько угодно золотниковъ, помноженныхъ каждый на пуды". Это—ужъ не мораль. Устанутъ коленьки, устанутъ рученьки у кавалеровъ: „куда! и съ одной, съ двумя не справиться". „Двѣ познанныя въ жизни женщины: ну, скажите по совѣсти, видали вы сѣромниковъ въ христіанскомъ обществѣ, которые бы прикосну

у состоящихъ въ кровномъ родствѣ, у Эдипа, у Коринѳскаго кровосмѣсника, у сумасшедшихъ, безумныхъ (См. зак. гражд. ст. 5, т. X, ч. 1),—у всѣхъ—законныя (?!) касанія?

Вотъ до чего договаривается г. Розановъ, не замѣчая [1]) самъ.

И не къ *этимъ* ли „*требованіямъ*" сводитъ дѣло самъ г. Розановъ, не замѣчая того, впрочемъ,—когда говоритъ, что существующіе у насъ законы о бракѣ являются причиною глубокаго соціальнаго разстройства брака (т. е. брака въ томъ смыслѣ, какъ его хочетъ понимать г. Розановъ):

„Незаконныя" дѣти вообще являются отъ трехъ причинъ: 1) глубокаго соціальнаго разстройства брака, въ силу чего огромный контингентъ дѣвушекъ, часто прекрасныхъ, скромныхъ и вѣломудренныхъ остается внѣ брака. *Наступаютъ годы, проходятъ минуты, которыя я не могу не назвать мистически таинственными, такъ они мало рационально объяснимы* (вѣдь тутъ-то и есть „наглыя требованія плоти и страсти" -), какъ объясняетъ св. Григорій Богословъ?), *и такія дѣвушки рождаютъ*" (курсивъ нашъ) (№ 8873 „Нов. Вр.", стр. 4).

Св. таинство брака и есть узда страсти. „Да погибнетъ такой супружескій союзъ, котораго не скрѣпилъ брачный законъ!" восклицаетъ св. Григорій Богословъ (Соч. 5, стр. 82).

„И послѣдній (по словамъ Св. Гр Бог.) (т. е. супружескій, скрѣпленный бракомъ, союзъ) тогда только можно назвать *честнымъ* (Евр. 13, 4) когда онъ есть собственно бракъ и супружескій союзъ, и желаніе оставить послѣ себя дѣтей: тогда онъ хорошъ, ибо умножаетъ число благоугождающихъ Богу [3]). Но когда

лись *только къ двумъ?! Десятками* и *сотнями* исчисляютъ весь. Развращенные христіанскихъ обществъ нѣтъ нигдѣ; и все вытекло изъ идеи: „если ты и коснулся дѣвушки—это еще ничего, и—никакихъ для тебя послѣдствій, ибо нѣтъ *законнаго* брака не было, ничего *серьезнаго* не было. Ребенокъ *что сифилитикъ и чумокъ*—его можно *бросить*". Вотъ на *возможности* этого, нравственной и физической и *метафизической* возможности, a priori и въ законъ предусмотрѣнной, и держится міровой развратъ. *В. Р—въ.*

[1]) Очень все замѣчаю. А по вашему что-же, изнасиловать сумасшедшую, слабоумную, больную—и бросить? Куда! На чьи руки? Теперь *бѣ въ отвѣтственности* и *послѣдствій*—ихъ несчастныхъ и насильщикъ, а тогда ихъ оставятъ въ покоѣ, или возмутъ въ полное супружество. Отъ этого Ѳамарь говоритъ Амнону, сыну Давида: „скажи отцу—и *онъ отдастъ меня* тебѣ въ жены", хотя бракъ былъ невозможенъ по родству. Но если и невозможенъ, а насиліе совершилось пусть будетъ полной бракъ, во искупленіе вины и въ уменьшеніе несчастія. Расторженіе брака (и те, „притѣсненія") есть самый страшный грѣхъ противъ заповѣди брака и всегда причина гибели, несчастія и разврата. *В. Р—въ.*

[2]) Да почему, когда ей 29 лѣтъ? Просто она не принадлежитъ къ тѣмъ, которые „могли-бы имѣетить дѣвство". А Господь иныхъ и не призываетъ къ нему. Осужденіе ея за рожденіе есть уже насильственное принужденіе ея къ дѣвству, чего мы не въ правѣ дѣлать. Одумайтесь. В. *Р—въ.*

[3]) Ну, вотъ: когда въ мнимо-„незаконномъ" сожитіи рождаются дѣти (и часто очень много), то и „умножается число благоугождающихъ Богу". И вамъ бы радоваться, а вы скорбите. Оставьте горькія слова, и лучше,—

онъ разжигаетъ грубую плоть, обкладаетъ ее терніемъ и дѣлается какъ бы путемъ къ пороку, тогда я скажу: *лучше есть не жениться*". (Сочиненія, ч. 3, стр. 183).

Такой чистоты требуютъ святые отцы Церкви отъ лицъ, принявшихъ таинство брака!

И въ самомъ супружествѣ, слѣдовательно, могутъ быть „незаконныя" касанія; ибо и св. Григорій Богословъ (Соч. ч. 5, стр.

какъ въ Свѣтлый праздникъ. „да другъ друга обымемъ": ибо сами вѣдь съ презрѣніемъ именуете человѣчество до Христа „подзаконнымъ", и Христа до того закону и принципу законности (легализаціи) противоположили, что сказали: „а если закономъ оправданіе (если человѣкъ оправдывается внѣшней регулярностью поступковъ), — то для чего-же Христосъ умеръ" („Къ Галатамъ"). И я повторю: если Христосъ умеръ *за* грѣхи, если Павелъ проповѣдовалъ *свободу*, то для чего писать такія брошюры? А если онѣ пишутся, то гдѣ-же Савлъ преображенный въ Павла? Путешествія въ Дамаскъ какъ-бы не было, и ни воскресенія, ни искупленія! Но тогда—старый законъ! давайте обрѣзаніе!! жертвенникъ, свѣтильники!!! животныхъ въ храмы, и старое восклицаніе: „Слово Господне было къ Осіи пророку: иди и возьми себѣ жену блудницу и прижени съ нею дѣтей блуда" .. „И пошелъ онъ, и взялъ Гомерь, и она зачала пророку сына". И Господь сказалъ ему: „нареки ему имя Изреель". И зачала еще и родила дочь. И Богъ сказалъ: нареки ей имя Лорухама. И, откормивъ ее грудью, она снова зачала и родила пророку еще сына"... (Книга пророка Осіи, гл. I). Дѣло въ томъ, что А. А. Дернова совершенно не понимаетъ, куда онъ ведетъ: отецъ „незаконныхъ" дѣтей можетъ съ такой силой „ухватиться за рога жертвенника" еще Моисеевой скиніи, что „покачнется храмъ" (повшествъ) и трещина пойдетъ отъ Таго до Урала. Тутъ и папы и Римъ и Лютеръ и пр. какъ горохъ посыплются. Дѣло въ томъ, что ужъ если говорить о „законѣ", то *только* ветхозавѣтномъ, съ Синая, отъ Бога „въ завѣтѣ вѣчный" (и нѣсколько разъ сказано) данный, *отмѣна* котораго слишкомъ не ясна... Отмѣна произошла какъ *мѣна*, *обмѣна* на благодать и свободу и вѣру: „вѣрою спасаемся! благодать вѣетъ съ небесъ!! свободны, во Христѣ!!!" Свободны и „Кормчая", благодать и консисторія, то-то малина!! И ребенокъ „у вѣрующаго во Христа"—отвятъ, и подъ „благодатнымъ небомъ",—какъ изображаетъ проф. Знаморскій въ статьяхъ о бракѣ—въ ящикахъ закупоренныхъ дѣтей изъ Воспитательнаго дома возятъ на кладбище, а ужъ отпѣваютъ по бумажкѣ, не распаковывая ящика (гуртомъ, читатель! не въ гробикахъ!) И по остроумному и *спокойному* объясненію сего профессора каноническаго права, дѣти эти рождаются отъ родителей, *по недоразумѣнію* и жестокости запрещенныхъ къ браку (принявшіе на себя вину при разводѣ). То-то малина! Такъ вы думаете родителямъ такихъ вывозимыхъ на кладбище въ ящикахъ дѣтей есть какое-нибудь дѣло до плотства? до сопричастія Николая съ Фотіемъ? Да пожалуйста давайте опять Синай и обрѣзаніе и субботы: потому-что вы насъ провалили въ помойную яму отъ закона Божія, закона святого, закона подлиннаго, чего-то наобѣщавъ и ничего, ничего, до позора ничего не исполнивъ? Что-же тутъ отъ Дернова останется, когда и отъ папы туфли не сохранится. Я говорю, что дѣло идетъ къ полному разсѣченію Европы, сердечному: ибо сердце отцовъ и матерей возмущено и это идетъ до неба. Не Дернову тутъ путаться и спорить, тутъ и академіи ничего не сдѣлаютъ. Просто они *не знаютъ* и *не* могутъ. И никто не можетъ и не знаетъ. И въ этомъ и опасность, въ этомъ и темнота. *В. Р—въ.*

85 и 86) и еще ранѣе его Оригенъ, а еще ранѣе св. ап. Павелъ, обращаютъ вниманіе супруговъ на особенную заботливость о цѣломудріи. При этомъ и Оригенъ, и св. Григорій Богословъ указываютъ людямъ на примѣры безсловесныхъ [1]). Въ 5-й гомиліи на книгу Бытія—„о Лотѣ и его дочеряхъ"—Оригенъ говоритъ: „Ужасаюсь высказать, что я чувствую; я боюсь, что нецѣломудріе дочерей Лота было цѣломудреннѣе [2]) цѣломудрія многихъ. Пусть жены испытаютъ себя и спросятъ, для того ли они вышли замужъ, чтобы рождать дѣтей, и воздерживаются ли онѣ послѣ зачатія. Тѣ обвиняются въ нецѣломудріи; но онѣ, послѣ того какъ зачали, не ищутъ снова объятій мужа. Между тѣмъ, нѣкоторыя женщины (мы не на всѣхъ указываемъ, а на нѣкоторыхъ) -я сравню ихъ съ безсловесными животными– подобно звѣрямъ, безъ различія и не переставая, ищутъ лишь удовлетворенія своей похоти. Но даже звѣри, лишь только они зачали, не совокупляются" (5-я гомилія).

А св. Григорій Богословъ также говоритъ: „Въ самомъ безуміи страсти животныя связаны благовременностію. А если и у неразумныхъ есть нѣкоторая заботливость о цѣломудріи, то ужели ты, Божіе созданіе, не свяжешь всѣхъ законовъ плоти, если захочешь? Человѣкъ такъ же уступчивъ разуму, какъ и мѣдь огню. Если разумъ не царь плоти, тогда какъ образъ Божій обожилъ меня, то въ чемъ преимущество наше, если и мы уступаемъ такимъ-же движеніямъ? Хотя природа не удержима въ большемъ числѣ людей, однако-же знаемъ и то, что заповѣдь часто превозмогаетъ и общую природу" (Соч. Гр. Бог., ч. 5, стр. 86).

Такимъ образомъ, по словамъ св. Отцовъ и учителей Церкви, даже и въ супружескомъ союзѣ, скрѣпленномъ брачнымъ закономъ, могутъ быть незаконныя касанія къ своей женѣ. И учители Церкви совѣтуютъ избѣгать ихъ.

И только очень чистыя, скромныя и цѣломудренныя натуры, освященныя именно [3]) св. таинствомъ брака, умѣютъ исполнять этотъ совѣтъ Св. Отцовъ и учителей Церкви. Такъ, отъ старца-протоіерея, хорошо знавшаго „Николаевскія" времена, намъ пришлось слышать разсказъ объ одномъ солдатѣ, который, несмотря на пожилыя уже лѣта свои, своимъ бравымъ видомъ поражалъ

---

[1]) А раньше спрашивалъ: „неужели бракъ у животныхъ есть". Вотъ ужъ оправдалось: „нельзя плевать въ колодезь –можетъ придется изъ него напиться". Радуюсь за милыхъ животныхъ. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, вотъ—и споръ конченъ. Не повѣрилъ-бы Оригену, но приходится вѣрить Дернову: „нецѣломудріе Лотовыхъ дочерей, а тѣмъ паче всякихъ незаконносожительствующихъ –есть, было и будетъ цѣломудреннѣе, т. е. законнѣе и святѣе, цѣломудрія многихъ законныхъ женъ". Споръ конченъ въ этомъ примѣрѣ самимъ А. А. Дерновымъ и онъ самъ сказалъ: „пасъ, проиграно, все написанное—недоразумѣніе". *В. Р—въ.*

[3]) Да почему „именно"? Вѣдь Оригенъ говоритъ и вы согласились, что вѣнчанные бываютъ развратнѣе невѣнчанныхъ? *В. Р—въ.*

всѣхъ. Въ томъ-же полку было пять сыновей его, — такихъ-же бравыхъ. Это обратило на себя вниманіе Государя Николая Павловича, который пришелъ въ изумленіе, услышавши, что у этого солдата есть и еще нѣсколько (до двадцати) человѣкъ дѣтей, которыя всѣ живы и отличаются такимъ-же крѣпкимъ здоровьемъ: равно жива и крѣпка здоровьемъ и его жена. Недоумѣніе Государя относительно такой большой и крѣпкой физически семьи разрѣшилъ самъ бравый старый служака, сказавши простодушно, что „онъ относился къ женѣ такъ, какъ онъ наблюдалъ въ обычаяхъ у животныхъ" [1],—отъ чего и дѣти всѣ здоровы и живы, хотя ихъ и много, и жена-старуха здорова и жива.

Когда Государь потребовалъ разъясненія этого, то солдатъ сказалъ, что онъ касался своей жены только *столько именно разъ, сколько у него дѣтей*: а послѣ зачатія онъ уже не „зналъ" ея болѣе.

Этотъ солдатъ, конечно, исполнялъ заповѣдь Св. Церкви, которая требуетъ отъ всякой, находящейся въ бракѣ женщины, особеннаго воздержанія именно во время чревоношенія.

Какъ высоко Св. Церковь смотритъ на бракъ, видно изъ того, что древними правилами церковными вмѣнялось даже въ обязанность всѣмъ желающимъ сочетаться бракомъ приготовлять себя къ пріятію этого таинства постомъ, исповѣдію и причащеніемъ [2]) Св. Таинъ (Кормч., часть II, гл. 50). И отъ брачущихся, имѣющихъ быть родителями и воспитателями будущихъ дѣтей своихъ въ духѣ христіанской вѣры Православной и христіанскаго благочестія, требовалось и требуется знаніе того, въ чемъ родители должны наставлять своихъ дѣтей (Ibid). И нынѣ эти правила не отмѣнены [3]).

Плодомъ таковыхъ-то браковъ и такового супружескаго воздержанія и являлись дѣти, рожденіе которыхъ *дѣйствительно можно называть святымъ*. (Нашр., препод. Сергій). И вся земная жизнь чадъ отъ подобныхъ воздержныхъ супружествъ [давшихъ

[1]) Вотъ! А съ какой гордостью начиналъ: „но вѣдь тогда и у животныхъ придется признать бракъ" Теперь-же ему придется написать: „согрѣшилъ я, ввелъ животныхъ въ храмину богословскихъ разсужденій о тайнѣ супружества". Кстати, вѣдь ужъ животные-то вѣрно безъ-обрядно супружатся? Но съ нихъ береть *примѣръ* солдатъ Николаевскихъ временъ, а этого солдата *въ пособіе* людямъ и богословамъ ставитъ протоіерей. Стало быть они всѣ сообща, солдатъ, протоіерей, Ориген, подпявъ перстъ и вперя очи на животныхъ и дочерей Лота, единогласно трубятъ и учатъ „вотъ *истинный* бракъ, потъ — *вотъ* слѣдуетъ брачиться". Не даромъ въ Библіи сказано, что животные сотворены *впереди* человѣка, *ближе* къ „солнцу, лунѣ и звѣздамъ". *В. Р—въ.*

[2]) Такъ и до сихъ поръ слѣдовало-бы оставить. *В. Р—въ.*

[3]) Что это за правила, которыя не исполняются и о которыхъ никому сами священники не напоминаютъ? *В. Р—въ.*

еще во время зачатія и чревоношенія [1])—духовное, святое направленіе плоду чрева своего], проходила такъ духовно, свято, что и *смерть ихъ была святою*, тихою, безболѣзненною (кромѣ святыхъ, прославленныхъ и нетлѣніемъ тѣла своего, укажемъ напр. на кончину Серафима Саровскаго, митрополита Филарета Московскаго, Ѳеофана затворника и др.).

И г-нъ Евгеній Марковъ, въ статьѣ „Жестокая чувствительность" („Нов. Вр." № 8865, стр. 3, стол. 5), замѣчаетъ, „что при неправильностяхъ (а мы дополнимъ: при *грѣховности*) самаго зарожденія человѣка, трудно встрѣтить вполнѣ правильные, строго нормальные, органическіе процессы въ человѣческой жизни".

Вотъ гдѣ тайна *святаго* рожденія и *святой* смерти, а не въ „морѣ случайностей", не въ „въ прилѣпленіи половъ" [2]), какъ утверждаетъ г. Розановъ.

Да! Забываются нынѣшними, называющими себя „просвѣщенными, людьми" истины, издревле содержимыя Св. Церковію!

То, что высказано Св. Отцами и учителями Церкви, то, что дано Церковію какъ заповѣдь въ самыя первыя времена христіанства,—то, что фактически осуществляли и осуществляютъ христіане, освящаемые таинствомъ брака,—то въ наши дни высказывается въ литературѣ, какъ „нѣчто новое". Такъ, въ книгѣ Алисы Токгэмъ „Токологія, или ученіе о рожденіи", авторъ, докторъ, высказываетъ тѣ же самыя теоретическія положенія, какія въ христіанской Православной Церкви требуется проводить и проводятся и въ жизни [3]).

---

[1]) Вотъ это очень важно: забременѣвъ, женщина сейчасъ-же, въ цѣляхъ воспитанія плода, должна подвергнуться особымъ заботамъ о ней Матери-Церкви: Для беременныхъ женщинъ слѣдуетъ отвести нѣсколькихъ ближнихъ приходовъ и назначить особыя чтенія всѣхъ мѣстъ Писанія, гдѣ имъ объясняется о рожденіи, или разсказывается исторія замѣчательныхъ рожденій, семей Адама, Авраама, Исаака, Іакова и Лавана, Іосифа, Моисея, Самуила, Самсона—Іевфая и другихъ судей израилевыхъ, Давида и дѣтей его, Маттаѳія, а главное—рожденіе и судьба Пресвятой Дѣвы; также—мѣста изъ „Откровенія". Это—для слушанія. Далѣе, онѣ сами могли бы пѣть избранныя молитвы, и, наконецъ, конечно часто причащаться; и особенно содержать въ абсолютной чистотѣ, черезъ частыя религіозныя омовенія, свое тѣло, вѣчно памятуя: „тѣла ваши суть храмы Бога Живого". Все это пренебрежно, и съ развратомъ (легкомысліемъ) матерей уже въ утробѣ развращаются дѣти. Вотъ что значитъ: „въ беззаконіи (вѣроятно) зачатъ есмь, во грѣхахъ (безъ омовѣній и молитвъ) родила (должно быть) меня мать моя" (Пс. 50). Это—случай и явленіе, а не законъ, не универсъ. Универсъ рожденія — святость!! *В. Р—въ.*

[2]) Такъ именно „въ прилѣпленіи"—*какъ* „прилѣпляться"! Ну, послушайте: вѣдь изъ „гряди, гряди, невѣста моя" никакъ не выйдутъ „нормальные органическіе процессы плода". *В. Р—въ.*

[3]) Ну, и отлично. Все идетъ *къ здоровью*, и, повѣрьте, *только* къ нему поспѣшая—само собой придетъ дѣло и къ святостямъ! Ибо *бытіе* и *святость*—одно, и законы ихъ—*общіе*. *В. Р—въ.*

Хотя, замѣтимъ здѣсь, нашолся и въ нашей печати противникъ,—именно въ смыслѣ несогласія съ требованіемъ воздержанія,—въ лицѣ доктора Гориневскаго, помѣстившаго рецензію на этотъ трудъ, кажется въ „Русской Мысли". Были и философы и древніе мыслители, которые поставляли отличительнымъ признакомъ человѣка отъ животныхъ именно то, что половой его инстинктъ можетъ всегда проявляться: отсюда недовольство одной женой, а требованіе, чтобы были: жена, метресса и наложницы, чтобы половой инстинктъ не сдерживался временемъ чревоношенія и кормленія грудью.

Не поэтому-ли въ предисловіи къ русскому переводу книги Токгэмъ, написанномъ гр. Л. Н. Толстымъ, послѣдній, рекомендуя это сочиненіе русской публикѣ, очевидно по соотвѣтствію воззрѣній автора съ его собственными этическими взглядами, усматриваетъ въ трудѣ г-жи Токгэмъ „нѣчто новое".

Между тѣмъ, тѣ-же самыя мысли высказывалъ съ силою и образностію знаменитый Оригенъ, который, указывая именно на примѣръ *животныхъ*, изрекалъ, отъ этого примѣра исходя, сильное обличеніе *человѣку* [1]).

Не доказывается-ли этимъ еще разъ справедливость извѣстнаго изрѣченія: „ничто не ново подъ луною", а ново то, что хорошо—забыто.

Такъ ошибается и г. Розановъ, указывая, что онъ именно нашелъ въ 22-й главѣ книги „Исходъ" нравственный исходъ для „незаконно-родившей дѣвушки" (вѣрнѣе, какъ это и сказано у Моисея: „обольщенной"), „не заканчивающійся ни ея кровію, ни кровію ея ребенка".

При чемъ онъ съ паѳосомъ восклицаетъ: „Не правда-ли? И я, христіанинъ, читая эти строки, успокаиваюсь: „вотъ какъ нужно", „вотъ гдѣ правда!" И этой правды, или подобной и приблизительной, я не вижу вокругъ, въ нашемъ христіанскомъ и, казалось-бы, лучшемъ мірѣ".

Увы! Несмотря на весь паѳосъ, г. Розановъ ошибается: въ христіанскомъ мірѣ, съ самыхъ апостольскихъ временъ, высказано [2]) правило (Ап. пр. 67), которымъ „виновные въ насиліи

[1]) Ну, вотъ! Не даромъ ихъ Соломонъ и въ храмъ ввелъ, какъ-бы говоря: „поучимся у нихъ". *В. Р—въ.*

[2]) Знаю, знаю! Вотъ бы что̀ *надо сохранить, примѣнять*; и сколько утопленницъ дѣвушекъ осталось-бы въ живыхъ! Просто *страшно* касаться нашей темы: до того она преступна въ исторіи и теперешнемъ сложеніи. *Кто*-же и *когда* отмѣнилъ это 67 Апостольское правило? Читаю признаніе священника: „Не разъ, во время окликовъ передъ вѣнчаніемъ, заявляли о препятствіяхъ къ браку, большею частью обольщенные и обманутые дѣвицы [„которыя", слѣдовало бы добавить, „по 67-му Апостольскому правилу, должны были стать и нарѣчься супругами обвиняемому"]. Совѣсть іерея въ правѣ будетъ мучить его, если онъ съ закрытыми глазами прошелъ мимо явнаго безчинія, тяжелаго преступленія [ну, а вѣдь „*пройдетъ*"-же „мимо"!]. Правда, принудить къ браку

дѣвъ, еще не обрученныхъ, обязывались къ браку съ ними, съ цѣлію загладить свое преступленіе".

Ошибается г. Розановъ и въ дальнѣйшемъ своемъ выводѣ изъ открытой имъ будто-бы „новой" [но не усмотрѣнной [1]) имъ, хотя и существующей въ христіанствѣ] правды:

Очевидно, говоритъ онъ, вся сумма дѣвушекъ, переставшихъ быть таковыми, переходила въ полный итогъ брака. Лучше-ли это нашего? Пусть судитъ каждый. Я-же скажу, что не было плача дѣвушекъ тамъ„!

А побіеніе [2]) камнями?.. Вѣдь въ законѣ Моисеевомъ положены были страшныя казни [3]) за „любодѣяніе" и „прелюбодѣя-

---

онъ не можетъ [*какъ* не можетъ? А 67 правило? взялъ да и записалъ въ метрики о бракосочетающихся: „жена такого-то по 67 Ап. правилу", да и вписалъ ему ее въ паспортъ, предъявляемый передъ вѣнчаніемъ: вѣдь это не трудно, чѣмъ вписать незаконнорожденнаго] и обольстителя обманщика, но понудить его священный долгъ [съѣзжаетъ авторъ'на мораль]. Онъ обязанъ разъяснить обольстителю [при незаконности рожденія не „разъясняютъ", а прямо вписываютъ], что вѣнецъ, какъ мзда цѣломудрія, не можетъ быть возложенъ на голову нечистаго безъ заглажденія и покрытія грѣха достойными покаянія плодами. Родные невѣсты и сама невѣста также должны быть освѣдомлены съ заявленнымъ препятствіемъ, дабы и они рѣшались на серьезный шагъ, крѣпко подумавши напередъ, что можетъ дать бракъ съ лицомъ—нагло попирающимъ торжественныя свои обѣщанія" („С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ", 1899 г. № 1, статья Н. Дроздова: „Къ вопросамъ о браковѣнчаніи"). Какъ „что можетъ дать" такой бракъ? Положеніе, почетъ, фамилію, наслѣдство, права пенсіи. Вѣдь сами сдѣлали изъ брака вѣчный контрактъ, исключивъ любовь (которая была съ родившей дѣвушкой: но эта любовь исключена и дѣвушка выброшена, и съ ребенкомъ, за флагъ брака). Но я объясню, почему 67-ое пр. Св. Апостолъ не исполняется: вѣдь оно отождествляетъ сожитіе съ бракомъ, говоря о будто-бы павшей дѣвушкѣ: „она *уже жена*". Вотъ что авторитетъ признанъ за любящимъ „сожитіемъ" въ этомъ правилѣ, а флагъ формальностей въ немъ присущенъ, это-то стоя на пути „нашей гордости" и заставило духовенство отложить 67-ое правило въ сторону. Между тѣмъ, принимая санъ, епископы даютъ „обѣщаніе „сохранять правила Св. Апостолъ и семи вселенскихъ соборовъ", *безъ исключенія*. *В. Р—въ.*

[1]) Да какъ-же я „усмотрю", когда она *отмѣнена, не исполняется*! Я знаю *одно*, что дѣвушки такія бросаются. И вѣдь имъ конечно мало утѣшенія, что священ. Дроздовъ втихомолку написалъ въ „Духовномъ Вѣстникѣ": ибо вѣдь онъ не закричалъ объ истинѣ этой на площади, не напечаталъ въ „Нов. Времени", не разъяснилъ на церковной каѳедрѣ о *правахъ* такихъ дѣвицъ. А въ этомъ все и дѣло. *В. Р—въ.*

[2]) Надо-бы эту безграмотность перестать повторять. Цитирую Мишну, памятникъ библейской жизни, редактированный въ 2-мъ вѣкѣ по Р. Х.: „какая разница между изнасиловавшимъ и обольстившимъ? Изнасиловавшій платитъ за страданіе, а обольстившій за страданіе не платитъ. Р. Симонъ говоритъ: ни тотъ, ни другой за страданіе не платитъ, ибо она все равно должна была бы впослѣдствіи испытать это страданіе". *Гемара* къ главѣ 3-ей трактата *Кетуботъ*. Такимъ образомъ, такъ назыв. „обольщенія" дѣвицъ, т. е. любящія „паденія" (все *наши* термины) никакого о себѣ вопроса у древнихъ евреевъ не вызывали, будучи простымъ исполненіемъ глагола: „размножьтесь". *В. Р—въ.*

[3]) Такъ бы и хотѣли вы схватить зубами, да... „виноградъ зеленъ":

ніе". Этимъ казнямъ наравнѣ подвергались дѣвицы и замужнія женщины.

А г-нъ А-тъ, въ „Нов. Вр." № 8874, 9 ноября, въ открытомъ письмѣ г. Розанову, говоритъ, что *„евреи страшно жестоки и до сихъ поръ къ прелюбодѣйному грѣху евреекъ"*.

Отсюда-то, несомнѣнно, и въ нашемъ древне-русскомъ законодательствѣ тѣ строгіе законы, которые уже приведены нами выше [1]).

И г. Розановъ, требуя установленія, на основаніи будто-бы закона Моисеева (о неправильности этого взгляда мы замѣтили выше), кромѣ сложныхъ (т. е. совершенія таинства брака) „и болѣе упрощенныхъ формъ заключенія брака, напр. вплоть до одного благословенія родителей, или до простой мѣны кольцами, такъ какъ возможно-ли вездѣ сыскать *полный приборъ обстоятельствъ для заключенія брака*?" напрасно прибавляетъ:

„И тысячи дѣвушекъ спасутся! И мы отдѣлимъ настоящую привязанность отъ случая фривольности, легкомыслія".

Напротивъ! тогда-то легкомыслію и дана будетъ полная возможность; тогда-то тысячи дѣвушекъ самымъ легкимъ образомъ погибнутъ [2]).

---

1) государство не даетъ въ обиду: 2) общественное негодованіе слишкомъ напряжено, ибо 3) слишкомъ велика разница между библейскимъ еврействомъ, гдѣ не было юношей старше 13 лѣтъ не женатыхъ и дѣвушекъ старше 12 л. незамужнихъ, и между нашимъ положеніемъ, гдѣ милліонъ самаго цвѣтущаго населенія стоитъ подъ ружьемъ *безъ права* жениться, и гдѣ $\frac{1}{4}$ дѣвушекъ до 30, до 40 лѣтъ и до гроба остаются безъ мужа и дѣтей. Но, кромѣ того, „гробы повапленные", оглянитесь на себя: вы бы хотѣли побить камнями здороваго солдата и перезрѣлую дѣвицу „за блудъ", но почему-же вы записали въ книгу для назидательнаго чтенія случай съ аскетомъ, который „умиралъ было", но „воспылалъ плотію" и „палъ", когда до его ноги только неосторожно дотронулась черничка. Вѣрно „себѣ соломки подстелю, а тебя на веревкѣ удавлю". Не разобрали, что въ Ветхомъ Завѣтѣ „любодѣяніемъ" и „прелюбодѣяніемъ" зовется вовсе не здоровое размноженіе, но именно случай отношенія къ женщинѣ, когда зачатіе исключено: напр. соитіе съ менструирующей („нидой") хотя-бы и въ законномъ бракѣ. *В. Р—въ.*

[1]) Да вовсе не „оттуда", или „оттуда" при полномъ безграмотствѣ. У насъ „прелюбодѣяніемъ" называется: 1) при 2-хъ свидѣтеляхъ совокупленіе мужа съ *не женою* или жены съ *не мужемъ*: 2) „паденіе" дѣвицы. Въ „Ветхомъ завѣтѣ" 2-ой случай былъ вступленіемъ въ бракъ и никакихъ тамъ „паденій" не было; измѣнъ женъ не было (случая съ Сусанною нѣтъ въ еврейскомъ текстѣ книги Даніила, и онъ не возможенъ по всему устройству библейскаго законодательства), ибо достаточно было женѣ пожаловаться суду на грубое обхожденіе мужа, или что онъ не пускаетъ ее въ гости къ роднымъ, чтобы получить разводъ; измѣнъ мужа женѣ не было-же, ибо при полигаміи, уничтоженной лишь въ XIII вѣкѣ христіанской эры, это были не „измѣны", а вступленія въ бракъ. Но евреи жестоки къ вступившимъ въ бракъ съ *инородцами* (образуется существо „ваала", а не „іеговы", предательство субъективизму іудейскому), хотя бы такое вступленіе сопровождалось всѣми обрядностями „Каны Галилейской". *В. Р—въ.*

[2]) Ну, да, т. е. выйдя замужъ: вѣдь для васъ замужество-то и „гибель", оттого вы передъ вступленіемъ въ бракъ и наставили рогатокъ,

Настоящая-же привязанность, напротивъ, будетъ, *непремѣнно* будетъ искать совершенія *таинства* брака, т. е. никогда не удовольствуется самою упрощенною формою брака [1]).

Несправедливы и заключительныя слова г. Розанова.

„Такимъ образомъ подъ заповѣдь „не прелюбодѣйствуй", установленную Богомъ, подходитъ вовсе не рожденіе (незаконнорожденная дѣвушка), а напр., наша страшная проституція, о коей скромно молчатъ всѣ батюшки, набрасывавшіе лишь на случаи нарушенія разныхъ византійскихъ, нисколько не евангельскихъ и не библейскихъ (въ сущности — римскихъ) понятій о семьѣ".

Что касается указаннаго „скромнаго умолчанія батюшекъ", то у послѣднихъ есть нравственная и вмѣстѣ благодатная сила воздѣйствія [2]) на это зло, именно въ таинствѣ покаянія. Конечно, о томъ, какъ батюшки борются съ этимъ зломъ во время исповѣди, знаетъ только одинъ Богъ, да тѣ, кои возстали [3]) изъ этого страшнаго паденія именно при воздѣйствіи пастыря на исповѣди и при благодатной помощи свыше, подаваемой въ этомъ таинствѣ истинно вѣрующему. А спросимъ г. Розанова, изъ сколькихъ домовъ „такого рода" обитательницы ихъ отпускаются содержательницами [4]) на исповѣдь?

Что-же противопоставляетъ г. Розановъ византійскимъ, по его выраженію, понятіямъ о семьѣ, какъ семью именно будто-бы евангельскую, библейскую?

волчьи ямы и западни; но что non placet еморщенному скопцу, то placet bovi-Россіи. *В. Р—въ.*

[1]) Въ 3-хъ строчкахъ разрѣшилъ вопросъ. Ну, а солдаты? офицеры? студенты! Скажетъ—„потерпятъ". Ну, а очень некрасивыя дѣвушки, а очень бѣдныя? Отвѣтитъ: „такъ Богъ велѣлъ, вѣрно не судьба". Но я отвѣчу жестокому: „не пріимли имени Господа Бога твоего всуе" и „не сотвори себѣ кумира" изъ своего мнѣнія. О, краткословные и жестокіе... *В. Р—въ.*

[2]) Ха-ха-ха... Уморилъ. Это на *ураганъ*-то голода, понуждающаго (бываетъ! бываетъ!) матерей для прокормленія дѣтей самимъ выходить на улицу и проституировать, и дѣтей туда-же посылать (Соня Мармеладова! фарисей, умастивъ головку елеемъ, заявляетъ: „какъ-же, мы помогаемъ! дѣйствуемъ, стараемся"!.. Да что-же я, однако, забылъ: въ Петербургѣ дѣйствительно въ дома терпимости разсылается теперь (по почтѣ?) журналъ духовно-нравственнаго чтенія: „Паломникъ". Между тѣмъ: *женя* ты лишняго, *выдай* лишнюю *за мужъ*, и ты: 1) одну на вѣки гарантируешь отъ проституціи, какъ-бы привьешь оспу противъ проституціи, и 2) погасишь сотни, а то и тысячу вхожденій въ домъ терпимости этого женатаго юноши. Надо бы, въ виду этого, государству, духовенству прямо *браться* женить и выдавать за мужъ. Ну, а посчитайте-ка въ своемъ вѣдомствѣ „препятствія къ браку", или еще красивѣе, прочтите рубрику: „о расторженіяхъ уже заключенныхъ браковъ", о вдовыхъ священникахъ. *В. Р—въ.*

[3]) „Возстали" тѣ, которымъ было чѣмъ уплатить „хозяйкѣ": о прочихъ мотивахъ „возстанія" никто не слыхалъ. *В. Р—въ.*

[4]) Да вы бы похлопотали передъ начальствомъ, то можетъ быть и *обязали* бы отпускать. Тутъ что-же „г. Розанова" спрашивать. *В. Р—въ.*

Въ № 8873-мъ, отъ 8-го ноября, мы читаемъ написанныя имъ строки:

„Незаконныя дѣти являются 2) отъ отсутствія развода, или и при разводѣ—отъ запрещенія вступать въ бракъ „прелюбодѣю (читай: „великодушнѣйшей сторонѣ, принявшей на себя вину"). Разводъ стоитъ около 6—7 тысячъ. Семья фактически лѣтъ 8—10 не существуетъ и не имѣетъ никакихъ надеждъ воскреснуть. Вся психологія (?) умершаго супружества не существуетъ, вся его логика (?) и реальная религія (?)—тоже [1]). Мужъ, т. е. „прелюбодѣй" — живетъ холостякомъ годы, пять лѣтъ, десять лѣтъ, и конечно—прелюбодѣйствуетъ на этотъ разъ уже въ самомъ дѣлѣ, потому что принуждается (?) къ этому законнымъ своимъ положеніемъ, наипьственно (?) вдовымъ. Наконецъ, когда ему достаточно невыносима станетъ эта отвратительная жизнь, онъ вступаетъ въ „блудное сожитіе", которое, если посмотрѣть снаружи, кажется таковымъ, а войдя въ домъ, опять вы видите настоящую (?) и полную семью, въ которую человѣкъ вырвался изъ принудительно навязаннаго (?) ему разврата, въ которой онъ отдыхаетъ и утѣшается послѣ десяти лѣтъ жизни и муки: но, увы! всѣ дѣти отъ этой полной (?) и чистой семьи (?) суть тоже незаконнорожденныя"... „Общее правило: ни государство, ни религія не въ правѣ становиться между дѣтьми и родителями. Это – нечестіе, это nefas"... „Дѣти предохранили-бы бракъ отъ разложенія: а теперь (т. е. когда „незаконнорожденныхъ" дѣтей не признаютъ „законными"), мы наказываемся отъ Бога тѣмъ, что бракъ разсыпается, таетъ, сталъ холоденъ, корыстенъ, нравственно никому не нуженъ"... „и—нѣтъ „адюльтера".—не признаемъ, отрицаемъ: есть только нравственная и отвѣтственная связь супружества". И я радуюсь, что въ этомъ своемъ утвержденіи могу опереться на столь великій авторитетъ Боговидца".

Ужели—таковы библейскія и евангельскія понятія [2]) о семьѣ, о бракѣ, о дѣтяхъ?

X. Между тѣмъ истинно-христіанское ученіе о бракѣ совершенно иное. Бракъ —*не договоръ, не обязательство и не законное рабство*,—какъ это представляетъ г. Розановъ: онъ есть воспроизведеніе образа, установленнаго Божественнымъ Закономъ, онъ есть именно св. таинство, совершаемое Церковію чрезъ вѣнчаніе. Въ докладѣ своемъ: „*Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сожительствъ*",? на страницахъ 5, 6 и 7 мы, по возможности, старались, руководствуясь указаніями нашихъ отечественныхъ богослововъ, проповѣдниковъ и писателей, выяснить сущность „тайны" брака и показать, какое значеніе бракъ имѣлъ всегда въ глазахъ Церкви, признающей его за *таинство* и за *тайну* [3]).

---

[1]) Чего ставитъ авторъ (здѣсь и ниже вездѣ) знаки вопроса? Неужели онъ не соглашается съ очевидностями? *В. Р—въ.*

[2]) Не понимаю, о чемъ авторъ пишетъ. Я говорю *о жестокости нашего законодательства о семьѣ и бракѣ*; оппонентъ восклицаетъ: „неужели это черты *библейскаго* брака". Мнѣ остается только пожать плечами. *В. Р—въ.*

[3]) Нужно бы точнѣе выражаться: „таинствомъ и тайною мы признаемъ наше участіе и власть и глаголы, прилагаемые къ бракосочетающимся и браку, каковые сами въ себѣ порнографичны, не чисты и грѣшны". А по нелѣпымъ выраженіямъ вы подаете поводъ думать, что что-то

Тамъ-же, и на слѣдующихъ страницахъ—8, 9, 10 и 11, указанъ нами взглядъ церковный (а онъ—и истинно христіанскій, библейскій, евангельскій) на *разводъ*, на необходимость *цѣломудрія* супруговъ и *не* супруговъ, на причины, повреждающія законъ и тайну брака, — между прочимъ и *на необузданную страсть* къ плотскимъ наслажденіямъ, каковой страсти г. Розановъ,—своими статьями, которыя именно и побудили насъ написать *сей отпоръ*,- даетъ нынѣ такую широкую дорогу, всѣ малѣйшія затрудненія на которой, препятствія и стѣсненія, ему желательно *устранить*, даже *постановленіемъ* (какъ сильно желаетъ этого г. Розановъ!) *гражданской и церковной власти*. А между тѣмъ *объ эти власти* всегда утверждали, утверждаютъ и будутъ утверждать, что супружество имѣетъ важное значеніе по отношенію къ Провидѣнію Божію, къ семейству и къ Государству, что бракъ, какъ супружество, освященное св. таинствомъ церковнымъ, на вступившихъ въ такой, Богомъ благословенный, союзъ налагаетъ полноту обязанностей, пренебрегать которыми уже никто не имѣетъ права.

Богъ, сотворивъ первыхъ человѣковъ, имъ самимъ и ихъ потомкамъ [1]) ввѣрилъ дальнѣйшее произведеніе людей на свѣтъ, ввѣрилъ какъ-бы продолженіе Своего творческаго дѣйствія. Какой великій даръ [2])! И можно-ли дерзновенно принимать его безъ особеннаго благословленія [3]) Божія? Можно-ли вступать безъ бла-

---

доброе мыслите о людяхъ, вступающихъ въ бракъ. Но кажется пора барану начать беречь свое руно для себя: зима идетъ. *В. Р—въ.*

[1]) Ну, такъ—*имъ*, а не вамъ? *Вы*-то откуда взялись? Посылая въ міръ апостоловъ, отъ *миссіи* которыхъ идутъ всѣ *ваши* задачи и прерогативы въ мірѣ, Спаситель сказалъ: „идите и *благовѣствуйте* царство небесное, *хромыхъ* исцѣляйте, слѣпымъ возвращайте зрѣніе, прокаженныхъ очищайте, вездѣ *благовѣствуйте* лѣто Господне прохладное". Но о *бракѣ* или *расторженіяхъ* и *заключеніяхъ* его ничего не прибавилъ. Вотъ и „исцѣляйте слѣпыхъ", чѣмъ писать безсвязныя статейки на тему, *до васъ вовсе не относящуюся* (не передалъ этого *вамъ* Спаситель). Такъ-что вы похожи на „посланника", который забылъ „вѣрительныя грамоты". Таковыхъ обычно посылаютъ обратно, что здѣсь и приходится дѣлать мнѣ. „Пропуска" у васъ, „паспорта", „документа" нѣтъ на всѣ эти дѣла о „незаконнорожденности" и о „расторженіи" браковъ и о „препятствіяхъ" къ браку. *В. Р—въ.*

[2]) А вы его оспариваете! Порицаете, поносите! Какой *ужасный* смыслъ имѣетъ эта брошюра, какой здѣсь „памятникъ" лежитъ отношенія къ браку! *В. Р—въ.*

[3]) Да вѣдь въ „благословеніи"-то (въ Раю еще) и заключается „благословеніе"?!! А вы говорите: „безъ благословенія". Значитъ вы кассируете *то первое* благословеніе Бога? Ужасная истина и состоитъ въ томъ, что это въ самомъ дѣлѣ произведено вами. И когда *то древнее* благословеніе кассировано, затоптано, опозорено бранью—тогда и *выдвинулась* такая особая необходимость въ новомъ и личномъ каждому отъ *васъ* благословеніи. Кто сталъ „на *мѣсто* Бога", чувствуетъ ужасную въ *себѣ* нужду. Вотъ мотивъ горячности автора: либо если-бы онъ не на одной

гословенія отъ Бога [1]) въ этотъ союзъ, который есть великая тайна, по подобію таинственнаго соединенія [2]) Христа съ Церковію (Еф. V, 29 и 30).

По свидѣтельству Священнаго Писанія, бракъ установленъ отъ Бога во взаимную также помощь, ободреніе, утѣшеніе и благополучіе [3]) супруговъ (Быт. II, 18).

этой 69-й страницѣ брошюры помнилъ, что „Богомъ великій даръ чадородія благословенъ", то и въ голову ему не пришло-бы писать безтолковщину: „дерзость есть *безъ моего* повторнаго благословенія самонадѣянно исполнять *раньше благословенное Богомъ*". *В. Р—въ.*

[1]) Да вѣдь оно *было* и *остается*, несчастный вы оппонентъ? Вѣдь вы противъ Бога и его благословенія идете во всей этой брошюрѣ? *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ это давно бы надо замѣтить, что „единенія пресвитера вѣнчающаго съ четою вѣнчаемою" конечно не происходитъ, и никто этого не утверждаетъ; между тѣмъ „тайною во образъ соединенія Христа съ церковью" именуется въ бракѣ конечно какое-то „соединеніе"-же. Какое-же? Да *мужа и жены*, „двухъ въ плоть едину", какъ опредѣлилъ и Спаситель. Плодъ „единенія Христа и церкви" есть душа возрожденная; и ему уподобленно „единеніе мужа и жены", рождающее младенца. Но между пресвитеромъ и четою какъ нѣтъ „соединенія", такъ ничего отъ нихъ и не рождается. Неужели можно сказать: „какъ Христосъ соединенъ съ церковью, такъ пресвитеръ соединенъ съ вѣнчаемыми". А если нельзя этого сказать, то очевидно „тайна" и „таинство" лежитъ *между* мужемъ и женою, а не *между* ими и пресвитеромъ. Но конечно мы этимъ не отрицаемъ вѣнчаніе, какъ *благословеніе*; и какой глупый или безумный станетъ бѣгать благословенія. Развѣ въ бѣлой горячкѣ. Однако иное отсюда выходитъ рѣшеніе о тѣхъ, кои по нуждѣ времени или обстоятельствъ не *смогли* благословиться. Они все-же благословлены Богомъ и признаны (должны быть) человѣчествомъ. Рѣчь и идетъ не объ отрицаніи, а объ *ограниченіи* и *введеніи въ русло* претензій новыхъ и несостоятельныхъ: дабы благословенно было благословеніе и алкалось человѣчествомъ, а не то, чтобы насильно напялывалось ему, а не успѣвшіе его принять—дабы наказывались. Есть исповѣдь: но если-бы вы, встрѣтя на Литейномъ мосту человѣка, схватили его за горло и сказали: „не слыхалъ развѣ словъ Іоанна Крестителя: *покайтесь!* Куда рыло гнешь, куда зенки смотрятъ, смотри прямо въ глаза, отвѣчай: покаяніе *установлено*? а ты, шельмецъ, идешь себѣ, шьешь напѣваешь, пальто на тебѣ нарядное, когда Іоаннъ Креститель ходилъ въ рубищѣ. Но изрѣчено: *сѣкира лежитъ при корнѣ дерева* и я тебя, не раскаянную собаку, въ тюрьму предварительнаго заключенія, кстати близко здѣсь, на самой Литейной". Конечно, это была-бы весьма странная историческая разработка словъ Іоанна Крестителя *о покаяніи*. Между тѣмъ точь въ точь эти грубости мы имѣемъ какъ разработку заповѣди: „плодитесь, множитесь". Вѣдь весь этотъ трактатъ А. Дернова направленъ *противъ дѣтей*, грозитъ имъ, ихъ родителямъ. И самымъ заглавіемъ какъ-бы хватаетъ на улицѣ, обвиняетъ, требуетъ. Получилось не благословенное благословеніе, не доброе, жесткое, суровое, гордое. *В. Р—въ.*

[3]) Ну, да. Но „помощь, ободреніе, утѣшеніе" въ ритуалѣ не содержится. Оставьте неточности и назовите или одно вѣнчаніе таинствомъ брака: тогда объ „утѣшеніи, помощи, ободреніи"—ни слова. Или *и съ* назовите бракомъ: но тогда имъ будетъ всякое „незаконное сожитіе", въ которомъ есть „ободреніе, утѣшеніе, помощь.—"да кстати признайте „не-

Бракъ служитъ также въ предохраненіе немощнаго человѣка [1]) отъ соблазновъ (поэтому, именно св. Церковь и Государство дозволяютъ вдовымъ или разведеннымъ не по собственной винѣ—второй и даже третій бракъ), пороковъ и болѣзней (1 Кор. 7, 9, 2 и 5) и залогомъ благословенія Божія для общества семейнаго, родственнаго, народнаго и гражданскаго (Быт. I, 28). Можно-ли думать, что Провидѣніе Божіе оставитъ безъ вниманія злоупотребленіе [2]) симъ даромъ, и что злоупотребителей не постигнетъ правосудіе Божіе? А развѣ не злоупотребляютъ люди этимъ даромъ, когда они приступаютъ къ „полосочетанію" [3]) безъ всякаго освященія и благословенія? Дѣйствіе правосудія Божія въ этомъ отношеніи не всегда явно, не всегда скоро, но для внимательно наблюдающихъ пути Божіи,—несомнѣнно.

Изъ благословеннаго супружества образуется благословенное семейство и родство [4]); изъ семействъ и родства благословенный народъ, отечество и государство [5]). Если корень общества святъ,

---

дѣйствительность всѣхъ браковъ", гдѣ этихъ „утѣшеній" и „помощей" не оказалось. Но вы загребаете обѣими руками: своего не выпускаете и *чужое* хвата те. *Любовь, уважение* и проч. *между* пресвитеромъ и четою въ вѣнчаніи не происходитъ. *В. Р—въ.*

[1]) Помождите, подождите: опять путаница. Что-же это, *участіе пресвитера* (= „бракъ") предохраняетъ „отъ соблазновъ, пороковъ и болѣзней"? Явно, что—самая *жизнь въ супружествѣ*. Но вы говорите: „бракъ предохраняетъ"; значитъ „бракъ" вы опредѣляете какъ *„жизнь четы, сочетовавшихся женѣ"*. Но весь этотъ трактатъ противъ *частоты* и *повсемѣстности* ея направленъ. Но вы упомянули о „соблазнахъ, порокахъ и болѣзняхъ". Какъ вы попались? Значитъ, стремясь разрушить *факты сожитія* („незаконныя сожитія") вы повергаете людей „въ соблазны, пороки и въ болѣзни". Какое ужасное признаніе. О, это есть истинная книга документовъ, *откуда* все зло міра идетъ. *В. Р—въ.*

[2]) Да гдѣ-же „злоупотребленіе?" *Не было* жены (женщины „въ плоть едину" со мною)—беру ее; *мужа* не было—беретъ его. Никто-же не беретъ одновременно жену на жену и мужа на мужа, кромѣ какъ кажущимся образомъ (фактически *распавшіяся* семьи). *В. Р—въ.*

[3]) Да что-же дѣлать, когда *вы* не даете вѣнчанія солдату, офицеру, разведенному? Вы-бы отказались *отпѣвать* покойниковъ: неужели люди должны тогда „не умирать", „поздерживаться умирать". Только и можно сказать: „не трясите за шиворотъ, больно". *В. Р—въ.*

[4]) То-то и дѣло-то, что вы *цѣлое семейство* и *цѣлое родство* убиваете въ каждой четѣ, которая благословиться у васъ не смогла, а вы къ наказанію отрицаете, что это „бракъ", „родители и дѣти", „мужъ и жена". Изъ за гордости вашей погибли мріады жизней. И еще страннѣе: развѣ „таинство покаянія" своимъ бытіемъ порицаетъ случаи *раскаянія передъ* частнымъ человѣкомъ? Почему же „бракъ" порицаетъ „незаконныя сожительства"? Очевидно не *она* порицаетъ, а непущавшіе за власть свою и доходы. *В. Р—въ.*

[5]) Ну, пожалуй вы станете отрицать, что „отечество, народъ и государство" существовало у эллиновъ и римлянъ, „такъ-какъ тамъ не было консисторій, и они жили скорѣй по Розанову, чѣмъ по Лервову". *В. Р—въ.*

то и вѣтвь его святы и благословенны. Слѣдовательно, если корень нечистъ и гнилъ [1]), и вѣтви его не чисты и не прочны.

Неблагословенный бракъ лишаетъ благословенія Божія семейство. Дѣти узнаютъ, что ихъ родители не уважали закона [2]), и легко приходятъ къ мысли, что и имъ не нужно уважать закона болѣе, нежели ихъ родителямъ. Упадокъ нравственности, начатый родителями, продолжается въ дѣтяхъ и далѣе.

Государство состоитъ изъ семействъ. Разстроенныя составныя части разстроятъ и цѣлое [3])

Посему, естественно ожидать отъ нарушенія законовъ брака и цѣломудрія тѣхъ общественныхъ послѣдствій, какія изображаетъ пророкъ: „*Прелюбодѣйство крайне распространилось по землѣ, и кровопролитіе слѣдуетъ за кровопролитіемъ: за то восплачетъ земля сія, изнеможетъ весь живущіе на ней*“ (Осіи, 4, 2 и 3).

Этого-ли желаетъ г. Розановъ для нашего дорогого отечества?

Не можетъ-ли нужда извинить отступленіе отъ брачнаго закона, напримѣръ, когда отъ несчастнаго супружества ищутъ другого супружества „которое, говоритъ г. Розановъ, можетъ имѣть лучшую полноту условій рожденія дѣтей, въ смыслѣ вѣрности, цѣломудрія, любви, согласной жизни супруговъ (рождающихъ)? Меня поражаютъ другіе случаи: когда разныя канонническія препятствія мѣшаютъ вступленію въ бракъ и когда мы имѣемъ налицо прекрасную и полную, иногда стародавнюю (?) семью, и все-таки эта семья (?) религіозно и юридически разрывается, уничтожается. Вотъ гдѣ nefas, вотъ гдѣ—нечестіе, уже со стороны закона“.

Никакъ! Что можетъ быть несчастнѣе мужа, у котораго жена безумна до такой степени, что ее нужно держать на цѣпи [4]). По правилу церковное говоритъ, что и въ семъ случаѣ онъ *не долженъ оставлять ее и искать другой* [5]). Кого несчастное супру-

[1]) То-то хочется вамъ „загнопить“ всѣхъ: „я — святъ, а младенецъ—исчадіе сатаны“, вотъ что мерцаетъ сквозь всѣ ваши слова. Первородный это грѣхъ вашъ—ваша гордость. *В. Р—въ.*

[2]) Скажите, *солдаты*-то, которымъ запрещенъ бракъ, тоже, родивъ, *пренебрегли* закономъ? Нѣтъ, вѣдь дѣло съ „закономъ“ такъ обстоитъ:

a) Законъ былъ *данъ* (Богомъ въ раю)

b) его—*отмѣнили*

c) *возстановляютъ* его, даже насильно (солдаты, дѣвушки)

d) heretn (отлученіе)—возстановляющимъ.

Всякая дѣвушка, имѣющая въ утробѣ младенца и бережно его носящая, имѣетъ семь небесъ благословляющихъ надъ собою. *В. Р—въ.*

[3]) Своими недопущеніями и расторженіями браковъ вы и дѣлаете это. Смотрите, вся Россія покрыта заразой блудни и разврата; но метрики въ консисторіи чисто переписаны: и вы кричите „noli tangere eas“, заявляя всѣмъ, будто—*тутъ* отечество. *В. Р—въ.*

[4]) Какой милый языкъ. Буквально онъ къ мужьямъ и женамъ относится какъ къ собакамъ. То-то „по образу любви Христа къ церкви“. Ужасное принятіе „имени Господа всуе“. *В. Р—въ.*

[5]) Да если она *сама* убѣжала! А если жену мужъ жесточайшимъ образомъ *прогналъ*? Вѣдь это все надо *разсудить*, а не по верху летать. Кстати, прямой совѣтъ: „держать на цѣпи“—запомнимъ. *В. Р—въ.*

жество постигло по неисповѣдимой судьбѣ Божіей, тотъ долженъ терпѣть оное, какъ испытаніе отъ Бога [1]), а кого вслѣдствіе неразсудительнаго выбора, тотъ долженъ терпѣть оное, какъ наказаніе за свою безразсудность. Посему [2]) 87 правило VI вселенскаго собора говоритъ рѣшительно: „*жена, оставившая мужа, аще посягнетъ за иного, есть прелюбодѣица*". „Составъ выраженій правила позволяетъ заключать, говоритъ В-ый митрополитъ Филаретъ Московскій, что было-бы мѣсто извиненію нѣкоторому, если-бы она только оставила мужа [3]), а не посягнула за другого; но въ семъ послѣднемъ случаѣ нѣтъ мѣста извиненію. Церковь — осуждаетъ".

Если есть примѣры вступившихъ въ незаконные браки и не подвергшихся дѣйствію церковнаго правосудія; то это потому, что духовному начальству не было средства правильно узнать вину, и степень ея, и призвать виновныхъ къ суду. Такіе примѣры не ведутъ къ тому, чтобы оказать покровительство незаконному сожитію, или полосочетанію, которое открыто подвергнуто суду и дѣйствительно осуждено, подобно какъ примѣры людей, похитившихъ чужія вещи и укрывшихся отъ суда, не ведутъ къ тому, чтобы уличеннаго похитителя поставить на ряду съ невинными [4]).

Что касается ссылки г. Розанова, стремящагося доказать, что бракъ не есть таинство, на г. Филиппова, который „приводитъ въ длинномъ рядѣ историческо-каноническихъ доказательствъ слѣдующій разительный примѣръ изъ законодательной практики нашихъ дней:

---

[1]) То-то „совоздыхающіе міру" инквизиторы... Ну, это ваше распоряженіе, а гдѣ-же объясненіе, мотивъ, доказательство? „Моя лапа хочетъ"... Но уже настало время, когда міръ скажетъ вамъ: „а мое сердце не хочетъ", да и скажетъ также безъ мотива, безъ объясненія, люто и сухо, какъ вы ему говорили доселѣ. *В. Р—въ.*

[2]) Почему „посему?" Въ „семъ" ничего не содержится, кромѣ 2-хъ строчекъ Церковнаго разсужденія: „вамъ Богъ послалъ испытаніе — терпите". Какъ это легко сказать. Вотъ я безъ-личію и вообще упомянулъ о „платѣ за трудъ", о подозрѣніи „мзды" въ таинствѣ, и какъ вы забѣгали, заскрипѣли перья, полетѣли жалобы, невсегда гласныя. Почему-же себѣ вы не сказали: „потерпимъ, ибо испытанія посылаются намъ отъ Бога". Ишо, что Божіе имя вы всуе произносите, употребляя его также мало подумавъ, какъ когда вынимаете изъ кармана платокъ. *В. Р—въ.*

[3]) Какое *лицемѣрное* выраженіе; скопческая тенденція къ расторженію браковъ. Такъ удлиняя мысль Филарета, католическіе патеры соблазняютъ невѣсть и жонъ покидать женіховъ и мужей и идти къ *нимъ*. Но я отвѣчу: лучше оставить (хоть и больно это) жениха *для жениха*, и мужа *для мужа*, чѣмъ для васъ, неумолимыхъ „враговъ семени жены". *В. Р—въ.*

[4]) Скажите, уравниваетъ съ ворами. О, какъ понятны дѣтоубійства, притоны Скублинскихъ. Куда бѣжать отъ осужденія? Осуждающій безпощаденъ. Но... „виноградъ" уже *нынѣ* „зеленъ": государство объявило правилами 29 іюня 1902 г. *равную правоспособность* материнской семьи съ отцовскою, и передачу дѣтямъ законнаго наслѣдства и фамиліи матери. Примѣч. 30 августа 1902 г. *В. Р—въ.*

когда еврейская или нѣмецко-лютеранская семья, состоящая изъ мужа, жены и дѣтей, переходитъ въ православіе, то отношенія членовъ семьи считаются законнымъ православнымъ бракомъ безъ требованія, чтобы они повѣнчались въ православной церкви. Крещеніе содѣлало таковую еврейскую семью православною: но что содѣлало православно-христіанскимъ ихъ бракъ? Очевидно не еврейское вѣнчаніе, а только простой фактъ супружества, совершенно равно качественный и равно количественный нашимъ нелегальнымъ семьямъ, если, оговорюсь, -они честны, вѣрны и чисты".—то здѣсь Церковь, допуская такіе браки, держится словъ Апостола: (1 Кор. 7, 14): *„невѣрующій* мужъ освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ. *Иначе дѣти ваши были-бы нечисты, а теперь святы"!* Св. таинство крещенія еврейской семьи, очищая ея первородный грѣхъ [1]), очищаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все нечистое и грѣховное, что было въ этой семьѣ до „крещенія", что, слѣд., было не чисто и въ ихъ плотскомъ сожитіи, *если только оно заключено было по формѣ, принятой и утвержденной у даннаго народа, а не было простое сожительство, безформенное* [2]).— Кромѣ того, для тѣхъ, принимающихъ христіанство, евреевъ, или вообще иновѣрцевъ, пріемлющихъ Православіе, кои этого пожелаютъ, убѣдясь въ благотворности той помощи, которая дается вѣрующимъ именно въ св. таинствахъ Церкви, -для тѣхъ совершается и самое бракосочетаніе, т. е. преподается имъ св. таинство брака, для благословеннаго рожденія и воспитанія дѣтей, чтобы они были святы.

Изъ всѣхъ означенныхъ разсужденій можно видѣть [3]), что у насъ блюдется святость благословеннаго брака болѣе строго [4]) и болѣе лучшими средствами, чѣмъ тотъ способъ, какой разумѣетъ въ своихъ статьяхъ г. Розановъ.

[1]) Помѣшались на „первородномъ грѣхѣ", забыли слова Спасителя: „кто скажетъ ближнему своему *рака* („глупый человѣкъ") уже подлежитъ геенѣ огненной". *В. Р—въ.*

[2]) У евреевъ *заключеніе* брака считается гражданскимъ договоромъ, *контрактомъ*, и притомъ на временное сожительство. Какое-же къ этому отношеніе имѣетъ таинство крещенія? Съ контрактами таинства не связываютъ. Просто, государство *признаетъ* благоустроенную семью, съ дѣтьми. Не разрушаетъ ее. Такъ слѣдуетъ поступить и съ „незаконными сожитіями" Просто надо *признать* ихъ и *оформить*, вписавъ въ одинъ паспортъ и одну метрику сожительствующихъ и дѣтей ихъ, „въ благословеніе будущему"; а вчерашнія нетельныя связи (документы о нихъ) порвать (если, напр. это есть сожительство еще не разведенныхъ супруговъ). *В. Р—въ.*

[3]) Ничего не видно. *В. Р—въ.*

[4]) Можно еще „строже": просто запретить всѣмъ жениться и выходить замужъ. А на просьбу желающихъ вступить въ бракъ отвѣчать-бы: „э, чего захотѣли: дорогъ этотъ институтъ. Подъ семью замками хранимъ, браку-то. Никто не видитъ, сами на него не смотримъ, только по книгамъ числится и знаемъ, что есть. Повѣнчать! Нельзя! Что вы! Іоакимъ и Анна состояли въ бракѣ, такъ они -святые, „богоотцами" нарѣчены.

Православная Церковь не знаетъ такой идеализаціи человѣка, которая, какъ говорятъ его защитники, слышится въ словахъ г. Розанова. Послѣдній напрасно, какъ говоритъ и г. А- тъ, ссылается на Божественное Начало, которое, говоритъ г. Розановъ, „опредѣлило бракъ, по существу, чрезъ рожденіе, и даже короче и уже— чрезъ „прильпленіе" половъ. Здѣсь не проведено линіи между способами рожденія „въ адюльтеръ", „наложничествѣ", „любви" и проч. Не сотворено самаго понятія этого. Внѣ-брачныя рожденія *начала* (?) *тотъ*, кто далъ браку, существо (?) котораго, -на основаніи словъ Спасителя (?), есть полосочетаніе (?), *кто далъ браку невѣрное опредѣленіе*. На самомъ дѣлѣ незаконныхъ рожденій нѣтъ. Прелюбодѣяніе начялось отъ того, кто создалъ, сотворилъ идею, что можно, что есть способъ касаться женщины неосторожно и внѣбрачно: тотъ и сотворилъ неосторожное къ ней касаніе. Кто первый сказалъ: „она (или онъ) любитъ незаконно",—первый тотъ и развратилъ человѣчество". „Исцѣлить человѣчество отъ разврата—великая проблема. *И ея исполненіе—въ объявленіи, что нѣтъ незаконныхъ касаній*".

Г. Розановъ! Что вы говорите! Вѣдь, по вашимъ-же словамъ, („Нов. Вр." № 8858, столб. 3), заповѣдь „*не прелюбодѣйствуй*" [1]) установлена *самимъ Богомъ*. Кто-же, такимъ образомъ, *развратилъ* человѣчество? Не говорите-ли вы здѣсь хулы [2]) на самого Бога?

Вѣдь Самъ Божественный Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ учитъ, что есть „*любодѣянія*" [3]) и „*прелюбодѣянія*"

А вы кто? Мѣщане? Купцы? -и купцамъ нельзя дать! Дворяне? Не взыщите--и дворянамъ не даемъ. Этого святаго таинства можно сподобиться, только ставъ святыми: проживите такъ жизнь, сподобьтесь канонизаціи, и тогда придите и попросите: мы вамъ тогда дадимъ бракъ, а теперь не можемъ-же мы его расточать всякому". *В. Р—въ*.

[1]) Да не понимаете вы, *въ чемъ* она состоитъ: вотъ корень *всѣхъ* вашихъ недоразумѣній. Вы словомъ „не прелюбодѣйствуй" ударили по слову „плодитесь, множитесь", и кинули человѣчеству: „размножающіеся вотъ прелюбодѣи". Отсюда у васъ „незаконные дѣти", отсутствующіе въ Евангеліи, въ Библіи. Кто ихъ тамъ помнитъ? Гдѣ они тамъ? А должны-бы быть. Развѣ Измаилъ названъ „незаконнымъ сыномъ" Агари и Авраама? или такъ именуются дѣти отъ Іакова и Рахили? отъ него и Валлы? отъ него и Зелфы? Послушайте васъ, семь колѣнъ праведныхъ были „незаконнорожденные". И Соломонъ, сынъ Вирсавіи, былъ „побочнымъ"-же „сыномъ". По загражденіе устъ своихъ нечестивцы, и пощадите человѣчество. Опустите бичи Іеровоама, чтобы Богъ не вырвалъ ихъ у васъ... *В. Р—въ*.

[2]) Богъ меня избавилъ отъ этого. Въ своемъ умѣ живу. А вы, уча человѣчество, что „не прелюбодѣйствуй" запрещаетъ „плодиться и множиться" не дѣлаете-ли то, въ чемъ меня обвиняете? Явно *В. Р—въ*.

[3]) Да, напр. половое общеніе съ *нидой* (менструирующей), хотя-бы то была и законная жена. Таковая считалась „нечистой" и отношеніе къ ней „не чистымъ", нарушало *седьмую заповѣдь*, предписывающую чистоту супружескихъ отношеній. А вы вздумали сюда подвести десятки тысячъ чистыхъ и счастливыхъ семей и цѣлую треть всѣхъ въ Петербургѣ рождающихся зарегистровали въ „незаконнорожденные". И не только наказали *отца, родителей* ихъ, но и требуете, чтобы ихъ—*не было*. Страшное это дѣло, и вспоминаются слова Іоанна о Ниневіи: „тамъ 200.000

(Мато. 15 гл. 19 ст.), что надобно избѣгати *этихъ „грѣховъ“* (Іоан. 8, 11); св. апостолы учатъ о томъ-же, говоря прямо, что есть и *„незаконныя дѣти“* [1]) (Евр. 12, 8); Іисусъ Христосъ признаетъ, что нѣкоторые люди *„рождаются отъ любодѣянія“* (Іоан. 8, 41). См. также: Іакова, 1, 14 и 15: *„похоть раждаетъ грѣхъ“*.—Апостолъ Павелъ говоритъ, что *„блудники“*, *„прелюбодѣи“* [2]) *Царства Божія не наслѣдуютъ“* (1 Кор. 9 и 10), что *„имѣя обѣтованія о царствѣ Божіемъ, надобно очищать себя отъ всякой скверны плоти и духа и совершая святыню* (т. е. принимая святыя таинства, слѣд. и бракъ,) *въ страхѣ Божіемъ“* (2 Кор. 7, 1).

Вотъ, г. Розановъ, гдѣ путь исцѣленія [3]) отъ разврата! Надобно прочно утвердить бракъ, а не ослаблять его, не отвергать его. *Твердость-же брака*, поставляющая преграду разгулу [4]) стра-

---

младенцевъ“... Это о язычникахъ сказано, *чужакахъ*, а о. Дерновъ требуетъ разрушенія для *своихъ*, онъ пишетъ о христіанахъ. *В. Р—въ.*

[1]) У евреевъ назывались „незаконными“ всѣ дѣти отъ браковъ евреевъ съ язычниками (образуется существо „ваала“), хотя-бы и правильно заключенныхъ. См. поступокъ Ездры съ женами-*вавилонянками*. *В. Р—въ.*

[2]) Таковы суть по преимуществу послѣдователи Онана, убитаго Богомъ. Его примѣру, „окаянному“, послѣдуютъ всѣ. ради славы земной оставляющіе себя въ безбрачіи или завистливо другихъ не допускающіе до счастливой семейной жизни, напр. несчастныхъ въ молодости овдовѣвшихъ священниковъ. Сюда и относятся слова Спасителя и Апостоловъ, обращенные къ полигамическому даже народу, и безъ единаго упрека полигаміи. Ни въ Библіи, ни въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ упрека ни „вѣнъ-брачному“ такъ называемому „сожительству“ („тотъ, котораго ты имѣешь, *не мужъ* тебѣ“, сказалъ Іисусъ самарянкѣ, не прибавивъ: „не касайся впредь его“), ни вообще любящему рожденію дѣтей. Что касается правилъ „Второзаконія“, хотя въ нихъ и установлена полигамія,—то даже они не обязательны въ новой эрѣ *съ точки зрѣнія того принципа новозавѣтной эпохи*, что „если закономъ оправданіе—то Христосъ напрасно умеръ“ (Ап. Павелъ „къ Галатамъ“). Вотъ А. Дерновъ на всемъ пространствѣ этой брошюры и доказываетъ или усиливается доказать, что „Христосъ напрасно умеръ“, ибо все время твердитъ: „однимъ закономъ оправданіе“. Наивная брошюра. *В. Р—въ.*

[3]) Ну, и „исцѣлили“. Человѣчеству „исцѣленному“ остается только встать на колѣни и благодарить. Но я вспоминаю, что *фактически* бракъ дается въ *предупрежденіе* „соблазновъ, пороковъ и болѣзней“ (см. выше, слова Дернова) и находя человѣчество „въ соблазнахъ“ (кафе-шантаны), „порокахъ“ (въ родѣ Онана) и „болѣзняхъ“ (сифилисъ) говорю: „не торопись, человѣчество, становиться на колѣни: ты—все въ язвахъ, ибо *запрещалось* тебѣ супружество охраняющими (скрывающими, запирающими на замокъ) таинство брака“. *В. Р—въ.*

[4]) Да какъ страстямъ не „разгулятися“, когда *на всю жизнь*, положимъ, принявшему на себя вину въ разводѣ запрещенъ бракъ? Очень *тускло* у васъ воображеніе и просто вы *лѣнивы* представить, что отъ этого происходитъ. Я-же только и прилагаю слова Апостола, *единственно*-бы необходимые для законодательства о бракѣ: *„во избѣжаніе* блуда (въ родѣ Онана) *каждый* имѣй себѣ жену и *каждая* имѣй себѣ мужа“. Только это *одно* я и проповѣдую, да еще отвергаю, чтобы „блудъ пре-

стей, зависитъ отъ *религіознаго убѣжденія въ святости брака, какъ именно таинства!*

Поэтому-то не только церковное правительство, но и православное государственное правительство въ нашемъ отечествѣ, да и всякое государственное правительство ограждаютъ заключеніе брачныхъ союзовъ подробными предписаніями, касающимися съ одной стороны условій, отъ которыхъ зависитъ правильность и безпрепятственность брака, а съ другой—формъ заключенія или совершенія, отъ которыхъ зависитъ непререкаемость и нерасторжимость его.

Г-нъ-же Розановъ, чудовищно извращая факты, поверхностно понимая сущность тайны, горячими статьями своими можетъ достигнуть только *полной разнузданности* молодежи, которая уже и такъ обычна стала нынѣ, „*образованія*“, какъ говоритъ г. А— тъ „*женскихъ семей, а слѣдовательно и поліандріи, массы семей у одного мужа, и умноженію великихъ свѣтолюбцевъ-паскудниковъ*“, а слѣдовательно и *полигаміи*.

Посему мы скажемъ вмѣстѣ съ св. Григоріемъ Богословомъ: „*Да погибнетъ* [1]) *такой супружескій союзъ, котораго не скрѣпилъ брачный законъ, въ святомъ таинствѣ брака*“. С.-Петербургъ, 12-го Ноября 1900 года.

XXXIV [2]).

Риголетто. Джильда!
Джильда. Отецъ мой!
Риголетто. О, подойди ко мнѣ. Лишь близъ тебя
Я знаю счастье, дорогая!
Джильда. Вѣрю, родной, вамъ
(Какъ имъ любима!)
Но вы вздохнули...
Откройте дочери вы сердце!
Джильдѣ во всемъ довѣриться
Можете смѣло. Узнать ей
Ужъ давно хотѣлось.
Свою семью родную...
Риголетто. Ты сирота.
Джильда. Но какъ зовутъ васъ?

дупреждался“ *единственно* пропиской жены въ паспортѣ и совершеніемъ обряда: я настаиваю на *фактическомъ* супружествѣ, а не этомъ фиктивномъ. *В. Р—въ.*

[1]) Ну, что-же—спасибо за пожеланіе. Можетъ быть русская Ниневія затрясется отъ Петербургскаго Іоны. *В. Р—въ.*

[2]) *Тонъ* рѣчи — самое замѣчательное въ брошюрѣ священника Дернова; тонъ его — о *отцахъ* и *родителяхъ*. И мы непосредственно смѣняемъ его *тономъ* безвѣстнаго и безъимяннаго, конечно — бездарнаго (какъ всѣ либретисты) написателя словъ къ распространенному музыкальному произведенію. *В. Р—въ.*

Риголетто. Что пользы въ имени!..
Не выходи изъ дома.
Джильда. Хожу лишь въ церковь я.
Риголетто. И хорошо.
Джильда. Но умоляю, отецъ мой милый,
Мнѣ разскажите хоть о родимой!
Риголетто. О, ранъ души не растравляй
О ней напоминаньемъ!
Въ ней находилъ отраду я
Невзгодамъ и страданьямъ.
Уродливъ, бѣденъ, жалокъ былъ—
И все-жъ въ ней чувство пробудилъ.
Увы, на вѣки разстались мы!
Я зналъ, что съ нею теряю все;
Лишь ты одна мнѣ въ утѣшенье
Судьбой дана. Благодаренье
За то Творцу я возсылаю!..
Джильда. (Его печаль, его тоска
Тревожатъ сердце и томятъ).
О, мой отецъ, я васъ молю,
Повѣдать мнѣ печаль свою!
Ее съумѣю я понять,
За что же такъ меня терзать?
Откройте ваше имя,
И что васъ огорчаетъ.
Риголетто. То имя знать что пользы?
Я—твой отецъ... довольно...
Однимъ кажуся страшнымъ,
Другіе проклинаютъ...
Навряд-ли кѣмъ любимъ.
Джильда. Но знали вы отчизну?
Семью, друзей имѣли?
Риголетто. *Вѣра, семья, отечество*
И цѣлый міръ земной—
Въ тебѣ, въ тебѣ одной!
Джильда. Клянуся, выше нѣтъ
Отрады для меня,
Какъ знать, что вашу скорбь
Могу утѣшить я...

(Изъ *Дѣйствія II*).

Монтероне (шуту). Ты-жь, ехидна,
Смѣешься надъ отца страданьемъ—
Такъ будь-же проклятъ!..

(Изъ *Дѣйствія I*).

XXXV. Письмо въ редакцію „Новаго Времени".

Позвольте обратиться черезъ посредство вашей уважаемой газеты къ защитѣ ея читателей и также читателей моихъ послѣднихъ въ ней статей по поводу такъ называемыхъ незаконнорожденныхъ дѣтей. 18-го ноября мнѣ подали съ почты брошюру, чтеніе заглавія которой залило мое лицо краскою стыда: „*Брань или разварить? По поводу статей г. Розанова о незаконныхъ*

дѣтяхъ. Отпоръ на призывъ къ безформенному сожитію или, вѣрнѣе, къ половой разнузданности, и огрязненіе святости брачнаго союза. Протоіерея А. Дернова. С.-Пет. 1901". Стыдъ во мнѣ смѣшался удивленіемъ, когда, отвернувъ обложку, на первомъ заглавномъ листѣ я прочелъ надпись чернилами автора: „*Многоуважаемому сотруднику „Новаго Времени" В. В. Розанову отъ автора. 17 ноября*". Какимъ образомъ идея „разврата" и „многоуваженія" согласуется въ умѣ и сердцѣ автора, —для меня непостижимо, и очевидно, что эти противорѣчія сердца и ума сокрыты и въ брошюрѣ. Сама собою какъ-то вспомнилась мнѣ печальная исторія Валаама, выѣхавшаго проклинать Израиля и противъ воли благословившаго его.—Самое заглавіе брошюры, которое читается въ витринахъ книжныхъ магазиновъ ранѣе ознакомленія, а иногда и вовсе безъ ознакомленія съ ея содержаніемъ, я не могу не считать глубоко оскорбительнымъ для себя, какъ частнаго человѣка, какъ для друга своихъ друзей и знакомаго своихъ знакомыхъ, такъ-же какъ и для писателя. Но вотъ уже общій, а не личный только интересъ: если такъ публично срамляется и позорно квалифицируется только литературный защитникъ такихъ дѣтей, какова-же буря „словеснаго побіенія камнями", падающая на голову какъ ихъ, такъ и особенно ихъ матерей. Однако, кажется общество одумывается; во множествѣ частныхъ получаемыхъ писемъ я вижу, какъ сострадательно и деликатно оно начинаетъ относиться къ такимъ дѣтямъ, и, кажется, всѣ круги людей приходятъ теперь къ соглашенію, что термины (и чувство, и понятіе) „незаконнорожденный"—не правиленъ, но ясенъ, не точенъ, не согласуется съ идеей воли Божіей въ рожденіи дѣтей. Но, какъ замѣтилъ я въ началѣ полемики, вопросъ этотъ есть неизслѣдимой глубины и богатства выводовъ, а не одной филантропіи, и касаться его въ краткомъ этомъ моемъ протестѣ -не время и не мѣсто. 23 ноября, 1900 г. *В. Розановъ.*

XXXVI. Письмо г. Розанову.

Почему-же вы, г. Розановъ, считаете заглавіе брошюры прот. А. Дернова „глубоко оскорбительнымъ" для себя? Вѣдь оно вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію вашихъ статей. И какой вы, подумаешь, обидчивый! То, что указываетъ на истинный характеръ вашего quasi-философствованія, вы считаете почему-то оскорбленіемъ для себя, а то, что вы осмѣливаетесь, не имѣя никакого основанія, оскорблять цѣлыя учрежденія (какъ это вы дозволяете себѣ въ отмѣченныхъ прот. Дерновымъ вашихъ статьяхъ), писать совершенно голословныя обвиненія напр. на консисторіи (письмо ваше въ № 8827 „Н. Вр."), находите съ своей стороны не оскорбительнымъ для этихъ учрежденій и согласнымъ съ вашими

понятіями о справедливости, чести и добросовѣстности. Но позволите усомниться, есть-ли у васъ, г. Розановъ, истинныя понятія о справедливости, чести и добросовѣстности. Если и есть, то, вѣроятно, такія-же, какія у вашихъ кліентовъ, составляющихъ сочувствующее вамъ общество, о которомъ вы упомянаете въ нынѣшнемъ письмѣ. А это общество, какъ надо полагать-- общество, по выраженію достоуважаемаго г. А—та, „великихъ сластолюбцевъ-паскудниковъ“ и дѣвицъ, населяющихъ пансіоны безъ древнихъ языковъ, или подобныхъ имъ. 24 ноября, 1900 г. *А. Григорьевъ.*

XXXVII. Копія съ отвѣта, посланнаго отцу протоіерею Александру Дернову.

(Посвящается глубокоуважаемому В. В. Розанову).

„Отпоръ“-ли?..

Пока я не прочиталъ книжки вашей, батюшка, я еще сомнѣвался, правъ-ли г. Розановъ. Но, прочтя ее, я вполнѣ убѣдился въ правотѣ его, потому что въ немъ говоритъ искреннее и горячее исканіе правды *не по буквѣ* закона хотя бы Божьяго, а по духу его.

Развѣ въ постановленіи ученыхъ епископовъ 17 столѣтія по поводу извѣстнаго въ то время сочиненія Галилея о движеніи земли не сказано: „утверждать, что солнце стоитъ неподвижно въ центрѣ міра—мнѣніе нелѣпое, ложное съ философской точки зрѣнія и формально еретическое, *такъ какъ оно противорѣчитъ священному писанію*“?

Но развѣ, дорогой отецъ, въ этомъ постановленіи есть правда?

Правда открывается Всевышнимъ не сразу. Она бы ослѣпила. Лишь—постепенно, послѣдовательно чтобы усвоить ее было бы возможно. Лишь тогда, когда къ тому сталъ подготовленъ человѣкъ, сталъ онъ удостоенъ къ воспріятію.

И спрошу я васъ, духовный отецъ, есть ли правда въ томъ *нынѣ*, что женщина произошла отъ ребра мужчины,--тогда какъ самъ Сынъ Божій, нашъ Іисусъ Христосъ, произошелъ отъ женщины... знаю, что и отъ Духа Святого, но все же на свѣтъ-то явленъ, бывши *рожденъ* ею?..

Нельзя неправду, *ставшею очевидной*, оправдывать... хотя бы ссылкой на преданія старины глубокой. Какъ нельзя утверждать ужь нынѣ, что земля неподвижна, ссылаясь лишь на священное писаніе. И не „отпоръ“ давать надо тѣмъ, кто будитъ совѣсть хотя бы вопреки буквы закона Божьяго. „Отпоръ“ надо давать тѣмъ, кто, опираясь на эту букву, усыпляетъ эту совѣсть, кто—низводитъ женщину на степень рабыни, чтобъ нашей похоти служить въ цѣляхъ ли дѣторожденія, или для ради только удовлетворенія этой похоти въ домахъ терпимости.

Неправда явная и стыдъ ужасный въ узаконенномъ просторѣ и безсовѣстной свободѣ, какіе предоставлены *нонынѣ* намъ, мужчинамъ, касаться женщины по произволу своего хотѣнія (правильнѣй—похотѣнія), низводитъ ее до степени товарнаго обмѣна, продажей заниматься ею какъ живымъ товаромъ.

„Адамъ библейскій тому намъ не препятствуетъ", думаете-ль вы, батюшка?

А новый нашъ Адамъ, тотъ истинный, единственный, который *лишь одинъ* и можетъ быть руководителемъ-то нашимъ, разъ христіане мы дѣйствительно по духу, а не по званію только, такъ этотъ новый-то Адамъ, нашъ Іисусъ Христосъ, рожденный женщиной, — какъ думаете вы, батюшка, то-жъ этому препятствовать не будетъ?!

Остерегайтесь, а то видно настало время Его втораго-то пришествія.

Развѣ существуетъ еще христіанство какъ ученіе правды, истины и свѣта? Девятнадцать вѣковъ тому назадъ оно существовало. Осталась нынѣ форма лишь одна, да масса лицъ, жизненно заинтересованныхъ въ сохраненіи формы этой во что-бы то ни стало...

...„признавать *всякую* любовь законною—значитъ низводить человѣка на степень животнаго"...

Значитъ, любовь какъ чувство пола, сама по себѣ, есть нѣчто такое, что унижаетъ достоинство человѣка, какъ таковаго? Что-же это такое, однако, „человѣкъ"? Но женщина во всякомъ случаѣ, что „чувство пола" возбуждаетъ. Очевидно... человѣкъ это „мы" съ вами, господинъ писатель и господинъ читатель; „мужчина" это. Только онъ. Такъ какъ еще не слышно было, чтобъ женщина сказала отъ себя, какое есть такое опредѣленіе это. Для нея, для женщины, еще и до сихъ поръ „человѣкъ" это есть или *отецъ*, или *мужъ* или *братъ*... Ахъ, это все такъ хорошо еще!.. А то еще есть „*господинъ*", что жить ей съ паспортомъ лишь разрѣшаетъ. Еще есть и такой, что *желтымъ паспортомъ* ей мѣсто въ жизни сей опредѣляетъ, и самъ ее потомъ въ безпутствахъ укоряетъ. Еще есть „тотъ, который"... пусть Лермонтовъ за насъ кончаетъ. А то „коты" еще, чего ужъ Лермонтовъ не знаетъ... Есть, словомъ, „властелинъ" ея и міра этого всего. Все можетъ *онъ* и по закону и внѣ закона. И лишь *она* одна не вправѣ безъ закона.

Но этотъ „онъ", сей властелинъ самозванный, не ею развѣ же самой въ мученіяхъ-то рожденъ?!..

„...Твое названіе *женщина*. Лишь мѣсяцъ!

„Еще не износились башмаки,

„Въ которыхъ шла она...
И прочее

– „Браво, браво!“ кричимъ восторженно всѣ мы. „Распять ее, распять—негодницу, и блудницу“...

И это—христіане??

Нѣтъ, не „отъ Бога оно“ и не „такъ“, а отъ женщины.

А женщина—отъ Бога.

Вы изволили. В. В., упомянуть о совѣсти русскаго народа. А только... въ нынѣшній вѣкъ огромнаго и быстраго техническаго и другого развитія, ведущаго человѣчество впередъ со скоростью свыше ста километровъ въ часъ, которая скоро будетъ скоростью обыкновенной,—врядъ-ли совѣсть-то эта сама надолго дома засидится...

Не въ укоръ это вамъ. Нѣтъ! Низко въ поясъ кланяться высокоуважаемому В. Розанову за его правдивыя статьи, что будятъ эту совѣсть. Вѣдь, вопросъ о положеніи женщины –корень всѣхъ вопросовъ...

Но нельзя, думается, предоставить *одному* полу рѣшать по *совѣсти* все то, что *двухъ* касается. Надо предоставить рѣшеніе это и другому полу. Но чтобы оно было *дѣйствительно* рѣшеніемъ, а не какой-то тамъ полиандріей или полигаміей, надо прежде оба пола уравнять во всѣхъ правахъ, какъ должно быть, по чистой совѣсти. 26 ноября 1900 г. (*Анонимно*).

2.

Милостивый государь.

Примите глубочайшую благодарность за вашу высоко гуманную защиту несчастныхъ дѣтей, обездоленныхъ жестоко, за вину ихъ родителей. Еслибъ было побольше такихъ людей, какъ вы, то была бы и справедливость. Наша религія вмѣшалась въ такое дѣло, гдѣ ей слѣдовало показать, что св. воля Творца именно доказывается рожденіемъ человѣка, и что противъ этой воли сказать что либо есть великій грѣхъ! А наша религія взяла право рѣшать: законно или незаконна воля Творца!! Это что-то ужасное, смѣлость судить волю Божію, нашего Творца. Если форма брака такъ нужна, то должны опредѣлить наказаніе для родителей за внѣбрачное рожденіе дѣтей, но дѣти-то за что же обвиняются? Гдѣ эти честные законные браки безъ измѣны и обмана? Именно они-то и причиной тому, что столько обездоленныхъ дѣтей родится на свѣтъ Божій. Нѣтъ между супругами ни любви, ни уваженія, ни вѣрности, это уже нравственно разрушенный бракъ, не лучше-ли, не честнѣе-ли прямо сознать это и не прикрываться закон. бракомъ, какъ ширмами, чтобы жить развратно. И этому помо-

гаетъ именно законный бракъ, который разрушить *законно* можно только черезъ ложь, черезъ ложныхъ свидѣтелей. И такой то бракъ О. Дерновъ защищаетъ! Только іезуиты могутъ такъ писать, ничего не желая видѣть, лишь-бы было все по формѣ. Это возмутительно. Проходятъ вѣка, что дѣти наказываются за вину родителей, но это нисколько не мѣшаетъ новому и новому рожденію ихъ. Зло, вопіющее зло дѣлается безъ конца несчастному безпомощному ребенку именно потому, что онъ безгласный въ ту минуту, когда совершается этотъ беззаконный произволъ надъ нимъ. Безъ воли Божіей волосъ съ головы не упадетъ, такъ говоритъ Евангеліе; родится человѣкъ по волѣ нашего Творца, и эту-то св. волю называютъ незаконной?!

Подумать страшно, что религія возстаетъ противъ воли Божіей, и цѣлые вѣка допускается такой великій грѣхъ! Богъ даетъ жизнь, и эту жизнь называютъ „незаконная". Это воля-то Господа незаконная? Какъ можетъ рука священника писать такое слово? - Надо говорить и говорить объ этой вопіющей несправедливости, несоотвѣтствующей нашей св. религіи, которая учитъ поступать справедливо, покоряться волѣ Творца, а не дѣлать зло беззащитному существу и явно нарушать волю Божію. Если-бъ крестили взрослыхъ, то ни одинъ человѣкъ не позволилъ бы себя записать незаконнымъ, было бы возмущеніе, и вполнѣ законное. Пользоваться беззащитностью ребенка и сознательно, изъ-за этого, дѣлать ему зло на всю жизнь! И такую-то несправедливость защищаетъ Дерновъ, священникъ. Неужели онъ воображаетъ, что дѣлать зло такому существу, которое не умѣетъ еще сказать ни слова въ свою защиту, есть доблесть и охраненіе святости брака!? О! какое лицемѣріе, ложь. За ваше справедливое слово, будутъ молить Бога тысячи матерей, сотни тысячъ дѣтей, чтобы Господь далъ вамъ силу бороться съ этимъ страшнымъ зломъ, которое поддерживаютъ служители церкви, для какой цѣли—я и понять не могу.

Чѣмъ легче былъ бы разводъ, тѣмъ болѣе дорожили-бы вѣрностью въ бракѣ, и дольше сохранялась-бы взаимная любовь, такъ-какъ взаимно боялись-бы потерять любовь. А теперь, какая надобность беречь любовь? разводъ по доротовизнѣ своей мало кому доступенъ: можно и не дорожить любовью жены, или мужа, все равно не уйдетъ, развода всети не на что. И смотрятъ другъ на друга, какъ на вещь, которая должна стоять на томъ-же мѣстѣ, куда поставлена, а о любви можно и не думать. Вотъ и начало безнравственности въ бракѣ. Ни что не поддерживаетъ взаимной любви, и начинается или недовольство другъ другомъ, или исканіе любви внѣ дома, является вторая семья. И такой-то бракъ о. Дерновъ считаетъ святымъ. Я лично знаю такія семьи, гдѣ взаимной любви нѣтъ и много лѣтъ уже, и даже дѣтей нѣтъ, но

законный бракъ отнимаетъ всѣ права у дѣтей отъ любимой гражданской жены, гдѣ есть самая честная любовь, безъ измѣны, довѣріе, взаимное уваженіе—все то, чего *нѣтъ* въ законномъ бракѣ. И я въ тысячу разъ болѣе уважаю эту гражданскую семью безъ измѣны, чѣмъ законную безъ любви и вѣрности. Но, для такихъ, какъ о. Дерновъ, лишь были-бы обвѣнчаны, а что дальше до этого дѣла нѣтъ. Вотъ такіе-то люди и создаютъ развратъ въ бракѣ, потворствуютъ этому, называя обманъ святостью брака, а несчастныхъ дѣтей внѣ брака „незаконнорожденными", забывая что они сами точно также родились на свѣтъ Божій, т. е. по волѣ Творца, и процессъ рожденія для всѣхъ людей одинъ. Какая дерзость называть волю Божію незаконной!! До чего возмечталъ о себѣ человѣкъ.

Съ чувствомъ умиленія читала я ваши статьи, и вдругъ священникъ пошелъ противъ вашего человѣколюбія, служитель Божій защищаетъ зло! Это возмутительно. Я думала, что только католическіе священники способны на такое лицемѣріе, но что православный священникъ самъ тяготится такимъ закономъ относительно невинныхъ дѣтей.

Да поможетъ вамъ Господь вести борьбу для пользы обездоленныхъ дѣтей; отъ всего сердца прошу Бога, чтобы ваши чистыя, честныя слова нашли доступъ къ сердцу нашего Монарха, и одно Его слово можетъ все измѣнить, и тогда замолчитъ и о. Дерновъ и проч.

Съ глубокимъ уваженіемъ, дек. 1900 г. *Надежда В—на.*

3.

Monsieur!

De toute mon âme et tout mon coeur je Vous suis reconnaissante pour tout ce que Vous écrivez et pour tout ce que Vous pensez au sujet du mariage et des enfants ilégitimes. Quoique mon fils ilégitime, mon unique enfant adoré est mort il y a plusieurs années, mais néanmoins je suis bien contente que l'humanité commence a être moins cruelle envers ces pauvres enfants et leur mères. Ces mères qui pouraient parfois être tellement heureuses de poseder à elle toute seules leur trésor leur enfants chéris, si elle ne souffriraient pas à la pensée que leur enfant tellement aimé pourait parvenir à les mepriser ou à souffrirent eux mêmes de leur naissance ilégitime. Je viens de lire dans le Nouveau Temps le desagrément que Vous avez eu et je ne sais pas quelles bonnes paroles Vous dire pour Vous faire oublier cette mauvaise impression. Vous avez raison, mille fois raison en tout ce que Vous pensez, seulement des gens mal élévées, qui n'ont ni le coeur ni l'ésprit developpé peuvent Vous

donner tort. Pour Vous prouver que Vous avez raison en disant que l'amour est l'essentiel dans la famille je Vous conterai en deux mots mon histoire. Je vis déjà la sixième années avec le père de mon fils, n'aynt pas d'autres enfants mais pourtant une famille. j'ai trois fils aussi *non* lègitimes, les fils *légitimes* de mon mari *élégitime* (ce qu'on nomme *amant*) et nous composons à nous cinq une famille pleine d'amour et de bonheur, et je ne mes sens ni coupable ni méprisable seulement infiniment heureuse, même la douleur d'avoir perdu mon fils est déjà preseque guéri pence qu'auparavant mon bonheur avait été trop grand, le sort ne donne à personne un bonheur complet. Si Vous voulez savoir pourquoi nous ne nous marions pas à l'église je Vous dire simplement «à quoi bon» nous nous sentous parfaitement à notre aise aussi sans cette cérémonie, et pour etre franche je ne vais jamais à l'èglise, j'ai mon Dieu en moi et ma réligions est «aime ton prochain et avis heureuse».

Merci, encore une fois merci pour tout ce que Vous faite imprimer. je Vous comprends complettemeht et beaucoup d'autres avec moi. XI, 23/x 1900. Une mère et femme heureuse étant fille. *E. M. S.*

XXXVIII. Мѣры къ поднятію уровня общественной нравственности.

(Посвящается высокоуважаемому Василію Васильевичу Розанову [1]).

I. Громкіе голоса давно указываютъ на необходимость измѣненія нашихъ законовъ о брачномъ и внѣбрачномъ сожитіи, и, въ особенности, о дѣтяхъ, такъ-называемыхъ „незаконнорожденныхъ".

Законодательство наше не можетъ само не видѣть, что наши жестокіе законы по отношенію къ этимъ, ни въ чемъ не повинным дѣтямъ, не только не приносятъ собою ожидаемаго отъ нихъ нравственной пользы, но, напротивъ, въ нихъ именно общество наше, все глубже и глубже погрязающее въ развратѣ и до мозга костей проникнутое ложью и фарисейскимъ лицемѣріемъ, находитъ оправданіе того усыпленія у него священнѣйшихъ чувствъ материнской и отцовской любви, которую обрѣтаютъ въ ихъ сердцахъ несчастныя дѣти, рожденныя ими внѣ брака.

Если не подлежитъ сомнѣнію, что по самой природѣ своей сила этой любви у родителей честныхъ не способна охлаждаться отъ точки зрѣнія мертвой буквы закона на условія рожденія тѣхъ и другихъ дѣтей, то можно-ли не согласиться, что, вмѣсто того, чтобы рожденіе дѣтей внѣ брака и заботливость объ нихъ родителей—ставились первымъ изъ нихъ въ позоръ, а вторымъ въ

[1]) Читатель да не осудитъ меня, что я сохраняю и это посвященіе. Вопросъ о семьѣ есть не только *злобы мысли*, но и *дыханіе* общества: и движенія сердца, играющія здѣсь, должны быть сохранены, какъ они *есть*. *В. Р—въ*.

наказаніе, слѣдовало бы самое выраженіе „незаконнорожденныя дѣти“ не только вычеркнуть изъ законовъ гражданскихъ для того, чтобы они удовлетворяли нравственнымъ требованіямъ высшаго порядка, но и признать, безусловно, обязательнымъ для каждаго честнаго отца и для каждой честной матери одинаково свято исполнять долгъ родителей къ своимъ дѣтямъ, будутъ-ли они прижиты ими въ бракѣ или внѣ брака.

Что же касается Церкви, то она должна отцамъ холостымъ воспретить бракъ съ иною женщиною, кромѣ какъ съ тою, съ которою имъ прижиты дѣти.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что воспитавшись въ этихъ принципахъ, послѣдующія поколѣнія обрѣли-бъ въ нихъ мотивы, которые были-бы способны въ значительно большей степени, чѣмъ теперь, обуздывать у многихъ ихъ животные порывы къ удовлетворенію половыхъ инстинктовъ, при отсутствіи возможности быть готовымъ къ честному исполненію обязанностей отца и матери, по отношенію къ могущимъ родиться у нихъ дѣтямъ.

Надежда на такую вѣроятность едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, въ виду той обратной аналогіи, которую находимъ мы въ мотивахъ къ дѣтоубійству, почти во всѣхъ случаяхъ.

Можно-ли отрицать, что для огромнаго большинства, въ особенности дѣвицъ, единственнымъ побужденіемъ къ убійству рождаемыхъ ими дѣтей служитъ стыдъ предъ общественнымъ мнѣніемъ. И въ какой мѣрѣ могущественъ этотъ стыдъ, краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ его способность подавлять въ сердцѣ молодой и не испорченной женщины наисильнѣйшій изъ инстинктовъ и наиблагороднѣйшее изъ ея чувствъ: любовь матери къ своему ребенку.

Источникомъ же для столь страшнаго сей фарисейскаго общественнаго мнѣнія служитъ, безспорно, законъ, карающій внѣбрачное сожитіе. Нужды нѣтъ, что законъ этотъ, никогда не примѣняющійся, остается мертвою буквою и занимаетъ только лишнее мѣсто въ нашемъ „Сводѣ“, тѣмъ не менѣе, однако, онъ оказывается въ состояніи подвигнуть молодую женщину на такое страшное преступленіе, какъ дѣтоубійство! Удивительно-ли, что общественная совѣсть, въ лицѣ суда присяжныхъ засѣдателей, сплошь и рядомъ оправдываетъ этихъ преступницъ, не взирая на отсутствіе малѣйшаго посягательства этихъ послѣднихъ уклониться отъ наказанія.

Оправданіе же это находитъ себѣ прямое объясненіе въ томъ противорѣчіи, которое обрѣтается здѣсь въ самомъ принципѣ наказанія.

А противорѣчіемъ этимъ является то обстоятельство, что приходится приговорить къ наказанію человѣка за его чрезмѣрную стыдливость, породившую тяжкое преступленіе.

Спрашивается: а можетъ-ли вообще стыдливость считаться совмѣстимою съ преступною безнравственностью, лежащею въ основѣ всѣхъ другихъ преступленій, за исключеніемъ совершаемыхъ въ состояніи аффекта, въ которомъ въ наивысшей степени безспорно находится мать дѣтоубійца?

Въ виду-то этого, настоитъ-ли еще надобность говорить о степени цѣлесообразности закона, о которомъ идетъ рѣчь!

II. Фарисеи станутъ, конечно, доказывать противное и, чего добраго, усмотрятъ даже въ этомъ и поощреніе блуду, и прелюбодѣянію, и даже посягательство на таинство брака.

Отказываясь отъ критической оцѣнки такихъ толкованій, я не обинуясь, прямо, однако, выскажу, что существующія нынѣ условія брака заключаютъ въ себѣ столько лжи и столько порождаютъ собою зла, что усугублять его еще болѣе едва-ли уже и возможно. И въ виду то того, что условія эти являются грубымъ кощунствомъ надъ таинствомъ брака, ибо въ основѣ огромнаго большинства нашихъ браковъ лежитъ публичная продажность, обманъ и лицемѣріе, давно пора, какъ законамъ церковнымъ, такъ и гражданскимъ, ради подъема уровня общественной нравственности, измѣнить эти условія къ лучшему.

Безспорно, что хотя сознаніе въ необходимости этихъ измѣненій и назрѣло вѣками и требуются они все настойчивѣе и настойчивѣе, тѣмъ не менѣе, рѣшеніе этого вопроса обставлено такими осложненіями и трудностями, предъ которыми всегда останавливалось въ нерѣшительности наше законодательство, и, главнымъ образомъ, потому, что одновременно съ вопросомъ объ упорядоченіи условій для брака, неизбѣжно возникаетъ вопросъ о разводѣ, встрѣчающій, будто-бы, противорѣчіе въ строгихъ догматахъ нашей церкви о бракѣ и его нерасторжимости.

Нельзя, конечно, не согласиться, что догматы церкви иными и быть не должны, какъ строгими и неизмѣнными, и что Таинства, ею освящаемыя, а въ томъ числѣ и бракъ, не должны и не могутъ быть никѣмъ расторгаемы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самой церкви не только принадлежитъ безспорное право, но именно на ней самой и лежитъ обязанность охранять святость совершаемыхъ ею Таинствъ. Поэтому-то и строго требуется ея догматами для каждаго изъ Таинствъ наличность условій, при которыхъ они лишь и могутъ имѣть присущую имъ важность. Такъ напримѣръ: *епископъ долженъ быть непороченъ.* (Посланіе апост. Павла, къ Тимоѳею 3, 2). *Кто неумѣетъ управлять собственнымъ домомъ, тотъ будетъ-ли печись о церкви Божіей? Епископы должны быть хранящіе Таинство вѣры въ чистой совѣсти.* 5 г.

Усмотрѣвъ же, что епископъ или священникъ, первоначально вполнѣ удовлетворявшіе требованіямъ своего сана, впали въ грѣховность: (пьянство, блудъ и друг.) Синодъ лишаетъ ихъ сана и

немедленно отлучаетъ отъ паствы, дабы они своимъ дурнымъ примѣромъ не причинили ей зла и не оскорбляли Церковь своею неприглядною для нея службою.

III. Тоже самое, несомнѣнно, должно быть примѣняемо и по отношенію къ браку, потому что и бракъ, какъ Таинство, долженъ быть признаваемъ таковымъ лишь при дѣйствительномъ существованіи требующихся для него Церковью условій, а именно: добровольное, торжественное обѣщаніе передъ Богомъ и людьми хранить супружескую вѣрность во имя той взаимной любви, которая только и должна влечь къ брачному союзу, и лежать въ его основѣ.

И оставитъ человѣкъ отца своего и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью. Еванг. Марка 10, 8.

Мужья, любите своихъ женъ, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь. Посл. ап. Павла къ Ефессеямъ, 5, 25.

Какъ Церковь повинуется Христу, такъ и жены должны повиноваться во всемъ своимъ мужьямъ. 5, 24.

Жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, какъ Господу. 5, 27.

Жены должны любить мужей, любить дѣтей, быть цѣломудренными, чистыми, почтительными о домѣ, добрыми, покорными своимъ мужьямъ, да не порицается слово Божіе. Ап. Павла къ Титу. 2, 25.

Тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа, Котораго имѣете вы отъ Бога и вы не свои. Посланіе апост. Павла къ Коринѳянамъ. 6, 19.

Если мужъ умретъ, жена свободна выйти за кого хочетъ, только въ Господѣ. 7, 39.

Тайна сія велика по отношенію къ Христу и Церкви. Посл. ап. Павла къ Ефессеямъ. 5, 37.

Изъ всѣхъ этихъ ученій Св. Апостоловъ какъ нельзя болѣе ясно, что бракъ есть Таинство, въ которомъ тогда только можетъ быть допущено благословеніе церкви на супружескій союзъ, когда онъ можетъ быть уподобленъ союзу Христа съ Церковью, а одно уже такое уподобленіе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что въ Таинствѣ брака испрашивается церковью благодать на рожденіе и воспитаніе дѣтей въ христіанскихъ началахъ, а отнюдь не на право лишь половыхъ общеній, какъ цѣли самой по себѣ, ибо таковая цѣль была бы только грубымъ кощунствомъ надъ Таинствомъ и надъ Церковью, въ которой совершилось бы такое благословеніе.

Къ великому стыду нашему, такое кощунство надъ Таинствомъ брака въ такой мѣрѣ стало для насъ явленіемъ обыденнымъ и вошло въ наши нравы [1]), что бракъ по вѣнчанію дѣйствительно

---

[1]) Авторъ не замѣчаетъ, что и „не могло не войти въ нравы", не могло не „стать". Ибо разъ хотя одна семья (повѣнчанная съ любовью,

любовному и безкорыстному, сплошь и рядомъ, вызываетъ къ себѣ не сочувствіе и одобреніе у родныхъ и окружающихъ, а скорѣе непріязнь и противодѣйствіе.

Благодаря-то этому браки у насъ, за весьма рѣдкими исключеніями, представляютъ собою явный и завѣдомый для всѣхъ обманъ, а еще вѣрнѣе возмутительную куплю и продажу.

Удивительно-ли, что такіе браки порождаютъ собою одни лишь пороки и развратъ, и служатъ неизбѣжнымъ источникомъ взаимной вражды и ненависти, отравляющихъ жизнь всего семейства, и влекущихъ за собою ту глубокую степень ожесточенія человѣческаго сердца, когда оно не останавливается предъ самыми тягчайшими преступленіями. Нужно ли еще говорить о томъ гибельномъ вліяніи, которое имѣютъ подобные родители на своихъ дѣтей? И могутъ-ли такіе родители служить для нихъ примѣромъ добра, правды, любви? и можетъ-ли Церковь испрашивать для нихъ благословеніе на воспитаніе ими своихъ дѣтей въ христіанскихъ началахъ? Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ человѣка, тамъ нѣтъ и мѣста для чувствъ отца и для чувствъ матери!

Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь. I-ое Посланіе Іоанна. 4, 8.

Всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога. 4, 8.

Бракъ есть, безспорно, великое Таинство, но только въ смыслѣ благодатной почвы, на которой изъ добраго сѣмени родится человѣкъ. И великая задача Церкви должна заключаться въ томъ, чтобы зорко выбирать эту почву и охранять ее отъ плевелъ. Какъ пастуху, оберегающему свое стадо отъ паршивой овцы, такъ пастырю Церкви, на глазахъ котораго родятся, живутъ и умираютъ пасомые имъ, подобаетъ знать, кому изъ нихъ можетъ быть дано благословеніе на брачный союзъ и кому не можетъ быть дано право на это Таинство.

Пастырямъ Церкви слѣдуетъ хорошо помнить предназначаемое для нихъ поученіе Св. Евангелистовъ:

Никто да не обольщаетъ васъ пустыми словами, ибо за это приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ противленія. Не будьте сообщниками ихъ. Посланіе ап. Павла къ Ефесеямъ, V, 6—7.

Рукъ ни на кого не возлагайте поспѣшно и не дѣлайтесь участниками въ чужихъ грѣхахъ. I-ое Посланіе къ Тимоѳею, V, 2, 2.

Приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими и чтутъ Меня языкомъ: сердце-же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Ев. Мато. 15, 8.

а потомъ разлюбившая) существуетъ, сорится, измѣняетъ, то она какъ микрококкъ уже заразитъ собой все общество, „А если *есть*—то и *возможно*". Метафизика всегда лежитъ въ основѣ физики. *В. Р—въ*

Согрѣшающихъ обличай предъ всѣми, чтобы и прочіе страхъ имѣли. I-ое Посланіе къ Тимоѳ. V, 20.

Бракъ у всѣхъ да будетъ честенъ и ложе непорочно. Посланіе къ Евреямъ, XIII, 4.

IV. Принявъ въ основаніе, что дурное сѣмя даетъ дурной плодъ, Церковь, такъ-же какъ и законы гражданскіе, не должны давать права на брачный союзъ людямъ завѣдомо порочнымъ и преступнымъ.

Правомъ на брачный союзъ, какъ совмѣщающимъ въ себѣ сумму важныхъ гражданскихъ правъ по отношенію къ семьѣ и по отношенію къ государству, воспитаніемъ изъ своихъ дѣтей честныхъ и полезныхъ для него гражданъ, должны пользоваться только люди свободные отъ пороковъ: люди, взаимность которыхъ не подлежитъ для Церкви сомнѣнію.

Только при такихъ условіяхъ представилась-бы возможность внести въ семейную жизнь:

Плодъ духа: любовь, радость, миръ, благость, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе. Посланіе къ Галат. 5, 25, 29.

Не слѣдуетъ-же допускать къ таинству брака людей порочныхъ и ищущихъ въ брачномъ сожитіи одного лишь грубаго, и даже безъ взаимности, полового влеченія, ибо *дѣла плоти извѣстны: прелюбодѣяніе, блудъ, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распря, ненависть, убійство, пьянство, безчинство* и т. п.

Поступающіе такъ, Царства Божія не наслѣдуютъ. 5, 19, 21.

Не давайте святыни псамъ. Ев. Матѳея. 7, 6.

Іисусъ Христосъ, указавъ намъ въ своемъ высокомъ ученіи основы для достиженія нами идеальнаго нравственнаго развитія, и, признавая бракъ расторжимымъ, допускаетъ разводъ только вслѣдствіе прелюбодѣянія.

Кто разведется съ женою не за прелюбодѣяніе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ, и женившійся на разведенной—прелюбодѣйствуетъ. Ев. Марк. 19, 9.

Что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ. 10, 9.

Но можетъ-ли найти себѣ мѣсто и малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что именно съ точки зрѣнія христіанскаго ученія было-бы безусловнымъ кощунствомъ признавать сочетаннымъ Богомъ даже и такіе браки, гдѣ благодаря обману испрашивается благословеніе Церкви на совершеніе таинства.

Казалось-бы, напротивъ, что всѣ такіе браки должны быть признаваемы недѣйствительными, и подлежащими расторженію, „да не порицается Слово Божіе“, и, тѣмъ болѣе, когда этого сами требуютъ сочетавшіеся такими браками.

Можно-ли не согласиться съ тѣмъ, что Іисусъ Христосъ, допуская, какъ поводъ къ разводу —прелюбодѣяніе, не только не ограничилъ тѣмъ возможность къ разводу, но, напротивъ, лишь

указалъ на широкій поводъ къ тому — расширеніемъ самаго по-нятія о прелюбодѣяніи:

Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй-а Я вамъ говорю—кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ — уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ. Ев. Мато. 5, 27, 28.

Если-же мы примемъ въ соображеніе, что во времена Іисуса Христа прелюбодѣевъ, нерѣдко, публично побивали камнями, то мѣшать разводиться съ таковыми въ наше время, и, при томъ, еще на основаніи ученія Христа, является, безспорно, лишь слѣдствіемъ невѣрнаго толкованія истиннаго смысла, лежащаго въ основѣ этого ученія.

Неужели-же возможно признать не противнымъ христіанскому ученію, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда виновные въ прелюбодѣяніи сами сознаются въ своей винѣ, то и тогда, не довѣряя имъ, какъ чему-то невозможному, наши законы требуютъ подтвержденія такихъ фактовъ—свидѣтельскими показаніями подъ присягою.

Спрашивается: мыслимо-ли такое условіе для людей, хотя мало-мальски порядочныхъ, въ виду того, что тутъ требуется наличность такого безстыднаго и грубаго цинизма, которымъ по самому существу своему и не подобало-бы исходить отъ нашихъ пастырей Церкви, тѣмъ болѣе, что всѣмъ намъ очень хорошо извѣстно, и, въ особенности, нашему духовенству, вѣдающему бракоразводныя дѣла, что требующаяся формальность является не болѣе какъ завѣдомой фикціей, и порождающей собою лишь другое преступленіе—ложное свидѣтельство подъ присягою?

Съ другой-же стороны спрашивается: чье и какое благо имѣется въ виду охранить неразрѣшеніемъ развода людямъ, у которыхъ взаимная любовь смѣнилась взаимною ненавистью, или-же отвращеніемъ одной стороны къ порокамъ другой?

Обращаясь къ поученіямъ Св. Евангелистовъ, мы находимъ въ первомъ посланіи ап. Павла къ Коринѳянамъ 7, 15: *что если невѣрующій хочетъ развестись — пусть разведется; мужъ или жена въ такихъ случаяхъ не связаны; къ миру призвалъ насъ Господь.*

Принявъ въ соображеніе, что и язычникъ можетъ быть прекраснымъ человѣкомъ, а христіанинъ можетъ быть человѣкомъ порочнымъ, можно-ли допустить, что если съ первымъ дозволяется развестись, то съ послѣднимъ нельзя, только потому, что онъ христіанинъ. Съ этимъ, очевидно, согласиться нельзя, ибо дурной христіанинъ гораздо больше грѣшенъ предъ Богомъ, ибо ему заповѣди Божіи были извѣстны, а невѣрующій ихъ не знаетъ.

Не сплошь-ли и рядомъ повторяются случаи, когда жена остается вѣрующею въ Бога, а мужъ, ставши атеистомъ, не при-

знаетъ святости вѣры; спрашивается: развѣ къ такому мужу, желающему развода съ женою, не всецѣло должны относиться сейчасъ приведенныя слова изъ I-го Посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ VII, 15? *Если невѣрующій хочетъ развестись—пусть разведется, мужъ или жена въ такихъ случаяхъ не связаны: къ миру призвалъ насъ Господь.*

Казалось-бы, что разъ мужъ или жена заявляютъ о желаніи развестись, то однимъ уже этимъ они достаточно наглядно обличаютъ отсутствіе въ нихъ той степени подчиненности требованіямъ своей религіи, которыя присущи людямъ вѣрующимъ.

Но дѣло въ томъ, что желать развода могутъ супруги или неспособные прибѣгать къ обману и лицемѣрію по отношенію къ лицу, въ которомъ разочаровались они, или-же желающіе положить конецъ тому завѣдомому обману, на который рѣшились они при вступленіи въ бракъ, или по легкомыслію, или ради желанія на то родителей своихъ. Какъ то, такъ и другое положеніе тѣмъ болѣе является возможнымъ, что въ бракъ, въ особенности у насъ, такъ нерѣдко вступаютъ молодые люди, въ особенности дѣвушки, которые едва лишь переступили порогъ своего отрочества, когда пробуждающееся у нихъ и взаимно ихъ охмѣляющее, животное половое влеченіе побуждаетъ и того и другого къ возможно скорѣйшему обладанію другъ другомъ, и когда та и другая сторона, отрезвившись отъ иллюзіи, убѣдится, что кромѣ отношеній самца и самки между ними ничего общаго не существуетъ, спрашивается: во имя чего супруги эти, ступивъ на ложный путь по легкомыслію и безсознательно, должны сознательно продолжать этотъ путь, не взирая на всю его очевидную для нихъ опасность, подвергаться которой они не желаютъ?

Разрѣшая разводъ вслѣдствіе лишь прелюбодѣянія, законы наши воспрещаютъ виновному супругу, а на самомъ дѣлѣ (что бываетъ нерѣдко) не виновному, но только принявшему на себя вину, вступать въ новый бракъ. Спрашивается: не обрекаетъ-ли тѣмъ, завѣдомо, на развратъ этотъ супругъ? и не пополняется-ли этимъ проституція?

Не лучше-ли было-бы, если-бы даже и виновный супругъ вступалъ въ новый бракъ, чѣмъ вынуждать его коснѣть въ развратѣ? Точно въ прелюбодѣяніе не можетъ впасть человѣкъ, способный съ другою женою быть примѣрнымъ супругомъ!

Да и почему, спрашивается: седьмая заповѣдь въ такой мѣрѣ наказуется строже другихъ, что только противъ нея провинившемуся не полагается ни покаянія, ни помилованія? [1]).

[1]) Очень важно. Въ этомъ смыслѣ („почему не примѣнено покаяніе и прощеніе при разводѣ") высказывался въ устныхъ со мной бесѣдахъ и Петербургскій священникъ от. Городцевъ. *В. Р—въ.*

Наконецъ, можно-ли принуждать жить съ человѣкомъ, ставшимъ дурнымъ, и отъ котораго самъ Господь отвращается? *И тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ, отойдите отъ меня творящіе беззаконіе.* Ев. Матѳея. VII, 23.

Если согрѣшитъ противъ тебя братъ,—обличи его наединѣ; если-же онъ не послушаетъ тебя или свидѣтелей, скажи Церкви, и если и Церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь. Истинно говорю вамъ: что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ. Ев. Матѳея. XVIII, 15, 18.

Дерево, не приносящее плоди, срубаютъ и бросаютъ въ огонь. Ев. Матѳея. VII, 19.

А негоднаго раба выбросьте въ тьму внѣшнюю. V, 8. Ап. Павелъ къ Ефессеямъ.

Фарисеи и тутъ, безъ сомнѣнія, станутъ грудью за мертвую букву закона, охраняя ея неприкосновенность и цѣлость, хотя и для нихъ самихъ воочію ясно, что благодаря ложному ея толкованію оно порождаетъ глубочайшее зло, не принося никому ни малѣйшей пользы.

Нужно-ли говорить о томъ, что законы таковыми быть не могутъ и не должны.

Мы знаемъ, что законъ добръ, если кто его законно употребляетъ. I-е посланіе ап. Петра къ Тимоѳею, VIII, 9.

V. Разводъ, безъ сомнѣнія, оказался бы однимъ изъ могучихъ средствъ къ подъему нравственнаго развитія женщинъ, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что онъ одинаково образумитъ и тѣхъ матерей и тѣхъ дочерей, изъ которыхъ первыя учатъ, а вторыя учатся искусству при помощи обмана, лицемѣрія и безстыднаго кокетства, чтобы не сказать иначе, поскорѣе, а главное повыгоднѣе, какъ для семьи, такъ и для себя, выйти замужъ за каждаго встрѣчнаго, подходящаго жениха, ни мало не заботясь о томъ, въ какой мѣрѣ уровень его нравственнаго развитія можетъ служить надежнымъ ручательствомъ, что онъ способенъ быть честнымъ и добрымъ семьяниномъ, и не способенъ будетъ ради разврата воспользоваться возможностью развода.

Въ свою очередь и мужчины будутъ искать и для себя тѣхъ же ручательствъ, ибо мотивы корыстные, которыми большинство руководствуется теперь, при возможности развода непремѣнно должны будутъ потерять свое значеніе [1]).

Возможность развода послужила бы, безъ сомнѣнія, прекрас-

[1]) Какъ только кончится абсолютная связанность въ семьѣ *юридическаго характера* — такъ начнется *нравственная* ихъ *связанность*, по предпамѣренію — временная, но которая красотою своею фактически перейдетъ (почти повсемѣстно) въ вѣчную. *В. Р—въ.*

ною школою для развитія между супругами той взаимной вѣжливости и уваженія другъ къ другу, которыя такъ желательны и необходимы, какъ добрый примѣръ для ихъ дѣтей, и которыя представляютъ теперь такую великую рѣдкость, благодаря именно тому, что и та и другая сторона смѣло разсчитываютъ на безнаказанность, питая надежду на крѣпость ихъ насильственно-связующихъ брачныхъ цѣпей. Цѣпи эти находили бы себѣ полное оправданіе, если бы въ пользу ихъ цѣлесообразности свидѣтельствовалъ намъ жизненный опытъ. Но, увы! именно этотъ опытъ слишкомъ краснорѣчиво убѣждаетъ насъ, что насильственныя брачныя узы не только являются фикціей въ дѣйствительности, но фикція эта постоянно ростетъ все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ, благодаря успѣхамъ все той же цивилизаціи, женщины завоевываютъ себѣ все большую и большую свободу и равенство правъ съ мужчинами.

Если принять въ соображеніе, что за исключеніемъ, быть можетъ, одной изъ ста тысячъ, всѣ помыслы у женщинъ всецѣло сосредоточены на половой сферѣ и на стараніи искушать своими прелестями мужчинъ и тѣмъ привлекать ихъ къ себѣ; что женщины, какъ существа, руководствующіяся исключительно чувствами, именно, вслѣдствіе этого и не владѣютъ тою силою воли, которая дала бы имъ возможность сдерживать свои страстные порывы, то нельзя не согласиться, что эти-то, присущія природѣ женщины особенности, и служили всегда, какъ для законовъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ, главнымъ основаніемъ къ строгимъ требованіямъ отъ женъ полнаго подчиненія своимъ мужьямъ. Если, не взирая, однако, на это, женщины, при всемъ противодѣйствіи мужчинъ, успѣваютъ все шире и шире завоевывать себѣ равноправность съ ними, то удивительно ли, что, не сочувствуя этому, молодое поколѣніе мужчинъ все меньше и меньше проявляетъ желаніе вступать въ бракъ, предпочитая внѣбрачныя сожитія.

При такомъ положеніи дѣла, вопросъ о бракѣ является, безспорно, вопросомъ огромной важности по отношенію къ судьбѣ нравственнаго развитія общества. И задачи законодателей должны, поэтому, заключаться въ томъ, чтобы законы гражданскіе о бракѣ создавались не для того лишь, чтобы изображать собою недосягаемый идеалъ для обыкновенныхъ смертныхъ, а вполнѣ отвѣчали, какъ данному времени, такъ и уровню нравственнаго развитія даннаго народа и, ни въ какомъ случаѣ не шли въ разрѣзъ съ другими законами, имѣющими къ нимъ прямое отношеніе; такъ, напр., можно ли, съ одной стороны, требовать отъ женъ, чтобы онѣ не только такъ же во всемъ повиновались своимъ мужьямъ, какъ церковь повинуется Христу, но, чтобы онѣ боялись своихъ мужей, а съ другой стороны, предоставлять этимъ же женамъ

равноправность съ мужчинами? Наилучшими законами и обычаями должны быть признаны тѣ, которые благотворно вліяютъ на нравы людей. Законы же и обычаи, которые способны дѣйствовать благотворно въ особенности на характеръ своеправнѣйшаго въ мірѣ существа — женщины, должны безусловно считаться идеальнѣйшими и заслуживающими подражанія.

На основаніи личныхъ наблюденій, во мнѣ давно сложилось убѣжденіе, что между народами Европы первое мѣсто по своей чарующей женственности и добросердечію занимаютъ румынскія женщины интеллигентнаго общества, а въ Азіи еще неизмѣримо выше ихъ стоятъ, въ этомъ отношеніи, японки. Въ чемъ же заключается причина этой особенности? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что она объясняется единственно лишь тѣми особенностями, которыя присущи брачнымъ узамъ въ той и другой странѣ. Что касается Румыніи, то въ ней, не взирая на православное вѣроисповѣданіе, разводъ допускается настолько легко и часто, что нерѣдко въ обществѣ можно встрѣтить интеллигентныхъ дамъ, которыя разъ пять или шесть разводились и вновь выходили замужъ. Что же касается Японіи, то тамъ браки совершаются на условленный срокъ, послѣ котораго, при миролюбивомъ и согласномъ сожитіи, устанавливается новый срокъ и т. д. Благодаря-то этимъ особенностямъ и тутъ и тамъ устраняются самые поводы къ измѣнамъ, обману, лицемѣрію и ненависти, которые столь глубоко развращаютъ супруговъ.

VI. Какъ на одну изъ важнѣйшихъ невыгодъ развода обыкновенно указываютъ на судьбу дѣтей разводящихся родителей.

Что въ основѣ этого опасенія лежитъ умышленная неправда и преувеличеніе, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, въ большинствѣ случаевъ, именно, изъ-за дѣтей возникаютъ споры между отцомъ и матерью, не желающихъ уступить ихъ другъ другу.

Что же касается людей богатыхъ, то разводъ, обыкновенно, не причиняетъ ущерба матеріальному благосостоянію дѣтей. Но всякомъ же случаѣ, можетъ ли еще требовать здѣсь отвѣта вопросъ: потеряютъ или выиграютъ дѣти, которыя избавлены будутъ отъ гибельнаго вліянія на нихъ порочныхъ, или ненавидящихъ другъ друга, родителей?

Наконецъ, вѣдь разлучающіеся съ семьей отецъ или мать могли же и совсѣмъ умереть!

Возвращаясь къ такъ-называемымъ „незаконнорожденнымъ" дѣтямъ, можно ли не выразить желанія, конечно, огромнаго большинства между нами, чтобы, дѣлая добро, дѣлать его вполнѣ, ибо въ противномъ случаѣ никакими полумѣрами строгая справедливость здѣсь удовлетворена не будетъ.

Нельзя не согласиться, что одно уже то должно быть признано глубоко несправедливымъ, что вопреки основному закону нашего

свода, въ силу котораго каждый самъ отвѣчаетъ за свою вину,— одни лишь ни въ чемъ неповинныя дѣти „незаконнорожденныя" обрекаются на тяжелое наказаніе за грѣхъ своихъ родителей.

Не удовольствуясь лишеніемъ этихъ дѣтей многихъ гражданскихъ правъ, законъ надѣляетъ ихъ своего рода волчьимъ билетомъ, который на всю жизнь налагаетъ на нихъ клеймо позора, ничѣмъ незаслуженное, глубоко оскорбляющее ихъ самолюбіе и самоуваженіе!

Можно ли также признать справедливымъ, что однимъ изъ этихъ „незаконнорожденныхъ", безъ малѣйшей съ ихъ стороны заслуги, и лишь въ награду ихъ родителямъ за вступленіе въ бракъ, возстановляются всѣ права, наравнѣ съ дѣтьми, въ бракѣ рожденными, между тѣмъ какъ 99 изъ 100, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ родители,—или вслѣдствіе невозможности, или вслѣдствіе запрещенія закономъ вступить въ бракъ,— искренно готовы надѣлить своихъ „незаконнорожденныхъ" дѣтей и своимъ именемъ, и своими правами,—законъ 12-го марта, въ однихъ случаяхъ безусловно этого не дозволяетъ, а въ другихъ, въ высокой степени, и ко вреду дѣтямъ, ограничиваетъ права родителей!

Такъ, напримѣръ, нельзя узаконять дѣтей, рожденныхъ отъ прелюбодѣянія.—И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ отецъ или мать пожелали бы усыновить этихъ дѣтей, то и тогда законъ 12-го марта, отказывая этимъ дѣтямъ во многомъ, лишаетъ ихъ права даже наслѣдовать не только потомственное дворянство, но и потомственное гражданство.

Давно прошло то время, — когда потомственному дворянину присвоено было исключительное право владѣть людьми, какъ своими рабами. Подобное право, понятно, только и могло быть даваемо, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, людямъ, отличавшимся своимъ благородствомъ, которое способно было служить для государства надежнымъ ручательствомъ за судьбу людей, отдававшихся имъ въ рабство. Но въ настоящее время,—когда правомъ рабовладѣнія пользоваться уже никто не можетъ, когда потомственными дворянами могутъ стать люди не только „неблагородные" по рожденію, но и не получившіе ни воспитанія, ни образованія, а можетъ быть даже и „незаконнорожденные", какъ напр. чиновники, выслужившіеся изъ писарей или фельдшеровъ и награжденные орденомъ Св. Владиміра за усердіе къ письмоводству и дѣлопроизводству, а, вѣрнѣе, за холопское подобострастіе и умѣнье угождать начальству; или же потомственное дворянство дается разбогатѣвшимъ мужикамъ за ихъ денежныя пожертвованія; — въ виду-то всего этого, придавать второстепеннымъ правамъ, сопряженнымъ съ потомственнымъ дворянствомъ, столь важное значеніе, чтобы званіемъ этимъ не имѣли права пользоваться внѣ брака рожденныя дѣти потомственныхъ дворянъ,

усыновляемыя своими родителями, — очевидно, лишено всякаго основанія!

Не менѣе суровымъ является и законъ, не дозволяющій родителямъ, имѣющимъ своихъ дѣтей, усыновлять чужихъ (на самомъ-же дѣлѣ своихъ но рожденныхъ отъ прелюбодѣянія), хотябы и мужъ, и жена этого желали.

Найдетъ-ли себѣ строгое оправданіе и законъ, дозволяющій усыновлять чужихъ дѣтей (а въ дѣйствительности и наичаще своихъ „незаконныхъ"), и разрѣшающій передавать имъ права потомственнаго дворянства, —но лишаетъ ихъ права на родовое наслѣдство, даже и тогда, когда отецъ или мать не имѣли другихъ дѣтей?

Законъ имѣетъ здѣсь, конечно, своею задачею охрану имущественныхъ правъ дѣтей, въ бракѣ рожденныхъ, и вообще кровнаго родства; но подобное вмѣшательство въ права родителей по отношенію къ дѣтямъ могло-бы имѣть основаніе лишь при предварительномъ признаніи ихъ неправоспособными, вслѣдствіе ненормальности ихъ разсудка. Если-же къ тому повода не имѣется, то нельзя не согласиться, что не дѣло законовъ гражданскихъ вторгаться въ имущественныя права родителей и усыновителей [1]). Не дѣло, потому, что законъ этотъ, порождая собою недобрыя чувства и у родителей, и у дѣтей, рожденныхъ отъ прелюбодѣянія и которыхъ эти родители желали-бы признать равноправными со всѣми другими своими дѣтьми, — онъ порождаетъ и ухищренія къ тому, чтобы тѣми и другими средствами обойти суровый законъ, съ которымъ не можетъ примириться чадолюбивое сердце отца и матери.

VII. Не взирая на все мое идолопоклонство передъ Л. Н. Толстымъ и на полное согласіе мое съ большинствомъ его мнѣній по вопросу о бракѣ, я, тѣмъ не менѣе, не нахожу возможнымъ согласиться съ Л. Н., что вступившіе въ бракъ, что-бы ни произошло между ними, не только должны оставаться навсегда неразрывно связанными, но даже обязанными одинъ другому всегда давать и удовлетвореніе физическое...

Согласиться съ такимъ безусловнымъ требованіемъ мнѣ казалось-бы совершенно немыслимымъ, какъ въ силу психологическихъ такъ и въ силу физіологическихъ причинъ, и притомъ, все равно, будетъ-ли рѣчь идти здѣсь о людяхъ съ болѣе или менѣе высокимъ нравственнымъ развитіемъ, или-же о такихъ,

---

[1]) Конечно. Считаютъ въ моемъ кошелькѣ. Въ сущности корень всего не въ гражданской сторонѣ, а въ „прелюбодѣяніи": но что тутъ „прелюбодѣй боится прелюбодѣянія" очевидно изъ того, что изъ вновь составленнаго проэкта „Уложенія" исключена даже статья прежнихъ законовъ, карающая за скотоложество,—но оставлены всѣ статьи, карающіе за безцерковное сожитіе. *В. Р—въ.*

которые ищутъ въ бракѣ, главнымъ образомъ, удовлетворенія полового инстинкта.

Что касается первыхъ, то спрашивается: если, съ лѣтами, одинъ изъ супруговъ впалъ въ порокъ, который вызвалъ къ нему заслуженное презрѣніе или отвращеніе другого супруга, то на какую-же иную, какъ не глубоко-оскорбительную и унизительную роль долженъ обрекать себя этотъ послѣдній, если уваженіе его къ своему человѣческому достоинству не способно быть подавленнымъ, какъ у большинства животныхъ, половымъ влеченіемъ? При такихъ условіяхъ, не лучше-ли имъ развестись, чѣмъ дать разжигаться взаимной ненависти?

Что-же касается второй категоріи супруговъ, то и здѣсь отвращеніе, и ничѣмъ не примиримое, можетъ быть вызвано у супруговъ и физическими ихъ недостатками, врожденными или пріобрѣтенными.

Для того, чтобы стало понятнымъ, почему въ однихъ случаяхъ супруги, или любовники, страстно другъ къ другу привязываются, а въ другихъ случаяхъ, напротивъ, самая горячая страсть угасаетъ у нихъ на первыхъ-же порахъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что причина здѣсь заключается единственно лишь въ томъ соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи двухъ организмовъ, которые можно было-бы назвать удачнымъ или неудачнымъ половымъ подборомъ. Но и удачный подборъ можетъ впослѣдствіи пострадать отъ пріобрѣтеннаго недостатка, обусловленнаго несчастными родами. При этомъ недостаткѣ, глядя по его степени, никакая красота не способна искупить его для несчастной женщины.

Отнимать у этого мотива его важное значеніе по отношенію къ брачному сожитію, не будетъ-ли прямымъ противорѣчіемъ закону, предоставляющему женѣ право требовать формальнаго развода съ мужемъ, одержимымъ физическимъ недостаткомъ, имѣющимъ обратную аналогію съ вышеуказаннымъ недостаткомъ у женщины?

Въ виду-то такихъ обстоятельствъ, найдетъ-ли себѣ основательное оправданіе требованіе отъ людей, чтобы они, вступая въ бракъ, ради наслажденія брачною жизнью, довольствовались ею и въ той ничтожной степени, которая физически неспособна дать имъ удовлетвореніе въ степени для нихъ потребной, и дѣлая ихъ тѣмъ глубоко несчастными, столь часто повергаетъ ихъ въ отчаяніе, доводящее даже до посягательствъ на жизнь ненавистнаго имъ супруга, чтобы только избавиться отъ половыхъ общеній съ нимъ.

Точно также находилъ-бы я невозможнымъ согласиться съ доводами Льва Николаевича въ пользу безбрачія, или, вѣрнѣе, дѣвственности. Иное дѣло, если-бы рѣчь шла исключительно о

людяхъ, не только стремящихся къ идеалу нравственнаго совершенства, но и такихъ изъ нихъ, для которыхъ философское міросозерцаніе составляетъ неисчерпаемый источникъ наивысшаго счастія ихъ жизни. Для такихъ людей дѣвственность, дѣйственность, совмѣщаетъ въ себѣ единственное вѣрное условіе избавиться въ жизни того источника вѣчныхъ мученій, которыми столь богаты и брачные и внѣ-брачные союзы, ибо, какъ тѣ, такъ и другіе, за весьма рѣдкими счастливыми исключеніями, сплошь и рядомъ, отравляютъ жизнь страданіями, причиняемыми то чувствомъ ревности, то заботами о нуждахъ семьи, то болѣзнями дѣтей и всею ихъ дальнѣйшею судьбою.

Но дѣло въ томъ, что дѣвственники, за исключеніемъ святыхъ отцовъ, представляютъ собою такую рѣдкость, что даже между великими учеными, мыслителями, поэтами, всѣ они извѣстны на перечетъ; да и дѣвственностью своею они обязаны были не предвзятому принципу, а неключительнымъ, благопріятствовавшимъ тому, условіямъ. Оно и понятно, въ виду того, что половой инстинктъ пробуждается въ человѣкѣ въ томъ юношескомъ возрастѣ, когда ему еще совершенно чуждо философское міросозерцаніе и та сила воли, которая способна господствовать надъ страстями.

VIII. Въ заключеніе не могу обойти молчаніемъ и того противорѣчія, которое обличается у Льва Николаевича по отношенію къ браку вообще.

Дѣло въ томъ, что съ одной стороны Левъ Николаевичъ склоняется въ пользу безбрачія, и какъ на мотивъ, примиряющій съ мыслью о прекращеніи вслѣдствіе этого рода человѣческаго, Левъ Николаевичъ ссылается на ученіе астрономовъ, доказывающихъ неизбѣжную и безъ того гибель всего живущаго на землѣ отъ постоянно возрастающаго пониженія солнечной теплоты.

Замѣчу мимоходомъ, что если предсказанію этому и дѣйствительно предстоитъ осуществиться, то во всякомъ случаѣ, оно, по вычисленію тѣхъ же астрономовъ, осуществится не раньше, какъ черезъ многіе милліоны лѣтъ, между тѣмъ какъ, если-бы изъ 100 человѣкъ у 5 явилось желаніе остаться дѣвственниками, то родъ человѣческій исчезъ бы съ лица земли лѣтъ черезъ 300 или 200, а можетъ быть и еще скорѣе. Во имя-же чего, спрашивается, родъ человѣческій отказался бы отъ возможности многіе милліоны лѣтъ пользоваться столь дорогими для него благами жизни, и совершилъ надъ собою самоубійство?

Не взирая на то, что высокомѣрный царь земли во многихъ отношеніяхъ долженъ былъ-бы признать большинство людей ниже животныхъ, при одномъ уже сравненіи его съ животными возмущается негодованіемъ; между тѣмъ, какъ онъ же собственнымъ своимъ опытомъ надъ домашними животными давно имѣлъ воз-

можность убѣдиться въ тѣхъ блестящихъ результатахъ, которые даетъ забота о томъ, чтобы производители данной породы не имѣли въ себѣ пороковъ; казалось бы, что въ виду этого, ничто не могло бы быть болѣе естественнымъ, а въ то-же время и большимъ благомъ для человѣчества, какъ руководствоваться ему тѣмъ же и относительно своей собственной физической культуры. Но, увы! при всей своей очевидной благотворности, это разумное требованіе гигіены, вмѣсто того, чтобы лечь въ основу государственныхъ законовъ, всегда оставалось въ такомъ пренебреженіи, что даже краснорѣчивѣйшія статистическія данныя всегда оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Сводя къ короткому итогу все, выше мною высказанное, я находилъ-бы насущно необходимымъ для подъема все ниже и ниже падающаго уровня у насъ общественнаго нравственнаго развитія:

1. Ограниченіе правъ на брачный союзъ:

Возрастомъ: для мужчинъ отъ 25 до 60 лѣтъ и для женщинъ до 40 лѣтъ. При чемъ женихъ не долженъ быть старше болѣе чѣмъ на 20 лѣтъ, а невѣста не должна быть старше жениха болѣе чѣмъ на 5 лѣтъ. Болѣзнями: сифилисъ, чахотка, проказа, ракъ, болѣзни мозга, идіотизмъ.

Пороками: пьянство, распутство, тяжкія преступленія уголовныя.

Расторженіе брака (разводъ) по причинамъ: прелюбодѣяніе, пьянства, сифилиса, физическихъ недостатковъ къ супружескому сожитію, болѣзни мозга, истязанія супруга, уголовныхъ преступленій, влекущихъ за собою ссылку, а равно и наказанія за преступленія, противныя правиламъ чести.

3. Равноправность дѣтей, какъ въ бракѣ, такъ и внѣ брака рожденныхъ.

4. Имущественная равноправность сыновей и дочерей.

Докторъ медицины Ф. Фейгинъ.

XL. „Церковныя Вѣдомости“ о брошюрѣ А. Дернова: „Бракъ или развратъ? По поводу статей г. Розанова о незаконныхъ дѣтяхъ. Протоіерея Александра Дернова. Спб. 1901 г.“.

С.-Петербургская газета „Новое Время“ за истекшую осень помѣстила рядъ статей г. Розанова по вопросу о бракѣ. Статьи эти, написанныя страстно и при томъ — образнымъ языкомъ, съ характеромъ, якобы, глубокой философіи, безъ сомнѣнія, должны были обратить на себя особое вниманіе такой большой аудиторіи, какъ кругъ читателей одной изъ распространеннѣйшихъ современныхъ газетъ. Но, къ сожалѣнію, по высказаннымъ въ нихъ

взглядамъ статьи эти оказались на столько странными, чтобы не сказать болѣе,—что даже въ той же самой газетѣ вызвали противъ себя возраженія г. Е. Маркова и лица, пишущаго подъ псевдонимомъ „А—тъ“. Въ самомъ дѣлѣ, направляя въ своихъ статьяхъ всѣ свои сужденія, повидимому, къ тому, чтобы убѣдить людей въ зависимости ихъ жизни отъ Бога, убѣдить ихъ въ необходимости религіозной жизни, ослабить чрезъ это дальнѣйшій ростъ такихъ вредныхъ общественныхъ явленій, какъ увеличивающійся развратъ, и выработать новый, лучшій типъ семьи, г. Розановъ, въ то же время, не стѣсняется неосторожно отзываться о нашихъ канонахъ, установленіяхъ и служителяхъ — духовенствѣ! Ясное дѣло, что такія „писанія“ должны были вызвать отповѣдь со стороны служителей церкви. Попытку дать такую отповѣдь — и попытку удачную, — и представляетъ собою брошюра о. А. Дернова съ выписаннымъ выше заглавіемъ. Въ сжатой формѣ, языкомъ яснымъ и сдержаннымъ о. Дерновъ, шагъ за шагомъ, слѣдитъ за рѣзво скачущею съ предмета на предметъ мыслію г. Розанова и обстоятельно доказываетъ невѣрность и пристрастность большинства изъ его выводовъ. Занявшись, прежде всего, систематизаціей взглядовъ г. Розанова, о. Дерновъ переходитъ затѣмъ къ выясненію вопроса о характерѣ церковныхъ законовъ и, въ частности, законовъ, опредѣляющихъ союзъ брачный и отношенія родителей и дѣтей. Далѣе онъ обращается къ вопросу о происхожденіи термина „незаконнорожденный“ по отношенію къ дѣтямъ, и указываетъ, что инициатива здѣсь принадлежитъ не церкви, никогда не лишающей своихъ благодатныхъ даровъ и незаконнорожденныхъ, а государству, пытающемуся нѣкоторыми ограниченіями этихъ послѣднихъ положить предѣлъ возможности полнаго ниспроверженія семьи и всякой нравственности [1]). Въ главѣ IV и V разъясняется истинное значеніе *семьи*, какъ начала, сдерживающаго половую распущенность, а не источника, какъ думаетъ г. Розановъ, дѣтоубійства и дѣвоубійства; въ гл. VI-и указывается на невѣрность освѣщенія г. Розановымъ положенія незаконнорожденныхъ по нашимъ дѣйствующимъ гражданскимъ законамъ; гл. VII-я посвящена опроверженію мысли г. Розанова, что „если допускать незаконнорожденность, то слѣдуетъ допустить и незаконность смерти, а между тѣмъ смерть не только

[1]) Вотъ! Это важное признаніе!! Напрасно и поздно оно маскируется теперь: но раньше — *никакой пощады* къ „выблядкамъ“ не было, и къ матерямъ-„бл...ямъ“ исключительно „ради *охраненія семьи и упроченія нравственности*“ (буквальныя слова автора). Боже, Боже, какъ страшно читать: „нравственность“ требовала 1000 лѣтъ дѣтоубійства! ради „охраненія семьи“ надо было заставить матерей бросать ими рождаемыхъ дѣтей въ помойныя ямы, колодцы, пруды! О, христіане, о, христіанскій міръ что о тебѣ излагается столѣтіями твоими. *В. Р-въ.*

законна, но она—свята"; гл. IX-я излагаетъ неправильный взглядъ г. Розанова на бракъ, а гл. X- —истинно-христіанское ученіе о бракѣ. „Г. Розановъ, заключаетъ авторъ, чудовищно извращая факты, грубо относясь къ духовенству, поверхностно понимая сущность тайны спасенія во Христѣ и сущность каноническаго права, которое онъ напрасно хочетъ называть уничижительнымъ, въ его глазахъ, именемъ: „византизмъ", можетъ достигнуть только полной разпуздашности молодежи, а никакъ не возвышенія ея въ нравственномъ отношеніи.

Таково содержаніе брошюры о. Дернова. Нельзя не пожелать, въ виду ея цѣли, возможно широкаго ея распространенія. *Н. М.* Изъ „Прибавленій къ *Церковнымъ Вѣдомостямъ*", въ библіогр. отдѣлѣ).

XLI. Бракъ или сожительство [1])?

(По поводу полемики о. прот. Дернова съ г-мъ Розановымъ).

Вопросъ о бракѣ, о его значеніи и создаваемыхъ имъ обязанностяхъ и правахъ сдѣлался современнымъ, „моднымъ". О немъ пишутъ очень много, критикуютъ, иногда очень рѣзко, современныя формы и условія брака; толкуютъ о необходимости измѣнить ихъ и улучшить; отыскиваютъ новый, „болѣе" современный критерій для его обоснованія, обращаются и къ физіологіи, и къ статистикѣ, и къ праву, съ завистью наконецъ указываютъ даже на Японію, какъ на достойный подражанія примѣръ [2]); а между тѣмъ о единственно возможномъ критеріи о томъ, который данъ намъ въ словѣ Божіемъ—точно забыли! Но вѣдь о бракѣ говоритъ Самъ Спаситель и притомъ съ совершенной ясностью и опредѣленностью. Онъ указываетъ на его великое значеніе, на его святость и упоминаетъ даже объ условіи, при которомъ, въ виду человѣческой порочности и слабости—допускается его прекращеніе; казалось бы, что въ виду столь авторитетнаго свидѣтельства вопросъ могъ бы быть рѣшенъ довольно просто и скоро, по крайней мѣрѣ для разумѣнія и совѣсти христіанства (а вѣдь мы все-таки христіане), между тѣмъ люди толкуютъ, спорятъ и препираются, и не думаютъ просто обратиться къ этому непогрѣшимому первоисточнику для провѣрки своихъ теорій; такъ

---

[1]) Что за раздѣленіе? Бракъ *и есть* „сожительство", по Библіи, Евангелію и даже по ученію церкви: „бракъ есть мужа и жены (= поло-сочетанныхъ мущины и женщины) *союзъ нерасторжимый на всю жизнь*" (= *сожительство*) опредѣляетъ „Кормчая". О формѣ заключенія - *ни слова* въ „Кормчей". *В. Р—въ.*

[2]) Въ Японіи, какъ извѣстно, договорный (гражданскій) бракъ доведенъ до своего логическаго совершенства - бракъ на срокъ. Западъ, запутанный еще въ тенета римскаго права, до этого не дошелъ... будемъ надѣяться! *А. К.*

между прочимъ поступаетъ и г. Розановъ въ своихъ статьяхъ о бракѣ и незаконнорожденныхъ дѣтяхъ: онъ иногда ссылается на слово Божіе, но понимаетъ его такъ своеобразно, что, съ его точки зрѣнія, было бы осторожнѣе воздержаться отъ такихъ ссылокъ.

Серія статей г. Розанова, помѣщенная въ „Новомъ Времени", вызвала въ той же газетѣ критику, хотя облеченную въ дружественныя формы, однако нещадную. Несмотря на достоинства этой критики, она не достаточно полно и точно слѣдуетъ за развитіемъ аргументаціи г. Розанова, поэтому я позволю себѣ познакомить читателей „Новаго Времени" еще съ другой критикой, только-что появившейся, именно съ брошюрой о. протоіерея Дернова, разсматривающей статьи г. Розанова спеціально съ точки зрѣнія ученія церкви и болѣе подробно. Брошюра эта озаглавлена „Бракъ или развратъ". Заглавіе—нѣсколько рѣзкое, но вполнѣ соотвѣтствующее серьезности вопроса: вѣдь колебать бракъ—значитъ колебать семейство, а стало-быть и все гражданское общество, все государство! Не знаю, слѣдовало ли вообще разбирать на страницахъ газеты, попадающей и въ дѣтскія и въ дѣвичьи руки, столь щекотливый вопросъ, но, разъ это принято, приходится слѣдовать обычному порядку. Молчаніе въ этомъ случаѣ было бы, можетъ быть, вреднѣе.

О. Дерновъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ за мыслью г. Розанова; я буду придерживаться принятаго имъ порядка.

Г. Розановъ, говоритъ его критикъ, направляетъ свою смѣлую аргументацію противъ іерархіи, права и духовенства, обвиняя ихъ въ византизмѣ (не объясняя, однако, въ чемъ именно состоитъ этотъ византизмъ и въ чемъ его недостатки) и утверждаетъ, что тлетворное его вліяніе побудило наши времена исказить Христово ученіе о бракѣ и дѣторожденіи. Византія, говоритъ г. Розановъ, сдѣлала изъ брака—таинство, когда онъ таковымъ никогда не былъ, и по словамъ Самого Спасителя есть „полосочетаніе"; незаконнорожденность есть выдумка духовенства, ибо всѣ дѣти рождаются одинаково и одинаково законны. Теперь дается младенцу, рожденному внѣ брака, „волчій видъ", „желтый билетъ". Незаконнорожденныхъ дѣтей лишили „благословенія" по Евангеліе, а „сухія ограниченія Византіи и Рима". Г. Розановъ ставитъ и дѣтоубійства на счетъ Византіи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже даетъ плотскому сожительству предпочтеніе передъ бракомъ, находя первое настоящей добропорядочной и чистой семьею, въ которую человѣкъ вступаетъ, вырвавшись изъ „принудительнаго разврата". Оберегаемый юридически бракъ, говоритъ г. Розановъ, никому не нуженъ! Религіознаго таинства брака въ Европѣ не существуетъ. О. Дерновъ, въ подтвержденіе сказаннаго, приводитъ цѣликомъ подробныя цитаты изъ статей г. Розанова, которыя дѣйствительно

характерны и доказываютъ, по словамъ о. Дернова, что г. Розановъ впадаетъ въ логическій кругъ. Я не буду ихъ повторять, такъ какъ онѣ извѣстны читателямъ „Новаго Времени".

Въ отвѣтъ г. Розанову о. Дерновъ на основаніи фактическихъ и документальныхъ данныхъ отвергаетъ обвиненія, направленныя противъ нашего духовнаго религіознаго строя. Законы его, говоритъ онъ, во многомъ аналогичны съ законами государственными, но отличны отъ нихъ въ томъ между прочимъ, что авторитетъ ихъ чисто нравственный, поддерживаемый не физической карой или устрашеніемъ, а благоговѣніемъ къ волѣ Божіей. Законы эти— суть лишь толкованія этой воли. Понимаемая въ этомъ смыслѣ законодательная власть церкви совершенно достаточна для осуществленія своей задачи—спасенія рода человѣческаго. Сознаніе же великой пользы, приносимой вліяніемъ церкви нравамъ народа, побуждало благочестивыхъ государей придавать церковнымъ законамъ значеніе законовъ гражданскихъ (мірскихъ) и объединять ихъ. Такъ было въ Византіи [1]); тѣ же порядки отчасти перешли и на россійскую церковь. Государство россійское органически, неразрывно связано съ православною церковью — и это великое благо; причемъ конечно не должно смѣшивать то, что принадлежитъ Богу и что—кесарю.

Отвѣчая на обвиненія г. Розанова, что духовенство лишаетъ незаконнорожденнаго своего благословенія, о. Дерновъ говоритъ, что церковь облекаетъ званіемъ христіанина всякаго къ ней приносимаго или приводимаго, независимо отъ того, кѣмъ онъ рожденъ. „Въ дѣлѣ признанія дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, говоритъ онъ, у нашей церкви инициативы нѣтъ". Законность или незаконность дѣтей опредѣляется законами гражданскими, и это опредѣленіе заносится церковью въ ея метрики, которыми государство и пользуется для регистраціи своихъ подданныхъ. Въ церковныхъ руководственныхъ книгахъ (Кормчей и др.) нѣтъ и наименованія „незаконнорожденный". Церковь не дѣлаетъ подобнаго различія и равнолюбиво присоединяетъ всѣхъ къ паствѣ Христовой. Такимъ образомъ обвиненіе, направленное противъ церкви, въ этомъ вопросѣ, падаетъ само собою; никакого византизма, никакой суровости во всемъ этомъ нѣтъ и не оказывается.

Въ IV главѣ своей брошюры о. Дерновъ разбираетъ взгляды г. Розанова на бракъ и на улучшенія и упрощенія, предлагаемыя въ немъ г. Розановымъ („бракъ безформенный"—„полосочетаніе").

---

[1]) Римскіе императоры иногда присутствовали на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ. Такъ же поступалъ и царь Алексѣй Михайловичъ (московскій соборъ 1666—1667), относившійся къ собору съ великимъ, истинно сыновнимъ почтеніемъ. *А. К.*

Г. Розановъ, говоритъ о. Дерновъ, утверждаетъ, что даже и *на основаніи словъ Самаго Спасителя* бракъ есть только „полосочетаніе“, что между законнымъ и незаконнымъ бракомъ никакой разницы нѣтъ и быть не должно, и что бракъ не таинство. Г. Розановъ идетъ и еще гораздо далѣе, говоритъ о. Дерновъ, онъ сожалѣетъ, что мы вообще охотники (и охотницы) до „фронды“, въ дѣлѣ незаконнорожденности—фрондировать не хотимъ: мы стыдимся своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, дѣвушка, родившая ребенка, *стыдится!* [1]) Г. Розановъ жалѣетъ, что у нашихъ женщинъ сохранился еще *стыдъ*: тутъ, думаетъ г. Розановъ, нечего стыдиться! Притомъ эта излишняя стыдливость порождаетъ дѣтоубійства. (Если бы не было брака; а было бы одно полосочетаніе, не было бы ни стыда, ни дѣтоубійствъ—разсужденіе вполнѣ послѣдовательное!). На все это конечно возстаетъ о. Дерновъ. Онъ основательно видитъ въ этомъ разрушеніе всякой нравственности [2]). Правда, г. Розановъ тоже говоритъ о какомъ-то бракѣ, онъ находитъ цѣлесообразнымъ какой-нибудь внѣшній актъ, напримѣръ обмѣнъ кольцами, онъ даже находитъ предпочтительнымъ, чтобы бракъ совершался въ церкви, но повторяетъ, что онъ не таинство, что этотъ взглядъ лишь плодъ корыстолюбія священниковъ, что такой бракъ есть *симонія*, что настоящій бракъ состоитъ лишь въ *тайнѣ физическаго рожденія*. Но въ чемъ же, спрашивается, разнится такой бракъ отъ полосочетанія животныхъ?..

Въ VI главѣ своего возраженія о. Дерновъ возвращается къ отношеніямъ между церковью и государствомъ. На обвиненіе г. Розановымъ духовенства и религіи, что онѣ разлучаютъ будто бы родителей и дѣтей, о. Дерновъ отвѣчаетъ, что г. Розановъ напрасно не дѣлаетъ необходимаго разграниченія между церковью и государствомъ. Области эти необходимо различать. Православная церковь установленіе совершенно самостоятельное и независимое отъ государства, отъ міра. Государство не имѣетъ права объявить недѣйствительными апостольскія и соборныя правила, не можетъ также объявить закона, противоборствующаго церкви. Въ такомъ случаѣ іерархія церкви не обязана повиноваться государственной власти, которая захотѣла бы принудить ее признать то, что противно Закону Божію и ея совѣсти (по слову

[1]) Въ *тонъ* двухъ дочерей Лота, нарѣкающихъ имена сынамъ своимъ, есть *гордость!* „Вотъ — мы *все* переступили, *дабы имѣть дѣтей*—во исполненіе райскаго заповѣданія“. Посему теперь, сейчасъ дѣвушки должны высоко поднять рожденныхъ ими дѣтей, и закричать: „трудно намъ, задыхаемся—*но волю Божію исполнили*“. Да, я *ненасытно* хочу гордости въ рожденіяхъ: и не извиняюсь... *В. Р—въ.*

[2]) Родить ребенка—значитъ „разрушить нравственность“!!! Защищать дѣтей значитъ „поощрять безнравственность“!!! Боже... Боже... *гдѣ-же, у кого* твои заповѣданія? *В. Р—въ.*

апостольскому—„повиноваться Богу болѣе нежели людямъ", Дѣянія Апост., гл. V, ст. 29).

На обвиненіе г. Розанова, что существующіе законы разлучаютъ незаконнорожденнаго ребенка отъ его матери, о. Дерновъ отвѣчаетъ, что оно совершенно не основательно, что никто, никакой законъ не мѣшаетъ матери заботиться о томъ, чтобы вырастить и воспитать себѣ незаконнорожденное дитя, сдѣлать изъ него человѣка и гражданина. Если же женщина избѣгаетъ, совѣстится выводить его на показъ, какъ бы хвастаться имъ, подчеркивать его происхожденіе, то этому мѣшаютъ не государство и церковь, а просто чувство стыда, присущее всякой женщинѣ, не въ концѣ развращенной; то самое чувство, которое г. Розановъ считаетъ столь излишнимъ и въ которомъ, кстати сказать, покойный В. Соловьевъ видѣлъ одну изъ основъ своей этики.

Въ VIII главѣ своей брошюры о. Дерновъ разсматриваетъ предлагаемыя г. Розановымъ улучшенія и упрощенія въ христіанскомъ бракѣ. Исходя изъ своего основного положенія, что бракъ въ сущности есть лишь „полосочетаніе", „прилѣпленіе половъ", г. Розановъ смѣло утверждаетъ, что съ принятіемъ его взглядовъ сами собою уничтожатся „адюльтеры" (попросту прелюбодѣянія), наложничества, незаконнорожденныя дѣти! „Ничего этого не будетъ,—говоритъ г. Розановъ,—не будетъ ни паденій, ни незаконныхъ касаній женщины" (все будутъ супружества). Понятно, что при такихъ основаніяхъ г. Розановъ приходитъ вполнѣ послѣдовательно къ необходимости или желательности новыхъ, болѣе упрощенныхъ, формъ бракосочетанія, напр. къ простому благословенію родителей, у кого они есть, къ размѣну колецъ, а то такъ и къ простому „полосочетанію". Конечно вторая и третья, въ особенности третья форма, ни для кого не окажется слишкомъ стѣснительной [1])... Тогда вотъ и заведется, по мысли г. Розанова, чистѣйшій типъ семьи, не въ примѣръ лучшій нашего настоящаго... Вѣдь тогда не будетъ разврата!

„Нѣтъ, –возражаетъ г. Дерновъ,—тѣмъ, что вы, г. Розановъ, узаконите всякія „касанія" женщинъ, уничтожите разницу между бракомъ и сожитіемъ, равно какъ и между законно- и незаконнорожденными, вы разврата не уничтожите, вы его напротивъ введете, хотя подъ именемъ нравственности новаго образца; вы напротивъ снимаете этимъ послѣднюю узду, сдерживающую страсти. Вѣдь человѣкъ, не сдерживаемый никакимъ закономъ, никакимъ стыдомъ, стоитъ ниже животнаго, которое въ проявленіи своихъ

[1]) Да зачѣмъ вамъ „стѣснять" (вѣчная тенденція) бракъ, который, по Апостолу, установленъ „во избѣжаніе блуда". Стѣснителенъ бракъ—свободенъ блудъ: свободенъ бракъ—тѣснѣе блуду. Поразительно, что всѣ, и Дерновъ, и Кирѣевъ, борются *противъ брака* („стѣсняютъ"), не упоминая о *блудѣ* и такъ.об. молча ему *покровительствуя, созидая ему условія. В. Р—въ.*

страстей сдерживается своимъ инстинктомъ: у людей въ этомъ отношеніи инстинкта нѣтъ (то же относится и до питья: животное пьетъ когда оно жаждетъ, пьяница пьетъ постоянно). При этомъ о. Дерновъ дѣлаетъ интересныя ссылки на Оригена и отцовъ церкви.

Совершенно послѣдовательно г. Розановъ приходитъ и къ требованію всякихъ облегченій развода и относится враждебно къ запрещенію вступленія въ бракъ супругу или супругѣ, уличеннымъ въ прелюбодѣяніи; выходитъ это у него совершенно послѣдовательно, логично. Разъ бракъ есть не что иное, какъ полосочетаніе, нечего его и стѣснять въ какомъ бы то ни было отношеніи; такое стѣсненіе ничѣмъ и не обусловливается и не вызывается. Нѣтъ болѣе „адюльтера", радостно восклицаетъ г. Розановъ, причемъ онъ считаетъ себя въ правѣ опереться на столь великій авторитетъ „Боговидца" (?!) [1]). Противъ такихъ положеній весьма основательно ополчается о. Дерновъ, посвящая X главу своей книжки опредѣленію понятія брака съ христіанской точки зрѣнія. Бракъ по христіанскому ученію—не договоръ, не обязательство и не законное рабство: онъ—таинство, совершаемое церковью черезъ вѣнчаніе и налагающее на супруговъ полноту серьезныхъ обязанностей. Къ прекращенію ихъ разводомъ церковь относится крайне осторожно. Въ отвѣтъ г. Розанову, убѣжденно повторяющему (будто бы на основаніи словъ Спасителя!), что существо брака есть полосочетаніе, что прелюбодѣяніе началось отъ того, кто далъ браку невѣрное опредѣленіе, что тотъ, кто создалъ идею, что могутъ быть „незаконныя" касанія къ женщинѣ, что вообще можетъ существовать любовь незаконная—тотъ развратилъ человѣчество, о. Дерновъ восклицаетъ: „Что вы говорите, г. Розановъ, да вѣдь заповѣдь „не прелюбы сотвори" дана Самимъ Богомъ" (и усилена и разъяснена Самимъ Спасителемъ!). Спаситель, развращающій человѣчество?!!"

Такова въ краткомъ изложеніи сущность возраженій о. Дернова г. Розанову; должно сказать, что изъ проекта г. Розанова не остается камня на камнѣ. Приходится повторить то, что говоритъ въ „Нов. Времени" г. А—тъ: „Г. Розановъ, вы не вѣдаете, что творите"!

Къ вышесказанному я позволю себѣ прибавить нѣсколько соображеній.

Дѣйствительно, какъ замѣчаетъ въ „Новомъ Времени" г. А—тъ, г. Розановъ не уяснилъ себѣ значенія совѣтовъ и наставленій, которыми онъ награждаетъ наше общество. Если бы, паче чаянія, предлагаемыя имъ мѣры были приняты къ руководству, онѣ несомнѣнно привели бы не къ улучшенію брачныхъ отношеній, а

[1]) Эта ссылка уже совершенно непонятна. *А. К.*

къ упраздненію брака, а стало-быть къ полному одичанію общества [1]). И тѣмъ не менѣе, читая статьи г. Розанова, чувствуешь, что въ нихъ есть нѣкоторая доля правды, если не въ положительной, то въ отрицательной ихъ сторонѣ; въ нихъ чувствуется справедливый протестъ противъ несомнѣннаго зла, противъ современнаго положенія дѣлъ, несомнѣнно неудовлетворительнаго, требующаго радикальнаго леченія. Бѣда лишь въ томъ, что г. Розановъ, второпяхъ, для излеченія несомнѣнной и тяжкой болѣзни, хватается за лекарство никуда негодное, гораздо худшее самой болѣзни: онъ бѣжитъ, какъ говорится, „изъ огни да въ полымя".

Это бывало и съ очень крупными людьми. Возмущенный несправедливымъ, неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ, собственности, Прудонъ объявляетъ, что первый, кто выдумалъ, кто установилъ собственность, и былъ первымъ воромъ. „La propriété est un vol".—говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи „Qu'est-ce que la propriété?" Уничтожьте собственность, не будетъ на нее посягательствъ, не будетъ кражъ [2]). Въ подобномъ же настроеніи находился покойный В. Соловьевъ, когда писалъ свои необдуманныя статьи о католицизмѣ, статьи, въ которыхъ, въ виду несомнѣнныхъ недостатковъ нашего церковнаго строя, совѣтовалъ намъ перейти въ унію и признать господство надъ нами папы. Развѣ это не то же „изъ огня да въ полымя?" А вѣдь какъ глубоко-религіозна была мысль Соловьева! Конечно многое требуетъ исправленія, въ особенности дѣла бракоразводныя, съ ихъ лжесвидѣтельствами, подкупами, съ ихъ непролазною кощунственною грязью, попадающею и на свѣтлыя одежды [3]) нашей церкви! Да, все это требуетъ леченія, требуетъ реформъ, но конечно не тѣхъ, которыя предлагаетъ г. Розановъ.

Наши законы о бракѣ основаны на [4]) словѣ Божіемъ, *стало быть хороши*; къ несчастію, наша практика гораздо ниже нашей теоріи; теорія прекрасна, практика никуда [5]) не годится! За послѣднія двадцать, тридцать лѣтъ въ этомъ отношеніи произошли та-

---

[1]) Да что-же, евреи и греки были „дикіе"? безъ *нашихъ* нормъ? съ *другими*? Слишкомъ вы самообольщены съ Дернового. *В. Р—въ.*

[2]) Уничтожьте таинство брака, говоритъ г. Розановъ,—введите простое полосочетаніе, не будетъ и нарушеній брака: „нѣтъ адюльтеровъ",—нѣтъ и незаконнорожденныхъ дѣтей. Уничтожьте законъ—не будетъ и его нарушеній, не будетъ преступленій. Снимите голову — нѣтъ и зубной боли! Все рѣшается очень просто! *А. К*

[3]) Какъ-то неясно. „Брызги отъ моей работы падаютъ на мои одежды и *марают*ъ *ее*". Вѣрно работа не чиста, и тогда бы для нея надо одѣть не очень чистыя одежды. А то что путать, путать—и на зрителей наводить миражъ. Одежа—богатая, а работа—швахъ. *В. Р—въ.*

[4]) ... римскомъ правѣ. А. Н. Кирѣевъ должно быть вовсе не знакомъ съ *исторіей* канонической права. Черпали ведрами изъ Corpus juris *civilis. В. Р—въ.*

[5]) Такихъ чудесъ не бываетъ. *В. Р—въ.*

кія перемѣны, которыя заставляютъ серьезно опасаться за будущность нашего общества. Повторяю: законы наши хороши, ихъ самихъ и нечего и касаться, но необходимо измѣнить ихъ уродливое примѣненіе; и начать нужно съ изъятія бракоразводныхъ дѣлъ изъ компетенціи консисторій съ отстраненіемъ отъ нихъ грязныхъ спеціалистовъ-адвокатовъ, сдѣлавшихъ изъ нихъ постыдный промыселъ; но главное не въ этомъ: намъ самимъ, самому обществу нужно относиться къ святости брачныхъ узъ иначе, нежели мы относимся нынѣ. Мы сами должны оберегать ихъ какъ одно изъ главныхъ условій общественнаго, а стало-быть и государственнаго блага, а такъ-ли мы поступаемъ? *Не законы плохи, мы* [1]) *плохи*! За послѣднее время, въ особенности, взгляды на бракъ совершенно измѣнились и несомнѣнно къ худшему. Теперь провинившійся мужъ не говоритъ, какъ прежде, какъ бы слѣдовало: „*Я виноватъ! да проститъ мнѣ Господь мое прегрѣшеніе*“: нѣтъ, мы теперь, просвѣщенные новѣйшими теоріями о бракѣ, наученные житейскою мудростью спеціалистовъ и адвокатовъ, прямо отрицаемъ самое понятіе о грѣхѣ: *не виновенъ*-де! Никакой въ этомъ вины нѣтъ, это устарѣлые взгляды попа Сильвестра, мы начитались „Домостроя“; иногда вторятъ и дамы, ссылаясь на „les droits imprescriptibles de l'amour!“ У насъ перепутаны всѣ понятія: человѣкъ проигрался въ карты, обѣщалъ, какъ водится, уплатить свой долгъ въ 24 часа, но не исполнилъ своего обѣщанія и готовъ съ отчаянія застрѣлиться; и всѣ это понимаютъ. „Какъ же, я торжественно обѣщалъ уплатить долгъ и вотъ не сдержалъ своего обѣщанія, а вѣдь карточные долги — священны!“ и тотъ же самый человѣкъ, торжественно и всенародно обѣщавшій передъ Господомъ Богомъ своей невѣстѣ любить ее [2]) и оставаться ей вѣрнымъ, не обманывать ее считаетъ себя *въ правѣ* не исполнить даннаго обѣщанія, вовсе не думая о самоубійствѣ и прибѣгая для своего обѣленія къ самымъ грубымъ и пошлымъ изворотамъ, и все для того, чтобы доказать и себѣ и другимъ, что тутъ нѣтъ никакого грѣха! Всѣ, молъ, такъ дѣлаютъ!

---

[1]) Вѣчная присказка лѣнивыхъ и неразумныхъ юристовъ. „Это—*они*, а не *мы*“. Законъ *мудрый* имѣетъ благодѣтельнѣйшее вліяніе на *нравы*. Какъ тихи, незамѣтны, скромны татары и евреи: ни — пьяницъ по улицамъ, ни—сифилитиковъ въ больницѣ, ни — расправъ финскимъ ножемъ „съ измѣнницей“, „надоѣвшей“ и пр. Неужели же желтая кровь монгола чище, *свѣтлѣе* русской?! *В. Р—въ*.

[2]) Да, еслибы любовь какъ и деньги можно было *объявлять на сроки*. А если она не *родилась* — что вы на это? Ну, дѣлайте *видъ любви*! Это будетъ *лицемѣріе и грѣхъ*. Вотъ если-бы при заключеніи брака давалось *выпивать нѣкое магическое священное питье, рождающее изъ себя любовь* — тогда ее и требовать-бы можно. А не изобрѣли вы такого питья, „благопожеланіе“ ваше любви—не подѣйствовало, ну тогда съ „нѣтъ“—нечего и спрашивать. *В. Р—въ*.

По словамъ Спасителя, бракъ долженъ быть святой, неразрывный союзъ, оберегаемый строгими обоюдообязательными и безусловно равными для обѣихъ сторонъ нравственными законами (Евангл. отъ Матѳея, гл. V, ст. 31—32); исключеніе допускается Христомъ лишь одно, и то съ ограниченіями крайне мудрыми (Матѳея, XIX, ст. 6—10). Такъ его понимаетъ православная церковь. Впослѣдствіи, гражданскою властью были введены еще нѣкоторые поводы къ разводу, чисто формальнаго свойства: но все это мы забываемъ, не хотимъ всего этого и знать. Я употребляю слово *мы*, ибо главными виновниками распаденія брака должны быть признаваемы мужчины, мужья; жены лишь иногда слѣдуютъ за нами, слѣдуютъ нашему дурному примѣру; рѣдко первоначальнымъ нарушителемъ брачной вѣрности является жена, въ особенности если она мать! Мать, какая бы она ни была, хотя бы изъ самыхъ „передовыхъ“, хотя бы изъ нигилистокъ, домогающихся равноправности въ развратѣ съ мужчинами, и та невольно какъ-то, хоть вначалѣ, бережетъ чистоту семейнаго очага, она все-таки стыдливѣе дурного мужа: происходитъ это оттого, что молодая мать стоитъ ближе къ дѣтямъ, нежели отецъ, нѣжнѣе, заботливѣе ихъ любитъ. Равноправности же въ нарушеніи брачнаго союза никакой конечно быть не можетъ, ибо ни у кого нѣтъ и быть не можетъ никакого *права* на грѣхъ. Высказано это въ Евангеліи самымъ положительнымъ образомъ.

Укрѣпленію брачнаго союза можетъ содѣйствовать не ослабленіе его разными „облегченіями“, попустительствами и поблажками: не введеніе въ него разныхъ грубо физіологическихъ или юридическихъ понятій. Для укрѣпленія брака нужно, наоборотъ, чтобы общество смотрѣло на брачныя отношенія съ точки зрѣнія идеально религіозной; тогда и только тогда будетъ бракъ дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, по словамъ Спасителя. Перестановка брака на почву юридическую, о которой многіе теперь толкуютъ, еще вреднѣе на него подѣйствуетъ, нежели введеніе въ него самаго распущеннаго матеріализма, ибо, разъ будетъ принято, что бракъ есть только юридическій договоръ, никакимъ образомъ нельзя будетъ отстоять не только его ненарушимости, но и безсрочности, вѣчности: разъ это только контрактъ, только юридическая сдѣлка [1]), я всегда буду считать себя нравственно въ правѣ

[1]) *Теперь*-то онъ именно такъ и поставленъ; только какъ сдѣлка *вѣчная* (= рабство, крѣпостное право). Какъ-же иначе, когда и *состоять* онъ въ одномъ вписаніи жены въ паспортъ мужа: а) съ предоставленіемъ ссориться, до посягательства на жизнь другъ друга (по *этой* причинѣ нѣтъ развода), b) измѣнять одинъ другому (безъ оффиціальныхъ свидѣтелей), c) никогда и не начинать жизни имѣть, живя хоть въ разныхъ полушаріяхъ (и это *не* кассируетъ бракъ). Просто онъ — поставленъ и *вѣчнымъ* чувствуется какъ *вѣчное обязательство юридическаго характера*, безъ дачи способовъ его исполнить—et rien de plus. *В. Р—въ.*

изыскивать юридическія средства для его нарушенія, ежели онъ оказывается для меня почему-либо неудобнымъ; да и на какомъ основаніи можно юридически отвергать бракъ на срокъ? Какъ основательно и горячо возставалъ на гражданскій бракъ И. Аксаковъ, исходя изъ основаній не только религіозныхъ, но и психологическихъ, изъ высокаго понятія о любви! И гдѣ бы, мнѣ кажется, не быть настоящему святому браку, какъ не въ Россіи, не подъ охраной русской женщины, этого олицетворенія безпредѣльной любви, безпредѣльнаго всепрощенія, самопожертвованія и непостижимой стойкости [1]) въ несчастіи! Кажется, г. Розановъ великій цѣнитель и знатокъ изящной литературы; я увѣренъ, что если бы, писавши свои статьи, онъ бы хотя мелькомъ вспомнилъ о пушкинской Татьянѣ, этомъ благородномъ, чудномъ, святомъ прототипѣ русской женщины онъ бы конечно не написалъ того, о чемъ я здѣсь говорилъ. Павловскъ, 7-го декабря. *А. Кирѣевъ.*

XLII. Идилія защищаемая А. Дерновымъ и А. Кирѣевымъ.

Благословеніе брака споспѣшествуетъ благословенному существованію семейства.
М. Филаретъ.

1. Изъ Ялтинскихъ нравовъ (письмо въ редакцію „Нов. Вр.").

М. Г. Въ Вашей почтенной газетѣ (№ 9071) я сегодня прочитала о полемикѣ, которая ведется въ „Крым. Кур." о ялтинскихъ проводникахъ, конхъ ялтинская газета такъ жестоко обозвала „кокотками мужского пола".

Это несправедливое обвиненіе милыхъ проводниковъ, которые въ теченіи вотъ уже пяти лѣтъ, ежегодно во время сезона, обновляютъ мою жизнь, заставляя усиленнѣе трепетать мое бѣдное сердце; и воспоминаніе не забвенныхъ минутъ, проведенныхъ мною въ горахъ Крыма совмѣстно съ проводниками, заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ въ ихъ защиту.

Я буду откровенна. Состояніе мое значительное. Я второй разъ замужемъ. Супругъ мой сановная особа, но очень ветхъ и древенъ. Мнѣ 50 лѣтъ, по моему физическому сложенію завидуютъ многія. Шевелюра моя уже серебрится, но любви всѣ возрасты покорны, а подъ снѣгомъ не иногда, а очень часто бѣжитъ кипучая вода. Остудить эту воду мой супругъ возможности не имѣлъ, ибо молодость онъ провелъ обычно т. е. крайне бурно,

---

[1]) Да, выколотили изъ матушки психологію. „Какъ воскъ — мягка, какъ свѣчечка восковая въ пальцахъ гнется". Но чего это стоило!! и — сейчасъ еще стоитъ!!! *В. Р—въ.*

а цѣни Гименея надѣлъ лишь тогда, когда убѣдился, что таковыя приготовлены изъ высокопробнаго золота. Я искала утѣшенія въ окружающемъ меня обществѣ, но каждый разъ убѣждалась, что любятъ меня не какъ женщину, а какъ источникъ доходовъ, и что въ окружающемъ меня обществѣ найдти человѣка, который не оскорблялъ-бы во мнѣ женщину, невозможно. Счастливая случайность привела меня въ Ялту, и проводникъ Ахметка невольно меня убѣдилъ въ томъ, что утѣшители юга — люди сердца, а утѣшители сѣвера — люди грубаго разсчета. Я начала посѣщать Крымъ ежегодно. Ахмета замѣнилъ Магометъ, Магомета Сулеманъ и т. д., но каждый изъ нихъ останется свѣтлымъ воспоминаніемъ до конца моей жизни. Всѣ они любили меня такъ пламенно, такъ нѣжно и такъ, повидимому, безкорыстно.

Правда, я имъ платила деньги, но платила ничтожную часть того, что приходилось платить сѣвернымъ утѣшителямъ. Сѣверные требовали денегъ, а Магометы и Сулеймапы, каждый разъ, отъ таковыхъ отказывались и мнѣ приходилось упрашивать ихъ взять. Они брали, но говорили, что тратить не будутъ, а сохранятъ какъ воспоминаніе обо мнѣ. Вѣрить имъ конечно было бы наивно, но это говорили они всегда такъ нѣжно, что невольно хочется вѣрить ихъ словамъ.

Я исключенія не составляю и имя намъ легіонъ. Всѣхъ насъ окружающіе въ обществѣ утѣшители возмущаютъ, ибо откровенность, съ которой они себя продаютъ, женщинѣ противна. Неужели мы, женщины съ темпераментомъ, лишены права искать если не истиннаго чувства, то хотя приличнаго подобія его, не оскорбляющаго въ насъ человѣка? Мы ищемъ, но не находимъ этого въ томъ кругу, который именуется обществомъ, и вынуждены стремиться на южный берегъ Крыма, гдѣ проводники относятся къ женщинѣ человѣчнѣе столичныхъ денди, и куда насъ гонитъ не развращенность наша, а желаніе избѣгнуть „фрачныхъ кокотокъ мужского пола“.

Съ истиннымъ почтеніемъ *Софія Ша.....екая.*

2. Судебная хроника. Сгорѣвшій мужъ.

28-го февраля въ петербургскомъ окружномъ судѣ началось слушаться громкое дѣло о поджогѣ въ Шуваловѣ дачи. Обвиняемыми явились вдова провизора М. Краевская, 30 лѣтъ, и мѣщанинъ А. Ведерниковъ, 27 лѣтъ.

Въ 6 часовъ утра 16-го іюня 1901 года въ дачной мѣстности Шувалово, расположенномъ по Финляндской дорогѣ близъ Петербурга, случился пожаръ, истребившій до основанія двухэтажную деревянную дачу Константиновой, въ которой жилъ тогда со сво-

имъ семействомъ провизоръ Э. Ф. Краевскій, погибшій въ огнѣ во время пожара.

Покойный въ ночь пожара вернулся домой, гдѣ уже спали его дочь Марія-Антуанета и мать его жены, Марія-Амалія Брюне, въ пятомъ часу утра съ праздника пожарной дружины, происходившаго въ саду „Озерки", въ сопровожденіи проживавшаго вмѣстѣ съ нимъ арендатора сада „Озерки", мѣщанина А. А. Ведерникова, своего сына Георгія, гостившаго у него гимназиста Карчевскаго, кассира сада Островскаго и Бандурова. Жена Краевскаго, Марія, послѣ праздника поѣхала кататься съ брантмейстеромъ пожарной дружины Лоренцсономъ и его помощникомъ Мордуховскимъ и во время пожара въ домѣ не находилась.

Приди на дачу, Краевскій, бывшій въ сильно нетрезвомъ состояніи, отправился съ Бандуровымъ въ верхній этажъ и почти тотчасъ-же уснулъ. Ведерниковъ остался на террасѣ, Островскій-же началъ въ гостиной подсчитывать расходы по празднику по саду „Озерки"; будучи тоже въ нетрезвомъ состояніи, онъ задремалъ, но вдругъ почувствовалъ жаръ и, оглянувшись, увидѣлъ, что лежавшія въ гостиной на полу въ большомъ количествѣ конфетти горятъ. Онъ закричалъ объ этомъ Ведерникову, который, вбѣжавъ съ террасы въ комнату, хотѣлъ потушить пожаръ, но увидѣвъ, что сдѣлать этого нельзя, бросился будить успѣвшаго заснуть Краевскаго и помогъ выбраться чрезъ окно Амаліи Брюне. Въ то-же время сверху сбѣжалъ мальчикъ Георгій Краевскій, сестра его Марія-Антуанета выскочила на крышу и была снята оттуда дворникомъ. Бандуровъ выпрыгнулъ изъ второго этажа и, упавъ, сломалъ руку. Краевскій одинъ остался въ своей спальнѣ и обгорѣвшій трупъ его былъ найденъ въ развалинахъ уже послѣ того, какъ дача сгорѣла.

Сначала причина пожара не могла быть установлена, но 8-го августа Ведерниковъ, переѣхавшій съ семьею Краевскаго на дачу Строганова въ той-же мѣстности, пригласивъ къ себѣ чрезъ ученика Людорфа мѣстнаго станового пристава Недѣльскаго, заявилъ ему, что дача Константиновой была подожжена имъ, Ведерниковымъ, по подговору Маріи Краевской, для полученія страхового вознагражденія за ея движимое имущество, помѣщавшееся въ сгорѣвшей дачѣ и застрахованное въ Русскомъ страховомъ обществѣ.

Допрошенный Ведерниковъ показалъ слѣдующее. Нѣсколько лѣтъ назадъ отецъ его, привезя его изъ Кіева въ Петербургъ, передалъ ему приблизительно на 9,000 р. разнаго товара и около 2,000 р. деньгами для того, чтобы онъ могъ завести собственное дѣло. Распродавъ весь товаръ за бездѣлицу, онъ на вырученныя деньги началъ вести веселую жизнь, предаваясь главнымъ образомъ игрѣ въ карты и на бѣгахъ и на скачкахъ, при чемъ игралъ

довольно счастливо. Около пяти лѣтъ назадъ знакомый его по Кіеву, землевладѣлецъ Катежинскій, сказалъ ему, что съ нимъ хочетъ познакомиться одна дама, жена провизора, Марія Краевская. Онъ согласился быть представленнымъ ей и Катежинскій привезъ его къ Краевскимъ, занимавшимъ въ то время небольшую квартиру по Николаевской ул., за которую они платили 720 р. въ годъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ перваго знакомства Ведерниковъ вступилъ съ Краевскою въ интимную связь. Сперва они видались въ разныхъ мѣстахъ, но затѣмъ, когда связь ихъ стала на столько очевидною, что ее не могъ не замѣчать мужъ Краевской, который однако не препятствовалъ ей, Ведерниковъ переѣхалъ въ качествѣ жильца къ Краевскимъ. Послѣ этого они наняли другую квартиру на той-же улицѣ, цѣною въ 2,060 руб., пріобрѣли роскошную обстановку, завели лошадей; всѣ эти расходы производились на счетъ Ведерникова, продолжавшаго играть въ карты въ Петербургѣ какъ въ клубахъ, такъ и у частныхъ лицъ, а равно и въ другихъ городахъ, напр. въ Орлѣ, куда онъ ѣздилъ къ своему брату. Въ четыре года Ведерниковъ выигралъ около 60,000 руб., изъ которыхъ проигралъ тысячъ двадцать, остальныя-же были имъ истрачены на Краевскую.

Однако денегъ этихъ не хватало и онъ долженъ былъ дѣлать постоянные займы у своихъ братьевъ и сестры А. А. Муравлевой. Такъ продолжалось до осени 1900 г., когда дворяниномъ Акюкомъ было возбуждено противъ него обвиненіе въ томъ, что онъ ведетъ игру крапленными картами.

Хотя дѣло это и было прекращено, но оно доставило столько непріятностей какъ ему, Ведерникову, такъ и его роднымъ, что онъ рѣшилъ перестать играть. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ постоянно испытывать нужду въ деньгахъ, а между тѣмъ Краевская попрежнему требовала ихъ и не получая—ссорилась съ нимъ и постоянно упрекала его. Весною 1901 года она сообщила ему, что нашла способъ добыть денегъ: способъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы нанять гдѣ-либо дачу, которая-бы стояла особнякомъ и въ сторонѣ отъ другихъ, перевести туда всю ихъ обстановку, застраховать ее и затѣмъ поджечь и получить страховое вознагражденіе. Подсудимый ужаснулся и не хотѣлъ согласиться, но Краевская начала убѣждать его, говоря, что онъ ничѣмъ не рискуетъ, если устроятъ все умно и осторожно, и что она уже разъ поджигала свое имущество въ Одессѣ, была подъ судомъ и ее оправдали. Страстно любя Краевскую и всецѣло подчинясь ея волѣ, Ведерниковъ согласился на предложеніе.

Вскорѣ послѣ этого они наняли дачу Константиновой въ Шуваловѣ, перевезли туда всю мебель и застраховали ее въ Русскомъ обществѣ за 12,000 рублей. Въ Шуваловѣ, для того, чтобы сойтись ближе съ мѣстной полиціей и членами пожарной дру-

жины, Ведерниковъ арендовалъ отъ имени велосипедно-атлетическаго кружка мѣстный садъ и театръ, причемъ антреприза была всецѣло его. Дѣйствительно ему удалось вскорѣ стать членомъ пожарной дружины, а когда она стала устраивать свой праздникъ. Ведерниковъ предложилъ для этого арендуемый имъ садъ. Предполагая, что праздникъ этотъ затянется до поздней ночи и что большинство дружинниковъ напьются до-пьяна, Краевская избрала для подлога ночь, послѣдующую за днемъ праздника; онъ состоялся 15-го іюля, причемъ была устроена битва цвѣтовъ и шествіе, въ которомъ участвовала и Краевская въ костюмѣ Орлеанской дѣвы. Вечеромъ состоялся въ саду „Озерки“ ужинъ, на который Краевскіе пригласили между прочимъ брандмайора Лоренцсона и его помощника Мордуховскаго.

Когда всѣ выпили, Краевская стала говорить о томъ, что будто-бы наклеенныя въ Шуваловѣ и Озеркахъ на заборахъ и столбахъ театральныя афиши закрыли афиши праздника пожарной дружины и подъ предлогомъ провѣрить это обстоятельство пригласила съ собой Лоренцсона и Мордуховскаго и увезла ихъ въ своемъ экипажѣ, взглядомъ давъ понять Ведерникову, чтобы онъ привелъ ихъ умыселъ въ исполненіе.

Тогда подсудимый отправился домой вмѣстѣ съ Краевскимъ, его сыномъ и кассиромъ сада Островскимъ, котораго онъ пригласилъ подъ предлогомъ свести счета, въ дѣйствительности-же для того, что-бы во время пожара на дачѣ находилось постороннее лицо для отвлеченія подозрѣнія; съ ними пошелъ и Бандуровъ, который, опоздавъ на отходившій въ Петербургъ поѣздъ, просилъ разрѣшенія ночевать у нихъ. Когда всѣ они пришли на дачу, Краевскій съ Бандуровымъ отправились наверхъ, Островскій-же сѣлъ въ гостиной подводить счета, но, будучи выпивши, задремалъ. Тогда Ведерниковъ подложилъ спичекъ лежавшія въ углу гостиной въ мѣшкѣ конфетти и вышелъ на террасу.

Вскорѣ послышался крикъ Островскаго и тогда онъ кинулся будить спавшихъ. Спаслись всѣ, бывшіе на дачѣ, кромѣ Краевскаго; смерть его была большою неожиданностью какъ для Ведерникова, такъ и для вернувшейся въ концѣ пожара Краевской, и сильно поразила ихъ. Послѣ пожара Ведерниковъ съ Краевской, ея матерью Брюне и дѣтьми Краевскаго переѣхали на дачу Строганова. Здѣсь отношенія Краевской къ нему рѣзко перемѣнились, она стала сторониться отъ него и въ то-же время видимо сближалась съ своимъ кучеромъ А. Полозомъ, съ которымъ ходила гулять, покупала ему въ Петербургѣ дорогое бѣлье, ѣздила съ нимъ по городу на извозчикахъ. Кромѣ того, вернувшись разъ вечеромъ домой, подсудимый видѣлъ чрезъ стеклянную дверь, какъ послѣ его звонка изъ спальни Краевской вышелъ Полозъ въ одномъ бѣльѣ и прошелъ къ себѣ наверхъ. Затѣмъ онъ сталъ

замѣчать, что Краевская и Полозъ что-то умышляютъ противъ него и что-то шепчутся между собою, причемъ до него долетали слова: „отравить", „отдѣлаться", „убить". Это заставило Ведерникова опасаться за свою жизнь и, не желая быть болѣе игрушкой въ рукахъ Краевской, онъ сдѣлалъ заявленіе полиціи обо всемъ происшедшемъ.

Установлено, что покойный Краевскій занимался въ лабораторіи при аптекѣ Глокова приготовленіемъ желатиновыхъ капсюль и зарабатывалъ около 200 р. въ мѣсяцъ, занимая въ то-же время квартиру, за которую платилъ 2,060 р., держалъ нѣсколькихъ лошадей и проживалъ въ годъ тысячъ семь или восемь. Обстановка въ его квартирѣ была очень хорошая и всѣ вещи цѣнныя. Вмѣстѣ съ Краевскими проживали сынъ и дочь его отъ перваго брака и старушка М. А. Брюне, про которую Краевскіе говорили иногда, что она тетка М. Краевской, иногда-же ея мать и, выдавая ее за очень богатую женщину, разсказывали, что живутъ на ея счетъ и квартиру нанимали на ея имя; равнымъ образомъ на ея-же имя было застраховано и имущество при переѣздѣ на дачу въ Шувалово, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности Брюне замѣняла имъ кухарку.

Нѣсколько комнатъ въ своей квартирѣ Краевскіе отдавали въ наймы и одну изъ нихъ занималъ Ведерниковъ; онъ въ семьѣ Краевскихъ держалъ себя на положеніи какъ-бы хозяина и ни для родственниковъ его, ни для родныхъ Краевскаго не было тайной, что Ведерниковъ состоитъ съ женою Краевскаго въ интимной связи. Краевская на братьевъ своего мужа и на его сестру производила впечатлѣніе женщины фальшивой, двуличной и распущенной, но въ то-же время съ сильнымъ и настойчивымъ характеромъ; мужъ ея, Краевскій, и Ведерниковъ были оба люди слабохарактерные, мягкіе и во всемъ подчинялись Маріи Краевской. Ведерниковъ за послѣдніе четыре года до пожара въ Шуваловѣ жилъ исключительно карточной игрой. Игралъ онъ въ клубахъ въ Петербургѣ и Орлѣ, гдѣ въ короткое время выигралъ около 25,000 рублей, и у себя дома, въ квартирѣ Краевскихъ, гдѣ съ одного лишь Акевока выигралъ 15,000 руб. Всѣ пріобрѣтенныя имъ этимъ путемъ деньги онъ тратилъ на Краевскую, которую очень любилъ и ревновалъ ко всѣмъ посѣщавшимъ ее мужчинамъ.

Изъ-за ревности Ведерникова между Краевской и имъ часто происходили крупныя сцены и бурныя объясненія, кончавшіяся обыкновенно тѣмъ, однако, что Ведерниковъ уѣзжалъ, привозилъ вина, фруктъ и какіе-либо подарки, и они съ Краевской мирились. Несмотря на крупные выигрыши онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, которыя занималъ у своихъ братьевъ, сестеръ, матери и у посторонніхъ лицъ. Весною 1901 года онъ съ Краевскими переѣхалъ на дачу въ Шувалово, куда перевезли всю

мебель, лошадей и экипажи. Конюшня была нанята отдѣльно отъ дачи и рядомъ съ нея снята комната для кучера, гдѣ и жилъ Полозъ. Въ Шуваловѣ Ведершиковъ взялъ антрепризу сада „Озерки" и сначала дѣла его шли хорошо, но затѣмъ онъ сталъ нуждаться въ деньгахъ, задерживать платежи и вынужденъ былъ на удовлетвореніе необходимыхъ расходовъ прибѣгать къ займамъ. Передъ самымъ пожаромъ въ саду „Озерки" состоялся ужинъ, которымъ закончился праздникъ пожарной дружины. За ужиномъ Краевская дѣйствительно затѣяла разговоръ о томъ, что будто-бы театральныя афиши, расклеенныя на улицахъ, закрыли афиши пожарнаго праздника, и предложила брантмейстеру Лоренцону и помощнику его Мордуховскому поѣхать съ нею на ея лошадяхъ смотрѣть афиши. Тѣ согласились и Краевская уѣхала съ ними. Афишъ однако они не осматривали, а заѣхавъ въ какой-то ресторанъ, выпили лимонада, поѣхали обратно и пріѣхали, когда пожаръ уже кончился.

Послѣ пожара Ведершиковъ сильно измѣнился, сдѣлался разсѣяннымъ, грустнымъ и задумчивымъ. Краевская-же замѣтно стала приближать къ себѣ кучера Полоза, который сталъ заботиться о своемъ костюмѣ, носить крахмальныя сорочки и ходить съ тросточкой. Изъ комнаты около конюшни, которую занималъ ранѣе Полозъ, Краевская перевела его на дачу Строгановой, гдѣ она жила сама, и поселила въ мезонинѣ. Она ходила съ нимъ гулять, брала его съ собою въ Петербургъ и ѣздила съ нимъ, сидя рядомъ на извозчикѣ, а также покупала ему въ Гостиномъ дворѣ дорогое, тонкое бѣлье, платки и проч.

Обращеніе съ нею Полоза было таково, что удивляло очевидцевъ. Послѣ арестованія ея и Полоза, она, черезъ урядника, передала ему два своихъ новыхъ платка и полотенце, и распрашивала, сильно-ли подѣйствовалъ на него арестъ... *Судебный вѣстникъ „Нов. Вр."*.

3. Было или не было?

Обошедшій всѣ, кажется, наши газеты разсказъ о томъ, какъ саврасы безъ узды въ одномъ городѣ опоили нѣсколькихъ дамъ какимъ-то наркотикомъ и заперли въ отдѣльномъ кабинетѣ гостиницы въ костюмахъ праматери Евы, пославъ ключъ мужьямъ, въ ту пору картежничавшимъ въ клубѣ, удостовѣренъ недавно съ географической точностью.

По словамъ „Русск. Вѣдом.", исторія произошла въ Рязани. Дамъ увезли кататься на тройкахъ изъ тамошняго благороднаго собранія людп, оказавшіеся весьма неблагородными и гнусно отомстившіе своимъ спутницамъ за какіе-то счеты ихъ съ другою рязанскою дамою, яко бы по ихъ винѣ не попавшею въ то же

самое рязанское благородное собраніе. Говорятъ, добавляетъ московская газета, одинъ изъ этихъ папуасовъ за свою мерзкую „шутку" вынужденъ былъ подать въ отставку, а нѣкоторыя изъ потерпѣвшихъ дамъ признали для себя болѣе удобнымъ оставить навсегда этотъ городъ. И исторія на томъ и кончилась? Покладисты, коли такъ, рязанскіе мужья.

Только вотъ въ чемъ вопросъ: такъ ли точно все это было? Хотя разсказывается это въ такой незанимающейся враньемъ газетѣ, какъ „Русскіе Вѣдом."?

Прошло уже довольно времени, чтобы исторію могли опровергнуть. Но кто и откуда? Вольные и невольные участники этой скверной исторіи не имѣютъ понятно особой охоты распространяться въ ней. Гласность въ Рязани изображается двумя „органами": „Губернск. Вѣдомостями", въ которыхъ печатаются казенныя объявленія, и иногда выходящимъ „Рязанск. Листкомъ", въ которомъ печатаются объявленія частныя. Стало быть и съ этой стороны туго и жидко.

Впрочемъ, если и случилась среди рязанской обывательщины такая пошлая и скверная исторія, такъ не лучше ли ей пропасть въ уничижительномъ молчаніи, какъ пропадаютъ же многія и многія скверныя и пошлыя провинціальныя исторіи? Какой будетъ толкъ, если около нея „поднять шумъ"? Развѣ просвѣтишь „папуасовъ" и утѣшишь опозоренныхъ?

Вотъ все, что я могу отвѣтить на полученные мною запросы по этому поводу. *А. Артемьевъ.*

4. Судебная хроника. Мать-убійца.

Дѣла объ умерщвленіи незаконнорожденныхъ въ большинствѣ случаевъ оканчиваются оправданіемъ, такъ какъ трудно бываетъ установить сознательность дѣйствія роженицъ, за которыми самъ законъ признаетъ смягчающія вину обстоятельства, вызываемыя стыдомъ и страхомъ.

Дѣло крестьянки Дарьи Егоровой представляетъ исключеніе, и по существу своему является отталкивающимъ [1]). Двадцати-восьми-лѣтняя замужняя женщина, она проживала въ усадьбѣ Бровкина при селѣ Михаила Архангела, находящемся подъ Не-

---

[1]) Ничуть. Она обѣщалась жить *съ живущимъ съ нею мужемъ*, а не отсутствующимъ. Уходя на годы, хотя даже на одинъ, онъ могъ лишь *условно* удерживать ее за собою, или долженъ былъ вовсе дать ей разводъ. „Я выхожу (изъ отчаго дома) не за твой паспортъ, а за тебя; и нѣтъ тебя, не вижу, - то и не спрашивай, гдѣ я" Этотъ принципъ заставилъ бы гг. кавалеровъ позаботиться реальнымъ присутствіемъ дома, а не фиктивнымъ счетомъ, что-де все равно я *числюсь* господиномъ дома. *В Р—въ.*

ЕПАРХІАЛЬНАЯ

тербургомъ. Соскучась отсутствіемъ мужа, отбывавшаго воинскую повинность, она завела романъ, послѣдствія котораго не заставили долго ждать себя, и въ началѣ іюня 1900 г. Дарья родила дочь, которую окрестила ея квартирная хозяйка Давыдова. Сознавая свое положеніе и боясь гнѣва мужа, Егорова съ первыхъ же дней появленія на свѣтъ ребенка тяготилась имъ, дурно обращалась, плохо кормила и хотѣла отдать въ воспитательный домъ, но тамъ дѣтей отъ замужнихъ не принимаютъ.

Прошло недѣли двѣ и Егорова пришла домой безъ дочки. На вопросъ, куда она дѣвалась, мать отвѣтила Давыдовой, что какая-то незнакомая дѣвушка взялась за 30 руб. помѣстить малютку въ воспитательный домъ отъ своего имени.

Въ ночь на 16-е іюня въ усадьбѣ чистили отхожее мѣсто, въ которомъ нашли трупъ дѣвочки, и Давыдова признала въ ней свою крестницу. Судебно-медицинскою экспертизою установлено, что малютка умерла вслѣдствіе удушенія, будучи брошена въ грязныя жидкости, найденыя въ ея гортани и дыхательномъ горлѣ.

Подсудимая продолжала увѣрять, что отдала дѣвочку какой-то Анушкѣ, но нашлась свидѣтельница, по фамиліи Смирнова, показаніе которой имѣло рѣшающее значеніе. „Приходитъ Дарья какъ-то ко мнѣ и говоритъ на мой вопросъ: „Перекрестись, что не разболтаешь, что скажу тебѣ!“. Я перекрестилась.— „Я, продолжала Смирнова,—говоритъ, дочку задушила и бросила въ отхожее мѣсто“.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Егорова признана виновною и приговорена судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на пятнадцать лѣтъ [1]).

5. Преступная (?! В. Р.) мать.

На этихъ дняхъ въ городѣ Руанѣ произошелъ слѣдующій случай: мать, женщина сорока лѣтъ, убила своего десятилѣтняго сына и потомъ сама бросилась въ Сену съ моста Бовальдье.

Женщина эта, г-жа Рульо, пришла три недѣли тому назадъ изъ Гавра, гдѣ мужъ довелъ ее до крайней нищеты и бросилъ совершенно на произволъ судьбы; придя въ Руанъ, она разсчитывала найти тутъ работу и получить возможность къ существованію.

Г-жа Рульо написала письмо къ прокурору, прося его содѣйствія и разъясняя свое бѣдственное положеніе; она также писала своимъ роднымъ, что принуждена будетъ покончить съ собою и своимъ ребенкомъ, если они не придутъ ей на помощь.

Не получая ни откуда отвѣта, доведенная до полнаго отчаянія,

---

[1]) И справедливо, и не справедливо. Нѣтъ *органическаго* о разныхъ случаяхъ закона. *В. Р—въ.*

несчастная мать рѣшилась прекратить жизнь своего сына: она положила его на кровать, растопила жаровню и сама легла рядомъ.

Когда мальчикъ умеръ—она выбѣжала изъ дома и бросилась въ воду.

Трупъ ея не разысканъ до сихъ поръ.

Петербургскій листокъ № 281.

6) Приговоръ по дѣлу И. Куликова.

Въ четвертомъ часу утра, окруж. судъ вынесъ приговоръ по дѣлу купца Ивана Куликова, признаннаго вердиктомъ присяжныхъ виновнымъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ: 1) Въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ своей женѣ, отъ которыхъ послѣдовала смерть ея; 2 въ гнусныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ надъ своими малолѣтними дочерьми, и 3) въ подлогѣ векселей. Иванъ Куликовъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ.

(С.-Петербургъ окружной судъ. 13 октября 1891 г.).

7) „О мрачности темъ".

Насъ спрашиваютъ: такъ ли мрачна провинціальная жизнь, какъ это рисуется изъ подбора извѣстій въ провинціальныхъ газетахъ?

Какъ на примѣръ такого неестественнаго подбора вамъ указываютъ одинъ нумеръ одной изъ лучшихъ провинціальныхъ газетъ, совершенно литературной, издающейся въ крупномъ провинціальномъ университетскомъ городѣ. Въ этомъ нумерѣ въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій красуются жирнымъ шрифтомъ отпечатанныя такія заглавія: 1) Семейная драма; 2) Несчастная семья; 3) Звѣрская месть; 4) Звѣрское ослѣпленіе жены; 5) Убійство ростовщика; 6) Убійство разбойника; 7) Ограбленный докторъ. Далѣе слѣдуетъ судебная хроника, въ которой даются отчеты о слѣдующихъ дѣлахъ: 1) Истязаніе прислуги; 2) Убійство. И наконецъ нумеръ заключается назидательнымъ разсказомъ въ „смѣси" о пятилѣтнемъ убійцѣ.

„Не весела ты, родная картина", только и остается изречь при чтеніи столь живописно составленной хроники провинціальной жизни... („*Нов. Вр.*").

Отвѣтъ г. Кирѣеву.

На меня такъ много нападаютъ, что, кажется, самая элементарная справедливость требуетъ „дать послѣднее слово подсудимому".

Рѣчи мои смутили критиковъ, но гораздо раньше моихъ рѣчей фактъ проституціи и дѣтоубійства ихъ не смущалъ. Два-три фельетона публициста „могутъ поколебать бракъ, а стало быть и семейство и все гражданское общество, все государство", пишетъ г. Кирѣевъ. А гніеніе огромнаго тѣла Россіи, а эти страшные отдѣленія больницъ Обуховской и Калинкинской, а эти толпы дѣвушекъ, высыпающія въ холодную зимнюю ночь на залитыя электричествомъ улицы столицы, все это „не колеблетъ бракъ, ни семейство, ни государство?" Отвѣтьте, г. Кирѣевъ!

Г. Кирѣевъ. Я занимаюсь старо-католическимъ вопросомъ, а не медициной.

Я. Но вы взялись судить о бракѣ? Вы возражаете мнѣ?

Г. Кирѣевъ. Да, потому что вы коснулись каноновъ, а я тутъ спеціалистъ. Я богословъ.

Я. Такъ гніеніе-то Россіи, это... не богословскій вопросъ?

Г. Кирѣевъ. Нѣтъ, медицинскій. Это въ вѣдѣніи медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, и вы перепутали темы и такъ сказать территорію вопросовъ...

Я. Да, счастливы вы... въ наивности или невѣдѣніи. Не находя въ Евангеліи текстовъ противъ учрежденія домовъ терпимости, вы чистосердечно вѣрите, что учрежденіемъ домовъ терпимости Россія не нарушила Евангелія. Но такъ какъ въ Евангеліи есть текстъ: „а женящійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ", то напримѣръ если бы хоть одному мужу, давшему женѣ разводъ и великодушно принявшему, въ силу возмутительнаго устроенства бракоразводнаго процесса, вину на себя, государство ясно, открыто и честно разрѣшило вступить въ новый бракъ, то не одинъ, а тысячи гг. Кирѣевыхъ и оо. Дерновыхъ возмутились бы и за-

вопили, какъ онъ грозитъ въ своемъ фельетонѣ: „Государство не имѣетъ права объявить недѣйствительными апостольскія и соборныя правила, не можетъ также объявить закона, противоборствующаго церкви. Въ такомъ случаѣ іерархія церкви не обязана повиноваться государственной власти, которая захотѣла бы принудить ее признать то, что противно Закону Божію и ея совѣсти".

И г. Кирѣевъ спокоенъ. Проституція не противъ текстовъ: да будетъ проституція! Но разводъ съ правомъ новой семьи противъ текста: и церковь въ правѣ прямо „не послушаться государства!" „отказать! запретить!"

О, давно я сталъ безконечно любить государство, эту земную свѣтскую власть, этого грубаго повидимому часового: ибо грубыми мозольными руками все же онъ перевязываетъ раны больному, подбираетъ, хранитъ, лечитъ. Да, въ государствѣ—Христосъ! приходится воскликнуть. „Истинно, истинно говорю вамъ: кто изъ васъ принялъ единаго изъ малыхъ сихъ (о дѣтяхъ) во имя Мое—Меня принялъ": и государство стало нянькою около больныхъ, около роженицъ, около дѣтей: оно во-истину, какъ Христосъ заповѣдалъ, открыло двери своихъ пріютовъ равно всѣмъ: „Приди-е—и Я согрѣю васъ!" Осанна государству; оно нынѣ какъ „сынъ Давидовъ", въ бѣлыхъ одеждахъ милосердія, въ красотѣ любви и состраданія... И хоть священства одеждъ на немъ нѣтъ, но за священство подвиговъ его, за это удивительное его отношеніе къ дѣтямъ и женщинамъ — можно положить передъ нимъ земной поклонъ.

И вотъ противъ угрозъ по его адресу г. Кирѣева: „не смѣетъ!", „не можетъ!", „не послушаемъ!" мнѣ хочется сказать людямъ тоги и меча, что г. Кирѣевъ или не всѣ тексты знаетъ, или нѣкоторые изъ нихъ утаиваетъ. Напримѣръ есть знаменательный и примѣнимый къ нуждамъ нашихъ дней и принципіальный для всего Евангелія, для всего смысла пришествія Спасителя на землю, текстъ:

„И фарисеи говорили Іисусу: смотри, что дѣлаютъ ученики Твои: чего не полагается въ субботу".

Ученики же, идя полемъ и взалкавъ, срывали колосья и растирали руками и ѣли зерна.

Іисусъ отвѣтилъ:

„Неужели вы не читали никогда, что сдѣлалъ Давидъ, *когда имѣлъ нужду* и взалкалъ самъ и бывшіе съ нимъ? Какъ вошелъ онъ въ домъ Божій, при первосвященникѣ Авіаѳарѣ, и ѣлъ хлѣбы предложенія, которыхъ не должно было ѣсть никому, кромѣ священниковъ, и далъ и бывшимъ съ нимъ?

„И сказалъ имъ: суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы. Посему Сынъ Человѣческій есть господинъ и субботы".

Вотъ какой основной текстъ Евангелія забылъ или утаиваетъ

г. Кирѣевъ. И міръ теперь алчетъ. Развѣ ничего не говоритъ нашему сердцу и уму Калинкинская и Обуховская больница? Если ничего не говоритъ—мы умерли для Бога, мы—трупы, хотя и съ „текстами". „Повапленный гробъ, украшенный снаружи, а внутри наполненный костей тлѣнія" вотъ нашъ пресловутый бракъ, оправдывающійся одною ногою на погубленіе сотенъ тысячъ дѣвушекъ безъ дѣтей, безъ родства, обращенныхъ въ клоаку общественнаго непотребства (вѣдь будь *активная* разработка брака въ странѣ и получи онѣ всѣ во время замужество, онѣ не попали бы въ проституцію), и еще другою ногою упирающійся въ дѣтоубійство: „Это отъ стыда, по стыдъ для охраненія цѣломудрія; пусть убиваютъ!"

Да, это „для охраненія цѣломудрія".

А дома терпимости цѣломудрія не оскорбляютъ?

А страшная болѣзнь—не мѣшаетъ Европѣ быть цѣломудренною?

Нельзя разведенному мужу, принявшему на себя вину, жениться: это нарушаетъ освященную древностью Кормчую книгу. Но какъ дома терпимости въ Кормчей книгѣ не упоминаются, то они ее и не нарушаютъ: sunto!

Но такъ ли исторически освѣдомленъ г. Кирѣевъ? Онъ нигдѣ не колеблясь: „Наши законы о бракѣ основаны на словѣ Божіемъ, *стало быть хороши* (курсивъ его)"... „Повторяю, законы наши хороши, ихъ самихъ нечего и касаться"... Самоувѣренно. Вѣдь г. Кирѣеву извѣстно, что наши законы о бракѣ изложены въ такъ называемой Кормчей книгѣ. Но неужели же ему неизвѣстно, что Кормчая книга есть *византійская компиляція*, составленная при императорахъ Львѣ и Константинѣ (конца IX и X вѣковъ), и въ которой, какъ во всѣхъ средневѣковыхъ компиляціяхъ, въ родѣ „Пчелы", „Палеи", „Іуниціріуса", Gesta Romanorum" и проч., перемѣшано христіанское и языческое, греческое и римское, и всего менѣе есть Евангельскаго и уже ничего ровно Библейскаго. Есть тамъ, сверхъ языческой римской основы, еще епархіальныя греческія распоряженія о бракѣ, частныя мнѣнія о бракѣ аскетовъ, которые по самымъ обѣтамъ своимъ относились къ браку отрицательно, и компетенція мнѣнія которыхъ едва ли можетъ быть универсально принята по этому. Доказательство—самое опредѣленіе въ „Кормчей" брака. Всякій понимаетъ, что опредѣлить вещь значитъ построить фундаментъ, по плану котораго расположится и планъ всего дальнѣйшаго ученія или догмы, или закона. Каково же это опредѣленіе въ „Кормчей"? Вотъ оно: гл. 48: „Бракъ есть соединеніе мужа и жены и общія жребіи на всю жизнь, объединеніе божественнаго и человѣческаго права". Ваше ухо уже слышитъ въ этой формѣ „мѣдь звенящую и кимвалъ бряцающій" „Corpus juris civilis". Дѣйстви-

тельно, это только переводъ изъ Digestae, XXIII: Nuptiae sunt conjunctio maris et feminae, consortium omnis vitae, divini (жреческаго, языческаго) et humani juris communicatio". Теперь, изъ рукъ императоровъ Льва и Константинопина перейдя въ руки Владиміра св. и его сыновей, далѣе Ярослава Мудраго и Владиміра Мономаха, еще далѣе къ Василіямъ и Іоаннамъ Москвы, и докатясь „не поврежденно" до нашего времени, эта компиляція переставала ли быть свѣтскимъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ языческимъ по происхожденію сборникомъ? Сборникомъ, при составленіи котораго, напримѣръ въ опредѣленіи брака, не было сдѣлано справки даже съ Евангеліемъ. Вотъ оно (замѣчательно, что о. прот. Дернов и г. Кирѣевъ оба воздержались привести его).

„И сказалъ Іисусъ: не читали ли вы, что сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ" (Быт. 1). Т. е. что два пола есть первый абсолютъ брака. „И сказалъ: посему оставитъ человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два одною плотью" (Быт. 2). Т. е. Творческую Волю, сгармонировавшую два пола, любовь приводитъ въ исполненіе съ такою непремѣнностью, что даже оставляется ради ея отецъ и мать. Таковъ второй абсолютъ брака. „Такъ, что они уже не двое, но одна плоть". Говорится объ единомъ слитномъ организмѣ муже-женскаго сліянія, о существѣ супружества и вытекающаго изъ него родительства. „Итакъ, что Богъ сочеталъ человѣкъ да не разлучаетъ" .Мато. 19). Т.-е. разлучять сопрягшихся, или ребенка отъ родителей, государственно или священно, въ чемъ бы то ни было: въ фамиліи, правахъ или имуществѣ, въ чести или въ счастіи, грубо физически или косвенно путемъ осужденія и пристыженія (ученіе о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ — значитъ разорвать крови, истребить родство, разрушить въ людяхъ Божію тайну.

Что „тайна" здѣсь есть, присутствуетъ, хотя казалось бы дѣло касается тѣлъ, чудно объяснилъ апостолъ Павелъ въ посланіи къ ефесянамъ (гл. 5): „Мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ церкви. Должны мужья любить своихъ *женъ, какъ свои тѣла*: любящій свою *жену* ... *любитъ самого себя*. Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти *къ своей плоти*, но питаетъ и грѣетъ ее, какъ и Господь — церковь. Потому что *мы члены тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его*. Посему оставитъ человѣкъ отца и мать и *прилѣпится къ женѣ своей*, и будутъ двое *одна плоть* (Быт. 2). *Тайна* сія велика есть". Послѣднее выраженіе послужило фундаментомъ для возведенія брака въ *таинство*? Т.-е. что же это такое? Все, здѣсь описанное. Читатель можетъ прочесть, вдуматься, судить. Тайна *родства* человѣческаго, *родного* въ человѣческомъ, *кознаго и кровнаго*, откуда льется такая необоримая связанность людей и преданность, около которой малою дробью является вся остальная филантропическая и гуманная человѣческая любовь.

Какъ же могло и рѣшилось ученіе о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ вмѣшаться въ эту „тайну" и сказать отцу: „Эти дѣти Семеновы, по духовному отцу зеленщику Семенову, тогда какъ вы — Петровъ, совсѣмъ другой человѣкъ, и не отецъ и не родной этому дитяти"? Зову Бога во свидѣтели, что кто такъ говоритъ, сказалъ, повелѣлъ считать—богохульствовалъ.

Это прямо ужасно, что совершилось. На этомъ и основано дѣтоубійство.

Въ заключеніе маленькое литературное nota-bene: г. Кирѣевъ еще болѣе не точно, чѣмъ о. Дернов, и отъ этого совершенно не вѣрно, передастъ главныя мои утвержденія. Напр. онъ выражается: „Р—въ говоритъ, что таинства брака не существуетъ". Но конечно я признаю таинство брака, не дѣля дѣтей на законныхъ и незаконныхъ; но оговорился: „такъ какъ вездѣ въ Европѣ дѣти дѣлятся на законныхъ и незаконныхъ, то нельзя доказать живость и присутствіе въ Европѣ (въ совѣсти Европы, въ сердцѣ Европы, въ умѣ Европы) таинства брака". И объяснилъ почему. И г. Кирѣевъ, и о. прот. Дернов, оба осторожно обошли этотъ мои важнѣйшій аргументъ (о недоказуемости *въ Европѣ* таинства брака). Это маленькая подробность. Но и вообще всего хода моей мысли, какъ и аргументовъ въ *точномъ* ихъ значеніи, не уловили и г. Кирѣевъ и А. Дернов; и не только-что не опровергли, но и не коснулись, не разобрали ихъ. Они играли на арфѣ неопредѣленную мелодію, когда я выставилъ передъ ними таблицу умноженія.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XLIII. Изъ писемъ въ редакцію „Новаго Времени“ о бракѣ и разводѣ.

а.

Полемика между гг. Розановымъ, Кирѣевымъ и А – томъ о сущности и значеніи брака вызвала рядъ писемъ въ редакцію, авторы которыхъ стараются помочь выработкѣ возможно болѣе правильнаго взгляда на этотъ вопросъ. Какъ полагаетъ г. А. Л. Кирѣевъ ошибочно

примѣняетъ идеальное опредѣленіе брака къ дѣйствительности, торопится осуществить такой бракъ, и конечно приходитъ къ невозможнымъ выводамъ. Конечно, если мы за опредѣленіемъ брака обратимся къ дѣйствительной жизни, то онъ опредѣлится не иначе, какъ съ помощью понятій религіи и права. Если стоять на этой точкѣ зрѣнія, то разсужденія, подобныя разсужденіямъ г. Кирѣева, несомнѣнно правы.

Г. Кирѣевъ возмущается тѣмъ, что г. Розановъ „въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ плотскому сожительству предпочтеніе передъ бракомъ, находя первое настоящей добропорядочной и чистой семьей, въ которую человѣкъ вступаетъ вырвавшись изъ принудительнаго разврата“. Но не слѣдуетъ забывать, что предпочтеніе это оказывается только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Эти нѣкоторые случаи имѣютъ мѣсто именно тогда, когда плотское сожительство становится истиннымъ бракомъ, а бракъ переходитъ въ принудительное плотское сожительство. Что это случается, и случается довольно часто съ этимъ, я думаю, никто спорить не станетъ. Чѣмъ-же тутъ возмущается г. Кирѣевъ?

б.

А. Доб -скій, также соглашаясь съ принципіальнымъ взглядомъ г. Розанова на бракъ, признаетъ совершенно неосновательнымъ опасеніе, что принятіе мѣръ, предлагаемыхъ г. Розановымъ, приведетъ къ упраздненію брака. По его опасенію мѣры эти излишни, такъ какъ не законы создаютъ нравственность, а конечно другое. Исторія давно уже доказала, что прямолинейная строгость законовъ не ведетъ къ улучшенію нравовъ. Строгость на-

шего бракоразводнаго законодательства, обрекающаго виновную сторону на вѣчное безбрачіе, представляется г. Д—скому поэтому совсѣмъ нежелательною.

Что если,—спрашиваетъ онъ,—эта измѣна супружескому долгу была явленіемъ случайнымъ, если весь нравственный обликъ виновнаго супруга во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ чистъ и безупреченъ и всѣ могутъ это засвидѣтельствовать? А если невиновная сторона тоже причастна, такъ или иначе, къ паденію супруга? Зачѣмъ-же карать огуломъ всѣхъ такихъ вѣчнымъ безбрачіемъ на ряду съ лицами, дѣйствительно глубоко испорченными? И почему вѣчнымъ?—Почему не на срокъ? Или нѣтъ надежды на исправленіе? Каторжныхъ переводятъ въ разрядъ исправляющихся, а несчастный супругъ, можетъ быть однажды по слабости, по внезапной вспышкѣ страсти измѣнившій супружескому долгу, на всю жизнь лишается законнаго семейнаго очага, лишается всякой надежды получить прощеніе своей мимолетной вины.

Измѣна супружескому долгу можетъ имѣть множество оттѣнковъ, можетъ быть оставлена условіями, увеличивающими и уменьшающими вину. Вѣдь и въ убійствѣ законъ признаетъ смягчающія вину обстоятельства! Какъ-же можно подводить всѣ измѣны подъ одинъ уровень?!

Въ этомъ—большая, роковая ошибка закона, и дай Богъ, чтобы она поскорѣе была устранена. Много несчастныхъ тогда получатъ возможность обратиться на путь законности, вернуться на который имъ мѣшаетъ теперь законъ. Злая иронія![1])

В.

Г. А. П. вступается за животныхъ, у которыхъ предполагается одно лишь полосочетаніе въ самой грубой „животной" формѣ.

Не слѣдуетъ забывать,—говоритъ г. А. П.,—что среди пернатыхъ, двуногихъ и безперыхъ двуногихъ есть inséparables и есть кукушки, хотя ни тѣ, ни другія не имѣютъ нашихъ человѣческихъ законовъ, которые г. Кирѣевъ признаетъ столь существенными.

Г.

Одинъ изъ корреспондентовъ, г. А—въ, доказываетъ, вопреки мнѣнію г. Кирѣева, что нумеръ газеты, въ которомъ напечатана статья о бракѣ и разводѣ, не только не долженъ быть скрываемъ отъ дѣвицъ, но, наоборотъ, такія статьи слѣдуетъ рекомендовать дѣвицамъ.

Почему, спрашиваетъ онъ,—слѣдуетъ бояться стыда, почему надо вырвать изъ рукъ дѣвушки газету со статьей о бракѣ? Потому что она станетъ читать ее при посторонннихъ! Ей будетъ стыдно! Нѣтъ, совсѣмъ не то! Если дѣвушкѣ и будетъ стыдно, когда ее застанутъ читающею статью о вопросахъ нравственности или брачныхъ отношеній, то это стыдъ ложный и основа его именно въ томъ, что благодаря современной постановкѣ женскаго воспитанія женщина не имѣетъ, не можетъ и не

[1]) До чего — убѣдительно. И тысячу лѣтъ это нравственнѣйшее соображеніе, этотъ истинно христіанскій голосъ ни—одному-то ни одному іерарху на пространствѣ цѣлой Европы въ голову не пришелъ. Но тогда — не *малія*-ли это? И не винимъ-ли мы загипнотизированныхъ, когда надо винить гипнотизера? Не будемъ жестоки и къ іерархамъ. Идетъ дѣвства отрѣзалъ имъ ухо—и они не слышатъ. *В. Р*—въ.

должна имѣть понятія о томъ, что знать ей необходимо для того, чтобы обладать нравственною устойчивостью, которая немыслима безъ яснаго пониманія своего долга и своихъ правъ [1]).

XLIV. Послѣдній отвѣтъ г-ну Розанову по вопросу о бракѣ.

Ничуть не сочувствуя полемикѣ личнаго характера, личнымъ спорамъ и препирательствамъ, я съ удовольствіемъ предоставляю моему почтенному оппоненту послѣднее слово, но считаю необходимымъ, для полнаго выясненія столь важнаго вопроса, сдѣлать нѣсколько фактическихъ поправокъ въ томъ, что говоритъ г. Розановъ въ своемъ отвѣтѣ мнѣ.

Я весьма далекъ отъ мысли, что „два-три фельетона публициста могутъ поколебать бракъ, семейство и государство". Фельетонизмъ, конечно, становится великою силой, — это явленіе прискорбное, но несомнѣнное. Прежде силою была *книга*, но читать книги стало утомительно, скучно, на это требуется много времени, да и вниманія: перешли къ повременнымъ изданіямъ, къ журналу, дающему въ сокращенномъ, „конденсированномъ" видѣ содержаніе всѣхъ новыхъ книгъ, „послѣднее слово науки"; но и это теперь становится черезчуръ труднымъ, теперь весь центръ тяжести дѣла перешелъ *въ газеты, въ фельетоны*. Дѣлать нечего!

Нѣтъ, я не думаю, чтобы „два-три фельетона публициста", будь онъ даже геніемъ, могли поколебать бракъ и государство. Я говорилъ, что еслибы мысли и мѣропріятія, указываемыя г. Розановымъ, были приняты, то это могло бы поколебать бракъ. Да, но вѣдь эти мысли были высказаны не одними фельетонистами! Они высказываются давно и многими; онѣ упорно проводятся въ печати, и въ серьезной и въ шутовской, проводятся и на сценѣ, и въ оперетокъ, гдѣ бракъ осмѣивается на всѣ лады и „совершенствуется", „упрощается" съ обоюднаго согласія супруговъ, хоть бы, напримѣръ, въ оперетокъ Оффенбаха „Орфей въ аду" [2]). „Прогрессъ" въ дѣлѣ упрощенія брака очень хорошо „иллюстрируется" именно музыкальной исторіей Орфея. Сравните брачныя отношенія и взглядъ на нихъ старинный, Орфея греческой легенды (Глука) со взглядами „усовершенствованными" Орфея

[1]) Неужели же *матери безнравственныя дочерей?* А онѣ *все* о бракѣ знаютъ. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ у грековъ и евреевъ *почему-то* Оффенбахъ не появился. *Почему-бы?* Они свою семью уважали, ибо она давала имъ *счастье*, ибо она была *хороша, добродѣтельна*. А эти качества добродѣтели и пріятности вѣдь выткались единственно свободою и самостоятельностью семьи, правами въ ней единственно: 1) мужа, 2) жены, 3) ребенка. Тамъ „въ семью" не сажали дѣвушку, юношу—какъ въ муравьйную кучу, съ завѣтомъ: „сиди". Кто отнялъ *свободу* развода—отнялъ *самостоятельность* у семьи, отнялъ у семейныхъ людей *счастье*. Тогда то и пришелъ Оффенбахъ. *В. Р—въ.*

новѣйшаго образца (Оффенбаха)!. Къ несчастію, объ этомъ дѣлѣ написаны не только однѣ статьи г. Розанова, но и многое другое. Важнѣйшимъ факторомъ въ этомъ дѣлѣ является „гражданскій бракъ", мало-по-малу вытѣсняющій на Западѣ бракъ церковный. У насъ представитель церкви еще не замѣненъ представителемъ государства, г-мъ мэромъ, опоясаннымъ трехцвѣтнымъ шарфомъ. Не доросли еще!

Не вполнѣ понимаю, для чего г. Розановъ примѣшиваетъ къ вопросу о бракѣ вопросъ о жертвахъ проституціи. Проституція— послѣдствіе распущенности нравовъ; облегчайте бракъ сколько и какъ угодно, вводите въ него какія угодно „усовершенствованія", бракъ гражданскій, бракъ на срокъ, наконецъ уничтожьте его совсѣмъ, замѣнивъ его тайной „полосочетанія",—вы этимъ распущенности не исторгнете изъ нашего общества: вамъ удастся замѣнить слово проституція другимъ, но не устранить самый фактъ. Кто же сомнѣвается въ томъ, что и дома терпимости, и проституція со всѣми ихъ ужасными послѣдствіями противны Евангелію? Это конечно не подлежитъ сомнѣнію, но развѣ я гдѣ-нибудь это утверждалъ?

Обращаюсь къ соображеніямъ г. Розанова. Онъ восхваляетъ государство [1]), онъ восклицаетъ ему „Осанна", „въ государствѣ Христосъ", „оно въ бѣлыхъ одеждахъ милосердія..." — увѣряетъ онъ,—а г. Кирѣевъ говоритъ ему: „не смѣетъ", „не можетъ", „не послушаемъ"! Да, все это я говорю: государство не смѣетъ и не можетъ требовать отъ подданнаго дѣйствій, противныхъ христіанской вѣрѣ, противныхъ тому, что требуетъ отъ меня моя вѣра, моя церковь. Внѣ этой сферы я готовъ отдать „кесарю" все, послѣднюю мою каплю крови и мои послѣдніи грошъ, я ихъ отдамъ даже и тогда, когда эти требованія, по-моему, несправедливы, безцѣльны: но когда государство становится во враждебныя отношенія къ моей церкви, я несомнѣнно стану и долженъ стать на сторону послѣдней. Никакая цензура не можетъ вычеркнуть изъ Евангелія ни словъ Христа: „Воздайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу" (Матѳ. XXII, 21), ни отвѣта апостоловъ начальникамъ народа и старѣйшинамъ: „Справедливо ли слушать васъ болѣе нежели Бога!" (гл. IV Дѣян. 8—20). У насъ, въ Россіи, такая

[1]) Забывая повидимому, что онъ самъ высказалъ справедливое негодованіе противъ домовъ терпимости, устроенныхъ конечно не церковью, а именно государствомъ. А. К. *Отвѣтъ*: да не тотъ воздвигъ проституцію, кто для нея построилъ домъ, а кто поставилъ людей въ условія, что имъ и пойти не куда, какъ къ проституткѣ, ибо 1) жена ему запрещена, 2) съ дѣвушкою тайно сходиться — жаль губить своего ребенка („незаконнорожденный") А. Н. Кирѣевъ понимаетъ проституцію какъ архитектуру домовъ терпимости, а не какъ складъ жизни, семьи, брака, до которыхъ государству и касаться не давали, останавливая словомъ „таинство", „наше дѣло", „наша власть". *В. Р—въ.*

борьба трудно мыслима, потому что русское государство органически связано съ православной церковью: всѣ мы, отъ царя до послѣдняго нищаго мужика (говорю о православныхъ), сыны нашей родины и вмѣстѣ съ нимъ сыны нашей церкви. Но въ другихъ государствахъ такой конфликтъ возможенъ; да онъ былъ возможенъ и въ Россіи, когда вся западная ея часть принадлежала Польшѣ. Живи я въ XVI и XVII столѣтіяхъ, подъ игомъ іезуитско-польскаго государства, я бы конечно стоялъ, заодно съ Константиномъ Острожскимъ и Богданомъ Хмельницкимъ, противъ государства!

До сихъ поръ мнѣ все приходилось слышать обвиненія въ томъ, что я недостаточно внимательно отношусь къ внѣшней сторонѣ церковной жизни, не придаю достаточнаго значенія ея (случайной) исторической оболочкѣ, что въ особенности я напрасно ищу опоры для моихъ мыслей и доводовъ преимущественно въ Евангеліи или въ писаніяхъ древней церкви, а не въ новѣйшихъ руководительныхъ церковныхъ книгахъ, въ позднѣйшихъ взглядахъ и мнѣніяхъ, что я вообще слишкомъ увлекаюсь идеалами древней церкви, забывая современную дѣйствительность и ея права: мнѣ даже было прямо указано на то, что считаться должно не съ древней церковью, когда-то бывшей, а съ настоящей, конкретной нашей современной церковью, современной представительницей древней церкви! Мой почтенный оппонентъ обвиняетъ меня въ обратномъ! Г. Розановъ говоритъ, что въ данномъ вопросѣ я забываю такіе евангельскіе тексты, какъ напр.: „суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы, Сынъ Человѣческій есть господинъ и субботы". и при рѣшеніи вопроса о бракѣ опираюсь на „Кормчей книгѣ"! Нѣтъ! Я о Кормчей книгѣ и не упоминалъ, а основывалъ свое разсужденіе именно на евангельскихъ текстахъ. Приведенныя г. Розановымъ слова Христа имѣютъ конечно великую важность: они направлены противъ тѣхъ, которые придаютъ внѣшности, обрядности, формѣ преувеличенное значеніе противу тѣхъ, которые тщательно „отцѣживаютъ комара и проглатываютъ верблюда". Но я кажется во всей моей статьѣ въ этомъ не провинился, ибо, повторяю, основывалъ свою аргументацію не на „Кормчей Книгѣ", а именно на словахъ Спасителя, на которыя правда указалъ лишь ссылкою. Исправляю этотъ недосмотръ и приведу самый текстъ. Мато., гл. XIX, ст. 3 9. Фарисеи искушая Христа спрашиваютъ Его, можно ли разводиться по всякой причинѣ. Спаситель, опредѣляя великое значеніе брака, отвѣчаетъ: „Оставитъ человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей... Итакъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ". Далѣе, допуская разводъ по жестокосердію человѣческому, Спаситель указываетъ и на единственную причину для развода—на прелюбодѣяніе. Спаситель говоритъ о мужьяхъ,

но нетомительно то же самое относится и до жены, ибо нравственность для обоихъ половъ конечно одинакова. Святость, ненарушимость, значеніе брака ограждается опять-таки Самимъ Спасителемъ. „Всякій, кто взглянетъ на женщину съ вожделѣніемъ, говоритъ Онъ Матѳ., гл. V, стр. 28), уже прелюбодѣйствовалъ съ нею". Этими текстами все сказано, все рѣшено окончательно и безповоротно. Но, скажутъ мнѣ, если, вступивъ легкомысленно въ бракъ, мы обманись, если мы другъ другу надоѣли, стали противны, если полюбили другихъ, какъ же не развеститься? Вѣдь это жестоко! Да, но что же дѣлать! Терпи [1])! Изъ-за того, что нѣкоторые поступаютъ легкомысленно или неразсчетливо, нельзя отмѣнять вѣчныхъ опредѣленій самого Спасителя. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо допустить для супруговъ прекращеніе супружескихъ отношеній, отдѣльную жизнь (но это совершенно другой вопросъ).

Повидимому г. Розановъ, утверждая, что и онъ, несмотря на то, что считаетъ всякія „касанія женщины" не незаконными, признаетъ таинство брака, отожествляетъ два очень различныя понятія и слова: имѣнно *таинство* и *тайна*. Конечно, если стать на эту точку зрѣнія, всякое „полосочетаніе" и его послѣдствіе — появленіе дѣтей — можно назвать „таинствомъ"; въ природѣ много тайнъ, въ концѣ-концовъ мы всюду встрѣчаемъ таинственную причину явленій. Не смотря на всѣ наши открытія въ естественныхъ наукахъ, мы можемъ лишь раздвинуть область нашихъ знаній, раздвинуть ея границы, но не перешагнуть за нихъ. И въ зоологіи, и въ физіологіи мы встрѣчаемся съ тайною, но это не таинство; у животныхъ таинства нѣтъ; въ жизни людей есть тайны, у людей кромѣ того есть таинства, и мнѣ кажется, что отожествленіе моимъ почтеннымъ оппонентомъ тайнъ зоологіи съ таинствомъ религіи даетъ мнѣ право сказать, что отъ таинства брака не признаетъ или по крайней мѣрѣ совершенно его некажетъ. Я не вижу никакой „святыни" ни въ зоологіи, ни въ гражданскомъ бракѣ. *А. Кирѣевъ.*

Павловскъ,
19-го декабря 1900 года.

XLV. Послѣдній отвѣтъ Его превосходительству А. Кирѣеву.

На декларацію, помѣщенную въ № 8917 „Новаго Времени".

Есть въ природѣ одна великая *тайна*: это *истина*. Истина сегодняшняя, насущная это *тайна*, а истина безусловная, по-

[1]) Драль медвѣдь корову. Она ему: „больно!" А онъ: „потерпи". Вѣдь такъ нѣкоторыхъ несчастныхъ изъ петли вынимали, и это духовныя власти знали и знаютъ. Но не вымолвили ничего кромѣ медвѣжьяго „потерпи". *В. Р—въ.*

жалуй, лежитъ въ основѣ *таинства*. Для человѣка честнаго *тайна* выше *таинства* со всѣми его основами. Люди, по природѣ склонные ко лжи и обману, обыкновенно стремятся къ безусловной истинѣ и къ *таинству*. Этимъ путемъ легче всего проводить въ жизнь обманъ и ложь. Люди послѣдняго пошиба хотятъ увѣрить, что они „не только раздвигаютъ область нашихъ знаній, но и перешагнули за ихъ границы". *Тайна*-же честнаго человѣка, т. е. истина въ тѣсномъ смыслѣ, остается одна и та-же сегодня и въ зоологіи, и въ физіологіи, и въ психологіи, и въ жизни людей, и въ жизни растеній, и въ безжизненномъ камнѣ. Отецъ Небесный наряжаетъ и лиліи въ наряды роскошнѣе царскихъ, и прокармливаетъ птицъ и звѣрей, хотя они не сѣютъ и не жнутъ и жатвенныхъ машинъ не изобрѣтаютъ. Если люди и придумали пользованіе паромъ и электричествомъ, и если они по этому на свой вкусъ и лучше птицъ и звѣрей, то вѣдь духовныя лица и генералы въ родѣ А. Кирѣева признаютъ людей лучшими противъ звѣрей не въ силу того, что инстинкты людей способны подняться до придумыванія велосипедовъ, электричества, гербовъ, генеральскихъ эполетъ, митръ и жатвенныхъ машинъ, а въ силу того, по скольку они способны повѣрить въ безусловную истину, въ *таинство*, преподносимыя гг. дух. авторами и генералами—въ это святая святыхъ г-дъ духовныхъ и генераловъ. Словомъ, духовные и гг. генералы хотятъ утверждать *свое* превосходство и авторитетъ не только надъ звѣрями, цвѣтами и букашками, но и надъ всѣми честными людьми. На обыкновенномъ языкѣ надо было-бы сказать: „они стремятся быть безчестными", но на ихъ языкѣ это означаетъ: „стремиться къ святому святыхъ, жить въ Богѣ".

Не примѣривайте, Ваше Превосходительство, сверхъ генеральскаго мундира ризы первосвященника: Вы будете еще болѣе смѣшны, чѣмъ въ генеральскомъ мундирѣ. Вы не обладаете самымъ обыкновеннымъ вкусомъ, а о тонкости вкуса тутъ и помину быть не можетъ.

P. S. Мнѣ кажется, что „Новое Время" дискредитируетъ себя, печатая Ваши милыя статейки [1]).

---

[1]) Анонимно. Мнѣ прислана копія. Уважаемый А. П. Кирѣевъ да извинитъ мнѣ, что и для цѣлостности матерьяла не выпускаю и это письмо. Оно свидѣтельствуетъ о „горячей землѣ", по которой ступаютъ наши ноги въ этой полемикѣ. Ниже печатаемыя письма слишкомъ обнаруживаютъ основательность этого „горьнія земли" въ данномъ случаѣ. Также духовныя лица мысленно да расхолодятъ неосторожность словъ, ихъ касающихся. *В. Р—въ.*

XLVI. Еще изъ сужденій о незаконнорожденности.

1.

М. Г. Слышно, что Вы думаете основать „неотеологическое общество" для оживленія христіанства и церковности [1]). Намѣреніе доброе! Но не надѣ забывать Вамъ, что лично на Васъ археотеологи весьма откровенно налагаютъ густой слой -едва-ли не врага церкви и христіанства. Обратите вниманіе на статью о. Филевскаго [2]) въ сентябрьской книжкѣ 1901 г. „Странника" подъ заголовкомъ: „Пустословствованіе свѣтскаго богослова"—г. Розанова; или на ст. „Душеполезн. чт."—за 1901 г. „Язвы нашего времени"—въ декабр. кн., гдѣ Васъ величаютъ „писакой", для коего „нѣтъ ничего святого".

Вашимъ почитателямъ больно это слышать. Не думаемъ, что и для Васъ безразличны отзывы печати, особенно отзывы журнала, руководимаго довольно извѣстнымъ профессоромъ академіи г. Лопухинымъ. Да и руководитель „Душ. чтенія" тоже профессоръ, да еще „заслуженный".

Свѣтская печать, насколько она намъ извѣстна, тоже не всегда

---

[1]) Письмо это, полученное анонимно, судя по слогу, принадлежитъ одному изъ почтенныхъ профессоровъ С.-Петербургск Дух. Академіи. Печатаю я его, равно какъ и слѣдующее письмо, ради отмѣченныхъ курсивомъ мѣстъ—дабы показать, до чего *антипатія къ незаконнорожденному ребенку* неодолима даже въ человѣкѣ просвѣщенномъ, но *духовно* просвѣщенномъ. Ибо не могу я забыть трогательнѣйшихъ случаевъ вниманія къ такимъ дѣтямъ и ихъ матерямъ обыкновенныхъ людей (напр. одного отставного солдата въ вагонѣ третьяго класса, который разыгравшись съ прелестнымъ ребенкомъ на рукахъ женщины, спросилъ: „къ мужу, голубушка, ѣдешь"?—„Нѣтъ, отвѣтила та, вся заливши краской стыда: у меня нѣтъ мужа, этотъ ребенокъ у меня незаконный" [удивительный по невинности отвѣтъ: онъ былъ мучителенъ, это по лицу было видно, между тѣмъ въ вагонѣ, пробѣломъ, она не сумѣла пролепетать такой несложной лжи: „къ мужу"]. Солдатъ сконфузился утроенной стыдливостью, весь измѣнился: и вотъ-бы кто посмотрѣлъ, съ какой чудной, *англійской* [старо-аристократической] деликатностью и серьезностью онъ послѣ словъ этихъ говорилъ съ нею, обходился съ нею. Не могу забыть этого праведнаго солдата. *В. Р—въ.*

[2]) Нынѣ—другъ мнѣ, состоящій со мной въ дѣятельной перепискѣ. Хотя по должности это только преподаватель Закона Божія въ Харьковскомъ коммерческомъ училищѣ, однако—одинъ изъ основательнѣйшихъ и, главное, пламеннѣйшихъ, мнѣ извѣстныхъ, богослововъ. Нападки на меня какъ его, такъ и другихъ дух. лицъ, едва-ли не исходятъ изъ ихъ непривычки къ языку свѣтской литературы. Ибо едва они вступаютъ въ приватное ко мнѣ отношеніе- ихъ недоумѣнный гнѣвъ прекращается. Тоже было въ отношеніи ко мнѣ и съ г. *К. Сильченковымъ*, вступившимъ послѣ печатнаго на меня нападенія въ уважительную частную со мною переписку. Дружелюбный тонъ какъ настоящаго, такъ и слѣдующаго письма, даютъ однако надѣяться, что и среди духовенства я имѣю своихъ негласныхъ друзей. *В. Р—въ.*

благосклонна къ Вамъ. Въ „Новостяхъ" не разъ Ваши тео-философскія сужденія подвергались вышучиванію, равно какъ и въ „Россіи". Еще на этой недѣлѣ г. Дорошевичъ зубоскалилъ по поводу Вашей замѣтки въ „Нов. Вр." о присвоеніи нѣкоторымъ дѣтямъ названія „внѣканоническіе". А г. Шарановъ въ своихъ „Сугробахъ" прямо таки причислилъ Васъ къ поощрителямъ распутства. Настоитъ, намъ думается, нужда объясниться Вамъ съ Вашими недругами или назовите ихъ иначе какъ, дабы и почитатели и друзья Ваши не подумали, что Ваше молчаніе есть согласіе съ нелестными для Вашего достоинства аттестаціями...

Ignotus Vobis.

P. S. Позволимъ себѣ не очень кстати, но за одно уже обратить Ваше вниманіе на книгу г. Страхова: „Хр. ученіе о бракѣ". Полагаемъ, что въ ней найдется нѣчто въ пользу облюбованной Вами теоріи „прилѣпленія половъ". Мы разумѣемъ теорію (конечно разбиваемую) консенсуалистовъ. Разбита-то она все же не на голову. Лично мы впрочемъ не на сторонѣ „прилѣпленія", какъ акта естественно-таинственнаго, но не всегда священно-таинственнаго: ибо есть прилѣпленіе строжайше запрещаемое: „не прелюбы сотвори" и „блудники внѣ Іерусалима небеснаго" (Апок.). Еще: Вы, повидимому, желаете легкости разводовъ. Но не была-бы эта легкость развода поводомъ къ еще бóльшему распутству? И еще — послѣднее еще: напрасно Вы громите духовенство за терминъ „незаконнорожденный". Церковь *все даетъ* духовнымъ чадамъ внѣбрачнымъ, что и въ бракѣ рожденнымъ. Если-же лишаютъ ихъ правъ на имя и наслѣдство, то это чаще всего сами отцы (начинается мой курсивъ. В. Р.)—*предпочитающіе за выраженіемъ—вольности, и матери сами, опять-таки, и очень съ легкимъ сердцемъ, своихъ птенцовъ въ воспитательные дома.* Если государство найдетъ возможнымъ дать дѣтямъ этимъ имя и права отца (буде найдется), то Церкви тутъ возражать нечего [1]. Чѣмъ дѣти обезпеченнѣе во всякихъ отношеніяхъ, тѣмъ лучше... Но пока довольно!.. Можетъ быть, будетъ случай и побольше поговорить на эти жгучія темы... Idem.

18 Ноября, 1901 года.
С.-Петербургъ.

NB. „Новое Время" несомнѣнно дастъ Вамъ мѣсто для объясненія съ Вашими противниками. Будемъ ждать *на этой недѣлѣ* слова отъ Васъ.

---

[1] Такъ объ этомъ надо-бы давно, сто лѣтъ, тысячу лѣтъ назадъ звонить въ колокола. Но духовные люди *проспали* всю эту свою (по-моему) славу. А проспали они ее потому, что предполагали въ данномъ мѣстѣ не человѣковъ съ совѣстью и сердцемъ, а „щенятъ", „каб...лей" и „с...укъ", о которыхъ что-же заботиться. Но добрый солдатъ, заигрыв-

2.

Достоуважаемый N. B—чъ.

(Извините, не знаю имени и отчества).

Милостивѣйшій Государь!

Книжка моя, очевидно, передана Вамъ не отъ меня, но я очень радъ познакомиться съ Вами хотя и чрезъ третье лицо, и когда буду на Шпалерной, постараюсь завезти къ Вамъ и отъ себя другія мои книжки.

Честь и слава Вамъ, что Вы поднимаете вопросы самые жизненные и многозначащіе, каковъ прежде всего вопросъ о бракѣ. Ясно, что Вы искренно желаете современныя намъ отношенія между двумя полами очистить отъ той грязи, которою такъ глубоко пропитаны эти отношенія; но съ грязью надобно держать себѣ еще болѣе осторожно, чѣмъ сколько требуется осторожности при обращеніи съ предметами чистыми и нѣжными,—можетъ завонять...

Въ Вашемъ письмѣ мнѣ очень понравилось дѣлаемое Вами сопоставленіе *брака* [1] и *венчанія* съ *любовью* и *благословеніемъ* послѣдняго. Это сопоставленіе, думается мнѣ, очень хорошо выяснитъ существенное различіе между семьею легальною и нелегальною. Хлѣбъ, какъ *хлѣбъ*, и благословенный и неблагословенный, *самъ въ себѣ* есть *одинъ и тотъ же* хлѣбъ, но въ разсужденіи *пользованія имъ*, иначе—по отношенію къ его *благословенности или неблагословенности*—далеко *не одинаковъ*: мы на каждомъ шагу видимъ, что одни изъ насъ и при питаніи повидимому непитательною пищею, если только есть Божіе благословеніе, наслаждаются здоровьемъ и крѣпостію, бодростію силъ тѣла и души; другіе, наоборотъ, и при питаніи себя одними лишь ростбифами, да бифштексами, бульёнами и т. п. выглядываютъ доска доской [2]), и блѣдны и даже сини, какъ зарѣзанная и

шійся въ вагонъ съ младенцемъ, узнавъ о происхожденіи его, не сказалъ: „с..ка", а вдругъ началъ какъ мальчикъ, какъ дѣвочка-институтка служить матери. Ему — *и слава!* И не на что жаловаться будетъ, если въ вѣкахъ половутъ его „скрѣпятъ и благословлятъ супружащихся", въ замѣнъ вѣчныхъ ругателей дѣтей и женщинъ „Пусть благословитъ, кто добръ: ибо кто благословилъ—добръ не былъ". *B. P—въ.*

[1]) Курсивъ вездѣ автора. *B. P—въ.*

[2]) Вотъ какъ авторъ начинаетъ дѣлить. Такъ, подводя подъ его параллель (а вѣдь духовныя писатели все витаютъ въ небесахъ, все пускаютъ воздушныя ракеты, на землю ноженьками не ступаютъ, въ судъ, въ театры не ходятъ, литературы не читаютъ) конкретные, приведенныя выше случаи, мы и получимъ чудовищный историческій фактъ, что и а) сгорѣвшій мужъ, и b) любовникъ кучеръ и с) ялтинскія приключенія,

опшпанная, старая, худая индѣйка, или же лоснятся такою несимпатичнаго откормленностію, которая невольно возбуждаетъ отвращеніе къ себѣ. *И ясти будете, и не насытитеся*, говорилъ Господь Израилю, не слушавшему повелѣній святыхъ. Такъ и половое сопряженіе; *само въ себѣ* это сопряженіе, и благословенное и неблагословенное, есть одно и тоже *nuptus*, но по своей, такъ сказать, *симпательности*, по своему *примѣненію*, по своей *качественности, характеру* и проч.– *различно до противоположности*: nuptus съ благословеніемъ есть *бракъ о Господѣ* (слова ап. Павла), а nuptus безъ благословенія *бракъ по страсти* (тотъ же ап.); союзъ брачный благословенный есть союзъ *во образъ союза Христа съ церковію* (у того же ап.), а союзъ брачный неблагословенный есть союзъ *любодѣйный*, союзъ *растлѣнія* (въ Евангеліи и посланіяхъ), словомъ *союзъ грѣха и беззаконія*. Отсюда и дѣти втораго союза суть плоды грѣха и *беззаконія*. Возражаютъ: да за что же дѣти страдаютъ? Отвѣтъ: за тоже, или потому же, за что и почему страдаютъ дѣти (дальше мой курсивъ. В. Р.) *сифилитики, рахиты, чахоточныя, недоноски и проч. и проч.* [1]). Таковъ ужъ законъ всякаго организма, въ томъ числѣ и великаго организма человѣчества: *славится одинъ членъ, съ нимъ славятся и другіе члены; страдаетъ одинъ членъ, съ нимъ страждутъ и другіе* (Ап. Павла). Есть и легальныя семьи гораздо хуже нелегальныхъ, но такое печальное явленіе не говоритъ въ пользу послѣднихъ. Солнце, и прежде и теперь, многими людьми боготворится и боготворилось: чтобы изгнать такое языческое идолопоклонство, слѣдуетъ ли солнце уничтожить, а оставить на небѣ лишь луну, хотя послѣдняя безъ солнца и свѣтить не можетъ?... Такъ должно относиться и къ оцѣнкѣ всякаго человѣческаго *злоупотребленія*.

Всего въ письмѣ не выскажешь, а тѣмъ паче, моя рука, вотъ уже три года страдающая отъ ревматизма и невральгія, не позволяетъ мнѣ много писать. Свидѣтельствую Вамъ мой усердный поклонъ и почитаніе; съ желаніемъ Вамъ всякаго блага, Вашъ покорнѣйшій слуга Протоіерей Г. Титовъ [2]).

P.S. Читали-ли Вы статью противъ Васъ *Заозерскаго*, въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" (изд. Моск. Академіи), въ нобрьской книжкѣ?

и d) въ костюмѣ Евы запертыя въ номеръ любовниками рязанскія дамы, *такъ какъ они всѣ представляютъ случай съ вымышленіемъ, фактъ изъ жизни не вымышленныхъ супруговъ*—суть „хоть и не добротная пища—а во здоровье": а другіе случаи чистѣйшей нелегальной семьи—„хоть и бифштексъ, но, какъ безъ благословенія—то вкушающіе его *доска доской*". Письмо это важно для объясненія исторіи семьи. *В. Р—въ*

[1]) Ну, вотъ! А свящ. Дернова чуть не обмолвился: „не отъ *насъ* идетъ, *мы* не учимъ о незаконнорожденности". Слишкомъ учите. *В. Р—въ.*

[2]) Авторъ книгъ: „Исторія священства и левитства Ветхозавѣтной церкви, отъ начала ихъ установленія при Моисеѣ до основанія церкви

3.

Страшная катастрофа на Эльбѣ [1]).

У Бланкензе на Эльбѣ, въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, произошла катастрофа, о которой берлинскія газеты сообщаютъ душу потрясающія подробности. Пароходъ „Primus", служащій для увеселительныхъ прогулокъ, слишомъ рано перешедши съ южнаго фарватера на сѣверный, наскочилъ на буксирный пароходъ „Hansa" и, получивъ сильное поврежденіе, пошелъ ко дну. На немъ находилось не 120 человѣкъ, какъ сообщилъ телеграфъ, на основаніи первыхъ извѣстій, а 195, причемъ погибло не меньше 100 человѣкъ, среди нихъ много женщинъ и дѣтей. Изъ пассажировъ, спасшихся на буксирѣ „Hansa" и на двухъ, къ счастію, подошедшихъ пароходахъ, почти всѣ серьезно ранены осколками взорвавшагося котла. Допрошенный чинами морской полиціи, капитанъ буксира „Hansa" тотчасъ же былъ отпущенъ на свободу, такъ какъ выяснилось, что, замѣтивъ неправильный переходъ „Primus'a" съ одного фарватера на другой, онъ сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, для предотвращенія столкновенія, и несчастіе произошло не по его винѣ. Капитанъ погибшаго парохода бросился въ воду и благополучно добрался вплавь до другого берега Эльбы, ширина которой въ этомъ мѣстѣ достигаетъ 1800 метровъ.

Христовой". Тифлисъ. 1878 г., „Уроки по пространному христіанскому катехизису Православныя Каѳолическія Восточныя церкви", Спб. 1889, два тома, и „Три разговора" Спб. 1894. Изъ перваго труда, едва открывъ его, я вычиталъ драгоцѣнное свѣдѣніе: первосвященникъ израильской, даже въ старости женясь, *не долженъ былъ брать невѣсты старше 12 лѣтъ*, ибо по закону израильскому (какъ аксіома, какъ принципъ) „*первосвященникъ долженъ быть постоянно въ цвѣту*". Прочитавъ это, я такъ взволновался, что не могъ далѣе читать книгу св. Титова. *Противорѣчіе, пропасть* между нами, съ іерархіей непремѣнно изъ *неполиваемыхъ растеній* (дѣвство), и между *ветхозавѣтной* іерархіей въ бутонахъ расцвѣтающихъ ударило меня какъ молнія. Священникъ же Титовъ списалъ это въ книгу свою равнодушно, не замѣчая смысла факта. Отъ сего и въ этомъ письмѣ онъ проводитъ жестокія параллели: ибо уже и мозгъ и сердце его — *посохли*; а израильскіе пророки, какъ Осія, *сами и по повелѣнію* Божію зачинали дѣтей даже „отъ блудницъ". Все это и подводитъ насъ къ логикѣ дѣтоубійства: тамъ *всякое* дитя и *каждая* мать по физіологической святости своей приводили въ восторгъ, какъ цвѣтъ, какъ бутонъ, пророковъ, первосвященниковъ и царей И *это*-то, *такая*-то общая психологія, а не какой-нибудь коротенькій законъ, и разцвѣтила Израиля. И въ немъ уже не могло развиться ни нашихъ дикихъ попрековъ: „сука", „кобель", „дитя сифилиса", ни послѣдствія ихъ — дѣтоубійства. *В. Р—въ.*

[1]) Не могу отвѣтить лучше священнику Г. Титову, какъ этой вырѣзкой изъ газеты. Вотъ примѣръ любви материнской, которую они клюютъ желѣзными носами: „бл...ди", „ко...ли", „недоноски", „сифилитики", „рахитики". Ибо надѣюсь, *никто* не станетъ спорить, что незаконнорожденное дитя также мило родителямъ, какъ и законное. *В. Р—въ.*

Несмотря на то, что „Primus" пошелъ ко дну не больше, чѣмъ черезъ одну минуту послѣ столкновенія, многія женщины, какъ передаютъ очевидцы, успѣли перебросить дѣтей на „Hansa". Взрослыхъ, вообще, спасено очень мало. На пароходѣ находились цѣлыя семьи, и поэтому на немъ было много дѣтей, о которыхъ и заботились главнымъ образомъ. „Primus" —одинъ изъ старѣйшихъ пароходовъ, плавающихъ по нижней Эльбѣ. Онъ построенъ въ Англіи въ 1848 году и считался однимъ изъ лучшихъ.

XLVII. Осужденныя—о себѣ [1]).

I.

Покорнѣйше прошу помѣстить въ вашей уважаемой газетѣ отвѣтъ на несправедливое замѣчаніе г. Кирѣева 12 декабря, что только развратная женщина сознается, что незаконный ребенокъ—ея ребенокъ.

Это не развратная женщина, а мученица съ минуты своего паденія. Рожденіе ребенка удерживаетъ этихъ несчастныхъ отъ самоубійства [2]). Я должна, я обязана сдѣлать все для маленькой крошки [3]), я должна любить ее въ два раза больше чѣмъ законную, потому что я виновата [4]) передъ ней за свою вѣру въ негоднаго человѣка, который обманулъ меня, который клялся Творцомъ небеснымъ, что любитъ меня, что ничего худого мнѣ не сдѣлаетъ, что я самое дорогое для него существо на свѣтѣ; но что ему нужно и мое доказательство любви, а то онъ иначе не вѣритъ, что я

[1]) До сихъ поръ мы судили *теорію*. Никто не взглянулъ, что-же такое *фактъ?* На фактъ неслись громы, и самая теорія „незаконнорожденности", ступающая по щиколки въ крови, есть только концентрація этихъ громовъ. Между тѣмъ громящимъ и въ голову не пришло посмотрѣть, какая смирная курица лежитъ подъ ихъ юпитерствомъ... Но въ курицѣ этой невыразимая сила, ибо такъ-таки Юпитеры со всѣмъ капитоліемъ догматовъ и текстовъ все же не довели ее до смерти—и только безполезно измяли ея перушки, искровавили гребешокъ. Пораженная, поражаемая все еще она пищитъ: ее хранятъ ея дѣти, а ради нихъ кажется хранитъ и Богъ. Я радуюсь, что печатная полемика о незаконнорожденности доставала въ руки мои нѣсколько документовъ писемъ, которыя окончательно рѣшаютъ вопросъ о „безнравственности незаконнорождающихъ", какъ письма и свѣдѣнія о ялтинскихъ и рязанскихъ прелестницахъ въ сущности уже рѣшили вопросъ о „нравственности законнорождающихъ. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ! *только* это удерживаетъ!!. И чуть-чуть поменьше мистической любви къ ребенку, чуть-чуть побольше стыда передъ сосѣдями, передъ сосѣдками—дѣвушка кончаетъ самоубійствомъ. *В. Р—въ.*

[3]) Какой прелестный, невинный языкъ. *В. Р—въ.*

[4]) Вотъ! Какъ это противоположно духовнымъ, которые никогда-то, никогда не начали рѣчей своихъ вопросомъ: „да ужъ не виноваты ли и *мы*". Ихъ вѣчная молитва: „Господи, благодарю тебя, что я не таковъ, какъ иные, какъ вонъ тотъ мытарь". *В. Р—въ.*

люблю его, а не хочу только выгодно пристроиться [1]), потому что у него есть средства, а я бѣдная дѣвушка: и я вѣрю ему не думая, что это низкая ловушка, и вотъ рожденіе несчастной крошки [2]) съ ужасной кличкой. Не потеря стыда и не желаніе разврата заставляетъ меня оставить ее у себя, а безконечная жалость! Если-бы не только презрѣніе общества, а даже велѣли бы лечь мнѣ на грязную мостовую, и топтали бы мое тѣло какъ топчутъ теперь мое имя, то и тогда я не разсталась бы, не отдала бы въ чужія руки мое бѣдное дитя, не отказалась бы, что я мать. У ребенка отецъ и общество отнимаютъ положеніе и имя, и даютъ ему ужасную кличку, и я по вашему, т. Кирѣевъ, должна отнять у него самое дорогое и первое слово „мама" это ложный стыдъ и ложное понятіе! Пусть я несу должное наказаніе за свою вѣру въ недостойнаго человѣка, и нравственно—я мученица. Вѣдь мое чувство втоптали въ грязь и отняли мое доброе имя и только это маленькое существо гладитъ своей ручонкой по щекѣ и говоритъ „мама пан", вѣдь ни кто этого мнѣ не скажетъ больше [3])! И я обязана ей за эти дорогія ласки, обязана уберечь ее отъ ужасной ошибки ея матери. А что же отецъ? А пока ты, матушка, молила да плакала, я успѣлъ хорошо устроиться: женился, взялъ за женой тысячи, она ничего противъ меня не имѣетъ и еще больше укрѣпила мое служебное положеніе. А ваша совѣсть, м. г.? А у меня ее нѣтъ, да она мнѣ и не нужна. вѣдь общество ко мнѣ относится симпатично, я вездѣ принятъ, какъ пріятный гость, и теперь человѣкъ женатый, развѣ меня можно упрекать? А ребенокъ брошеный вами безъ средствъ и безъ имя! Ну, имя ребенку далъ священникъ, замѣчаетъ съ наемникомъ отецъ, а воспитаніе лежитъ на обязанности матери, вѣдь и г. Кирѣевъ пишетъ, что никто не мѣшаетъ матери заботиться о своемъ ребенкѣ. Но справедливо ли это? Холоднымъ ужасомъ наполняется сердце при мысли о болѣзни, что будетъ съ ребенкомъ, вѣдь силъ физическихъ не хватитъ при этомъ нравственномъ гнетѣ. Бѣдные, несчастные, ни въ чемъ не повинные дѣтки! Не обижайте, г. Кирѣевъ, не смѣшивайте несчастной матери и обманутой женщины съ женщиной развратной, между ими большая разница! Развратная стыдится своего ребенка и бросаетъ его на произволъ судьбы, наполняетъ

---

[1]) Вотъ! Дѣйствительно, что дѣвушкѣ отвѣтить на подозрѣніе, что она „пристроиться только хочетъ", когда законный бракъ и въ самомъ дѣлѣ есть не „чадородія ради", а только „пристройство себя". И въ порывѣ дѣвушка даетъ доказательство подлинной, неподдѣльной любви. А богословы тотчасъ переходятъ на сторону кавалера: *„она пала"* и ты передъ ней ничѣмъ не обязанъ". *В. Р—въ.*

[2]) Какой языкъ, какія чувства. *В. Р—въ.*

[3]) Удивительно. Вполнѣ удивительное письмо. О, какъ я благодарна корреспонденткѣ за него, ибо тысячи такихъ-же матерей скажутъ: „вотъ наше оправданіе". *В. Р—въ.*

ими помойные ямы и воспитательные дома [1]). Но почему вы ни какимъ именемъ не окрестили гг. соблазнителей, ни чемъ ихъ обязать не хотите? Еще разъ — справедливо ли это? *Несчастная мать.*

2.

Многоуважаемый В. В.!

Я всегда читаю ваши статьи о разводѣ въ „Нов. Времени". Я читаю ихъ съ мучительной болью... Вотъ уже 17 лѣтъ я живу съ человѣкомъ, котораго люблю и уважаю. Я свободна, а онъ имѣлъ несчастіе 20 лѣтъ тому назадъ жениться на особѣ, которая его черезъ три мѣсяца оставила и ушла съ другимъ: ушла первая — сама [2]), причинивъ своему мужу много горя и страданія? Но эта особа о разводѣ и слышать не хочетъ, у нея теперь 6 человѣкъ дѣтей, которыхъ она по закону крестила законными, а мои несчастныя дѣти совсѣмъ не крещенныя, хотя старшей дочери 15 л. Его жена очевидно ждетъ выгодъ послѣ его смерти: хорошую пенсію, а теперь грозитъ, что она будетъ требовать на воспитаніе дѣтей... Боже, за что все это? Вѣдь въ рожденіи тѣхъ дѣтей онъ невиновенъ, вѣдь на самомъ-то дѣлѣ тѣ дѣти не его дѣти... И эту ложь прикрываетъ законъ! Его жена знаетъ, что теперь онъ занимаетъ прекрасное мѣсто и получаетъ 6 тысячъ въ годъ, а ея милый служитъ по вольному найму и больше какъ 150 р. въ мѣсяцъ заработать не можетъ, ибо высшаго образованія не получилъ. Я денегъ на образованіе своихъ дѣтей не жалѣю, сама нигдѣ не бываю, кромѣ театра, всегда стараюсь быть незамѣченной, ибо сослуживцы моего любимаго человѣка и не догадываются, что я не жена ему, т. е. что мы не вѣнчаны въ церкви. Отъ дѣтей все старательно скрываю, но когда моей дочери будетъ 18—19 лѣтъ все скажу ей, знаю заранѣе, что тяжело мнѣ будетъ, со слезами, съ рыданьями разскажу ей, она пойметъ меня и проститъ!.. Я еще написала-бы Вамъ, но слезы льются изъ

---

[1]) Тутъ—ошибка отъ неразумія. Въ *пустынь*, въ *малолюдство*, при маломъ знакомствѣ никто не броситъ: а если грозящихъ очей много самая добродѣтельная не выдержитъ, ноги затрясутся, руки ослабнутъ и выпустятъ младенца въ „пасть дракона". (*Апокалипс.*). *В. Р—въ.*

[2]) Какое надо—каменное? львиное? ослиное?—равнодушіе семье-устроителей къ состоянію семьи, чтобы *при ежегодно* и *повсемѣстно* повторяющихся такихъ случаяхъ не промямлить хоть краткаго: „а будетъ покажутъ свидѣтели что отъ мужа его жинка ушла своей охотой и безъ его грубости—и тотъ мужъ воленъ вступить въ новый бракъ" (*мотивъ:*) „понеже Господь нашъ Іисусъ Христосъ изрекъ: *иго мое легко и бремя мое удобоносимо*". Но ничего не промямлили гордыя своею праведностью уста,—только (см. выше примѣчаніе)... солдатъ поигралъ съ ребенкомъ вотъ такой страсто-терпицы, какъ авторъ этого письма. *В. Р—въ.*

глазъ и не даютъ мнѣ писать... Спасибо, спасибо Вамъ, добрый Василій Васильевичъ, въ своихъ молитвахъ я помнию Васъ.

Когда-же конецъ всѣмъ страданьямъ?.. Дѣти, бѣдные —несчастные дѣти мои [1])... *Мать.*

3.

Милостивый Государь В. В.!

Не могу промолчать, чтобы не сказать вамъ глубокую благодарность, что вы говорите въ пользу несчастныхъ женщинъ, обреченныхъ на самую горькую жизнь, благодаря невозможности развода. Я смѣло могу сказать, что я нравственно честная женщина: не развратъ привелъ меня къ тому, что я мать незаконнаго ребенка. Это слово ужасное. Человѣкъ родится по волѣ Творца, а его называютъ незаконнымъ, вѣдь это богохульство. Съ отцемъ моего сына мы прожили честно, безъ измѣны, 14 лѣтъ! Только его несчастная семейная жизнь не дала ему свободы для нашего брака, который былъ-бы истиннымъ бракомъ. Его бракъ былъ не удачный во всѣхъ отношеніяхъ, вѣрности никогда не было, дѣтей не было, но жена не согласна была на разводъ и конецъ. Не изъ любви, а изъ мести, изъ зависти не желала развода, и не дала ему счастья найти хорошую семенную жизнь съ любимой женщиной, съ матерью его единственнаго сына, котораго даже и усыновить онъ не могъ,—необходимо было согласіе жены и на это. Эта законная жена буквально свела его въ могилу преждевременно, и оставила его сына безъ имени отца и безъ средствъ отца, лично отцемъ заработанныхъ. Только свобода развода вообще и создала-бы прочную семью; тогда больше дорожили-бы другъ другомъ, и скорѣе-бы взаимно старались дать счастье. А если счастья быть не можетъ, дали-бы свободу другъ другу тогда, когда еще можно начать новую жизнь. Знаю трехъ дамъ, съ первыми мужьями жили крайне несчастливо, а со вторыми живутъ превосходно. Скорѣе мужчина соглашается дать разводъ, а женщина, если сама не влюбится, то никогда! Знаетъ въ чемъ ея сила. Вотъ эту-то злую волю и долженъ законъ измѣнить къ счастью ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей. Каждая женщина должна быть матерью, исполнить свое назначеніе. Если-бъ дали больше свободы въ бракѣ, то не было-бы несчастной семейной жизни, отъ которой страдаютъ дѣти. Для кого нуженъ бракъ, семья? только для дѣтей. Теперь-же бракъ оказывается лишь для мужа и жены, только. Интересы дѣтей на второмъ планѣ, и этому и помогаетъ законъ, не дозволяющій развода даже и тогда, когда права дѣтей *требуютъ*

[1]) Послѣдняя страница письма вся закапана слезами. *В. Р—въ.*

этого, а жена изъ мести не желаетъ развода съ мужемъ, и такой-то бракъ охраняется закономъ!!! Это безнравственное сожительство предпочитается закономъ нравственному сожительству, основанному на взаимной вѣрности, уваженіи и любви, но изъ за злой воли жены, только по названію, считается незаконнымъ. Женщина страдаетъ, дѣти также; и на что, для кого нуженъ этотъ пресловутый законный бракъ безъ любви, безъ вѣрности, даже безъ уваженія? Вся моя жизнь погибла изъ-за этого ужаснаго предразсудка; мой сынъ осиротѣлъ въ 11 лѣтъ, когда именно отецъ необходимъ для мальчика: *мы одинокі* [1]). 6 лѣтъ тому назадъ, въ надеждѣ, что будетъ-же наконецъ свобода отъ брачной неволи, просили Государя дать сыну отчество и фамилію отца, предполагая нашимъ законнымъ бракомъ узаконить и сына, непросивъ Царской милости. Но смерть лишила этой надежды, и мы теперь остались съ разными фамиліями: мать и сынъ. Что огорчаетъ сына, и меня ставитъ въ крайне ложное положеніе. Сынъ еще малъ и не можетъ понять всего, и я не могу сказать ему правду: онъ выросъ въ томъ убѣжденіи, что отецъ и мать его, какъ и всѣ, мужъ и жена были. Но эта разница въ фамиліяхъ его возмущаетъ. Я не могу его отдать въ школу изъ-за этого, тамъ дѣти сейчасъ поймутъ его ложное положеніе и обидятъ его. Были уже два примѣра этому, что его вовсе оттолкнуло отъ дѣтскаго общества. Моя нелегальная семья оттолкнула всѣхъ родныхъ отъ меня, именно тѣмъ, зачѣмъ я ребенка не отдала въ деревню, а стала сама воспитывать. *Это* не прилично! а отдать свое дитя чужимъ прилично! Что за дикое понятіе, ужасный предразсудокъ, который *долженъ* 20-й вѣкъ *уничтожить*. Мать *обязана* быть при ребенкѣ, и надо считать позоромъ то, когда мать отдаетъ ребенка, бросаетъ его на попеченіе чужихъ. За этотъ мой поступокъ всѣ родные отвернулись, также и большинство знакомыхъ, и вотъ теперь мы остались съ сыномъ вполнѣ одинокіе, на столько, что мнѣ *некого* назначить опекуномъ для сына въ случаѣ, если я не доживу до его совершеннолѣтія. Это огорчаетъ меня до глубины души, мое здоровье утрачено отъ горя и печали. А та женщина, которая создала такую ужасную жизнь для троихъ, благоденствуетъ, пользуется уваженіемъ, извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, и при этомъ окружаетъ себя ореоломъ примѣрной жены, что она мужа *не* оставила до конца его жизни. Она-же нравственно и убила его жизнь, его силы не вынесли того ненормальнаго семейнаго положенія, въ которомъ она держала его 32 года!!! Мы уѣхали за-границу, но и туда она пріѣхала: нигдѣ не могли скрыться отъ ея преслѣдованія, т. к. служебное положеніе не давало возможности мужу уѣхать, не

[1]) Курсивы—вездѣ автора письма. *В. Р—въ.*

оставивъ адреса. Я принесла въ жертву все, что имѣла: молодость, здоровье, спокойствіе и мое доброе имя; всѣ свои обязанности исполняю такъ, какъ можетъ исполнить только самая вѣрная жена и любящая мать. Послѣдніе два года жизни мужа я боялась, чтобы не заболѣть душевной болѣзнью. Онъ былъ боленъ, видѣть его я не могла, онъ не могъ быть у насъ. Письма къ нему не доходили, всѣ его жена перехватывала; и послѣ его кончины всѣ мои письма, которыя нашла у него, передала своему воспитаннику балбесу; она взяла на воспитаніе сына портного, усыновила, и этому молодому человѣку отдала мои интимныя письма къ отцу моего ребенка, и стращаетъ тѣмъ, что письма эти отдастъ моему сыну, желая возмутить его дѣтское невинное сердце. Оскорбленіе для меня и то, что мои письма у чужого молодого человѣка. Вотъ жизнь, вотъ результатъ ложнаго понятія о нерасторжимости брака, тогда какъ именно послѣ-то развода и была-бы наша семейная жизнь угодная Богу и безъ злыхъ нарекапій въ обществѣ.

К. Д.

P. S. Пошли Вамъ Господь счастья и радости за Ваше сочувствіе, самое высшее христіанское чувство, къ обездоленнымъ.

* * *

Милостивый Государь В. В.

Письмо ваше было получено въ мое отсутствіе, потому и не отвѣчала долго. Моя благодарность вамъ безпредѣльна, ваше письмо ободрило меня, оживило мою душу. Всѣ ваши горячія слова въ „Нов. Вр." я читала и перечитывала много разъ, съ глубокой благодарностью къ вамъ. Вы піонеръ въ этомъ дѣлѣ жизни людской, вы первыи поставили вопросъ ясно, открыто и тысячи несчастныхъ матерей будутъ всегда благословлять васъ. Ваше письмо лично ко мнѣ не выразимо утѣшило меня; каждое слово сочувствія въ моемъ положеніи дорого для меня. Конечно, моя главная забота воспитать [1]), выучить моего сына и это дѣло идетъ, пока, хорошо, благодарю Бога.

До того времени, когда сложилась печально моя жизнь, я занималась педагогическимъ трудомъ, и любила этотъ трудъ. Нѣкоторый опытъ и далъ мнѣ возможность понять и наше вообще школьное дѣло, которое было мнѣ не по душѣ, потому сынъ мой воспитывается дома, по программѣ реальнаго училища кн. Тенишева, гдѣ и окончитъ свое среднее образованіе, Богъ дастъ; а что дальше, это ужъ укажетъ время и его личное желаніе. У моего сына большія способности къ музыкѣ, и для своихъ лѣтъ

[1]) На слова моего письма, что *главное* надо отдать въ гимназію сына, преодолѣвъ стыдъ. *В. Р—въ.*

онъ очень хорошо знаетъ музыку, и въ этомъ онъ мой ученикъ, какъ и по научнымъ предметамъ; для нѣкоторыхъ изъ предметовъ въ этомъ году былъ учитель.

Мать моя не то чтобы совсѣмъ разошлась со мной, но игнорируетъ вполнѣ моего мальчика[1]), и кромѣ огорченія ни чего не даетъ мнѣ. Безконечные упреки, обвиненія и проч. сдѣлали то, что мы видѣться не можемъ. Отца моего давно уже нѣтъ въ живыхъ. 4 старшіе брата умерли въ послѣдніе 10 лѣтъ, младшій больной живетъ съ матерью. Больше никого нѣтъ. Прочіе родные всѣ давно отдѣлились отъ меня, и все равно что чужіе. Я писала вамъ, что мнѣ положительно не кого назначить опекуномъ моего сына, въ случаѣ моей смерти: мы очень одиноки и беззащитны во всѣхъ случаяхъ. Я написала о. Дернову письмо, полное горячей обиды за его отвѣтъ на ваши статьи[2]). Онъ зналъ моего отца, очень уважаемаго человѣка, и я ему написала, что и отецъ мой всегда возмущался тѣмъ, что наказываютъ дѣтей за поступки родителей, это жестоко! Письмо онъ получилъ, т. к. я сама передала въ квартиру его. Также у меня былъ горячій споръ съ Кирѣевымъ; я знаю его лично.

Вполнѣ довѣряю вамъ мое письмо, если вы находите полезнымъ напечатать его, все ли, или частями, какъ Вамъ угодно, какъ найдете удобнымъ, вполнѣ оно въ вашемъ распоряженіи. Только одного *не* желала бы, чтобы мое имя было подписано, это неудобно по многимъ причинамъ. Мнѣ могутъ сдѣлать непріятное родные мужа, т. к. вѣдь многимъ, очень многимъ извѣстно, что я и мой сынъ его вторая семья. Отецъ моего сына былъ извѣстный юристъ, и его весь Петербургъ зналъ. Затрагивать его память для меня было бы тяжело. Все, что я писала вамъ *истинная правда*, все было такъ: болѣе или менѣе это *все* и извѣстно многимъ. Многіе изъ друзей моего мужа воображали, что мой домъ будетъ мѣстомъ сборищъ холостой компаніи, но когда увидѣли, что я смотрю серьезно на мою семью, и что не желаю ихъ видѣть иначе, какъ добрыхъ знакомыхъ въ семейномъ домѣ, то всѣ удалились, и послѣ смерти мужа не вспомнили, что остался единственный сынъ ихъ товарища, и упрекали меня въ „гордости" и проч.

Жена, будто бы оскорбленная отцомъ моего ребенка, ста-

---

[1]) Бабушку, игнорирующую внука, пусть незаконнаго, слѣдуетъ подвергать энитимьѣ и не допускать до таинства причащенія, какъ повинную противъ заповѣди: „не убій", и прочихъ словъ Спасителя, напр.: „прежде чѣмъ принести жертву Богу—пойди, примирись съ ближнимъ твоимъ", тѣмъ паче—съ родственникомъ, съ несчастною и одинокою дочерью. Начать спасеніе незаконнорожденныхъ надо съ острастки *родителей* незаконно-рождающихъ дѣвушекъ. *В. Р—въ.*

[2]) Я думаю—и не почесался. *В. Р—въ.*

рается всѣми силами дѣлать мнѣ все непріятное, и я стараюсь ничѣмъ не заявлять о себѣ, лишь бы имѣть покой душевный, столь необходимый въ моей жизни. Если же появится моя фамилія въ письмѣ, *она* сдѣлаетъ мнѣ непріятность. Это очень злая, мстительная женщина, обладающая большими матерьяльными средствами, которыя заработалъ отецъ моего сына, исключительно своимъ трудомъ, имѣя ввиду вполнѣ обезпечить своего единственнаго роднаго сына; но эта женщина сдѣлала такъ, что все получила она, какъ *законная* жена, хотя и фиктивная много лѣтъ, и все передала своему воспитаннику, вовсе чужому по крови и духу ея мужу. Вотъ какое зло дѣлается въ жизни, благодаря трудности развода, а главное что *безъ согласія* „правой" стороны, разводъ быть не можетъ. Въ этомъ и заключается все зло.

Были средства, были связи, были юристы, но не было согласія жены, и ни что въ мірѣ не могло разрушить ненавистный бракъ. Вотъ что ужасно! И ни какими силами, даже на время, не было возможности избавиться отъ „законной" жены. Когда онъ былъ боленъ при смерти, и я пришла навѣстить его, что пришлось сдѣлать чуть ли не силой, надо было видѣть его измученнаго, больного, который говорилъ мнѣ: „я все ждалъ тебя, зачѣмъ ты раньше не пришла? *она* все торчитъ передъ глазами, не могу ли на минуту избавиться отъ нея; отыскиваю дѣла, прошу ее передать ихъ лично; нѣтъ, находитъ кого-то знакомыхъ и черезъ нихъ передаетъ, а сама сидитъ безвыходно; нѣтъ, одно для меня—только смерть дастъ мнѣ покой. И зачѣмъ мнѣ жить, когда для васъ съ сыномъ я не могу сдѣлать то, что есть мой долгъ, чего желаю, и нѣтъ воли исполнить это. Нѣтъ смысла въ жизни, жить невыносимо тяжело и нѣтъ у меня силъ больше терпѣть эту пытку".

И вотъ уже два года и два мѣсяца что кончились его страданія, нравственныя и физическія. Нашелъ ли онъ покой тамъ, успокоилась ли его больная душа, пострадавшая 32 года въ цѣпяхъ Гименея? Моему сыну 13 лѣтъ, онъ еще совсѣмъ не знаетъ жизни, хотя и очень развитой мальчикъ, но чистый, невинный мальчикъ. И могу ли я разсказать сыну нашу печальную судьбу: онъ не пойметъ даже, и только смутится его душа, а душевный миръ для ребенка необходимъ еще болѣе, чѣмъ для взрослаго. Онъ знаетъ, что есть церковный и гражданскій бракъ. Я жила съ нимъ полгода въ Италіи, а тамъ все гражданскій бракъ, и потому его вовсе не смущаетъ то, если говорятъ у насъ о гражданской связи, онъ смотритъ на это, какъ на обыкновенное. Только смущаетъ его то, что у меня съ нимъ разныя фамиліи. Но въ этомъ мнѣ помогаетъ то, что я была въ консерваторіи: вѣдь всѣ артистки могутъ имѣть двѣ фамиліи, и обыкновено оставляютъ ту, съ которой начали свою музыкальную карьеру. Я хорошо играла на ф.-піано. 15 лѣтъ тому назадъ играла и въ кон-

чертахъ, и уроковъ имѣла много. И этимъ объясняю то, что у меня не одна фамилія съ моимъ сыномъ. Открыть правду очень мудрено, пока еще онъ малъ. Въ маленькомъ кругу моихъ знакомыхъ онъ видитъ хорошія отношенія комнѣ, а новыя знакомства я не дѣлаю. Вотъ одно страшитъ меня, что мои письма къ его отцу остались въ рукахъ моихъ враговъ, а они стращаютъ, что отдадутъ ихъ моему сыну, чего я вовсе не желала бы. Письма были не для сына, а для отца.

Соблаговолите сообщить, въ какой именно формѣ напечатаете мое письмо. Буду очень рада, если мое слово хотя каплю прибавитъ пользы для дѣла, о которомъ вы такъ горячо пишете. Да поможетъ вамъ Господь защитить дѣтей и ихъ матерей отъ горя и зла.

Будьте здоровы и счастливы вы всегда.

Преданная Вамъ К. Д.

* * *

Благодарю васъ, многоуважаемый Василій Васильевичъ, за память о насъ съ Леленъ, за ваше доброе письмо, которое очень утѣшило меня. Леля мой благодаритъ васъ за привѣтъ, онъ помнитъ васъ, конечно. Знаю я, что вы утомлены письменной работой и не ждала вашего отвѣта. Написала потому, что слишкомъ тяжелый вопросъ былъ затронутъ, хотѣлось высказать свое мнѣніе, по поводу вашей статьи и др. Безъ вины виноватые долго еще будутъ страдать, пока не отживутъ свои вѣкъ людскіе предразсудки, пока не поймутъ всѣ, что каждое рожденіе есть законное по волѣ Творца, и по закону природы. Только-бы это сдѣлалось общимъ закономъ, и все измѣнилось-бъ радикально. Тогда и матери не страдали-бы. Здоровье мое очень пошатнулось въ эту зиму. Нѣтъ 5 уже, что я чувствую болѣзнь сердца, а теперь опредѣлилось расширеніе аорты, что часто причиняетъ мнѣ страданіе, боль въ груди и въ области сердца. Все это глубоко огорчаетъ меня, т. к. я одна у моего мальчика. Безъ ужаса подумать не могу, что съ нимъ будетъ, если я не доживу до его совершеннолѣтія. У него буквально никого нѣтъ въ мірѣ родныхъ. Нѣтъ у меня и такой знакомой, которой-бы я могла поручить докончить воспитаніе. Оно начато не по шаблону, а все ведется согласно индивидуальности мальчика, согласно съ его здоровьемъ и развитіемъ. Каждая ломка можетъ привести къ дурному. Какъ поручить тои, которая не отвѣчаетъ моимъ принципамъ? Это ужасная забота, мучительная для сердца матери. У меня знакомыя свѣтскія дамы, они и о своихъ-то дѣтяхъ заботятся по рутинѣ, по шаблону воспитываютъ и считаютъ это лучшимъ, гдѣ-же понять имъ душу чужого мальчика и притти ему на помощь во всякую минуту жизни въ такіе годы, когда имъ это необходимо

дружеская опора, авторитетъ, чтобы понять жизнь такъ, какъ слѣдуетъ, безъ всякихъ превратныхъ идей и понятій. У меня нѣтъ истинныхъ друзей, и въ настоящее время это очень чувствительно и горько. Молю Бога, что-бы Онъ далъ мнѣ жизнь для пользы моего мальчика, пока онъ еще такъ юнъ и безпомощенъ. Желая сохранить покой души моего Лели, я стараюсь скрывать отъ него мое нездоровье, иначе онъ лишится покоя, столь ему необходимаго, при его слабомъ здоровьи. На дняхъ будетъ консиліумъ, въ квартирѣ нашего доктора вѣроятно, чтобы рѣшить вопросъ о леченьи на лѣто, куда поѣхать. Вотъ результаты всей горькой, безотрадной моей жизни, въ лучшіе года, когда здоровье было разрушено горемъ и нравственными страданіями день и ночь; 17 л. ни минуты покоя душевнаго!!! Очень можетъ быть, что много и неправильно въ воспитаніи моего сына, т. к. система воспитанія выработана мною одной, при помощи книгъ, но безъ живого слова участія. Все сдѣлано, что говорило мнѣ мое сердце и мой умъ: это были мои единственные помощники и остаются до настоящей минуты. Страшно боюсь, что-бы у Лели не былъ тотъ-же безвольный характеръ, что былъ у отца его, который подчинялся каждому дурному вліянію, а не хорошему. У моего Лели очень мягкій характеръ и до того послушный, что меня даже пугаетъ это. Не смотря на то, что я никогда ничего отъ него не требую, и даю полную свободу во всемъ его желаніямъ, каждое мое слово онъ принимаетъ какъ должное. Если, рѣдко, когда придется отказать ему въ чемъ либо, всегда есть на это причина, которую и говорю, и прошу его самого понять это, и не считать мой отказъ за нежеланіе исполнить его просьбу. Мы съ нимъ друзья, въ полномъ согласіи живемъ. Мое желаніе было видѣть его любящимъ науки, но у него явился талантъ къ музыкѣ, и я стараюсь все сдѣлать, чтобы развить этотъ талантъ, и мнѣ очень трудно вести учебное дѣло нелюбимыхъ имъ наукъ. Держать экзаменъ при школѣ Тенишева ежегодно слишкомъ дорого, 150 р. за экзамены, я не могу этого тратить, придется до старшихъ классовъ заниматься безъ экз. При домашнихъ занятіяхъ, кто-же чужой будетъ такъ заботиться объ урокахъ какъ я? Всѣ вечера я отдаю Лелѣ, читая ему, или повторяя въ разговорахъ всѣ уроки того дня, или для другого дня.

Средства къ жизни у Лели есть, но кто ими распоряжаться будетъ безъ меня? Средства небольшія, надо очень бережливо распоряжаться ими, чтобы сохранить ихъ дольше. И такъ страдаю душой, такая у меня забота на душѣ, что не вижу и выхода изъ этого положенія. Ахъ, какое лишеніе въ жизни не имѣть ни родныхъ, ни друзей вѣрныхъ. Какое ужасное зло дѣлаютъ мужчины, завлекая дѣвушку на такую дорогу, въ которой сами-же не могутъ указать путь спокойный, вѣрный. Всевозможными обѣща

ніями, увѣреніями заставятъ повѣрить всему, а потомъ и оставятъ одну отыскивать путь въ жизни, когда уже ушло время, тѣ годы, когда человѣкъ пріобрѣтаетъ друзей на всегда. Наше положеніе съ Лелей очень тяжелое, я предвидѣла это, и когда просила его отца, возмущаясь его легкомыслiемъ, о разводѣ или усыновленіи, не нашлось человѣка, кто-бы поддержалъ мои законныя требованія для пользы сына, и меня-же еще обвинялн, что я не жалѣю близкаго человѣка. А развѣ онъ-то жалѣлъ меня?! Вотъ мы и остались съ Лелей такъ одинокн, что нѣтъ человѣка, кому-бы я могла спокойно довѣрить моего сына. Довѣріе пріобрѣтается въ юные годы, когда еще не было разочарованій въ жизни, а когда жизнь не удалась, тогда и вѣра въ людей исчезла, и найти ее невозможно. Постоянно являются анализъ, сомнѣніе, и вѣры нѣтъ. Мнѣ больно то, что ни одной женщины я не знаю такой, которой могла-бы вѣрить и уважать безусловно. Была я раза два въ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ: что это за пустота тамъ царствуетъ! Точно играютъ въ какую-то игру ученыя женщины, что-то не искреннее, ложное. Интриги, сплетни, серьезнаго рѣшительно ничего, и это все интеллигентныя женщины! Быть можетъ, каждая женщина сама по себѣ хорошій человѣкъ, но когда онѣ всѣ вмѣстѣ, то это что-то такое неестественное... безполезное. Рутина и предразсудки, въ этомъ все. Заботитъ меня и то, что Леля такъ чистъ и невиненъ, что если вдругъ попадетъ въ такую семью, гдѣ нѣтъ должной нравственности, онъ погибнетъ, онъ воспитанъ какъ дѣвочка, иначе и быть не можетъ при женскомъ воспитаніи, безъ отца и брата. Женщина не можетъ воспитать по-мужски, и это не моя вина, что я женщина.

Простите великодушно, что я отнимаю у васъ время на чтеніе этого письма. Ваше братское отношеніе даетъ мнѣ смѣлость поговорить съ вами по душѣ, высказать всѣ мои заботы и горе. Душевно желаю вамъ здоровья и всѣхъ радостей въ жизни. Вы счастливы въ семейной жизни и надо благодарить Бога!

Преданная Вамъ *А. Д.*

* * *

Многоуважаемый В. В.

Моя совѣсть спокойна: я исполнила нравственно, и исполняю свято мои обязанности, данныя Богомъ и природой женщинѣ, какъ человѣку, и лично для себя не вижу въ томъ ни малѣйшаго позора. Мучитъ лишь то, что мой дорогой сынъ не можетъ имѣть законное имя отца, что такъ необходимо въ жизни, при тѣхъ взглядахъ общества, которые существуютъ. Я желала-бы, и ради моего сына, чтобы мое письмо къ вамъ было въ печати, чтобы онъ зналъ, что его матери скрывать нечего, и что правда выше всего. Богъ знаетъ, буду-ли я жива, когда онъ *все* пойметъ; но

печатное слово для него могло-бы имѣть силу, какъ удостовѣреніе, что мать его страдала, любя горячо его отца, и всю жизнь отдала ему!

Сообщите мнѣ: кто пишетъ извѣстія въ хроникѣ, и неужели такъ зря написали 19-го дек. 1900 г., что митрополитъ разослалъ по церквамъ предписаніе священникамъ, чтобы въ метрическихъ свидѣтельствахъ не писали слово „незаконнорожденный" для дѣтей внѣ брачныхъ. Это очень важное предписаніе и гдѣ-же оно? Или такое извѣстіе было передано не провѣреннымъ? Съ декабря желаю узнать, правда-ли это, и ни отъ кого узнать не могу. Ради Бога, напишите мнѣ объ этомъ. Вамъ легче узнать: слухъ-ли это, или фактъ: но, кому-то угодно не давать хода этому важному распоряженію митрополита. Ваша мысль: создать общій содружескій союзъ самозащиты для несчастныхъ дѣвушекъ—превосходная мысль, и было бы жаль не осуществить это. Я съ моимъ сыномъ уѣзжаю въ этомъ мѣсяцѣ въ Италію, на берегъ Адріатическаго моря. Примите мою сердечную, глубокую благодарность за ваше письмо. Повторяю, что именно ваше письмо для меня *очень* дорого. Такое сочувствіе, какъ ваше, успокоиваетъ душу больную, измученную душу. Я столько страдала нравственно и физически во всю мою жизнь, что эти страданія искупили уже мои „грѣхи", какъ говорятъ защитники нравственности покаяніемъ. Дай Богъ, чтобы вы были здоровы и счастливы. К. Д.

* * *

Позвольте мнѣ высказать вамъ, многоуважаемый Василій Васильевичъ, мою глубокую, сердечную благодарность за ваши дорогія для меня письма, за ваше снисхожденіе къ моей просьбѣ, за все ваше рѣдкое, доброе отношеніе къ горю ближняго. Это отношеніе дорого для меня, какъ самое высокое изъ всѣхъ чувствъ, возможныхъ въ натурѣ человѣка. Хотѣлось-бы мнѣ *очень* многое сказать вамъ письменно, высказать все, что смущало и смущаетъ мою душу, все что передумала, передумала, когда сказать было некому. Есть такіе вопросы въ жизни, которые мнѣ одной не разрѣшить. Вы единственный человѣкъ, котораго я знаю, сказали открыто, прямо то, о чемъ я думала много лѣтъ, и никто не сочувствовалъ мнѣ, и не понимали даже того, какъ можно идти противъ рутины, уменьшать святость брака и т. д. Каждое ваше слово въ печати я читала съ невыразимой радостью! Когда-же ваши слова относятся лично ко мнѣ, это такое утѣшеніе для меня, радость, а радости въ моей жизни было не много, что потерять эту радость было-бы для меня болѣе, чѣмъ грустно. Я боюсь отнимать у васъ время, котораго вы имѣете такъ мало свободнаго. Но, вы знаете психологію человѣка: чѣмъ больше хорошаго получишь, тѣмъ болѣе и хочется его; а такъ-какъ не много было у

меня хорошаго въ жизни, то ваши письма доставити мнѣ такое глубокое удовольствіе, какого я давно не испытала. Мнѣ думается, что вы не осудите меня за мою *полную* откровенность, что рѣшаюсь безпокоить васъ моими откровенными письмами, что очень эгоистично съ моей стороны. Вы простите это?

Прошу васъ, *искренно скажите* мнѣ, могу-ли я писать вамъ *все*, что тяжелымъ гнетомъ лежитъ на моемъ сердцѣ, уже много лѣтъ. Ужасно сожалѣю, что не рѣшилась написать вамъ раньше, когда мнѣ болѣе чѣмъ нужна была нравственная помощь друга— человѣка добраго, въ истинномъ смыслѣ христіанской доброты, гуманнаго, понимающаго душу человѣка, какъ вы. Нигдѣ и ни отъ кого я не могла встрѣтить именно того, что можетъ успокоить измученную душу, въ моемъ положеніи, не легальномъ, и никто не помогъ мнѣ такъ, чтобы я могла имѣть міръ душевный. Прилагаю копію съ письма гр. Толстого, его отвѣтъ на мое письмо, написанное въ минуты полнаго отчаянія. Въ 97 г. наши отношенія съ отцемъ моего ребенка стали измѣняться подъ вліяніемъ гипноза его жены, т. к. онъ измѣнилъ свою профессію присяжнаго повѣреннаго на мѣсто въ сенатѣ, и работать пришлось дома, тогда какъ раньше всѣ дѣла были внѣ дома съ утра и до вечера, не много было времени для вліянія жены; а человѣкъ онъ былъ такой, что каждое вліяніе на него сильно дѣйствовало, и какъ нервный человѣкъ— поддавался быстро гипнозу окружающихъ: зло, вѣдь, сильнѣе добра всегда. Передъ тѣмъ, какъ уйти въ вѣчность, онъ все самъ мнѣ разсказалъ, всю правду, о которой я сердцемъ знала, еще раньше его разсказа. Надо понять мое положеніе именно такъ, какъ вы понимаете, и, какъ вы одинъ можете, сказать правду и понять правду. Другому можетъ показаться страннымъ, даже смѣшнымъ, что женщина въ мои годы, уже не молодая, все еще ищетъ отвѣта на вопросы жизни? Но, я вѣчно буду искать этихъ отвѣтовъ, т. к. жизнь—это такая глубина, такая бездна! Если не ради себя, ибо моя жизнь прошла, то ради воспитанія и счастья моего сына я должна узнать многое, чего не могу разрѣшить безъ помощи человѣка, которому могу вѣрить и глубоко уважать. Съ 87-го года и до 91-го года я боялась людей, считала себя недостойной быть въ обществѣ, и жила *4 года* въ абсолютномъ уединеніи; видѣла только отца моего ребенка и доктора, нигдѣ не бывала, и всѣ дни читала и думала горькую думу. Въ 91 году скончался мой любимый братъ, это такъ повліяло на меня, что я серьезно заболѣла и почти 3 года страдала я физически, разными болѣзнями. „И кто не беретъ креста своего, и не слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня", какъ велика должна быть вѣра въ Того, Кто сказалъ эти слова! Жизнь тяжелый крестъ, и гдѣ найти ту силу и твердость духа, чтобы покорно нести свой крестъ? Да, тѣ мученики, которые безстрашно

или въ Колизеѣ на встрѣчу смерти, дѣйствительно исполнили завѣтъ Христа. Когда я была въ Колизеѣ, было жутко стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ смерть была *удовольствіемъ* для зрителей, и лилась кровь святыхъ... О! какъ это ужасно. Не смотря на это жуткое чувство, меня тянуло опять идти въ Колизей, и опять я уходила оттуда, обливаясь холоднымъ потомъ, отъ жуткаго чувства при воспоминаніи того, что видѣли эти руины! Римъ чудный, дивный, и страшный. Нѣтъ, моя вѣра не дала-бы мнѣ силы идти на встрѣчу смерти, (т. е. на встрѣчу мученической смерти, и значитъ, нѣтъ во мнѣ вѣры?). Естественной смерти я не боюсь, какъ неизбѣжнаго: страшитъ меня только мысль, что если умру, когда мой сынъ еще не взрослый, то онъ можетъ погибнуть, попавъ подъ дурное вліяніе, а у него характеръ мягкій. Эта мысль ужасно тяготитъ меня. 8 лѣтъ тому назадъ я была больна безъ надежды на выздоровленіе, что я и чувствовала. Три доктора, лечившіе меня, прямо говорили моимъ близкимъ, что надежды нѣтъ и надо ждать моей смерти. Я отказалась отъ всякихъ лекарствъ, возбуждающихъ дѣятельность сердца, которое уже слабо работало. У меня былъ перитонитъ экссудативный, и упадокъ дѣятельности сердца. Я страдала *ужасно!* Лежала въ больницѣ графини Орловой-Давыдовой. Она, зная мое опасное положеніе, спросила: чего я желаю? Я попросила пригласить о. Іоанна Кронштатскаго. Я *никогда* не забуду тои минуты, когда онъ пришелъ ко мнѣ! Видѣли ли вы его молитву у постели больного? Вотъ вѣра, настоящая, глубокая вѣра въ Бога, святая, о которой сказано: «чего ни попросите отъ Отца во имя Мое дастъ вамъ". У меня отъ болѣзни была полная апатія, и я смотрѣла на о. Іоанна, только видѣла его лицо, его выраженіе глазъ, въ которыхъ именно горѣла твердая вѣра. Смотря на его молитву, я плакала, и эти слезы облегчили мое сердце, стало легче дышать. Послѣ молитвы, я просила причастить меня св. Таинъ: эта исповѣдь была дѣйствительно настоящая. Какъ онъ говорилъ, какъ утѣшалъ меня, какъ легко было открыть всю душу передъ такимъ служителемъ Бога. Опасность миновала, но я еще мѣсяцъ ничего не могла ѣсть, буквально ничего: ежеминутно давали глотать ледъ, и черезъ полъ-часа по ложкѣ шампанскаго: такой режимъ продолжался 6 недѣль всего, лекарствъ никакихъ. Только черезъ годъ я могла сказать, что относительно здорова, но послѣ этой болѣзни мой душевный міръ измѣнился совершенно. Я перестала считать себя грѣшницей, стала требовать того же, чего требуетъ каждая жена и мать, которая исполняетъ свой долгъ честно. Я не скрываю мое нелегальное положеніе и считаю его моимъ несчастьемъ, а не униженіемъ. Сами женщины не подвигаютъ дѣло впередъ, дѣло защиты своихъ нравственныхъ правъ. Нѣкоторыя скрываютъ все, значитъ обманъ; другія унижаютъ себя, считаютъ за милость каждое

вниманіе, самое простое: ни то, ни другое не нужно, когда совѣсть спокойна и обмана *нѣтъ*. Развѣ не хуже обманывать общество, прикрываясь бракомъ и не будучи вѣрнымъ мужемъ, или вѣрною женой? Въ этомъ и былъ камень преткновенія у меня съ мужемъ. Его семейная жизнь всѣ 32 года была обманъ и обманъ, и я удивлялась, какъ онъ можетъ терпѣть такую жизнь? Какъ могла терпѣть такую жизнь и его жена? Бракъ — ширмы, а что тамъ было?

Простите великодушно, знаю, что отнимаю ваше время, и прошу, не лишайте меня душевной радости. Искренно уважающая васъ и душевно вамъ преданная. *К. Д.*

P. S. Отъ Декабря 19-го 1900 г. въ „Нов. Вр." я прочитала въ хроникѣ, что будто бы разосланы циркуляры по всѣмъ церквамъ, чтобъ священники при выдачѣ метрич. свид. о рожденіи внѣбрачныхъ дѣтей не писали слово „незаконнорожденный". Въ январѣ я отправилась въ консисторію здѣсь, и просила переписать метрич. свид. мосго сына. Получила отвѣтъ, что въ консисторіи неизвѣстно о такомъ циркулярѣ. Въ Мартѣ я вторично была въ консисторіи и получила тотъ же отвѣтъ. Неужели это свѣдѣніе было не вѣрное? Какъ оно могло попасть въ газету?

Приложеніе къ письму. Конія съ письма гр. Л. Н. Толстого 1897 г. 23 Мая.

Получилъ ваше письмо, когда былъ уже боленъ, и вотъ только теперь собрался отвѣтить вамъ. Очень сочувствую вашему положенію и желалъ бы быть вамъ полезенъ. Два совѣта смѣло могу дать вамъ: 1) тотъ, чтобы не нарушая дружескихъ отношеній, которыя были же между вами, или стараясь возстановить ихъ, если они утрачены, всѣми силами стремиться къ наибольшему ограниченію плотскихъ отношеній, къ наибольшему цѣломудрію въ нихъ и къ совершенному прекращенію ихъ. Стремиться къ этому нужно, несмотря ни на какой рискъ отверженія, или гнѣва съ его стороны. Требованія эти такъ важны и святы, что никакой человѣкъ не можетъ не подчиниться имъ, если только они будутъ выражены не съ укоризнами, злобой, а въ духѣ христіанскаго смиренія и кротости: 2) тотъ, чтобы въ своихъ отношеніяхъ съ нимъ съ самаго начала и до послѣдняго времени помнить и отыскать свои грѣхи, свои ошибки, свои не добрые поступки въ отношеніи его. Такіе поступки есть: и чѣмъ строже вы отнесетесь вообще къ себѣ, чѣмъ больше найдете въ себѣ дурного и осудите его въ себѣ, тѣмъ меньше жестока вамъ покажется его обида, тѣмъ легче вамъ будетъ простить ее; а чѣмъ больше вы простите его, тѣмъ больше онъ почувствуетъ свои вины передъ вами и обратится къ вамъ не тѣломъ, но духомъ.

Вотъ все, что умѣю вамъ сказать. Простите, если не удовлетворилъ вашего желанія.

Всей душой жалѣю васъ [1])

Л. Толстой.

* *

Сейчасъ получила письмо ваше, и оно для меня особенно дорого именно сегодня—когда день моего рожденья; въ этотъ день мнѣ всегда особенно грустно: отсутствіе близкихъ родныхъ еще чувствительнѣе. И воспоминаніе, что *когда-то* этотъ день былъ радостный для меня [2]. Для чего я родилась на свѣтъ? Только для своего несчастья, и дала еще жизнь моему сыну, не имѣя возможности дать ему мое имя, даже не имѣю права открыто называть его сыномъ моимъ! Паспортъ это говоритъ. Какъ это больно, обидно! При всей моей горячей любви къ мужу я ему не дала счастья; наша связь дала ему не радость, а много страданія нравственнаго: онъ страдалъ и за свое счастье и за наше, не имѣя силы воли справиться съ такой ненормальной жизнью. Ему было бы легче жить съ такой второй женой, которая не смотрѣла бы такъ серьезно на жизнь, какъ я, которая бы не огорчалась такъ его легкомысленными поступками, или любила бы его слѣпо, все считая превосходнымъ. Я могу любить всѣми силами души и сердца, и при этомъ видѣть въ любимомъ человѣкѣ все дурное и хорошее, не преувеличивая ничего: *не умѣю* любить слѣпо. Мужъ мой не признавалъ этого, и по его убѣжденію при любви надо видѣть только одно хорошее, и все называть *бѣлымъ*, и даже черное. У него какъ и у всѣхъ людей было хорошее, но много дурного, какъ результатъ далеко не правильнаго воспитанія, что еще увеличивалось отъ жизни съ такой женой, которая, сознавая, что мужъ ее не любитъ, желая угодить ему и зная его не выдержанность, готова была устроить гаремъ дома, лишь бы онъ чаще былъ дома, и *этимъ доказать* ему свою любовь. Такая семейная жизнь еще болѣе заставила его легкомысленно относиться къ женщинамъ, и вовсе не уважать семью. Онъ любилъ меня, но его тяготила моя порядочность и мое

[1]) Со своей стороны я написалъ дѣвушкѣ матери, что проживъ уже нѣсколько лѣтъ супружеской жизнью и имѣя сына, она не должна была прекращать или сокращать супружескихъ съ нимъ отношеній, нормально текущихъ ранѣе, соблюдая лишь физическую и духовную мужу вѣрность. На разныя „само-упреки" силъ не тратить; и вообще быть счастливой, ибо Богъ облегчаетъ насъ, а не отягощаетъ. *В. Р—въ.*

[2]) Вообще письма эти не весьма правильны въ логическомъ (синтаксическомъ) отношеніи. Но я сохраняю ихъ съ тѣми неправильностями, въ которыхъ отразилась усталая душа. Письма эти я печатаю какъ *скромный и документальный отпоръ* на слова: „разврата", „развратницы", „сукин", „кобели" (см. выше), и проч. Нужно чѣмъ-нибудь, *не словами*, опровергнуть это. *В. Р—въ.*

серьезное отношеніе въ нашей привязанности, и желаніе семьи *настоящей*. Онъ былъ очень добрый, характеръ мягкій, поддающійся скорѣе дурному вліянію, чѣмъ хорошему. Увлекался скоро, и тогда изъ него можно было все сдѣлать, но опять-таки скорѣе дурное.

Подобное на него вліяніе случилось какъ разъ въ годъ ожиданія моего сына, когда онъ, видя мои слезы и мою болѣзнь, хотѣлъ, при помощи своего отца, вліятельнаго и заслуженнаго чиновника, разойтись съ женой и жить вмѣстѣ со мной, даже если и не получитъ развода. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ за границу, оставивъ меня совершенно одну на 8-мъ мѣс. беременности. Мое положеніе было очень тяжелое, и безъ того я совсѣмъ упала духомъ, и писала ему отчаянныя письма, что конечно дѣйствовало на него и угнетало его совѣсть сознаніемъ, „что онъ оставилъ меня одну *въ такое* время.

Одинъ его другъ, Г. [1]), человѣкъ безправственный, подъ видомъ участія, обвинилъ меня во всемъ, говоря, что „если я не подорожила собою, то значитъ не стою и сожалѣнія; что порядочная дѣвушка никогда не допуститъ близкія отношенія, что мнѣ не 16 л., что я *все* понимала, и знала, что онъ не свободный человѣкъ; и стоитъ ли огорчать отца *такими пустяками* (какъ рожденіе своего ребенка!), что не только говорить объ этомъ отцу, но и себя безпокоить этимъ вовсе не слѣдуетъ. Что такія связи у всѣхъ есть, и кто же этимъ безпокоится, это *должно* быть *развлеченіемъ*, а вовсе не заботой. Стоитъ ли это того, чтобы разрушать семью свою, для чего это? вовсе не нужно", и т. д. и т. д. Вдругъ я получила письмо отъ С. А. въ такомъ духѣ. Я не вѣрила глазамъ своимъ, читая такія сужденія и не могла понять причины этому. Я ходила какъ потерянная, не замѣчая никого, слезы лились у меня изъ глазъ, меня можно было принять за ненормальную. Мнѣ было тогда 26 л., но по виду казалась я много моложе. Обратилъ на меня вниманіе Славянскій, проф. Медицинской Академіи, акушеръ, и пожалѣлъ меня. Подошелъ и прямо сказалъ: „я вижу ваше горе и ваше одиночество, и слѣдовательно и вашу неопытность; что вы дѣлаете съ собой, а главное—съ вашимъ ребенкомъ: вѣдь вы или убьете его, или сдѣлаете нервно-больнымъ, успокойтесь, пожалѣйте свое дитя". Эти слова участія облегчили мою скорбь, и Славянскій сталъ отечески относиться ко мнѣ, каждый день два раза навѣщалъ меня, успокаивалъ и наконецъ за мѣсяцъ до родовъ заставилъ уѣхать въ Петербургъ, поручивъ своему ассистенту, проводить меня до Петербурга. Конечно, я имѣла возможность выйти за мужъ много разъ. Въ 17 л. была невѣстой доктора,

---

[1]) Названо имя—принадлежащее знаменитому въ Петербургѣ лицу, и именно знаменитому „культурной просвѣщенностью". *В. Г–въ.*

его потребовали въ 1878 г. на войну, и въ Ясеахъ онъ умеръ отъ тифа. Это было первое мое горе. Потомъ, живя въ обществѣ, я пользовалась всегда большимъ вниманіемъ, и желающіе были получить мою руку и сердце. Но, мое-то сердце молчало, я безъ любви выдти замужъ не хотѣла и считала это нечестнымъ. Увлеклась спеціальностью С. А. (мужа): „защитникъ невинныхъ, облегчающій участь виновныхъ, защитникъ правъ обиженныхъ". Какое великое дѣло! Была молода, совѣмъ не знала жизнь, т. е. ту сторону жизни, которую не показываютъ, вѣрила въ добро, *вѣрила людямъ*. С. А. былъ очень краснорѣчивъ, говорилъ рѣчи въ Судѣ убѣдительно, увлекательно, вообще красиво, и я каждое слово принимала за его прочувствованное слово, какъ отраженіе его идеальнаго чувства любви къ ближнему, христіанской любви, защитника угнетенія. И я полюбила въ немъ того человѣка, котораго создало мое воображеніе, но можетъ быть тѣмъ бы это и кончилось, еслибъ не кончина моего отца, этотъ страшный, неожиданный ударъ. Когда горе, тогда ласковое слово много значитъ и очень дорого. С. А. и раньше симпатизировалъ мнѣ, ухаживая за мной по свѣтски, уже года три до этого, но я была далека отъ мысли сойтись съ нимъ. Горе сблизило дружески сначала, а черезъ годъ я уже полюбила его страстно, онъ умѣлъ заставить полюбить себя. Вообще, не симпатизируя нашему церковному браку, видя столько несчастныхъ браковъ, я лично для себя предпочитала гражданскій бракъ, лишь была бы *взаимная* вѣрность, любовь и уваженіе: ни какихъ обѣщаній я не требовала, считая за обиду для С. А., еслибъ я усумнилась въ его честныхъ намѣреніяхъ. Послѣ, мнѣ и это въ упрекъ поставили, что значитъ я настолько не порядочна, что и не требовала ничего, значитъ не дорожила собой. Я жестоко ошиблась въ моемъ выборѣ, но не смотря на это, любила горячо. За два года до кончины С. А. мое сердце охладѣло, но дружба, сожалѣніе и вѣрность принадлежали ему до послѣдней минуты его жизни. Но, разочарованіе *ужасно*. Благодаря внушеніямъ Г., онъ прямо не далъ мнѣ имѣть еще сына. Когда я почувствовала *ожиданіе*, и плохо себя чувствуя, по желанію С. А. поѣхала къ П—му, акушеру, не зная того, что С. А. далъ ему понять, что *надо* сдѣлать абортъ, чего я вовсе не желала. Все было нормально, но П—ій сказалъ, что надо сдѣлать изслѣдованіе подъ хлороформомъ, т. к. онъ подозрѣваетъ не беременность, а какую-то болѣзнь. Ничего не подозрѣвая, я согласилась. Меня захлороформировали, что сдѣлали, я не знаю, но, черезъ нѣсколько дней, при ужасныхъ страданіяхъ, при 4 мѣс. беременности, я лишилась возможности имѣть еще сына. Узнала правду послѣ отъ ассистента при П—мъ.

Уѣзжая изъ Россіи, шлю вамъ искренній привѣтъ, и мою глубокую сердечную благодарность за то утѣшеніе, которое до-

ставили мнѣ ваши дорогія для меня письма; и за тѣ часы которые провела въ разговорѣ съ вами,—все это очень ободрило меня и дало миръ душѣ моей. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этомъ необходимомъ для меня утѣшеніи, и позволите мнѣ считать васъ истиннымъ добрымъ другомъ? Мое глубокое уваженіе къ вамъ и полное довѣріе останутся на всегда въ моемъ сердцѣ. Получили ли вы мое письмо отъ 28 іюля, съ описаніемъ несчастной кончины моего брата и того, что было послѣ, и чѣмъ все кончилось? Письмо оказалось очень длиннымъ. Дай Богъ, чтобы ваше здоровье было по возможности хорошо; берегите себя, ради Бога, не утомляйте свои нервы! Ваша жизнь и здоровье принадлежитъ вашимъ дѣтямъ, и для нихъ вы необходимы, какъ бодрый и здоровый отецъ, а не измученный работой. Вы одинъ работникъ въ семьѣ, и какъ дорого ваше здоровье! Ужасно, когда отецъ дѣтей, желая болѣе обезпечить жизнь семьи, убиваетъ свои силы, не обращая вниманія на это, и можетъ вдругъ семья лишиться всего, когда здоровье не выдержитъ непосильнаго труда. Не говорю уже о томъ, какъ ваша жизнь, ваше слово живое, понятное всѣмъ, вашъ талантъ, необходимы для всѣхъ людей. Ваши принципы перенеся въ жизнь общественную, облегчатъ много горя въ жизни людей и дадутъ болѣе крѣпкій фундаментъ для семьи современной.

Въ настоящемъ семья, это домъ, построенный на пескѣ, и малѣйшій вѣтерокъ и все разрушается быстро. Хорошо, если разводъ облегчатъ— и не будетъ той процедуры съ лжесвидѣтелями, которая унижаетъ церковный бракъ. Развѣ таинство можетъ быть разрушено, благодаря *лжесвидѣтельству*, извѣстному всѣмъ: и зная это, допускается такое страшное зло! Если духовенство откажется отъ подобныхъ дѣлъ, то этимъ возвыситъ себя во мнѣніи всѣхъ; а теперь, вѣдь это униженіе для представителей церкви Христовой. Одна моя знакомая развелась съ мужемъ, и по этому дѣлу пріѣзжалъ къ ней священникъ изъ консисторіи. Еслибъ вы знали, что онъ разсказывалъ! Такія грязныя дѣла, такъ цинично, что молодая дама съ брезгливостью слушала его рѣчи и не попросила его о выходѣ только потому, что боялась повредить дѣлу.

И это священникъ! Можно ли послѣ этого считать вѣнчанье таинствомъ, и желать его? Возможно ли разрушать Св. Таинство такими способами, какъ это дѣлается теперь? Гражданскій бракъ, лучшій, какъ связывающій именно ради будущихъ дѣтей; а нѣтъ дѣтей и разойтись легко, безъ всякой непріятной процедуры. Цѣлые вѣка связывать супружество однимъ и тѣмъ же способомъ, не смотря ни на что, не обращая вниманія на то, что развитіе людей сдѣлало ихъ совсѣмъ другими, что „варваровъ" и необходимо было связывать, а для человѣка нравственнаго и развитого подобное насиліе есть зло.

Боже мой, когда-то все это измѣнится? Когда исчезнетъ ужасный предразсудокъ, что материнство—позоръ при отсутствіи этого пресловутаго вѣнчанья. Сколько преступленій изъ-за этого, сколько безпредѣльнаго горя! И какъ легко было бы уничтожить это горе, лишь бы не оскорбляли женщину за то, что она исполнила свое назначеніе, для чего и *создана* Творцемъ.

Тревожитъ меня въ воспитаніи сына его полная невинность, невѣдѣніе. И какъ, и черезъ кого онъ узнаетъ важнѣйшую сторону жизни?

Почему о всѣхъ наукахъ мы стараемся дать правдивое понятіе, а вопросъ самый серьезный оставляемъ на произволъ, пусть узнаетъ отъ кого угодно, хотя бы отъ самыхъ невѣжественныхъ людей, все равно! И послѣ этого, возможно ли желать, чтобы въ юношахъ было желаніе имѣть настоящую семью, а не флиртъ, или одно физическое удовлетвореніе. Надо поставить дѣло такъ, чтобы все было просто и правдиво, безъ всего скрытнаго, неприличнаго, чтобы дѣти откровенно обращались къ родителямъ, со всѣми вопросами, ихъ смущающими въ періодъ развитія; дочь къ матери, сынъ къ отцу. Чтобы дѣти понимали серьезность этихъ вопросовъ и обращались бы только къ родителямъ, какъ къ охранителямъ здоровья ихъ. У васъ 5 дѣтей, и старшему можетъ быть около 10 лѣтъ? Неужели васъ не заинтересовалъ вопросъ, и совѣтъ директора Бѣлевской школы, столь необходимый при воспитаніи будущихъ отцевъ и матерей.

К. Д.

* * *

Желаю сказать вамъ нѣсколько словъ о моихъ родителяхъ. Отецъ мой былъ сынъ дворянина, кончилъ курсъ въ университетѣ, занимался педагогическимъ дѣломъ около 8 лѣтъ, женился и поступилъ въ Духовную Академію, кончилъ курсъ ко времени уничтоженія крѣпостного права, сдѣлался священникомъ и уѣхалъ въ деревню, желая дать нравственную опору освобожденному народу. И до конца жизни былъ „добрый пастырь для своихъ овецъ", и заслужилъ общее уваженіе отъ всѣхъ его знавшихъ. Для народа онъ былъ и учитель, и докторъ, и юристъ, и духовный отецъ. Всѣ шли къ нему за совѣтомъ. Въ семейной жизни былъ очень несчастливъ, т. к. мама вовсе не понимала его и не сочувствовала его принципамъ. Взаимная вѣрность конечно была полная, но дальше этого все было врозь. Отецъ мой былъ добрѣйшей души человѣкъ и очень умный, развитой и серьезный. Я обожала его! И братья мои также любили его, и любя подчинялись ему безусловно. Отецъ мой также возмущался участью дѣтей незаконнорожденныхъ и всегда вписывалъ въ метрическія

книги и имя отца ребенка, считая несправедливымъ только имя матери вписывать, обвинять ее одну, а имя отца дѣлая тайной, будто бы покрывая его. За это папу вызывалъ архіерей, сдѣлалъ ему выговоръ, но папа сказалъ ему, что не можетъ дѣлать противъ совѣсти и что нѣтъ такого духовнаго закона, противъ котораго онъ считалъ бы себя виновнымъ, а законъ природы одинъ: безъ отца не можетъ быть рожденія, и запись говоритъ только правду и уменьшаетъ зло. Такъ дѣло этимъ и кончилось. Уважая отца, при его жизни я не рѣшилась бы на гражданскій бракъ, не потому чтобы онъ оттолкнулъ меня, нѣтъ, но потому, что это его поразило бы горемъ, что я несчастна, а онъ нѣжно любилъ меня, и я не дала бы ему печали, зная его нерадостную жизнь. Отецъ училъ меня закону Божію, у него было много книгъ духовнаго содержанія, и я очень хорошо знаю св. Писаніе, Библію, разъясненіе Библіи и проч. Любимая книга папы была Шестодневъ св. Василія Великаго. Зналъ онъ лично Бухарева, въ разные періоды его жизни. Знаю, что у папы была большая переписка со многими лицами, но такъ какъ я не жила дома, и была еще очень юная, то мало интересовалась этимъ, а послѣ его кончины я и на родинѣ не была ни разу. Въ 81 г., была послѣдній разъ дома, а въ 83 г. 1 января скончался мой незабвенный папа, отъ разрыва сердца, 56 л. Онъ 25 л. былъ священникомъ. Мама меня никогда не любила, т. к. у нея были любимые дѣти и нелюбимые. Насъ было 8; 5 сыновей и 3 дочери, остались теперь только двое, я и младшій братъ, прочіе всѣ умерли, сестры въ дѣтствѣ, а братья всѣ взрослые, и всѣ послѣ папы, при его жизни всѣ были живы и здоровы. Мамѣ теперь 68 л., а младшему брату 26 л.

Одинъ изъ братьевъ, по желанію папы, учился въ семинаріи, и замѣнилъ мѣсто отца, очень юнымъ, въ 22 г. И его судьба очень печальная. Онъ очень заботился о церкви, о школѣ, былъ также любимъ прихожанами; за его строгое отношеніе къ церковнымъ службамъ, онъ нажилъ себѣ врага въ псаломщикѣ. Черезъ 10 л. его службы однажды въ праздникъ братъ сдѣлалъ замѣчаніе псаломщику, т. к. тотъ былъ не трезвый, а на слѣдующій день надо было служить утреню. Разговоръ происходилъ въ 11 ч. вечера на крыльцѣ, въ темную осень, и братъ мой *не вернулся* въ домъ, исчезъ.

Полгода мы не знали, что случилось И только весной уже нашли его тѣло въ рѣкѣ, но онъ былъ убитъ раньше, и опущенъ въ рѣку за нѣсколько часовъ, какъ нашли. Тѣло все высохло, и сохранилось безъ измѣненія. Было слѣдствіе, виновнаго не нашли, хотя были свидѣтели того, что псаломщикъ ударилъ брата по головѣ, а что дальше было или не видѣли, или не хотѣли говорить. Осталась вдова 28 л. и 6 дѣтей, старшему 9 л., а меньшему полгода. Псаломщикъ видимо страдалъ нравственно, былъ молодой,

здоровый, и черезъ годъ, ровно въ то число, когда нашли моего брата въ рѣкѣ, псаломщика похоронили: онъ умеръ отъ скоротечной чахотки. Братъ былъ убитъ въ 1893 году 20 сент. Это былъ тяжелый случай, когда полгода нигдѣ не могли найти тѣло, не знали, что случилось, куда исчезъ. То было ужасное время для всѣхъ насъ! Дѣти брата, 2 старшіе, учатся въ духовн. семинаріи, двѣ дѣвочки въ Царскомъ Селѣ, третья дѣвочка поступила въ Смольный инст., уже принята, и дома еще меньшой 8 л. при матери. О дѣвочкахъ моя забота, а мальчики на попеченіи матери и дѣдушки, ея отца. Бѣдная невѣстка осталась съ такой семьей, молодая.

Отецъ мой скончался въ 83-мъ г., старшій братъ въ 87 г., средній въ 91 г., второй (убитъ) въ 93 г., четвертый, въ 95 г. Тетя, моя воспитательница, въ 99 г. и С. А. въ 99 г. Вотъ какіе все тяжелыя утраты были для меня въ концѣ прошлаго вѣка! И при всѣхъ этихъ горяхъ, мое нравственное горе: въ послѣдніе два года жизни С. А. я боялась, что мои силы не выдержатъ и я заболѣю нервной бол., т. к. совсѣмъ потеряла сонъ, плакала до того, что цвѣтъ глазъ перемѣнился, док. сказалъ, что я выплакала глаза, которые стали болѣть. И въ эти же годы, мои Леля болѣлъ каждую зиму. Всѣ ночи я *одна* проводила, ухаживая за больнымъ реб.; переживала такія ночи, что и вспомнить страшно!

Боже мой, столько пережить горя, сколько выпало на мою долю, только и можно при той твердой вѣрѣ въ Бога, которую дали мнѣ воспитаніемъ, вполнѣ религіозно-нравственнымъ.

Отъ всей души желаю вамъ здоровья и счастья въ жизни. Господь да хранитъ васъ! *К. Д.*

* * *

...Въ продолженіи 16 л. я перенесла много болѣзней очень тяжелыхъ. Три раза лежала въ больницѣ, каждый разъ не по одному мѣс. Съ 89-го до 93-го г. была постоянно больна, и при этомъ не переставая быть постоянно при Лелѣ, съ трудомъ ходила по ком., до того была слаба, и эта 4-хъ лѣт. болѣзнь и кончилась перитонитомъ, когда, по молитвѣ о. Іоанна, Богъ возвратилъ мнѣ здоровье. У меня были два раза неблагополучные роды, два раза абортъ, и все это сопровождалось сильнѣйшими страданіями!! Всему была причина мое тяжелое нравственное состояніе. Я не имѣла спокойствія душевнаго, ни одной минуты. С. А. былъ человѣкъ страшно нервный, надо было его утѣшать, успокоивать, когда я сама не имѣла ни въ комъ нравственной опоры. Мое нелегальное положеніе тяжело было мнѣ, привыкшей жить въ обществѣ, и вдругъ очутилась одна, жить безъ обмѣна мыслей, вѣчно быть одной, страдая за участь ребенка, и значительное разочарованіе въ близкомъ, любимомъ человѣкѣ.

Еще раньше, до Лели, у меня были не благополучные роды 7 мѣс., и послѣ рожденія Лели черезъ три года также около 6 мѣс., но это случилось отъ глубокаго, сердечнаго огорченія. Всѣ 16 л. моей брачной жизни, буквально изо дня въ день, я не имѣла душевнаго спокойствія ни минуты. Даже и въ тѣ дни, когда мы бывали вмѣстѣ, я не могла быть спокойна. Слишкомъ различны были наши принципы во всемъ, а главное — нравственные принципы. Вся моя жизнь стоитъ передо мной, и не могу я ничего забыть. Я испытала *все горе*, которое только можетъ дать такое семейное положеніе, какъ мое. Только нужды не испытала, благодарю Бога! и не дай Богъ дожить до матерьяльнаго лишенія. Ради Бога, не думайте, что вы обидѣли меня, написавъ предъидущее письмо. Вы обидѣть *не* можете меня при моемъ безъусловномъ довѣріи къ вамъ, при моемъ глубокомъ уваженіи къ вамъ! Вы для меня старшій братъ по душѣ. Ваши письма для меня дороги, какъ утѣшеніе, нравственная опора и радость для моей наболѣвшей души. Съ 97 г. я уже и плакать не могу, у меня нѣтъ болѣе слезъ.

Вы спрашиваете подробностей о смерти брата? Онъ былъ священникомъ въ томъ же приходѣ, гдѣ служилъ папа. Въ 7 вер. есть крошечная церковь, бывшій скитъ, упраздненный болѣе 100 л. Церковь въ лѣсу, на берегу рѣки. Вотъ эту то церковь перестроивали, и 20 сент. было освященіе храма, въ 93 г. При церкви есть домъ, гдѣ живетъ сторожъ, и больше никто не живетъ тамъ, деревни далеко. Въ день освященія, тамъ были еще три свящ. кромѣ брата, діаконъ, псаломщикъ и пріѣзжіе. Въ 11 ч. всѣ уже легли спать, братъ вышелъ на крыльцо покурить, и увидѣлъ псаломщика не трезваго, и сталъ его уговаривать идти спать, т. к. надо служить утреню. Ночь была темная, холодная. Въ одной изъ комнатъ, помѣщались моя мама и сестра псаломщика. Маму встревожило долгое отсутствіе брата, она вышла на крыльцо, и не видя никого стала прислушиваться и какъ будто услышала стонъ и пошла въ комнату, чтобы позвать сестру псаломщика и идти дальше. Только что она пришла въ комнату, какъ въ окно постучалъ псаломщикъ и позвалъ сестру, и на вопросъ мамы, гдѣ священникъ, сказалъ, что будто бы онъ пошелъ по дорогѣ къ деревнѣ. Маму это удивило и встревожило. Всѣ уже спали, но она разбудила сторожа и тѣхъ прихожанъ, которые остались въ сторожкѣ на ночь, и просила ихъ идти узнать, что случилось? Сторожъ и другой крестьянинъ взяли фонаря и пошли въ деревню; узнавъ тамъ, что священникъ не приходилъ, всѣ испугались, и сейчасъ-же начались поиски, исчезъ священникъ. На другой день дали знать полиціи, начались энергичные поиски вездѣ: въ лѣсу, въ рѣкѣ, въ озерѣ, въ поляхъ, и нигдѣ не нашли. Такъ прошла осень. Въ февралѣ назначили новаго священника.

наступилъ великій постъ; вскрылась рѣка, опять начали искать, все думали, что утонулъ ночью. 6-го апрѣля, всю рѣку прошли съ тралами. Утромъ рано 7-го апр. исаломщикъ съ сестрой поѣхали, сказавъ, что ѣдутъ за сѣномъ. Въ тотъ-же день утромъ крестьянинъ пошелъ къ рѣкѣ поставить сѣти, и вдругъ увидѣлъ тѣло брата, опущенное стоя въ рѣку, привязанное къ колу, вѣтому для сѣтей. Тѣло не успѣло даже намокнуть, и это оказалось высохшее тѣло, безъ всякаго тлѣнія, сохранившее все выраженіе лица живого человѣка, во всей одеждѣ, въ которой вышелъ на крыльцо. Сейчасъ-же дали знать полиціи, пріѣхалъ докторъ и нашелъ рану за ухомъ, и ударъ по черепу, трещина, и констатировалъ смерть отъ кровоизліянія въ мозгъ отъ удара. Полгода тѣло лежало на чердакѣ, надъ церковью, гдѣ стоялъ старый иконостасъ, и было спрятано за старыми образами.

Все это разсказывали очевидцы, два крестьянина молодые, они шли къ деревнѣ и видѣли, но не узнали въ темнотѣ священника, и прошли мимо. Но свидѣтелями отказались быть, боялись по своей наивности, что „засудятъ", и у слѣдователя молчали. Убійство было въ запальчивости, не предпамѣренное, ударъ былъ созпательный, данный за выговоръ. Когда же исаломщикъ увидалъ, что сдѣлалъ, то испугался. Позвалъ сестру и при ея помощи сначала перенесли къ церкви, думая, что еще не все кончено. Мама и слышала стонъ, когда его тащили по землѣ, поднять не могли, братъ былъ высокаго роста: когда же все кончилось, и пользуясь темнотой ночи, отнести тѣло на чердакъ, надъ церковью, гдѣ стоялъ старый иконостасъ, и тамъ положили такъ, что не было видно. И на чердакъ никто не входилъ. Скоро наступившіе морозы не дали тѣлу разложиться. Оставить-же тамъ и на лѣто боялись, и рано утромъ 7 апр. исаломщикъ съ сестрой поѣхали за сѣномъ, взяли тѣло и въ сѣнѣ перевезли къ рѣкѣ, и спустили въ рѣку.

14-го апр., въ Великій четвергъ состоялось погребеніе несчастнаго моего брата, въ 1894 г., почти черезъ 7 мѣс. Послѣ этого исаломщикъ сталъ болѣть, потерялъ сонъ, и силы стали быстро убывать, всѣ ночи онъ молился и видимо душевно страдалъ. Черезъ годъ, также на Страстной недѣлѣ, уже совсѣмъ больной, поѣхалъ въ монастырь, говѣлъ тамъ, соборовался. Пріѣхавъ домой, на второй день Пасхи опять пріобщился и скончался 28 л. Похороны его были 7 апр., въ годовой день, когда нашли тѣло брата.

Вотъ какой страшный былъ случай!

Не выразимо тяжелый былъ годъ для всѣхъ насъ, родныхъ, а бѣдная невѣстка была въ отчаяніи отъ неизвѣстности, и всю зиму, ежедневно, ходила въ лѣсъ, отыскивая мужа, а о дѣтяхъ заботилась ея сестра.

Черезъ три мѣсяца, послѣ похоронъ брата, по требованію прокурора, назначили новое слѣдствіе. Представте себѣ наше горе, потревожили многострадальное тѣло и въ могилѣ, сняли черепъ, для чего, зачѣмъ?

Жена, и мы всѣ близкіе родные просили не дѣлать этого, т. к. это не укажетъ убійцы, и для правосудія не нужно, но не послѣдній никого, черепъ увезла [1]). Новаго ничего не узнали, только разрыли могилу, пришлось расколоть гробъ, т. к. въ апрѣлѣ была еще мерзлая земля, гробъ углубился и вынуть не было возможности. Тѣло и тамъ не разложилось, младшій братъ видѣлъ снова его, и какъ было ужасно видѣть тѣло священника во всемъ облаченіи съ крестомъ въ рукѣ, съ Евангеліемъ, закрытое воздухомъ лицо, и все это снятое дерзкой рукой и потомъ обезображенное тѣло [2]), кое-какъ прикрытое одеждами, а руки все продолжали держать Св. Крестъ! — Для чего было это еще новое страданіе для близкихъ, сдѣланное безъ малѣйшей пользы для правосудія. Черепъ былъ посланъ за № въ медицин. акад. Я желала розыскать, чтобы положить рядомъ съ тѣломъ, но нигдѣ не могли отыскать черепа. Такъ погибъ мой бѣдный братъ 32 л. Священствовалъ *10 лѣтъ*.

Вы пишете на вопросъ мой: „Какъ предупредить сообщеніе моему сыну разныхъ интимностей половаго различія, что обыкновенно происходитъ черезъ прислугу и людей безнравственныхъ“—что это надо возложить на волю Божію. Какъ я этого боюсь! Какъ оставить на произволъ случая то, что я считаю самымъ важнымъ въ жизни юноши. Вы согласны съ тѣмъ, что дѣти научаются отъ прислуги *всему*, вотъ это необходимо уничтожить и родителямъ *заняться* этихъ опасныхъ учителей, въ этомъ и заключается вся моя забота, что необходимо и для всего молодого поколѣнія. Если у евреевъ, по вашимъ словамъ говорятъ раввины или учителя мальчикамъ *все*, почему-же у насъ не взять примѣра въ этомъ? Если еврейскія дѣти, зная *все*, нравственно лучше, чѣмъ наши многіе, то значитъ есть у кого поучиться такимъ объясненіямъ, хотя бы и не для той цѣли, что у меня. Но важна правда въ этомъ вопросѣ. Да хранитъ васъ Богъ [3]). *К. Д.*

---

[1]) Возмутительно. Никакого благоговѣнія къ „храму Духа Живого“, тѣлу. *Закономъ* бы надо оградить права и прерогативы надъ прахомъ усопшаго его родныхъ, родившихъ это тѣло, берегшихъ при жизни его. Вообще, относительно могилъ, смерти слѣдовало-бы начать *органическое* законодательство. *В. Р—въ.*

[2]) Какое кощунство, какое сплошное кощунство! У насъ судебное вѣдомство какъ верхи-культурное (оно, правда, имѣетъ свои большія заслуги) чувствуетъ право безапелляціонно дѣлать всяческія невѣжества въ отношеніи къ частнымъ людямъ. *В. Р—въ.*

[3]) Очень ее занималъ вопросъ о правильномъ, нормальномъ, здоровомъ и цѣломудренномъ ознакомленіи дѣтей съ рождающею сферою.

3.

Глубокоуважаемый В. В. [1]).

В. В.! Давно собираюсь я поблагодарить васъ за письмо изъ Рима, большое вамъ спасибо за все. Не писала до сихъ поръ,—не знала навѣрное, вернулись-ли вы изъ за границы, да и по правдѣ говоря, такъ тяжело на душѣ, что за перо взяться трудно. Часто думается: еслибъ послалъ мнѣ Господь смерть, хорошо бы было. Жить такъ тяжело! Долго вѣдь я все борюсь и устала. Если-бы не вѣрила въ Бога и въ загробную жизнь, я бы, вѣроятно, покончила съ собой, не подъ силу все терпѣть и терпѣть, но я, слава Богу, вѣру не потеряла, нужно, чтобъ Господь меня взялъ изъ жизни, въ которой мнѣ нѣтъ какъ то мѣста, нѣтъ моей доли. Если узнаете, Василій Васильевичъ, что меня не стало, порадуйтесь за меня. Не пишу много, только на васъ нагонять тоску. Еще разъ благодарю васъ отъ души за доброе участіе ко мнѣ, рѣдко приходится встрѣтить такое отношеніе. Для всѣхъ на мнѣ клеймо позора и не только на мнѣ, но и на дѣтяхъ. Горько это.

Дай Богъ вамъ всего, всего хорошаго. Все читаю, что попадается вашего въ газетахъ. Искренно васъ уважающая. *О. Л.*

Тогда я совершенно не умѣлъ сказать объ этомъ ей, а теперь кажется могу. *Трудность* лежитъ вѣдь только въ *неспокойствѣ* объясненій (конфузъ, неловкость), происходящемъ отъ того, что объясненія, анатомическія и филологическія, происходятъ въ возрастъ, когда *волненія уже начались*. Значитъ, ихъ надо отнести *раньше*, къ совершенно еще ранимымъ годамъ, когда ребенокъ также эти подробности чувствовалъ-бы, какъ подробности своей куколки. Затѣмъ все это покроется, закидается какъ бы землею забвенія; но подъ покровомъ сохранится, какъ важное свѣдѣніе. Когда пробудятся *свои* волненія, мальчикъ или дѣвочка уже съумѣютъ ихъ координировать съ лежащимъ въ воспоминаніи ихъ свѣдѣніемъ. Итакъ, объяснять нужно не въ 13 лѣтъ (сынъ г-жи К. Д.), а въ 7 и никакъ не позже 8, и съ тѣмъ спокойствіемъ, какъ объясняютъ анатомію мухи или устройство куклы. *В. Р—въ.*

[1]) Съ авторомъ письма этого, дѣвушкою за 30-ть лѣтъ, матерью двухъ прекрасно-воспитанныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей, я былъ два года въ перепискѣ. Не привожу ее за сложностью „Матерьяловъ", ограничиваясь только этимъ письмомъ, случайно взятымъ мною съ письменнаго стола, чтобы показать, что такія дѣвушки суть *върующія въ Бога* и имѣющія *душу*, что всячески у нихъ оспаривается. *В. Р—въ.*

Второй отвѣтъ г. А. Кирѣеву.

Г. Кирѣевъ не замѣтилъ нѣкоторыя подробности у меня и о. прот. Дернова. У меня онъ не замѣтилъ выраженій, всюду выдвигаемыхъ: „сліяніе двухъ половъ, *любящее, нравственное, чадородное, чадолюбивое, исключающее другъ другу измѣну*". Если устранить эти опредѣлители, конечно получится *„разратъ"*! Если не только сохранить, но ихъ *принять за абсолютные моменты брака*, его conditio sine qua non конечно получится цѣломудренная жизнь общества.

Обратимся къ фактамъ.

Нехлюдовъ (въ „Воскр." Т-го). погубилъ Екатерину Маслову, противъ каковаго погубленія ничего не имѣли (по крайней мѣрѣ *не возражали*) законы гражданскіе и духовные. Содержащіеся здѣсь „грѣхъ" отпускается не съ большими проволочками, какъ употребленіе молока во время поста. Моя идея облегченной формы брака черезъ мѣну колецъ спасала-бы Екатерину. Она честна. Она любитъ Нехлюдова. Въ одно изъ воскресеній она приходитъ къ священнику, послѣ литургіи, и говоритъ: „Я люблю и кажется любима, но я ничего не хочу безъ благословенія моей вѣры; въ предупрежденіе несчастія—благослови меня, отче, въ бракъ и дай мнѣ кольцо, именное и съ днемъ моего рожденія" (надпись на внутренней сторонѣ ободка). Священникъ благословляетъ ее, а послѣ вечерни даетъ—не отъ себя, а отъ лица и имени церкви церковное обручальное кольцо съ надписью: „р. б. (раба Божія) Екатерина рожденная тогда-то". И вотъ пришелъ вечеръ, настала минута, подробно описанная Толстымъ, непредвидѣнно, внезапно, и каковы моменты, увы, были и всегда останутся до конца міра. Тутъ — трепетъ! тутъ самозабвеніе! тутъ потемнѣніе разсудка: слабость ногъ и рукъ, парализованныхъ отъ любви, не защищенность тѣла, о которомъ и сказано Богомъ: „и *онъ*" мужчина, Адамъ, мужъ „будетъ *господинолъ* надъ тобою". Вѣдь предрѣченіе Божіе есть *законъ* Божій, и даже есть Господне хотѣніе, повелѣніе. Вотъ куда

восходитъ источники женской слабости, какъ благодѣтельное орудіе исполненія: „размножьтесь и наполните землю". Ибо если-бы Богомъ не была вложена въ женщину эта слабость и пассивность,— кстати связанная съ прелестнѣйшею и самою глубокою женской чертой, такъ наз. „жественностью",—могъ-бы размноженію быть поставленъ предѣлъ капризомъ ея, своеволіемъ. Но теперь какъ мужчинѣ данъ порывистый напоръ, такъ женщинѣ дана нѣга, привлекательность и слабость сопротивленія, коими мы измѣряемъ красоту души ея. Законъ долженъ это предвидѣть: и, не парализуя несопротивляемость женщины, не внушая ей грубой и мужской силы отпора, долженъ дать ей въ руки средство, черезъ которое она была-бы охранена въ слабости, соблюдена въ невинной покорности пожеланіямъ „господина своего". Таково—кольцо церковное. Имѣя его на пальцѣ, въ минуту восторга, отъ него и ее заражающаго, она лепечетъ простое:

„Если ты любишь меня, и не для погубленія теперь со мною: обручись этимъ кольцомъ, надѣнь его съ моего на свой палецъ, и дай мнѣ свое такое-же церковное кольцо, также именное и съ обозначеніемъ дня рожденія".

Мы слишкомъ знаемъ психологію Нехлюдова въ этотъ часъ, его подлинное и глубокое къ ней восхищеніе, чтобы сомнѣваться, что онъ обручилъ-бы ее съ себѣ. И она, и младенецъ ея были-бы спасены отъ нареканія. Но предположимъ другое: возьмемъ случай, какъ описанный у насъ въ письмѣ матери на стр. 280, что дѣйствительно происходитъ соблазненіе наивной дѣвушки злымъ человѣкомъ. Онъ конечно не далъ-бы залогового кольца. Гипнозъ дѣвушки съ этимъ оскорбленіемъ моментально проходитъ. Онъ не только не любитъ ея, но и не уважаетъ. Онъ въ точности -волкъ, а не агнецъ законной, около подзаконной овцы. Пылъ ея въ ту-же секунду опалъ-бы до ледянаго равнодушія. Она закричала-бы, забилась. Ничего-бы не произошло.

Т. е. кольцо церковное, вводя благословеніе церкви, сохраняя все, что и теперь, соблюдая весь авторитетъ церковной и любящій союзъ супруговъ со священникомъ, отпускало-бы только на длинной нити, какъ дѣвушекъ такъ и юношей, для заключенія союзовъ дѣйствительно „по взаимному согласію" (формула вѣнчанія) и съ предоставленіемъ имъ самимъ опредѣлить моментъ заключенія этого супружества: и деспотизмъ родителей, жадныхъ къ приданому, тоже ограничился-бы.

Но возьмемъ ту сумму данныхъ, какую описалъ Толстой и каковыя, увы, есть сейчасъ,—и законы имъ не ставятъ никакой преграды. Именно, что вскорѣ Нехлюдовъ оставляетъ Катюшу.

У нея кольцо и у нея ребенокъ. Его тетушки ее не судятъ. По родству она мила имъ, и мило будущее ея дитя. Ей нечего таиться. И ихъ одинокій, скучающій, не нужный міру домъ —

оживляется крикомъ новаго жителя земли, новаго христіанина, и безъ-вѣтно счастливой матери. Богъ далъ этимъ старымъ дѣвамъ средства—и они ими подѣлятся съ нею. Да ихная-то собственная жизнь, скучающая и безсмысленная, будетъ согрѣта, нальется, какъ яблоко сокомъ, заботою, трудомъ, страхомъ за ихъ обоихъ здоровье, всяческою поэзіею и смысломъ.

И такъ, при моемъ предложеніи горестный эпизодъ, разсказанный въ „Воскресеньи", съ нелѣпою и тоскливою попыткою Нехлюдова жениться на дѣйствительной проституткѣ трансформировался-бы такъ:

1) Человѣчество увеличилось-бы на одну мать и одного ребенка.

2) Оно уменьшалось-бы на одну проститутку и одно дѣтоубійство.

Изъ капель слагается море. Будемъ беречь капли и не пересохнетъ море.

* * *

„Все — какъ бы для Бога! Ничего — безъ Бога!" Вотъ кругъ супружества. Посему-то я и говорю, что вся сумма рожденія должна быть открыта, какъ серьезная сторона жизни, какъ мы не скрываемъ наукъ или искусства. Дѣти и супружество выше науки и искусства, и имъ принадлежитъ болѣе славы, лучшіе вѣнцы. Только въ одномъ Египтѣ евреики *скрывали* дѣтей своихъ, въ невыносимомъ рабствѣ, а мы христіане, а мы христіанки, преемницы св. Ольги, св. Берты, св. Клотильды, пріявшихъ въ перси свои первые лучи христіанской проповѣди въ Европѣ, вынуждены дѣлать это не мѣсяцы и не годъ, не два года, а вѣка и двадцать вѣковъ! Поразительно, что онѣ не ропщутъ; поразительно, что еще не поднято бури противъ скопчества!!

Всеобщая основа возраженій мнѣ:—„Не прелюбодѣйствуй".

Никто не обратилъ вниманія здѣсь на предлогъ: „про", а въ немъ-то вся сила. Вѣдь понимай эту заповѣдь такъ, какъ обычно мы понимаемъ и какъ мнѣ бросаютъ ее въ лицо, она выражена была-бы иначе:

Не убій
Не *любодѣйствуй*
Не укради...

Но сказано, въ этомъ единственномъ случаѣ, съ предлогомъ „про", т. е. „кромѣ", „опричь", „за исключеніемъ". Что-же это значитъ?! „Не дѣйствуй" „кромѣ любви", „дѣлъ сей заповѣди не твори *кромѣ*, *опричь*, *за исключеніемъ* любви", этой мистической утренней зорьки ребенка. Слѣдовательно:

не за плату
не по корысти

не по разсчету
не хладно, злобно, равнодушно
не для физическаго наслажденія,

но единственно и вѣчно только воспослѣдуетъ: „и къ мужу влеченіе твое“ (Бытіе, 3) т. е.

по любви

сотвори *дѣла* любви: „прилѣпись“, слѣпитесь „два въ плоть едину“.

Можетъ быть я ошибаюсь? Во всякомъ случаѣ, мы не можемъ истолковать заповѣдь Моисея иначе, какъ ее истолковалъ самъ Моисей. И таковое *подробное* истолкованіе вписано иллюстраціонно въ Библію.

Моисей велъ народъ черезъ пустыню: у него братъ, сестра Маріамъ, жена Сепфора и ребенокъ отъ нея тотъ, обрѣзаніемъ котораго онъ замедлилъ въ пустынѣ. Полное родство, насыщенность родствомъ. И какая минута, въ смыслѣ отвѣтственности передъ народомъ, передъ задачами историческаго и законодательнаго его водительства. Но вотъ слушайте далѣе:

„Отъ Кибротъ-Гаттаавы двинулся народъ въ Асиротъ и остановился въ Асиротъ. И начали упрекать Маріамъ и Ааронъ Моисея за жену эѳіопянку, которую онъ взялъ, ибо онъ взялъ себѣ эѳіопянку. И сказали: одному-ли Моисею говорилъ Господь? Не говорилъ-ли онъ и намъ?

„И услыхалъ сіе Господь. Моисей-же былъ человѣкъ, кротчайшій изъ всѣхъ людей на землѣ.

„И сказалъ Господь внезапно Моисею и Аарону и Маріамъ: войдите вы трое въ скинію собранія. И вышли всѣ трое. И сошелъ Господь въ облачномъ столбѣ, и сталъ у входа скиніи, позвалъ Аарона и Маріамъ, и вышли они оба.

„И сказалъ: слушайте слова Мои: если бываетъ у васъ пророкъ Господень, то я открываюсь ему въ видѣніяхъ, во снѣ говорю съ нимъ. Но не такъ съ рабомъ моимъ Моисеемъ—онъ вѣренъ во всемъ дому Моемъ.

„Устами къ устамъ говорю Я съ нимъ, и явно, а не въ гаданіяхъ, и образъ Господа онъ видитъ; какъ-же вы не убоялись упрекать раба Моего Моисея?

„И воспламенился гнѣвъ Господа на нихъ, и Онъ отошелъ. И облако отошло отъ скиніи, и вотъ Маріамъ покрылась проказою, какъ снѣгомъ. Ааронъ взглянулъ на Маріамъ, и вотъ—она въ проказѣ.

„И сказалъ Ааронъ Моисею: господинъ мой! не поставь намъ въ грѣхъ, что мы поступили глупо и согрѣшили; не допусти, чтобы она была какъ мертворожденный младенецъ, у котораго, когда онъ выходитъ изъ чрева матери своей, истлѣла уже половина тѣла.

„И возопилъ Моисей къ Господу, говоря: Боже исцѣли ее!

„И сказалъ Господь Моисею: если бы отецъ ея плюнулъ ей въ лицо, то не должна ли была бы она стыдиться семь дней? и такъ, пусть будетъ она семь дней внѣ стана, а послѣ опять возвратится.

„И пробыла Маріамъ въ заключеніи внѣ стана семь дней, и народъ не отправлялся въ путь, доколѣ не возвратилась Маріамъ“ („Книга чиселъ“, гл. 12).

Вотъ пространство и объемъ и смыслъ заповѣди: „Не прело-

бодѣйствуй". По указанію Божію, заповѣдь эта вовсе не относится къ случаямъ настоящей и крѣпкой, *плодовитой* любви, а къ половой дѣятельности корыстной или кривой, и къ порокамъ въ родѣ того, какому научилъ людей Онанъ. Но можетъ быть Моисей уже не святъ передъ „святыми" нашего вѣка? или для нихъ св. Писаніе—не богоотверженно?

* * *

Самыми практически важными словами г. Кирѣева въ его отвѣтъ мнѣ я считаю касающіеся развода:

„Если, вступивъ легкомысленно въ бракъ, мы обочлись, если мы другъ другу надоѣли, стали противны, если полюбили другихъ, какъ не разводиться? Вѣдь это жестоко? Да, но что же дѣлать! Терпи! Изъ-за того, что нѣкоторые поступаютъ легкомысленно или неразсчетливо, нельзя отмѣнять вѣчныхъ опредѣленій Спасителя. Можно допустить въ нѣкоторыхъ случаяхъ только прекращеніе супружескихъ отношеній, но это совершенно другой вопросъ".

Такъ истолковали слова о разводѣ (Мато., 19) аскеты, которымъ вообще не нуженъ бракъ, для себя не нуженъ, и они безсердечно и поверхностно рѣшили, что и другіе могутъ безъ семьи обойтись (разъѣздъ безъ развода), или могутъ развратничать втихомолку и „про себя", какъ опять-же это дѣлаютъ, предаваясь „мысленной Евѣ", затворники. Но они обочлись, воображая, что слова Спасителя даютъ почву для ихъ жестокаго рѣшенія:

1) Слова о разводѣ сказаны фарисеямъ (ученымъ раввинамъ) и для евреевъ и въ условіяхъ еврейской семьи. Вообще это есть не принципіальный глаголъ землѣ и небу, а отвѣтъ въ спорѣ съ евреями о *ихъ* бракѣ. Но у нихъ полигамія отмѣнена была въ XIII в. нашей эры раввиномъ Герономъ, изъ страха, что плодородіе ихъ еще болѣе ожесточаетъ гонителей ихъ. „Кромѣ вины прелюбодѣянія" (Мо. 19) конечно жестоко разводиться въ такихъ условіяхъ съ женою, которая всегда должна имѣть въ дому мужа уголъ и столъ, но, не разводясь и не живя съ такою женою, что утрачивалъ въ смыслѣ семьи и супружества еврей-мужъ въ ихъ спеціальныхъ условіяхъ? Ничего. Но у насъ въ строго моногамной семьѣ онъ все утрачиваетъ, онъ не семьянинъ болѣе и не супругъ. Что-же онъ такое? и что также его бракъ? Фикція, фиктивный бракъ, fata morgana. Но о таковомъ фиктивномъ бракѣ, у насъ при „разъѣздѣ" образующемся, я ничего не читаю въ Библіи и Евангеліи, и въ правѣ не принять его, какъ римскую выдумку. Мужу при нашемъ моногамномъ положеніи обязательно должна быть дана другая жена, или онъ въ правѣ ее себѣ взять и обыкновенно или часто беретъ въ такомъ случаѣ, образуя „не легальную семью": но я говорю, что такая семья должна быть признана и закономъ.

2) Спаситель, перемѣняя воззрѣніе на разводъ, перемѣнилъ-

бы инстанцію разводящую, если-бы тоже напелъ ее неправильно помѣщенною. У евреевъ тогда и до сихъ поръ право развода принадлежитъ мужу; въ законахъ ихъ оговорены и многочисленныя условія, по которымъ жена можетъ потребовать развода и получитъ его, если-бы даже мужъ и не хотѣлъ этого. Такимъ образомъ царями брака у нихъ оставлены супруги; что содѣлываетъ ихъ счастливыми и влечетъ юныхъ къ браку, какъ всякаго къ его собственности. Такъ это и должно остаться, ибо невозраженіе Спасителя на наличный фактъ есть признакъ Его одобренія факту. Такимъ образомъ, церковь или священники имѣютъ по Евангелію лишь *посредствующее* значеніе при разводѣ, какъ его свидѣтели, какъ передатчики разводнаго письма, а не какъ его создатели, творцы. Въ случаѣ напр. фактическаго уѣзда жены отъ мужа, или обратно, оставленная сторона черезъ священника или церковныя учрежденія приглашаетъ оставившую вернуться; въ противномъ случаѣ на оборотѣ этой-же бумаги пишется оставленной сторонѣ разводъ или разрѣшеніе къ вступленію въ новый бракъ; и священникъ, пересылающій потерпѣвшему эту бумагу, съ нею посылаетъ ему и свое благословеніе. Эту форму можно обдумать и разработать, всѣми, однако, способами избѣгая усложненія, громоздкости. Г. Кирѣевъ и самъ согласился, что „первымъ шагомъ къ улучшенію семьи должно быть совершенное изъятіе бракоразводнаго процесса изъ рукъ консисторій, съ ихъ лжесвидѣтельствомъ и грязными адвокатами". Слово это доброе и слово это важное.

3) Спаситель сказалъ также: „легче верблюду войти въ игольныя уши, нежели богатому—въ царство небесное"; и еще: „не собирайте сокровища вашего на землѣ, а собирайте на небесахъ"; Почему-же слово о разводѣ должны быть проведены съ кровавою послѣдовательностью (случаи Лаврецкаго и Каренина), тогда какъ неудобныя для себя слова о богатствѣ аскеты по крайней мѣрѣ обошли, если не совсѣмъ „положили подъ сукно". По крайней мѣрѣ по смерти почившаго митрополита Московскаго Сергія писали, ни мало не скрывая, въ газетахъ, что онъ умирая передалъ изъ рукъ въ руки В. К. Саблеру 40 тыс. руб. на церковно-приходскія школы, что, конечно, благо, но накопленію сихъ денегъ не препятствовали-ли слова Спасителя? Да и объ убогомъ и нищенскомъ видѣ высокихъ монашескихъ чиновъ и нашихъ лавръ конечно нельзя говорить. А когда такъ, то и разводиться можно по инымъ, чѣмъ прелюбодѣяніе, винамъ.

4) „Жестокосердіе", по причинѣ котораго Моисей далъ право разводиться, и о чемъ упоминаетъ Спаситель, вѣдь не прошло. Ну, да; если „жестокосердія" нѣтъ—и нужно разводиться „только по винѣ прелюбодѣянія". Но когда оно есть, не исчезло въ мірѣ и послѣ словъ Спасителя, то и разводиться можно по прелюбо-

дѣянію „и еще по жестокосердію". Это въ особенности важно какъ полный основательности мотивъ развода, въ случаѣ жестокаго обращенія мужа съ женою.

5) Чрезвычайно странно, что центръ, откуда разематривается чистота семьи главное условіе ея святости — помѣщается въ консисторіи, или вообще гдѣ-то внѣ семьи. Конечно, что-же можно разсмотрѣть у меня въ дому, смотря съ Исаакіевской колокольни. Члены консисторіи и говорятъ: „вы жалуетесь на развратъ или непослушаніе жены: мы этого не видимъ", или: „вы жалуетесь на побои мужа: и этого мы не видимъ". Вообще, „мы ничего не видимъ, а только получаемъ жалованье и иногда взятки", а посему и для сохраненія нашего спокойнаго положенія „живите согласно, блюдите св. таинство брака и не надоѣдайте намъ съ вашими слезами и мукою, кровью и терзаніемъ". Конечно, при такомъ возмутительномъ отношеніи къ семьѣ и семейному положенію сихъ „дьяковъ посѣдѣлыхъ", которые

Добру и злу внимаютъ равнодушно

семья и стала подкапываться подъ корень. Въ этомъ не „правы виноваты"; но „правы" образовались въ атмосферѣ таковой безсудности.

6) Отнятіе у мужа права развода лишило его какихъ-либо средствъ осуществить главенство свое въ домѣ, авторитетъ надъ женою и дѣтьми, кромѣ средствъ физическихъ, грубыхъ, жестокихъ: а жену, если она слабѣе мужа, лишило всякой защиты отъ этой жестокости. Получился самый грубый изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ въ исторіи типъ семьи, и самый грязный, такъ наз. „христіанская семья". Видя вездѣ разбросанными картины этого типа, и понимая откуда онъ истекаетъ, читаешь сперва со слезами, а потомъ и съ негодованіемъ разсужденіе духовныхъ писателей о „христіанскомъ бракѣ", какія-то воздушныя размышленія о своихъ воздушныхъ мечтаніяхъ, безъ желанія спуститься на почву и посмотрѣть, *что* есть и *отчего* есть. Они все сваливаютъ на „правы"; но, Боже, европейскіе народы создали геніальную поэзію, геніальную науку, геніальную технику, и неужели они только спеціально къ семьѣ неспособны? неспособны къ ней болѣе, чѣмъ желтокожіе китаицы и японцы, чѣмъ мусульмане и евреи? Не вѣрю. Отвергаю.

* * *

„Нѣтъ зоологическихъ и ботаническихъ *таинствъ*, не вижу, не знаю" — послѣднее возраженіе мнѣ А. П. Кирѣева, не безъ ироніи сказанное. Правда, въ синоптическихъ евангеліяхъ ихъ нѣтъ, но уже есть признакъ ихъ въ четвертомъ Іоанновомъ („Азъ есмь хлѣбъ *животный*, сшедый въ міръ, чтобы грѣшныя спасти"

Спаситель о Себѣ ученикамъ); и они не только показываются, но и завалакиваютъ все небо въ *Апокалипсисъ*, т. е. въ „откровеніи", изъясненіи грядущихъ судебъ міра и небеснаго устройства.

„Послѣ сего я взглянулъ, и вотъ дверь отверста на небѣ; и прежній голосъ, который я слышалъ какъ бы звукъ трубы, сказалъ: взойди сюда и я покажу тебѣ, чему надлежитъ быть.

„И тотчасъ я былъ въ духѣ. И вотъ - Престолъ стоялъ на небѣ, и на Престолѣ былъ Сидящій.

„И се Сидящій видомъ былъ *подобенъ камню яспису и сардису*; и радуга вокругъ Престола, видомъ подобная смарагду.

„И отъ Престола исходили молніи и громы и гласы; и семь свѣтильниковъ огненныхъ горѣли передъ Престоломъ

„И передъ Престоломъ море стеклянное, подобное кристаллу; и *посреди Престола и вокругъ Престола четыре животныхъ, исполненныхъ очей спереди и сзади.*

„И первое животное было подобно *льву*, и второе животное подобно *тельцу*, и третье животное имѣло лицо *какъ человѣкъ*, и четвертое животное подобно *орлу летящему*.

„И каждое изъ четырехъ животныхъ имѣло по шести *крыла вокругъ, а внутри они исполнены очей: и ни днемъ, ни ночью не имѣютъ покоя*, взывая: святъ, святъ Господь Вседержитель, который *былъ, есть* и *грядетъ*".

Вотъ какъ устроены небеса. Даже „человѣческаго" здѣсь — $^1/_3$; $^3/_4$ прямо „животное"! Да и въ „человѣческомъ" его лицо лишь „*какъ-бы* человѣческое", а не вполнѣ, не изолированно человѣческое; а остальное тѣло „исполнено спереди и сзади, внутри и снаружи *очей*". Какъ и у остальныхъ трехъ животныхъ. Что-же это за „очи"? Весь міръ — въ *очахъ*: былинка — *око*, гора — *око*, и все есть *око*, и всѣ *очи*—къ Богу. Кровинка бѣжитъ въ человѣкѣ, въ орлѣ, тельцѣ, львѣ она „око"; и останавливается, метаморфируется въ клѣточку: это—„свѣтильникъ" Богу. И Богъ смотритъ въ *Свой* свѣтильникъ, а свѣтильникъ горитъ передъ *своимъ* Богомъ. И все между ними „свое" синтимное, все въ „своей связи", вмѣстѣ и частной, и универсальной, минутной и вмѣстѣ неугасимой. И все переливается „въ радугѣ вокругъ престола": и „кристаллвидное"—въ связи съ „кристалломъ впереди Престола"—море, уже ниже животныхъ, подъ животными.

Неужели тутъ меньше „таинствъ" чѣмъ въ извѣстномъ намъ обрядѣ, который мы совершаемъ, и знаемъ конецъ совершаемаго и видимъ начало. Да и слишкомъ часто мы видимъ по судьбѣ людей, пріявшихъ таинство, что дѣйствіе его было призрачно, ибо судьба, на немъ построенная, рухнула.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XLVIII. По поводу.

Мутно... Бѣлѣсо и небо, и снѣгъ, и дали. Все пропадаетъ въ холодной мглѣ, точно молоко въ ней распущено. Ничего опредѣленнаго. Смотришь въ окно — откуда-то вдругъ появляются не люди, а неясные, расплывающіеся призраки и медленно исчезаютъ... Изъ „ничто" въ „ничто". Ни рѣзкаго контура, ни рельефа. Даже страшно, неужели эти фантомы чувствуютъ, страдаютъ и радуются, любятъ и ненавидятъ, мечтаютъ, разочаровываются, молятся, богохульствуютъ, великодушничаютъ, подличаютъ? Гдѣ сложному міру противоположныхъ ощущеній умѣститься въ тѣняхъ, именно въ тѣняхъ! Глядишь на нихъ и думаешь: если бы существовало бытіе второго измѣренія—оно бы именно являлось такою тѣнью. Ни верху, ни низу. И, только опустившись въ бѣлесую марь, сталкиваешься съ настоящею жизнью, безъ красокъ, безъ солнца, безъ вдохновеннаго порыва. Съ страшною жизнью, гдѣ все разлагается, таетъ, расходится, не оставляя слѣда ни въ добрѣ, ни въ злѣ. Въ крупномъ, демоническомъ злѣ. Мелкаго, подлаго, повседневнаго, натуженнаго, вымученнаго, стелющагося - сколько угодно. На немъ весь міръ стоитъ. Сотри его - тысячамъ, милліонамъ людей, пожалуй, и жить будетъ не для чего. Если нельзя кого-нибудь давить, заставлять страдать и плакать, корчиться отъ боли и отъ униженія и при этомъ оставаться въ своемъ правѣ, - для чего же тогда рождаться и рождать, обманывать любовью, вѣнчаться и умирать? Вѣдь въ сущности, какъ велика сила обыденнаго мрака! Добро и свѣтъ въ немъ являются надуманными, а будничное зло -- естественнымъ, неизбѣжнымъ условіемъ того загадочнаго процесса, который мы называемъ жизнью. Правда, „надуманное", случается, побѣждаетъ его, но какъ? Тыкай сколько угодно палкой въ кисель онъ опять сползется и слипнется, точно его и не трогали.

* * *

Въ скверные дни поневолѣ приходятъ тусклыя мысли. Душѣ жутко отъ нихъ, да вѣдь и кругомъ та же муть! И дѣваться некуда, если подъ вліяніемъ повседневнаго зла и въ тебѣ гаснетъ солнце. Вышелъ я въ ноябрѣ въ такую погоду, на свѣтъ бы не глядѣлъ, да вѣдь и дома не радость. А тутъ еще и доктора:— „ходите, непремѣнно ходите", хотя гдѣ же зимою въ Петербургѣ ходить?—Самый для этого неудобный городъ, для тѣхъ, кто не помышляетъ о самоубійствѣ. Тотъ сломалъ руку, другой разбилъ голову, третій вывихнулъ ногу, а четвертый ухитрился обколотиться о скользкій тротуаръ, какъ яйцо о тарелку. И тѣмъ не менѣе все-таки „ходите"! Ну и ходятъ мрачными выходцами съ того свѣта и при встрѣчѣ шипятъ одинъ на другого. А тутъ еще оторопѣлые и одурѣвшіе отъ террора городовыхъ и околодочныхъ извозчики (какіе смышленые были когда-то!) то пробуютъ дышломъ крѣпость вашей шеи, то знакомятъ ваши щеки съ добродушными мордами ослизлыхъ и усталыхъ коней. Въ такое время я люблю забираться подальше отъ большихъ улицъ, за мосты, на Петербургскую или Выборгскую стороны, гдѣ точно въ тихій засосъ уѣзднаго города попадаешь, и весь онъ кругомъ обволакиваетъ тебя своею тиной. Такъ и въ этотъ разъ: брожу я по какой-то не то Зелениной, не то другой такой же, и вдругъ впереди, въ туманѣ мерещится пятно. Оттуда, изъ этого пятна, хохотъ и глухіе удары, будто кто-то утрамбовываетъ землю. Бухъ-бухъ-бухъ! Должно быть людямъ весело, потому что они отъ души смѣются, одобряютъ. А еще минуту назадъ я думалъ: свѣта и радости нигдѣ нѣтъ. „Ну-ка еще... Ай да мы поддай, поддай пару".

* * *

Подошелъ—въ туманѣ толпа, въ толпѣ восторгъ. По серединѣ лежитъ баба, надъ бабой молодецъ изъ пропившихся патріотовъ своего отечества. Козырекъ раскололся, на лицѣ неистовое вдохновеніе точно онъ на вражій редутъ лѣзетъ. Поза академическая, хоть сейчасъ пиши съ него Минина или Пожарскаго, а то и обоихъ вмѣстѣ. Баба не стонетъ, а какъ-то всхрипываетъ и вздрагиваетъ, ухаетъ что-ли. Пожарскій мѣтко въ живое мясо вбиваетъ свою монументальную ступню. „Вотъ тебѣ... Получай... И еще... Сдачи не надо!"... и, видимо, какъ артистъ, самъ смакуетъ своего рода художественное наслажденіе съ толкомъ, съ разстановкой. Зрители одобряютъ полыхнется баба, встанетъ на руки и на ноги смѣются: „покорячься, покорячься еще". Трахнетъ ее патріотъ, она опять распластается публика пожимается отъ полноты упоенія. Я думаю, такой подлой толпы нигдѣ нѣтъ. Вотъ уже именно вмѣсто души уличную слякоть лопатою въ нихъ наложили. Звѣри-звѣрями, и вѣдь ни одного дѣда Акима

для нравоученія! Какъ уѣхалъ съ своей бочкой, такъ, видимо, еще и не возвращался. Да, вѣдь, и тотъ не мѣняетъ, а больше по россійскому добродушію съ печки народъ учитъ, какъ жить надо... Вмѣшался я, толпа загалдѣла, а рядомъ стоявшій борода козломъ, глаза острые, барашковый воротникъ тарантасомъ,— вдругъ возмутился: „Вамъ чего-съ .. Не полюбовницу правять-съ. За полюбовницу точно что вступиться можно. А онъ жену. Законная супруга-съ. Собственноручная... По всей формѣ. Онъ за нее Богу отвѣтитъ... Не ваше дѣло, нишь какіе выискались! Не такъ они сошлись... Не по случаю иному! Вѣнчались... А ужъ разъ повѣнчались—терпи...»

* * *

„Вѣнчались!"... И, толпа подхватила: „дѣйствительно — жена. Жену онъ это учитъ, господинъ. Проходите дальше. Они вѣнчаны»... И эти слова: „вѣнчалась". „вѣнчаны"—звучали какимъ-то обвиненіемъ, злораднымъ признаніемъ такого факта, которому уже, разумѣется, ни оправданій, ни смягченій не найдешь. „Вѣнчалась, дрянь, терпи теперь. Не полюбовница". Хороша эта логика: будь она ему не жена—толпа, пожалуй-бы, не признала за нимъ права дубасить бѣдное, вздрагивавшее, все ушедшее въ боль и ужасъ, тѣло. Но тутъ совершилось несомнѣнное преступленіе: она, видите-ли, состоитъ съ нимъ въ законномъ бракѣ и, слѣдовательно, составляетъ его вещь. Кому какое дѣло, что я ломаю свой стулъ? Трахъ его ножками о тумбу—ножки летятъ прочь, спинкой о земь—спинка въ щепки и вся недолга. И не только здѣсь его право на тиранство, на побои. Вслушайтесь въ: „Но-вѣ-ѣ-нчалась, такъ тебѣ и надо!" Вѣдь это также звучитъ, какъ „мать зарѣзала—терпи каторгу... Отца задавила — по дѣломъ тебѣ". Тутъ въ самой интонаціи „вѣнчалась" обнаруживается удивительная психологія толпы: „повѣнчалась"—значитъ совершила такое дѣло, послѣ котораго какъ послѣ судебнаго приговора за страшное преступленіе—ни срока, ни возврата нѣтъ. „Иди на каторгу, не жалуйся". И вступиться за тебя нельзя, потому что ты страдаешь „по закону, во всей формѣ". Да, еще бы, вѣдь ты преступница и палачъ имѣетъ надъ тобою право тѣшить звѣриную злость и похоть сколько ему угодно.

* * *

Вы скажете: „Безграмотная и невѣжественная толпа, чего отъ нея и требовать!" Ну, а мы, грамотные и вѣжественные, лучше? Вы оглянитесь, что около васъ въ томъ обществѣ, въ которомъ вы живете, творится людьми культурными и, повидимому, добрыми. Развѣ вы не слышали то же самое, и сколько разъ, даже въ печати,—а вѣдь это уже безстыдство на весь міръ, вѣдь это не про себя человѣкъ думаетъ, а вскочилъ на заборъ и, какъ

пѣтухъ, на всю деревню оретъ: слѣдовательно и въ другихъ, столь же просвѣщенныхъ читателяхъ и слушателяхъ, предполагаетъ ту же мозоль вмѣсто сердца и гнилой фаршъ вмѣсто мозга. Развѣ вамъ не приходилось и въ газетныхъ, и въ журнальныхъ столбцахъ встрѣчать: „Помилуите, они вѣнчались, таинство брака должно быть поддержано и закономъ, и обществомъ, она ему не чужая, онъ надъ ней имѣетъ право". Точно законъ долженъ быть палачомъ, а право только и заключается въ преимуществѣ одной стороны такъ или иначе, кулакомъ или словомъ, грубо или въ бархатной перчаткѣ, назойливымъ приставаніемъ или супружескимъ внушеніемъ насиловать другую. И опять „они вѣнчались". Какъ и у раскольничьяго козырька: „она-де совершила такое преступленіе, послѣ котораго возврата нѣтъ. Терпи, шельма!".. Другіе, впадая въ слюняво-чувствительный тонъ, вспоминаютъ воспѣтыхъ поэтами и описанныхъ романистами страдалицъ прошлаго. „Вотъ-де были женщины. Ими и земля держалась. Онѣ не жаловались, не бѣгали, не уходили. Безмолвно терпѣли свою муку. Только наединѣ молились и плакали". Да, позвольте, что же это за земля, которая должна держаться женскимъ горемъ? И почему его надо терпѣть молча? Въ крѣпостническій вѣкъ насилія съ одной и рабства съ другой стороны, запуганныя, безотвѣтныя затворницы могутъ быть въ синякахъ, подтекахъ, шрамахъ и были идеаломъ съ фонарями подъ глазами. Ну, а нашему времени нужны такіе идеалы или нѣтъ? Вѣдь прежде такихъ мученицъ арапниками стегали, чѣмъ же тутъ ужъ очень восхищаться? Или и объ арапникахъ вздохнуть: „было-де счастье, а мы его прогадали"!

* * *

Я не говорю въ жестокую пору насильничества кроткая жертва, мыкающая жизнь отъ ласки къ побоямъ и отъ побоевъ къ ласкѣ (вы помните: „то колѣни ея цѣловалъ, то хлесталъ ее плетью казацкой") и въ антрактахъ воспитывающая въ дѣтяхъ чуткую къ добру, хотя слабую и безвольную душу,— вся является въ нѣжномъ сіяніи, да нужна-ли она „страдалица мать" теперь? Новое время скорѣе проситъ такихъ, которыя или въ рудники и остроги за мужьями-декабристами, мірскихъ печальницъ, слѣдующихъ за чуждыми имъ переселенцами въ холодъ и ужасъ неизвѣдомой дали, „сестеръ", умиравшихъ подъ боевымъ огнемъ за Балканами, бодро и весело, смѣло и упорно боровшихся съ офиціальнымъ воровствомъ и неофиціальнымъ тифомъ въ отвратительныхъ госпиталяхъ... Облѣзлые и хрипые попугаи въ ржавыхъ клѣткахъ поютъ старую пѣсню, но вѣдь этихъ облѣзлыхъ попугаевъ слушаютъ такіе-же облѣзлые и ржавые хозяева, вспоминая счастливыя времена, когда и они, и ихъ вѣрныя птицы были еще молоды. По обществу, новому обществу, нуждающемуся

въ бодрости, силѣ, энергіи, мужествѣ, въ радости, въ способности къ упорному труду—жизнь-то вѣдь нынче не на крѣпостныхъ хлѣбахъ, съ ней шутить нельзя -эти вѣчныя ссылки на „идеалы" прошлаго страданія надоѣли. Ему смѣшно назойливое старческое кряхтѣніе: „повѣнчалась—терпи, въ терпѣніи сила, не разрушай семьи"... И потомъ сейчасъ же — почеши головку полочкѣ: „въ семьѣ государственная ячейка, разрушь семью - погибнетъ отечество" и т. д.; вообще, повѣрь имъ, у насъ такъ часто отечество гибло, что странно даже, какъ оно еще значится на географическихъ картахъ...

* * *

Разрушать семью и вмѣстѣ съ нею „государственную ячейку" это, видите-ли, сладостная привилегія мужчины. Женщина должна вѣчно возстановлять разрушаемое. Мы—Геростраты, сжигающіе храмы, а наши жены строительницы, такъ-же неустанно ихъ возстановляющія. Точно семья- -расползающійся чулокъ, а жена безсмѣнная штопальщица. Вѣдь никто изъ этихъ облѣзлыхъ попочекъ не шамкаетъ о себѣ: „повѣнчал*ся*—терпи, тебя не вокругъ сосны лѣшій водилъ: ты законный мужъ". А вѣчно тянетъ „повѣнча-*лась*". Мы-де можемъ дѣлать, что намъ угодно: мужу, видите-ли, законъ не писанъ, онъ—клыки впередъ, хвостъ на отлетъ—объявилъ всѣхъ дамъ на военномъ положеніи, нетинный кошквистадоръ! И когда, какъ усталый котъ съ крыши, онъ возвращается подъ законную печурку съ оборваннымъ ухомъ и исцарапаннымъ носомъ, „государственная Машка" должна встрѣчать его безъ кислоты и безъ упрековъ. Да это-бы еще ничего. А вотъ, если ему вздумается тиранить ее, душить, бить, издѣваться надъ святыней ея души, таскать по грязи ея лучшія чувства, топтать ногами ея бога, заставлять въ своихъ видахъ и пользахъ жертвовать и собственнымъ достоинствомъ, и честью -„молчи, не смѣй крикнуть: *помогите*. Ты вѣнчана, ты жена. На тебѣ покоится общественное зданіе". Подумаешь, какіе новоявленные архитекторы! Вы скажете, что подобныя явленія рѣдки, ошибаетесь. Если не солжете намѣренно, вы признаете, что въ ужасной сценѣ, нарисованной мною въ началѣ, для васъ нѣтъ ничего незнакомаго. Вы видите это у себя и около себя. Только другіе пріемы бьютъ въ перчаткахъ, а не ногами, издѣваются холодно, обдуманно, тонко, вѣжливо—такъ что со стороны кажется: все обстоитъ благополучно. Вѣдь, и на Шипкѣ у Радецкаго „все было спокойно", а люди замерзали и умирали.

* * *

И такъ, съ одной стороны самозванные, прямолинейные государственники (такіе случаются изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ: они вѣдь, какъ ослы въ шорахъ, ни „права", ни „лѣва" не видятъ) съ

проповѣдью: „вѣнчалась—терпи, спасайте то, что мы по нашему паскудству разрушаемъ", а съ другой—елейные проповѣдники съ текстами изъ Филаретова катехизиса. Общество потрясено иногда ужаснымъ положеніемъ, безправіемъ женщины, а они сейчасъ цитату отъ божественнаго—и радуйтесь. Да вѣдь если бы на свѣтѣ все шло по Писанію, то не надо бы ни суда, ни войска, ни полиціи. Была бы не жизнь, а патока. Вотъ и разбирайтесь. Съ одной стороны государственники („повѣнчались — терпи!"), съ другой—отцы накладной святости („прости и подставь лѣвую!"). Вопросъ назрѣлъ. Всѣ чувствуютъ настоятельную нужду такъ или иначе рѣшить законы о разводѣ удовлетворить самыя естественныя желанія человѣческаго существа, его право на уваженіе, на счастье, на радость,—а въ печати идутъ споры между этими господами, отуманивая все и сбивая съ толку. Вы стонете отъ боли, а къ вамъ приходитъ герои Лѣскова и серьезно спрашиваетъ: „А позвольте-ка, почему сіе важно въ пятыхъ"?.. И вѣдь какъ не сорваться! Дѣйствительно тексты-то подбираются оттуда, откуда все человѣчество черпаетъ идеалы добра, красоты духовной, свободы. „Такъ вотъ, и начните сами—живите по катехизису, а потомъ и отъ жены требуйте того же. Вѣдь вы—глава, покажите ей примѣръ. Передѣлывайте начиная съ себя. Не будьте чортомъ, проповѣдующимъ мораль... Или вы дѣйствительно несчастный водевильный мужъ?".. Но такихъ что-то мало,—и всѣ ихъ жалобы по существу подбиты лисьимъ мѣхомъ. Изо всѣхъ, въ послѣднее время писавшихъ у насъ о женахъ и дѣтяхъ, одинъ талантливый г. Розановъ говорилъ дѣло, и къ нему прислушивались. Остальные только отуманивали и путали, забывая, что дѣло не въ вѣчныхъ идеалахъ, которыми являются „тексты", и не въ старыхъ и потерявшихъ связь съ жизнью законахъ супружескаго крѣпостничества, а въ самой жизни и ея запросахъ.

* * *

Въ самомъ дѣлѣ, отчего же не свалить вину за всю нашу неурядицу на женщину? Но, въ такомъ случаѣ, значитъ, она, а не мы краеугольный камень семьи? Какая непослѣдовательность! Семья разрушается, потому что женщина плоха, ну, а мы хороши? Тоже, я вамъ скажу, душки! Но претензію быть главою семьи заявляемъ мы, и если семья рушится и расползается, какъ ветошь—кто виноватъ въ этомъ, неужели не голова? Что за обезглавленныя семьи? Мы, видите-ли, работаемъ, а жена ѣстъ. Мы кормимъ, а она ѣстъ. Такъ ли это? Во-первыхъ, она вовсе не желаетъ, чтобы ее обращали въ какую-то домашнюю собачку, которую водятъ въ попонкѣ, укладываютъ спать на подушку и съ пальца лакомятъ сахаромъ за хорошее поведеніе. Она сама хочетъ работать, и не ея вина, если ей всѣ пути къ труду зака-

заны. Рѣдкая нынче желаетъ оставаться содержанкой. Я не ошибусь, если скажу: на девять десятыхъ весь семейный развалъ объясняется тѣмъ, что женщинѣ скучно, ей некуда избыть свои досуги, силы, умъ, способности. Развѣ вы не видѣли, какъ въ самыхъ лучшихъ семьяхъ, гдѣ и мужъ, если хотите, добръ, нѣженъ, предупредителенъ женщину всю изводитъ томительная, нудная „скука жизни". Что дѣлать? Гаремныя затворницы, любившія досугъ—отошли въ область преданія: новое поколѣніе выросло при другихъ условіяхъ. Оно хочетъ труда и чувствуетъ въ себѣ способности для такого. Зависимость отъ мужа, отъ чужой воли, хотя бы отъ воли дорогого или любимаго человѣка все таки зависимость, а жена желаетъ быть сама собою и работать, какъ и онъ, быть равной ему не только въ любви, но и въ трудѣ и въ заботѣ.

* * *

Въ самомъ дѣлѣ — ну, куда дѣвать ей семнадцать часовъ въ сутки? И изъ этихъ семнадцати часовъ десять она одна: мужъ на службѣ, у любовницы, по дѣламъ у Кюба, на биржѣ, на фантастическихъ засѣданіяхъ и въ невѣдомыхъ комиссіяхъ, по вечерамъ въ клубѣ. Да и дома онъ—несладокъ: сонный, утомленный, молчаливый. О чемъ ему разговаривать съ ней, — вѣдь все уже рѣшено, подписано, и съ плечъ долой. А она въ томленіи, въ жаждѣ заполнить огромную бездну ничего недѣланія. Говорятъ: „Читайте!". Да позвольте, нельзя читать семнадцать часовъ въ сутки! И то у насъ, если кто и читаетъ печатное, такъ только женщины. Мужьямъ до изобрѣтенія Ремингтона писанное. „Работайте по дому, съ дѣтьми". Эти два послѣднихъ совѣта особенно любятъ попочки. Но, во-первыхъ, у многихъ дѣтей нѣтъ, да и при томъ дѣти весь день въ гимназіяхъ, школахъ, пансіонахъ, институтахъ. А работа по дому? Да помилуйте: какая же работа? Эти господа живутъ старыми крѣпостными преданіями. Тогда было хозяйство, —была работа. А въ нашемъ съуженномъ обиходѣ средней семьи: купила въ обрѣзъ - все готовое. Опять, чтобы солить, квасить, мариновать, заготовлять,—какія квартиры нужны! Гдѣ ужъ тутъ въ четырехъ комнатахъ хозяйственные горизонты раздвигать. И не въ одномъ Петербургѣ—въ уѣздныхъ городахъ то же самое. Хозяйство дорого стоитъ, маленькой государственной лчейкѣ оно не по карману, и выходитъ, что съ семнадцатью часами въ день справиться никакъ не возможно. А вѣдь „праздность (гг. попуган—это ваше излюбленное слово, изъ временъ, когда у васъ на головѣ всѣ перья были въ наличности!)—*мать* всѣхъ пороковъ". Кстати, помню, когда я, ребенкомъ, старательно выписывалъ это изъ прописей, меня всегда занимало: а кто-жъ ихъ *отецъ*? Подумайте, и вы сами согласитесь, что эти семнадцать

часовъ — дѣйствительно великое и настоящее несчастіе, бремя, котораго никуда не свалишь, не избудешь.

* * *

„Помилуйте, мы ихъ холимъ, изводимся на нихъ"!—Да они вовсе этой холи не желаютъ. Я уже сказалъ, что нѣкоторыя изъ нихъ готовы биться головою о стѣну отъ скуки жизни. Имъ некуда дѣвать себя, и это—лучшія. Говорятъ: „дайте женщинамъ равный съ нами трудъ, и мы будемъ получать меньше. Да, я буду зарабатывать минусъ столько-то и столько-то. Количество общей платы за дѣло — одно и то же. Оно растетъ, какъ растетъ населеніе. Женщины не создадутъ новой, а отнимутъ у насъ часть". Вѣрно, но этотъ минусъ возьметъ моя жена, дочь, сестра. Въ семьѣ, значитъ, останется та же цифра, только она распредѣлится правильнѣе, нормальнѣе. Убытка отъ этого не будетъ, а польза большая. Все, что томится скукой, бездѣйствіемъ, незнаніемъ, куда приложить свои силы, чувствомъ зависимости отъ чужого труда, способностей, здоровья, оживетъ. Да и мужу при меньшемъ количествѣ труда нельзя будетъ сылаться на усталь, душить жену страдальческимъ и почти всегда лживымъ упрекомъ: „я-де для тебя извелся, потерялъ силы и здровье". Неужели же такъ мало—влить новую радость, бодрость, надежду и увѣренность въ затхлое царство вѣчныхъ будней, въ застѣнки бездѣльныхъ полу-рабынь, которые мы по старому зовемъ „семьей". Не пуская женщину на трудъ, мы прикрываемся всѣмъ, чѣмъ угодно: рыцарствомъ, любовью, заботливостью о ней. Но перестаньте же лицемѣрить, „господа", вѣдь вами руководитъ то же, что заставляетъ сапожника при наймѣ квартиры заявлять домовладѣльцу требованіе, чтобы въ тотъ же домъ другого сапожника онъ бы не пускалъ. Этакъ еще, пожалуй, явится и второй претендентъ на ваши подмѣтки. Богъ знаетъ что! Говорятъ: „отчего же она не работаетъ?.. Вѣдь ей отведены тоже нѣкоторыя области занятій".

* * *

А вы пробовали когда-нибудь объявлять въ газетахъ: „нужна перешивщица, учительница, гувернатка, птица"; берите, что хотите изъ этой пресловутой „области занятій"? Испытайте и вы увидите то же, что бываетъ передъ кассой Маріинскаго театра наканунѣ любимыхъ или модныхъ оперъ. Ваша лѣстница хоть живите вы въ пятомъ этажѣ, площадка, вестибюль и улица у подъѣзда будутъ переполнены кандидатками на „область занятій". Тутъ и молодыя, и старыя, и матери семействъ, которымъ нечѣмъ кормить дѣтей, и вдовы, и дѣвушки только-что со школьной скамьи. На каждый грошъ разинуты сотни голодныхъ ртовъ, и эти рты готовы сбить цѣну въ отведенной женщинамъ „области занятій"

такъ же, какъ запертые въ польскіе маленькіе города евреи сбиваютъ цѣну за всякій ремесленный трудъ не потому, чтобы тамъ жизнь была дешева, а отъ того, что руки ничего не стоютъ. На моихъ глазахъ разъ у пріятеля, искавшаго переписчицу, пожилая, измученная женщина бросилась на колѣни передъ другою: „Ради всего святого, уступите мнѣ. Вы не умираете съ голоду, вы ищете дѣла отъ скуки, а у меня больная дочь и слабоумный сынъ... Мнѣ, если я не найду ничего здѣсь, одна дорога — въ прорубь". Та уступила. Голодъ больше имѣетъ правъ, чѣмъ скука, но и скука ужасна. Если русскія женщины отъ скуки не топятся и не вѣшаются, то, право, немало семейныхъ драмъ объясняется и оправдывается именно ею. Скука — дурной совѣтникъ и злой руководитель. Вспомните себя: куда она приводила васъ, а вѣдь вы-то скучаете не по необходимости, а такъ съ жиру. Вамъ есть куда дѣваться и чѣмъ занять свое время.

* * *

Итакъ, семьи обратились въ тюрьмы съ тѣмъ различіемъ, что для тюрьмы есть срокъ, а для жизни въ семьѣ — могила. Я не говорю о счастливыхъ исключеніяхъ—ихъ немного. И вѣдь счастливыя исключенія ни въ какихъ законахъ о разводѣ не нуждаются. Не для нихъ ведется по этому поводу полемика, не имъ мерещится свое 19-ое февраля. И вотъ, всякій разъ, какъ поднимается вопросъ о разводѣ, выскакиваютъ сейчасъ же впередъ добровольцы отъ Евангелія съ заповѣдями и добровольцы отъ государственной и полицейской муштры съ визгливыми криками: „ага, вѣнчалась—терпи"!.. Совершено, видите-ли, такое преступленіе, на которое я уже не говорю объ оправданіи—но „заслуживаетъ снисхожденія" нѣтъ. Вѣнчалась какъ „ступай въ каторгу", терпи — „ты женщина, слѣдовательно страдалица и мать. Мы молимся твоей мукѣ, чтимъ безотвѣтную самоотверженную жизнь"... Но позвольте разобраться—за что мука, на что самоотверженность? Для дѣтей? Такъ эти дѣти, какъ по вашему: слѣпы и глухи не видятъ и не слышатъ? Для нихъ страданія матери неясны, непонятны? Онѣ не озлобляютъ молодую душу, не вооружаютъ ребенка ненавистью къ отцу и въ то же время не обезсиливаютъ будущихъ гражданъ раннею нервностью, привитымъ ужасомъ, малодушіемъ? Разумѣется, мы будемъ говорить о тѣхъ семьяхъ, которыя нуждаются въ разводѣ, какъ въ корректурной поправкѣ: гдѣ счастье,—тамъ о разводѣ никто не думаетъ. И какъ это глупо: „дайте свободу развода—всѣ разбѣгутся". Вѣдь и крѣпостныя времена грозили: „освободите крестьянъ, и они мигомъ уйдутъ" — ихъ освободили, и всѣ остались на своихъ мѣстахъ и на своей землѣ. Вѣдь отъ того, что за границей отмѣнены паспорта, люди не перестали носить свои имена и званія? А съ тѣхъ поръ, какъ

уничтожены городскія заставы,—не обезлюдѣли же города. Не разрозниваются лютеранскія семьи, а вѣдь тамъ свободѣ человѣческаго сердца данъ большій просторъ, и признано, что если мужъ и жена въ выборѣ другъ друга по молодости или по душевной немощи ошиблись, такъ нельзя ихъ заставлять вѣчно тянуть эту лямку? Ошибка—не преступленіе!

В. И. Немировичъ-Данченко.

XLIX. Женскіе паспорта.

Читая отдѣлъ „происшествій" какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, особенно часто натыкаешься на случаи супружескаго самосуда: то мужъ убилъ жену, то изувѣчилъ ее, то надругался какимъ-нибудь жестокимъ варварскимъ способомъ. Все результатъ, на официальномъ языкѣ, „супружескихъ несогласій", разрядъ дѣлъ, на которыхъ „суда нѣтъ". Правда, судъ по жалобѣ жены можетъ наказать мужа за дурное обращеніе, но не можетъ ни предупредить, ни пресѣчь преступленія, такъ какъ не въ правѣ отнять у мучителя его жертву, т.-е. разлучить супруговъ.

Таинственная связь, въ которой церковь соединяетъ два существа „въ плоть едину", помимо физическаго единенія выражается въ отвѣтственныхъ нравственныхъ обязательствахъ. Если подобнаго единенія нѣтъ, то въ сущности нѣтъ и брака. Чувствуя это и сознавая, что для крѣпости брачнаго союза недостаточно даже возведеніе супружескихъ обязательствъ въ законъ, гражданская власть прикрѣпила жену къ мужу посредствомъ паспорта, документа, несущаго самыя разнообразныя функціи. „Супруги,—гласитъ законъ,—обязаны жить совмѣстно", и только мужъ можетъ предоставить женѣ проживать по отдѣльному паспорту. И никакимъ инымъ путемъ, по закону, жена получить отдѣльный паспортъ не можетъ, ибо „всякія сдѣлки, клонящіяся къ разлученію супруговъ, строго воспрещаются".

Всякій законъ, не считающійся съ жизнью, оказывается несостоятельнымъ, и той власти, которая поставлена охранять законъ, приходится дѣлать послабленія и исключенія. Ни для кого не тайна, что масса женъ проживаетъ отдѣльно отъ мужей и помимо согласія на то послѣднихъ, но получили онѣ избавленіе внѣ-законнымъ порядкомъ.

Замѣчательно, что въ крестьянскомъ мірѣ, гдѣ царитъ полнѣйшая юридическая темнота, очень прочно вкоренилось сознаніе о неразлучимости супруговъ.

— Никто этого сдѣлать не можетъ, чтобы женѣ отъ мужа отдѣльный паспортъ дать,—заявляютъ крестьяне.

Однако практика, особенно за послѣднее время, должна разу-

бѣдить ихъ въ этомъ. Мнѣ не разъ приходилось присутствовать при разборѣ семейныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ.

— Даешь отдѣльный паспортъ женѣ?

— Не для того я законъ принялъ съ нею, обыкновенно съ развязностью отвѣчаетъ супругъ.

— Законъ? А бить жену законъ тебѣ позволяетъ?

— Безъ ученья нельзя.

„Учитель" по большей части оказывается горчайшій пьяница, а результаты „ученья" мнѣ пришлось видѣть на одной бабѣ: когда она сняла съ головы платокъ, черепъ ея представлялъ красную подгнивающую язву, всѣ волосы были выдраны. Другой супругъ, мужикъ лѣтъ за 30, женился на 16-лѣтней и, очевидно примѣняясь къ ея возрасту, „наказалъ" ее за что-то толстой ременной плетью по мягкимъ частямъ; послѣдствіемъ явилось нѣсколько глубокихъ кровавыхъ рубцовъ, благодаря которымъ пострадавшая, дѣйствительно настоящій ребенокъ, не могла ни сѣсть, ни лечь.

Земскіе начальники въ нѣкоторыхъ губерніяхъ охотно разрѣшаютъ женамъ проживать по отдѣльнымъ паспортамъ, но въ большинствѣ губерній они не рѣшаются на это. Очевидно здѣсь одно изъ частыхъ явленій: сообразованіе со взглядами, которыхъ придерживается въ губернскомъ центрѣ. Сенатъ высказался въ пользу такой практики, но, повидимому, разъясненіе Сената наряду съ существованіемъ обратнаго категорическаго закона породило недоумѣніе.

Такимъ образомъ неоспоримой законной инстанціей, вѣдающей выдачу отдѣльныхъ паспортовъ женамъ, все же остаются ихъ мужья. И крестьяне строго охраняютъ это право. Не пренебрегаютъ обыкновенно имъ и интеллигенты изъ разряда маньяковъ, насвистовъ или „опекающихъ" женино состояніе. Правда и то, что интеллигентнымъ женщинамъ несомнѣнно легче оказывается покровительство. Наряду съ мужьями, которые были эгоистически заинтересованы въ охранѣ своихъ супружескихъ правъ, я зналъ супруга, отказывавшагося выдать женѣ отдѣльный паспортъ „по принципу".

— Развѣ я паспортное учрежденіе, чтобы выдавать кому-либо виды на жительство?- говорилъ онъ.—И если это мое „право" (не обязанность же, конечно?), то вѣдь отъ права своего, полагаю, я могу отказаться? Если нѣтъ иного порядка для полученія женѣ моей паспорта, то нужно его учредить, потому что существующій порядокъ нелѣпъ. Паспортъ установленіе полицейское, мѣра государственнаго порядка, и съ таинствомъ брака никакъ связанъ быть не можетъ.

Можетъ быть въ этихъ словахъ и есть доля парадоксальности, но парадоксальнымъ намъ кажется все то, что ведетъ къ уравненію женщины въ правахъ съ мужчиною. На самомъ дѣлѣ, не

поражаетъ ли напротивъ то обстоятельство, что мужчина существуетъ самъ по себѣ, а женщина является лишь собственностью мужчины, въ паспортъ котораго она записана? Такъ себѣ, просто одна изъ формулярныхъ отмѣтокъ: „въ бояхъ не бывалъ", „награжденій не получалъ", „жена такая-то"...

Впрочемъ, это вопросъ слишкомъ широкій, и я не берусь здѣсь его рѣшать. Какъ извѣстно, ключи отъ доли женской рыба сглотнула и

Въ какихъ моряхъ та рыбина
Гуляетъ—Богъ забылъ!

Достаточно, если женамъ будетъ облегчено полученіе отдѣльныхъ паспортовъ хотя бы въ видахъ предупрежденія женоубійствъ, которыя такъ участились въ наши дни.

— А для этого,—говорилъ въ многолюдномъ обществѣ одинъ почтенный господинъ, слѣдуетъ предоставить женамъ получать паспорта такимъ же порядкомъ, какимъ получаютъ ихъ мужья.

— Значитъ, пришла въ волость или въ участокъ,— и получила паспортъ?

— Да.

Помилуйте, да въ такомъ случаѣ въ Россіи половина женъ побросаютъ мужей!—возражали ему.

И пускай. Это мужьямъ будетъ острастка. Будутъ лучше обращаться съ женами.

— Но развѣ могутъ вообще законы воспитывать людей?

А допускаете же вы, надѣюсь, что законы могутъ предупреждать преступленія?

М. Н—скій.

L. Покровительство злымъ и беззащитность добрыхъ.

„Судебная Газета" отмѣчаетъ весьма существенный пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ, которое хотя и дастъ мужу большія права на жену, но въ то-же время нисколько не ограждаетъ его интересовъ отъ притязаній жены.

„Чтобы оцѣнить по достоинству современную постановку вопроса о разводѣ, говоритъ газета, слѣдуетъ имѣть въ виду, что легкомысленная жена въ любой моментъ можетъ по собственному желанію вернуться къ мужу, требовать удаленія новой семьи его, слѣдовательно честной его подруги и главное невинныхъ его дѣтей, а также предъявлять въ случаѣ смерти мужа претензіи къ его имуществу на правахъ его законной супруги, хотя она меньше всего соблюдала все это долгое время своихъ странствованій обязанности супруги.

„И вотъ въ одно прекрасное утро къ мужу, окруженному своей семьей, съ которой онъ сжился за столько лѣтъ, возвращается его жена съ законными претензіями, требуетъ удаленія семьи, пріюта и денегъ, а въ случаѣ отказа мужа—предъявляетъ къ нему искъ о дачѣ содержанія, который судъ не медлитъ признать подлежащимъ удовлетворенію.

„Въ результатѣ— пострадавшая истинная семья мужа и торжествующая законная его жена, которая именно не была для мужа подругой и супругой.

„Конечно бываютъ и случаи, когда несчастными оказываются жены, а торжествующими бѣглые мужья, которые внезапно возвращаются къ женамъ и требуютъ ихъ къ себѣ, опираясь на законъ.

„Во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ оказываетъ поддержку сторонѣ неправой и попираетъ интересы правой, а такъ какъ законъ долженъ дѣлать какъ разъ обратное, то мы и находимъ, что нашъ законъ о разводѣ требуетъ коренного преобразованія, ибо иначе онъ достигаетъ прямо противоположной цѣли".

Исторія съ Лаврецкимъ въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ" можетъ служить яркой иллюстраціей къ этой замѣткѣ! Только законъ о разводѣ здѣсь совершенно ни при чемъ. Важно установить законодательнымъ путемъ порядокъ, при которомъ супруги, прекращающіе въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ совмѣстную жизнь, имѣли бы возможность точно и навсегда установить свои личныя и имущественныя отношенія. Внесенный года три назадъ въ Государственный Совѣтъ проектъ о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ имѣлъ этотъ вопросъ въ виду и рѣшилъ его вполнѣ удовлетворительно. Къ сожалѣнію, проектъ этотъ продолжаетъ оставаться проектомъ, несмотря на то, что уже обсуждается нѣсколько лѣтъ. А между тѣмъ жизнь не ждетъ, и вырабатываемыя этой жизнью новыя требованія не укладываются уже въ старыя рамки. Нужно, впрочемъ, отдать справедливость суду. За послѣднее время онъ началъ толковать права и обязанности супруговъ значительно шире. („Н. Вр.", № 8986. „Среди газетъ и журналовъ").

Болѣзни безъ леченія.

I.

Все живое болѣетъ. Камни не болятъ, но это потому, что они и не живы. Претендовать на болѣзни, говорить: „болишь—и боли, самъ виноватъ“, значитъ протестовать противъ самой сущности жизни. Медицина не тѣмъ сильна и не потому есть благородное и любимое человѣкомъ дѣло, что наказывала больныхъ или поставовляла приговоръ: „захворавшій всегда самъ захворалъ, а потому долженъ самъ и расплачиваться“, а потому, что начиная съ Гиппократа и кончая Пастёромъ склонялась около ложа больного, думала, вникала, искала средствъ и наконецъ воздвигла умственное зданіе, которому мы удивляемся. Если-бы то-же было и съ семьей... и здѣсь мы имѣли-бы давно Пастёровскую мудрость, а не элементарные пріемы Гиппократа, каковыми въ сущности до сихъ поръ пробавляемся.

Въ одесскомъ окружномъ судѣ только что кончилось дѣло пожилой крестьянки Анны Колесниченковой, матери нѣсколькихъ дѣтей, обвинявшейся въ нанесеніи мужу смертельныхъ побоевъ. Суть его проста; суть его даже часта; обыкновенна, какъ до извѣстной степени обыкновенна инфлюенца. Она прожила уже съ мужемъ своимъ тридцать лѣтъ, и всѣ эти долгіе годы были для нея однимъ непрерывнымъ мученіемъ и истязаніемъ. Рѣдко мужъ ея Лаврентій приходилъ домой трезвымъ и въ пьяномъ состояніи избивалъ ее чѣмъ попало. Не избавлялись отъ побоевъ и дѣти. Долго терпѣла Анна и стала наконецъ жаловаться сельскимъ властямъ на свою судьбу. Власти оказались хорошими, приняли скорбь женщины во вниманіе: но, не имѣя правъ административнаго или юридическаго вмѣшательства въ распорядокъ семейной жизни, хотя-бы въ послѣдней и готовилась уголовщина, примѣняли къ Лаврентію только увѣщанія, которыя никакого дѣйствія не имѣли и только еще болѣе раздражали мужа, пьяницу,

шатуна и можетъ-быть изъ вырождающагося типа неврастениковъ. 5-го іюня этого лѣта онъ пришелъ къ ночи домой и сталъ требовать ужина. Жена подала ему кашу, борщъ, и Лаврентій сталъ ѣсть. Ложась спать, Лаврентій сталъ придираться къ женѣ и заявилъ ей, что убьетъ ее. Терпѣливая женщина смолчала мужу, но когда послѣдній сталъ раздѣться, она схватила лежавшую на столѣ деревянную скалку и ударила ею по головѣ мужа, отчего произошло кровоизліяніе въ мозгу, отъ котораго несчастный умеръ. Привлеченная къ отвѣтственности, Анна все время на судѣ плакала и указала присяжнымъ засѣдателямъ, что все тѣло ея въ синякахъ, а три ребра и правая рука поломаны. На судѣ она была оправдана присяжными.

Старо, читатель, какъ лихорадка. Но противъ лихорадки поискали и нашли въ Чили хину. Есть алкоголики, тоже „сами виноватые въ слабости", но и для тѣхъ сострадательное человѣчество придумало какія-то санаторіи. Вообще, гдѣ болѣютъ, тамъ и думаютъ. Одна была у насъ несчастная область, семья, которой въ утѣшеніе и всяческое излеченіе говорили и даже съ окрикомъ: „не смѣй хворать"! А на попытки жалобы отвѣчали: „не смѣй, не допускаемъ и мысли о болѣзни, до того тебя любимъ: ходи румяною и показывай намъ веселый видъ". Послѣ вѣковъ маяты придумать наконецъ былъ Гиппократовскій рецептъ: пусть губернаторъ, полиціймейстеръ выдаетъ такимъ особенно несчастнымъ жертвамъ семейнаго „домостроя" видъ на отдѣльное отъ мужа жительство. Анна Колесниченкова не обратилась къ властямъ за такимъ отдѣльнымъ видомъ. Мнѣ кажется, что мы здѣсь имѣемъ случай крайней застарѣлости болѣзни, запущенности. Прожили тридцать лѣтъ, много дѣтей и Анна уже не хотѣла уйти, да ей и некуда можетъ быть уйти. Можетъ быть наконецъ она не хотѣла уйти безъ дѣтей, оставивъ ихъ на произволъ такого драчуна и пьяницы мужа.

Можно порадоваться рѣшенію Сената о выдачѣ паспортовъ помимо согласія мужа. Будь это тридцать лѣтъ назадъ, Лаврентій, въ виду угрозы лишиться жены, и удержался-бы, не распустился до полнаго безобразія. Безнаказанность великая вещь и она-то, обезпеченная за мужемъ (какъ равно и за женою въ сущности), и дозволила обѣимъ сторонамъ въ супружествѣ распуститься въ семьѣ до такой степени, какъ не распускаются люди на улицѣ, въ кабакѣ и каторгѣ. Въ самомъ дѣлѣ, поставьте законъ, что ни за какое безобразіе на улицѣ никто не будетъ наказанъ, и вы уличную жизнь превратите въ ужасъ. Въ ужасъ превратилась и семейная жизнь: тамъ, гдѣ для этого были причины, пала болѣзнь, упорно не лечимая. Такое брошенное положеніе, кажется созданное въ интересахъ „охраненія семейнаго благополучія", конечно не улучшая положенія прекрасныхъ и безъ всякаго охра-

нія семи, углубило несчастіе несчастныхъ семей до невозможности. Новый законъ о раздѣльномъ жительствѣ вовсе не спасетъ только отъ несчастій и преступленій столько-то семей въ странѣ: онъ, сдерживая мужскую сторону, по крайней мѣрѣ съ этой стороны введетъ внутреннюю духовную дисциплину, укрѣпитъ волю и разовьетъ инстинкты спокойствія, регулярности, терпѣнія и проч. Въ отношеніи женъ, разумѣется, такимъ дисциплинирующимъ средствомъ было-бы параллельное праву на „раздѣльное жительство" предоставленіе мужу болѣе обширныхъ правъ на разводъ, т. е. большаго количества нравственныхъ и бытовыхъ мотивовъ требовать черезъ судъ развода.

II.

Легенды вырастаютъ тамъ, гдѣ нѣтъ опредѣленной и твердой почвы. И еще онѣ растутъ тамъ, гдѣ есть ожиданія, пожеланія, и есть для нихъ отпоръ Выдача крестьянкамъ отдѣльныхъ видовъ на жительство мѣстными административными властями, помимо согласія ихъ мужей, опирающаяся на извѣстное разъясненіе Сената, встрѣтила при самомъ же своемъ началѣ рѣзкую недоброжелательную критику въ „Моск. Вѣд.", которыя усмотрѣли въ такомъ ограниченіи правъ мужа посягательство на авторитетъ и цѣлость семейнаго стариннаго уклада. Къ рѣзкой критикѣ данной мѣры присоединяется названная газета довольно естественное удивленіе, почему крестьянки пользуются привилегіею, которой нѣтъ у другихъ, и, прибавимъ, недостатокъ которой отражается слезами и иногда кровью въ этихъ другихъ сословіяхъ.

Рѣдкій день газетная хроника не зарегистрировываетъ случаевъ безчеловѣчія въ семьѣ. Но въ то время, какъ права родителей, въ случаяхъ жестокаго ихъ обращенія съ дѣтьми, ограничиваются или даже вовсе каспируются закономъ и администраціею, и никто не видитъ въ этомъ посягательствѣ на „святость семьи", права мужа не ограничиваются ни по какимъ причинамъ и никакою мѣрою жестокости въ обращеніи съ женою, грубости, а также безпутства, лѣни и праздношатанства; т. е. всѣ эти жестокости не выходятъ изъ *законодательной* „нормы" семьи. Однако можно удивиться, почему лишить родителей права на дѣтей не значитъ „потрясти авторитетъ родительской власти": а лишить мужа, иногда почти безумнаго, нравственно-больного, правъ на разумную и нравственную женщину—значитъ „потрясти авторитетъ мужниной власти". Казалось бы, авторитетъ родителей никакъ не ниже авторитета мужа. Но тутъ явная беззащитность дѣтей, и наконецъ представленіе о ихъ невинности пробудило состраданіе общества и закона, которое устранило колебанія.

Нужно ли одинаково припоминать знаменитыя литературныя

произведенія и наконецъ всѣмъ извѣстную будничную практику, что жена въ рукахъ мужа, если имъ случится быть человѣку хитрому, жестокому и ненавидящему жену, бываетъ еще печальнѣе и беззащитнѣе положенія ребенка? Случаевъ дѣтоубійства по жестокости почти нѣтъ, а женоубійства—часты. Неужели неизвѣстны никому случаи, что мужъ, влюбясь въ другую женщину и желая на ней жениться, отдѣлывается отъ жены, изводитъ ее, и что побои и истязанія есть только замаскированная форма убійства? И неужели мы будемъ защищать это хроническое и медленное женоубійства, какъ „охраненіе авторитета мужа“?

Между тѣмъ законъ, давшій привилегію крестьянкамъ—пожаловаться и получить отдѣльный видъ на жительство, и обошедшій этимъ правомъ другія сословія, и именно городскія, наиболѣе грубыя, жестокія, корыстныя, нервно-расшатанныя, тѣмъ самымъ молчаливо допускаетъ таковыя отношенія къ женщинѣ. Ребенокъ никогда не можетъ стоять поперекъ родительскаго счастья. Убить или извести его никогда не можетъ быть расчета. Между тѣмъ жена, стоящая поперекъ проектированнаго „счастья“ изверга-мужа, есть крайне возможное явленіе, есть явленіе дѣйствительное. И кто же защититъ ее, когда родителей нѣтъ, когда они далеко, когда жена запугана до парализованности? Кто не знаетъ случаевъ, правда рѣдкихъ, многолѣтняго одиночнаго заключенія женъ мужьями въ комнату на запоръ безъ права выѣзда и выхода? Все это на глазахъ у всѣхъ, въ памяти у всѣхъ. И вполнѣ удивительно, что законъ какъ-будто не предвидитъ этихъ коллизій и судитъ все post hoc, а не ante hoc.

Вотъ почему добрая мѣра относительно крестьянокъ-женъ должна бы изъ привилегіи превратиться въ общій законъ, имѣющій равно подъ своимъ покровительствомъ всѣ сословія. Тогда гипотеза перешла бы въ фактъ и около него не нарастали бы легенды. Взглядъ государства ясно-бы выразился, что жена дается мужу для любви и уваженія, а мужъ есть покровитель ея, защитникъ. И что разъ эта норма съ которой-нибудь стороны нарушается самими супругами, между ними появляется государство, и судятъ собственно не супруговъ,—ибо какое же тутъ остается супружество, а *сожартіантовъ*, предупреждая между ними уголовщину. Можно быть увѣреннымъ, что это вмѣшательство государства заставило бы очнуться нашихъ распущенныхъ мужей и женъ и сознать, что семья есть святая территорія, имѣющая опредѣленныя границы.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

LI. „Церковный Вѣстникъ"—о разводѣ.

1. Неудовлетворительность бракоразводнаго процесса въ Духовномъ судѣ.

Вопросъ о бракѣ и переустройствѣ семейной жизни, можно сказать, не сходитъ со столбцовъ повременныхъ изданій. Въ разсужденіяхъ по данному вопросу высказывается стремленіе предложить соображенія для лучшаго уврачеванія недуговъ въ современныхъ отношеніяхъ супруговъ и устраненія недочетовъ въ нашемъ законодательствѣ по брачному праву. Главная причина и какъ бы корень всѣческихъ построеній въ супружеской жизни и супружескихъ отношеніяхъ указуются въ томъ, что наше брачное законодательство, рабски подчинившись каноническому праву, заимствовало изъ него идеи, которыя, безусловно требуя благословенія церкви, для дѣйствительнаго заключенія законнаго брака, предписываютъ неразрывность супружескаго сожитія на всю послѣдующую жизнь. Усматривая въ такомъ требованіи стѣснительныя условія для половыхъ влеченій и свободной любви [1]), долженствующихъ лежать въ основѣ супружескихъ отношеній, современные публицисты усиливаются предложить гражданскій бракъ, заключаемый при посредствѣ договора, на мѣсто освящаемаго таинственнымъ благословеніемъ церкви супружества, и узаконить свободный разводъ по требованію показаній естественнаго чувства, а не по разуму предписаній положительнаго закона. При неудержимости своихъ сужденій, публицисты доходятъ до стадіи осужденія церкви и ея предстоятелей, будто бы произвольно и безъ нужды установившихъ стѣснительныя условія заключенія брака и

[1]) Да вовсе не къ этому люди рвутся, напрасно клевещете. Вотъ Терская („Анна Кар."), живя при мужѣ съ выѣзднымъ лакеемъ, развода не просила и въ немъ не нуждалась. Напротивъ, запрещеніе-то (мужу) развода ее и обезпечивало въ свободной любви. *В. Р—ва.*

возводящихъ ученіе о бракѣ до высоты таинственнаго сопряженія. Они негодуютъ и на духовные суды за то, что они будто бы, по произволу, держатся строгихъ воззрѣній на расторженіе брака, устраняя возможность облегчительныхъ въ семъ отношеніи пріемовъ. Если дѣйствительно христіанская церковь, изъ вѣрности ученію Самого Христа Спасителя и Его апостоловъ, только въ благословленномъ ею бракѣ [1]) видитъ чистый и безпорочный союзъ мужа и жены, сопрягающій ихъ въ безукоризненное плотское общеніе, то она никакъ не можетъ признать такимъ же сопряженіемъ основаннаго на одномъ страстномъ „прилѣпленіи" половъ бракообщенія супруговъ. Таинственная, подсказываемая ученіемъ христіанства, сущность церковнаго брака въ томъ и заключается, что она грѣховныя и вмѣстѣ страстныя вожделѣнія претворяетъ въ чистыя и вмѣстѣ мирныя соотношенія [2]), и плотскій союзъ мужа и жены, основанный на половыхъ влеченіяхъ, дѣлаетъ союзомъ духовнымъ, благословляемымъ Богомъ [3]). Посему и всѣ сужденія, направленныя къ отрицанію церковнаго брака, должны быть признаны неумѣстными, разрушающими основы христіанскаго супружества. Иначе можно разсуждать по вопросу допускаемаго церковію расторженія брака. При допущеніи возможности расторженія брака, главная сущность сего вопроса заключается въ томъ, чтобы имѣть твердыя и болѣе вѣрныя гарантіи для возможно правильнаго и безошибочнаго установленія причины, которою нарушается бракъ и которая служитъ законнымъ основаніемъ для развода. Обслѣдованіе этой причины, конечно, можетъ и не составлять обязательнаго дѣйствія духовнаго суда, какъ суда церкви, имѣющей свою санкцію признать бракъ нарушеннымъ въ самой его основѣ и разрушеннымъ въ самой его сущности. Это обстоятельство подастъ поводъ къ размышленію: не слѣдуетъ ли освободить духовный судъ отъ производства бракоразводныхъ дѣлъ?

Судопроизводство по дѣламъ бракоразводнымъ, до изданія Устава духовныхъ консисторій, 27 марта 1841 г., не имѣло особыхъ опредѣленныхъ правилъ. Нѣтъ этихъ правилъ и въ Корм-

[1]) Отчего-же до начала IV-го вѣка церковь не „благословляла" ихъ? Очевидно, она вовсе не видѣла данныхъ для этого въ ученіи І. Христа и апостоловъ. Да тамъ ихъ и нѣтъ, ибо, посылая въ міръ учениковъ, Христосъ нигдѣ не выразился: „шедше—сопрягайте брачныя пары". А не повелѣлъ Онъ этого ученикамъ—не повелѣлъ и церкви, преемницѣ правъ-апостольскаго посланничества въ міръ. *В. Р—въ.*

[2]) Значитъ, какая-бы злоба и гадость ни „претворенія" ни творилась, все будетъ „чисто и свято"?! Вотъ и ясная причина семейныхъ настроеній—этотъ взглядъ! *В. Р—въ.*

[3]) Да онъ *въ раю* благословленъ, до грѣхопаденія. Но вы вотъ *это*-то благословеніе и спрятали или обозвали „нынѣ не дѣйствующимъ". *В. Р—въ.*

чей книгѣ, ни въ постановленіяхъ соборовъ, посланіяхъ и правилахъ пастырей нашей русской отечественной церкви. Отсутствіе каноническихъ процессуальныхъ правилъ служило причиною того, что въ старину искавшіе развода супруги и не обращались къ святительскому суду, а, довольствуясь разрѣшеніемъ своего духовнаго отца, расторгали свои супружества. Слѣды такого порядка вещей наблюдаются не только до, но и послѣ временъ Петра Великаго, какъ видно изъ указовъ Св. Синода отъ 11 декабря 1730 г. и отъ 10 іюля 1767 г. Въ послѣднемъ изъ сихъ указовъ удостовѣрено: „изъ производимыхъ въ Св. Синодѣ дѣлъ усмотрѣно, что въ епархіяхъ обыватели многіе отъ живыхъ женъ, а жены отъ живыхъ мужей въ бракъ вступаютъ, не безъизвѣстно же, что и распускныя письма священно-и церковно-служители имъ пишутъ". Св. Синодъ рѣшительно возбранилъ этотъ непорядокъ, запретивъ священно-и церковно-служителямъ, подъ опасеніемъ суда и лишенія ихъ сана, подъ какимъ бы то ни было видомъ и кому бы то ни было, писать разводныя письма. Общимъ же порядкомъ судопроизводства было то, что сужденіе о наличности законной причины для развода, а вмѣстѣ и самое расторженіе брака принадлежали епархіальному архіерею, каждому въ его епархіи. Этотъ-же порядокъ существовалъ и въ начальный синодальный періодъ. Въ 1805 г. Высочайше было повелѣно дѣла о разводѣ вершить не иначе, какъ съ разсмотрѣнія и утвержденія Св. Синода.

Доказательствами, на которыхъ консисторія должна основывать свое сужденіе касательно развода, Уставомъ духовныхъ консисторій (ст. 249) указываются: 1) показанія двухъ или трехъ очевидныхъ свидѣтелей и 2) прижитіе дѣтей внѣ законнаго супружества, доказанное метрическими актами и доводами о незаконной связи съ посторонним лицомъ. Затѣмъ прочія доказательства, какъ-то: письма, обнаруживающія преступную связь отвѣтчика, показанія свидѣтелей, не бывшихъ очевидцами преступленія, но знающихъ о томъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ или по слухамъ, показанія обыскныхъ людей о развратной жизни отвѣтчика и другія тогда только могутъ имѣть свою силу, когда соединяются съ однимъ изъ главныхъ доказательствъ, или же въ своей совокупности обнаруживаютъ преступленіе. На основаніи этого правила, если два или три свидѣтеля подъ присягою покажутъ, что они видѣли такого-то супруга въ самомъ актѣ преступленія, то судъ не имѣетъ права не принять ихъ показанія за совершенное доказательство (ст. 1043), хотя бы судьи и были убѣждены въ лживости свидѣтельскихъ показаній. Узкость подобнаго требованія была осуждена Государственнымъ Совѣтомъ, который въ одномъ изъ своихъ журналовъ по преобразованію общей судебной части высказалъ слѣдующее сужденіе: „кому неизвѣстны послѣдствія дѣйствующей на судѣ духовномъ узкой теоріи доказательствъ по

дѣламъ о прелюбодѣяніи; дѣйствительно виновные признаются не изобличенными потому только, что не были застигнуты на мѣстѣ преступленія нѣсколькими свидѣтелями, а тѣ, которые никогда не нарушали супружеской вѣрности, признаются прелюбодѣями, потому что, потерявъ всякое терпѣніе отъ распутной жизни своихъ женъ, вступили съ ними въ сдѣлку и приняли на себя вину съ подготовкою для того надлежащей свидѣтельской обстановки". Въ отношеніи къ показаніямъ обыскныхъ людей о развратной жизни отвѣтчика, Св. Синодъ разъяснилъ, что „эти показанія, въ смыслѣ второстепеннаго доказательства, могутъ имѣть мѣсто на духовномъ судѣ въ томъ случаѣ, если объ отвѣтчикѣ по производящемуся о немъ дѣлу по гражданскому вѣдомству былъ уже учиненъ, по распоряженію надлежащихъ властей того вѣдомства, повальный обыскъ; въ такомъ случаѣ добытыя на этомъ обыскѣ показанія могутъ быть приняты въ соображеніе и духовнымъ судомъ при разсмотрѣніи бракоразводнаго дѣла; но по распоряженію духовнаго суда не можетъ быть производимо повальнаго обыска" (цирк. ук. Св. Синода 28 августа 1892, № 8). Такимъ образомъ, если принять въ соображеніе сущность процессуальныхъ правилъ, дѣйствующихъ въ духовномъ судѣ, при разсмотрѣніи и разрѣшеніи исковъ о разводѣ по нарушенію супружеской вѣрности: то необходимо согласиться, что приговоры сего суда, основываемые въ большинствѣ случаевъ на показаніяхъ двухъ или трехъ свидѣтелей-очевидцевъ, постановляются на показаніяхъ, даваемыхъ иногда по предварительной сдѣлкѣ.

Можно усматривать своего рода недочеты въ законахъ о производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ по другимъ причинамъ. II—прежде всего по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ. По требованію этихъ правилъ, главными способами для суда къ открытію мѣста нахожденія безвѣстно-отсутствующаго супруга и удостовѣренію въ безвѣстномъ его отсутствіи, служатъ отзывы о безвѣстно-отсутствующемъ родителей, родственниковъ и другихъ лицъ, на коихъ укажетъ проситель и которыя могутъ имѣть ближайшія свѣдѣнія объ отсутствующемъ супругѣ. Для полученія такихъ отзывовъ консисторія посылаетъ упомянутымъ лицамъ повѣстки чрезъ полицейскія управленія. Законъ не устанавливаетъ ни срока выполненія сего требованія, ни отвѣтственности за неисполненіе. При такомъ положеніи консисторія остается въ неизвѣстности, продолжать ли дѣло безъ затребованныхъ отзывовъ, или пріостановить производство. Мало гарантіи для успѣшнаго розыска безвѣстнаго отсутствія представляетъ и напечатаніе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ", издаваемыхъ при Св. Синодѣ.

Въ отношеніи къ расторженію браковъ за ссылкою одного изъ супруговъ въ Сибирь введено важное измѣненіе тѣмъ, что ссыльнымъ предоставлено право просить о расторженіи ихъ прежняго

брака и о вступленіи въ новый бракъ. Условія и порядокъ сего изложены въ Высочайшемъ повелѣніи 14 декабря 1892 г., вошедшемъ въ подлежащія подраздѣленія Свода Законовъ. Выраженныя въ семъ законѣ правила расторженія прежняго и заключенія новаго брака ссыльными, гармонируя съ условіями соціальнаго быта ссыльно-каторжныхъ и поселенцевъ, находятся въ нѣкоторой непослѣдовательности съ общими постановленіями о послѣдствіяхъ расторженія брака для разведенныхъ супруговъ.

При расторженіи брака по неспособности одного изъ супруговъ къ брачному сожитію, основаніемъ для развода принимается неспособность природная, засвидѣтельствованная врачебнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія.

Изъ сказаннаго ясно видно, что духовный судъ не безъ основанія подвергается нареканіямъ за неудовлетворительность бракоразводнаго его процесса. Процессъ этотъ, въ главныхъ его частяхъ, будучи основанъ на правилахъ „Устава духовныхъ консисторій", оказывается въ настоящее время устарѣлымъ и безпочвеннымъ. Бракоразводный процессъ нуждается въ своемъ улучшеніи, какъ и самый „Уставъ духовныхъ консисторій" требуетъ своего обновленія, оказываясь устарѣлымъ и отсталымъ даже при сравненіи съ вновь начертанными правилами по разнымъ частямъ духовнаго управленія. Обновленіе „Устава духовныхъ консисторій" можетъ послѣдовать не иначе, какъ чрезъ замѣну его совершенно новымъ церковнымъ уложеніемъ, имѣющимъ объединить всѣ разрозненныя функціи церковной власти въ единствѣ ихъ направленія и цѣлей дѣятельности. Что же касается собственно бракоразводнаго процесса, то относительно его улучшенія можно имѣть особое сужденіе, которому и посвятимъ дальнѣйшія размышленія.

2. Необходимость участія въ бракоразводныхъ дѣлахъ свѣтскаго суда.

Неудовлетворительность бракоразводнаго процесса, дѣйствующаго въ духовномъ судѣ, заставляетъ поставить вопросъ объ устраненіи этого неудобства. Вопросъ этотъ издавна занималъ и теперь занимаетъ духовное и свѣтское правительства. Единственно надежною и вмѣстѣ радикальною въ этомъ отношеніи мѣрою издавна и всегда признавалась необходимость участія въ бракоразводныхъ дѣлахъ свѣтскаго суда. Прошедшее представляетъ рѣшенія поставленнаго вопроса въ указанномъ направленіи.

При составленіи въ 1809 г. проекта „Гражданскаго уложенія", положенія сего проекта о разводѣ, какъ объяснилъ Государственному Совѣту директоръ коммиссіи М. М. Сперанскій, были составлены сообразно наказу, который Св. Синодъ въ 1767 г. далъ своему депутату для предъявленія въ „Коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія". Въ проектъ Сперанскаго упомянутыя положенія

гласили слѣдующее: „Развода просить могутъ одни только сами лица, бракомъ сопряженныя. Явное и доказанное прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ даетъ другому право просить развода. Вина прелюбодѣянія должна быть предварительно изслѣдована и доказана въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ, а потомъ уже, по сообщеніи судебнаго приговора духовному начальству и по требованію стороны невинной, постановляется приговоръ о разводѣ. Примиреніе супруговъ во всѣхъ случаяхъ пресѣкаетъ всякій дальнѣйшій искъ. Для сего во всѣхъ случаяхъ разводу по прелюбодѣянію должно предшествовать духовное увѣщаніе, которое, если не подѣйствуетъ, то супруги прежде развода разлучаются на годъ отъ стола и ложа. По истеченіи года, если не будетъ примиренія, то разводъ совершается безъ новаго слѣдствія по единой просьбѣ лица невиннаго. Бракъ не можетъ быть возстановленъ между разведенными супругами".

При обсужденіи приведенныхъ правилъ, Св. Синодъ въ своемъ заключеніи, представленномъ Государственному Совѣту отъ лица четырехъ своихъ членовъ, призналъ необходимымъ, чтобы дѣла о разводахъ по винѣ прелюбодѣянія были производимы въ духовномъ судѣ, какъ было при патріархахъ и со времени учрежденія Св. Синода. Департаментъ законовъ, признавая съ своей стороны неудобнымъ допустить, чтобы судъ о ничтожности браковъ начинался и оканчивался въ одномъ духовномъ управленіи, предлагалъ на уваженіе слѣдующія затрудненія: „всѣ вины, полагаемыя къ разводу, составляютъ въ существѣ своемъ гражданское преступленіе: таково есть покушеніе на жизнь, ложный доносъ въ уголовномъ дѣлѣ, побѣгъ жены и, наконецъ, самое прелюбодѣяніе входитъ въ составъ преступленій, общимъ уголовнымъ уложеніемъ опредѣляемыхъ". Это основаніе совершенно признано и Святѣйшимъ Синодомъ. Въ 3 пунктѣ Наказа его именно сказано: „за прелюбодѣйство по ветхому закону положена смерть, въ гражданскихъ же царскихъ законахъ, вмѣсто смерти, положены другія казни: то и нынѣ представить оное на Высочайшее соизволеніе". Департаментъ законовъ порядокъ производства по дѣламъ бракоразводнымъ полагалъ установить такимъ образомъ: 1) всѣ жалобы по прелюбодѣянію съ цѣлью развода должны быть приносимы въ началѣ духовному начальству; 2) духовное начальство, по разсмотрѣніи дѣла, предложитъ способы примиренія супругамъ и надлежащія увѣщанія; 3) если увѣщанія не подѣйствуютъ, то отсылать ихъ къ гражданскому суду, гдѣ и разсматривается дѣло порядкомъ, законами установленнымъ; 4) гражданскій судъ, изслѣдовавъ преступленіе и не постановляя о разводѣ, представляетъ дѣло для вершенія въ Святѣйшій Синодъ; 5) по разсмотрѣніи дѣла въ Св. Синодѣ полагается рѣшительное опредѣленіе, отвергающее или допускающее разводъ; 6) въ преступленіяхъ другаго рода, какъ-то: въ покушеніи на жизнь и прочее, поелику никакія увѣщанія не были бы

умѣстны, жалобы приносить прямо въ гражданскій судъ и дѣло производить установленнымъ порядкомъ: 7) когда слѣдствіе и судъ будутъ окончены, тогда невинная сторона начинаетъ искъ о разводѣ и приноситъ прошеніе по духовному начальству, которое, по сообщеніи ему судебнаго приговора, разсмотрѣвъ дѣло, чинитъ приговоръ объ отверженіи развода, или допущеніи. Установленіемъ настоящаго порядка въ производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ департаментъ законовъ имѣлъ въ виду проектировать, чтобы гражданское вѣдомство судило о прелюбодѣяніи, какъ преступленіи уголовномъ, а духовное о разводѣ, какъ послѣдствіи преступленія.

Нелишне прибавить, что такимъ же порядкомъ департаментъ законовъ полагалъ производить и дѣла о недѣйствительности браковъ на томъ основаніи, что поводы для признанія браковъ недѣйствительными также гражданскаго характера. Департаментъ изъяснялъ: „вины, уничтожающія бракъ, суть болѣе вины гражданскія, нежели духовныя. И—напримѣръ недостатокъ положенныхъ лѣтъ, несогласіе родителей, обличенное судомъ прелюбодѣяніе, самыя даже степени близкаго родства, все это суть препятствія, установленныя болѣе гражданскимъ, нежели духовнымъ закономъ. Вины сіи были пріемлемы основаніемъ къ уничтоженію браковъ въ самыхъ древнихъ законодательствахъ и прежде, нежели еще основалось каноническое право. Если же вины сіи суть гражданскія, то нельзя исключительно разсматривать ихъ въ мѣстахъ духовныхъ и вовсе устранить отъ нихъ дѣйствіе гражданской власти". На семъ основаніи департаментъ законовъ находилъ, чтобы слѣдствіе о причинахъ ничтожности браковъ производимо было въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ, а вершеніе дѣла и окончательное опредѣленіе, должно ли бракъ считать ничтожнымъ, предоставлены духовной власти, согласно правиламъ о разводѣ.

При разсмотрѣніи предначертанныхъ правилъ о разводѣ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, большинство его членовъ, въ числѣ 17, согласилось съ предположеніями Департамента законовъ. Но при разсужденіяхъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, князь Голицынъ, сталъ изъяснять, что всѣ статьи о расторженіи браковъ, или о разводѣ, должны быть исключены изъ гражданскаго уложенія, и что редакція сихъ статей должна быть установлена согласно только опредѣленію Св. Синода. Съ мнѣніемъ Голицына согласились 10-ть членовъ Государственнаго Совѣта. Оставшись въ меньшинствѣ, князь Голицынъ, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, продолжая поддерживать и защищать свои возврѣнія, представилъ Совѣту особое мнѣніе, въ которомъ между прочимъ развивалъ: „такъ какъ бракъ есть таинство нашей церкви, то существующія правила, какими руководствуются при расторженіи его, должны быть древнія и духовныя, равно какъ для отличія отъ прочихъ таинствъ. Для уразумѣнія сего нужно обратиться къ первымъ вѣкамъ христіанства, какія церковь принимала причины для разводовъ брачныхъ". Сдѣлавъ засимъ ссылку на Евангеліе и приведя мѣста (Мо. V, 22, XIX,

3—9), Голицынъ продолжалъ: „сіи два текста суть основанія, которыми церковь руководствовалась какъ въ первые вѣка, такъ и по отдѣленіи отъ нея Западной, что наблюдаемо было въ Россіи, по введеніи въ оную христіанства какъ до патріарховъ, такъ и во время патріаршаго правленія церковію. Въ Св. Синодѣ также слѣдовали и донынѣ слѣдуютъ вышеупомянутымъ текстамъ, какъ кореннымъ законамъ. Противнаго же оныхъ постановленія Св. Синодъ не имѣлъ права никогда дѣлать". Изъяснивъ далѣе, что настоящее дѣло не требуетъ спѣшности, ибо оное много вѣковъ производилось на противныхъ новому положенію началахъ, Голицынъ просилъ Государственный Совѣтъ постановить слѣдующее: „исключить изъ Гражданскаго уложенія всѣ статьи о разводахъ, сказавъ, что онѣ остаются на старыхъ основаніяхъ въ духовномъ вѣдомствѣ; предоставить Св. Синоду составить проектъ правилъ формы духовнаго суда для просящихъ развода и внести въ Государственный Совѣтъ; по Высочайшемъ утвержденіи таковой формы производить по ней разводныя дѣла въ одномъ только духовномъ вѣдомствѣ; оставить основаніемъ для развода одно только прелюбодѣяніе; всѣ же прочія причины, принимаемыя Государственнымъ Совѣтомъ за основаніе къ разводу, отнести къ суду гражданскому, и постановить въ Уложеніи правила, какъ приносить по нимъ жалобы съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи сихъ дѣлъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, обиженному лицу было предоставлено право просить въ духовномъ вѣдомствѣ, но не о расторженіи брака, а о разножитіи на основаніи словъ св. апостола Павла: „аще ли же разлучится жена, да пребываетъ безбрачною, или да смирится съ мужемъ своимъ".

3. Проекты производства бракоразводныхъ дѣлъ.

Св. Синодъ, настаивая передъ Государственнымъ Совѣтомъ въ лицѣ своего оберъ-прокурора, князя А. Н. Голицына, объ исключеніи изъ проекта гражданскаго уложенія правилъ о расторженіи брака по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ, принималъ на свою обязанность составить таковыя правила и внести въ Государственный Совѣтъ для разсмотрѣнія и утвержденія въ законодательномъ порядкѣ. Обязательство это осталось неисполненнымъ обѣщаніемъ.

Одно изъ многочисленныхъ въ этомъ родѣ попытокъ была предпринятая въ 70-десятыхъ годахъ, по поводу усмотрѣнныхъ недостатковъ въ духовномъ судѣ, дѣйствующемъ на основаніи „Устава духовныхъ консисторій". 12 января 1870 г. Высочайше былъ учрежденъ Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Макарія, впослѣдствіи митрополита московскаго, изъ профессоровъ и юристовъ—теоретиковъ и практиковъ. Комитетъ пришелъ къ мысли, въ видахъ устраненія двойственности—сосредоточить производство по всѣмъ брачнымъ дѣламъ въ свѣтскомъ судѣ, передавъ въ этотъ судъ и дѣла о расторженіи браковъ по искамъ супруговъ. Желающіе расторженія брака какъ по неспособности одного изъ супруговъ къ брачной жизни, такъ и по нарушенію святости брака прелюбодѣяніемъ, обращаются съ просьбами къ епархіаль-

ному архіерею, который дѣлаетъ распоряженіе объ увѣщаніи супруговъ, чтобы они примирились и оставались въ брачномъ союзѣ. Если же увѣщанія не достигнутъ цѣли и останутся безуспѣшными, то просившему расторженія брака супругу предоставляется обратиться въ свѣтскій судъ, который и постановляетъ рѣшеніе о наличности причины расторженія брака, и копію съ своего рѣшенія сообщаетъ епархіальному архіерею, который вновь дѣлаетъ распоряженіе объ увѣщаніи супруговъ къ примиренію, и буде примиренія не послѣдуетъ — распоряжается расторженіемъ брака. Предначертывая передачу бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ, комитетъ так. обр. осторожно относится къ авторитету духовной санкціи въ этихъ дѣлахъ. Комитетъ переноситъ въ свѣтскій судъ изслѣдованіе факта, какъ законнаго повода къ разводу, и постановленіе о наличности этого факта; духовному начальству, именно епархіальному архіерею, и при началѣ и при окончаніи дѣла соотвѣтственно духовному характеру воздѣйствія на разводящихся супруговъ, предоставляется принятіе зависящихъ мѣръ къ примиренію супруговъ.

Не взирая на осторожность проектированнаго Комитетомъ порядка производства бракоразводныхъ дѣлъ, проектъ Комитета, разосланный епархіальнымъ архіереямъ и въ духовныя консисторіи на предварительное заключеніе для обсужденія онаго въ Св. Синодѣ, встрѣтилъ возраженія большинства епархіальныхъ архіереевъ и духовныхъ консисторій и относительно передачи бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ. Возражающіе противъ предположеній комитета соглашаются, что „фактъ прелюбодѣянія, которое служитъ законною причиною развода, удобнѣе можетъ быть обслѣдованъ свѣтскимъ уголовнымъ судомъ, которымъ дѣйствительно и судится во всѣхъ случаяхъ, когда по этой причинѣ требуютъ не расторженія брака, а только наказанія виновнаго супруга; но иное дѣло изслѣдованіе того же факта для цѣли расторженія брака, церковнаго таинства. Церковь, отъ которой требуютъ расторженія брака, не можетъ постановить опредѣленіе на основаніи изслѣдованія, произведеннаго не ея судомъ, не можетъ принять за несомнѣнное доказательство прелюбодѣянія приговоръ другого суда, кромѣ своего собственнаго". Св. Синодъ не выразилъ своего мнѣнія по проекту Комитета; ибо послѣдній не подвергался разсмотрѣнію Св. Синода; относительно же предположенія о передачѣ бракоразводныхъ дѣлъ Св. Синодъ имѣлъ случай высказаться.

Въ 1876 г. по поводу злоупотребленій въ одной изъ консисторій, допущенныхъ при производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ, Государю Императору благоугодно было повелѣть въ особомъ совѣщаніи сообразить: „какія можно принять мѣры противъ подобныхъ злоупотребленій". Состоявшееся во исполненіе сего Высочай-

шаго повелѣнія совѣщаніе, по внимательномъ обсужденіи предложеннаго вопроса, нашло, что чрезъ измѣненіе, согласно начертанному Комитетомъ по преобразованію духовно-судебной части порядку, изъ производства по дѣламъ брачнымъ могли бы быть въ значительной степени устранены тѣ злоупотребленія въ духовныхъ судахъ, для пресѣченія которыхъ Высочайше повелѣно изыскать мѣры. Посему совѣщаніе полагало, что если Св. Синодъ признаетъ возможнымъ измѣнить порядокъ суда по дѣламъ брачнымъ, согласно проекту комитета, въ такомъ случаѣ той части проекта, которая касается дѣлъ брачныхъ, слѣдовало бы дать надлежащее въ законодательномъ порядкѣ дальнѣйшее движеніе отдѣльно отъ прочихъ частей проекта. Св. Синодъ не нашелъ возможнымъ выразить единодушнаго мнѣнія по сему предположенію. Въ то время, какъ одни изъ членовъ полагали возможнымъ измѣнить порядокъ суда по дѣламъ брачнымъ, другіе находили это невозможнымъ. Послѣдніе въ своемъ мнѣніи основывались на слѣдующемъ между прочими соображеніи: „доколѣ бракъ признается таинствомъ церковнымъ, соединяющимъ брачущихся въ одну плоть (Мѳ. XIX, 5) на всю жизнь, при твердой вѣрѣ, что *еже Богъ сочета человѣкъ да не разлучаетъ* (ст. 6), дотолѣ дѣла о расторженіи браковъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, не могутъ быть изъяты изъ вѣдомства суда духовнаго и переданы въ вѣдомство суда свѣтскаго".

Такимъ образомъ возникавшія въ теченіе многихъ лѣтъ попытки къ улучшенію производства бракоразводныхъ дѣлъ чрезъ передачу ихъ въ свѣтскій судъ не имѣли успѣха и не получили осуществленія. Вопросъ этотъ и въ настоящее время стоитъ на рубежѣ, ожидая своего разрѣшенія. Кажется, все уже высказано, что можно было сказать за и противъ рѣшенія поставленнаго вопроса. Остается подвести итоги этимъ, одно другое исключающимъ, сужденіямъ, чтобы получить право и возможность высказать рѣшительное сужденіе по данному вопросу. Для сего необходимо ознакомиться съ одной стороны съ тѣми мотивами, по которымъ передача бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ представляется невозможною и неосуществимою, съ другой—съ тѣми основаніями, по которымъ такая передача признается необходимою и желательною. Къ изложенію этихъ мотивовъ и основаній обратимся въ слѣдующихъ статьяхъ, и прежде всего раскроемъ мотивы за оставленіе бракоразводныхъ дѣлъ въ духовномъ судѣ, которые были высказаны и высказываются съ мыслью сохраненія правъ духовнаго суда въ отношеніи къ дѣламъ бракоразводнымъ.

4. Мотивы за оставленіе бракоразводныхъ дѣлъ въ духовномъ судѣ.

При разсужденіяхъ о настоящемъ предметѣ исходною признается мысль о бракѣ, какъ таинствѣ православной церкви.

Исходя изъ этой мысли, полагаютъ, что бракъ, какъ таинство, можетъ быть: 1) *совершаемъ*, 2) *признаваемъ недѣйствительнымъ* и 3) *расторгаемъ* только единственно *церковною властію*, которая одна имѣетъ право какъ совершать таинства, такъ и опредѣлять — законно или незаконно оно совершено, прекратилось, или не прекратилось дѣйствіе таинства. Посему, какъ и вообще показалось бы страннымъ, если бы не церковь рѣшала вопросъ и производила изслѣдованіе о томъ — дѣйствительно или недѣйствительно извѣстное таинство, и не слѣдуетъ ли вновь повторить его, такъ и въ частности было бы не естественно, если бы свѣтскій судъ производилъ дѣло о неправильности и недѣйствительности, или о продолженіи и прекращеніи таинства брака. Въ настоящемъ случаѣ имѣютъ силу *законы и право церкви*, слѣдовательно должны быть—*ея юрисдикція и судъ*. Исторія всегда слѣдовала этому началу, и бракъ какъ таинство церкви всегда былъ расторгаемъ не иначе, какъ по ея суду. На этомъ основаніи во всей православной и въ частности въ русской церкви бракоразводныя дѣла всегда составляли предметъ вѣдомства церковнаго суда.

Когда проектъ Комитета былъ разосланъ на предварительное разсмотрѣніе епархіальнымъ архіереямъ и духовнымъ консисторіямъ, то они представили свои возраженія противъ передачи бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскіе суды, отстаивая производство ихъ на прежнемъ основаніи. Въ одномъ изъ мнѣній епархіальныхъ преосвященныхъ по сему предмету пишется: „Бракоразводныя дѣла неправильно поставлены въ совмѣстное вѣдомство судовъ духовнаго и гражданскаго. Эти дѣла сначала до конца должны вестись въ судѣ духовномъ. Бракъ, какъ таинство, скрѣпляется церковію; ею же долженъ быть и расторгнутъ: причемъ церковь, сохраняя свое достоинство, не можетъ исполнить только полицейскую должность. Она сама должна знать, что и почему она дѣлаетъ; слѣдовательно должна разсмотрѣть и уяснить себѣ дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. Духовный судъ съ равнымъ удобствомъ можетъ сноситься съ другими вѣдомствами для полученія нужныхъ ему свѣдѣній, приглашать къ себѣ экспертовъ и вообще людей спеціальныхъ, какъ это сдѣлаютъ въ судахъ гражданскихъ, съ тѣмъ же приличіемъ можетъ выслушать неприличное, какъ это сдѣлаетъ и судъ гражданскій. Зачѣмъ же разрушать существующій порядокъ, и естественный и законный". Въ другомъ отзывѣ развивается: „Предположеніе... изъять изъ вѣдомства духовнаго суда всѣ дѣла касательно браковъ и подчинить ихъ суду свѣтскому съ точки зрѣнія церковнаго догмата о таинствахъ и каноническаго права никакъ не можетъ быть допущено. Бракъ есть одно изъ таинствъ св. православной церкви. Въ немъ брачущіеся даютъ священный обѣтъ взаимной вѣрности предъ

алтаремъ Господнимъ, и церковь даетъ свое ручательство [1]) за сію вѣрность, и за тѣмъ добровольный сердечный союзъ брачущихся церковь скрѣпляетъ совершеніемъ таинства браковѣнчанія. Бракъ есть священный договоръ [2]), заключенный при посредствѣ и ручательствѣ церкви чрезъ ея таинство. При такомъ положеніи дѣла, расторженіе брака помимо церкви и суда ея, или изъятіе дѣлъ брачныхъ изъ подъ вѣдомства церковнаго суда, было бы очевиднымъ нарушеніемъ правъ церкви, оскорбленіемъ таинства, ею совершеннаго, какового нарушенія своихъ правъ не можетъ потерпѣть никакое благоустроенное [3]) общество. Въ дѣлахъ брачныхъ юрисдикція можетъ быть только церковная, и суду свѣтскому никоимъ образомъ не можетъ принадлежать право уничтоженія таинства брака. Въ отношеніи дѣлъ брачныхъ преобразованіе, исправленіе и измѣненіе могутъ имѣть мѣсто только въ самомъ ходѣ и веденіи дѣла съ процессуальной стороны". Въ третьемъ отзывѣ говорится: „во всей православной церкви и въ греческой и въ славянской и въ русской бракоразводныя дѣла всегда были и нынѣ есть дѣла церковнаго суда. Иначе и быть не можетъ. Церковь, отъ которой требуютъ расторженія брака, какъ таинства, не можетъ постановить сего важнѣйшаго опредѣленія — на основаніи изслѣдованія, не ею произведеннаго, безъ повѣрки его, не можетъ принять за несомнѣнное доказательство прелюбодѣянія—приговоръ какого-либо суда противъ своего собственнаго"... Далѣе выставляются предположенія, что „свѣтскій судъ можетъ состоять изъ иновѣрцевъ и въ такомъ составѣ разсматривать бракоразводныя дѣла и предписывать епископу православной церкви о расторженіи брака". Въ четвертомъ отзывѣ утверждается: „съ передачею брачныхъ дѣлъ свѣтскому суду дѣятельность духовнаго начальства по этимъ дѣламъ была бы только исполнительная; духовное начальство обратилось бы въ исполнителя приговоровъ свѣтскаго суда, и дѣятельность его была бы одинаковою съ дѣятельностію полиціи при исполненіи приго-

---

[1]) Это что за прибавка? Въ которыхъ-же словахъ вѣнчанія выражается „порука"? А что, если она оказалась *не крѣпка* и прелюбодѣяніе произошло? Вѣдь „поручитель", коего „порука" оказалась непрочною, чѣмъ-то *отвѣчаетъ* за поручительство, *терпитъ*, *наказывается*? Въ чемъ-же „ручающійся" священникъ наказывается при обнаруженной невѣрности тѣхъ, за кого онъ „поручился". И такіе-то звуковые „воздухи" произносились и были выслушиваемы въ кроваво-наболѣвшемъ дѣлѣ. *В. Р—въ.*

[2]) То „договоръ", то „таинство"... Твердо одно только въ этой болтовнѣ: „*наше* оно! не *дотрагивайтесь*, это нашъ *хлѣбъ* и наша *власть*". Вотъ ужъ припомнишь: „не пріемли имени *Господа Бога Твоего всуе*". *В. Р—въ.*

[3]) „Благоустроенное"... О, Господи! вѣдь терпитъ-же „благоустроенное общество" 100 лѣтъ грабежъ несчастныхъ семьяниновъ. *В. Р—въ.*

воровъ свѣтскаго суда. Такое положеніе унизительно и вредно для церкви и стѣснительно для церковной власти. Церковная власть, исполняющая приговоръ свѣтскаго суда, обязывается въ семъ случаѣ на собственной отвѣтственности предъ Богомъ и церковью опредѣлять три важнѣйшія наказанія и дать одно важное разрѣшеніе, именно: опредѣлить расторженіе брака, наложить церковную епитимію съ тяжкими послѣдствіями отлученія отъ св. причастія, осудить на всегдашнее безбрачіе и сверхъ того дать разрѣшеніе другому супругу вступать въ новый бракъ. И все это обязывается сдѣлать, не касаясь приговора свѣтскаго суда и единственно въ качествѣ исполнительной власти... Передача бракоразводныхъ дѣлъ изъ духовныхъ судовъ въ свѣтскіе неизбѣжно сопровождалась бы вредными послѣдствіями для семейной жизни православнаго народа". Останавливаемся на этихъ мнѣніяхъ, заимствованныхъ отчасти изъ книги „Предпол. реформа церков. суда", съ мыслію нагляднѣе выразить соображенія за оставленіе бракоразводныхъ дѣлъ въ духовномъ судѣ; но воздерживаемся отъ разбора содержащихся въ этихъ мнѣніяхъ разсужденій.

Мнѣнія духовныхъ консисторій, хотя и высказываются противъ передачи бракоразводныхъ дѣлъ свѣтскому суду, но совершенно въ другомъ, болѣе умѣренномъ тонѣ. Такъ въ одномъ изъ мнѣній пишется: „въ заключеніе не можемъ не высказать мнѣнія на предположеніе Комитета о передачѣ бракоразводныхъ дѣлъ гражданскому суду. Вопросъ самъ по себѣ важный и при своемъ разрѣшеніи требуетъ большой осмотрительности, тѣмъ болѣе, что возбужденъ не съ тѣмъ, чтобы облегчить церковь отъ множества дѣлъ, подлежащихъ ея вѣдѣнію... Какъ бы то ни было, съ своей стороны согласны на уступку гражданской власти слѣдствій по бракоразводнымъ искамъ при депутатѣ съ духовной стороны, но самыя сужденія о разводѣ браковъ и судебные приговоры по дѣламъ подобнаго рода непремѣнно должны принадлежать церкви. Бракъ есть таинство, которое совершается церковью, а потому и расторженіе брачныхъ узъ есть прямое, можно сказать, исключительное право церкви... Этого мало. Бракъ есть дѣло церкви, а потому при расторженіи она должна быть не пассивнымъ орудіемъ гражданской власти, а самостоятельнымъ судьею. Свѣтская власть, руководясь мірскими, часто плотскими понятіями и взглядами на бракъ, легко можетъ пренебречь всѣми принципами, на основаніи которыхъ церковь съ крайнею осмотрительностію и осторожностію расторгаетъ брачныя узы, а это поведетъ къ ослабленію брачныхъ связей, которыя и безъ того въ наше время шатки и не прочны, между тѣмъ, какъ крѣпость и святость ихъ составляютъ главную основу не только счастія семейнаго, но благоустройства общественнаго и благоденствія государственнаго". Въ другомъ консисторскомъ мнѣніи раскрывается: „вопросъ о подсудности брако-

разводныхъ дѣлъ представляетъ множество сторонъ, изъ коихъ одни вызываютъ, повидимому, необходимость передать эти дѣла въ вѣдѣніе судовъ гражданскихъ, другія требуютъ оставить ихъ въ вѣдѣніи судовъ духовныхъ. Истина и справедливость, очевидно, на сторонѣ тѣхъ, которые защищаютъ послѣднее мнѣніе. При безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу нельзя не признать безусловно вѣрными слѣдующія положенія. Бракъ есть Богомъ установленное таинство. Оно совершается церковью, посему и расторженіе брака должно быть совершаемо судомъ церковнымъ. Нельзя гражданскому суду лишать священнослужителей сана: по тому же самому онъ не можетъ расторгать бракъ. Гражданскій судъ, конечно, не будетъ полагать рѣшеній о самомъ расторженіи брака, онъ только будетъ полагать рѣшенія о признаніи или непризнаніи фактовъ, по которымъ допускается разводъ; затѣмъ распоряженіе о самомъ расторженіи брака предоставляется епархіальному архіерею. Но этимъ сущность дѣла измѣняется. Въ рѣшеніи о признаніи событія будетъ заключаться и рѣшеніе о расторженіи брака: архіерею послѣ этого останется только быть исполнителемъ этого рѣшенія... Вреда отъ того не было и нѣтъ, что дѣла о расторженіи браковъ производились и производятся духовнымъ судомъ, а польза для всѣхъ очевидна: поэтому было бы прискорбно, если бы русская православная церковь сама отказалась отъ права, дающаго ей возможность поддерживать и укрѣплять добрые нравы между своими членами. Отказавшись отъ этого права, русская церковь сама положитъ начало учрежденію гражданскихъ браковъ"... Подобныя же мысли развиваются и въ другихъ мнѣніяхъ. Вообще если обобщить сужденія и мысли, высказанныя и развитыя въ мнѣніяхъ духовныхъ консисторій, то правильно будетъ сказать, что всѣ они вращаются около общей тенденціи, что передача бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ равносильна отреченію духовной власти отъ своихъ правъ, противна духу нашего законодательства по брачнымъ дѣламъ и поведетъ къ ослабленію идеи церковнаго брака и водворенію брака гражданскаго. Всѣ эти и подобныя соображенія отзываются какъ бы предвзятою мыслію болѣе устрашить, чѣмъ раскрыть предметъ.

Ознакомившись съ мотивами, по которымъ бракоразводныя дѣла требуютъ оставить въ духовномъ судѣ, слѣдуетъ принять въ соображеніе и основанія, по которымъ тѣ же дѣла предполагаютъ передать свѣтскому суду. Изложеніемъ этихъ основаній и займемся въ слѣдующей статьѣ, чтобы получить возможность въ заключеніе высказать свое сужденіе.

5. Основанія для передачи бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ.

Департаментъ законовъ Государственнаго Совѣта, обсуждая въ 1810 г. вопросъ о порядкѣ суда по дѣламъ брачнымъ, находилъ

неудобнымъ, чтобы судъ о ничтожности браковъ и начинался и оканчивался въ одномъ Духовномъ управленіи. Вслѣдствіе сего признавая необходимымъ, чтобы слѣдствія о ничтожности браковъ были производимы въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ, а вершеніе дѣла и окончательное опредѣленіе о ничтожности брака было предоставлено духовной власти, Департаментъ законовъ руководился тѣмъ соображеніемъ, что консисторіи всегда обращались и ранѣе къ содѣйствію полиціи именно во всѣхъ случаяхъ, когда была надобность въ производствѣ какихъ-нибудь дополнительныхъ разслѣдованій по дѣлу. Так. обр. введеніе свѣтскаго разслѣдованія вины развода даже не представляло-бы чего-нибудь новаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Департаментъ законовъ затруднялся предоставить одному духовному суду производство бракоразводныхъ дѣлъ и по неудовлетворительности внутренняго устройства духовнаго суда и способа рѣшенія дѣлъ. Департаментъ разсуждалъ: „изъ разсмотрѣнія состава духовныхъ мѣстъ открывается, что по самому существу ихъ образованія не представляютъ они въ первыхъ ихъ инстанціяхъ тѣхъ судебныхъ обрядовъ, кои дѣламъ симъ спобственны. Общій судебный порядокъ, принятый въ Россіи въ нижнихъ и среднихъ инстанціяхъ, предполагаетъ мѣсто, составленное изъ членовъ по выбору, имѣющихъ свободные голоса и рѣшающихъ дѣла по большинству мнѣній. Но консисторіи составляются изъ членовъ, коихъ опредѣленіе и удаленіе зависитъ единственно отъ усмотрѣнія архіерея. Они по самому составу своему обязаны исполнять его резолюціи. Всѣ опредѣленія ихъ однимъ рѣшеніемъ его могутъ быть опровергнуты, такъ какъ отъ одного его утвержденія могутъ они воспріять силу свою и дѣйствіе. Такимъ образомъ, собственно говоря, въ первой духовной инстанціи дѣла рѣшаются не судомъ, но однимъ дѣйствіемъ духовнаго лица. Если же въ дѣлахъ собственности, въ искахъ по имѣніямъ, самыхъ маловажныхъ, законъ ограждаетъ твердость прави судебнымъ порядкомъ и не только не дозволяетъ, но даже строго воспрещаетъ самымъ высшимъ губернскимъ чиновникамъ, губернаторамъ и генералъ-губернаторамъ, вмѣшиваться личною ихъ властію въ рѣшенія сихъ исковъ, то какимъ образомъ можно допустить, чтобъ дѣла толикой важности, какъ ничтожность браковъ, разрѣшаемы были въ первой ихъ инстанціи дѣйствіемъ одного лица"?

Нѣтъ надобности доказывать, что то неудобство, въ виду котораго Департаментъ законовъ настаивалъ на допущеніи участія свѣтскаго суда въ дѣлахъ бракоразводныхъ, имѣетъ всю свою силу и въ настоящее время. По нынѣ дѣйствующему Уставу духовныхъ консисторій (ст. 330) епархіальный архіерей пользуется правомъ, въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ консисторіи, постановить свое рѣшеніе, которое и приводится въ исполненіе. Вообще, епархіальный архіерей по „Уставу духовныхъ консисторій" представляется судіею, пользующимся правомъ утверждать какъ единогласное, такъ и особое мнѣніе членовъ консисторіи, можетъ возвращать производство къ новому дополненію по собственному усмотрѣнію.

Высочайше учрежденный Комитетъ по преобразованію духовно-судебной части особенно подробно занимался обсужденіемъ вопроса о производствѣ брачныхъ дѣлъ. Полагая за несомнѣнное и неоспоримое, что духовному начальству должно принадлежать право расторженія брака и признанія онаго незаконнымъ и недѣйствительнымъ, комитетъ признавалъ возможнымъ—всю слѣдственную и судную часть по этимъ дѣламъ отнести въ свѣтскій судъ. Комитетъ много трудился надъ разрѣшеніемъ этой задачи. При обсужденіи этого вопроса въ комитетѣ были высказаны, обстоятельно и подробно развиты, два взаимно противоположныя мнѣнія. По соображеніи силы и убѣдительности этихъ мнѣній, Комитетъ основался на слѣдующихъ мотивахъ. Касаясь вопроса объ участіи духовнаго и свѣтскаго судовъ въ производствѣ брачныхъ дѣлъ, Комитетъ категорически выразилъ мысль, что тотъ и другой судъ не могутъ дѣйствовать съ равною самостоятельностью и значеніемъ. При разсмотрѣніи почти каждаго уголовнаго дѣла, можетъ встрѣтиться необходимость въ разъясненіи такихъ обстоятельствъ, которыхъ судъ или принадлежащія къ судебному вѣдомству лица не могутъ разслѣдовать сами, а требуется посторонее участіе. Такъ въ преступленіяхъ должности, вѣдомство, въ которомъ служитъ обвиняемый, сообщаетъ суду многія, необходимыя для дѣла, справки; въ дѣлахъ, въ которыхъ отвѣтственность обвиняемаго зависитъ отъ медицинскаго опредѣленія свойства нанесеннаго поврежденія, заключеніе по этому предмету даетея медиками: во всѣхъ дѣлахъ, требующихъ спеціальныхъ свѣдѣній, существенный вопросъ, отъ котораго иногда зависитъ разрѣшеніе дѣла, рѣшается экспертами; въ дѣлахъ о нарушеніяхъ уставовъ казенныхъ управленій, послѣднія сообщаютъ суду составленные ими протоколы, которые служатъ законнымъ основаніемъ къ производству дѣла; во всѣхъ случаяхъ полиція сообщаетъ судебному слѣдователю свои дознанія и по отдѣльнымъ событіямъ для производства слѣдствія и по особымъ обстоятельствамъ, входящимъ въ составъ дѣла. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, начальство обвиняемаго, медики, эксперты, казенныя управленія и полиція производятъ иногда подробныя дознанія, представляющія цѣлыя слѣдствія, разрѣшаютъ вопросы въ высшей степени сложные и спорные, имѣющіе нерѣдко окончательное вліяніе на исходъ дѣла: при всемъ томъ эти учрежденія и лица дѣйствуютъ не въ качествѣ суда и не исправляютъ судебной дѣятельности. Соотвѣтственно сему и участіе духовнаго суда въ дѣлахъ бракоразводныхъ, можетъ получить значеніе органа административнаго. Если отнести это участіе къ судебнымъ дѣйствіямъ, то пришлось бы допустить двойственность судопроизводства со слѣдующими затрудненіями. Въ такомъ случаѣ оба суда —духовный и свѣтскій, по необходимости, должны были бы сообразо-

ваться съ приговорами одинъ другого, чтобъ не впасть въ противорѣчіе; подобная зависимость рѣшеній одного суда отъ другого въ корнѣ подрывала бы ихъ свободу рѣшеній и вселяла бы справедливое недовѣріе къ ихъ приговорамъ. Поэтому въ видахъ самого правосудія, необходимо участіе одного изъ судовъ ограничить только вспомогательною или дополнительною дѣятельностью. Такое вспомогательное участіе безспорно должно выпасть на долю суда духовнаго, котораго и наказанія, какъ напр., расторженіе брака, наложеніе церковной епитиміи и запрещеніе вступать въ новый бракъ, суть взысканія, являющіяся судебными послѣдствіями въ отношеніи къ осужденнымъ.

Ограничивая такимъ образомъ дѣятельность Духовнаго суда, Комитетъ находилъ болѣе правильнымъ предоставить свѣтскому суду производство бракоразводныхъ дѣлъ по искамъ о разводѣ. Въ отношеніи къ расторженію брака, по неспособности одного изъ супруговъ къ супружескому сожитію, комитетъ разсуждалъ, что производство этихъ дѣлъ должно принадлежать свѣтскому суду, а не духовному; потому что самая неспособность къ брачному сожитію принадлежатъ къ числу явленій, не заключающихъ въ себѣ духовнаго элемента, и по существу своему составляетъ предметъ свѣтскаго законодательства; а потому и изслѣдованіе о фактѣ неспособности къ брачному сожитію болѣе совмѣстно съ призваніемъ свѣтскаго, нежели духовнаго суда. Дѣятельность сего суда будетъ состоять въ установленіи факта для разрѣшенія вопроса о правѣ просителя на расторженіе брака, самое же расторженіе брака должно быть оставлено за духовною властью.

Въ отношеніи къ расторженію брака по нарушенію супружеской вѣрности однимъ изъ супруговъ, Комитетъ основывался на слѣдующихъ соображеніяхъ. Эти дѣла касаются нарушенія супружескихъ и семейственныхъ правъ, имѣющихъ значеніе въ гражданскомъ обществѣ и охраняемыхъ свѣтскимъ законодательствомъ. Производство этихъ дѣлъ въ свѣтскомъ судѣ не только ручается за большій успѣхъ и правильность ихъ изслѣдованія, но и представляется болѣе совмѣстнымъ съ практикою сего суда. Изслѣдованіе причины развода нерѣдко сопровождается раскрытіемъ такихъ подробностей, которыя требуютъ осмотра самыхъ помѣщеній преступленія и обязываютъ слушать и видѣть безнравственныя и соблазнительныя сцены, неприличныя для лица духовнаго сана и монашескаго званія. Изъ того, что бракъ совершается при участіи и по благословенію церкви, отнюдь не вытекаетъ, что и нарушенія сего союза должны подлежать суду духовному: расторженіе брака, какъ прекращеніе супружескаго сожитія, едва ли можно отожествлять съ уничтоженіемъ благодатнаго таинства. Передачею бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ ни мало не колеблется церковный характеръ брака, не вводится бракъ граждан-

скій и не узаконяется произвольность развода. Съ этою передачею въ вѣдѣніи духовной власти остается все, что ей причитествуетъ и принадлежитъ по праву и закону. Отпадетъ отъ ея подсудности только то, что по существу не относится къ церковной сферѣ и должно быть изслѣдуемо на общихъ основаніяхъ гражданскаго права.

6. Данныя къ рѣшенію вопроса о бракоразводномъ процессѣ.

Въ настоящее время дѣла о прелюбодѣяніи вѣдаются или въ свѣтскомъ, или въ духовномъ судѣ. Въ свѣтскомъ судѣ дѣла о прелюбодѣяніи вчинаются и производятся въ томъ случаѣ, когда оскорбленный супругъ проситъ о наказаніи виновнаго по церковнымъ законамъ. Нарушеніемъ супружеской вѣрности прежде всего и главнымъ образомъ причиняется нравственный вредъ и наносится оскорбленіе потерпѣвшему супругу, но нельзя оспаривать, что въ этихъ случаяхъ затрагиваются и общественные интересы, морально страдаетъ и общество. Конечно общественные интересы парализуются какъ тѣмъ, что послѣ разводовъ появляется не мало разстроенныхъ семействъ, такъ и отъ того, что во средѣ общества нарождается какъ бы особый контингентъ лицъ разведенныхъ мужей и разведенныхъ женъ, на которыхъ неизбѣжно остается нѣкоторая тѣнь нравственнаго униженія во мнѣніи общества. Посему естественно желать, чтобы разводовъ по возможности было меньше, въ смыслѣ осмотрительности самаго вчинанія исковъ.

Въ прежнемъ нашемъ законодательствѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій порядокъ.

Святѣйшій Синодъ въ каждомъ опредѣленіи, по которому полагалось расторгнуть бракъ, по причинѣ прелюбодѣянія одного изъ супруговъ, присовокупялъ слѣдующее: „поелику такой-то супругъ оказывается виновнымъ въ прелюбодѣяніи, то выписку изъ настоящаго опредѣленія Святѣйшаго Синода, на основаніи I примѣчанія къ 1630 ст. Зак. Угол. т. XV, Свод. Зак. 1842 г. (по VI продолженію), препроводить въ Правительствующій Сенатъ". Правительствующій Сенатъ, получивъ изъ Синода свѣдѣніе, постановлялъ опредѣленіе въ такомъ смыслѣ: „копію съ опредѣленія Святѣйшаго Синода о расторженіи брака такого-то съ его женою, по причинѣ нарушенія имъ супружеской вѣрности прелюбодѣяніемъ, препроводить въ такое то губернское правленіе, предписавъ оному, согласно означенному опредѣленію Синода, о преданіи виновнаго суду, на точномъ основаніи примѣчанія къ 1630 ст. т. XV Свод. Зак. 1842 г. по VI продолженію, сдѣлать надлежащее распоряженіе". Возстановленіе настоящаго порядка, или другого ему подобнаго, заключающаго въ себѣ угрозу уго-

ловнаго наказанія и въ случаѣ расторженія брака по прелюбодѣянію, предупредитъ немало повторяющихся въ настоящее время случаевъ развода по уговору и предварительному соглашенію супруговъ.

Подсудность брачныхъ дѣлъ исключительно духовному суду не составляетъ такой юридической или канонической догмы, которая бы исключала возможность перемѣны въ этомъ отношеніи.

Проектированный Комитетомъ порядокъ производства бракоразводныхъ дѣлъ, съ участіемъ суда свѣтскаго, есть послѣдовательный результатъ предшествовавшихъ по сему вопросу теченій. Надо думать, что этому порядку и въ настоящее время отдадутъ должное. Если бы и въ самомъ дѣлѣ былъ принятъ этотъ порядокъ, т. е. передача слѣдственныхъ функцій въ свѣтскій судъ, — то этою передачею не только облегчитъ будетъ духовный судъ, но и производство бракоразводныхъ дѣлъ станетъ на твердую и болѣе легальную почву. Существующій нынѣ порядокъ производства бракоразводныхъ дѣлъ на духовномъ судѣ представляетъ много недостатковъ и неудобствъ, открывающихъ пути и поводы къ разнымъ злоупотребленіямъ, какъ напримѣръ: нерѣдко супруги лицутъ и достигаютъ развода по напередъ условленному между ними соглашенію; нерѣдко выставляются свидѣтелями-очевидцами такія лица, которыя за выговоренную плату даютъ показанія о такихъ обстоятельствахъ, очевидцами которыхъ они никакъ не могли быть; предпринимаются и другія ухищренія въ обходъ ясно и неточно выраженнаго закона. Св. Синодъ всякій разъ, когда возражалъ противъ передачи бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ, по причинѣ недостатковъ производства этихъ дѣлъ на судѣ духовномъ, давалъ обѣщаніе о переустройствѣ духовнаго суда и о начертаніи новыхъ для производства сихъ дѣлъ правилъ; но обѣщанія эти оставались и остаются безъ исполненія и очевидно потому, что ихъ трудно выполнить. Правда, по введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., Св. Синодъ принималъ мѣры къ усовершенствованію законовъ о судопроизводствѣ по духовно-судебной части. Для предварительной разработки сего вопроса и для составленія основныхъ положеній предположенной реформы, съ Высочайшаго соизволенія былъ образованъ Комитетъ, который и составилъ проектъ таковыхъ положеній, въ томъ числѣ и положенія о производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ. Проектъ этотъ остается нерассмотрѣннымъ; равнымъ образомъ и та часть сего проекта, которая касается дѣлъ брачныхъ, не получила дальнѣйшаго движенія, хотя вопросъ объ этомъ и возникалъ именно съ мыслію устраненія злоупотребленій въ производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ, для пресѣченія которыхъ Высочайше было повелѣно изыскать надлежащія мѣры. Безуспѣшность этого предпріятія объясняется тѣмъ, что особое

совѣщаніе, соображавшее мѣры къ пресѣченію указанныхъ злоупотребленій, остановилось на мысли, что существующія въ настоящее время въ производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ злоупотребленія въ значительной степени были бы устранены чрезъ измѣненіе, согласно положеніямъ означеннаго проекта, порядка производства брачныхъ дѣлъ. Св. Синодъ въ большинствѣ своихъ членовъ призналъ невозможнымъ измѣнять порядокъ духовнаго суда по дѣламъ брачнымъ, согласно предначертанному Комитетомъ проекту, потому что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ о таинствѣ церкви. На основаніи этой мысли обыкновенно строятся возраженія противъ передачи въ свѣтскій судъ бракоразводнаго процесса, т. е. обслѣдованія и удостовѣренія причины развода. Насколько убѣдительны подобныя возраженія, позволимъ себѣ размыслить въ слѣдующей статьѣ, чтобы получить надежный исходный пунктъ къ рѣшенію обсуждаемаго вопроса.

7. Исходный пунктъ въ рѣшеніи вопроса о бракоразводномъ процессѣ.

Главное затрудненіе въ вопросѣ объ измѣненіи порядка производства бракоразводныхъ дѣлъ усматривается въ томъ, что при этомъ измѣненіи всегда предносится и высказывается мысль о необходимости перенесенія судебной части по брачнымъ дѣламъ изъ духовнаго въ свѣтскій судъ. Перенесеніе это признается неудобнымъ въ виду соображенія, что бракъ есть таинство церкви и что посему дѣла о расторженіи брака должны быть всецѣло сосредоточены въ духовномъ судѣ. Проникая трезвою мыслію въ глубину вопроса, нельзя не признать поспѣшнымъ заключенія, будто расторженіемъ брака, словомъ разводомъ, уничтожается таинство, совершаемое церковію и состоящее въ сообщеніи особой благодати сочетавающимся. Если бы въ самомъ дѣлѣ расторженіемъ брака, разводомъ, разрушалось таинство церкви, разрушалась благодатная стихія, присущая сему таинству: то надо думать, что ни церковь въ своихъ канонахъ, ни государство въ своемъ законодательствѣ не допускали и мысли о расторженіи брака, по причинѣ невозможности уничтоженія какого бы то ни было таинства. Если церковь допускаетъ, хотя бы изъ снисхожденія къ человѣческой слабости, расторженіе брака, -то тѣмъ самымъ она обязываетъ смотрѣть на дѣло и взирать на предметъ иначе. Таинственная сущность брака, дѣйствительно, связывается съ тѣмъ благословеніемъ, которое преподается церковію чрезъ бракосочетаніе. Но эта сущность никоимъ образомъ не можетъ быть отожествляема съ брачнымъ сожительствомъ, а потому и прекращеніе сего сожитія нельзя принимать за уничтоженіе таинства.

„Еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ". Во власти

человѣка нѣтъ средствъ посягнуть на то, чтобы уничтожить дары божественной благодати. Если бы сіе было возможно, то для падшихъ людей оставалось бы невозможнымъ покаяніе. Какъ нѣтъ грѣха, побѣждающаго милосердіе Божіе, такъ и Господь всѣхъ людей призываетъ къ спасенію. Не приходятъ къ Господу и не участвуютъ въ дарахъ Его благодати только тѣ, кто не хочетъ, не ищетъ, и даже чуждается этого. Въ таинствѣ брака, дѣйствительно, преподается сочетающимся особая благодать, которая грѣховный, плотской союзъ мужа и жены [1]) одухотворяетъ, возвышаетъ и совершенствуетъ до уподобленія его духовному, таинственному союзу Христа съ Его церковію; но она не перерождаетъ природы естественныхъ влеченій, не уничтожаетъ свободы человѣка и не ставитъ его въ положеніе раба для исполненія ея требованій и въ пользованіи ея спасительными средствами.

„Привязался женѣ, не ищи разрѣшенія", говоритъ апостолъ. Этимъ онъ научаетъ обуздывать плотскія вожделѣнія, чтобы не попасть въ плѣнъ страсти, отравляющей мирныя, супружескія отношенія. Въ таинствѣ брака преподаются человѣку потребныя средства, необходимыя для препровожденія святой и богоугодной жизни въ условіяхъ плотскихъ влеченій; но всѣмъ этимъ супруги пользуются тогда, когда устрояютъ свою жизнь и свои супружескія отношенія на страхѣ Божіемъ, съ мыслію взаимнаго довѣрія, взаимной помощи, взаимнаго самопожертвованія. „Жена не властна надъ своимъ тѣломъ, но мужъ; равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, но жена". Отожествленіе интересовъ, мыслей и чувствъ до уничтоженія раздѣльности между моимъ и твоимъ должно сопровождать истинный супружескій союзъ. Кто живетъ и дѣйствуетъ по указанію этихъ началъ, тотъ благодушествуетъ и мирствуетъ подъ сѣнію благодати, скрѣпляющей и освящающей супружество. Кто устраняется отъ сихъ началъ, тотъ утрачиваетъ и свой благодатный жребій.

Бракъ есть союзъ мужа и жены, установленный и благословенный Богомъ [2]) еще въ невинномъ состояніи [3]) человѣковъ для взаимнаго удовлетворенія половыхъ влеченій, для взаимнаго блага

---

[1]) Такъ и за нимъ: „грѣховный, плотской союзъ мужа и жены". Очень важно для анализа дѣла. *В. Р—въ.*

[2]) Какъ, „Богомъ установленъ" „грѣховный плотской союзъ" (выше слова)?! Не есть-ли это богохульство? Нѣтъ, это просто безсмыслица не выспавшагося семинариста. *В. Р—въ.*

[3]) Какъ, „въ невинномъ состояніи", когда онъ (см. выше) есть „грѣховный" союзъ? Но семинаристъ все еще спитъ душевно и только машинально водитъ по бумагѣ перомъ, обмакнутымъ въ чернилицу. Изъ таковыхъ вожденій мокрымъ перомъ по сухой бумагѣ образованы не только журнальныя статьи, но даже существенныя части самыхъ „трансцендентныхъ" разсужденій ученыхъ изъ Москвы, Питера, Казани и Кіева. *В. Р—въ.*

и счастія, словомъ для взаимнаго существованія, а вмѣстѣ и продолженія человѣческаго рода. Но этотъ союзъ, по паденіи, пріобрѣлъ еще новое значеніе: онъ сдѣлался средствомъ—для огражденія себя человѣковъ отъ грѣха любодѣянія. „Во избѣжаніе блуда", научаетъ апостолъ, „каждый мужъ имѣи свою жену и каждая жена имѣи своего мужа". Поставляя бракъ законною нормою земного существованія человѣка, въ параллель дѣвству, апостолъ и продолженіе брака ограничиваетъ предѣломъ смерти. „Жена, если умретъ ея мужъ, свободна выдти за другого". Какъ параллельная дѣвству норма правильнаго земного существованія человѣка, бракъ и его отношенія оканчиваются земнымъ предѣломъ. „Въ воскресеніе ни женятся, ни выходятъ замужъ, но пребываютъ какъ ангелы Божіи на небесахъ". Если бракъ есть союзъ мужа и жены, опредѣленный предѣломъ ихъ земного существованія, и назначенъ для земной жизни человѣка, то слѣдовательно въ условіяхъ этого существованія и въ требованіяхъ земной жизни должны быть разсматриваемы и уклоненія отъ этого союза, коль скоро они существуютъ. У насъ рѣчь о расторженіи брака, иначе говоря—о разводѣ, и притомъ не въ принципіальномъ значеніи сего слова, т. е. допустимъ или недопустимъ разводъ съ церковной точки зрѣнія, а въ практическомъ—именно въ томъ, какія можно начертать правила, какой слѣдуетъ принять порядокъ для правильнаго примѣненія допущеннаго церковію развода. Церковь не узаконяетъ, а лишь допускаетъ разводъ, и не въ угоду произволу супруговъ [1]) или въ удовлетвореніе обоюдныхъ ихъ желаній, хотя и не безъ ихъ законной инціативы. Церковь соглашается на разлученіе супруговъ въ томъ случаѣ, если между ними въ корнѣ нарушена связь супружескихъ отношеній, если мужъ, оставивъ свою жену, или жена, оставивъ своего мужа, начали прилѣпляться тѣломъ, которымъ ни тотъ ни другая не могутъ свободно располагать, къ другой женѣ или къ другому мужу. Въ этомъ случаѣ бракъ оказывается нарушеннымъ въ самой основѣ супружескихъ отношеній. Нарушающій супружескую вѣрность супругъ оказывается

---

[1]) Всегда казались мнѣ удивительнымъ и непонятнымъ: да если *жить въ супружествѣ* можно принудить насильно, то отчего не допустить *насилія въ вѣнчаніи?!*. Вѣдь страшно не *часъ подъ вѣнцомъ противъ воли простоять*, а страшно—послѣ вѣнца *супружествовать* противъ воли! и для предупрежденія этого второго страха, въ супружествѣ, а не при вѣнчаніи,—и запрещено *насильно вѣнчать!* Но не давая развода „по произволу супруговъ", мы со ipso устанавливаемъ насильственное супружество, и ужъ ничего не стоитъ, пусть отцы духовные не стѣсняются, объявить позволительнымъ и принужденіе къ вѣнчанію. Все одно: для насъ, мірянъ, и для самаго таинства—одно. Свобода въ вѣнчаніи безъ свободы въ разводѣ есть просто риторическій остатокъ, потерявшій всякое для себя основаніе предразсудокъ. *В. Р—въ.*

оскорбителемъ чести и правъ другого супруга и нарушителемъ даннаго имъ предъ людьми, Богомъ и церковію обѣщанія пребывать въ союзѣ до конца жизни; но онъ становится вмѣстѣ и грѣшникомъ, отвѣтственнымъ передъ благодатію, которая освятила и возвысила его плотской союзъ до духовнаго, благословеннаго Богомъ сопряженія. Посему, при нежеланіи обиженнаго супруга искать развода, и при послѣдовавшемъ примиреніи супруговъ, бракъ остается въ силѣ и дѣйствіи. При отсутствіи сихъ мотивовъ наступаетъ вопросъ о разводѣ, которымъ обиженному супругу предоставляется свобода, но не изглаживается грѣхъ обидившаго.

Въ расторженіи брака слѣдуетъ различать два предмета: законную причину къ разводу, и самый разводъ, или разлученіе супруговъ. Первая требуетъ изслѣдованія, удостовѣренія въ томъ, что дѣйствительно обвиняемый супругъ виновенъ въ приписываемомъ ему преступленіи; послѣдній нуждается въ санкціи, объявляющей бракъ болѣе не существующимъ. Можно ли безъ ущерба мысли утверждать, что для расторженія брака должно имѣть преимущественное значеніе то, чтобы прелюбодѣяніе было изслѣдовано и доказано на духовномъ, а не на свѣтскомъ судѣ. Исходный пунктъ къ рѣшенію вопроса въ томъ: какой судъ имѣетъ болѣе способовъ и располагаетъ болѣе надежными средствами для раскрытія и изслѣдованія причины преступленія. Свѣтскіе суды, при настоящемъ ихъ устроеніи, имѣютъ болѣе способовъ и средствъ для разрѣшенія исковъ о прелюбодѣяніи, духовные суды наоборотъ, въ виду нынѣшняго неудовлетворительнаго ихъ состоянія, должны быть преобразованы. Преобразованіе это можетъ и не привести къ желательнымъ результатамъ уже потому, что духовные суды безъ посторонней помощи не могутъ управиться. Если же эта помощь будетъ нужна въ нѣкоторыхъ случаяхъ и свѣтскому суду; то послѣдній съ большимъ правомъ и удобствомъ можетъ ею пользоваться.

Передача бракоразводныхъ дѣлъ изъ духовнаго въ свѣтскій судъ, кромѣ обезпеченія большей правильности производства этихъ дѣлъ, освободитъ духовное начальство отъ множества обременительныхъ для него функцій. Производство этихъ дѣлъ бываетъ иногда сопряжено съ крайне неблаговидными дѣйствіями. Кромѣ того, сколько епархіальными преосвященными затрачивается времени на прочтеніе иногда обширныхъ, полныхъ всякаго рода ухищреній, бракоразводныхъ дѣлъ, каковое время съ большею пользою могло бы быть употреблено преосвященными на другія, болѣе цѣнныя занятія. Позволительно усумниться въ томъ, чтобы чтеніе консисторскихъ протоколовъ по бракоразводнымъ дѣламъ облегчало пастырскую дѣятельность для воздѣйствія на паству въ духѣ христіанскаго назиданія: еще менѣе можно утверждать, что

матеріалъ бракоразводнаго процесса составляетъ необходимое пріобрѣтеніе для пастырскаго пониманія недуговъ общественной среды. Вообще трудно указать стороны, которыя бы свидѣтельствовали, что выслушиваніе судныхъ рѣчей на бракоразводномъ процессѣ требуется именно пастырскимъ служеніемъ духовныхъ лицъ. Бракоразводные процессы въ большинствѣ случаевъ касаются такихъ житейскихъ отношеній, которыя чужды нравственной стихіи, отъ начала до конца бываютъ проникнуты одними ухищреніями развращеннаго чувства и страстію помраченнаго разсудка. И ужели все это необходимо выслушивать собственнымъ ухомъ, чтобы быть, какъ говорится, въ курсѣ дѣла, дабы увѣриться въ фактѣ преступленія и постановить рѣшеніе? Ничего не потеряетъ духовная власть и не снизойдетъ съ высоты своего положенія въ томъ случаѣ, если она, устранившись отъ соблазнительныхъ сторонъ бракоразводнаго процесса, сохранитъ за собою пути свойственнаго ей духовно-нравственнаго воздѣйствія на страждущихъ недугомъ взаимнаго отчужденія супруговъ. Не такъ на судѣ, при всей торжественной обстановкѣ, при всѣхъ искусныхъ, инквизиціонныхъ пріемахъ судебнаго процесса, можно испытать нравственное состояніе человѣка и увѣриться въ его неиспорченной настроенности, влекущей къ паденію, какъ всего этого и съ большимъ успѣхомъ возможно достигнуть на домашнемъ судѣ, при испытаніи глазъ-на-глазъ образа мыслей и настроенности человѣка, при увѣщаніи его сознать и возненавидѣть грѣхъ, примириться съ обидчикомъ и простить его суетныя и страстныя увлеченія. Формализмъ суда не столь надежное средство для осязательнаго убѣжденія въ истинѣ изслѣдуемаго, какъ непосредственность обращенія къ мыслямъ и чувствамъ испытуемаго. А потому и гнаться за судебною процедурою, чтобы удержать ее въ своихъ рукахъ, нѣтъ резоннаго основанія.

Кто-нибудь можетъ быть скажетъ: свѣтскій судъ, изслѣдуя фактъ прелюбодѣянія, какъ причину къ разводу, будетъ заниматься анализомъ таинства церкви? Отвѣчаемъ—нѣтъ. Свѣтскій судъ будетъ изслѣдовать и опредѣлять взаимныя отношенія супруговъ и, въ частности, прикосновенность обвиняемаго къ приписываемому ему дѣянію. Благодатная таинственная сущность брака этимъ не затрогивается. Грѣшащіеся виновны и отвѣтственны предъ этою сущностью тѣмъ, что они не соблюли и не сохранили залога освятившей ихъ плотскія грѣховныя вожделѣнія [1]) благодати. Они уклонились изъ-подъ сѣни этой благодати на рас-

[1]) Слова, опять важныя для теоріи брака: вся его матеріальная сторона, т. е. въ сущности весь его субстратъ, то *для чего* онъ и *чѣмъ* онъ отличается отъ дружбы, союза и пр., квалифицируется, безъ доказательствъ и сомнѣнія въ истинѣ словъ, „плотскимъ грѣховнымъ вожделѣніемъ“. *В. Р—въ.*

путія страсти, нарушивъ притомъ общепринятый и общеустановленный порядокъ супружеской и семейной жизни. Дѣйствительность и мѣра нарушенія этого порядка и изслѣдуется на судѣ, а не потеря и утрата супругами полученной ими въ церковномъ благословеніи благодати. Дѣйствія послѣдней супруги снова могутъ пріобщиться, искренно раскаявшись въ своемъ увлеченіи и вступивъ въ мирныя, супружескія отношенія. Бракъ честенъ и супружеское ложе не сквернo, но лишь при томъ необходимомъ условіи, если супруги взаимно хранятъ цѣломудріе, оберегаютъ чистоту собственнаго тѣла отъ посторонняго прикосновенія, и воздерживаются въ мысляхъ, чувствахъ и внѣшнихъ дѣйствіяхъ отъ разслабляющихъ и отравляющихъ нравственное чувство порочныхъ вожделѣній. Если же указанныя условія супружескихъ отношеній нарушены супругами, въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ симъ они сами устраняются и отъ дѣйственности благодати. А потому и свѣтскій судъ, разсматривая и констатируя ненормальность супружескихъ отношеній, тѣмъ самымъ только можетъ подтверждать и то, что супруги пренебрегли полученнымъ ими благодатнымъ даромъ и не сохранили добровольно даннаго ими предъ людьми, Богомъ и церковью обѣта взаимной супружеской вѣрности и неразрывнаго супружества. При наглядномъ подтвержденіи этого судомъ, станетъ и для духовной власти очевиднымъ то, что супруги утратили залогъ безмятежнаго и мирнаго существованія, а потому могутъ быть разведены отъ обязательнаго по закону церкви и государства купнокительства. Разводъ въ такомъ случаѣ явится необходимымъ послѣдствіемъ существующаго моральнаго разобщенія супруговъ и прекращенія ихъ супружескихъ отношеній.

Высказываютъ и другія опасенія, что передача бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ поведетъ къ дальнѣйшему ослабленію брачныхъ узъ, которыя и безъ того въ наше время шатки и непрочны, и вмѣстѣ съ тѣмъ проложитъ путь къ водворенію гражданскаго брака съ потемнѣніемъ идеи брака церковнаго. Шаткость и непрочность брачныхъ узъ въ настоящее время достигли крайней степени разслабленія. Явленія эти возымѣли силу въ послѣднее время, при сосредоточеніи бракоразводныхъ дѣлъ въ духовномъ судѣ. Слѣдовательно, для борьбы съ этими, пагубными для общества, явленіями, надо призвать другихъ дѣятелей. На органахъ гражданской власти не можетъ не лежать обязанности охраненія государственнаго и общественнаго благодетельствія посредствомъ укрѣпленія брачныхъ узъ и отвердѣнія семейнаго счастія. Позволительно питать надежду и быть увѣреннымъ въ томъ, что брачныя узы укрѣпнутъ, и погоня за разводами уляжется, если съ передачею бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ полученіе развода будетъ обставлено такими условіями, которыя повлекутъ

за собою послѣдствія, могущія отрезвляющимъ образомъ дѣйствовать на произволъ и легкомысліе, съ которыми въ настоящее время ищутъ и домогаются разводовъ. Этого надо желать и къ этому стремиться; иначе какое же получится улучшеніе съ переношеніемъ бракоразводнаго процесса изъ одного суда въ другой, если симъ дѣломъ станутъ заниматься только новые люди, но безъ новыхъ идеальныхъ требованій, а на старыхъ извѣтшавшихъ основаніяхъ. Передачею бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ надо стремиться не только усовершить бракоразводный процессъ, но и поднять идею самаго брака чрезъ отрезвленіе его нарушителей. Идея гражданскаго брака съ потемнѣніемъ церковнаго уже предносится въ сознаніи увлекающихся умовъ, но эта идея требуетъ многаго для своего дѣйствительнаго осуществленія. Для сего надо перевоспитать народное сознаніе и довести его до забвенія религіозныхъ началъ. Но... гражданскій бракъ не сроденъ русскому народу, какъ удостовѣряютъ въ томъ наши раскольники, которые чуждаются записи своихъ браковъ въ установленныя для нихъ гражданскія метрики, а ищутъ для нихъ благословенія у своихъ уставщиковъ. Посему опасенія насчетъ водворенія гражданскаго брака есть очень отдаленныя стадіи, а потому объ нихъ можно и умолчать...

Съ осторожностію слѣдуетъ относиться и къ завѣреніямъ, будто передачею бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ духовная власть отказывается отъ своего законнаго права, выходитъ на степень исполнительной, чуть не полицейской оффиціи, и становится въ несвойственное ей приниженное положеніе. Подобныя завѣренія проистекаютъ изъ предубѣжденія и могутъ вліять на нервность, оставляя въ сторонѣ сущность дѣла. Ничего подобнаго не послѣдуетъ, если за духовною властію останется, какъ сказано выше, неотъемлемо принадлежащее ей право увѣщанія супруговъ къ примиренію и санкція развода; если это право увѣщанія не будетъ однимъ оффиціальнымъ въ рукахъ епархіальнаго архіерея распоряженіемъ о производствѣ увѣщаній, а будетъ выражаться въ дѣйствительномъ архипастырскомъ словѣ, растворенномъ любовію и участіемъ къ разобщающимся супругамъ. Вообще всѣ разсѣваемыя въ мотивахъ за оставленіе бракоразводныхъ дѣлъ въ духовномъ судѣ увѣренія насчетъ неблагопріятныхъ послѣдствій отъ передачи этихъ дѣлъ свѣтскому суду слѣдуетъ отнести къ преждевременнымъ. Останется не тронутою благодатная сторона таинства, сохранится достоинство духовной власти, имѣющей дѣло съ совѣстію и внутреннимъ настроеніемъ человѣка; не привнесетъ и свѣтская власть плотскихъ взглядовъ на бракъ, если ея дѣятельность будетъ ограничена присущею ей сферою. Для сохраненія всего этого надо желать, чтобы бракоразводный процессъ въ его развитіи былъ направленъ къ тому,

чтобы, ограничивъ произволъ и страстность разводящихся супруговъ, оградить семейное начало отъ потрясеній, поддержать устои общественной нравственности, сохранить церковную дисциплину, и дать государственному закону право предупреждать анормальныя явленія. Со всѣмъ этимъ необходимо считаться, чтобы избѣжать худшихъ послѣдствій [1])... („Церковный Вѣстн." за 1901 г., №№ 22—30).

LII. Изъ „Дневниковъ" кн. В. П. Мещерскаго.

Суббота, 4 августа, 1901.

Съ легкой руки „Церковнаго Вѣстника", которому почему-то придаютъ значеніе чуть-ли не оффиціознаго церковнаго органа, пошла по всей линіи газетной печати пальба по вопросу о разводѣ!.. Обрадовались наши писаки, такъ какъ всѣ рѣшительно вопросы русскаго „быть или не быть" ими были истрепаны, и не о чемъ было писать; и вдругъ такая находка: *брачный разводъ*, да еще съ переводомъ его изъ-подъ рясы подъ фалды чиновничьяго вицъ-мундира судебнаго вѣдомства!

Дѣйствительно, лакомый кусочекъ для нашей исхудалой отъ *безвопросицы* печати.

Когда-то Прекрасная Елена пѣла подъ крики восторговъ ея обожателей: „Всѣ мы жаждемъ любви", теперь газетная толпа оретъ: „всѣ мы жаждемъ развода"... И Боже мой, сколько явилось на газетныхъ простынях драматическихъ изображеній, сентиментальныхъ излiяній, крокодиловыхъ слезъ: потоками они полились надъ бѣдными жертвами затрудненнаго развода. А главное, какая лафа, въ припрыжку за „Церковнымъ Вѣстникомъ", доказывать, что разводъ—дѣло вовсе не Церкви, а окружного суда!

Все это очень занимательно и пикантно. Но всего интереснѣе,—это вопросъ: почему-де вздумалось нынѣшнимъ рясоносцамъ [2])

[1]) И въ этихъ пространныхъ диссертаціяхъ о разводѣ, весьма нами сокращенныхъ черезъ пропускъ духовно-канцелярскихъ подробностей, и въ которыхъ казалось-бы такъ и иначе трогаются а) интересы ребенка, b) интересы мужа, c) интересы жены,—о первомъ вовсе не упоминается, а двое послѣднихъ трактуются какъ не то прощалыги, не то преступники. Такъ-что перенесенное въ Кормчую изъ Corpus juris civilis еще языческое опредѣленіе брака: „бракъ есть мужа и жены союзъ и жребій на всю жизнь, соединеніе божественнаго и человѣческаго права",—къ концу XIX-го вѣка стало читаться уже такъ: „бракъ есть переписка между канцеляріями духовнаго и свѣтскаго вѣдомства, и взаимное ихъ препирательство о томъ, кому принадлежитъ священное право и значительныя выгоды мучить и разорять едино паспортныхъ мужчинъ и женщинъ". *В. Р—въ*

[2]) Какой жаргонъ у кн. Мещерскаго. Ну, можно-ли представить, чтобы надѣвавшій надъ „рясою", т. е. надъ *таинствомъ священства*, онъ

„Церковнаго Вѣстника“ пустить въ печать мысль объ отнятіи у Церкви веденія дѣла о брачномъ разводѣ и о передачѣ его свѣтскому суду? Потому-ли, что Церковь не можетъ съ нимъ справляться по скудости своихъ духовныхъ средствъ, по своей духовной немощи, или потому, что въ XX вѣкѣ приличнѣе для духа времени дѣла о расторженіи таинства брака передать въ вѣдѣніе свѣтскихъ судей, тѣмъ паче, что по нынѣшнимъ временамъ, вѣроятно, большая ихъ часть ни въ какія таинства не вѣруетъ?

Вопросъ этотъ очень интересенъ и очень серьезенъ, и серьезнѣе, чѣмъ это можетъ казаться съ поверхностнаго на него взгляда, ибо если ни для кого не тайна, что образъ, коимъ церковь вѣдаетъ у насъ дѣла о разводѣ, очень ужь устарѣлъ, и вслѣдствіе этого является мысль о передачѣ этихъ дѣлъ въ свѣтскіе суда, какъ объ единственномъ средствѣ улучшить порядокъ ихъ веденія, то всякій благочестивый членъ церкви съ душевнымъ смущеніемъ долженъ задать себѣ вопросъ: неужели церковь наша до того духовно немощна, что, сознавъ недостатки веденія у себя бракоразводныхъ дѣлъ, она не въ силахъ ихъ исправить настолько, чтобы довести ихъ до уровня, подобающаго таинству, и о своемъ безсиліи свидѣтельствуетъ, сдавая эти дѣла свѣтскимъ судамъ?

Мнѣ кажется, что надъ этимъ вопросомъ стоитъ призадуматься...

Затѣмъ есть другое весьма серьезное соображеніе, надъ которымъ не мѣшало-бы призадуматься, прежде чѣмъ увлекаться либеральною затѣею, — дѣла о брачномъ разводѣ сдать въ вѣдѣніе свѣтскихъ судовъ.

Ни для кого тоже не тайна, что благодаря разнымъ причинамъ, изложеніе коихъ составило-бы многостраничный томъ, мы дожили до эпохи, когда въ такъ-называемыхъ образованныхъ слояхъ общества развратъ въ бракѣ до такой степени умножился, что именно онъ, а не тѣ трудныя и, дѣйствительно, безвыходно несчастныя положенія въ отдѣльныхъ случаяхъ брачнаго сожитія, которыя дѣлаютъ разводъ необходимымъ, ставитъ усиленно на очередь вопросъ объ облегченіи брачнаго развода... Въ этомъ для всякаго, добросовѣстно относящагося къ вопросу, никакого нѣтъ сомнѣнія.

А разъ это такъ, я, признаюсь, никакъ не могу мириться съ мыслью, чтобы въ удовлетвореніе потребностей не жизни, а разврата въ бракѣ, приняты были мѣры къ облегченію развода, ибо

уважалъ „таинство *брака*“? Вѣдь *равны* всѣ таинства. Но, видите-ли, *консерватизмъ* бы нѣчто потерпѣлъ, еслибъ умалился *авторитетъ* церкви, и авторъ говоритъ: „не берите *брака* изъ ея рукъ, ибо это—*таинство*“. Это показываетъ, что *консерватизмъ* и *клерикализмъ* хорошо умѣщаются на остріѣ одной иглы съ *атеизмомъ*. *В. Р--въ.*

по пути этого облегченія очень легко дойти до такого положенія, что церковь будетъ призвана таинствомъ брака укрѣплять только временныя связи любодѣянія, и больше ничего.

Что положеніе у насъ брачнаго развода съ точки зрѣнія нравственности ужасно, въ томъ ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія. Непостижимая чуть ли не вѣковая апатія [1]) іерарховъ церкви къ этому вопросу — довела его до такого низкаго положенія, что судьба каждаго развода, по установившейся въ церкви практикѣ, поставлена въ исключительную зависимость отъ двухъ, такъ сказать, условій sine qua non, одинаково для нея позорныхъ: 1) отъ извѣстной платы, вносимой чиновникамъ въ консисторію, соразмѣрно состоянію хлопочущаго о разводѣ, и 2) отъ исполненія въ натурѣ самой грубой сцены разврата... Я говорю о разводѣ по случаю прелюбодѣянія, который издавна практикуется, какъ единственный способъ добиться развода по причинѣ нежеланія продолжать брачную жизнь. Вслѣдствіе этого мы какъ ни въ чемъ не бывало примирились съ толкомъ, повторяемымъ ежедневно въ любой гостиной, что безъ денегъ и безъ гнусной сцены разврата при свидѣтеляхъ нельзя добиться расторженія брачнаго союза — отъ кого-же? отъ церкви!

Но неужели потому, что до такого нравственнаго паденія довела практика вопроса о брачномъ разводѣ, въ явное оскорбленіе святыни таинства и церкви, слѣдуетъ поднятія этого уровня для брачнаго развода искать въ отнятіи его у церкви и въ предоставленіи его свѣтскимъ судамъ?

Вотъ вопросъ, ставящійся самъ собою...

Мнѣ кажется, что онъ требуетъ въ интересахъ и церкви, и общества, и общественной нравственности — глубокаго и серьезнаго размышленія.

Неужели всѣ должны узнать, что церковь не имѣетъ средствъ поставить вопросъ о разводѣ на ту высоту, на какой онъ долженъ стоять, какъ вопросъ неотдѣлимый отъ церковнаго таинства; неужели церковь не въ силахъ отъ дѣлопроизводства по брачнымъ дѣламъ — устранить все подкупное и все грязное, и давать дѣлу быстрое и чистое рѣшеніе?

Что-то не хочется вѣрить!

---

[1]) Ради *этой одной* строчки перепечатываемъ „Іисповники". Да чѣмъ-же *лично* и вообще *живо* іерархи были заинтересованы въ постановкѣ развода? Они — дѣвственники, *сами* въ бракѣ не нуждающіеся, и судили *чужое* дѣло. И такъ, *ужасный* въ Европѣ вопросъ о разводѣ, опредѣлившій *весь ужасный укладъ семьи*, имѣетъ корнемъ подъ собой — просто *ненужность семьи духовнымъ главамъ* Европы. А это имѣетъ подъ собою корнемъ верховенство *девствы передъ супружествомъ*. И все оканчивается *безполостью*, *вин*-полостью тенама. Вотъ куда восходитъ удивившая ки. Мещерскаго „непостижимая вѣковая апатія". Слишкомъ все „постижимо"... и до чрезвычайности все опасно именно *если добираться до корней*. *В. Р—въ*.

Воскресенье, 5 августа.

Возвращаюсь къ вопросу о брачномъ разводѣ.

Такъ какъ у насъ нѣтъ гражданскаго брака, а есть только бракъ въ силу церковнаго таинства, то и разводъ брачный долженъ быть церковный, а не гражданскій. Нѣкоторые полагаютъ, что вѣдѣніе гражданскимъ судомъ бракоразводныхъ дѣлъ будетъ имѣть послѣдствіемъ ускореніе хода этихъ дѣлъ. Я позволяю себѣ сомнѣваться, ибо практика нашего гражданскаго судопроизводства достаточно научила насъ не вѣрить въ возможность скораго дѣлопроизводства, и два, три года для производства гражданскаго дѣла стало обыкновеннымъ явленіемъ... Но, оставаясь въ области церковной, бракоразводныя дѣла, очевидно, требуютъ совсѣмъ иного производства, чѣмъ теперь. Теперь главное въ бракоразводномъ дѣлѣ это формальности, а между тѣмъ всякій понимаетъ, что главное въ этихъ дѣлахъ это ихъ живая и часто мучительная сущность. Цареніе формализма совсѣмъ мертваго и совсѣмъ безучастнаго къ жизненной сущности въ каждомъ дѣлѣ произвело то, что весь центръ тяжести бракоразводныхъ дѣлъ сосредоточивается, какъ я сказалъ выше, въ двухъ безнравственныхъ формальностяхъ: 1) въ производствѣ дѣла въ консисторіи, гдѣ дѣло *безъ денегъ* обходиться не можетъ, и 2) въ исполненіи *формальности прелюбодѣянія при свидѣтеляхъ*...

Мнѣ кажется, что если хорошенько призадуматься надъ вопросомъ, то явится возможность, оставляя бракоразводное дѣло въ области церкви, устроить его съ соблюденіемъ чистоты и интересовъ нуждающагося въ разводѣ лица.

Въ то же время мнѣ представляется, что дѣлопроизводство по бракоразводному дѣлу можетъ и не быть дѣломъ церкви; вмѣшательство консисторіи въ эти дѣла надо обязательно, изъ уваженія къ церкви, считать непригоднымъ. Но затѣмъ, вѣдь-ли представляется удобнымъ и необходимымъ пріобщить лицъ духовной іерархіи къ производству бракоразводныхъ дѣлъ, требующихъ по отношенію къ разводамъ по прелюбодѣянію извѣстнаго слѣдствія, а въ особенности, знанія свѣтской жизни, котораго требовать въ достаточной мѣрѣ отъ духовенства довольно трудно.

Вотъ почему мнѣ представляется возможною и цѣлесообразною слѣдующая, напримѣръ, комбинація. Въ каждой епархіи могъ бы существовать особый *совѣтъ по бракоразводнымъ дѣламъ*, подъ предсѣдательствомъ епархіальнаго архіерея, въ которомъ присутствовали бы главныя должностныя лица въ губерніи, а именно: губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, губернскій воинскій начальникъ, губернскій городской голова, предсѣдатель губернской земской управы, предсѣдатель окружнаго суда и прокуроръ, и старшій благочинный въ губернскомъ городѣ—

и этому совѣту были бы подвѣдомственны всѣ бракоразводныя дѣла, причемъ этотъ совѣтъ всѣ изслѣдованія по каждому дѣлу возлагалъ бы на одного изъ своихъ членовъ. Совѣтъ этотъ рѣшалъ бы дѣло о разводѣ и о судьбѣ дѣтей, прижитыхъ отъ расторгаемаго брака, окончательно,—за исключеніемъ случаевъ, когда архіерей не соглашается ни съ однимъ изъ мнѣній совѣта, и тогда дѣло переносится въ Синодъ для окончательнаго рѣшенія.

Сомнѣваюсь, что при такомъ составѣ совѣта можно было бы не быть увѣреннымъ въ томъ, что дѣло о разводѣ получитъ будетъ всякій разъ рѣшеніе чистое и добросовѣстное.

Надо помнить, какъ я вчера говорилъ, что главными крикунами за облегченіе развода являются тѣ, которымъ это нужно въ интересахъ разврата, а вовсе не тѣ, которымъ это нужно въ интересахъ жизни и, дѣйствительно, безвыходнаго положенія. Вотъ почему для первыхъ разводъ долженъ быть, елико возможно, затрудненъ, а для вторыхъ, наоборотъ, облегченъ.

Именно этого такое самостоятельное и состоящее изъ лучшихъ людей губерніи коллегіальное учрежденіе подъ предсѣдательствомъ главы мѣстной церкви можетъ достигать всегда. При такомъ совѣтѣ не возьмешь ни деньгами, ни протекціею:—одна правда будетъ имѣть рѣшающую силу.

И сверхъ того получится огромное благодѣяніе: быстрота производства дѣлъ и отсутствіе всякой волокиты.

Фрагменты о бракѣ.

О наказаніи смертью и еще, сверхъ этого, чѣмъ-нибудь...

(Письмо въ редакцію „Нов. Вр.").

Позвольте мнѣ опротестовать явно невѣрную ссылку и могущую имѣть вредныя законодательныя послѣдствія. До сегодняшняго дня я думалъ, что послѣ смертной казни уже нѣтъ наказанія. Съ какимъ же изумленіемъ я прочелъ въ академическомъ здѣшнемъ органѣ, „Церк. Вѣсти.", слѣдующія строки: „а какъ за прелюбодѣяніе по Ветхому завѣту положена смерть, въ греческихъ же царскихъ законахъ вмѣсто смерти положены и другія казни, то и нынѣ нужно"... и т. д. Очевидно „нужно" или казнить или еще какъ-нибудь расправляться съ несчастными разводимыми по консисторскому приговору мужьями и женами. Не знаю, почему же это при такомъ строгомъ законѣ не казнили „по Ветхому завѣту" Давида и Соломона, которые по нашимъ законамъ оказались бы крайними прелюбодѣями? А въ „Книгѣ чиселъ" написано, что Богъ *призвалъ къ суду своему и покрылъ проказою* Маріамъ за то, что она упрекала брата своего Моисея, взявшаго эфіопянку въ жены себѣ при живой другой женѣ Сепфорѣ? И какимъ образомъ Соломонъ *не* казнилъ, а *разсудилъ* извѣстнымъ мудрымъ судомъ двухъ блудницъ, приведшихъ къ нему съ мертвымъ и живымъ ребенкомъ? Явно, что случаи нашего прелюбодѣянія, служащіе поводомъ къ разводу, не считались вовсе прелюбодѣяніемъ въ Ветхомъ завѣтѣ, ни по закону, ни практически, и вопросъ можетъ идти не о „казни" или „наказаніи" разводящихся супруговъ, какъ предлагаетъ анонимъ академическаго журнала, а о томъ, читалъ ли онъ когда-нибудь Ветхій завѣтъ, и если читалъ, то для чего онъ такъ искажаетъ его смыслъ, и притомъ съ практическими, явно законодательными цѣлями: внушить мысль нашимъ русскимъ свѣтскимъ судамъ о необходимости налагать уголовную кару на виновную при разводѣ сторону. Ни о какой

такой карѣ не можетъ идти рѣчь, потому что указы греческихъ царей для насъ такъ же мало обязательны, какъ и „Litterae obscurorum virorum“, а въ Ветхомъ завѣтѣ все устройство брака и семьи было иное, и тамъ никогда не было тѣхъ чудовищныхъ стѣснительностей, какія къ намъ перешли изъ этой же Греціи, и составляютъ наше историческое несчастіе. А не было тамъ такого тѣснаго и жестоко поставленнаго брака, то слѣдовательно нѣтъ нужды и „наказанія“ или ихъ идею переносить къ намъ. Вѣдь съ точки зрѣнія греческихъ средневѣковыхъ законовъ весь народъ Израильскій, отъ Авраама, имѣвшаго наложницею Агарь, и до послѣдняго еврея послѣднихъ временъ, всѣхъ надо бы предать „казни за прелюбодѣяніе“. Но какъ же тогда онъ былъ „народомъ возлюбленнымъ и избраннымъ“? Объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, не думаютъ беззаботные viri obscuri временъ греческихъ и нашихъ. Примите и пр. *В. Розановъ.*

О древне-русскомъ разводѣ.

Худое знаніе исторіи едва ли не есть главная причина недвижности нашего бракоразводнаго процесса. Представляется неопытнымъ, что мы имѣемъ въ существующихъ затрудненіяхъ къ разводу что-то древнее и уже священное въ силу этой древности. Между тѣмъ это вовсе не такъ. М. Рудневъ въ послѣдней книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“, въ статьѣ: „Церковное судопроизводство по дѣламъ о расторженіи брака по причинѣ супружеской невѣрности“, указываетъ, что въ старой до-Петровской Руси, когда конечно благочестія было не меньше, чѣмъ теперь, и семья не была слабѣе теперешней, былъ фактъ „существованія добровольныхъ бракоразводныхъ договоровъ, утверждаемыхъ подписями священнослужителей: порѣшившіе разойтись супруги мѣнялись другъ съ другомъ распускными листами“ (ноябрьская книжка, стр. 685). Здѣсь сохранено было и участіе церкви, въ лицѣ священника, но супруги не были поставлены въ то безправное парализованное положеніе, въ какомъ находятся сейчасъ, когда могучими вершителями дѣлъ семенныхъ являются консисторіи. Въ процессѣ объ убійствѣ Комарова, секретаря полтавской духовной консисторіи (дѣло братьевъ Скитскихъ), показывалось очевидцами, что онъ былъ принципіальнымъ противникъ развода и не давалъ хода или до-нельзя тормозилъ бракоразводныя дѣла. Отдѣльная частность покажетъ общее положеніе дѣлъ, и секретарь Комаровъ не чинилъ волю свою, но былъ исполнителемъ существующихъ правилъ, дававшихъ ему право „вязать“ и „разрѣшать“. Впрочемъ это и до дѣла Скитскихъ было довольно извѣстно. Такъ вотъ *кто* значитъ по существу-то дѣла „разводитъ“ и „не разводитъ“ въ Россійской Имперіи: секретарь, лицо свѣтское, имѣю-

щее такъ же мало священной санкціи, какъ и мы съ вами, читатель. И вотъ въ *чью* пользу и въ ростъ *чьего* авторитета изъяты какъ права у священниковъ, такъ и права у супруговъ. Прикажетъ секретарь—и обязанъ мужъ жить съ развратною женою: прикажетъ онъ же и будетъ жена нести побои и увѣчья отъ мужа, терпѣть его распутную и пьяную жизнь. Только невѣдѣніе исторіи, незнаніе Св. Писанія и какая-то овечья запуганность вообще всѣхъ несчастныхъ людей сдѣлала то, что ищущіе развода люди, уже сломленные и такъ судьбою, безъ гордости и безъ самолюбія несутъ этотъ не столько судъ надъ собою, сколько измываніе надъ собою. Давно пора вернуться здѣсь къ закону, настоящему и древнему: что *разводъ принадлежитъ тѣмъ самымъ лицамъ, которыя и заключили бракъ*, т. е. благословившему чету священнику и самимъ сочетавшимся. Написавъ же „распускное письмо“ или „разводное письмо“, они могутъ нотаріальную копію съ него отправлять въ консисторію, вообще въ нѣкоторый архивъ „дѣлъ“, и одновременно священникъ, съ приложеніемъ церковной печати, писалъ бы въ паспортахъ обоихъ бывшихъ супруговъ о новомъ ихъ состояніи вдовства. Во всякомъ случаѣ—это почва, которую можно разработать.

Цѣнныя слова.

Въ только-что появившейся 10-й книжкѣ „Вѣры и Разума“ напечатана рѣчь высокопреосвященнаго Амвросія, архіепископа харьковскаго: „О практической борьбѣ христіанъ съ современными заблужденіями и пороками“. Въ рѣчи этой, обращенной къ ученикамъ мѣстной семинаріи, сдѣланъ обширный обзоръ религіозныхъ и нравственныхъ нестроеній въ нашемъ обществѣ, и будущіе священники призываются къ практической борьбѣ съ этими нестроеніями. Кромѣ разныхъ сектантскихъ броженій, авторъ указываетъ и рѣзко порицаетъ такъ называемую равноправность женщинъ и стремленіе ихъ къ высшему образованію, свѣтскія удовольствія, распущенность семейной жизни и практикуемую въ обществѣ свободу чувствъ. Въ рѣчи этой однако есть слова, которыя поддерживаютъ женщину въ самомъ дорогомъ ея призваніи: „Права женщины дарованы ей отъ Бога при ея сотвореніи—быть помощницею мужа: *Сотворимъ ему помощницу по немъ* (Бытія. 2, 18) и на рожденіе и воспитаніе дѣтей: *Растителя и множителя, яко тя есть мати всѣхъ живущихъ* (стр. 621). Такъ говоритъ архипастырь. Мы подчеркиваемъ въ нихъ слово „право“, конечно право изначальное, основное, не могущее быть отнятымъ. Въ длинныхъ пропилогодшихъ спорахъ о такъ называемыхъ незаконнорожденныхъ дѣтяхъ мы въ сущности и основывались на томъ, что никѣмъ и никогда у женщины не могутъ быть отняты, фактически, идейно или законодательно, два этихъ коренныхъ ея и богозавѣтныхъ

права, и только мы не съумѣли въ свое время найти термина, формулы. Нужно говорить именно о „правѣ", каковое, при огромномъ въ обществѣ развитіи стараго дѣвства, сведено къ нулю, къ фикціи: о правѣ *каждой* женщины и при *всякихъ* обстоятельствахъ становиться „помощницею мужа" и „матерью и воспитательницею ею рожденныхъ дѣтей". Мужчины испорчены и перестаютъ жениться: но это разстройство брака съ мужской стороны никакъ не можетъ кассировать женское призваніе, которымъ поддерживается самое существованіе рода человѣческаго. Преосвященный коснулся и этой стороны. „Нельзя безъ скорби слышать отъ матерей семействъ отвѣтъ на замѣчаніе, — пора вамъ отдавать дочь замужъ: „За кого нынѣ отдать? Что за женихи! Отдать на погибель". Съ другой стороны нельзя безъ глубокаго негодованія слышать отъ распущенныхъ молодыхъ людей отвѣты на совѣтъ, — пора вамъ жениться: „Это — лотерея". Т.-е., что они свободны вести безпутную жизнь, потому что невѣсты тоже не безупречны. Они считаютъ себя даже свободными отъ труда поискать достойную ихъ невѣсту" (стр. 637–638). Такъ говорилъ ораторъ. Послѣднія слова попадаютъ прямо въ вопросъ о разводѣ: бракъ сталъ или точнѣе всегда и былъ безъ развода — лотереею, гдѣ проигрышъ возможенъ, а выигрышъ ничѣмъ не обезпеченъ. Ибо если тщательнѣйшій выборъ монархомъ министра не есть непремѣнное обезпеченіе удачи выбора, то и женихъ, сколь бы тщательно ни выбиралъ невѣсту, можетъ ужасно просчитаться въ оцѣнкѣ ея нравственныхъ качествъ; а разъ ставъ мужемъ, навсегда долженъ остаться съ таковымъ „министромъ", недобросовѣстнымъ, не исполняющимъ никакихъ обязанностей, безпутнымъ. Равно и жена, безъ правъ развода, не обезпечена ни отъ жестокости мужа, ни отъ его безпутства. Это и породило съ обѣихъ сторонъ страхъ брака, избѣганіе брака, и легкомысленный образъ жизни одного пола и невольное старое дѣвство другого, поведшее къ умноженію незаконныхъ рожденій. Нужно стараться объ умноженіи браковъ, о развитіи семьи, т.-е. надо лотерею съ проигрышемъ замѣнить лотерею только съ выигрышемъ: къ этому-то и сводится вопросъ развода, имѣющій цѣлью не разрушить хотя бы единую семью, а сохранить, въ случаѣ несклеивающейся, неудачной, окончательно погибшей семьи, право за человѣкомъ (какъ мужемъ, такъ и женою) еще другой разъ попытать счастья въ семьѣ. У всѣхъ на глазахъ множество примѣровъ, какъ разведенные и вновь вступившіе въ бракъ живутъ долгою счастливою и прочною семейною жизнью. Но теперь это рѣдкій и страшно дорогой и страшно трудный случай, а онъ можетъ быть частымъ. Бросить же жену никто и теперь не мѣшаетъ мужу, равно никто жен не мѣшаетъ бросить мужа. Они это и дѣлаютъ безъ всякаго препятствія, но только для чего-то сохраняютъ ненужныя имъ права на другую „половину себя" и не получаютъ нужнаго имъ права на вторичную семейную жизнь,

и, становясь въ холостое положеніе, безпутничаютъ и ростятъ проституцію. Уголовная хроника богатѣетъ, полиція получаетъ предметъ заботъ, нравственность падаетъ. Семья сокращается, кафе-шантаны растутъ. Кому это нужно? И государство, и церковь въ проигрышѣ, какъ и всегда они въ проигрышѣ, гдѣ страдаетъ или гдѣ неуклюже поставлена семья. Удержать отъ фактическаго разъѣзда наши законы еще никого не удержали, ибо если мучительно жить въ одной квартирѣ съ глубоко непріятнымъ человѣкомъ, то что сказать о близости мужа и жены на почвѣ уже сложившагося взаимнаго нравственнаго отвращенія? Это—пытка, отъ которой и бѣгутъ „въ разъѣздъ", никакимъ закономъ не запрещенный, да и не могущій быть запрещеннымъ, ибо никто не можетъ услѣдить и разслѣдить, какъ, почему и для чего мужъ и жена живутъ въ разныхъ городахъ. Разъѣздъ мѣняетъ муку на равнодушіе, на спокойствіе, на безпечальный и „безпроигрышный" флиртъ. Ясно, что здѣсь одно спасеніе въ новомъ бракѣ для обоихъ, уже испытанныхъ и умудренныхъ страданіемъ людей. Было бы не трудно собрать статистику вторыхъ, послѣ развода, браковъ, и ихъ длительности и даже счастья. Впрочемъ простыя наблюденія обывателя показываютъ, что именно такіе браки бываютъ длительны и счастливы.

Вотъ въ какихъ цѣляхъ, а не въ цѣляхъ разрушенія семьи, настаиваемъ мы на разводѣ. Достаточно духовенству нашему энергично оцѣнить положеніе вещей, и оно первое проведетъ вопросъ о реформѣ процесса развода. Ибо, повторяемъ, гдѣ счастье семьи, тамъ и выгода церкви. Нѣтъ у нея лучшихъ и горячѣйшихъ молельщиковъ, чѣмъ дѣти, отцы и матери. Посему всякое превращеніе дѣвушки въ матерь должно бы быть радость церкви, и всякое превращеніе праздно гуляющаго мужчины въ отца—опять же радость церкви. Это и должно быть фундаментомъ всѣхъ сужденій о разводѣ.

Напрасное обремененіе (о вторыхъ и третьихъ бракахъ).

Въ высокой степени важно, чтобы практическіе, жизненные шаги людей имѣли подъ собою почвою убѣжденіе твердое и послѣдовательное, а не эклектическое и колеблющееся. Въ видахъ этого позволю себѣ высказать нѣкоторое пожеланіе въ связи съ недавнимъ распоряженіемъ св. Синода, о коемъ сообщено въ январьской книжкѣ „Вѣры и Разума", о ненужности впредь испрашивать особое разрѣшеніе епархіальнаго архіерея для вѣнчанія мирянъ третьимъ бракомъ. Пожеланіе относится къ эпитиміѣ, которая однако налагается на новобрачнаго или новобрачную, смотря по тому, которыя изъ нихъ вступаетъ въ третій бракъ. Случай третьяго брака вообще есть явленіе крайне рѣдкое, и мнѣ

за 47 лѣтъ жизни привелось знать только два такихъ случая. Одинъ—въ Петербургѣ; это былъ бракъ 45-ти-лѣтняго, чрезвычайно крѣпкаго, моложаваго многосемейнаго (имѣлъ уже нѣсколько внуковъ) торговаго человѣка. Нынѣ покойный, это былъ безукоризненнѣйшій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, сохранившій и въ третьемъ бракѣ живую связь со своими многочисленными дѣтьми отъ перваго брака (отъ второго у него не было дѣтей). Среди бесѣдъ, патріотическихъ или религіозныхъ (онъ былъ очень религіозенъ, но безъ ханжества, а здоровымъ русскимъ чувствомъ), онъ нѣтъ-нѣтъ бывало и остановится, вспомнитъ о своемъ третьемъ бракѣ, и глубоко кается. Здѣсь я и вижу дѣйствіе эпитимьи, налагаемой на троебрачныхъ. Но доскажу о другомъ извѣстномъ мнѣ случаѣ троебрачія. Это былъ инспекторъ провинціальной гимназіи. У этого отъ первыхъ двухъ браковъ не было дѣтей, и кончились оба они рано и скоро. Человѣкъ крайне опредѣленный и положительный, любитель хорошаго пирога въ воскресенье, хорошаго винта вечеромъ, артистъ-регентъ, отлично организовавшій гимназическій хоръ и всегда стоявшій самъ на клиросѣ, душа общества и любимецъ клуба, едва ли онъ былъ когда-нибудь романтически и „сумасшедше“ влюбленъ. Онъ съ большимъ сожалѣніемъ вспоминалъ о второй женѣ, умершей рано въ чахоткѣ, и, какъ помню, не выносилъ запаха мускуса (цвѣтокъ), по воспоминанію о мускусѣ, который ей давали передъ смертью. О первой женѣ воспоминаній я отъ него не слышалъ. Дѣти были у него только отъ третьяго брака, что-то человѣкъ пять или шесть, мальчики и дѣвочки, и какъ одни, такъ и другія отлично учились, а въ домашнихъ играхъ, какъ теперь помню, были неистощимо изобрѣтательны. Многодѣтная и отличная хозяйка, хотя тоже любительница вечеркомъ сѣсть за карты, третья жена его была отличная барыня. А когда самъ онъ померъ, что-то около 55 лѣтъ, то его глубоко жалѣлъ весь городъ и вся гимназія, какъ отличнаго русскаго человѣка. Вотъ случай третьяго брака, кромѣ которыхъ я не встрѣчалъ. Оба брака были, что называется, „хозяйственные“ и произошли просто изъ чувства запустѣлости, которое образуется въ домѣ безъ хозяйки. Многіе и едва ли худшіе люди прямо не переносятъ мертвеннаго молчанія вокругъ себя, вымороченности, не могутъ жить безъ дѣтской возни и женскихъ хлопотъ. Въ жизни и смерти Богъ воленъ, и въ ранней смерти и вообще неудачѣ двухъ первыхъ браковъ оба мои знакомые были не причемъ. Оставалось жизни одному и другому еще лѣтъ на двадцать: и конечно ее прилично было провести семейно, а не кое-какъ, не въ холостомъ безобразіи. Если по каноническимъ правиламъ не возбраненъ бракъ и не сопровождается эпитимьею въ 60-лѣтнемъ возрастѣ, хотя именно это есть нравственно сомнительный бракъ, то какое есть основаніе

для эпитимьи брачущагося, когда ему 40—45 лѣтъ? Троебрачный всю жизнь свою прожилъ честною семейною жизнью; напротивъ, нужно принудить себя къ обману, схитрить, сфальшивить, чтобы сказать и подумать о человѣкѣ, 59 лѣтъ прожившемъ холостою жизнью и вступающемъ 60-ти лѣтъ въ первый бракъ, что теперь онъ впервые готовится узнать женщину, а что до этого времени всѣ 59 лѣтъ онъ находился въ состояніи Адамовой невинности. Однако мы замѣчаемъ, что на таковыхъ старыхъ женіховъ-холостяковъ епитимья не накладывается. Но эпитимья на троебрачныхъ, которые никогда и никого не погубили, и только вступая въ третій бракъ показываютъ, что они нисколько не разочаровались въ семейной жизни во время прежнихъ двухъ браковъ, и слѣдовательно прожили въ нихъ хорошо и счастливо, какой же она имѣетъ смыслъ? Очевидно въ эпитимьѣ содержится упрекъ вступающему въ бракъ и почти не желаніе, не охотное желаніе повѣнчать его. Очевидно, этотъ человѣкъ, собирающійся третій разъ жить семейно, совершенно не переноситъ внѣ-семейныхъ отношеній къ женщинѣ, и за это его надо хвалить, а не порицать. Да и похвалы онъ достоинъ, ибо на протяженіи всей жизни узнавъ только трехъ женщинъ — онъ новиннѣйшій Іосифъ сравнительно съ толпами, съ сонмами пожилыхъ веселящихся холостяковъ. Вѣдь напрасно было бы тутъ прикидываться невѣдущимъ и дѣлать видъ, что предполагаешь, будто эти холостяки дѣвствуютъ. Конечно они развратничаютъ напропалую, и никакой отвѣтственности, ни даже „законному“ упреку не подлежатъ. Третій бракъ и есть примѣръ, урокъ, рѣдчайшій и случайный, но поучительный, что нельзя касаться женщины иной, чѣмъ своя жена, и иначе, какъ въ правильной семьѣ. Обращаясь къ основаніямъ эпитимьи, мы не находимъ никакихъ. Въ Евангеліи умолчано, сколько разъ можно вступать въ бракъ. Но косвенный отвѣтъ на вопросъ тамъ есть. Это — бесѣда Спасителя съ самаряникою. На слова Іисуса, внѣ цѣлей бесѣды сказанныя: „Поди и призови своего мужа“, — она сказала: — „Господи, у меня нѣтъ мужа“.— „Это правду ты сказала: ибо ты имѣла *пять* мужей, и тотъ, котораго теперь имѣешь, не мужъ тебѣ“. И пѣтъ дальше глагола: „оставь этого, съ которымъ теперь живешь“, или: „ты много грѣшила въ прежней жизни“. Мы этимъ и воспользоваться можемъ въ виду отсутствія другихъ текстовъ. Ибо въ Канѣ Галилейской Спаситель не высказалъ о бракѣ никакого слова, и однако самое Его *присутствіе* здѣсь принято нами за освященіе, за „благословеніе“, за дозволеніе. Но насколько ярче бесѣда Его съ самаряникою! Если въ Канѣ Галилейской одно *присутствіе* Его освятило, то и здѣсь Его *бесѣда освящаетъ* же. А что Онъ не упрекалъ самаряніку и не сказалъ: „ты *грѣшила*“ или „*не согрѣшай* впредь“, то это, казалось бы, устраняетъ возможность упрека или эпи-

тимый и съ церковной стороны. Между тѣмъ покой и твердая совѣсть есть важное условіе счастья семейной жизни. Ибо не можемъ мы глаголъ священника выслушивать безъ трепета: и этотъ трепетъ останавливаетъ, вѣроятно, многихъ несчастнымъ образомъ раннихъ вдовцовъ; оставляетъ внѣ семьи много почтенныхъ дѣвушекъ и вообще есть причина разнообразнаго несчастія и дурныхъ нравовъ общества. Ибо всякая холостая жизнь человѣка безъ монашескаго спеціальнаго призванія (особый гласъ Божій) невольно бываетъ грязна и разрушительна для общества.

Опытъ самозащиты.

Г-нъ Скальковскій, въ рождественскихъ шуткахъ за прошлый и за нынѣшній годъ, приписываетъ мнѣ намѣреніе „упразднить бракъ“ и вериутъ благочестивыхъ соотечественниковъ къ правамъ радимичей и вятичей, которые „умыкаху женъ“, или обитателей Сахалина, которымъ на время даютъ казенную жену. При чемъ дѣти въ томъ и въ другомъ случаѣ бросаются на руки государства. Такъ какъ подобное мнѣніе обо мнѣ и моихъ взглядахъ на бракъ, высказанныхъ на страницахъ „Нов. Вр.“, мнѣ случалось читать и въ серьезной формѣ, въ газетахъ, журналахъ и даже цѣлыхъ брошюрахъ, то я нахожу полезнымъ, для возстановленія добраго своего имени, сказать нѣсколько словъ о той сторонѣ брака, которой вообще спеціально не касался: именно о формальной, какъ юридической, такъ и обрядовой.

Я не только не хотѣлъ бы, какъ мнѣ приписываютъ, устранить вѣнчаніе, но насколько художественное созданіе христіанства не имѣетъ поставленной около себя точки, хотѣлъ бы расширенія, углубленія и особенно поэтизаціи обрядовой стороны при вступленіи въ бракъ. Она упала сравнительно съ первыми вѣками церкви: новобрачные тогда семь дней ходили въ цвѣточныхъ вѣнкахъ (которые замѣнились теперешнимъ бронзовымъ „вѣнцомъ“), и время вѣнчанія было сейчасъ же послѣ литургіи, на которой новобрачные причащались. Всякій пойметъ, насколько это глубже было по значенію и художественнѣе по формѣ теперешняго „предетавленія свидѣтельства о говѣньи“, каковое дѣлается недѣли за двѣ до вѣнчанія, и трудно понять, какой оно имѣетъ смыслъ въ такомъ удаленіи отъ брака. Вообще потеря смысла и утрата красоты формъ, введеніе на мѣсто этого какихъ-то жесткихъ до непереносимости для деликатнаго слуха терминовъ, въ родѣ „брачнаго обыска“ и „оглашенія“, поразительно и удручаетъ сердце.

Далѣе я считалъ бы очень важнымъ приблизительно въ теченіе года между обрученіемъ и вѣнчаніемъ изученіе женихомъ и невѣстою нѣкоторыхъ важнѣйшихъ текстовъ Св. Писанія, до су-

пружества и семьи относящихся. изъ „Бытія“, „Апокалипсиса“, „Второзаконія“, кн. „Руѳь“, „Товія“ и „Іисуса, сына Сирахова“. Но это не для всѣхъ, не всегда и не вездѣ возможно. Семьи, по необходимости (замѣтьте это) начавшіяся безъ предварительнаго ритуала, однако я желалъ бы все-таки связать съ церковью напримѣръ чрезъ выдачу священникомъ освященныхъ колецъ. Это есть въ церкви: епископъ римскій утверждается въ должности чрезъ посылку ему папою шерстяной ленты (паліумъ). Вообще освященіе чрезъ вещь существуетъ въ церкви. Путемъ указываемаго мною средства связались бы съ церковью и ея священствомъ множество теперь существующихъ связей, особенно многочисленныхъ въ простомъ народѣ, и которыя теперь оставляются закономъ и церковью абсолютно безъ всякой формы. Такимъ образомъ я стою за совершенное уничтоженіе безформенныхъ сожительствъ. Но въ то время, какъ другіе предлагаютъ ихъ уничтожить и конечно никогда этого не въ силахъ будутъ сдѣлать, я настаиваю на ихъ признаніи, освященіи и оформленіи.

Свободное соглашеніе и теперь есть первый канонъ брака. Не разсуждаю, а выписываю изъ „Курса православнаго церковнаго права“ епископа Никодима (Спб. 1897): „Въ понятіи брака какъ въ гражданскомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ таинства, первое и основное условіе есть *обоюдное согласіе* (курс. авт.), συγκατάθεσις, consensus: именно, чтобы мужчина и женщина способомъ, признаннымъ закономъ, изъявили свою свободную волю вступить въ союзъ, обусловливающій бракъ. Поэтому бракъ считается заключеннымъ *въ тотъ моментъ*, когда воля мужчины и женщины получитъ внѣшнее *выраженіе* и сдѣлается обоюднымъ *согласіемъ*. А чтобы это обоюдное согласіе могло быть существенною основою брачнаго союза, оно должно соотвѣтствовать всѣмъ предписаніямъ закона, вообще существующимъ по отношенію ко всякому законному *договору*, и главнымъ образомъ, чтобы договаривающіяся стороны имѣли всѣ необходимыя для этого нравственныя качества, равно какъ въ отношеніи цѣли брака и всѣ физическія качества. Когда есть налицо всѣ эти нравственныя и физическія качества и когда взаимное согласіе было выражено въ установленной закономъ формѣ, тогда только это взаимное согласіе служитъ основою брака, чѣмъ и отвѣчаетъ первому внутреннему условію его“ (стр. 578). И нѣсколько далѣе: „Обрученіе, μνηστεία, sponsalia, есть взаимное обѣщаніе мужчины и женщины вступить въ бракъ, совершаемое въ настоящее время по церковному установленію передъ вѣнчаніемъ; оно заимствовано изъ римскаго права“ (стр. 579). Вотъ картина положенія дѣла по ученому канонисту, а не по моей философіи. Взаимное жениха и невѣсты *объявленіе* свободнаго согласія на вступленіе въ бракъ, что́ теперь протекаетъ въ вѣнчаніи такъ незамѣтно и

къ несчастію стало формальнымъ только опросомъ, на который дается часто не искренній же отвѣтъ,—и составляетъ собственно *моментъ* заключенія брака, *вступленіе* въ супружество. Это хорошо выяснено въ извѣстномъ тонкостью своей казуистики католическомъ богословіи. Передадимъ его въ изложеніи К. П. Побѣдоносцева („Христіанскія начала семейной жизни", Москва, 1901 г., стр. 47): „Католическая церковь, по правилу Тридентскаго собора, требуетъ для совершенія брака, чтобы послѣдовало торжественное *объявленіе* воли мужчиною и женщиною предъ священникомъ и двумя свидѣтелями: она приглашаетъ брачущихся къ церковному благословенію, но *не ставитъ это благословеніе необходимымъ условіемъ* для совершенія брака и довольствуется такъ называемымъ *пассивнымъ присутствіемъ* (курс. К. П. Побѣдоносцева) духовнаго лица". Такимъ образомъ патеръ является какъ бы священнымъ нотаріусомъ, свидѣтельствующимъ передъ Богомъ о происшедшемъ у него на глазахъ вступленіи въ бракъ супруговъ, но свидѣтельствуетъ *молча* (курс. К. П. Побѣдоносцева), а гласное выраженное согласіе на это жениха и невѣсты и образуетъ самый бракъ, что довольно отвѣчаетъ и выпискѣ изъ еп. Никодима, приведенной нами, о существенномъ моментѣ брака.

За исключеніемъ особъ царскаго дома, всѣ остальные православные вступаютъ въ бракъ такимъ образомъ, что обрядъ обрученія сливается съ вѣнчаніемъ (такъ-называемый „сговоръ" не есть обрученіе) и совершается въ одинъ день, слитно. Черезъ это утратилась искренность браковъ, вступленіе въ брачный союзъ по дѣйствительному обоюдному жениха и невѣсты согласію, желанію и влеченію. Прежде, когда обрученіе отдѣлялось годовымъ срокомъ отъ вѣнчанія, въ этотъ срокъ женихъ и невѣста могли хорошо узнать душевныя качества другъ друга: обрученіе еще не влекло непремѣннаго за собою брака, а уже обусловливало близость и интимность духовнаго общенія; женихъ и невѣста такимъ образомъ могли во время и безъ потрясеній и страданія разойтись другъ съ другомъ. Съ другой стороны обрученіе было чистымъ жениха и невѣсты соглашеніемъ, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, и „обрученную" дѣвушку никто, ни даже ея родители и законъ, не могли отнять у жениха. Такимъ образомъ любящіе другъ друга молодые люди, „обручившись" свободно, становились неразлучны, и произволъ родителей былъ устраненъ. Отдѣленіе обрученія отъ вѣнчанія, слияніе которыхъ у насъ есть продуктъ петровскаго гражданскаго законодательства, казалось бы составляетъ conditio sine qua non возстановленія чистоты и счастія браковъ.

Безусловно необходимымъ я считаю установленіе предбрачныхъ „пунктовъ соглашенія" (договора, „брачнаго контракта"—глубоко антипатичный терминъ) на случай несогласія, ссоръ и

разлученія супруговъ, гдѣ оговаривалось бы: 1) права мужа въ случаѣ непослушанія, мотовства и измѣны (хотя бы и не засвидѣтельствованной) жены, 2) права жены въ случаѣ грубости, жестокости, разврата, пьянства или мотовства мужа, 3) нѣкоторая, въ видѣ залога, сумма денегъ, которая клалась бы въ кредитныя учрежденія на обезпеченіе дѣтей въ случаѣ несчастнаго брака. Употребить такъ двѣ-три сотни рублей (или болѣе) было бы полезнѣе, чѣмъ пускать ихъ на вѣтеръ на шитье нарядаго приданаго, „свадебное путешествіе“ или блестящій балъ. „Предбрачный договоръ“ непріятно звучитъ въ виду идеальныхъ цѣлей брака и требующейся здѣсь любви. Но что дѣлать: опытъ родителей, общества и государства долженъ дальше видѣть, чѣмъ „воркующіе“ женихъ и невѣста, и именно, въ видахъ ихъ охраненія отъ возможнаго крушенія при неудачѣ, этотъ „договоръ“ долженъ съ безусловностью требоваться государственной властью. Онъ—то-же, что пробковый поясъ, который на случай кладется въ каюту каждаго отправляющагося въ море пассажира.

Бракъ во всѣхъ отношеніяхъ поставленъ у насъ легкомысленно и несчастно. Въ немъ очень обезпечили себя и „свое“ государство и духовенство, но рѣшительно ничего не сдѣлано для обезпеченія *прочности* союза и *счастья* союзныхъ лицъ, вступающихъ въ бракъ. Какъ мнѣ съ горечью и насмѣшкой сказалъ одинъ священникъ, „мы вѣнчаемъ документы, а не человѣка, и разсматриваемъ документы, а на людей намъ при бракѣ никогда и взглянуть“.

Поводъ къ дурнымъ мнѣніямъ о моей „теоріи брака“ (какъ выражаются нѣкоторые) подалъ мой взглядъ относительно абсолютной нерасторжимости каждой такъ сказать тріады: „отецъ, мать, ребенокъ“ каковую тріаду я считаю супружествомъ, хотя и не оформленнымъ; и, требуя для нея скорѣйшаго оформленія, однако и *до*, и *внѣ* и *безъ* такого оформленія прилагаю къ нея слова: „иже Богъ сочета человѣкъ да не разлучаетъ“. Таковое ученіе, если бы оно было принято, совершенно избавило бы государство отъ заботы о дѣтяхъ, тогда какъ теперь, выражаясь терминомъ г. Скальковскаго, „дѣти во множествѣ суть государственныя“ (воспитательные дома).

Я радуюсь, что, не смотря на шутки около моихъ „теорій“, онѣ явно распространяются въ обществѣ, и наконецъ пробуждаютъ движеніе даже въ законодательныхъ сферахъ. Совершенное упраздненіе понятія незаконнорожденности и преобразованіе развода очевидно уже не за горами. Теперь никто не пугается передъ этими вопросами, тогда какъ еще года два назадъ и объ уравненіи дѣтей незаконныхъ и законныхъ, и о разводѣ не могли говорить безъ какого-то страннаго испуга.

„Внѣ-каноническія“, а не „внѣ-брачные“.

Предполагается названіе „незаконнорожденныи“ замѣнить названіемъ „внѣ-брачный“.

Позволю себѣ предложить вниманію всѣхъ размышляющихъ людей вопросъ о положеніи одной особенной группы незаконнорожденныхъ, которыхъ, если не ошибаюсь, не коснулись никакія общія улучшенія судьбы послѣднихъ. Годъ назадъ я получилъ письмо, не весьма грамотное, отъ одного петербургскаго торговца. Онъ писалъ, что жена его, отъ которой у него не было дѣтей, уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ душевною болѣзнью, признанною врачами неизлечимою и развившеюся на почвѣ наслѣдственности; что въ разводѣ ему было отказано по невозможности доказать, что она была душевно-больною въ моментъ заключенія брака; что онъ послѣдніе три года сблизился съ другою женщиною и имѣетъ отъ нея двоихъ дѣтей, узаконить которыхъ ему хотѣлось бы, но онъ не можетъ. Второе письмо я получилъ за подписью „мать“; въ немъ бѣдная женщина, мать уже большого семейства, жалуется, что она восемнадцать лѣтъ живетъ вполнѣ счастливо съ однимъ видным петербургскимъ чиновникомъ, котораго вскорѣ послѣ его брака покинула его жена. Эта жена, имѣющая также пять человѣкъ дѣтей не отъ мужа, занесла ихъ всѣхъ въ метрики, какъ законныхъ дѣтей своего мужа, „а мои несчастные дѣти, кончаетъ она письмо, изъ которыхъ старшей дочери уже пятнадцать лѣтъ, всѣ остаются не крещеными и должны быть записаны незаконнорожденными“. Письмо закапано слезами и очень трогательно. Каждый пойметъ, что сблизиться съ человѣкомъ, покинутымъ женою и слѣдовательно безъ всякой надежды когда-нибудь называться его „женою“, представляетъ для порядочной и совѣстливой дѣвушки столько муки, пройти черезъ которую можетъ только самое героическое сердце. Мнѣ извѣстенъ случай, когда отецъ дѣвушки, такъ поступившей, дѣвушки изъ прекраснаго и богатаго семейства, ѣздилъ въ Константинополь съ цѣлью чего-нибудь добиться въ тамошнемъ греческомъ патріархатѣ (она сблизилась съ разведеннымъ мужемъ, фиктивно принявшимъ на себя „вину прелюбодѣянія“), но не достигъ ничего при личной полной готовности (въ Петербургѣ и въ Константинополѣ) духовныхъ особъ войти въ его положеніе и чѣмъ-нибудь ему помочь. Законъ выше личности, и усилія мужа, отца, іерарховъ церкви разбились о букву закона.

Здѣсь есть принципіальный вопросъ: мужъ, покинутый своею женою, или жена котораго признана неизлечимою душевно-больною, обязанъ ли въ отношеніи къ ней соблюдать супружескую вѣрность? И если обязанъ, то на какомъ точномъ основаніи по-

мимо буквы новѣйшаго закона, которая можетъ быть и измѣнена. Казалось бы такому мужу можетъ быть данъ совѣтъ вѣрности по слову: „могій вмѣстити—да вмѣститъ“. Но дать приказаніе, перемѣнить: „ты могъ бы“ на „ты долженъ“, едва ли основательно. Наконецъ, когда у такого мужа уже явились дѣти, отъ перваго же брака дѣтей нѣтъ и не было, представляется непужной жестокостью лишать ихъ правъ на имя отца и его имущество, когда этими правами законъ предоставляетъ пользовать дѣтямъ того другого мужа или полу-мужа, къ которому убѣжала его жена. Здѣсь мы имѣемъ яркій примѣръ, когда беззавѣтное самопожертвованіе дѣвушки жестоко наказывается, а поведеніе жены, ярко безчестное какъ въ описанномъ случаѣ (уходъ *вскорѣ* послѣ вѣнчанія отъ мужа) закономъ столь же упорно ограждается и защищается.

Терминъ „внѣ-брачныя“ возбуждаетъ о себѣ столько же вопросовъ, какъ и терминъ „незаконнорожденный“, о которомъ въ прошломъ году велись споры, едва ли съ опредѣлившимся результатомъ. И этотъ терминъ по всему вѣроятію приметъ на себя весь тотъ спеціальный позоръ, который составляетъ главную причину дѣтоубійства и самоубійства дѣвушекъ, и вообще побужденія къ укрывательству дѣтей, которыхъ гдѣ же и скрыть полнѣе, чѣмъ въ могилѣ. Совершенно точный терминъ для дѣтей, именуемыхъ теперь „незаконнорожденными“, терминъ единственно нужный для отличенія ихъ въ правахъ имущественныхъ, пенсіонныхъ и др.,—это „внѣ-каноническія дѣти“; liberi in jure canonico, liberi extra jure canonico. И въ метрики если ужъ нужно вносить какую-нибудь отмѣтку, можно бы вписывать эти латино-римскіе термины, опредѣляющіе, что понятіе данное, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, идетъ изъ древняго языческаго, еще римскаго законодательства, будучи перенесено оттуда въ Corpus juris civilis Юстиніана Великаго, и что оно ни мало не выражаетъ воззрѣній евангельскихъ или библейскихъ. Собственно особенный позоръ, связанный съ „незаконнорожденностью“ или „внѣ-брачностью“, коренится въ возможномъ о каждомъ такомъ ребенкѣ предположеніи, что онъ есть плодъ случайной и минутной, даже за деньги, связи; что съ *матери* такого ребенка снимается закономъ имя *честной, порядочной женщины*. Между тѣмъ думать это о дѣвушкѣ, свободной и юной, соединяющей навсегда судьбу свою съ лишеннымъ правъ женитьбы человѣкомъ, прямо безчеловѣчно; да и не только думать, а еще безъ разбора и документально утверждать. Вотъ снятіе этой моральной дифамаціи, упрека нравственнаго съ дѣвушки или женщины, которая была только сострадательна (приведенныя мною два случая), должно составить важную и непремѣнную заботу законодателя.

„Внѣ-брачные дѣти" contradictio in adjecto.

„Внѣ-брачные дѣти"—это есть contradictio in adjecto, „само-противорѣчивое опредѣленіе". Дитя самымъ *бытіемъ* своего показуетъ *присутствіе* брака, ибо „бракъ" т. е. „супружество" есть *связь между полами* (nuptiae est maris et feminae conjuctio—по Кормчей), *плодомъ коей является ребенокъ -всегда законный*. Мы можемъ говорить о „внѣ-*вѣнчанныхъ*" дѣтяхъ, но не о „внѣ-брачныхъ". Замѣчательно, что проститутки, гдѣ нѣтъ и тѣни: „того ради оставить отца и мать и *прилѣпится*"--никогда, безусловно никогда *не имѣютъ дѣтей*. Поразительно: вѣдь ихъ десятки тысячъ; въ теченіе десятилѣтій, столѣтій существованія проституціи -ихъ наберется *сотни* тысячъ: но этого удивительнаго извѣстія, что вотъ „дѣвица" такая-то въ такомъ-то домѣ терпимости „разрѣшилась отъ бремени"—нѣтъ вовсе, но было никогда! Этотъ феникъ не прилеталъ. Между тѣмъ, *тотчасъ* по изліеніи или *начинающая* свою профессію проститутка—вѣдь *здоровы*-же? Явно—Богъ проклялъ таковое явленіе (проституцію), Богъ отступился отъ людей „внѣ Образа и подобія Своего", и, какъ всегда мы читаемъ въ Библіи проклялъ ихъ имено *безплодіемъ*, *закрытіемъ чрева*. Но затѣмъ, внѣ проституціи—вы имѣете многобрачіе, поліандрію и полигамію, которыхъ не избылъ христіанскій міръ: вотъ въ чемъ горе! Но не закрывайте глаза на реальное бѣдствіе, и указывая на *едино*-вѣнчаніе, не утѣшайте себя: мы *моно*-гамисты, либо *моно*-андристы. Нѣтъ и нѣтъ: мы живемъ въ *неопредѣленномъ* и совершенно *зыбкомъ* многобрачіи!

Но я не хочу въ вопросѣ о дѣтяхъ становиться на почву сострадания или жалости: ибо истина здѣсь такъ свѣтла, что не нуждается въ филантропическихъ подставкахъ. Тысячею текстовъ изъ Библіи можно было-бы показать, что младенецъ, самое его появленіе, свѣтъ бытія, на него падающаго — не *внѣ* и не *безъ* преимущественнаго здѣсь участія, вниманія, благословенія Божія. „Богъ благословилъ меня дѣтьми". „Богъ наказалъ меня неплодіемъ" — это альфа и омега, между которыми женщина включаетъ весь смыслъ бытія своего. Да и *какъ*-же иначе? если *не* здѣсь Богъ, то *гдѣ* же? Не это-ли самая великая, по неразрѣшимости, тайна? а съ другой стороны, по достоинству завитаго въ этой тайнѣ—именно души человѣка, грядущей въ міръ, никѣмъ не судимой—не есть-ли это тайна священная? Блудницамъ и не дается она: но кому *дана* она уже возросла въ *супружество*, пусть несчастная кинута мужемъ своимъ, это *его* грѣхъ, его *отвѣтъ предъ Богомъ*, передъ людьми *позоръ*; но *ни ней* нѣтъ *ни* позора, *ни* отвѣта, *ни* грѣха: ибо она подпала давленію заповѣданія Божія: „имѣть къ мужу *влеченіе*". Все это очень серьезно; со всѣмъ этимъ

нельзя шутить. Мы разстроили, мы допустили разстроиться браку— до того, что имѣемъ только его осколки: но эти осколки суть въ точности „бракъ“ и нужно ихъ собрать въ цѣлость, а не регистрировать „незаконнорожденныхъ“, въ чемъ упражняется „законъ“ и куда тянутъ юридическое пророки. Нужно озаботиться о безсемейныхъ воинахъ, о бытѣ, и опять семейномъ, фабричныхъ; нужно дать просторъ и свободу движенія и жизни въ бракѣ. Но отрицать, что и тѣ осколки, въ которые по небрежности нашей превратился (отъ тысячи соціальныхъ причинъ) бракъ, суть однако въ точности бракъ, есть религіозное таинство — никто не въ правѣ.

Скажутъ: это „безнравственность“, это—„беззаконіе“. Но я покажу вамъ, что безнравственность и беззаконіе и получили себѣ начало отъ сліянія „вѣнчанія“ съ „бракомъ“, которое позднѣе перешло въ подмѣну, *замѣну* второго первымъ. Я „обвѣнчанъ“ единожды—и фактически потомъ начинаю полигамію; никто не обвинитъ меня ни въ ея „незаконности“, ни въ ея „безнравственности“. Вотъ на этомъ фактически и крушится бракъ. Перенесите-же центръ значительности именно въ супружество, въ сопряженіе половъ: *при* вѣнчаніи или *безъ* него разъ завязалась связь, открылось сопряженіе *есть бракъ во всей его религіозной полнотѣ*; и вотъ объ этой-то реальной религіозной связи объявите, что ее нельзя *нарушить „флиртомъ“*. Вы чувствуете, что здѣсь и лежитъ узелъ поправленія семьи, т. е. онъ лежитъ въ возстановленіи ветхо- и новозавѣтнаго ученія о бракѣ какъ *вещи*, а не о бракѣ какъ пошеи. Этой вещи ради человѣкъ „оставитъ отца и мать“ и „прилѣпиться“ вотъ полнота самимъ Спасителемъ оставленнаго намъ таинства.

Сколько разъ можно было вступать въ бракъ въ древней церкви.

Позволю себѣ подтвердить мнѣніе, имѣющее важное практическое значеніе, немалозначущимъ авторитетомъ. Въ прошедшемъ году, въ статьѣ „Напрасное обремененіе“, я высказался, что въ необозримомъ океанѣ случайностей, какія могутъ встрѣтиться въ жизни 140.000.000 людей, бываютъ рѣдкіе случаи быстрой потери въ краткій срокъ времени женою преемственно одного и другого мужа, или мужемъ одной и другой жены. Господинъ А—тъ передалъ печатно, при спорѣ со мною о незаконнорожденности, что онъ происходитъ отъ бабки, жившей долго и счастливо съ четвертымъ мужемъ, каковое супружество, какъ четвертое, не было повѣнчано, и многочисленные отъ него дѣти всѣ были „незаконнорожденные“. Въ выше названной статьѣ я поднялъ вопросъ объ основаніяхъ, на которые опирается запрещеніе для таковыхъ рѣдкихъ случаевъ четвертаго брака, и со-

слался, что въ Евангеліи таковыхъ основаній нѣтъ. Понятно, однако, было мое желаніе услышать подтвержденіе моей мысли со стороны болѣе авторитетной. Въ только что вышедшей октябрьской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника", въ статьѣ П. М. Громогласова: „О вторыхъ и третьихъ бракахъ православной церкви", я прочелъ на стр. 26-й слѣдующую удовлетворившую меня въ этомъ отношеніи ссылку: „Выраженіе снисходительнаго воззрѣнія на повторяемость христіанскаго брака мы находимъ у блаженнаго Іеронима". Въ подтвержденіе авторъ приводитъ слова послѣдняго: „Церковь не осуждаетъ ни вторыхъ, ни третьихъ браковъ, и точно также позволяетъ выходить замужъ за пятаго, за шестого и т. д. мужа, какъ и за втораго..."; и въ другомъ мѣстѣ повторительно тотъ же учитель церкви выразился: „Не осуждаю вторыхъ, ни третьихъ, даже, если можно сказать осьмыхъ браковъ: пусть иная приметъ и осьмого мужа, только бы перестала любодѣйствовать". А (цитирую статью) „изъ письма блаженнаго Осодорита къ патріарху антіохійскому Домну видно, что въ восточной церкви бывали случаи поставленія второбрачныхъ даже въ епископскій санъ" (стр. 28). Таковъ голосъ и практика древнѣйшей церкви, которая всячески примѣняла основаніе и собственно единственное правило брака, высказанное апостоломъ Павломъ: „Во *избѣжаніе* блуда *каждый* имѣй свою жену и во избѣжаніе блуда *каждая* имѣи своего мужа" (т. е. на протяженіи всей жизни всячески избѣгайте оставаться одинокими, что невольно и непремѣнно повело бы васъ къ блуду). Сообразно этому, всякій слѣдъ препятствія къ браку долженъ быть разематриваемъ какъ поощреніе и даже какъ понужденіе разврата, какъ „введеніе во искушеніе и преданіе лукавому". Къ этимъ заботливымъ древнимъ временамъ надлежитъ вернуться и XX-му вѣку, оставивъ вовсе вопросъ о нумераціонной сторонѣ супружества, не подлежащей усмотрѣнію въ жизни 140 мил. населенія. И тогда только общество и государство получатъ твердую почву и непререкаемое право начать медленную и послѣдовательную уничтожительную войну противъ проституціи, -о которой пока и вопроса не можетъ быть поднято. Прибавлю къ сказанному, что о поставленномъ вопросѣ я бесѣдовалъ неоднократно съ компетентными людьми, между прочимъ съ покойнымъ М. П. Соловьевымъ и однимъ очень ученымъ профессоромъ Петербургской духовной академіи. На мое указаніе о боли для міра, проистекающей отъ запрещенія второго брака вдовымъ священникамъ и четвертаго вообще всѣмъ, они говорили, что серьезныхъ основаній для этого нѣтъ, и это есть болѣе обычай, нежели мотивированный и основательный законъ. Въ письмѣ же, мною сохраняемомъ, и которое подписано „Русскій священникъ", я нашелъ слѣдующее мѣсто на данную тему: „Собесѣдница Христа самарянка имѣла послѣдовательно пять мужей и Христосъ не

осудилъ ее. Саддукеи указываютъ Христу Спасителю на случай, когда одна женщина выходила послѣдовательно замужъ за семерыхъ мужей, Мѳ., 22, ст. 23--26. И замѣчательно, что нигдѣ духомъ и тономъ Св. Писанія на подобные случаи не накидывается ни малѣйшей тѣни. Нигдѣ о нихъ нѣтъ отзывовъ въ порицательномъ или пренебрежительномъ смыслѣ. И Христосъ Спаситель, многократно разражаясь громами негодованія на разные другіе порядки и обычаи еврейской жизни, напр. Мѳ. гл. 23 или Марка гл. 7, нигдѣ и никогда ни полсловомъ не осудилъ состояніе и формы священной еврейской семьи". И т. д.—Не станемъ впадать въ фарисейство и пытаться превзойти въ цѣломудріи жизнь древнихъ христіанъ, современныхъ бл. Іерониму, ни поправлять Апостола, ни дополнять Христа. Мы споткнемся и уже споткнулись на этомъ, „запрещая бракъ и вводя людей въ блудъ".

1902 г.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

LIII. О записи въ метрики „незаконнорожденныхъ".

(Письмо въ редакцію „Нов. Вр.").

М. г. Въ № 9232 „Новаго Времени" В. В. Розановъ, протестуя противъ предполагаемой замѣны слова „незаконнорожденный" словомъ „внѣ-брачный", съ своей стороны предлагаетъ въ подлежащихъ случаяхъ употреблять слово „внѣ-канонический". Конечно, онъ дѣлаетъ это предложеніе лишь при томъ условіи, если будетъ признано необходимымъ оставить за незаконнорожденными дѣтьми какую-либо спеціальную кличку. Но есть ли непремѣнная нужда въ такой кличкѣ? Нѣтъ ли иныхъ способовъ безобиднымъ образомъ обозначить различные оттѣнки въ рожденіяхъ? Годъ назадъ, въ письмѣ въ редакцію „Новаго Времени" я предлагалъ троякую форму метрическихъ записей, какъ средство съ одной стороны избѣжать ненавистнаго, презрѣннаго и обиднаго слова „незаконнорожденный", а съ другой – сохранить указанія на различія рождающихся младенцевъ по способу происхожденія ихъ на свѣтъ Божій. Считаю благовременнымъ теперь повторить свой проектъ.

Первая форма метрическихъ записей должна относиться къ законнымъ супружествамъ, когда супруги вѣнчались въ церкви и живутъ вмѣстѣ. Здѣсь, при записи факта рожденія и крещенія младенца, въ графѣ о родителяхъ ребенка слѣдуетъ писать, какъ и пишется въ настоящее время: „такой-то и законная его жена такая-то". Вторая форма должна употребляться въ тѣхъ весьма многочисленныхъ и распространенныхъ въ наши времена случаяхъ, когда сожительствуютъ мужчина и женщина, невѣнчанные въ церкви, безотносительно къ тому, по какимъ причинамъ они не вѣнчались, составляя между тѣмъ правильную семью. Относительно младенцевъ, рождающихся въ такой семьѣ, въ графѣ о родителяхъ слѣдуетъ писать такъ: „такой-то и сожительница его

такая-то". Третья форма остается для всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда отецъ младенца остается въ неизвѣстности, или не желаетъ открыть себя. Въ этихъ случаяхъ въ графѣ о родителяхъ слѣдуетъ помѣчать одну только мать младенца, именуя ее такъ: „дѣвица такая-то", или „вдова такая-то". Само собой разумѣется, что по второй формѣ метрической записи младенецъ долженъ носить фамилію своего дѣйствительнаго — фактическаго отца, а по третьей формѣ фамилію своей матери.

Внимательный читатель уже замѣтилъ, что при указанномъ мною различіи въ метрическихъ запискхъ не остается даже мѣста для слова „незаконнорожденный", или для какого-либо его синонима, ибо всѣ оттѣнки происхожденія младенца со всею ясностью уже обозначены наименованіемъ его матери. Гдѣ матерь младенца названа законною женою, тамъ очевидно имѣется на лицо законное супружество; гдѣ она названа сожительницею, тамъ выступаетъ на сцену семья, составившаяся изъ невѣнчанныхъ сожителей; а гдѣ она названа дѣвицею, тамъ очевидно младенецъ есть плодъ краткой или случайной связи. Къ чему же тутъ вводить еще совершенно излишнее слово „незаконнорожденный". Метрическая запись должна быть только изображеніемъ дѣйствительнаго наличнаго факта безъ всякой его критики или оцѣнки.

Полагаю, что метрическія записи по рекомендуемому мною проекту гораздо лучше и несравненно нравственнѣе той жалкой и прискорбной фальсификаціи, какая допускается въ случаяхъ, подобныхъ разсказанному В. В. Розановымъ, когда жена, убѣжавшая отъ своего законнаго мужа и прижившая со своимъ любовникомъ пять человѣкъ дѣтей, всѣхъ ихъ въ метрикахъ записала на имя своего законнаго мужа. Не правильнѣе ли, не законнѣе ли, не нравственнѣе ли, не истиннѣе ли, не болѣе ли согласно съ дѣйствительностью было бы записать ихъ на имя любовника, съ которымъ означенная жена составляла дѣйствительную, хотя и не легальную, семью? Въ самомъ дѣлѣ, будемте искренни, соотечественники! Кому нужна эта безпросвѣтная ложь, эта чудовищная фальшь? Кого мы думаемъ ею обманывать и надувать себя, отечество, Бога? У кого хватитъ духа и отваги по совѣсти оправдывать и защищать эту жалкую фальсификацію?

Что касается положенія дѣтей, появившихся отъ сожительства или отъ случайной связи, то вдаваться въ разрѣшеніе этого вопроса я не считаю себя компетентнымъ. Опредѣлить правовое, имущественное и государственное положеніе такихъ дѣтей по совѣсти и по Божьи, прислушиваясь къ голосу человѣческаго родительскаго сердца, есть задача христіанскаго государственнаго законодательства. Желательно только, чтобы при рѣшеніи этого вопроса мы не забывали, что мы составляемъ изъ себя именно христіанское государство и что слѣдовательно для насъ при раз-

сужденіи о какихъ бы то ни было дѣтяхъ должны быть памятны слова Христовы: „смотрите, не призирайте ни одного изъ малыхъ сихъ; ибо говорю вамъ, что ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего Небеснаго“ (Мѳ. XVIII, 10).

Протоіерей *А. Устьинскій.*

LIV. Когда незаконныя дѣти будутъ законными?

Въ виду новаго пересмотра законовъ о незаконнорожденныхъ и проникшаго въ печать извѣстія, что имъ будетъ присвоено названіе „внѣ-брачныхъ“, уже высказано разными авторами достаточно, чтобы видѣть, какой это жгучій и въ то же время запутанный и сложный вопросъ. Г-жа Лухманова предлагаетъ присвоить такимъ дѣтямъ имя „государственныхъ“ дѣтей и имъ же попреимуществу предоставить казенныя мѣста въ училищахъ, стипендіи въ университетахъ, а слѣдовательно и всѣ преимущества, доставляемыя этимъ для карьеры служебной и иной. Г. Сѣренькій, полемизируя съ кн. Мещерскимъ, стоитъ за полное уравненіе этихъ дѣтей съ законными въ правахъ фамиліи и состоянія ихъ дѣйствительныхъ родителей. Уважаемый В. В. Розановъ, много думавшій надъ вопросомъ, предлагаетъ дать имъ тоже названіе „внѣбрачныхъ“ [1]), но только по латыни, и въ то же время признать гражданскую связь насильственно обреченныхъ на холостую жизнь мужчинъ съ дѣвушками героическаго характера за связь легальную и не менѣе святую, чѣмъ самый церковный бракъ. Кн. Мещерскій, называя ту же мѣру, обѣщающую расширеніе правъ незаконнорожденныхъ, великодушной и гуманной, не скрываетъ своей боязни, что право отыскивать родителей и связанныя съ тѣмъ имущественныя и сословныя права можетъ повести къ страшнымъ злоупотребленіямъ и шантажу.

Мнѣ кажется, что всѣ эти авторы, каждый по своему и въ предѣлахъ собственнаго великодушія, правы. Несомнѣнно также, что лучшее общественное рѣшеніе этого вопроса лежитъ въ разрѣшеніи гражданскаго брака вообще, а также широкаго разрѣшенія каждому мужу и каждой женѣ права признавать нелегальныхъ дѣтей своими, послѣ чего на этихъ признанныхъ дѣтей должны распространяться и всѣ сословныя и имущественныя права, какими пользовались ихъ родители. Въ старые годы такъ вѣдь въ сущности и было, хотя существовали не дѣти, а воспитанники, а фамилія такимъ воспитанникамъ придавалась чаще по матери, чѣмъ по отцу. Свидѣтелями послѣдняго являются исторически

---

[1]) Вовсе нѣтъ! Въ томъ-то мысль моя и состоитъ, что *бракъ*—есть, но *не* канонической: „matrimonium *extra* jure canonico“, однако—„matrimonium *sacrum*“. *В. Р—въ.*

извѣстные бастарды, въ числѣ которыхъ бывали и Шумскіе, и Жуковскіе.

Такія постановленія отлично рѣшатъ вопросъ относительно дѣтей, у которыхъ есть состоятельные отцы и матери или вообще отецъ и мать, взаимно преданные настолько, чтобы открыто признавать своихъ незаконныхъ дѣтей. Но рѣшая вопросъ сравнительно хорошо для высшихъ сословій, эти же законы весьма мало помогутъ громадному числу дѣтей, рождающихся отъ проституціи, болѣе или менѣе позорной, т.-е. для тѣхъ дѣтей, у которыхъ буквально нѣтъ отца, ибо имъ могли быть нѣсколько совершенно ничего общаго между собой имѣющихъ мужчинъ, или у которыхъ есть мать, умершая отъ болѣзни и чрезмѣрнаго пьянства въ спеціально для того созданной больницѣ. Если, по совѣту г-жи Лухмановой, именно этихъ дѣтей признать государственными и предоставить имъ исключительныя права по образованію и карьерѣ на общественный счетъ, то, не будучи пессимистомъ, можно ждать, что множество бѣдняковъ, живущихъ нынѣ въ честномъ бракѣ, постараются сбыть своихъ законнѣйшихъ чадъ въ воспитательные дома, на общественное привилегированное содержаніе и попеченіе. Помилуйте, кто же врагъ своему младенцу?

Писать же въ этомъ направленіи особые законы для лицъ привилегированныхъ и для простого народа едва ли въ свою очередь будетъ удобно. Что же касается до наименованія въ бумагахъ и метрикахъ этихъ дѣтей такъ или иначе, то какъ ни назовите, все будетъ не хорошо. Хоть „дѣтьми Божьими“, и то никто добровольно не пожелаетъ носить эту почетную кличку. Какъ упразднить фактъ? По природному—всѣ незаконные Бобчинскіе родятся совершенно такъ же, какъ и законные, но вѣдь мы живемъ не по природнымъ законамъ, а въ условіяхъ искусственной и ограниченной гражданственности. Тутъ само собой упраздненіе чего-либо стѣснительнаго для однихъ неминуемо должно отражаться на стѣсненіи другихъ. Здѣсь все, что будетъ сдѣлано въ пользу дѣтей, не легально рожденныхъ, отнимется отъ дѣтей легально рожденныхъ; все, что будетъ сдѣлано въ интересахъ свободнаго сожительства мужчины и женщины, будетъ во вредъ семьѣ церковной [1]). Семья вѣдь обуза, и пребольшая, особенно къ старости. Если ее не поддарживать извнѣ, съ нѣкоторымъ насиліемъ даже, то она неминуемо разсыпется [2]).

[1]) Вотъ это надо очень запомнить: „будетъ во вредъ семьѣ церковной, если въ чемъ-нибудь поможемъ людямъ не вѣнчавшимся“. Стѣд. *вся* судьба такихъ дѣвушекъ, вдовъ и ихъ дѣтей единственно исходила „изъ заботъ о семьѣ церковной“. *В. Р—въ.*

[2]) Да *во что* она разсыпется?! Преспокойно останется все на прежнемъ мѣстѣ,—и только *семей будетъ гораздо больше*, а сами онѣ—*чище* и *счастливѣе*. Все это объясняется въ этой книгѣ съ подробностями, какихъ незачемъ здѣсь повторять. *В. Р—въ.*

Смѣю думать, что я правъ, говоря, что вопросъ о незаконнорожденныхъ перестанетъ существовать только съ полнымъ торжествомъ крайняго феминизма. Когда дѣти будутъ носить фамилію матери и наслѣдовать ея права, тогда само собой исчезнетъ всякое между ними различіе и de jure и de facto. Одна мать достовѣрна; отецъ слишкомъ часто сомнителенъ, а такъ какъ ему и убѣжать легче отъ ребенка, чѣмъ матери, то этимъ и порожденъ вопросъ о легальныхъ и нелегальныхъ дѣтяхъ. И это одно только безусловно совершенное рѣшеніе вопроса. Но сколько можно видѣть впередъ и судить при наличности нашихъ чувствъ, царство феминизма будетъ заключать въ себѣ владычествующихъ неограниченно: „геторъ"-амазонокъ, затѣмъ „матокъ"-рожающихъ, существующихъ на подобіе дойныхъ коровъ, затѣмъ производителей-самцовъ, очень строго и жестоко содержимыхъ, и тому подобныхъ существъ и порядковъ, о которыхъ мечтаетъ крайній феминизмъ.

На самомъ же дѣлѣ будетъ только то, что можетъ быть.

На этомъ и утѣшимся. *А—тъ.*

LV. Игра словъ.

В. В. Розановъ, горячій, искренній защитникъ насынковъ „семейнаго права", вполнѣ основательно опасается, что терминъ „внѣбрачный" приметъ на себя весь тотъ позоръ, который до сихъ поръ тяготѣлъ надъ „незаконнорожденными". В. В. предлагаетъ замѣнить слово „внѣбрачный" -„внѣканоническимъ".

„Незаконнорожденный", „внѣбрачный", „внѣканоническій"— всѣ эти термины, приставленные къ человѣческому имени, звучатъ непріятно, всѣ три одинаково ярко подчеркиваютъ, что носитель ихъ bâtard.

Кому это нужно? Зачѣмъ порочить имя безъ вины виноватаго, отнимать у него при самомъ рожденіи право на человѣческое существованіе?

И безъ того плодъ любви несчастной обыкновенно подвергнъ многимъ чисто матеріальнымъ невзгодамъ. Въ большинствѣ случаевъ на ихъ долю выпадаетъ и голодъ, и холодъ, а въ довершеніе несчастья—позорное клеймо на всю жизнь.

Дѣти не могутъ требовать отъ родителей богатаго наслѣдства, отъ государства—пенсіи и знатныхъ титуловъ, но можно ли имъ отказать въ правѣ на лично неопозоренное имя? Вѣдь отмѣтка въ паспортѣ о недочетахъ прислуги—и та преслѣдуется закономъ, который не можетъ потерпѣть такого посрамленія личности, а по отношенію къ беззащитному, невинному существу говоритъ не отеческій голосъ, а слышится суровый приговоръ судьбы [1])...

[1]) Ну, конечно: понятіе и терминъ „незаконнорожденный" есть вне-

Разныя сословныя привилегіи, имущественныя права—дѣло въ жизни наживное. Мальчикъ-крестьянинъ можетъ достигнуть титула свѣтлѣйшаго князя и званія фельдмаршала (какъ Меньшиковъ), разбогатѣть какъ московскіе милліонеры, но „незаконнорожденный", „внѣбрачный", „внѣканоническій" никогда не можетъ сбросить этого позорнаго тавра, своей каторжной печати, никогда не можетъ быть просто „сыномъ", а всегда съ гнусной приставкой...

Скажутъ, упоминаніе о „внѣбрачности" рожденія необходимо для опредѣленія гражданскихъ правъ лица, для охраненія интересовъ „законныхъ" дѣтей. Если это такъ нужно, то неужели другимъ путемъ нельзя гарантировать признаваемыхъ закономъ наслѣдниковъ, что ихъ пай не будетъ затронутъ несчастнымъ братомъ, сестрой или болѣе отдаленнымъ нелегальнымъ родственникомъ? Это не больше, какъ техническая подробность законодательства, которая должна отступить передъ яснымъ принципомъ невозможности клеймить невинныхъ. Пусть въ метрическихъ свидѣтельствахъ дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, вмѣсто позорныхъ опредѣленій и наименованій будетъ глухое упоминаніе, что относительно правъ наслѣдственныхъ надлежитъ представить дополнительные документы.

Вопросъ о незаконнорожденныхъ назрѣлъ, проникли слухи въ печать о намѣреніи улучшить ихъ положеніе. Дѣло благое, человѣчное! Не слѣдуетъ же останавливаться на полумѣрѣ, на игрѣ словъ, перемѣнѣ терминовъ. Богъ съ ними съ прирожденными качествами. Теорія наслѣдственности камнемъ налегла теперь на человѣчество. За грѣхи предковъ, за былыхъ алкоголиковъ, сифилитиковъ, эпилептиковъ, за больныхъ прапрадѣдовъ и прабабушекъ приходится ждать расчета молодымъ поколѣніямъ. Не сегодня, такъ завтра наступитъ расплата. Слава Богу не придумали еще зарегистрировать при рожденіи такихъ опредѣленій: „сынъ алкоголика", „правнукъ развратницы", „праправнукъ сумасшедшаго"...

Желательно и черную приставку о рожденіи „внѣ-брака" совсѣмъ стереть и не напоминать о ней людямъ, имѣвшимъ несчастіе родиться внѣ теплаго, оберегаемаго государствомъ, семейнаго гнѣзда.

В. Кривенко.

сенная въ самый законъ, и отъ закона на частныхъ людей падающая, диффамація гражданская религіозная. *В. Р—въ.*

LVI. Изъ писемъ о „незаконнорожденности".

1.

М. Г. В. В.!

Послѣднее время много пишется о дѣтяхъ „незаконнорожденныхъ", о томъ, что имъ на всю жизнь дается позорная кличка. Дѣло по моему не въ названіи, а въ томъ, что незаконность рожденія отмѣчается при самомъ вступленіи въ свѣтъ и остается отмѣченной на всю жизнь. Избѣжать этого, мнѣ кажется, возможно измѣненіемъ самого порядка записи въ метрическія книги. Вмѣсто теперешней формы записи принять общую для всѣхъ дѣтей: „Такого-то числа и года въ такой-то церкви крещенъ младенецъ (имя), родившійся тогда-то. Воспріемниками были" и пр. Одновременно съ этимъ дѣлать надпись на метрическомъ свидѣтельствѣ о бракосочетаніи родителей: „у означенныхъ въ семъ свидѣтельствѣ супруговъ такого-то числа родился (сынъ или дочь, который и занесенъ въ метр. книги о родившихся такой-то церкви такого-то за № ." и вмѣнить въ обязанность священникамъ вмѣстѣ съ выдачей свидѣтельства о крещеніи выдавать безплатно копію брачнаго свидѣтельства родителей съ означенной надписью.

Незаконнорожденные по достиженіи извѣстнаго возраста должны приписываться къ обществу,—и получатся мѣщане или крестьяне такіе-то (отчество и фамилія по воспріемному отцу) и нигдѣ не будетъ отмѣтки русской или латинской, которую захочется скрыть или которой надо стыдиться. При такомъ порядкѣ уничтожится и названіе „узаконенныя", которое тоже не очень благозвучно и посящимъ его врядъ-ли пріятно. Форму записи выработаютъ спеціалисты, ну а что придется писать и имѣть вмѣсто одного метрическаго два, это не бѣда, тѣмъ болѣе что копію и надпись можно писать на оборотѣ метр. свид. о крещеніи. Если найдете мою идею стоющей вниманія, помѣстите въ своихъ статьяхъ, не упоминая моей фамиліи, такъ какъ это для меня по нѣкоторымъ причинамъ неудобно. Простите за неразборчивость письма, но причина этого не небрежность, а болѣзнь пальца на правой рукѣ.

Съ полнымъ къ Вамъ уваженіемъ остаюсь *А. К—въ.*

P. S. Вмѣсто практикуемой теперь перемѣны метрическихъ свидѣтельствъ придется дѣлать надписи (на основаніи постановленія суда) на метрическомъ о бракѣ, и выдавать копіи: и тогда только при внимательномъ сличеніи времени брака и рожденія можно будетъ знать о томъ, что такой-то „узаконенъ". Кромѣ этого проектируемый мною порядокъ затруднитъ и запись незаконныхъ дѣтей, прижитыхъ женой, уѣхавшей отъ мужа.

Закончивъ письмо, вспомнилъ еще одну подробность. Для установленія связи между матерью и незаконнымъ ребенкомъ можно матерямъ выдавать свидѣтельства:

„У такой-то,—тогда-то родил$^{ся}_{ась}$ (сынъ— дочь) котор$^{ый}_{ая}$ и записа$^{нъ}_{на}$ въ метр. книги такой-то церкви, тогда-то за № ".

2.

Милостивый Государь, В. В.

Въ печати много писалось о томъ, чтобы не клеймить дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, „незаконнорожденными". Предлагали разное: назвать „внѣбрачными", „внѣканоническими", и т. д., но это все дѣлу не помогло-бы, кличка осталась бы кличкою. Если бы даже для рожденныхъ внѣ брака документы составлялись совершенно одинаково, какъ и для дѣтей законныхъ, но для отличія (имена) фамиліи первыхъ только бы подчеркивались—и этого достаточно было бы, чтобы ихъ заклеймили какимъ либо словомъ, ну хоть— „подчеркнутыми".

Мнѣ кажется, чтобы не клеймить ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей на всю жизнь, слѣдовало бы измѣнить запись крещаемыхъ дѣтей въ метрическія книги, и форму выдаваемыхъ копій изъ метрическихъ книгъ тоже немного измѣнить. Въ метрическія книги записывать имя ребенка и отъ кого онъ родился, при чемъ никакихъ упоминаній, что онъ законнорожденный или незаконнорожденный, не дѣлать. Если отецъ незаконнорожденнаго признаетъ его своимъ ребенкомъ, то онъ объявляетъ объ этомъ (при записи) священнику, предъявляетъ ему свои документы и священникъ записываетъ: „мать: дѣвица [1]) Анна Ивановна Иванова, отецъ: дворянинъ Игнатій Ивановъ Николаевъ". Если-же отецъ не признается, то записывать одну мать.

При выдачѣ же выписки изъ метрической книги помѣщать только имя, отчество и фамилію отца какъ для законныхъ, такъ и для незаконныхъ дѣтей [2]). При такихъ условіяхъ никто изъ окружающихъ ни въ учебномъ заведеніи, ни на службѣ не будутъ знать о незаконности рожденія, пот. что метрическая выпись

[1]) Никто такову „дѣвицею" не смѣетъ называть. Самъ человѣкъ долженъ отвѣтить о себѣ: „я—жена", „женщина", „дѣвица", „мать"; а полиція должна покорно вписать въ паспортъ то, что диктуетъ о себѣ его владѣлецъ. Дѣвушка съ рожденіемъ ребенка получаетъ новый паспортъ: „Анна Петрова и при ней ребенокъ такой-то" съ выпускомъ прежняго именованія: „дѣвица"). *В. Г—въ.*

[2]) Ни подъ какимъ видомъ не обозначая, кто мать, по тому что къ просьбѣ законныхъ такія помѣтки начали-бы дѣлать. *П. К—писъ.*

будетъ указывать только отца, а состоитъ ли онъ въ бракѣ или не состоитъ—этого въ выписи не значится. Для тѣхъ же дѣтей, отъ которыхъ отцы ихъ отреклись, въ выписи проставлять имя матери.

Еслибы не желательно было уравнять права наслѣдства, то чтобы не выходило недоразумѣній по наслѣдованію отъ отца незаконнорожденнаго ребенка, слѣдуетъ суду требовать во всѣхъ случаяхъ полную выписку изъ метрическихъ книгъ, гдѣ и видно будетъ, законный или незаконный ребенокъ. Такія выписи могутъ быть выдаваемы только по требованію суда, отца ребенка, матери и самого незаконнорожденнаго. Постороннимъ лицамъ выпись не должна выдаваться.

Будьте любезны развить эту мысль и напечатать въ „Новомъ Времени". Если бы нужно было подробнѣй изъяснить мою мысль, я съ удовольствіемъ готовъ вамъ отвѣтить на ваши вопросы. Примите увѣреніе въ моемъ къ вамъ почтеніи. *П. Кур—тасъ.*

3.

Многоуважаемый В. В.!

Все, что вы сказали сегодня, въ своей замѣткѣ, и что писали на-дняхъ въ газетахъ по поводу открытія въ Кіевѣ новаго притона замаскированнаго дѣтоубійства, есть одинъ вопросъ, самый ужасный въ жизни. Главные виновники этого: рутина и предразсудки. Строй жизни не можетъ быть тотъ же, что былъ даже 100 лѣтъ тому назадъ. Женщина теперь не та раба, которая жила въ теремѣ, и была съ дѣтства рабой родителей, а потомъ мужа; или крѣпостная, которая была въ двойномъ рабствѣ. Разъ не стало этого рабства, женщина свободна, но всѣ ея запросы жизни, по старому, остаются „въ общественномъ" рабствѣ. Оттого и весь строй общества и семья страдаетъ. По моему мнѣнію, все измѣнилось бы къ лучшему, лишь исчезъ бы жестокій предразсудокъ—считать позоромъ материнство [1]). Тогда каждая женщина нашла-бы свою семью [2]), т. е. нашла-бы цѣль въ жизни, привязанность, все то, что возвышаетъ нравственно человѣка вообще, къ какому бы кругу об-

[1]) Возведите его въ *славу* и все измѣнится, вся цивилизація. Вотъ что надѣлалъ идеалъ дѣвства: онъ подрылъ счастье и прочность цѣлой цивилизаціи. *В. Р—въ.*

[2]) Можно бы преобразованіе начать съ закона о наслѣдованіи: дочь, наслѣдующая (теперь) отъ родителей въ размѣрѣ [illegible], сравнительно съ братьями, получаетъ при первой же беременности, заявленной и доказанной суду (вообще власти, напр., священнику или губернатору) полное уравненіе наслѣдственныхъ правъ съ братьями. Вообще надо не втихомолку, а явно, громко, государственно и религіозно, объявить превосходство родительства передъ дѣвствомъ. *В. Р—въ.*

щества ни принадлежала женщина по своему развитію. Любовь къ своему ребенку заставляетъ каждую мать больше подумать и о своемъ нравственномъ воспитаніи. Это ужасное зло, жестокій приговоръ людской покрывать позоромъ материнство внѣ брака: и оно есть начало „фабрикъ" Скублинской и проч., и ухода дѣвушекъ даже въ гаремы, о чемъ вы писали,—лишь бы найти привязанность и покой. Интеллигентныя, здоровыя матери сами должны умѣть воспитывать дѣтей, это ихъ долгъ, обязанность, а не сдавать дѣтей на руки боннъ и гувернантокъ. У меня была прислуга, дѣвушка, но имѣющая сына, и любовь къ этому ребенку спасла ее отъ всѣхъ искушеній, она не отдала ребенка въ воспитательный домъ, а отдала на воспитаніе въ деревню, отецъ помогалъ, и сообща они платили за него, ѣздили къ нему; мать старалась жить на одномъ мѣстѣ, чтобы не потерять возможности во время посылать гонораръ. Другая дѣвушка, ея знакомая, также готовилась быть матерью, но боясь того, что скажутъ, т. е. людского приговора, плакала, страдала, все скрывая, и должна была отдать ребенка въ воспитательный домъ. Не могла помириться „съ позоромъ" и съ горькими слезами отнесла свое дитя туда. Но, когда привычка взяла свое, т. е. успокоилась отъ разлуки съ ребенкомъ, и считая себя уже не дѣвушкой, она, ничѣмъ не связанная, повела жизнь по избитой дорогѣ, и материнство для нея пропало. А оставила бы она свое первое дитя на своемъ попеченіи, она могла бы быть честной, любящей матерью, и свою нравственность сохранила бы, любя ребенка. Только бы признали материнство *правомъ* каждой женщины, лишь бы она *честно относилась къ своимъ обязанностямъ*, не спрашивая, законный или незаконный ребенокъ, тогда уменьшилось бы много, много зла въ жизни. Это единственный выходъ. Дома трудолюбія не привлекутъ никогда молодую жизнь, желающую именно жить согласно съ тѣмъ, чего требуетъ природа, т. е. материнства. Это не развратъ, и отъ этого нечего оберегать женщину, она для этого создана, а ее насильно хотятъ сдѣлать весталкой [1]) при домѣ трудолюбія! Конечно, ей въ гаремъ лучше. Общество ставитъ на одну ступень материнство внѣ брака и развратъ. А это такъ же далеко одно отъ другого, какъ небо и земля. Лишь бы поняли эту разницу, и тогда легче многимъ жилось бы на свѣтѣ. Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи *С. Чужбойская.*

LVII. Незаконнорожденные во Франціи.

Если одинъ и тотъ же вопросъ начинаетъ одновременно занимать общество и правящія сферы въ различныхъ странахъ, значитъ онъ назрѣлъ, и правда, съ такимъ трудомъ пробивающая

[1]) Письмо это печатается *вопреки* моихъ двухъ статей, которыми оно было вызвано, для обвиненія рубрики „незаконнорожденность". *В. Р—въ.*

себѣ дорогу въ свѣтѣ, успѣла сдѣлать относительно его завоеванія въ сознаніи людей. Положеніе незаконнорожденныхъ занимаетъ у насъ и печать, и правительство, и о немъ же толкуютъ теперь во Франціи, гдѣ положеніе злополучныхъ „пасынковъ судьбы" едва ли не хуже, чѣмъ у насъ. Отзвукомъ этихъ толковъ является статья чуткой „Revue" въ декабрскомъ ея выпускѣ. Курьезно, что для этой небольшой работы два автора, гг. Лагранжъ и Де-Нувіонъ, соединили свои силы.

„Всѣ люди родятся и живутъ, пользуясь одинаковыми правами", объявила болѣе вѣка назадъ „декларація правъ человѣка и гражданина". И между тѣмъ французскіе законы доселѣ дѣлятъ людей по рожденію на два разряда, давая одному изъ нихъ меньше правъ, чѣмъ другому, хотъ и оставляя ему въ утѣшеніе одинаковое количество обязанностей.

Несправедливость общества къ этимъ безвинно-виноватымъ, количество которыхъ поражаетъ во Франціи своею численностью, начинается, такъ же какъ и у насъ, съ минуты ихъ появленія на свѣтъ. Надо внести ребенка въ метрическія записи. Собственная семья отталкиваетъ его, въ особенности семья отца, всегда склонная сомнѣваться въ дѣйствительности отцовской личности или враждебная къ нему по имущественнымъ соображеніямъ. Въ школѣ, въ мастерской, въ арміи, въ чиновничьей канцеляріи клеймо незаконности лежитъ на несчастномъ, такъ какъ и въ метрикѣ, и въ воинномъ формулярѣ положеніе его родителей и его самого обозначено съ жестокою точностью. Захочетъ ли незаконнорожденный вступить въ бракъ, объявленія мэра называютъ имена его отца и матери и обнаруживаютъ „неправильность" его происхожденія. Положеніе незаконнорожденныхъ, одинаковое съ тѣмъ, какимъ было оно полтора вѣка назадъ, поддерживается во всей своей несправедливости статьями французскаго кодекса.

Всѣ незаконныя рожденія раздѣляются на три группы:

1) Дѣти, рожденныя отъ неженатыхъ мужчинъ и дѣвушекъ.

2) Дѣти отъ холостого отца и замужней матери, или наоборотъ.

3) Дѣти отъ отца и матери, состоящихъ въ бракѣ съ другими лицами.

Незаконнорожденныя, принадлежащія къ первому разряду, являются среди другихъ какъ бы привилегированными. Родители ихъ могутъ вступить между собою въ бракъ и сдѣлать ребенка законнымъ. Но и здѣсь коварное законодательство изобрѣло терминъ, отпускающій извѣстную долю кары безвинно-виноватымъ. Такія дѣти зовутся „узаконенными", отмѣтка объ этомъ вносится въ ихъ метрики и тайна ихъ рожденія рано или поздно разоблачается. Условія въ правахъ наслѣдства такихъ дѣтей также отличаются нѣкоторыми особенностями, дающими преимущество дѣтямъ, рожденнымъ въ бракѣ, передъ узаконенными.

Инымъ является положеніе незаконнаго ребенка женщины, состоящей въ бракѣ. Французскій законъ запрещаетъ замужней женщинѣ признать своимъ такого ребенка, такъ какъ всякій ребенокъ, рожденный въ бракѣ, предполагается ребенкомъ законнаго мужа. И если онъ откажется признать этого ребенка своимъ, то ребенокъ объявляется „прелюбодѣйнымъ" (adultérin) и положеніе его дѣлается ужаснымъ.

Незаконныя дѣти родителей, состоящихъ каждый въ законномъ бракѣ, разумѣется, самыя несчастныя. Французскіе чиновники, хотя законъ и не даетъ имъ на это яснаго права, требуютъ обыкновенно объявленія имени матери. При этомъ начинаются уловки и увертки. Часто пишутъ вымышленное имя, что ведетъ потомъ къ печальнѣйшимъ осложненіямъ, напримѣръ къ невозможности такому лицу вступить въ бракъ, такъ какъ для его вступленія въ бракъ законъ требуетъ согласія матери.

Если два лица, уличенныя въ прелюбодѣяніи и разведенныя, вслѣдствіе смерти прежнихъ своихъ супруговъ оказываются свободными и получаютъ возможность вступить между собою въ бракъ, французское законодательство является къ тому препятствіемъ, запрещая бракъ между лицами, уличенными въ прелюбодѣяніи. Если ребенокъ былъ записанъ прежнимъ мужемъ женщины законнымъ, то теперь, послѣ смерти этого мужа, настоящій отецъ не можетъ усыновить его, ибо право усыновленія относится только къ незаконнымъ дѣтямъ, а этотъ записанъ законнымъ. Сами виновные могутъ обвѣнчаться за границей и упорядочить свое положеніе, жертвою же закона остается невинный. Онъ не можетъ наслѣдовать послѣ своихъ родителей. Дѣти, родившіяся отъ этихъ родителей впослѣдствіи, могутъ не признать его своимъ братомъ и прогнать.

Какъ выходъ изъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ условій, французское законодательство допускаетъ, правда, „пріемныхъ дѣтей" и идетъ въ этомъ случаѣ такъ далеко, что видитъ возможность дать права пріемныхъ родителей одного ребенка въ одно и тоже время нѣсколькимъ лицамъ, такъ что у ребенка можетъ быть нѣсколько отцовъ и матерей. Усыновленіе является иногда единственнымъ спасеніемъ дѣтей, въ особенности такъ называемыхъ „прелюбодѣйныхъ". Но многимъ ли изъ этихъ несчастныхъ выпадаетъ удача найти себѣ пріемныхъ родителей?

Нечего говорить, какъ мало выигрываетъ отъ преслѣдованія незаконныхъ дѣтей государство и общество. Доказано безчисленными примѣрами, что ненормальность положенія этихъ лицъ и связанныя съ нею житейскія невзгоды дѣлаютъ изъ нихъ людей озлобленныхъ и толкаютъ въ ряды недовольныхъ обществомъ и питающихъ къ нему чувства ненависти и мщенія. А количество незаконныхъ рожденій не уменьшается, а увеличивается во Фран-

ціи. Составляя въ 1875—78 годахъ 35 проц. законныхъ рожденій, въ 1896—99 годахъ оно поднялось до 41 проц.!

Строгости закона не исправляютъ въ этомъ случаѣ нисколько современныхъ французовъ. Молодежь уклоняется отъ законныхъ браковъ, налагающихъ обязанности, принуждающихъ къ усиленному труду и заботамъ о семьѣ. Примѣры свободныхъ союзовъ становятся все болѣе и болѣе частыми, и возникаютъ жизненныя трагедіи, примѣры которыхъ въ литературѣ дали Додэ въ „Жакѣ", Франсуа Коппе въ „Coupable", и въ „Fils naturel"—А. Дюма, самъ незаконнорожденный, подобно нашимъ Жуковскому, Полежаеву и Костомарову.

Авторы-французы взываютъ къ справедливости и требуютъ пересмотра законовъ о незаконнорожденныхъ. Они высказываются при этомъ со всевозможной осторожностью, сознавая отлично, что главнымъ противникомъ въ этомъ случаѣ будетъ значительная часть самого общества, именно косная и закоренѣлая въ предразсудкахъ французская буржуазія. Въ этомъ дѣлѣ русскіе взгляды болѣе гуманны и терпимы. Незаконнорожденные, въ особенности въ народѣ, далеко не всегда играютъ у насъ роль отверженцевъ. Относилось къ нимъ нерѣдко мягко и старое барство, и Лицыны, Бецкіе, Панины, потомки Голицыныхъ, Трубецкихъ и Репниныхъ играли не послѣднюю роль въ обществѣ, а дѣти Разумовскаго—Перовскіе—принадлежали къ высшей знати, также какъ и потомки князей Куракиныхъ, носящіе три единственныя существующія русскія баронскія фамиліи.

Требованія французскихъ авторовъ весьма скромны и сводятся пока къ улучшенію правъ наслѣдства внѣбрачныхъ дѣтей и уравненію ихъ съ другими гражданами въ льготахъ по воинской повинности. Коренная реформа въ этомъ дѣлѣ кажется имъ столь трудною, что они называютъ ее одною изъ величайшихъ задачъ наступившаго новаго вѣка... (Изъ иллюстрир. приложенія къ „Нов. Вр.".

LVIII. О разводѣ у католиковъ.

Западно-европейскія государства, даже архи-католическія, давно уже рѣшили вопросъ о расторженіи брака у своего католическаго населенія въ смыслѣ изъятія этого населенія изъ-подъ власти духовенства, ничуть не справляясь въ этомъ отношеніи съ мнѣніемъ римской куріи.

Католическое духовенство признаетъ бракъ нерасторжимымъ; оно допускаетъ лишь кассацію брака въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушена какая-либо формальность въ смыслѣ обрядовой стороны, какъ напримѣръ оглашеніе о брачущихся не въ томъ приходѣ, гдѣ это слѣдовало, или же вѣнчаніе жениха и невѣсты священникомъ чужого прихода и т. д.

Что же касается самыхъ существенныхъ вопросовъ, которые въ дѣйствительности должны бы служить несокрушимымъ поводомъ къ расторженію брака, то католическая консисторія остается къ нимъ глуха: мужъ можетъ на глазахъ жены сожительствовать съ другою женщиной, можетъ тиранить и увѣчить свою жену, можетъ безъ вѣсти пропадать десятки лѣтъ, бросивъ жену и дѣтей на произволъ судьбы: ту же исторію можетъ продѣлать въ отношеніи мужа и жена. Все это, изволите видѣть, отнюдь не поводы къ расторженію брака, а вотъ вѣнчаніе священникомъ чужого прихода или другая пустая формальность вдругъ почему-то превращаетъ таинство совсѣмъ не въ таинство и, вопреки здравому смыслу, таинство развѣнчивается въ своей святости. Неугодно ли всѣмъ и каждому, обрѣтающемуся въ здравомъ умѣ и твердой памяти, разобраться въ этой средневѣковой схоластикѣ, въ этой безсодержательной метафизикѣ!

Мало того, даже при наличности такихъ, болѣе чѣмъ странныхъ поводовъ, начатый сторонами разводъ тянется десятки лѣтъ, стоитъ десятки тысячъ; и стороны почти всегда получаютъ разводъ по достиженіи глубокой старости. Случалось, что застрявши въ Римѣ, дѣло получало разрѣшеніе, когда разводящіяся стороны давно уже лежали въ могилѣ.

Далеко не такъ бывало, когда любой архи-католическій король требовалъ, чтобы римская курія расторгла его бракъ съ нелюбимой или надоѣвшей ему женщиной; тогда вся схоластика и метафизика летѣла вверхъ дномъ и разводъ получался моментально. Такъ бывало и тогда, когда расторженіе такого брака почему-либо было въ интересахъ духовенства.

„Мы значительно облегчили положеніе неуживающихся супруговъ. — заявляетъ католическое духовенство, — мы вѣдь создали (тоже фикція) разлученіе супруговъ отъ стола и ложа, — séparation de corps“.

Да какая, спрашивается, жена, переѣхавшая отъ мужа въ квартиру холостого человѣка, или какой мужъ, обзаведшійся почему-либо другой семьей, будетъ просить у васъ этого пресловутаго séparation de corps? Если имъ закрыты всѣ пути къ разводу, и послѣдствіе этого къ образованію новой законной и доброй семьи, то къ чему имъ пригодится эта ваша фикція?

А если кто-либо и когда-либо и попроситъ наградить его такою фикціею, то можно будетъ впередъ поручиться, что это будетъ субъектъ изъ породы тѣхъ, кто, по выраженію одного польскаго писателя, „всю недѣлю тяжко работаетъ, а по воскресеньямъ ксендзъ съ амвона пугаетъ его адомъ“: этой фикціею пожалуй воспользуется добрая католичка въ томъ случаѣ, когда ксендзъ, вторгшись въ семью, самъ послужитъ поводомъ къ такому casus belli.

Принципъ нерасторжимости брака, схоластическая фиктивность

поводовъ къ расторженію его, медленность производства бракоразводныхъ дѣлъ даже при наличности поводовъ и даже séparation des corps — все это создано католическимъ духовенствомъ исключительно въ цѣляхъ удержанія своей власти надъ населеніемъ: разъ человѣкъ родился католикомъ, онъ долженъ всю жизнь твердо помнить, что любая фикція римской куріи всегда станетъ ему поперекъ горла и при всякомъ случаѣ испортитъ ему жизнь.

Но вѣдь всему бываетъ конецъ,—кончилось и закабаленіе западно-европейскаго католическаго населенія. Весь смыслъ западно-европейскихъ законодательныхъ актовъ, направленныхъ въ защиту не только населенія, но и государственной власти отъ посягательствъ духовенства, заключается въ слѣдующемъ. Государство заявляетъ католическому духовенству: „семья—основная клѣточка государственнаго организма; регулировать ея внутренній бытъ, ея отношеніе ко всему государственному организму, лѣчить ее въ случаѣ болѣзненнаго состоянія или произвести требуемую операцію—все это дѣло мое, т. е. государства. Только я, государство, могу и обязано разрѣшить сторонамъ образовать новую семью, новую клѣтку въ государственномъ организмѣ, если прежняя оказалась гнилою. Это мое право и моя обязанность вытекаетъ изъ самаго существа моей дѣятельности и въ числѣ другихъ элементовъ составляетъ смыслъ моего бытія. Въ области чего духовной я признаю всю пользу вашей дѣятельности, я благоволю къ вамъ, но что касается вопросовъ, составляющихъ основу моего бытія, то—руки прочь! *Рэджеръ* [1]).

(„Нов. Вр.“ № 9596).

[1]) Подъ этимъ псевдонимомъ скрывается, какъ мнѣ извѣстно, одно католическое лицо, г. Л—цкій. *В. Р—въ.*

Недоговоренныя слова.

Посмотрите каталоги библіотекъ и книжныхъ магазиновъ: откройте отдѣлъ „естественныя науки"; вы въ немъ найдете нѣлую рубрику книгъ, брошюръ, монографій, популярныхъ очерковъ, относящихся къ защитѣ, къ опроверженію и къ выясненію мельчайшихъ деталей теоріи Дарвина. Въ нѣмецкой литературѣ цѣлый отдѣлъ естествознанія носитъ названіе „Das Darwinismus". Чего-чего тутъ нѣтъ! что тутъ не разсмотрѣно! Растенія и животныя, теперь живущія и ископаемыя, въ дикомъ состояніи и въ домашнемъ, уподобки, скрещиваніе, вліяніе привычекъ, среды, вліяніе упражненія на органы все разсмотрѣно съ поразительною полнотою, тщательностью. Вотъ это наука! Вотъ это гордость человѣческаго ума!

— Къ чему это? спроситъ читатель:—мы это знаемъ.

— Для самооправданія, добрый читатель. Теперь возьмите тѣ-же каталоги библіотекъ или книжныхъ магазиновъ и перелистуйте ихъ съ цѣлью найти рубрику: „разводъ". Вы засмѣетесь: „такая мелочь!" Хорошо, попробуите отыскать рубрику „семья". Вы становитесь болѣе серьезны и догадываетесь, что не вы надо мною смѣетесь, а я надъ вами смѣюсь. Въ самомъ дѣлѣ, никому и въ голову не придетъ, чтобы семья была менѣе важная и интересная для человѣка вещь, нежели дарвинизмъ, между тѣмъ очевидно, что вовсе не существуетъ рубрики человѣческой озабоченности, выраженной въ брошюрахъ, книгахъ, полемикѣ и очеркахъ, посвященныхъ семьѣ. Вовсе нѣтъ такихъ книгъ. Вовсе нѣтъ такой литературы. О разводѣ отъ того такъ и спорятъ, что собственно никто и ничего о немъ достовѣрнаго не знаетъ: не умѣетъ произнести о немъ ни одного сужденія и опереть его на готовые, заготовленные наукою мотивы, или на собранные въ наукѣ факты и наблюденія. „Мнѣ такъ кажется". „У нашихъ знакомыхъ былъ такой случай": дальше и углубленіе этого дѣтскаго эмпиризма самые просвѣщенные умы не идутъ.

Мы ничего не знаемъ о семьѣ.
Мы ничего о ней не начали знать.
Мы только входимъ въ „азы“ ея вѣдѣнія,

Вотъ рядъ положеній, въ которыхъ я нахожу оправданіе, когда ко мнѣ обращаются съ упрекомъ за частое возвращеніе къ одной темѣ. „Часто“... Но я едва говорю одинъ разъ въ два мѣсяца о семьѣ, итого шесть разъ въ годъ. И только оттого, что я такъ часто *устно* о ней заговариваю, моимъ друзьямъ кажется, что я извелъ всю газетную бумагу на тему о семьѣ. Я молчу, а мнѣ говорятъ: „что вы кричите“.

Ну, вотъ напр. сторона развода, которую я два года ношу на кончикѣ языка, и еще ни одного слова о ней не вымолвилъ. Знаете ли вы, читатель, кто въ обществѣ, какая група людей всего ожесточеннѣе, суровѣе, безпощаднѣе противится разводу? Вы будете растроганы, когда это узнаете, какъ самъ я узналъ изъ множества частныхъ признаній, сдѣланныхъ мнѣ за послѣдніе два года.

Противятся разводу, страстно его оспариваютъ несчастные семьянины, семья которыхъ съ трудомъ держится. Да, вотъ кто! Всю сумму семеннаго идеализма и такъ сказать естественной непотрясаемости семьи и ея невѣроятной естественной крѣпости я узналъ только, начавъ дѣятельно высказываться за разводъ. „О, не настаивайте на немъ, не требуйте его“... слѣдуетъ описаніе безмѣрной любви къ дѣтямъ; продолженіе: „мы уже не живемъ съ женою“, или: „жена измѣнила мнѣ, но я ее простилъ“. „мужъ мой не вѣренъ мнѣ, но я закрываю глаза на это“. Общій итогъ: „Не троньте же наше полу-счастье, оно чуть-чуть дѣлится на личикѣ, а вы какъ тать приходите и хотите перерѣзать эту нить, почти разорванную“. Да, вотъ смыслъ писемъ, столько возродившихъ во мнѣ уваженія къ человѣку.

„Хочу я сказать два слова о малыхъ сихъ, ради которыхъ дѣлается все великое и между прочимъ строится семья. Говоря такъ, я разумѣю семью не какъ юридическій институтъ, а какъ духовный строй. Согласитесь—вѣдь здѣсь ключъ проблемы о разводѣ, и не разыскавъ его проблемы не разрѣшить. „*И будутъ два въ плоть единую*“ вотъ эта *одна плоть*, результатъ единенія двухъ, и есть центръ вопроса. Великій фантазеръ Ж.-Ж. Руссо съ легкимъ сердцемъ разрубилъ этотъ Гордіевъ узелъ, написавъ: „*дати собственность государствам*“ Ну насъ, родителей, не легкое, а тяжелое родительское сердце, да и маленькое сердчишко *малыхъ сихъ* (дѣтей)- привередливое созданіе Божіе; любить слабаго пьянаго тятьку и свою злую и грязную мамку, а высокогуманныхъ и высокоправящихъ воспитателей, какъ на зло, любить не хочетъ: съ молокомъ въ него эта глупость всосалась, и надо съ нею считаться или же кормить этихъ дурачковъ въ общественномъ сараѣ съ рожковъ, накачиваемыхъ общественнымъ молокомъ помощью чуть не паровой машины. Укажите же исходъ изъ этого. Гражданскій бракъ, равноправность дѣтей законно- и незаконно-рожденныхъ, контрактъ, обезпечивающій потомство, легкая растворимость брака, упрощенное существо

брака—все это только учрежденія, узаконенія, все это — матеріальная оболочка сущности духовной; а сама эти сущность? Бракъ, утратившій существо союза брачнаго, долженъ быть расторгнутъ, затхлая атмосфера звѣриной берлоги должна быть профильтрована, загаженая яма срыта и засыпана на-вѣчно. Такъ вы пишете—и это правильно. Но отвѣтьте: куда же дѣвать дѣтей? Возьму примѣры: *Онъ* и *она* — образцы добродѣтелей, но... не сошлись характерами и потому расходятся: кому отдать единственнаго горячо любимаго обоими ребенка, который безъ мамы не уснетъ? Не посовѣтовать ли имъ подождать расходиться, пока ребенокъ не вырастетъ и не сдѣлаетъ сознательнаго выбора?.. Или другой примѣръ: *онъ* добродѣтеленъ и трудолюбивъ, *она* —лѣнива, легкомысленна и даже хоть развратна: отнять ли насильно дѣтей отъ ея материнской груди и ради блага ихъ отдать сухому и нелюбимому ими, хотя и высоконравственному отцу? Этотъ высоконравственный отецъ не лучше ли принесетъ себя въ жертву дѣтямъ, если откажется расторгнуть бракъ и употребитъ всѣ усилія, чтобы хотя отчасти дезинфицировать свою берлогу, уподобивъ ее жилью человѣческому? Или: *она* —мотъ, пьяница и развратникъ: но онъ добрый, любящій и любимый дѣтьми отецъ. Во всемъ ли права передъ нимъ и передъ дѣтьми его добродѣтельная супруга, съ сухою лепешкою подъ корсетемъ вмѣсто сердца въ груди? Такимъ образомъ передъ нами стоитъ общій и очень широкій вопросъ: одинъ ли индивидуальныя интимности и стремленія должны руководить брачною жизнью семьи, или и (курс. автора письма) забота о дѣтяхъ; или же забота о дѣтяхъ по преимуществу? Произведшій потомство, ошибочно или съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, *все равно* не совершилъ ли въ предѣлахъ земныхъ все земное, или же онъ имѣетъ право еще на индивидуальную жизнь, и въ какой мѣрѣ"?

Неправда ли, это пламенно? Это умно? Это полный очеркъ философіи противъ развода, бьющій не изъ закона, не изъ фарисейства, но изъ живыхъ фибръ любящаго отцовскаго сердца. Я вступилъ съ авторомъ письма въ переписку. Теперь я имѣю фотографію его 8-лѣтней дочурки, красавицы ребенка, какъ и самого усталаго отца, прошедшаго, по словамъ одного его письма, „огонь и трубы 60-хъ годовъ". Но вотъ что сообщилъ онъ о себѣ во второмъ письмѣ, которое меня такъ заинтересовало, что я выпросилъ у него позволеніе современемъ опубликовать его:

„Я человѣкъ занятой и усталый и не для игры въ переписку пишу вамъ. Поэтому постараюсь быть краткимъ, лишь бы не въ ущербъ ясности. Я женатъ во второй разъ, но, Боже, чего это мнѣ стоило! Въ первый разъ я женился по любви внезапной и страстной, на 23 году жизни. Черезъ 2 года мы разошлись, безъ дѣтей и безъ измѣны. Прошло 5 лѣтъ. Я влюбился снова и попросилъ у жены, жившей въ другомъ городѣ, развода: она отвѣчала, что живетъ уже 4 года съ любимымъ человѣкомъ и имѣетъ 2-хъ дѣтей: она принимаетъ вину на себя, но я долженъ признать ея дѣтей моими законными. Два года я былъ въ лечебницѣ душевно-больныхъ, эти два года она безвыѣздно жила въ другомъ городѣ; слѣдовательно, фактъ прелюбодѣянія налицо—рожденіе дѣтей не отъ мужа. И этихъ же дѣтей признать законнорожденными! Я принялъ это условіе по совѣту преосвященнаго Никанора (Бровковича). Сперва случайно, а потомъ умышленно я пропускалъ годовые сроки, установленные на споръ о законности рожденія, а послѣ того самыми фактами дѣторожденія въ отсутствіе мужа, удостовѣренными метрическими справками и свидѣтельствами о безвыѣздномъ разномѣстномъ жительствѣ супруговъ, устанавливалъ фактъ упорнаго прелюбодѣянія жены.

дающаго мужу право на разводъ независимо отъ сроковъ на споръ о законности рожденія. Эту крючкотворскую безсмыслицу, освященную закономъ, я положилъ въ основаніе иска. И безсмыслица побѣдила здравый смыслъ! Но цѣлыхъ девять лѣтъ я толокъ лбомъ въ консисторскія стѣны. Въ N-ской консисторіи мнѣ отказали; я переѣхалъ въ другой городъ и тамъ возбудилъ тотъ же искъ, опять отказали; переѣхалъ въ третій городъ—отказали же; въ четвертый—и снова отказали! Надо мною издѣвались. Меня считали маньякомъ; я изучалъ консисторскіе уставы и писанныя къ нему дополненія и инструкціи; писалъ лично къ оберъ-прокурору Синода и въ коммиссію прошеній на Высочайшее имя отчаянныя письма. Наконецъ, когда Никаноръ былъ вызванъ въ присутствіе Синода, тогда рѣшеніе консисторіи, отказавшей мнѣ послѣдній разъ, было отмѣнено съ надлежащимъ внушеніемъ. Произведено было новое разслѣдованіе: ни одного свидѣтеля, ни лжесвидѣтеля я не выставилъ; голый фактъ и признаніе. Результатъ: бракъ расторгнутъ, а дѣти, уже цѣлыхъ пятеро, рожденіе которыхъ послужило основаніемъ къ расторженію брака, признаны законнорожденными, и я ихъ внесъ всѣхъ пятерыхъ, какъ моихъ законныхъ дѣтей, въ родословную книгу дворянъ N-ской губерніи. Повѣрите ли: я до сихъ поръ горжусь побѣдою надъ нашимъ крючкотворствомъ при помощи крючкотворства же! Стоило мнѣ это тысячъ семь, не болѣе... и лѣтъ 18 жизни съ плечь долой. Тогда наконецъ я женился, и теперь на 49 году имѣю 8-лѣтнюю дочку. Достигнутое съ такимъ ослинымъ упорствомъ счастье длилось... ровно 8 мѣсяцевъ; но вотъ уже 9-й годъ мы тянемъ семейную лямку—скучную, тяжелую и мучительную, безъ просвѣта и безъ перспективы. Выхода нѣтъ: мы оба души не чаемъ въ дочкѣ, дѣлить ее нельзя и ради ея самимъ нельзя дѣлиться! Женѣ нѣтъ еще 30 лѣтъ: она могла бы еще создать себѣ семью непорочную, какъ вы опредѣляете, да и самъ-то я вѣдь то-же къ непорочной семьѣ стремился и столь цѣломудренно, что цѣлыхъ 9 лѣтъ не превышалъ правъ жениха, для того, чтобы быть мужемъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ. Знаю я множество законныхъ семей, которыя смердятъ вонью и мразью, и приведенные вами примѣры не пополнили моей колекціи. Знаю и незаконныя семьи: иныя не лучше законныхъ, а иныя чистыя и непорочныя, въ которыхъ я отдыхаю отъ треволненій жизни, и тихо дѣлается у меня на душѣ при видѣ того, что могутъ же люди жить по-человѣчески. Расторжимость семьи, утратившей чистоту, я признаю; равноправность всякихъ дѣтей, разъ они дѣти, какъ и свободу чувства, не отрицаю; выраженіе *незаконнорожденныя дѣти* считаю за неграмотное и безсмысленное; власть теологовъ и какъ лицъ и какъ учрежденій (т. е. собранія „человѣковъ") надъ бракомъ, „что соединено Богомъ", я отрицаю. Но и *семью* внѣ *религіи*, т. е. внѣ Бога, не признаю за человѣческую, какъ не знаю и религіи *внѣ* семьи. И вотъ я опять стою одиноко лицомъ къ лицу съ тою трагическою колизіею, которую я вамъ слегка намѣтилъ въ первомъ письмѣ: наше индивидуальное *я* съ его свободою мысли, чувства и воли, *я* съ его страстями, стремленіями и жаждою жизни—это одинъ объектъ наблюденія; другой *семья*, сѣменной родъ, порабощающій это *я* (прототипъ—жизнь полиповъ); а третій—*соціальный* строй жизни, порабощающій родъ и разлагающій семью. Тутъ очевидно какая-то страшная ошибка въ человѣческомъ домостроительствѣ. Но гдѣ она, въ чемъ именно?

Я вопрошаю жизнь, къ ней простирая руки
Куда бѣжать отъ этой адской муки,
Куда бѣжать и гдѣ пріютъ найти?

„Не во мнѣ тутъ дѣло: все человѣчество стоитъ долгіе вѣка предъ этимъ треклятымъ вопросомъ и вопрошаетъ. И отвѣты сыплются за от-

вѣтами, а вопросъ все остается вопросомъ. Бѣдное, жалкое, мерзкое, подлое и глубоко-несчастное изстрадавшееся человѣчество, потерявшее чутье Бога! Вашими работами на этомъ поприщѣ вы уже расчистили нѣкоторые Авгіевы стойла нашей семейственности и общественности и потому-то, мнѣ кажется, такъ и прислушиваются всѣ къ нашему слову... Не кажется ли вамъ иногда, что нынѣ вновь исполнились времена и сроки и что мы живемъ снова если не въ началѣ новой эры, то по крайней мѣрѣ въ концѣ старой? Не чуете развѣ вы, что уже носится Великое Слово надъ міромъ, что уже свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьмѣ его не объять? И какъ нѣкогда возсталъ Іоаннъ Предтеча съ призывомъ къ покаянію, такъ и нынѣ великое покаянное слово уже гремитъ въ сердцахъ многихъ. Что есть истина? Богъ есть истина: единый истинный абсолютъ, и внѣ его нѣтъ абсолюта, и быть не можетъ: всякія другія истины относительны и субъективны. Богъ—познаваемый не человѣческимъ произволеніемъ, а откровеніемъ Божіимъ. Какъ древнее язычество, создавшее культъ многобожія, отъ высотъ Зевса пало до обожествленія Нерона, Каракаллы и даже коня Каракаллы, такъ и нынѣ псевдонаука, создавшая безбожіе, низошла до обожествленія протоплазмы; такъ нынѣ и философія, поставившая пупомъ міра свое праздное, ни на чемъ не обоснованное измышленіе „ich"—пала до Шопенгауэровщины, Ницшеанства. Но преходящи всѣ эти неистовства, великъ же и вѣченъ Господь Вседержитель, и не Substatia Онъ для міра, а Instantia Suprema"...

Я сдѣлалъ такую большую выдержку, можно сказать не умѣвъ сдержать пера. Слова такъ богаты, что невозможно остановиться, выписывая ихъ. Вотъ какъ думаютъ „въ глубинѣ Россіи", ибо письмо мною получено изъ далекой провинціи, хоть и изъ университетскаго города. Но тутъ не университета вліяніе, ибо это выше университета, и наши профессора не умѣютъ кормить учениковъ такою пищею. Нѣтъ—въ строкахъ этихъ отражена мучительная біографія, и еще темное и глубокое броженіе Руси. Слова о Богѣ гремятъ пророческимъ вдохновеніемъ. Но вернемся къ нашей узкой, но дѣловой темѣ.

За что же 9 лѣтъ мучили человѣка, вѣрующаго, благороднаго? Отняли у него семь тысячъ денегъ, только потому, что имѣя полное право добиться развода, указавъ на незаконнорожденныхъ въ его отсутствіе дѣтей, онъ не захотѣлъ имъ причинять страданія, а хотѣлъ дать имъ имя, названіе и честь? И кто его мучилъ? Консисторіи, требовавшія хоть подставныхъ лжесвидѣтелей, или требовавшія жестокости наказанія дѣтей невинныхъ, а во всякомъ случаѣ растрясшія кошелекъ истца на семь тысячъ (теперь это — человѣкъ бѣдный). Я былъ глубоко заинтересованъ, почему же онъ „8 мѣсяцевъ только былъ мужемъ второй своей жены", — и умолялъ его сказать мнѣ истину: „Отвѣчаю вамъ за искренность искренностью же. Разгадка простая. Любили мы другъ друга съ невѣстою не головою, а сердцемъ, любили пламенно; но за 9 лѣтъ, пока длился разводъ и ходила душа по мытарствамъ, душа истомилась и сердце угасло: *излюбились* (курсивъ письма) платонически; поддерживала настойчивость добиться цѣли, одушевляло желаніе дать сѣмя роду. И вотъ, когда одно и другое достигнуто чувство, перегорѣвшее уже, погасло. Огонь, такъ долго тлѣвшій, загасъ въ

себѣ. Не гасили, а доглѣлъ самъ и погасъ!. Мнѣ больно писать лично о себѣ, и не привыкъ я... я уже разрѣшилъ вамъ воспользоваться матеріаломъ, но съ соблюденіемъ полнѣйшей анонимности мыслей и лицъ"...

Вотъ жертва, вотъ прямо трупъ въ итогѣ консисторскихъ формъ развода. Сколько стоитъ на вѣсахъ христіанскаго милосердія человѣкъ? Пусть кто хочетъ говоритъ что хочетъ: я же отвѣчу: „ничего не стоитъ". И пока мнѣ не воскресятъ этого мертваго и задавленнаго, я буду до второго суда Господня говорить: „Человѣкъ въ христіанскомъ обществѣ ни во что не цѣнился, а форма—была все".

Что же предупредило запрещеніе развода? Жена ушла отъ мужа и имѣла 5 человѣкъ дѣтей отъ не мужа. Но можетъ быть все-таки это запрещеніе что-нибудь сдѣлало? Да: уничтожило двѣ семьи; матери пятерыхъ дѣтей такъ и не дали законно выйти замужъ за отца ихъ, а бракъ другого человѣка, серьезнаго, религіознаго, сдѣлать горбатымъ, съ перешибленными ногами. Но каковъ человѣкъ? можетъ быть худъ? Да вотъ и послѣ такой муки онъ первый и пламенно бросился возражать мнѣ (на фельетонъ: „О непорочной семьѣ и главномъ ея условіи", т.-е. разводѣ): „нѣтъ, пусть остается разводъ запрещеннымъ, ибо мы, отцы и матери, хоть и несчастны, у меня вотъ 9 лѣтъ муки и скуки за плечами,—но ради дѣтей мы разлучаться не хотимъ".

Какой урокъ для человѣчества и аргументъ за необходимость развода! Если и несчастные не хотятъ расходиться, кто же разводится, если дать полную свободу развода, если какъ я утверждаю—возвратить согласно библейскому установленію право расторженія брака самимъ мужу и женѣ, супругамъ? Да никто и не разойдется кромѣ: а) бездѣтныхъ, b) все равно уже живущихъ съ третьимъ лицомъ, с) окончательно несчастныхъ отъ порочности и злобы одной стороны, которая грозитъ другой сторонѣ кровью. Всѣ остальные, вся огромная масса счастливыхъ семей или несчастныхъ, но не очень, по мучительно, не до крови сохранятся ради дѣтей и ради привычки другъ къ другу, ради воспоминаній о быломъ въ цѣлости. Противодѣйствіе (въ законахъ) разводу прямо есть соціальное и религіозное безуміе, нѣчто въ родѣ юридической истерики. Это есть прямо погубленіе семьи, убиваніе единичныхъ семейныхъ людей...

Консисторіи на стражѣ дѣтскихъ интересовъ!.. Человѣкъ семь тысячъ тратитъ и девять лѣтъ жизни, чтобы не погубить дѣтей, которыхъ „дѣльцамъ" надо зарегистровать въ „незаконнорожденныхъ" и хотѣлось бы выбросить въ Воспитательный домъ отъ любящей ихъ матери, отъ жалѣющаго ихъ отчима. Да оставьте отцамъ и матерямъ право распоряжаться дѣтьми своими, и вписывать ихъ собственною рукою въ собственные документы безъ посредства гг. юристовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, и завтра же

все населеніе воспитательныхъ домовъ, этого истиннаго продукта мысли Руссо: „дѣти должны принадлежать государству",—разберется обратно родителями, не будетъ въ странѣ ни одного убитаго ребенка, ни одного подкинутаго, ни одного брошеннаго на руки чужихъ воспитателей. Мой корреспондентъ хорошо пишетъ, что „суда человѣческаго надъ бракомъ онъ не признаетъ", и опираетъ это на слова Спасителя: „И будутъ два одною плотью: что Богъ сочеталъ—человѣкъ да не разлучаетъ". Спаситель сказалъ о плоти, о младенцѣ и родительствѣ, и запретилъ строжаніе всему человѣческому сюда вмѣшиваться. Непостижимо, какъ эта мысль могла неказиться, отмѣниться, подмѣниться. Посмотрите въ разсказанномъ случаѣ усиліе закона оторвать дѣтей отъ родительницы, усиліе оторвать невѣсту отъ жениха: „мы переговѣли, истлѣла любовь и—погасла". Это голосъ убитаго, убитыхъ. Вмѣшательство кого бы то ни было въ „два въ плоть едину" убиваетъ обѣ плоти, а при дѣтяхъ—три. Такое вмѣшательство разрушаетъ въ самомъ зернѣ семью; и она если и держится, то вотъ такими благородными инстинктами третируемыхъ „мужей и женъ", „развращеннаго рода человѣческаго".

Пора вернуться къ семьѣ какъ не проницаемому ни для какого внѣшняго взора, внѣшняго слова, внѣшняго воздѣйствія существу. Попробуйте проколоть тонкою иглою кровяной шарикъ: онъ погибнетъ. Все живое и органическое кругло и замкнуто, завершено въ себѣ. Все органическое субъективно и имѣетъ душу въ себѣ, и силами единственно души этой идеально. Съ тѣмъ вмѣстѣ все органическое не ариѳметично, не статистично (не есть предметъ статистики), до нѣкоторой степени все оно а-симетрично, идетъ повидимому не правильно, но живо; оно не похоже на шеренгу солдатъ, а на народную толпу. Но толпа, сравнительно съ раціональнымъ эскадрономъ, поэтична и глубока, она мистична и священна, жива и вѣчна въ существѣ своемъ, хотя повидимому двигается, разсѣивается, разбѣгается. Такова же и семья. Конечно многія семьи будутъ вѣчно распадаться. Но въ какое время этого не было при всякихъ строгостяхъ развода? Все живое умираетъ и рождается; коллективное живое въ однихъ особяхъ умираетъ, а въ другихъ возникаетъ къ жизни. Предупредить смерти семьи никто не можетъ. При всякомъ законѣ мужъ и жена, отвернувшись другъ отъ друга, могутъ разойтись и разъѣхаться. Не имѣя средствъ этому помѣшать, не мѣшайте же ожить имъ, на мѣстѣ умершаго не препятствуйте возникнуть новому. А то вы валежникъ бережете, палое дерево храните, а молодыя поросли затаптываете. Смотрите, огромныя части лѣса уже повалились; затоптанные всходы все же есть, какъ эта мать пятерыхъ дѣтей, которой вписали въ паспортъ: „Навсегда запрещена къ браку за прелюбодѣяніе", и около пяти законныхъ братьевъ она рождаетъ не-

стого и седьмого „незаконными“ уже: вѣдь нельзя же предполагать, что, достигнувъ желаемой свободы, она разорветъ связь съ столь давно и крѣпко любимымъ человѣкомъ! Что же получилось? къ чему стремится законъ? Къ кладбищу брачному. Не воскреситъ онъ ни одного умершаго. А не дать родиться живому — неужели въ этомъ мудрость?

Насколько всѣ несчастные въ семьѣ стоятъ противъ развода, — настолько счастливые семьянины, которымъ и не нуженъ онъ ни для чего, но которые сохраняютъ спокойствіе душевнаго настроенія, высказываются за разводъ. Они, — и еще окончательно несчастные и уже фактически разошедшіеся, имѣющіе вмѣсто семьи — пуль. Вотъ для образца письмо такой несчастной: „Простите, что я, не имѣя чести быть знакомой съ вами, позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ просьбою. Случайно мнѣ удалось прочесть въ „Нов. Вр.“ одну вашу статью о разводѣ, а потому я и рѣшила, описавъ свое ужасное положеніе, въ которое я поставлена благодаря своему злополучному браку, просить васъ оказать мнѣ помощь своимъ совѣтомъ. Въ январѣ 1896 г. я была обвѣнчана противъ своей воли съ N, котораго я до вѣнчанія совсѣмъ не знала. На другой день послѣ вѣнчанія онъ уѣхалъ къ мѣсту своей службы и только черезъ мѣсяцъ возвратился и тогда же заставилъ меня быть женой и передалъ мнѣ дурную болѣзнь, о чемъ я узнала черезъ нѣсколько дней послѣ, почувствовавши себя недомогающей, и обратилась сперва къ мѣстному врачу, а потомъ къ спеціалисту здѣшняго университета (названо извѣстное въ Россіи имя). Тогда же мужъ, для опредѣленія правильности теченія болѣзни, заявилъ, что онъ заразился этою болѣзнью послѣ вѣнчанія, во время мѣсячнаго отъѣзда. Тогда же совмѣстная наша жизнь была воспрещена до полнаго выздоровленія, и я начала лечиться у профессора, мужъ же легъ въ госпиталь, но скоро, не вылечившись, его оставилъ, уѣхавъ въ N. (названъ городъ), гдѣ велъ крайне дурную жизнь, какъ я узнала. Мнѣ же все время онъ писалъ оскорбительныя письма, а въ пріѣзды къ своимъ роднымъ, живущимъ въ одномъ со мною городѣ, и лично преслѣдовалъ и оскорблялъ меня. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ по моей просьбѣ онъ выдалъ росписку въ томъ, что принимаетъ на себя вину и согласенъ на разводъ, которую подписали и два свидѣтеля, бывшіе при томъ. Затѣмъ онъ скоро уѣхалъ въ N, въ Сибири, куда перевелся на службу. Обращалась я къ присяжнымъ повѣреннымъ съ просьбой взяться выхлопотать мнѣ разводъ, но ни одинъ изъ нихъ не согласился, такъ какъ у меня не было достаточныхъ причинъ. По совѣту же одного изъ нихъ, я обратилась съ просьбою къ Коммиссію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, о выдачѣ мнѣ отдѣльнаго вида, каковая просьба и удовлетворена въ виду тѣхъ доказанныхъ произведеннымъ дознаніемъ причинъ, которыя я указала въ прошеніи. Но оказалось, что и отдѣльнаго вида недостаточно для развода. А такъ какъ я по закону должна вести бракоразводный процесъ по мѣсту жительства мужа въ Сибири, то я обратилась съ ходатайствомъ къ Св. Синоду съ просьбой разрѣшить вести дѣло по мѣсту моего жительства. Св. Синодъ, во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ моего дѣла, изложеннымъ подробно въ прошеніи, разрѣшилъ не только вести дѣло въ моемъ родномъ городѣ, но и отмѣнилъ требуемое закономъ судоговореніе, предписавъ консисторіи ограничиться истребованіемъ только письменнаго отзыва мужа на мое прошеніе, каковое требованіе и исполнено консисторіею 15-го іюня. Въ доказательство виновности мужа, я представила въ кон-

епископію скорбные листы профессора, меня лечившаго, и также госпиталя, гдѣ лежалъ мой мужъ, а также указала на названныхъ N-ской полиціей свидѣтелей, которые знаютъ безнравственную жизнь мужа; кромѣ того, я намѣрена представить въ консисторію имѣющуюся у меня копію постановленія N—скаго губернскаго правленія по возбужденному полиціей преслѣдованію противъ мужа за одно изъ столкновеній его съ полиціей въ домѣ терпимости, за что онъ былъ преданъ суду. Изъ-за этого брака я потеряла около пяти лучшихъ годовъ жизни, пережила и переживаю тяжелыя физическія и нравственныя страданія, истратила на хлопоты и леченіе значительную часть средствъ своихъ, больше восьми тысячъ рублей; изъ-за него же пошатнулось значительно здоровье старухи-матери, съ которой я живу. И единственнымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ для меня было бы полученіе развода, который бы далъ мнѣ надежду на лучшее будущее, и въ полученіи котораго я была до послѣдняго времени вполнѣ увѣрена. Но къ глубокому моему отчаянію я на-дняхъ узнала, что мужъ далъ отзывъ, но не въ пользу развода, желая оттянуть дѣло и заставить меня въ концѣ разориться. И вотъ потому-то я и рѣшилась обратиться съ убѣдительной просьбой къ вамъ, не посовѣтуете ли вы мнѣ изъ человѣколюбія, какъ мнѣ быть теперь или хотя что мнѣ можно ждать отъ новаго закона о разводѣ и какъ скоро онъ будетъ. Въ послѣднее время узнала, что мнѣ можно было бы просить о признаніи брака недѣйствительнымъ, какъ заключеннаго по принужденію, что положительно многіе могутъ подтвердить. Имѣю ли я на это право? Ради Бога не оставьте меня безъ отвѣта. Софья К—ва.

P. S. У меня положительно не съ кѣмъ посовѣтоваться, а потому не откажите ради Бога въ своихъ совѣтахъ. Неужели не будетъ измѣненъ нашъ ужасный законъ о разводѣ? Кому нужны мученія и траты денегъ большихъ, какія необходимы при разводѣ, а также кому нужно такое ужасное наказаніе, какъ лишеніе виновнаго права вступить въ новый бракъ. С. К—ва". (Подписана не безызвѣстная въ Россіи дворянская фамилія).

„Кому нужно"? спрашиваетъ именующая еще себя „виновною въ бракѣ". На одинѣхъ дверяхъ поэтъ надписалъ: „Lasciate ogni speranza voi, qu'entrate". Вотъ эти двери и ведутъ туда, чему всѣ эти человѣческія муки, да не ея часть, а уже десять вѣковъ, и въ цѣлой Европѣ, были „нужны". Иногда мнѣ приходитъ въ голову, что уже сейчасъ и ненужны „облегченія развода". Ибо почему завтрашніе будутъ столь счастливы, когда вчерашніе были столь несчастны, и кто же, и кому, и какъ отвѣтитъ за вчерашнихъ? Тамъ, гдѣ вѣка стояла такая темень—не нужно никакого свѣта, дабы поздній судья всего цѣлостнаго дѣла не сказалъ легкомысленно или лукаво: „тутъ свѣтло, и вѣроятно было всегда какъ сегодня же свѣтло".

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

LVIII. „И не введи насъ во искушеніе“.

Къ сожалѣнію, современный законъ о разводахъ, препятствуя въ тяжелой степени разводамъ, -цѣли закона, „сохраненія семьи“, вовсе не достигаетъ, а напротивъ того, благодаря своей строгости, именно ее и разрушаетъ. Тутъ кроется та-же ошибка, которая создается повсюду такъ называемой „научной законностью“, а именно: вмѣсто того, чтобъ сдѣлать *фундаментомъ* закона *самыя-же человѣческія слабости*, законъ пытается насиліемъ (теоретическимъ) направить грѣшнаго человѣка къ достиженію, или сохраненію того, что законъ (правильно) считаетъ идеаломъ, т. е. законъ пытается сдѣлать фундаментомъ *самыя* же *идеалъ*. Между тѣмъ въ интеллигентной, какъ и въ крестьянской средѣ, семья есть не только необходимость, но создаетъ и комфортъ и удовольствія, которыхъ внѣ ея нельзя найти, и которыхъ человѣкъ, при всей своей грѣшности, любитъ и отнюдь не желаетъ терять. Но отчего же семьи все-таки такъ часто имъ теряются? А 1) потому, что въ грѣшномъ человѣкѣ существуетъ тенденція *распускаться*, т. е. давать волю своимъ нервамъ: сначала въ мелочахъ, но которыя, со временемъ, приводятъ къ охлажденію и разрыву, 2) сознавая, что современный законъ о разводѣ ставитъ одного супруга въ *полную* зависимость отъ *согласія* другого на разводъ, супруги чувствуютъ *„возможность“ распускаться безнаказанно*, сколько имъ угодно. Вотъ это главная причина современнаго разложенія семьи. А развѣ это распусканіе нервовъ во всякихъ мелочахъ было бы возможно, если бы разводъ зависѣлъ только отъ односторонняго желанія одного изъ супруговъ (т. е. заявленія въ полицію, 60-копѣечной марки, уложеннаго чемодана и извозчика)? Очевидно нѣтъ. Всѣ *удобства* и прелести семейной обстановки потеряны, а всѣ *обязанности*: забота о существованіи другого супруга и дѣтей - *остаются!* И

вотъ это послѣднее обстоятельство и безъ того до того уже затрудняетъ разводъ, что закону странно затруднять его еще больше. Всѣмъ дурнымъ элементамъ онъ даетъ этимъ только средство и *возможность: распускаться*, хорошіе элементы онъ этимъ отъ этого не удерживаетъ, и вводитъ ихъ *въ искушеніе*, разврату препятствовать не можетъ и не строя свой *фундаментъ* на человѣческой же грѣшной *слабости*,—только вредитъ „принципу семьи", который онъ желаетъ охранять. Мало того, тамъ, гдѣ разводъ неизбѣженъ, законъ мѣшаетъ созданію новой хорошей семьи; а разъ оба супруга согласны (хотя и при эксплоатаціи и шантажѣ со стороны одного изъ супруговъ), законъ препятствовать разводу опять не можетъ, и создаетъ явную и недостойную комедію тамъ, гдѣ все равно уже нечего ни спасать, ни охранять! И все это несмотря на то, что всякое такое *согласіе* между супругами законъ, именно, не признаетъ законной причиной для развода!

Словомъ: уничтоженіе семьи создается тѣмъ 1) что люди: *распускаться любятъ* и 2) тѣмъ, что современный законъ о разводѣ—во вредъ собственному желанію супруговъ—„вводитъ ихъ въ искушеніе", *облегчая* имъ *распускаться*. Въ видѣ примѣра скажу, что въ Финляндіи семейное начало находится въ весьма удовлетворительныхъ условіяхъ, въ Америкѣ еще лучше, -а между тѣмъ въ Финляндіи требуется лишь: „предоставленіе объявленія въ газетахъ со стороны супруга о томъ, что другой супругъ годъ находился внѣ Финляндіи и на объявленіе не возвращался", и разводъ готовъ. Въ Америкѣ и этого срока даже нѣтъ. Дальнѣйшія подробности мнѣ точно не извѣстны, но изъ всего предыдущаго уже ясно видно, *что чѣмъ легче разводъ, тѣмъ легче сохранится для общества и государства та семья*, которую *желательно* сохранять. Въ остальномъ же ясно, что спасеніе не въ *срокахъ* (финляндскихъ и американскихъ), а въ ненужности согласія другого супруга, ибо разъ это согласіе необходимо, то никакіе сроки не помогутъ и всякое безобразіе возможно.

Кстати: изъ всего этого ясно тоже видно, какъ ошибочно то предположеніе, что разборъ дѣлъ въ дорогомъ и безконечномъ гражданскомъ судѣ будетъ улучшеніемъ „разводной бѣды". Къ обычной некомпетентности судей-духовныхъ въ житейскихъ дѣлахъ, исторіи и подкладки разныхъ спеціальностей, могущихъ имѣть отношеніе къ дѣлу, присоединятся тѣ же старый формализмъ и комедія—только безконечно дорогія и долгія, взамѣнъ теперешней комедіи въ „Духовномъ Судѣ", которая за послѣднее время стала, сравнительно съ гражданскимъ судомъ (и теперь уже) *ужасно* быстра и гораздо дешевле.... если у несчастнаго мученика необходимыя для этого деньги есть, чтобъ заплатить адвокату, свидѣтелямъ и третьей „особѣ", какъ и другому супругу, шанта-

жирующему его за свое *согласіе* на.... разводную комедію. Но развѣ все послѣднее будетъ иначе въ гражданскомъ судѣ? Очевидно нѣтъ! *Обяжите „Духовный Судъ" вынести рѣшеніе въ 2 недѣли послѣ того, какъ просители доставили всѣ, требуемыя закономъ доказательства, и послѣдній изъ недостатковъ разбора дѣла въ „Духовномъ Судѣ" отпалъ.* И почему это роняетъ достоинство Духовнаго Суда разсматривать разводныя дѣла? Изученіе грѣховъ согласно съ достоинствомъ всякаго суда. Уничтоженіе семьи и „разводная бѣда" и вытекающіе изъ нея корректная ложь, корректный научный грабежъ, развратъ и безконечность—суть естественный плодъ логики „научной законности", вызывающей необходимость *согласія* другого супруга, а вовсе не вина „Духовнаго" только „Суда", который при реформѣ могъ бы разсматривать дѣла „духовно", т.-е. по совѣсти, что гражданскому суду прямо запрещено даже тогда, когда онъ, среди массы другихъ научно-уложненныхъ дѣлъ, способенъ вникнуть въ суть и подкладку дѣла?

„*Горе* вамъ законникамъ (научникамъ), что взяли ключъ разумѣнія въ свои руки, сами не вошли и другимъ мѣшаете войти". *Б. К. В. К.* [1]).

(„Гражданинъ", № 38 за 1901 г.).

LIX. О городскихъ думскихъ учительницахъ.

14-го іюня этого года исполнилось 25 лѣтъ со времени принятія Петербургомъ начальныхъ школъ подъ свое вѣдомство. Судя по собраннымъ къ этому времени статистическимъ свѣдѣніямъ, положеніе думскихъ городскихъ школъ мало оставляетъ желать лучшаго: и общее число учениковъ, и число оканчивающихъ курсъ въ мужскихъ и женскихъ училищахъ, итоги самаго преподаванія блестящія работы и отмѣтки на экзаменахъ все говоритъ о процвѣтаніи школъ, т.-е. образцовомъ преподаваніи и порядкахъ въ нихъ. Съ увеличеніемъ числа школъ увеличивается и составъ учащихъ: вмѣсто прежнихъ одноклассныхъ училищъ—теперь открываются многоклассныя, требующія отъ 6 до 19 человѣкъ учительницъ. Пріемъ учительницъ въ думскія школы обставляется все большими и большими трудностями. (Говорю только объ учительницахъ, потому что учителя въ думскія школы теперь не принимаются, остаются на службѣ 16 чел., служившихъ уже

[1]) Болтолковая по изложенію, но чрезвычайно обстоятельная со стороны содержанія, статья. Ея *resumé*: „весь семейный безобразія, отравившія и сдѣлавшія проклинаемымъ институтъ семьи, проистекаютъ исключительно изъ отнятія права развода у самихъ супруговъ и отъ передачи этого права администраціи духовной или свѣтской". *В. Р—въ.*

раньше). Кромѣ высшаго образовательнаго цензa (окончанія Педагогическихъ или Бестужевскихъ курсовъ), отъ городскихъ учительницъ требуется практическая подготовка.

Заботясь такъ много о тщательномъ подборѣ учащихъ, Комиссія по народному образованію мало входитъ однако въ духовную жизнь послѣднихъ. Эти труженицы обставлены рядомъ стѣснительныхъ правилъ. Во-первыхъ, подающая прошеніе не должна имѣть 30 лѣтъ отъ роду; во-вторыхъ, она не должна имѣть никакихъ физическихъ недостатковъ или органическихъ болѣзней, въ удостовѣреніе чего ею представляется медицинское свидѣтельство. Въ третьихъ, она должна быть дѣвицей. При выходѣ замужъ дѣвица, зачисленная въ кандидатки или уже состоящая учительницей, обязана заблаговременно заявить о томъ въ думу и подать прошеніе объ отставкѣ.

Въ настоящее время подъ вѣдѣніемъ Городской думы находятся 451 учительница одноклассныхъ школъ, около 50 замѣстительницъ, приблизительно столько же кандидатокъ.

Итакъ, чего же требуетъ дума отъ этихъ 500 слишкомъ учительницъ?

Образованія, педагогическои опытности, молодости, здоровья и безбрачія, т.-е. иначе требуетъ посвященія всей жизни, всѣхъ духовныхъ способностей, сосредоточенія всѣхъ интересовъ и духовной жизни только на школьномъ дѣлѣ.

Что же даетъ она взамѣнъ этихъ высокихъ требованій?

Къ несчастью немного. Даже матеріально онѣ едва обезпечены. Только нѣкоторыя, сравнительно давно служащія, имѣютъ школу съ квартирой, остальныя учительницы приходящія. На разъѣзды изъ дома до школы имъ полагается 10 руб. въ мѣсяцъ. Изъ общаго оклада (600 руб.) и этои суммы (квартирныхъ денегъ почему-то не выдается) за вычетомъ эмеритуры получается 58 руб. въ мѣсяцъ и... черезъ 25 лѣтъ (такъ далеко, далеко, но такъ заманчиво рисуется передъ глазами эта граціозная цифра 25!)— скромная пенсія. Изъ этихъ 58 руб. дѣвушка должна имѣть квартиру, столъ, ѣздить въ школу, на остающіеся отъ тратъ на необходимыя нужды въ лучшемъ случаѣ 15—10 руб. одѣться и ими же ограничить свои потребности и желанія. Нѣкоторыя учительницы имѣютъ возможность устроиться у своихъ родственниковъ, которымъ онѣ конечно въ такомъ случаѣ помогаютъ матеріально, а большая часть живетъ по комнатамъ (взять квартиру нѣтъ средствъ), питаясь кое-какъ по кухмистерскимъ и столовымъ.

Не говоря уже о матеріальномъ ограниченіи, дѣвушка обречена на вѣчное духовное одиночество. Войти въ домъ, въ семью она стѣсняется, такъ какъ не имѣетъ ни средствъ, ни возможности принять у себя въ своей маленькой скромной кель.

Убѣгаетъ молодость, уходитъ силы, здоровье, а впереди? Совѣмъ безъ счастья, навѣки безъ духовной отрады! Да вѣдь духовное истощеніе убиваетъ такъ же мучительно, какъ и голодъ... Все отъ себя... отъ себя... Мудрено ли, что и нервы расшатываются, энергія упадаетъ, здоровье портится.

Интересно бы знать: чѣмъ руководствовались, на чемъ основывались, давая это странное предписаніе безбрачія, и почему оно не существовало раньше, а вдругъ вошло въ силу съ 1896 г. и упрямо существуетъ въ настоящее время? Учительницы, вышедшія замужъ до 1896 или въ 1896 году, имѣютъ и теперь школы (и квартиру при школѣ по старымъ порядкамъ) и не подчиняются новымъ правиламъ. Если при этомъ постановленіи имѣлось въ виду, что въ случаѣ замужества заработокъ не нуженъ женщинѣ, мужъ обязанъ прокормить ее, то не слѣдуетъ забывать, что среди нашей учащейся или служащей, трудящейся молодежи (среда, гдѣ по большей части вращаются образованныя дѣвушки) мало можно найти людей, вполнѣ обезпеченныхъ матеріально. Странно требовать, чтобы съ замужествомъ женщина почему-то отрекалась отъ любимаго дѣла (къ которому чувствуетъ себя способной) и хотя небольшого заработка, могущаго служить ей подспорьемъ.

Если согласиться съ доводами, что замужняя учительница отвлекается отъ дѣла личною жизнью, не можетъ отдаться ему всей душою такъ, какъ отдается ему дѣвушка, то тогда и никакая личная жизнь не должна существовать для учительницы, такъ какъ всякое проявленіе индивидуальности, всякое внѣшнее вліяніе отвлечетъ ее отъ занятій, помѣшаетъ сосредоточиваться только на работѣ.

Отчего же не отвлекаются отъ дѣла замужнія городскія учительницы? Напротивъ, практика говоритъ, что въ ихъ школахъ дѣло ведется образцово! Вполнѣ понятно, что только замужняя, только мать способна срединиться съ душою ребенка, умѣть жить его жизнью, входить во всѣ его желанія, понимать его мысли.

А сколько противорѣчій, сколько непонятнаго и жестокаго въ этихъ вынужденныхъ ложныхъ условіяхъ жизни! Одной почему-то оставлена школа и разрѣшена брачная жизнь, другимъ нѣтъ. Дѣвушку безжалостно обрекаютъ на тяжелую, безотрадную жизнь, въ то же время требуютъ отъ нея альтруизма гуманности, кротости, любви и снисхожденія къ окружающимъ. Навѣки лишенная возможности имѣть семью, быть матерью, она всю жизнь находится въ обществѣ дѣтей, которыя точно вѣчное напоминаніе, точно нѣмой укоръ собственной безсемейности. Такъ много и громко говорятъ о необходимости чистоты сердца, высокой нравственности учительницы, и тутъ же закрываютъ ей дорогу къ честной жизни, къ законному браку.

А что если измученная безпросвѣтнымъ одиночествомъ дѣвушка рѣшится на гражданскій бракъ? Будутъ ли къ ней снисходительны? Не поторопятся ли вычеркнуть ее изъ списка порядочныхъ женщинъ, не заклеймятъ ли позорнымъ именемъ?.. Но въ спискахъ думы она будетъ значиться не замужемъ. Что жъ это, проповѣдь гражданскаго брака? Думскія весталки! Какъ грустно и какъ обидно звучитъ это названіе. Святое неотъемлемое право каждой женщины быть женой и матерью отнято лишь за то, что она отдастъ всю свою жизнь чужимъ дѣтямъ! Казалось бы, кто, какъ не интеллигентная женщина, имѣетъ несомнѣнное право быть матерью? Кто, какъ не образованная дѣвушка, близко узнавшая душу ребенка, можетъ умѣло и умно воспитать своихъ дѣтей и дать родинѣ полезныхъ гражданъ?!

Жалко, тяжело бываетъ видѣть людей несчастныхъ, больныхъ, голодныхъ, но еще тяжелѣе смотрѣть на людей душевно калѣчимыхъ съ такимъ тупымъ безжалостнымъ расчетомъ.

Уполномочило ли общество своихъ выборныхъ такъ безжалостно относиться къ судьбѣ беззащитныхъ интеллигентныхъ дѣвушекъ! [1]) *Д.*

LX. Гнусный промыселъ.

Промыселъ продажи женщинъ на Ближній и Дальній Востокъ въ публичные дома и гаремы, давно уже обращалъ на себя вниманіе Одесской администраціи, но пресѣченіе этого зла представлялось крайне труднымъ: дѣло обставлено большими секретами и поставщицы живого товара, не живя въ Одессѣ, наѣздываются сюда лишь изрѣдка и на короткое время только для отправки въ дорогу завербованныхъ ихъ агентами женщинъ. Эти своеобразныя антрепренерши раскинули сѣть по всему Югу Россіи, онѣ оперируютъ и въ Кіевѣ, и въ Ростовѣ, совершая періодическіе переѣзды изъ города въ городъ, иногда черезъ большіе промежутки времени. „Агенты“ этихъ антрепренершъ не уличные оборванцы, а ловкіе и искусные, тонко знающіе дѣло и иногда весьма нарядные, презентабельные джентльмены, сплошь и рядомъ евреи, имѣющіе претензію „понравиться“ своимъ жертвамъ. Несчастныя женщины, застигнутыя крутыми житейскими обстоятельствами, соблазняются предлагаемыми антрепренершами или ихъ

[1]) Можно сказать—крикъ сердца! Но гдѣ этого положенія вещей *корень?* Аскетъ, *заснувшій* около *ненужнаго* ему брака, коего онъ есть *господинъ*. Сонъ этотъ сказалъ всѣмъ, городской думѣ, военной администраціи „приходите и разоряйте мнѣ ненужное сокровище; *запрещайте* бракъ, хоть *всѣмъ* запрещайте: я вижу дѣвственные сны и семьей не интересуюсь. *В. Р—въ.*

агентами задатками и хранятъ заключенное обѣими сторонами „добровольное соглашеніе" въ великой тайнѣ. На Востокъ онѣ эмигрируютъ въ качествѣ туристокъ, дамъ, разъѣзжающихъ по дѣламъ родственниковъ и мужей, спутницъ ловкихъ аферистовъ и компаньонокъ антрепренершъ. Съ внѣшней формальной стороны полиціи часто не къ чему бываетъ придраться: у эмигрантокъ паспорта въ полномъ порядкѣ, на предлагаемые вопросы женщины даютъ самые ясные отвѣты. Антрепренерши иногда увозятъ и неопытныхъ молодыхъ дѣвушекъ подъ видомъ своихъ родственницъ. Разсказываютъ, что въ турецкихъ гаремахъ есть смоленская гимназистка, сбѣжавшая отъ безцны школьной премудрости, есть покинутыя мужьями жены, супругамъ которыхъ въ возмѣщеніе понесенной потери дарили кровныхъ арабскихъ жеребцовъ, а одна француженка-гувернантка, по поводу тайнаго увоза которой въ гаремъ возникла дипломатическая переписка, откровенно и рѣшительно заявила, что она проситъ „не освобождать" ее. Торговля живымъ товаромъ ведется на золото и даже на очень крупное золото; антрепренерши и ихъ агенты зарабатываютъ хорошіе куши, а жертвы ихъ, нерѣдко изстрадавшіяся дома въ нуждѣ и голодѣ, увидѣвъ въ рукахъ первыя деньги, не проявляютъ иногда особаго желанія вернуться къ прежней жизни. Состоявшееся „добровольное соглашеніе" онѣ берегутъ въ тайнѣ даже отъ подругъ и всячески открещиваются и отъ полицейскаго вмѣшательства, и отъ непрошенной защиты. Конечно бываютъ и грубые тайные увозы женщинъ, когда защита ихъ полиціей единственное средство для спасенія несчастныхъ изъ рукъ скверныхъ гешефтмахеровъ. Въ послѣднее время, съ оживленіемъ окраинъ Дальняго Востока, начинается увозъ женщинъ не столько на Ближній Востокъ, довольствующійся услугами западно-европейскихъ комиссіонеровъ, сколько въ Портъ-Артуръ и Владивостокъ. Ловкія антрепренерши обратили исключительное вниманіе на эту доходную статью. О поимкѣ одной изъ нихъ, Алексѣевой, вамъ уже извѣстно. Но ихъ конечно много. Въ Одессѣ не мало сдѣлано уже для несчастныхъ женщинъ, случайно впавшихъ въ развратъ. Большое, располагающее достаточными средствами, „Общество призрѣнія неимущихъ и помощи нуждающимся" устроило здѣсь образцовое убѣжище для дѣвушекъ и порочныхъ женщинъ; графиня А. П. Шувалова привлекла многія десятки тысячъ рублей на устройство новаго Трудового дома для порочныхъ женщинъ („Одесское общество св. Магдалины"). Этотъ домъ, обставленный превосходно, имѣющій прекрасный инвентарь для женскаго труда (рукодѣлье, шитье и проч.), широко открылъ свои двери для всѣхъ нуждающихся въ его поддержкѣ. Но много ли нашлось женщинъ, готовыхъ бросить позорные заработки и вступить на трудовой путь? Въ первомъ убѣжищѣ долгое время призрѣвалась

всего одна женщина и завѣдующее убѣжищемъ благотворительное общество жаловалось на то, что всѣ его старанія не приводятъ ни къ чему. Какими мѣрами привлечь обитательницъ въ пустующее убѣжище? Не брать же ихъ насильно съ улицы. Десятокъ-полтора женщинъ, призрѣваемыхъ въ новомъ убѣжищѣ, составляютъ тоже лишь малый процентъ на тысячи порочныхъ. Невольно думается, что лучше всякихъ полицейскихъ и благотворительныхъ мѣръ могла бы помочь борьбѣ съ развратомъ болѣе надежная подготовка женщинъ къ самостоятельному, обезпечивающему женщину труду, а въ этомъ направленіи у насъ вообще мало сдѣлано. („Корреспонденція изъ Одессы"). *Н. Генферъ.*

LXI. Бѣлыя невольницы.

На прошлой недѣлѣ закрылъ свои засѣданія при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ международный „конгрессъ" противъ торговли бѣлыми женщинами (la Traite des blanches)". Не слѣдуетъ думать, судя по этому довольно-таки пестрому названію, что рѣчь шла только о торговлѣ бѣлыми, а что торговля черными, желтыми или красными женщинами была оставлена въ сторонѣ, какъ предметъ, не стоящій вниманія. Конгрессъ имѣлъ въ виду вообще гнусное ремесло купли-продажи живого мяса женскаго пола, какого бы цвѣта кожей это бѣдное мясо ни было покрыто.

Не знаю, какіе будутъ результаты этого Конгресса. Да и будутъ ли они вообще! Конгрессисты, какъ извѣстно, не облечены никакими законодательными полномочіями. Они могутъ только докладывать, спорить и выражать пожеланія, которыя ни для кого не обязательны. А все это и безъ того давнымъ давно дѣлается, только, къ несчастью, толку изъ этого никакого не выходитъ. Порядочные люди возмущаются, а проходимцы посмѣиваются себѣ въ усъ и какъ ни въ чемъ не бывало продолжаютъ свое прибыльное занятіе.

По странному совпаденію, въ одинъ изъ дней, когда Конгрессъ уже засѣдалъ, пришлось мнѣ сидѣть на терасѣ кафе противъ вокзала Сѣверной желѣзной дороги. Рядомъ со мною сидѣлъ толстый нѣмецъ съ краснымъ лицомъ, а съ нимъ „одно изъ милыхъ, но погибшихъ созданій". Я думалъ вначалѣ, что мой сосѣдъ находится, какъ говорятъ французы, en bonne fortune. Но нѣтъ: оба, повидимому, куда-то уѣзжали. Около дѣвицы стоялъ старенькій чемоданчикъ, обтянутый полотномъ. Около нѣмца — щегольской кожаный сакъ со стальной оправой. И въ то время, какъ нѣмецъ пилъ кофе и опустошалъ графинчикъ съ коньякомъ, дѣвица украдкой глотала слезы, стараясь глядѣть въ сторону. Она была очень блѣдная и только кончикъ носа и глаза ея были красны отъ сдерживаемаго плача.

— Фу седъ педъ, сказалъ нѣмецъ, который находился въ очень благодушномъ настроеніи,—фу седъ педъ, ни фу ди. Домъ очень хорошо содержится, хозяйка добрая, а кліенты совсѣмъ comme il faut. Блере тонкъ па!

Je ne dis pas, оправдывалась дѣвушка, — но это такъ далеко. Кромѣ того у меня родные...

— Де педизъ,—утѣшалъ ее провожатый.

Это несомнѣнно была „бѣлая невольница", которую перепродавали въ Германію, гдѣ французскій товаръ цѣнится очень высоко. Изъ докладовъ, прочитанныхъ на конгрессѣ, видно, что товаръ этотъ не залеживается на мѣстѣ. Девяносто процентовъ дѣвицъ не остается въ томъ же домѣ, въ среднемъ, больше 140 дней. По крайней мѣрѣ два раза въ годъ ее перепродаютъ, пересылая, какъ скотъ, изъ Кіева напр. въ Бразилію и наоборотъ. Въ прошломъ году одна бретонка, обманнымъ образомъ заплеченная агентомъ въ домъ терпимости, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ была перепродана, безъ ея согласія разумѣется, три раза. Купленная вначалѣ за 300 фр., она была переуступлена за 1,000. Но новый хозяинъ поспѣшилъ отъ нея отдѣлаться, уступивъ содержателю вертепа низшаго порядка за 40 флориновъ, товаръ оказался не соотвѣтствующимъ назначенію: онъ утомлялъ кліентовъ неумѣстнымъ плачемъ.

Для купли-продажи женскаго мяса существуютъ многочисленныя агенства, разбросанныя по всему свѣту, и которыя всѣ находятся между собою въ самыхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ. Въ одной Австріи такихъ агентствъ извѣстно 180; въ нихъ въ каждую минуту имѣется 1,500 женщинъ, готовыхъ къ отправкѣ. Въ Италіи, по словамъ секретаря Ассоціаціи противъ торговли бѣлыми, д-ра Гарофоло, „число несчастныхъ дѣвушекъ, которыхъ отправляютъ изъ генуэзскаго порта въ Южную Америку, доходитъ до 1,200 въ годъ. Эти бѣдныя существа, почти дѣти, вербуются главнымъ образомъ въ Венгріи, Россіи, Франціи, и Швейцаріи. Возрастъ ихъ колеблется между 15—20 годами". Маркизъ Калболи идетъ еще дальше. „Нѣкоторые изъ нашихъ большихъ портовъ, утверждаетъ онъ, напоминаютъ собою рынки невольницъ древней Халдеи. Сицилія продаетъ минотавру проституціи тысячи молодыхъ итальянокъ, направляемыхъ въ Тунисъ". Цѣны на товаръ подвержены закону спроса и предложенія, но зависятъ также отъ моды: иногда спросъ больше на блондинокъ, чѣмъ на брюнетокъ, иногда на дѣвушекъ съ свѣтлыми или напротивъ съ темными глазами. Цѣны мѣняются постоянно, то поднимаются до очень высокихъ цифръ, то падаютъ почти до нуля. На Суэзскомъ перешейкѣ существуетъ настоящая организованная биржа на этотъ предметъ. Недавно тамъ былъ случай, что цѣлая „партія" женскаго товара была выброшена на улицу, отдана на произволъ гузем-

цевъ порта Тевфика, потому что рынокъ былъ очень загроможденъ. Въ Буэносъ-Айресѣ былъ подобный же случай съ русскими еврейками во время переселенія евреевъ въ такъ называемыя колоніи барона Гирша въ Аргентинѣ. Въ короткое время „кафтены" (caftens, такъ называютъ тамъ агентовъ проституціи) доставили на рынокъ и секвестрировали въ домахъ терпимости больше 3,000 дѣвушекъ. Понятно, что товаръ былъ обезцѣненъ; можно было имѣть за 10 фунтовъ штуку въ полную собственность. Всего, по словамъ аргентинскаго правительства, было продано въ республикѣ въ годы „исхода" до 10,000 еврейскихъ дѣвушекъ!

Какъ дѣйствуютъ агенты, поставляющіе на рынокъ живой товаръ,- это достаточно извѣстно. Они даже не очень скрываютъ свое ремесло. Въ Парижѣ ихъ генеральный штабъ—кафе по сосѣдству съ улицами Шатоденъ, Мортиръ и Нотръ-Дамъ-де-Лоретъ. Но они собираются также въ одномъ кафе на большихъ бульварахъ. Одинъ изъ нихъ, русскій еврей, бритый, съ пенсне на носу, орудуетъ здѣсь уже много лѣтъ. Его знаютъ очень многіе русскіе какъ субъекта, котораго спеціальность — женитьба. Это своего рода „Вѣчный мужъ". Когда онъ высмотрѣлъ подходящую дѣвушку, которая не соглашается совершать съ нимъ „путешествіе за границу", онъ предлагаетъ ей руку и сердце. Женившись, онъ увозитъ „супругу" въ Лондонъ, Нью-Іоркъ или Константинополь, гдѣ продаетъ ее очень выгодно, и возвращается въ Парижъ, чтобы найти новую невѣсту. И, какъ видите, это ему удается, потому что до сихъ поръ онъ еще не попалъ на каторгу. Главный контингентъ агентовъ набирается между левантинцами, галиціянскими евреями и гражданами изъ Южной Америки. Этихъ послѣднихъ вотъ какъ характеризовали на конгрессѣ: „Это настоящіе джентльмены, корректные, развязные, ничѣмъ не напоминающіе своихъ вульгарныхъ собратовъ. Они реализируютъ свои маклерскіе барыши по торговлѣ человѣческимъ мясомъ съ такимъ же изяществомъ, какое придаютъ каждому своему жесту. Зная нѣсколько языковъ, часто образованные, они любятъ широко пожить и имъ часто удается проникнуть въ самую почетную среду. Они имѣютъ поэтому, понятно, и самую избранную кліентель". Изъ русскихъ делегатовъ на конгрессѣ кн. С. Волконскій представилъ очень интересную работу, въ которой показалъ, какъ агенты проституціи орудуютъ въ Россіи. Въ извѣстное время года, зимою особенно, они появляются въ Кіевѣ, въ Варшавѣ, т.-е. вообще въ юго-западныхъ провинціяхъ и въ Царствѣ Польскомъ, и соблазняютъ бѣдныхъ дѣвушекъ перспективой хорошаго заработка. Когда дѣло сдѣлано, они увозятъ ихъ группами по 15 -20 человѣкъ въ порты Генуи, Бордо, Гавръ, Соутгемптонъ, откуда разсылаютъ въ Африку или Южную Америку. Ферреро-де-Роза, изъ Ріо-Жанейро, представилъ свою недавно изданную, очень оригинальную книгу „Дома"

(вы догадываетесь, какіе это дома), въ которой напечаталъ трогательную группу агентовъ проституціи, орудующихъ въ Бразиліи, и братски снявшихся на одной фотографіи. Снимаются же группами члены одного и того же сообщества. Отчего и этимъ не сняться! Въ той же книгѣ авторъ дастъ фотографію одной улицы въРіо, гдѣ всѣ дома принадлежатъ одному богатому монашескому ордену и всѣ они сданы въ наемъ подъ дома терпимости, конечно за хорошую цѣну...

Торговля женщинами представляетъ собою такимъ образомъ преступленіе международное, а потому бороться съ нимъ очень трудно. Дѣвушка, которая принимаетъ предложеніе агента, дѣлаетъ это не изъ любви къ путешествіямъ; ее гонитъ изъ дому нужда. Она ищетъ мѣста „въ отъѣздъ или за границу"— гувернантки, бонны, кафе-шантанной пѣвицы, продавщицы въ магазинѣ, швейки, модистки и т. п. Агентъ предлагаетъ ей такое мѣсто, обѣщаетъ золотыя горы. Она рада и счастлива. Скажите ей, что этотъ человѣкъ имѣетъ на ея счетъ совсѣмъ другія намѣренія, она не повѣритъ. Начальникъ парижской „полиціи нравовъ" Гонпора разсказывалъ на-дняхъ такой примѣръ. Варшава извѣстна какъ большой центръ торговли француженками. Ихъ привлекаютъ туда заманчивыми объявленіями въ газетахъ Парижа и департаментовъ. Какъ запретить такія объявленія? Бываетъ вѣдь и такъ, что дѣйствительно требуются въ Россію и гувернантки, и бонны, и продавщицы. Но такъ какъ въ Россію ѣхать безъ паспорта нельзя, то парижская полиція имѣетъ возможность узнать, куда и къ кому именно ѣдутъ дѣвушки, которыя приходятъ за паспортомъ. И вотъ когда этимъ дѣвушкамъ говорятъ, что люди, которые имъ предлагаютъ занятія, содержатъ публичные дома или агентство для поставки женщинъ для такихъ домовъ, онѣ только смѣются: агенты успѣли ихъ предупредить, что полиція всегда и всѣмъ говоритъ одно и то же! И даже, когда дѣвушки несовершеннолѣтнія, родители охотно соглашаются на выдачу имъ паспорта префектурой. Такъ умѣютъ агенты обворожить свои жертвы!

Преступленіе агента, съ точки зрѣнія существующихъ законовъ, начинается уже за границею. Но поди-те тогда доказывайте, что дѣвушки не по своей волѣ пошли въ публичный домъ. Впрочемъ доказывать ничего не придется. Когда дверь этого ужаснаго дома захлопнулась за несчастной, она въ девяноста случаяхъ на сто провалилась сквозь землю. Если она противится — ее бьютъ и всячески терзаютъ, пока она не покорится своей участи. Полиція объ этомъ узнаетъ только въ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, потому что такія пансіонерки, а также несовершеннолѣтнія въ списки не вносятся. А когда полиція является, ихъ запрятываютъ такъ, что ихъ не откроешь. Въ Буэносъ-Айресѣ

прошлой зимой полиціи донесли о похищеніи и секвестраціи въ одномъ изъ домовъ терпимости двухъ несовершеннолѣтнихъ сестеръ. Дважды полиція являлась съ обыскомъ и дважды ушла ни съ чѣмъ. Въ третій разъ она тоже собиралась уйти, не найдя ничего, когда слухъ начальника полиціи былъ пораженъ стонами, которые неслись изъ-за стѣны. Оказалось, что въ домѣ находились потайныя комнаты, куда и спрятали сестеръ.

Торговля женскимъ мясомъ существуетъ не со вчерашняго дня разумѣется. Уже въ сороковыхъ годахъ противъ нея принимались мѣры въ Голландіи, Англіи и въ Германіи. Въ 1897 г., благодаря депутатамъ Рейнигеру, Бебелю и Форстеру, въ Пруссіи къ закону объ эмиграціи была прибавлена статья, по которой наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ 2 до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 150 до 6,000 марокъ всякій, кто обманнымъ образомъ заставилъ эмигрировать женщину, съ цѣлью предать ее проституціи. Тогда же состоялся договоръ о выдачѣ между Австріей, Германіей, Бельгіей, Италіей, Испаніей, Голландіей и Швейцаріей.

И все это не дало ровно никакихъ результатовъ.

На конгрессѣ въ Лондонѣ два года назадъ выражено „пожеланіе", чтобы состоялось международное соглашеніе относительно слѣдующихъ пунктовъ:

1) Наказаніе лицъ, которыя какими бы то ни было способами вовлекаютъ женщинъ или дѣвушекъ въ развратъ.

2) Розысканіе такого рода преступленій, когда они касаются нѣсколькихъ государствъ сразу.

3) Учрежденіе компетентнаго трибунала для избѣжанія конфликтовъ въ юрисдикціи.

4) Выдача преступниковъ.

Нынѣшній конгрессъ занимался спеціально изученіемъ такого плана международнаго соглашенія, благодаря которому можно было бы преслѣдовать торговцевъ бѣлыми невольницами, гдѣ бы они ни практиковали.

Къ чему пришелъ этотъ конгрессъ, я въ точности сказать не могу. Конгрессисты не знаю почему рѣшили не обнародовать изъ своихъ работъ ничего, кромѣ очень неопредѣленныхъ общихъ мѣстъ. Да это, откровенно говоря, и неинтересно. Улита ѣдетъ, когда-то будетъ...

Но если бы даже пожеланія конгресса получили силу закона, можно опасаться, что и тогда гнусная торговля отъ этого не пострадаетъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Конгрессъ изъ соображеній якобы либеральнаго свойства не хочетъ преслѣдовать торгующихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда товаръ идетъ къ нимъ въ руки „по собственному согласію". Всякій-де совершеннолѣтній человѣкъ воленъ дѣлать съ собою, что пожелаетъ. Въ дѣйствительности же просто не хотятъ помѣшать вербовкѣ персонала для публичныхъ

домовъ. Но если оставить такую лазейку, то подъ видомъ собственнаго согласія можно будетъ продолжать выгодный гешефтъ по прежнему, даже торговать, какъ теперь, подростками, только фабрикуя для нихъ фальшивые паспорта. Это и до сихъ поръ такъ дѣлается сплошь и рядомъ. А полиція... она закрываетъ въ этомъ случаѣ глаза, чему тоже можно привести множество примѣровъ... [1]) („Корреспонденція изъ Парижа" въ „Нов. Вр."). *Н. Андреевъ.*

---

[1]) Рекомендую для прочтенія сторонникамъ дѣвственнаго идеала. Но они, въ чистенькихъ своихъ келейкахъ, „не печалятся убо на утре"... И все еще дремлютъ на ветхихъ листахъ „Кормчей книги", единственно озабоченные, какъ-бы: 1) разведенный мужъ вторично не женился, 2) не поженились духовные родители, воспріявшіе отъ крещенія одного младенца, 3) или состоящіе въ четвертой степени двуутроднаго свойства. Но позволительно спросить, насколько это „гонь праведниковъ"? *В. Р—въ.*

Еще фрагменты о бракѣ.

Объ особаго рода „синдикатахъ“.

Мнѣ болѣзненно хотѣлось бы прочесть публичную лекцію объ одномъ недостающемъ у насъ видѣ „синдиката“. И обладай я хотя въ малѣйшей степени ораторскимъ искусствомъ, я привелъ бы это намѣреніе въ исполненіе. За недостаткомъ краснорѣчія, я прибѣгаю къ перу, но читатель пусть именно смотритъ на эти строки какъ бы на отрывокъ публичной лекціи, во всякомъ случаѣ какъ на горячее устное обращеніе къ публикѣ.

Сильные умѣютъ устраивать себѣ „синдикаты“. Властные умѣютъ „союзиться“. Вотъ ужъ по-истинѣ исполнилось слово, что „у кого много — тому еще прибавится, а у кого мало — у того и это отымется“. Люди съ малымъ достаткомъ и малою властью сидятъ пригорюнившись. Они бѣднѣютъ съ каждымъ днемъ. Крохи ихъ утекаютъ и прилипая кроха къ крохѣ, образуютъ возы хлѣба богатыхъ людей.

Когда нужно освѣтить Россію дорогимъ керосиномъ, образуется „синдикатъ керосинозаводчиковъ“. Когда нужно обобрать Россію на сахарѣ, образуется „синдикатъ сахарозаводчиковъ“. Хорошо. Допустимъ. Претерпимъ. Но отчего не допустить нѣкоторыхъ нравственныхъ и правовыхъ синдикатовъ? Позвольте, есть же „умственные и ученые синдикаты“, каковымъ прежде всего можно назвать Академію Наукъ и всякое рѣшительное ученое общество. Есть общества книгоиздателей, книгопродавцевъ, даже наборщиковъ типографскихъ. Есть юридическія общества. Я говорю о *мысли* союза и *фактѣ* союзныхъ, дружелюбныхъ лицъ, отъ союзности *выигрывающихъ* въ сплѣ. Нѣтъ ли у насъ области безконечно прекрасной и безконечно слабой, которая рѣшительно просится въ рубрику „униженныхъ и оскорбленныхъ“? Да — это семья. Вотъ я и хотѣлъ бы прочесть лекцію о собраніи въ нѣкото-

рый союзъ лицъ семейныхъ, обладающихъ до извѣстной степени „отъ сложенія міра“ огромными правами, по которые къ началу XX-го вѣка крупица за крупицею и крошка за крошкою утратили почти всѣ свои права и теперь нищенствуютъ то около разныхъ учрежденій, то около разныхъ лицъ, „отъ сложенія міра“ рѣшительно никакихъ правъ не получившихъ.

Недавно меня посѣтилъ пріѣхавшій изъ Соединенныхъ Штатовъ русскій православный священникъ Н. В. Васильевъ. Онъ много разсказывалъ о тамошней жизни, и все возвращался къ пункту, и его и меня интересующему—физическаго и нравственнаго здоровья народа. Онъ ознакомилъ меня съ результатами уже 50-лѣтней дѣятельности „Христіанскаго общества молодыхъ людей въ Сѣверной Америкѣ“, полувѣковой юбилей котораго праздновался въ Бостонѣ лѣтомъ 1901 года. Затѣмъ назвалъ брошюрку русскаго изслѣдователя о движеніи населенія въ Россіи (заглавіе ея я забылъ), въ которой показывается, что населеніе Россіи далеко не такъ быстро увеличивается, какъ мы привыкли думать по старымъ учебникамъ, и что состояніе Франціи, гдѣ ростъ населенія остановился—не безконечно удалено и отъ насъ. Онъ жалѣлъ, что я прекратилъ писать о разныхъ сторонахъ брака, и упомянувъ о „Религіозно-философскихъ собраніяхъ“, послѣднее засѣданіе которыхъ посѣтилъ, указывалъ, что наибольшую пользу они принесли бы, останавливаясь не на теоретическихъ и догматическихъ вопросахъ, а на нравственно-жизненныхъ, каковъ напр. бракъ. Съ послѣднимъ я не согласился, ибо полное разрѣшеніе практическихъ вопросовъ лежитъ такъ сказать въ обладаніи узла вопросовъ догматическихъ. Напр. весь вопросъ о бракѣ зависитъ отъ вопроса объ аскетизмѣ. Пока послѣдній владычествуетъ, онъ будетъ обладать бракомъ, какъ господинъ. И какъ бы ни было плачевно это управленіе, ничего съ нимъ нельзя сдѣлать, не затронувъ вопроса о сравнительной метафизической и религіозной цѣнности и опорахъ самаго аскетизма. Пока господинъ есть господинъ—онъ господилъ. По римскому праву patria potestas не останавливалась въ дѣйствіи своемъ, даже когда pater былъ сумасшедшій. А римское право дѣйственно и въ Европѣ. То же и здѣсь, въ примѣненіи къ идеаламъ дѣвства и супружества. Такъ я говорилъ.

— Да вовсе нѣтъ. Самое право аскетовъ регулировать бракъ ни на чемъ не основано, и византійскіе императоры только по незнанію канонническаго права предложили въ свое время монахамъ установить правила брака. По „Апостольскимъ правиламъ“, основной у насъ канонической книгѣ (происхожденія около IV вѣка послѣ Р. Х.), монахъ не долженъ мѣшаться въ мірскія дѣла. Такимъ образомъ ни законы, аскетами выработанные, ни текущее теперешнее управленіе ими же семейныхъ дѣлъ, не имѣетъ подъ собою почвы канонической.

Это меня поразило, и я позволяю себѣ подъ полнымъ именемъ передать мысль почтеннаго священника, какъ я ее услышалъ. И ранѣе, въ частой перепискѣ, мною сохраняемой, и въ устныхъ бесѣдахъ со священниками, мнѣ случалось неоднократно выслушивать одобреніе моимъ мыслямъ о бракѣ, разводѣ, незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, гдѣ они признавали застарѣлую неправду. Всѣ эти вопросы они считаютъ безконечно запущенными, пренебреженными, такъ-сказать съѣхавшими съ каноническаго фундамента, потому-что съ него съѣхала вообще вся цивилизація, живущая въ XIX вѣкѣ далеко не такъ, какъ въ IX. И что было примѣнимо и цѣлебно въ маленькихъ епархійкахъ Исаврійской династіи или Комненовъ, что было *тамъ* исполнимо,—рѣшительно не исполнимо и не примѣнимо въ чудовищныхъ соціальныхъ и политическихъ организмахъ новыхъ временъ, и становится въ нихъ разрушительно. Надвинуть-же новую цивилизацію на каноническое право также невозможно, какъ надѣть Монбланъ на палецъ. Да и притомъ вообще: епархіи средневѣковой Греціи работали для себя, ad usum temporis, безъ права и мысли „вязать и разрѣшать вѣчность". Поэтому мы только ломаемъ себя, пытаясь втиснуть бытіе 100-милліонныхъ народовъ въ правила тогдашней жизни, столь миніатюрной и не развитой. И пришлось намъ напр. завести дома терпимости отъ полнаго отсутствія брачныхъ нормъ, брачныхъ условій, соотвѣтственно выработанныхъ въ примѣненіи къ быту постоянныхъ армій и подвижного рабочаго населенія, въ ту древнюю пору вовсе не существовавшихъ, а въ наше время выросшихъ до огромныхъ размѣровъ. Вѣдь нельзя-же, для соблюденія правилъ „Кормчей" о бракѣ, закрыть фабрики и распустить армію. И вотъ намъ пришлось изловчаться, чтобы основаніе домовъ терпимости считать канонически позволительнымъ въ странѣ, и менѣе затрагивающимъ истину и цѣлость церкви, чѣмъ сколько бы этой истины и цѣлости осталось, еслибы она допустила четвертый бракъ, временное сожительство (фабричные, солдаты) или женитьбу двухъ родныхъ братьевъ на двухъ родныхъ сестрахъ. Но историческая подавленность у насъ духовнаго сословія заставляетъ его говорить золотые слова „въ уголкѣ", а на столъ (въ печати, въ публичной рѣчи) класть „мѣдь звенящую"...

Продолжая разсказы объ Америкѣ, мой гость упомянулъ, что священникъ, отказавшійся на завтра же обвѣнчать вступающую въ бракъ пару—платитъ 500 доларовъ штрафа, и что вѣнчанія совершаются тамъ всѣ дни года, а не 60 дней въ году, какъ у насъ. О послѣдней цифрѣ я переспросилъ, удивившись, что такъ мало „вѣнчальныхъ дней". Оказалось, что это не обмолквa. Онъ высказалъ удивленіе, что таинство, т. е. святое, почему-то невозможно въ постъ. Я болѣе, чѣмъ согласился съ нимъ, указавъ на несомнѣн-

ное притворство невѣдѣнія, будто повѣнчавшіеся только-что только передъ семинедѣльнымъ постомъ, разорвутъ супружескую жизнь на всѣ эти семь недѣль. Къ чему такая наивность клириковъ? А если они ея не имѣютъ, то зачѣмъ же „медовый мѣсяцъ“ именно помѣщать въ посту? Да и затѣмъ, вѣдь невольно образуется у всего народа представленіе, что супружеская жизнь есть какая-то масляница, объѣдѣніе, а не нормальная и постоянно ровно текущая жизнь. Вырожденіе семьи христіанской, малочисленность и особенно болѣзненность и малоспособность дѣтей, очень вытекаетъ изъ этихъ интерваловъ то полнаго воздержанія, то неумѣренной чувственности. Народъ безъ сомнѣнія предается тому и другому, послушно внимая гласу, что „супружество есть мясоѣдъ, а постъ есть дѣвство“. Онъ все молитвенное и серьезное время воздерживается отъ супружества, а среди пьянства, объѣденія и удаленія отъ молитвы начинаетъ жить супружескою жизнью. И вотъ въ такой-то печальнѣйшей обстановкѣ, истинно языческой, плодитъ дѣтей не столько какъ человѣческія души, сколько какъ свинокъ. Ужасно!

Онъ согласился со мною, что здѣсь надо искать причины разрушенія и вырожденія семьи. Когда я переспросилъ его, неужели въ Соединенныхъ Штатахъ не требуютъ отъ вѣнчающихся документовъ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что конечно—нѣтъ, это—полицейская сторона брака, ни мало священника не касающаяся, и за невѣнчающійся отвѣчаетъ самъ передъ закономъ и судомъ. „У насъ же,“ прибавилъ онъ, требуется цѣлая пачка документовъ, и напр. здѣсь въ Петербургѣ совершенно невозможно вѣнчать пришлыхъ на отхожіе промыслы крестьянъ. Именно — они должны сдѣлать оглашеніе по мѣсту постояннаго жительства. Въ Петербургѣ о нихъ оглашенія сдѣлать нельзя, потому что здѣсь они временно, хотя бы и давно живутъ, и требуютъ отъ нихъ свидѣтельства оклика съ родины. Они пишутъ туда. А оттуда отвѣчаетъ священникъ, что онъ не можетъ совершить оклика, ибо парень уже много лѣтъ отлучился съ родины и быть можетъ теперь женатъ. Получивъ такое увѣдомленіе, мы отказываемъ въ бракѣ и это огромному множеству холостыхъ и совершенно къ браку правоспособныхъ людей. Между тѣмъ самый законъ объ окликахъ есть католическій, установленный Иннокентіемъ III и подтвержденный Тридентскимъ соборомъ, а въ русское законодательство онъ перешолъ, изъ Польши, очень поздно, не ранѣе конца XVIII в. Судите, какіе отъ этого послѣдствія. Проституція растетъ, множество людей вступаютъ въ нелегальныя связи, а рождающихся отъ нихъ дѣтей выкидываютъ въ воспитательные дома“.

Да. Осторожность, которая обходится дороже безразсудства. Ну, пусть по ошибкѣ или злоупотребленію повѣнчаютъ двѣ-три пары на сотню не канонически, нарушивъ „1001 препятствіе къ браку“. Соглашаемся, худо. Но не хуже ли во избѣжаніе двухъ не-

правильныхъ браковъ не дать зародиться 98 совершенно правильнымъ семьямъ? Заливая головню, мы пускаемъ потопъ, который подмываетъ домъ.

И вспомнилъ я еще муки нашего бракоразводнаго процесса, всю канитель о „пріемышахъ"; о „подкидываніи" самими родителями себѣ своихъ же дѣтей въ случаяхъ жизни не вѣнчанныхъ паръ (И. В. Васильевъ сказалъ мнѣ, что „принудительности обряда въ бракѣ не можетъ быть потому, что только нѣкоторыя таинства, какъ крещеніе, обязательны для всѣхъ вообще христіанъ, а другіе таинства, по аналогіи таинства священства, отъ мірянъ не могутъ требоваться"). И перебравъ въ умѣ своемъ всѣ эти рубрики, спросилъ себя: да что же это, наконецъ, за униженная и опозоренная область область семьи, дѣтей и рожденія?

Тутъ—у всѣхъ права, у судьи, у земскаго начальника, у полицеймейстера, у секретаря консисторіи. Только у дидяти, у мужа и жены никакихъ правъ, кромѣ пассивнаго и тупого повиновенія. Между тѣмъ всѣ слова Божіи сказаны не только о мужѣ и женѣ, но прямо мужу и женѣ, изъ устъ въ ухо прямо имъ и однимъ имъ! И никакихъ Божіихъ словъ нѣтъ ни о секретаряхъ консисторіи, ни о судьѣ, ни о полицеймейстерѣ, ни о земскомъ начальникѣ, которые „сложены не отъ сотворенія міра", а кто отъ 1884 года, кто по-раньше, кто по-позднѣе. Но всѣмъ имъ нѣтъ вѣка жизни, они—младенцы, а судятъ великаго старика—мужа и жену, родителей и дѣтей!

И мысль о самозащитѣ семейныхъ людей вспыхнула во мнѣ. Вотъ хоть-бы вопросъ о католическихъ окликахъ, къ намъ зачѣмъ-то перенесенныхъ, объ „обыскѣ" (что за грубое слово въ отношеніи нѣжныхъ жениха и невѣсты? точно они воры), да кстати и о 500 долларовъ штрафа за отказъ повѣнчать наканунѣ фатальной среды, пятницы и семи недѣль поста? Да наконецъ и безцеремонность консисторіи, гдѣ тратятся суммы куда большія 500 долларовъ, ограничилась бы, еслибъ она встрѣтилась лицомъ къ лицу не съ несчастною мокрою курицей, на которую похожъ каждый и каждая, ищущіе себѣ тамъ „милости и правды" въ случаѣ несчастнаго иногда до безчеловѣчія брака, а встрѣтилась-бы съ союзомъ взаимно другъ друга поддерживающихъ семейныхъ людей. Позвольте, синдикаты сахара и керосина, торговцы Нижегородской ярмарки добиваются даже новыхъ тарифовъ, добились охранительной таможенной системы, добиваются отмѣны неудобныхъ для нихъ однихъ законовъ и установленія другихъ, нужныхъ и удобныхъ. Почему такой почтенный фактъ какъ семья, какъ семейные русскіе люди, сложившись въ союзъ, сперва пожалуй интимный, какъ и сахарозаводчики первоначально слагались интимно же, а потомъ и въ формальный и открытый, не

проведутъ рядъ мѣръ въ сферѣ семьи, брака, дѣтей, развода, который доставилъ бы государству такія выгоды, какъ:

1) обиліе семей;

2) здоровье нравственное и физическое дѣтей и ихъ во всѣхъ случаяхъ юридическую обезпеченность, ибо дитя всегда невинно и наказанію никогда и ни за что не подлежитъ;

3) разводъ на почвѣ прелюбодѣянія, но отнюдь не публичнаго, при свидѣтеляхъ, о которыхъ ни малѣйше не упоминалъ Спаситель, и что совершенно безаконно теперь требуется, а о которомъ есть доказательства въ письмахъ, въ обстоятельствахъ жизни (напр., разрѣшеніе отъ бремени или постоянная жизнь жены въ квартирѣ постороннаго человѣка), въ свидѣтельствахъ знакомыхъ и друзей, или въ личномъ обоихъ супруговъ сознаніи. Также на почвѣ нравовъ и обхожденія, гдѣ исключена всякая тѣнь человѣколюбія и нравственности.

4) Въ случаѣ основательнаго развода обоимъ сторонамъ право вступленія въ бракъ. Ибо допустимъ, что бракъ расторгнутъ „по винѣ прелюбодѣянія“ мужа ли, жены ли. То вѣдь, если они уже состоя въ бракѣ „уклонились въ прелюбодѣяніе“, то что же, неужели теперь, оставшись „запрещенною на всю жизнь къ браку“, виновная сторона отъ прелюбодѣянія воздержится? Если уже состоя въ первомъ бракѣ, при страхѣ глубокихъ непріятностей, разстройства семьи, при опасност убійства, виновный все же „впалъ въ прелюбодѣяніе“, то теперь, когда бракъ расторгнутъ, неужели онъ будетъ постничать?! Не помѣшала семья и дѣти „прелюбодѣянію“, то неужели ему помѣшаетъ консисторская прописка въ паспортѣ! Явно, что „прелюбодѣяніе“ продолжится. Мотивовъ ему не быть нѣтъ. Нужно, какъ страусъ, спрятать подъ крыло голову или притвориться ничего не вѣдающею институткою, чтобы отвергнуть, что новый бракъ такого человѣка, „разведеннаго по винѣ прелюбодѣянія“, есть единственное средство удержать его отъ грязныхъ формъ блуда, и что тутъ вступаетъ въ силу слово ап. Павла: „во избѣжаніе блуда *каждый* имѣй свою жену и *каждая* имѣи своего мужа“. Слова же Спасителя о томъ, что „женящійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ“, слѣдуетъ, какъ и слова къ богатому юношѣ, понимать въ смыслѣ евангельскаго совѣта, а не юридическаго закона. Всѣхъ словъ Спасителя никто не исполнилъ, даже въ монастыряхъ. Почему только мужъ и жена одни обязаны ихъ исполнять во всей суровой полнотѣ, недоступной самымъ суровымъ аскетамъ?! И „аще кто возритъ на женщину съ вожделѣніемъ — прелюбодѣйствуетъ“. Однако въ предупрежденіе этого консисторіи не издали же закона о ношеніи женщинами обязательнаго покрывала на лицѣ? Да и весьма многіе изъ спасавшихся въ пустыняхъ, какъ разсказано въ описаніяхъ ихъ жизни, „взирали съ вожделѣніемъ на женщину“.

Но что позволительно аскетическому Юпитеру, позволительно и семейной овцѣ.

Вообще, мнѣ кажется, въ установкѣ семейныхъ нормъ забыта эта мягкая и нравственная идея евангельскаго совѣта. Забыто вѣчное прибавленіе: „да вмѣститъ—кто можетъ". Она не допускаетъ перехода въ суровый законъ. Въ противномъ случаѣ слова богатому юношѣ пришлось бы выразить и примѣнить какъ разграбленіе богатствъ, какъ уничтоженіе роскоши у христіанъ. Мы этого не дѣлаемъ. Зачѣмъ же мучимъ мы одну семью?

Безъ надеждъ на замужество.

Прочли-ли вы въ № 9362 „Нов. Вр." длинную корреспонденцію изъ Одессы г. Лендера о вывозѣ дѣвушекъ на Востокъ? Поразительны нѣкоторыя подробности. Вывозимыя, „изстрадавшись дома въ нуждѣ и голодѣ, не проявляютъ желанія вернуться къ прежней жизни". Онѣ „открещиваются отъ всякаго вмѣшательства полиціи и отъ непрошенной защиты". Графини А. П. Шуваловой привлекла десятки тыс. руб. на устройство трудового дома для „порочныхъ женщинъ". Домъ устроился. Но онъ остался пустъ. Всего одна пансіонерка „трудилась" въ немъ, и авторъ растерянно спрашиваетъ, „не брать-же насильно женщинъ съ улицы". Тамъ-же онъ сообщаетъ слухи, что въ одномъ изъ турецкихъ гаремовъ „есть смоленская гимназистка, сбѣжавшая отъ школьной премудрости, есть покупныя мужьями жены, а одна француженка-гувернантка, по поводу тайнаго увоза которой возникла дипломатическая переписка, откровенно и рѣшительно заявила, что она проситъ не освобождать ее".

Что-же, понимаемъ-ли мы эти факты? Я думаю, нѣтъ. Думали-ли надъ ними серьезно? Хлопотливо и суетливо говорили объ этомъ много; но, какъ „публика" во время пожара, больше „ахали", чѣмъ что-нибудь дѣлали и даже чѣмъ что-нибудь понимали въ немъ. Я думаю, въ концѣ-концовъ мы были даже равнодушны къ дѣлу. Нужно кому-нибудь „благотворить". Кому-же? Пищенокъ взяли тѣ-то, сиротокъ тѣ-то. А „мы"? А есть еще вывозимыя въ Турцію дѣвушки. „Ахъ, какой пассажъ! Вотъ и дѣло. Заведемъ переписку съ полиціей, съ властями. Вы, душечка, возьмите кассу, она переписку, я хлопоты, а моя кузина сборы пожертвованій"! Что все это дѣло пустое, видно изъ того, что „отмахнулись" рублемъ благотворители на много тысячъ; а дѣвушекъ къ нимъ не пришло не одной, или пришло очень мало.

Я помогу разъясненію, приведя два факта. Есть прекрасная, мало оцѣненная въ нашей литературѣ книга: „Изъ жизни христіанъ въ Турціи" К. Н. Леонтьева. Онъ былъ нашимъ консуломъ въ Турціи и послѣднею звѣздою славянофильства („Во-

стокъ, Россія и славянство", 2 т.). Въ одной изъ повѣстей его разсказывается, какъ изъ большого сербскаго дома, изъ родовитой и богатой семьи („большой очагъ", какъ говорятъ сербы) дѣвушка, раньше посѣщавшая подругъ-турчанокъ въ гаремѣ, перешла сама туда, „потурчилась", впрочемъ не мѣняя вѣры, которую турки у своихъ семейныхъ не притѣсняютъ, и по любви. Въ повѣсти и разсказывается тайный романъ христіанки и турка. Потомъ этотъ турокъ былъ убитъ изъ мести дядею бѣглянки; но замѣчательно, что братъ бѣглянки, бывшій пріятелемъ этого турка-юнопіи, горячо его оплакиваетъ, и только потому не спасъ его жизни, что пришлось-бы иначе убить дядю. А жена его, христіанка потурчившаяся, сошла съ ума отъ отчаянія. Это разсказываетъ христіанинъ, славянофилъ. Имя Леонтьева всѣ знаютъ, и никто не усомнится, что онъ передавалъ факты, очевидно бывающіе.

Другой фактъ, лѣтъ семь назадъ мною слышанный, нашъ, туземный. Старый и одинокій домовладѣлецъ въ Петербургѣ сдѣлалъ объявленіе въ газетахъ довольно откровенное: „нужна экономка, образованная и молодыхъ лѣтъ, къ одинокому". Смыслъ объявленіе былъ прозраченъ, и на завтра передъ нимъ потянулась амфилада дѣвушекъ, образованныхъ, кончившихъ курсъ среднихъ заведеній. Купецъ былъ удивленъ:

– Вы понимаете, для чего я васъ беру? „Да". „Что-же васъ, образованную, молодую, заставляетъ идти ко мнѣ, старику, можетъ быть ворчливому, угрюмому, требовательному? Вѣдь вы, идя, взвѣсили-ли, куда идете"? „Да". „Но отчего-же вы не идете въ гувернантки, въ бонны, наконецъ къ горничныя"? „Вы стары и некрасивы, можетъ быть вы ворчливы и неуживчивы, но я все перенесу, и это мнѣ легче. Я буду приноровляться къ вамъ одному, и приноровлюсь. Но я буду хозяйка въ вашемъ домѣ, т.-е. спокойна, въ теплѣ, зависима отъ себя и васъ, самостоятельная во всемъ, кромѣ опять-же вашей воли. Тутъ нѣтъ и тѣни каторги приноровляться съ каждымъ новымъ мѣстомъ къ новымъ людямъ, выносить двусмысленное ухаживанье хозяина, неосновательную ревность хозяйки, капризы дѣтей чужихъ дѣтей, чужого дома, всего чужого! У васъ все будетъ мое и я сама буду своя, своя и ваша. И это безъ перемѣны, на много лѣтъ, пока я вамъ нравлюсь. А я постараюсь понравиться, потому что мнѣ дорогъ теплый уголъ".

Не правда-ли, интересное разсужденіе? Но чѣмъ вы его разобьете? Объ удобствахъ жить въ водѣ позвольте рѣшать рыбѣ, въ воздухѣ птицѣ. Не можемъ-же мы, только пользуясь услугами бонны и гувернантокъ, разсуждать о сладости быть бонною и гувернанткой. Нѣтъ, вы попробуйте сами покочевать, и, можетъ быть, въ заключеніе попроситесь въ гаремъ въ Турцію. „Онъ не

христіанинъ. Да вѣдь и я какая христіанка? Только закону Божію выучилась въ гимназіи. Такъ вѣдь это я забыла, какъ и географію. Будетъ во всякомъ случаѣ одинъ господинъ. Не русскій старый купецъ, а молодой турокъ. Можетъ быть будетъ любить. Можетъ быть будутъ дѣти и я къ нимъ привяжусь. Что-нибудь выйдетъ, какой-нибудь смыслъ, а то ужъ дома очень безсмысленно: подруги сбиваютъ попти въ домъ терпимости, это совершенно позволительно, полиція не препятствуетъ, но ужъ лучше я поѣду хоть и въ запрещаемую полиціей восточную поѣздку".

Явно изъ всей корреспонденціи г. Лендера, изъ всѣхъ поразительныхъ подробностей, что за исключеніемъ рѣдкихъ обмановъ, -а вѣдь обманы бываютъ даже и при нормальной женитьбѣ, обманы и принужденіе, -дѣвушекъ вовсе не увозятъ, а онѣ *уходятъ*. Дѣвушки отъ положенія одинокаго, безсмысленнаго, опаснаго (въ случаѣ нужды и риска проституціи) уходятъ въ то, что по ихъ оцѣнкѣ, какъ вода по оцѣнкѣ рыбы, лучше „отечественнаго" положенія. Вотъ и все; что-же вы на это отвѣтите? Замахаете руками? Махайте хоть цѣлое столѣтіе. Все это будетъ риторично, а дѣло останется.

Мнѣ недавно разсказывали, что здѣсь въ клиникахъ Вилліе одна чиновница, чтобы родить живымъ ребенка, согласилась на кесарево сѣченіе. Безъ него ребенокъ родился-бы мертвымъ, но и безъ страданія для нея. Таково неподолимое стремленіе, вложенное въ женщину, имѣть дѣтей, имѣть *смыслъ* своего бытія. А вы ей подсовываете должность „гувернантки" и „бонны". Само собою, безконечно грустно быть матерью турчонка, въ чужой странѣ, умереть для Россіи. Но вѣдь что-же ей Россія-то предложила, кромѣ: 1) бонны, 2) дома трудолюбія, 3) званія проститутки. Печально покинуть отечество, но не всякое. Будемъ искренни и станемъ немножко на сторону дѣвушекъ, войдемъ въ грустные счеты по пальцамъ, за сальнымъ огаркомъ свѣчки, въ нетопленой квартирѣ. „Трудовой домъ" теплъ, съ инвентаремъ, съ швейной машиной (описываетъ г. Лендеръ). Но все это „не мое"! „Не мое все, и я вездѣ не своя, а чужая. А мнѣ хочется своего, хочется дома, угла, гдѣ я была-бы не нахлѣбницей на казенномъ содержаніи, а все-же хозяйкою, женою, пусть даже не единственною, и матерью ужъ во всякомъ случаѣ своего ребенка".

Вѣдь турки имѣютъ опредѣленное потомство, опредѣленный родъ, т.-е. имѣютъ какой-то, намъ только непзвѣстный, строй семьи. К. Н. Леонтьевъ описываетъ, что они влюбляются, любятъ, бываютъ нѣжны. Все это очень странно на нашу оцѣнку, но пусть ужъ о водѣ судитъ рыба, а не воронъ. Безспорно, безъ семьи татары-бы выродились, загнили, были-бы на улицѣ невоспитанными и грязными буянами. А посмотрите, какъ они скромны, трудолюбивы, въ дракахъ не участвуютъ, въ пьяномъ

видѣ не встрѣчаются, неприличныхъ пѣсенъ не орутъ. Стало-быть, съ дѣтства ихъ кто-то воспитывалъ. Кто-же? Но отецъ, вѣчно ходящій съ мѣшкомъ за плечами и торгующій халатами. А если не отецъ, то мать. Какая-же мать? Да вотъ возможная смоленская гимназистка и возможная русская брошеная жена, или француженка гувернантка, ибо строй семьи у татаръ и въ Турціи одинъ и тотъ-же. А если татарченки воспитаны, то значитъ во-первыхъ ихъ матери не что-то въ родѣ дѣвицъ въ домахъ терпимости, какъ мы привычно представляемъ себѣ страшное слово „гаремъ“; а во-вторыхъ, что не только матери эти съ совѣстью въ себѣ и съ чистоплотностью, но что и вся обстановка дома и семьи не есть хаосъ, безпорядокъ разгильдяйство, распутство, какъ мы тоже представляемъ себѣ, а что-то по крайней мѣрѣ трудолюбивое и регулярное. Опять прошу всмотрѣться въ татаръ, какъ они добропорядочны. А добропорядочнымъ нельзя стать безъ воспитанія. А воспитывается человѣкъ дома. Стало-быть по человѣку мы заключаемъ и о томъ неизвѣстномъ *х*, который зовется татарскою семьею и въ которую вѣдь ни одинъ европеецъ не заглядывалъ.

Безконечно грустная картина этого ухода, а не увоза дѣвушекъ на Востокъ пробуждаетъ старый тысячелѣтній вопросъ: что такое не замужняя дѣвушка? безъ надежды на замужество? безъ надежды по некрасивости, бѣдности, болѣзненности, даже уродства? Вспомнимъ косарево сѣченье. Увы, болѣзненныя, слабыя, бѣдныя, очень некрасивыя —все равно хотятъ имѣть смыслъ бытія своего, которымъ для дѣвушки вѣковѣчно остается кормимый ею ребенокъ. Такъ отъ сложенія міра и до его „свѣтопреставленія“. И мнѣ кажется плачущая, точащая изъ себя слезы картина этого „ухода“ дѣвушекъ есть выразительный, а главное неборимый и непоправимый отвѣтъ на побрекную, сухую разработку въ Европѣ брака и семьи, какая совершилась по указанію и подъ мотивомъ: „лучше не жениться“. „суть скопцы... царства ради небеснаго“.

Дѣвушки, покидающія насъ, какъ-бы говорятъ:

- Мужчины въ Россіи и сама Россія, какъ государство, держатся воззрѣнія, что „лучше не жениться“. И какъ намъ некуда дѣться, то за исполненіемъ своего призванія мы и уѣзжаемъ туда, гдѣ держатся воззрѣнія, что „лучше жениться“. Въ нашемъ положеніи дочери Лота поступили еще рѣшительнѣе и высказали мотивъ, о которомъ мы только молчимъ: „нѣтъ человѣка, который вошелъ-бы къ намъ *по закону всей земли*“ (всего мірозданія. „Бытіе“, XIX).

Вотъ что мнѣ давно хотѣлось сказать на эту грустную тему. „Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше“. Устелемъ дѣвушкамъ лучшую, но *не изъ взгляда и оцѣнки лучшую* судьбу, т.-е. болѣе *полную и округленную*, чѣмъ до сихъ поръ, судьбу

не ремесленную только, не профессіональную,—и онѣ останутся въ отечествѣ, не будутъ молча и уклоняясь отъ неудобныхъ отвѣтовъ уходить отъ насъ. Повторяемъ, „старая, не нужная никому дѣвушка“ есть подлинный и единственный родникъ явленія, именуемаго ложно: „торговля бѣлымъ товаромъ“, и настоящее имя котораго: „уходъ дѣвушекъ, черезъ посредство коммисіонеровъ, изъ христіанскихъ странъ въ нехристіанскія“. Вѣдь ни одна замужняя и счастливая женщина, ни одна мать русскихъ дѣтей этими „коммисіонерами“ не захвачена, не обманута, не „увезена“: наблюденіе, которое рѣшаетъ споръ. Мы построили узенькую, допустимъ идеальную, ниточку семьи какъ „союза одного съ одной на всю жизнь“ („Кормчая“), и сказали: пусть побѣжитъ по этой ниточкѣ сто-милліонный народъ. Но кто на нее не попадаетъ, кто не вступаетъ именно въ этотъ „союзъ единаго съ единой вѣчный“,— тотъ фатально и непремѣнно падаетъ въ проституцію, „бонны“, въ наемъ къ старымъ купцамъ. Ибо ничего средняго и *промежуточнаго* нѣтъ, ничего *не изобрѣтено*. Между тѣмъ этотъ установленный путь тѣсенъ, узокъ, неудобенъ, исполненъ риска въ случаѣ несчастія, болѣзни, измѣны жены: и на него не вступаютъ часто и тѣ, кто могъ-бы, даже обезпеченные и богатые. *И никѣмъ никто ихъ къ неудобному не принудитъ.* И вслѣдствіе этого сколько дѣвушекъ, даже богатыхъ, даже красивыхъ, умныхъ и добродѣтельныхъ, засыхаетъ. Точно печальная сухая смоковница Евангелія.

Вывозъ изъ Европы на востокъ „лишнихъ“ дѣвушекъ есть одна изъ многихъ подробностей, изъ граней *много*-граннаго феномена: гибель европейской семьи.

Педагогички-весталки.

Чье сердце болѣзненно не сжалось при чтеніи статьи: „О городскихъ думскихъ учительницахъ“ (№ 9524 „Нов. Вр.“). Эта жалоба на положеніе дѣвушекъ, отдающихъ всѣ свои силы воспитанію чужихъ дѣтей, и которыя подъ угрозою лишенія мѣста и слѣдовательно пропитанія сами обречены думскимъ распоряженіемъ на бездѣтность и безсемейность—доходитъ до глубины души. Неужели общество пройдетъ мимо этого съ великорусскимъ успокоеніемъ: „моя хата съ краю—ничего не знаю“.

Подумаемъ, поразсудимъ.

Семья есть вовсе не фактъ только; семья есть духъ, поэзія, обстановка, религія, столь-же состоящая въ мелочахъ, какъ и заключающая въ себѣ великое. Кто имѣетъ къ ней призваніе, это надо разсматривать, какъ если-бы кто имѣлъ призваніе къ ученію, къ наукамъ, къ размышленію или къ искуствамъ— живописи, музыкѣ. Во всей цивилизаціи нашей есть-ли хоть одно учрежденіе,

хоть одинъ человѣкъ, который принципіально запрещалъ-бы: „не читать“, „не размышлять“, „не учиться“, „не рисовать“, „не музыкантить“? Право, если-бы какое учрежденіе выставило требованіе: „служащимъ въ нашемъ учрежденіи не дозволяется ничего читать, а выписка журнала или газеты немедленно ведетъ къ удаленію отъ должности“,—то такое учрежденіе опозорили-бы во всей печати. Человѣку или учрежденію дѣйствительно надо съ ума сойти, чтобы выбросить флагъ: „не дозволяется читать“. Это первоначальное право, врожденное. Но не думайте, читатель: право это завоевано цивилизаціей; это она распространила такое неодолимое уваженіе къ книгѣ, къ ученію, къ учебному свѣту, которому не смѣетъ противиться ни одна совѣсть.

Но вѣдь уже строеніе организма предназначило человѣка къ семьѣ, вѣдь это такое первоначальное призваніе, оспаривать которое значило-бы оспаривать всю природу, бороться съ міромъ. И вмѣстѣ это не только физіологическое, но духовное: физіологія-то здѣсь и отражается духомъ, выражается въ духѣ, въ поэзіи, въ цвѣтахъ, въ надеждахъ, въ воспоминаніяхъ. Какой міръ примыкаетъ къ гробу младенца, котораго мать не могла вырвать у смерти; какой другой міръ примыкаетъ къ рожденію младенца какой еще міръ, когда отецъ ведетъ своего мальчика первый разъ въ школу! Отнять это у человѣка, принципіально, хоть у одного... да, Боже, что значитъ сравнительно съ этимъ, если самодуръ-купецъ говоритъ талантливому сыну: „не надо учиться, и такъ проживешь“, „не смѣй читать: есть которые и не читаютъ, а богаты“, и проч. Такому самодуру мы даемъ и имя самодура, и ненавидимъ его, и презираемъ, пишемъ на него сатиру и комедію. Но опять-же, повторяю я, приглашая усердно кого-нибудь отвѣтить мнѣ: да почему-же инстинктъ и потребность ученія выше, неприкосновеннѣе и святѣе инстинкта семьи, объемлющаго все живое бытіе, отъ муравья до человѣка?..

Городская петербургская дума, которая постановила-бы о своихъ служащихъ: „для сосредоточенія вниманія на служебныхъ обязанностяхъ отнюдь не дозволяется имъ ничего читать“, была-бы проклята печатью и обществомъ, ибо „ученье свѣтъ, неученье тьма“.

Та-же дума, введшая обязательное безбрачіе для своихъ учительницъ, не заставила даже никого оглянуться на себя. „Ученье свѣтъ, а семья... не знаемъ, что это такое. Скорѣй прихоть, чѣмъ потребность. Безъ нея можно во всякомъ случаѣ обойтись“.

И никакого ни съ чьей стороны протеста. У цѣлаго контингента дѣвушекъ отнято первоначальное человѣческое право, изломана жизнь, переломлено все ихъ существованіе, вынутъ смыслъ и духъ и полное со всѣхъ сторонъ молчаніе. Только какой-то „Д“, даже скрывшійся подъ псевдонимомъ, спросилъ: „Что это

такое? Отчего? Семьянинки учатъ не хуже, чѣмъ дѣвицы: мать, имѣющая своего ребенка, деликатно отнесется къ ученику".

Подобныхъ мотивовъ за семейную учительницу можно-бы привести бездну. Неужели-же обязательно безбрачныя учительницы не переживутъ втихомолку неудачныхъ оборванныхъ романовъ, безмолвныхъ увлеченій, и всей тревоги и разсѣянности, съ этимъ связанной, которая отразится на классѣ, на занятіяхъ, на ученикахъ? Вѣдь не изъ наше-маше выдѣлываются учительницы, и это только лѣнивое, тусклое воображеніе думцевъ петербургскихъ „думаетъ", что если дѣвушкамъ написать въ уставѣ: „не люби и не выходи замужъ", то онѣ вдругъ и станутъ отъ этого какъ воскъ. Тупая гипотеза.

Но не подробности важны. Важенъ принципъ. Нуженъ органическій законъ, чтобы положить предѣлы этому хозяйничанью съ судьбою людей, какъ съ своею собственностью, и въ частности съ семейнымъ ихъ положеніемъ всевозможныхъ частныхъ лицъ и учрежденій. Для краткости я замѣню разсужденіе наброскомъ такого закона:

1) Право семьи и брака есть врожденное и лично каждому принадлежащее, которое не подлежитъ отмѣнѣ или ограниченію ни со стороны какихъ-либо лицъ, ни учрежденій. Это есть jus privatum наравнѣ съ собственностью, и на отчужденіе такового права всякій отдѣльный разъ должно быть испрашиваемо Высочайшее повелѣніе. . . . . .

Въ самомъ дѣлѣ, для принудительнаго отчужденія квадратной сажени земли испрашивается Высочайшее повелѣніе. Этого не можетъ сдѣлать министръ или Государственный Совѣтъ. Неужели же „квадратная сажень земли" абсолютнѣе, цѣннѣе, священнѣе и значущѣе для счастья человѣка, чѣмъ право семьи? Какъ-же, никого не спросившись, могла городская дума отчудить, конфисковать право замужества, просто хотя-бы говорить о немъ въ своихъ правилахъ,—у пяти сотъ дѣвушекъ?

2) Всякое правило, направленное противъ зарожденія семьи, объявляется заранѣе недѣйствительнымъ, какъ и аналогичное, направленное къ расторженію фактической семьи.

3) Семья есть частный институтъ, не посягаемый для государства наравнѣ съ собственностью и который черезъ простое, на бумагѣ, заявленіе о себѣ государству становится частью (дробью) государственныхъ учрежденій.

4) Форма зарожденія (созиданія) этого частнаго института, какъ и собственности, можетъ быть природная и договорная. Договоръ брачный содержитъ въ себѣ взаимныя обѣщанія и условія неисполненіе каковыхъ прекращаетъ его силу,—сторонъ вступающихъ въ супружество. Онъ можетъ заключаться по аналогіи духовныхъ завѣщаній, т. е. черезъ письменное изложеніе воли

вступающихъ въ семейный союзъ при трехъ свидѣтеляхъ, которые ихъ волю скрѣпляютъ подписями. Какъ для государственныхъ учрежденій имѣютъ формальную и законную силу частныя духовныя завѣщанія, объемлющія величайшіе имущественные интересы и опредѣляющія теченіе и направленіе сотенъ милліоновъ, такъ для судебныхъ и административныхъ учрежденій имѣютъ всю силу формальныхъ и законныхъ договоровъ подобныя брачныя обязательства.

Бланкъ для нихъ, аналогичный гербовой бумагѣ, можетъ быть государственнымъ: форма ихъ, предусматривающая наибольшее число важнѣйшихъ пунктовъ, можетъ быть выработана государствомъ же. Изъ этихъ пунктовъ особенно важны: а) имущественныя супруговъ отношенія, напримѣръ полное сліяніе или нѣкоторая разграниченность имущества брачущихся, б) имущественныя права ихъ дѣтей, напримѣръ, что сыновья и дочери поровну наслѣдуютъ, в) оговорки касательно свободы каждаго: напримѣръ, что договоръ прекращаетъ силу дѣйствія при доказанномъ грубомъ обращеніи другого, пьянствѣ, безчувствѣ, мотовствѣ.

Поэзія, религія, теплота, счастливость семьи нисколько не будутъ затронуты этою простотою и раціональностью заключенія союза; ибо всегда онѣ въ исторіи вытекали и вытекаютъ изъ самаго союза, а не способа его заключенія.

б) Всякій человѣкъ есть столько же единственный и абсолютный обладатель и распорядитель своего пола, какъ ума, таланта, и еще болѣе, нежели благопріобрѣтеннаго имущества и своего труда. Этотъ распорядительный авторитетъ неограниченъ и непререкаемъ.

Вотъ органическій законъ, которымъ подвижностью своей, приноровляемостью къ условіямъ положенія и чуткимъ соблюденіемъ воли частныхъ лицъ, втянулъ бы въ семейную жизнь и развратничающую сейчасъ мужскую молодежь, и принужденныхъ весталокъ. Его изданіе положило бы богатѣйшее приданое въ сундукъ всякой дѣвушки. Ибо каждой дало бы жениха, всѣмъ дѣтей и мужа.

Сельско-хозяйственная колонія для дѣвушекъ-матерей.

„Россійское общество защиты женщинъ", находящееся подъ предсѣдательствомъ ея императорскаго высочества принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, выдѣлило изъ себя филіальное отдѣленіе, устраивающее сельско-хозяйственную колонію для дѣвушекъ-матерей. Для этой колоніи Высочайше пожалованы десять десятинъ земли близъ Охтенскихъ пороховыхъ заводовъ. 20-го января 1901 г. высокопреосвященнымъ митрополитомъ Антоніемъ разрѣшенъ былъ кружечный сборъ въ церквахъ С.-Петербурга и была

собрана сумма въ 1.204 руб. на постройку дома на означенномъ участкѣ. Военный инженеръ В. Я. Симоновъ принялъ на себя безвозмездно трудъ наблюденія за постройкою деревяннаго дома для пріюта. Однако по его смѣтѣ возведеніе фермы обойдется не дешевле 4 - 5 тысячъ. Тѣмъ, кто пожелалъ бы принять близко къ сердцу прекраснѣйшее начинаніе, слѣдуетъ обращаться къ Е. П. Калачевой (Васильевскій Островъ, Большой просп., д. 25).

Общество чрезвычайно хорошо излагаетъ мотивы задуманнаго предпріятія. Помощь съ равной заботливостью должна охватывать оба существа, мать и ребенка. Для дѣвушки материнство, если дать ему спокойно развернуться во всей его мощной силѣ, спасительно само по себѣ. Отстрадавъ физическими муками рожденіе дитяти и продолжая трудомъ, заботами поддерживать его жизнь, мать проходитъ трудный процессъ, совершенно способный возстановить ея моральныя силы, потрясенныя идеей „паденія". Большею частью дѣвушка, доставленная городу деревней и забеременѣвшая по подлинной-ли любви, или (гораздо рѣже) по нуждѣ, въ обоихъ случаяхъ переживаетъ переломъ жизни отъ дѣвичества къ материнству очень трагически. Въ ней потрясается то самоуваженіе, которое составляетъ твердыню души женской. „Потеряла себя", -вотъ какъ характерно выражаетъ такая дѣвушка свое самочувствіе. И съ этой минуты она находится на пути какъ бы легкаго, но всю ее оскверняющаго промысла. Еще черезъ нѣкоторое время—„она въ ряду уже искалѣченныхъ, погибшихъ, забитыхъ зломъ жизни женщинъ" [1]). Этотъ кризисъ, психологическій и экономическій, и является моментомъ, когда дѣвушку вовлекаетъ въ свое колесо проституція. „Общество покровительства женщинъ" мудро разсчитало, что если въ такую критическую минуту придти къ дѣвушкѣ-матери на помощь, то въ лицѣ ея можно сохранить честную труженицу, нравственнаго человѣка, мать семейства. „Помощь эту, -пишетъ общество.—надо предлагать во-время, когда человѣкъ весь еще въ пламени горя и сердце его жаждетъ состраданія". Сельско-хозяйственное убѣжище, вынесенное за черту города, дастъ своимъ обитательницамъ осмысленныя занятія и подниметъ ихъ силы напряженною работою около земли. „Непосредственное добываніе продуктовъ отъ домашнихъ животныхъ, огорода, сада и пр., вначалѣ удешевило бы стоимость содержанія живущихъ женщинъ, а впослѣдствіи не было бы утопіей думать, что 20 здоровыхъ женщинъ, имѣющихъ готовое жилище съ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, 10 десятинъ земли, при близости города, трудами рукъ своихъ могутъ доставить себѣ всѣ необходимыя средства къ жизни. Три года такого пребыванія въ

---

[1]) „Докладъ о сельско-хозяйственной колоніи для дѣвушекъ-матерей" означеннаго Общества.

бодрой обстановкѣ труда и тщательнаго обученія грамотѣ, шитью, домоводству и общему веденію хозяйства создадутъ прямую возможность уходящимъ женщинамъ съ подросшими дѣтьми найти себѣ обезпечивающій ихъ заработокъ“ [1]).

Это есть добрый путь спасенія человѣка. Въ всякаго сомнѣнія, моментъ потери дѣвушкою-матерью ребенка есть моментъ ея нравственной и соціальной гибели. Болѣе не дѣвушка, не мать и не супруга, она находится въ томъ безконечно неустойчивомъ положеніи, въ которомъ почти невозможно удержаться, и откуда невольно она опрокидывается въ проституцію. Ей не для кого хранить себя; общество ее презираетъ, родители отъ нея отказались, ребенка съ нею нѣтъ и, обезсиленная презрѣніемъ, не имѣя никого, для кого ея жизнь была бы необходима или полезна, она на подобіе грязной тряпки, сплываетъ по жолобу въ яму общественнаго непотребства. Вмѣсто вполнѣ здоровой жизненной ячейки соціальнаго организма, послѣдній получаетъ гнилостный микробъ въ себя.

Одна колонія на двадцать женщинъ конечно капля въ морѣ того, что нужно. Но съ первой ласточкой появятся другія—и онѣ сдѣлаютъ весну. Самые высокіе авторитеты подошли къ дѣлу, взяли заботу на себя, очистили своимъ присутствіемъ атмосферу угнетенности около такихъ дѣвушекъ-женщинъ: сюда каждый теперь можетъ подойти, помочь, сами матери почувствуютъ себя бодрѣе, и переживутъ кризисъ хотя мучительно, но не смертельно. Движеніе это неизмѣримо здоровѣе и нравственнѣе, нежели отдача дѣтей въ воспитательные дома. И, Богъ дастъ, можетъ-быть отъ типа послѣднихъ, убійственнаго въ отношеніи дѣтей и развращающаго относительно женщинъ, мы мало-по-малу перейдемъ къ типу такихъ сельско-хозяйственныхъ фермъ или аналогичныхъ ремесленныхъ заведеній, которыя каждую мать будутъ стараться удержать въ положеніи матери, отнюдь не отдѣляя ее отъ ребенка. Это такъ благородно въ душевномъ отношеніи и такъ здорово въ соціальномъ, что каждый принесенный сюда обществомъ рубль возвратится ему сторицею. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вычитать пользу, что въ обществѣ будетъ одною проституткою менѣе и одною матерью семейства болѣе?

Современные хананеи.

(О смѣшанныхъ съ иновѣрцами бракахъ).

Прочелъ интересную и умную статью г. W. о евреяхъ, гдѣ онъ говоритъ, что лишь „гебридизація“ т.-е. смѣшеніе ихъ *крови*

[1]) Тамъ-же.

съ христіанскою, можетъ засыпать пропасть между европейцомъ и семитомъ. Прочелъ—и глубоко вздохнулъ. Знаете ли, когда начался сіонизмъ и кто былъ его безмолвнымъ изобрѣтателемъ? Одинъ горячій русскій патріотъ. Дѣло было вечеромъ. У окна моей комнаты стоялъ студентъ-филологъ еврей Г—ій. Богъ вѣсть съ чего привязался ко мнѣ юноша, очень любившій науку, очень любившій исторію. Я же зналъ и гащивалъ и до сихъ поръ съ благодарностью помню всю большую патріархальную его семью (отецъ, мать и три сына). Не забуду одного утра перваго дня Рождества. Я у нихъ ночевалъ, остановившись въ пріѣздъ свой въ Москву на зимнія вакаціи (я былъ провинціальнымъ учителемъ). Спускаюсь утромъ внизъ къ чаю. „Съ праздникомъ", — привѣтно улыбнулся и пожалъ мнѣ руку пожилой отецъ семьи. „Съ праздникомъ!" Вѣдь я зналъ, что въ день Рождества Христова строгіе евреи не открываютъ ставенъ въ окнахъ и не встаютъ съ постели, а такъ-таки и просыпаютъ этотъ день *мимо* какъ бы въ году было не 365, а 364 дня, т.-е. всѣ кромѣ вотъ этого чернаго и ненавистнаго имъ дня.

Шелъ конецъ моего студенчества и начало учительства, когда я былъ знакомъ и друженъ съ этой еврейской семьей. Самъ я былъ въ то время совершенно погруженъ въ раскольничьи разсказы Андрея Печерскаго, въ Хомякова, въ Алексѣя Михайловича и Московскій кремль. Ничего кромѣ Россіи и ея дѣдины для меня не существовало. Любилъ ходить я въ церковь, особенно ко всенощной. Церковное пѣніе въ полумракѣ, при яркомъ сверканіи издали, передъ алтаремъ свѣчъ, всегда меня трогало. Разъ мнѣ и говоритъ этотъ студентъ Г—ій: „Я нѣсколько разъ бывалъ въ вашей церкви. Мнѣ нравится". Я промолчалъ. Я зналъ, до чего надо быть деликатнымъ въ вопросахъ вѣры, и не кричать, не навязывать даже того, что очень любишь.

Разъ собираюсь ко всенощной, заходитъ ко мнѣ Г—ій. „Куда вы?" — „Пожалуй останусь, а хотѣлъ идти въ церковь". „Нѣтъ, пойдемте, и я съ вами". Но на этотъ разъ пѣніе ли было дурно, или церковь не такъ освѣщена, но какъ-то молитва прошла холодно.

Въ то время на югѣ шли еврейскіе безпорядки, первые, какіе у насъ случились. И въ Москвѣ евреи очень опасались возникновенія безпорядковъ и снесли золотыя дорогія вещи къ знакомымъ русскимъ. Вообще волненія между ними было много. Этотъ студентъ Г—ій чрезвычайно страдалъ. Но мнѣ онъ почти не говорилъ объ этомъ, зная, что не найдетъ во мнѣ сочувствія. Я же, помня старый Кремль, думалъ: „вы (евреи) къ намъ пришли; и мучите насъ: мучили еще казаковъ и Тараса Бульбу. Теперь васъ бьютъ — и пишто". Но Г—ому конечно я этого тоже не говорилъ. Было это около 82-го года. И вотъ, какъ теперь помню этотъ вечеръ.

Онъ стоялъ отвернувшись къ окну. Я сидѣлъ на кушеткѣ. Въ комнатѣ было полутемно, скоро зажигать свѣчи.

— Что же намъ дѣлать?

Я молчалъ.

— Какъ можно согнать съ земли народъ? Народъ сидитъ на землѣ. Какъ же можно его, какъ саранчу, стребать въ ямы и давить.

И опять я молчалъ. Я помнилъ о процентщикахъ, но не хотѣлъ его обижать и ничего не сказалъ.

— Безвыходное положеніе.

Всѣ его въ дому звали „Стаха" (сокращенное изъ „Станиславъ") и такъ звалъ его я. Былъ онъ чрезвычайно нѣжный и деликатный и одухотворенный юноша.

— Знаете что, Стаха? Вамъ надо выселиться въ Сіонъ. Вотъ что.

— Что-о-о?!!

— Что же дѣлать? Намъ тоже трудно. Нашъ народъ ненавидитъ васъ, и кто тутъ виновенъ— не буду разбирать, но фактъ тотъ, что ни вы, ни я, никто не можетъ погасить вражды, очевидно имѣющей для себя причины, и вы помните, какъ сказалъ Лоту Авраамъ: „Если ты пойдешь на востокъ—я пойду на западъ, а если ты на западъ—я на востокъ". Такъ и надо сдѣлать.

— Что сдѣлать? Выселиться?

— Вы богаты, у васъ есть Ротшильды. Да и здѣсь въ Москвѣ есть богачи, Поляковъ... Турція бѣдна. Зачѣмъ ей Іерусалимъ? Она продастъ, и вы образуете свое королевство.

Не могу здѣсь не вспомнить словъ матери (мачихи) этого еврея, которую я имѣлъ всѣ причины уважать особенно глубоко въ этой прекрасной вообще во всемъ ея составѣ семьѣ. Какъ сейчасъ помню—звали ее Анной Осиповной. Бѣлокурая, полная, добрячка безъ границы, она казалась истинною христіанкою, типомъ христіанки, хотя была строгая еврейка. Она немножко картавила и вотъ разъ говоритъ мнѣ:

Евген никогда не могли и не могутъ обгазовать царства. Они слишкомъ гогды для этого. Гдѣ царство тамъ и князья и царь. Евген всѣ равны. Потому, что они не могутъ допустить возвышенія надъ собою кого-нибудь, они и не могутъ имѣть государства. Отъ этого мы несчастны.

И я видѣлъ, что она гордится своимъ несчастіемъ, имѣющимъ такое происхожденіе.

Возвращаюсь къ разговору о Сіонизмѣ.

Я замѣтилъ, что своимъ указаніемъ на Палестину какъ бы стѣснилъ духъ Г аго. Онъ ничего не говорилъ, но ему видимо было трудно. Я сталъ его утѣшать.

— Раздѣлиться, когда нельзя жить вмѣстѣ, есть единствен-

ная почва примиренія. По-че-му вамъ не жить полною и цѣльною національною жизнью? Не понимаю. Вы какой-то обрывокъ среди европейцевъ. Ни начала, ни конца. Какія-то промежуточныя у васъ занятія.

— Это трудно, это ужасно трудно.

Не помню, чѣмъ кончился этотъ разговоръ. Но разъ у насъ былъ разговоръ и о христіанствѣ.

— Стаха, вы такъ любите нашу церковь: говорите, что васъ что-то влечетъ къ ней. И вашъ братъ Джонъ чистый русакъ по грубости, прямотѣ и великодушію. Почему вы не перейдете въ христіанство?

— Мы говорили объ этомъ съ отцомъ. „Невозможно,—сказалъ онъ:—намъ обѣщаны за это привилегіи, права службы, повсемѣстнаго передвиженія. Это подло перейти въ вѣру, за переходъ въ которую что-то обѣщано. Если бы не это препятствіе, я васъ, дѣти, не удерживалъ бы".

Молодой этотъ еврей гостилъ одно лѣто у меня въ Б., и у него произошелъ чудный двухмѣсячный романъ съ прекрасивѣйшею русскою дѣвушкою, хорошею музыкантшею, дочерью священника. И въ семьѣ этого священника онъ былъ прекрасно принятъ. Романъ по разности вѣръ ничѣмъ не кончился. Но какъ они оба плакали! Прошло съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ, но такихъ Ромео и Юліи, истинныхъ, безъ прикрасы, безъ преувеличенія, я еще не встрѣчалъ. Главное, оба они были очень чисты и очень безкорыстны. Я же для обоихъ ихъ былъ другомъ, и тоже почти плакалъ, и тоже сожалѣю, что людп и не правильный законъ помѣшалъ соединиться ихъ судьбѣ. Трудно даже сказать, кто изъ нихъ кого больше любилъ. Я видѣлъ, что она вся таяла и сіяла, а онъ съ самаго возникновенія разсказывалъ мнѣ всѣ чувства. Бѣдная провинціальная дѣвушка грацію души своей закрыла, затмила, бросила, можно сказать, подъ ноги всѣхъ московскихъ умницъ и щеголихъ, какихъ онъ зналъ. Его любовь именно началась съ удивленія, съ восхищенія (онъ мнѣ говорилъ) и достигла высшей степени экстаза. Такой еще богомольной преданности другъ другу я не помню.

И разсталпсь. И разорвались.

Возвращаюсь къ умной замѣткѣ г. W. Да, „гебридизація" нужна, но нужна для нея ободная скромность. „О вѣрующей женѣ спасается невѣрующій мужъ, и о вѣрующемъ мужѣ спасается невѣрующая жена", сказалъ апостолъ (Посл. къ Коринѳ., гл. 7) для всѣхъ возможныхъ случаевъ гебридизаціи. Мы должны щадить чужую гордость. Начнемъ сперва сближаться, а потомъ и ожидать достойныхъ плодовъ вѣры, ожидать деликатно, ожидать молчаливо. Вѣдь еврей, о которомъ я разсказалъ, да и даже вся его семья, были почти христіанскіе. Ну, снизойди законъ къ за-

вязавшемуся роману, не нудя никого сейчасъ же къ перемѣнѣ вѣры, и его дѣти стали бы потомъ чистѣйшими и ревностными христіанами. Для чего намъ подражать ревности и щепетильности самихъ евреевъ, которые, придя въ Ханаанъ, не допускали брачныхъ союзовъ себя съ сосѣдями? Въ чемъ же высота и универсальность христіанства и его долготерпѣніе сравнительно съ Ветхимъ Завѣтомъ? даже съ его частностями, съ его признанно жесткою односторонностью и исключительностью?

Вотъ на этой почвѣ, я думаю, кое-что можно придумать, кое къ чему можно придвинуться. Право, какъ мы отдѣляемъ Синайское законодательство отъ Талмуда, своевременно и намъ подумать объ отдѣленіи безукоризнаго Евангелія отъ его средневѣковой талмудизаціи, которая ввела столько нетерпимости и раздѣленія между вѣрами, столько перегородокъ на почвѣ брака.

Между тѣмъ какое было-бы красивое зрѣлище, если-бы при допущеніи смѣшанныхъ браковъ, воскресенье евреи праздновали-бы съ женою, съ невѣсткою, съ матерью христіанкою по христіански, а въ субботу со свекромъ, съ мужемъ, съ деверьями и эта христіанка зажигала-бы четыре шабашевыя свѣчки въ память праматерей еврейскаго народа: Сарры, Ревекки, Рахили, Лін. Кстати, отчего эти четыре праведницы Св. Писанія не имѣютъ у насъ иконообразныхъ изображеній? Развѣ эпизоды Библіи менѣе для насъ священны, чѣмъ эпизоды изъ Четьи-Миней, иконописью запечатлѣнныя?

Много вопросовъ. Тягостные вопросы. Но и на краю ихъ я вижу зарю.

Женскій трудъ и образованіе.

Утилизація главнаго женскаго таланта.

Мы разумѣемъ талантъ сострадавія и талантъ хозяйственности и предлагаемъ утилизировать два эти женскіе дара въ общественной жизни, какъ они утилизируются въ частной жизни,—и собственно частная, домашняя жизнь и держится этими двумя дарами женщины.

Прежде всего парируемъ самое главное и самое давнее возраженіе, которое уже рвется изъ устъ множества читателей: „зачѣмъ расширять сферу общественнаго женскаго труда; ея міръ—это домъ, ея призваніе—это семья; святыня супружескихъ и материнскихъ обязанностей“... Такъ всегда говорятъ. Это возраженіе мы парируемъ, какъ просто безсовѣстное, ибо ни одинъ изъ защитниковъ „святыни материнскихъ обязанностей“ пальцемъ о палецъ не ударилъ для того, чтобы за каждою дѣвушкою нашего времени и общества было обезпечено „святое материнство“, и это уже такъ давно, а теперь такъ непоправимо, что и глупо и безсовѣстно о дѣвушкѣ, которая оставлена „за штатомъ“, говорить съ укоромъ: „она не исполняетъ святѣйшихъ обязанностей“. За все время, какъ женщина вступила въ сферу общественнаго труда и потребовала себѣ образованія, не было вѣроятно ни одного случая, чтобы которая нибудь дѣвушка отказалась стать женою и семьянинкою ради того, что ей нужно кончить курсъ, или что нужно поступить на такую-то службу. Множество прекраснѣйшихъ, добрѣйшихъ, умнѣйшихъ дѣвушекъ отведены „за флагъ“, выведены изъ семьи; и, наконецъ, видя, что онѣ никому не нужны какъ семьянинки, пробовали стать нужными, или хоть пригодными, какъ члены общества и гражданки. „Ну, не нужна я какъ жена—буду стучать на телеграфѣ“, „не нужны обществу матери—что дѣлать, пойду переписывать бумаги въ канцелярію“. Семья сократилась и все болѣе сокращается; и женскій общественный трудъ есть выжимки, отдѣляющіяся въ

этомъ процессѣ, гдѣ первою страдаетъ женщина и въ первую же ее бросаютъ камень фарисеи. Но оставимъ фарисеевъ и будемъ говорить о дѣлѣ.

Теперь, куда ни войдешь въ департаментъ, въ контору, на телеграфъ—увидишь чистенькую и акуратную женщину, которая „стучитъ", т. е. пишетъ на ремингтонѣ или на апаратѣ Морза. Женщина скромнѣе въ своей домашней обстановкѣ, чѣмъ мужчина: ей не нужны загородныя удовольствія, безъ которыхъ дышать не могутъ защитники „святыхъ обязанностей жены и матери"; и она, какъ дѣвушка, какъ вдова, и иногда съ дѣтьми, можетъ пробиваться на меньшее жалованье. Женскій трудъ въ Европѣ это китайскій, дешевый трудъ. И какъ китайцамъ въ Америкѣ даютъ только физическій трудъ, механическій трудъ, такъ и женщинамъ въ Европѣ даютъ мелкія, почти дѣтскія формы труда. Она играетъ роль „малаго", „подростка" при большомъ заведеніи, гдѣ всѣмъ важнымъ орудуютъ взрослые, т. е. орудуютъ мужчины. Но есть одна сфера, гдѣ женщина могла бы быть поставлена какъ мужчина.

Это -администрація интендантства и администрація всевозможныхъ лечебныхъ заведеній. Мы не говоримъ конечно о главныхъ постахъ; мы имѣемъ въ виду лишь промежуточныя административныя должности, однако отвѣтственныя и притомъ отчасти начальническія. До сихъ поръ женщина была только сестрой милосердія, и прошла этотъ курсъ приготовительнаго класса съ похвалою отъ всѣхъ. За много лѣтъ ни одного порицанія, а покойный Боткинъ въ „Письмахъ изъ Болгаріи" свидѣтельствовалъ, что если кто былъ безупреченъ и былъ героемъ на войнѣ, то это скромная русская дѣвушка съ нашивкой Краснаго Креста на рукавѣ. Кто наблюдалъ наши больницы, кто наблюдалъ въ особенности психіатрическія лечебницы, знаетъ, что 50% недочета въ нихъ происходятъ не отъ безсилія медицины, а отъ жестокосердія или равнодушія медиковъ и также вообще прислуживающаго, большею частью мужскаго, персонала. Устраненіе этого равнодушія, невниманія, грубости, а подчасъ и жестокости можно возложить только на сердце, въ которомъ обезпечено состраданіе. И никто не станетъ оспаривать, что эти инстинкты вообще богаче развиты въ женщинѣ, нежели въ мужчинѣ. Женщины превосходно администрируютъ всѣ въ Россіи женскіе институты, т. е. онѣ способны къ столь широкому завѣдыванію, къ столь сложнымъ функціямъ. Вполнѣ онѣ могутъ быть и директрисами лечебницъ, пріемныхъ покоевъ, родовспомогательныхъ заведеній. Все пойдетъ здѣсь мягче и деликатнѣе, и даже пойдетъ все требовательнѣе и строже по отношенію къ лечащему врачебному персоналу. По крайней мѣрѣ вполнѣ можно здѣсь начать опыты.

Вторая область—это интендантство. Вотъ область всемірнаго

хворанія. и, какъ всѣ соглашаются, какого-то неисцѣлимаго хворанія. Кажется, потеряна надежда превосходно поставить это дѣло, и уже считается великимъ успѣхомъ, если оно идетъ сносно. Солдаты наши на той-же Турецкой войнѣ и по записямъ того-же Боткина оставались по два дня безъ сухарей; оставались безъ пищи, безъ горячаго варева и чая—больные. Здѣсь были жиды-поставщики: но почему здѣсь не были женщины? Именно въ смыслѣ заботливости, опять какой-то природной, инстинктивной заботливости, онѣ атестовали себя безупречно: и главная прорѣха поставщика-еврея обрѣзать солдата и обогатиться самому опять очень мало извѣстна въ женщинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не обратить вниманія, какъ вообще мало, ничтожно, почти отсутствуетъ вовсе въ женщинѣ этотъ печальный инстинктъ—„хапнуть“. Женщина, „хапнувшая нѣсколько тысячъ черезъ такую-то хитрую махинацію“, „черезъ такой-то необыкновенный пріемъ“, кажется, вещь неизвѣстная. „Махинаціи“ при закупкахъ, невѣрные счеты, поддѣльные и двойные счеты—для представленія по начальству и для оставленія у себя въ секретѣ, наконецъ, закупка гнилого дешеваго товара, есть какой-то спеціальный грѣхъ мужчины, но на которомъ никогда не попадалась женщина. Трудно сказать, почему не попадалась, но что не попадалась это фактъ. Онъ имѣетъ даже знаменитую, хотя и смѣшную иллюстрацію: извѣстно, какъ добросовѣстно торговалась Коробочка о мертвыхъ душахъ, тогда какъ Собакевичъ сразу понялъ мысль Чичикова и подсунулъ ему Елизавету Воробей, сошедшую за мужика въ силу поставленнаго на концѣ твердаго знака. Кажется, здѣсь причина лежитъ въ томъ, что женщина менѣе изобрѣтательна чѣмъ мужчина, между тѣмъ какъ таланты „махинацій воровскихъ“ суть именно таланты изобрѣтательности. Женщина проще, акуратнѣе и менѣе выдумываетъ... Обезпеченіе арміи, устроеніе, чтобы солдаты не голодали, чтобы на зиму у нихъ были теплые полушубки... какъ хотите, а сходнѣе это довѣрить женщинѣ, чѣмъ жиду. Можно попробовать почву. Что-же касается положительныхъ талантовъ отысканія, счетоводства, и наконецъ распоряженія и организаціи въ хозяйствѣ, то всѣ эти таланты, нужные въ интендантствѣ, не только есть у женщины, но частію виртуозны у женщины.

Исторія русскаго хозяйства можетъ представить примѣры геніальной хозяйственной распорядительности женщины: и если Костанджогло Гоголя былъ выдуманнымъ лицомъ, то совершенно не миѳомъ была г-жа Бенардаки, нынѣ покойная (природная русская женщина), о которой въ дѣйствительности разсказывали все то, что Гоголь выдумывалъ о Константжогло. Разыскать матеріалъ, скупить матеріалъ, сберечь матеріалъ и все это для того, чтобы обезпечить солдата въ трудную минуту къ этому высоко способна вообще женщина, въ частности русская женщина.

На женщинъ давно нужно перестать смотрѣть какъ на дѣтей. Она выросла и она серьезна. Она доказала свои способности на самомъ для нея рискованномъ поприщѣ—въ теоретической наукѣ; но ея главные таланты — практическіе; женщина — природный практикъ, и въ особенности она можетъ быть геніальна какъ практикъ-покровитель, какъ практикъ-защитникъ, дающій воспособленіе, охрану. Тутъ, кажется, происходитъ своеобразная трансформація инстинктовъ материнства и домоводства въ инстинкты ухода и хозяйскаго уклада. Сюда и должна она двинуться, сюда нужно ее двинуть, по крайней мѣрѣ попытаться двинуть. Это не для нея, но для общества, для государства, которое нужныя таланты должно брать тамъ, гдѣ онъ лежитъ.

Кн. В. П. Мещерскій о женщинахъ.

Можно ли бросаться съ бѣшенствомъ въ открытую дверь? Пожалуй, упадешь и разобьешься. Такъ упалъ и разбился въ своемъ „Дневникѣ“ кн. В. П. Мещерскій. Почти невѣроятно то, что онъ написалъ, прочтя въ этотъ день статью нашу: „Утилизація главнаго женскаго таланта“. „Сегодня одинъ изъ публицистовъ *Нов. Вр.*, съ развязностью почти военнаго человѣка, рѣшилъ одинъ изъ важнѣйшихъ всемірныхъ вопросовъ (значитъ, все-таки „вопросъ“ есть. В. Р.),—вопросъ женскій. Всемірная заслуга этого рѣшенія заключается въ томъ, что новый Колумбъ въ области женскаго вопроса одновременно рѣшилъ двѣ важнѣйшихъ задачи: онъ упразднилъ старую женщину, а для новой, снабдивъ ее талантами, нашелъ необъятно широкое поприще дѣятельности. Подъ старою женщиною, очевидно, разумѣется женщина-супруга и женщина-мать. То и другое Александръ Македонскій женскаго вопроса призналъ отжившими свой вѣкъ предразсудками, съ которыми женщина безъ вреда для общества можетъ разстаться. По его мнѣнію, главное призваніе современной женщины не семья, какъ это думаютъ нѣкоторые старовѣры, а необъятное міровое поприще“, и т. д.

Просто невѣроятно читать. Какъ будто въ начальныхъ словахъ своего разсужденія мы не указывали съ болью, что семья у насъ, да и въ Европѣ вообще, есть полуразрушенное явленіе; и какъ будто не мы же, утверждая религіозный и трансцендентный характеръ семьи, всѣ силы употребляли, чтобы вызвать не колеблющееся и двоящееся, но настоящее, непоколебимое, твердое къ ней участіе церкви, государства, всякаго частнаго и честнаго человѣка. Что путаетъ кн. Мещерскій, что мы проповѣдуемъ бессемейность женщины! Но женщина въ огромномъ процентѣ вытолкнута изъ семьи, и къ этой вытолкнутой женщинѣ, во всѣ долгіе годы ея безпріютности, не было ничьего участія. Что же по данному боль-

ному пункту кн. Мещерскій сказалъ за всѣ годы публицистики, кромѣ пошлѣйшаго трюизма: „призваніе женщины — семья". Да его можно сейчасъ же обуздать на этой фразѣ: по *чьему* мнѣнію призваніе женщины - семья? По нашему — о, *да*, *да* и *да*, семья! По мнѣнію страстнаго консерватора кн. Мещерскаго—тоже! Но вотъ насъ только два, безсильныхъ и смѣшныхъ человѣка. Мы можемъ найти многихъ пріятелей, которые, сидя у насъ въ гостиной, будутъ тоже тутошить: „семья". „семья", „семья". Но вѣдь это все частныя и безсильнѣйшія мнѣнія, и, кромѣ того, это мнѣнія новыя и оригинальныя. Посмотрите, въ разныхъ газетахъ нашей прессы ведется вотъ уже два года защита религіознаго призванія не одной женщины, но и мужчины въ семьѣ. И нашла она сочувствіе, распространеніе? Увы! струйка этой мысли едва пробивается, едва живетъ, и противъ нея стѣной стоитъ каменный тезисъ: „семья—не безусловна въ своемъ спасительномъ значеніи для человѣка", и что, конечно, „можно жениться", но отнюдь не необходимо и во всякомъ случаѣ „лучше не жениться". А когда такъ, то маски прочь; когда игра ведется двусмысленно, то позвольте къ экспертизѣ ваши карты. Тутъ не споръ словъ, тутъ споръ фактовъ и кровавыхъ фактовъ, споръ слезъ и опять-таки горькихъ слезъ. Мы не видѣли и не видимъ ни законодательной, ни религіозной, да и вообще никакой опредѣленной и сколько-нибудь властительной заботы о падающей и разрушающейся семьѣ. Падаетъ „и пусть падаетъ"; рушится „и пусть рушится". Мы имѣемъ въ утѣшеніе безсемейной женщинѣ глаголъ: „терпите"! „ступай, матушка, въ монастырь!"—„Да я не въ монастырь хочу, а въ семью, и, какъ вы же формулируете, къ исполненію святыхъ обязанностей супруги и матери".—„Ну, матушка, поздно хватилась; гдѣ же для каждой взять семьи: теперь и семейные люди по Аркадіямъ разъѣхались, а холостыхъ вовсе не сыщешь". Такимъ образомъ семья нашимъ небреженіемъ есть упавшая съ воза драгоцѣнность, которую найдемъ ли мы опять или нѣтъ неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ мы сперва должны возстановить цѣлостную, прочную, чистую и универсально развитую семью, семью какъ нравственное правило и религіозный законъ для всѣхъ: и тогда позвать въ нее женщину. А пока звать ее на пустое мѣсто—вѣдь это немножечко безсовѣстно. Ну, пришла она: „дайте мнѣ священныя обязанности жены и матери". — „Подождите, вакансіи нѣтъ"!- „Ахъ, нѣтъ? Ну, такъ я пока пощу мѣста фельдшерицы, доктора, учительницы, конторщицы, да и попрошусь въ интендантство, какъ это васъ ни пугаетъ".

Стыдно говорить пустыя слова тономъ серьезной дѣловитости и особенно стыдно говорить кн. Мещерскому.

Женскаго вопроса, какъ мірового вопроса (умныя слова кн. Мещерскаго), не существовало бы, если бы семья была безспорна. Но

она спорна, она имѣетъ очень авторитетныя (религіозныя) оспариванія, противъ которыхъ мы и кн. Мещерскій совершенно безсильны. А когда такъ, то поводитесь съ женскимъ вопросомъ. Кто плелъ веревочку, тому нечего отвѣкиваться отъ петельки. Женщина не по вашему внушенію, а по собственному инстинкту, конечно можетъ быть вполнѣ счастлива только въ чистой семьѣ. Но полнаго счастья нѣтъ, и, какъ вы рекомендуете: „будьте, сестрицы, долготерпѣливы" ну, тогда она беретъ, да и съ силой, со страстью возьметъ полъ-счастья: она возьметъ заработокъ и уважаемое общественное положеніе. „Не дадимъ!"—скажете вы, скажете жестокосердо. Ну, это бабушка на-двое сказала, кто кого переломитъ. Отступленія женщинъ отъ своихъ требованій хотя бы на шагъ нигдѣ нѣтъ, а осуществленіе ея требованій — это суть маленькіе, но прочные факты то тамъ, то здѣсь. И, — повторяемъ, — вспомните о веревочкѣ и петелькѣ. Ибо и мы хорошо понимаемъ, что появленіе женщины около общественныхъ обязанностей, а затѣмъ и около власти, совершится „на паденіе многимъ": въ частности на паденіе множества принциповъ, охраняемыхъ кн. Мещерскимъ.

Воспитательная и хозяйственная роль женщины.

Не излишни, конечно, ссылки на мнѣнія Д. С. Милля и на примѣры великихъ государынь въ исторіи, какіе начинаютъ дѣлаться публицистами при обсужденіи роли женщины. Но, слава Богу, въ дѣлѣ примѣненія женскихъ способностей мы сами сдѣлали небольшой опытъ, и этотъ опытъ имѣетъ свои туземныя, необыкновенно привлекательныя черты. Женщина, какъ докторъ, какъ фельдшерица, какъ учительница, никогда не была уличена въ нерадивости. Трудолюбіе, исполнительность, необыкновенная выносливость засвидѣтельствованы въ ней самыми компетентными наблюдателями. Не можемъ не указать на желательность призыва женщинъ къ дѣятельности инспектрисъ народныхъ училищъ. Сельская школа почти вся вынесена у насъ на плечахъ русской дѣвушки. Это есть никуда не вписанный подвигъ, — подвигъ, не получившій себѣ ни пенсій, ни орденовъ, и который въ личномъ существованіи каждой дѣвушки былъ часто труднымъ, истомляющимъ походомъ по безводнымъ пустыняхъ. Намъ случалось наблюдать иногда сельскую учительницу, скромную, религіозную дѣвушку, преданную народу, и которая за много лѣтъ терпѣнія имѣла только ту награду, что вотъ когда-то, когда-то выслушали и повѣрили печальной исторіи о томъ, какъ изъ пренебреженія вообще къ самому существу школы крестьяне не отпускали ей дровъ зимою, или давали ей комнату при „общественномъ кабакѣ", въ сосѣдствѣ своихъ сладкихъ разговоровъ. Мужикъ уменъ, мужикъ бываетъ геніаленъ; но мужикъ

и хитеръ, и если захочетъ „доѣхать“ непріятнаго ему человѣка, или вотъ „ненужную ему школу“, то сдѣлаетъ это съ виртуозною безжалостностью. Да, это мартирологъ, никуда еще не вписанный. Оставимъ воспоминанія и обратимся къ возможному. Нужно имѣть чисто тюлевое представленіе о женщинѣ или дѣвушкѣ, чтобы сказать, что ей „холодно ѣздить зимою“, или что въ „весеннюю грязь какъ же она поѣдетъ на ревизію школъ“. Ѣздятъ съ мужьями и отцами по всякому морозу и рѣшительно не случалось видѣть или слышать, чтобы „вотъ нужно было ѣхать на лошадяхъ, но по случаю мороза или грязи отецъ или мужъ поѣхали, а дочь или жена рѣшили переждать холодокъ“. Что за небылицы. Да развѣ на рождественскіе каникулы не разъѣзжаются по усадьбамъ, по селамъ, по уѣзднымъ городамъ даже дѣвочки-гимназистки 13—14 лѣтъ, безъ всякихъ послѣдствій и безъ всякаго неудовольствія. Поэтому о физической затруднительности въ исполненіи обязанностей инспектрисы народныхъ училищъ не можетъ быть и рѣчи. Остается образовательный цензъ. Но если русская женщина занимаетъ профессорскія каѳедры, если въ самой Россіи передъ каждою дѣвушкою открытъ теперь дипломъ доктора медицины, какой можетъ быть вопросъ о томъ, что и должность инспектрисы народныхъ училищъ ждетъ только самой маленькой административно-законодательной „отдвижки“, чтобы совершенно подготовленная и созрѣвшая для этихъ обязанностей женщина-ли, дѣвушка-ли двинулась на новый трудъ, ея любимый трудъ—воспитательницы.

Софья Ковалевская, которая была вынуждена понести свои таланты и знанія на чужестранную почву, была бы вѣрно лично счастливѣе, трудясь на родинѣ, да и родина была бы нѣсколько богаче, не растеривая она даровитыхъ дѣтей своихъ. „Ковалевская была исключеніемъ, а инспекція училищъ есть правило“, — скажутъ намъ; но мы отвѣтимъ, что и образовательный цензъ инспекціи неизмѣримо ниже профессорскихъ требованій. Добавимъ, что организаціи сельской школы и надзоръ за нею требуютъ, по самому существу соприкасанія и взаимодѣйствія нераспаханной народной почвы съ образовательнымъ зерномъ, чрезвычайно много такта, приспособляемости къ обстоятельствамъ и чужому умственному складу, и именно эти дары приспособляемости богаче выражены у женщины, чѣмъ у мужчины. Не нужно для доказательства этого ни углубленныхъ размышленій, ни ухищренныхъ наблюденій. Такъ это ясно и вытекаетъ изъ самой организаціи женщины, могущественно отражающейся на ея психикѣ. Инспектриса заговорила бы какъ близкій и родной человѣкъ съ учительницею: не напугала бы дѣтей на экзаменѣ, какъ пугаетъ ихъ до остолбенѣнія чиновникъ съ орденомъ. Тутъ же въ классѣ, да и въ разговорахъ съ учительницею и ученицами, она вывѣдала бы настоя-

щее положеніе школы въ селѣ, и, можетъ быть, отчеты ея по начальству не были бы написаны такимъ хорошимъ слогомъ, но содержали бы болѣе правды и болѣе нужныхъ указаній.

Но мы настойчиво, сверхъ педагогическихъ функцій, указываемъ на хозяйственныя способности женщины. Вотъ примѣръ. Извѣстна печальная фигура „эконома" въ нашихъ пансіонахъ, при закрытыхъ и полузакрытыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Домикъ на краю города" обычно выстраивается изъ обрѣзковъ говядины, изъ недочетовъ въ картофелѣ и зелени. И у учениковъ на всю жизнь остается горькое и иногда озлобленное воспоминаніе объ учебномъ заведеніи, гдѣ его хорошо учили, но очень плохо кормили. Отчего на мѣсто эконома не поставить экономки? Кто наблюдалъ рачительность женщинъ-квартиродержательницъ къ своимъ нахлѣбникамъ, тотъ не усомнится, что опыты и здѣсь болѣе чѣмъ вѣроятно будутъ успѣшны.

Возможная піонерка.

Нельзя не наблюдать съ большою печалью, какъ туго у насъ распространяется ремесленный трудъ, какъ много сферъ этого труда находится всецѣло въ рукахъ иностранцевъ или инородцевъ, особенно евреевъ, и не попадаетъ въ русскія руки. Только грубыя и громоздкія ремесла, въ то же время скуднѣе всего оплачиваемыя, находятся издавна и прочно въ русскихъ рукахъ, до извѣстной степени націонализировались. Сапожникъ, столяръ и портной суть классическія фигуры русскаго ремесленника: но и здѣсь съ сожалѣніемъ приходится добавить, что какъ только дѣло заходитъ о художественной мебели, объ изящномъ покроѣ платья и даже обуви, приходится обращаться къ фирмамъ, носящимъ не русское имя. Также есть цѣлыя ремесла, особенно выгодныя, слегка уже научныя, требующія тонкой техники, отъ которыхъ почти безусловно устранились русскіе. Таковы часовое ремесло и аптечное. Въ какую бы вы аптеку ни зашли и въ какой бы часовой магазинъ ни обратились, вы встрѣтите тамъ или еврея или нѣмца. Всѣ петербургскія аптеки и велѣдъ за ними аптеки по цѣлой Россіи распредѣлены между этими двумя племенами, безъ всякаго участія здѣсь русскихъ. Положеніе мало выгодное для насъ и отчасти позорное.

Мы замѣтили что хорошо идутъ въ русскихъ рукахъ громоздкія ремесла. Тамъ, гдѣ требуется сила, русскій хорошо работаетъ; тамъ, гдѣ требуется ловкость, онъ хуже работаетъ: и еще хуже работаетъ тамъ, гдѣ требуется вкусъ, сноровка, приспособляемость и наконецъ мелкая и мелочная, скрупулезная техника. Просто русскія мужскія руки и русскій мужской глазъ слишкомъ крупно устроены для мельчайшихъ колесиковъ и штивтиковъ кар-

манныхъ и даже стѣнныхъ часовъ, какъ и для развѣшиванія лекарственныхъ дозъ. Опытъ женской аптеки, открытой г-жею Лесневскою въ Петербургѣ, и, какъ слышно, вызвавшей множество предложенія труда со стороны бывшихъ воспитанницъ гимназій и институтовъ, пробуждаетъ мысль о томъ, что вообще женскій трудъ можетъ проложить первую дорожку русскимъ въ такія ремесла, отъ которыхъ до сихъ поръ русскіе уклонялись. Уже одно то, что женщина и дѣвушка есть вѣковая рукодѣльница на Руси, исполнительница мельчайшихъ и иногда изящныхъ работъ, что она вѣка обращалась съ иглою, а не съ топоромъ, сидѣла за пяльцами и кружевомъ, одно это заставляетъ предполагать въ ней такъ сказать историческую и бытовую приспособленность и подготовленность къ такой ручной техникѣ, на которую до сихъ поръ не отважился русскій мужчина. Мы указали на часовое и аптечное ремесло, какъ бросающіяся въ глаза; но есть конечно и множество подобныхъ же ремеслъ, менѣе замѣтныхъ и не выходящихъ до сихъ поръ изъ рукъ нѣмцевъ и евреевъ. Вотъ куда хотѣлось бы, чтобы направилась русская женщина. Вотъ гдѣ она могла бы сослужить роль піонера. Водворившись здѣсь, она распространила бы умѣнье и искусство на младшихъ братьевъ, на дѣтей, вообще родныхъ. И промыселъ, еще вчера бывшій нѣмецко-еврейскимъ, станетъ русскимъ.

Объ этомъ во-время напомнить теперь, когда женщина ищетъ приложенія своей трудоспособности. Мы въ правѣ надѣяться и ожидать, что и частная предпріимчивость, и правительственная заботливость откроетъ училища или курсы для теоретическаго и практическаго подготовленія къ ремесламъ и откроетъ ихъ именно для дѣвушекъ и женщинъ. И можетъ быть эти вѣтви труда, никогда не бывшія у насъ туземными, станутъ повсемѣстно распространены и дадутъ русскому хорошій кусокъ хлѣба.

Въ поискахъ за трудомъ и просвѣщеніемъ.

Отъ тягостныхъ вопросовъ можно отмахиваться. Ставить ихъ въ рубрику неразрѣшенныхъ темъ, злословить около нихъ, острить и, въ концѣ-концовъ, отталкивать ихъ отъ себя. И сколько мучительныхъ вопросовъ, оттолкнутыхъ небреженіемъ общественнымъ, у насъ въ своемъ родѣ дожидается или „честнаго погребенія“ себѣ, или хоть кой-какого разрѣшенія.

Въ минувшую зиму, по поводу открытія первой женской аптеки въ Петербургѣ и еще по случаю одного инцидента, рыцари съ претензіями на благовоспитанность облили русскую трудящуюся женщину и русскую учащуюся женщину самою невозможною грязью. Ни труда, ни просвѣщенія будто бы женщинѣ не нужно, „ибо ея призваніе семья“. Писавшіе это не знали напр., того по-

разительнаго факта, что въ Петербургѣ, по даннымъ статистики 1898 года, въ возрастѣ брачномъ было 193,497 *не замужнихъ* женщинъ, а замужнихъ 136,249 т. е. болѣе половины возможныхъ женъ—женами не были; и что не могутъ же эти женщины безъ семейнаго пріюта сами дѣлать предложеніе мужчинамъ. Мы любимъ звенѣть фразами, не справляясь съ дѣломъ. Вполнѣ можно удивляться не развращенности женщинъ, какъ сдѣлали обвинители ихъ въ газетной полемикѣ, но выдержанности, скромности и твердости ихъ, и тому, что, лишенныя въ такомъ числѣ удовлетворенія главнаго своего призванія и инстинкта, онѣ не перевернули до сихъ поръ вверхъ дномъ всѣ наши понятія о бракѣ, семьѣ, супружествѣ, дѣторожденіи: понятія, выросшія въ законодательныя нормы, крайне неуклюжія и не благопріятствующія нормальному теченію семьи въ странѣ. Съ желаніемъ обратить на это вниманіе, я недавно помѣстилъ въ „Новомъ Времени" статью: „Безъ надежды на замужество", указавъ въ ней даже на такой фактъ, какъ вывозъ дѣвушекъ-христіанокъ въ южныя и восточныя страны, который при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается добровольнымъ ихъ туда *уходомъ*. Дальше идти некуда, и нашъ квіетизмъ и равнодушіе при видѣ безсемейнаго положенія болѣе чѣмъ половины женщинъ въ столицѣ, къ каковому положенію приближается болѣе или менѣе и вообще положеніе ихъ въ странѣ, долженъ разсѣяться. Мнѣ кажется, забота эта должна раздѣлиться на двѣ. *Первое*—на облегченіе *условій вступленія* въ бракъ, на благопріятствованіе этому законодательное, юридическое, экономическое, служебное и всяческое. Напр. что за странность въ законѣ, что женщина, получающая пенсію за службу свою, лишается ея, какъ только выходитъ замужъ. Съ пенсіей жены мужъ чиновникъ, получавшій маленькое жалованье, еще могъ бы существовать; а на одно свое жалованье въ какіе-нибудь 50, 75 руб. онъ семейно существовать не можетъ. Здѣсь законъ, къ которому никакого мотива найти нельзя, прямо враждебенъ семьѣ, завязыванью семьи, семейному состоянію человѣка. Поискавъ, мы нашли бы множество и другихъ подобныхъ мелочныхъ, придирчивыхъ законовъ о бракѣ. И замѣтьте, законы эти царствуютъ и господствуютъ при полномъ и всеобщемъ признаніи, что „всякое государство держится семьею". Тутъ начала и концы государственнаго мышленія не совпадаютъ. *Вторая* половина заботъ должна быть направлена на расширеніе сферъ женскаго труда. Или семья, или—трудъ: все остальное женщину развращаетъ. Мнѣ по понятному чувству хотѣлось услышать откликъ на эту мысль, и вотъ письмо одной дѣвушки, къ которому, мнѣ кажется, не можетъ не прислушаться общество, дорожащее своею судьбою: „Прочтя вашу статью *Безъ надежды на замужество*, я отъ лица всѣхъ дѣвушекъ не могу не поблагодарить васъ за то, что вы заговорили на эту тему. Грустную,

безотрадную картину представляютъ факты, вами приведенные, но еще грустнѣе, еще безотраднѣе станетъ она, если вникнуть въ эти факты. Какую массу лишеній, униженій, собственнаго презрѣнія къ себѣ нужно было испытать дѣвушкѣ, чтобы ухватиться какъ за единственное спасеніе за мѣсто двусмысленной экономки у старика-купца. А между тѣмъ, по вашему разсказу, этихъ дѣвушекъ, молодыхъ, образованныхъ явилось къ нему очень много: стало быть это не были случайныя исключенія, не были испорченные субъекты, готовые ради ничего недѣланія пойти на позоръ,—это было тупое отчаяніе, презрѣніе къ себѣ, какъ къ человѣку,—и ни луча надежды на болѣе честную, болѣе лучшую жизнь. И тѣмъ ужаснѣе, что это все были образованныя личности, которымъ идти на этотъ позоръ было еще тяжелѣе, чѣмъ не интеллигентнымъ. Спасибо за то, что вопросъ этотъ вы подняли въ печати; но вы не во всемъ правы. Не правы вы въ томъ, будто бы нѣтъ ничего промежуточнаго или средняго между „союзомъ единаго съ единой вѣчнымъ“ и совершенно грязнымъ порокомъ: напрасно вы говорите, что ничего средняго не изобрѣтено: изобрѣтено-то изобрѣтено, да только не дается хода этому изобрѣтенію. Сколько времени рвутся дѣвушки въ зданія университета, сколько времени добиваются онѣ напрасно высшаго образованія ради очень скромной цѣли трудиться наравнѣ съ мужчиной на общественномъ поприщѣ, хотя бы съ вдвое меньшимъ окладомъ, и до сихъ поръ все это тщетно. Боятся, чтобы изъ совмѣстнаго обученія не вышло разврата и, какъ писалъ „Гражданинъ“, чтобы студентки не слушали лекціи на колѣняхъ студентовъ, а того, что общественная безнравственность и общее положеніе вещей бросаетъ дѣвушекъ въ дома терпимости и двусмысленныя экономки къ старымъ купцамъ, наконецъ, даже въ гаремы на Востокѣ, этого не боятся и какъ будто даже не видятъ. Право, страшно за униженную, поруганную личность дѣвушки и женщины. А между тѣмъ совмѣстное обученіе, дарованіе права служить наравнѣ съ мужчинами подняло бы въ женщинѣ упавшую вѣру въ себя, не заставили бы смотрѣть на ея тѣло, какъ на товаръ, и повысили бы также уровень семьи, такъ-какъ тогда выходили бы замужъ болѣе обдуманно, съ сознаніемъ той не шуточной обязанности, что беретъ на себя дѣвушка, дѣлая этотъ шагъ: зная, что ей придется отвѣчать передъ дѣтьми за свою жизнь, зная, что ей придется воспитать въ нихъ истинныхъ людей, тогда какъ теперь въ большинствѣ случаевъ, за неимѣніемъ другого выхода, онѣ смотрятъ на бракъ, какъ на возможность добиться разныхъ благъ жизни. Да и не думаю, чтобы мужчины много потеряли отъ вновь явившихся конкурентовъ: наконецъ можно было бы ограничить число служащихъ женщинъ извѣстнымъ процентомъ, чтобы на службу попадали наиболѣе даровитыя личности. Мнѣ

лично приходилось слышать и читать, что совмѣстное обученіе способствовало бы улучшенію нравовъ, такъ какъ заставляетъ мужчинъ съ большимъ уваженіемъ смотрѣть на своихъ соученицъ и видѣть въ нихъ не только „женщинъ", но и человѣка. Дайте хоть небольшія права женщинамъ, дайте имъ возможность высшаго образованія, хотя съ половиною тѣхъ привилегій, что оно даетъ мужчинамъ, и вы устраните уходъ дѣвушекъ изъ странъ христіанскихъ въ нехристіанскія, дадите болѣе серьезно относящихся къ своимъ обязанностямъ женъ и матерей, и наконецъ получите за половинные оклады служащихъ на всѣхъ поприщахъ и (судя по фактамъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Америки, гдѣ женщины допущены на государственную службу) эти новыя конкурентки принесутъ болѣе добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей, чѣмъ служащіе мужчины. И это будетъ великое дѣло. Женщины ждутъ отъ представителей печатнаго слова защиты своихъ правъ какъ человѣческихъ, такъ и женскихъ, и дай Богъ, чтобы онѣ не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ".

Такъ кончается письмо. И еще разъ напомнимъ, что это голосъ и просьба безъ немногаго 193,497 въ одномъ Петербургѣ взрослыхъ дѣвушекъ и вдовъ. Никто не откажетъ этому письму въ признаніи спокойствія его тона, достоинства самой просьбы, глубокой горести, основательности доводовъ. Припоминаю я служащихъ женщинъ въ женскихъ гимназіяхъ и въ двухъ полу-финансовыхъ учрежденіяхъ, гдѣ я ранѣе служилъ. Невозможно представить себѣ болѣе кропотливыхъ и, такъ сказать, переполненныхъ отвѣтственностью служащихъ, чѣмъ женщины тамъ. Да и достаточно вспомнить намъ благороднѣйшій Красный Крестъ, вѣдомство Императрицы Маріи и множество всевозможныхъ частныхъ человѣколюбивыхъ обществъ и комитетовъ, гдѣ трудятся или преимущественно или въ большомъ процентѣ женщины, чтобы созналися и признать ту до послѣдней степени очевидную истину, что всѣ сферы техническаго, письменнаго, административнаго, счетнаго, распорядительнаго, организаціоннаго труда доступны женщинѣ въ такой же мѣрѣ, какъ и мужчинѣ. И всюду женщина вноситъ мягкій духъ и деликатность въ службу, женственность. Да, мое личное впечатлѣніе, мои личныя наблюденія, не обширныя, но внимательныя, говорятъ мнѣ, что служащая женщина отнюдь не пріобрѣтаетъ мужиковатости, грубыхъ и рѣзкихъ манеръ и тона мужчины,—словомъ, что она ровно ничего не утрачиваетъ изъ прекраснаго своего женскаго облика. А сколько ея мягкость и деликатность, ея поспѣшная дѣловитость, ея непремѣнная сострадательность къ чужому горю или затрудненію дастъ удовлетворенія всѣмъ кліентамъ, стучащимся въ двери нашихъ учрежденій, начиная отъ школы и кончая банкомъ,—объ этомъ трудно говорить! Помню я, въ бѣдномъ уѣздномъ городкѣ, начальницу

женской прогимназіи, вдову и уже мать двухъ взрослыхъ дочерей, имѣвшую отъ нихъ внуковъ. Она напрягла всѣ свои усилія, чтобы не допустить ни одну ученицу до исключенія за невзносъ платы; обивала пороги купцовъ, чтобы собирать бѣднѣйшимъ крошечныя стипендіи или на форменное платье. Она не вмѣшивалась въ ученье, не будучи въ немъ очень компетентною. И такъ какъ она въ него не вмѣшивалась, то есть педагогически не раздражалась, то всѣ сплошь ученицы казались ей восхитительнѣйшими существами, и она безустанно съ утра до ночи хлопотала, чтобы онѣ были сыты, одѣты, согрѣты и никогда, никто и ни за что не исключенъ изъ прогимназіи. Имѣя „должность", весьма офиціальную и отвѣтственную, она совершенно поглотила и затушевала ея сухія черты въ трансформированномъ материнствѣ. Не знаю, жива ли она сейчасъ, но эту маленькую, добрую и толстую старушку я помню какъ прекраснѣйшее явленіе нашей общественной дѣятельности. Всякій „инспекторъ" на ея мѣстѣ былъ бы хуже, жестче, не говоря о томъ, что попросилъ бы вчетверо большее жалованье за свои „мужскіе таланты". Нѣтъ, рѣшительно нужно признать, что во множествѣ случаевъ женскіе таланты дѣйствуютъ не хуже мужскихъ, и для кліентовъ, просителей, „нуждающихся и обремененныхъ" они положительно удобнѣе. Съ точки зрѣнія народа, публики, общества, „просителей" — разлитіе въ странѣ женской работы можно разематривать какъ огромный выигрышъ, изъ котораго получена пока самая малая доля.

Именно въ интересахъ семьи, о которой хлопочутъ часто безсемейные консерваторы, нужно пожелать торжества женщинѣ на поприщѣ труда и полнаго имъ равенства съ нами въ юридическомъ и экономическомъ положеніи. Только тогда прочно и надежно можетъ быть поставлена и семья, когда подадутъ въ нее свой „volum" заинтересованнѣйшія существа, матери, жены, дочери, дѣвушки и женщины. Мужъ и отецъ всегда немножко „прогуливается" въ семьѣ; отдыхаетъ въ ней; но подлинная его сфера, сфера труда и настоящаго вниманія это служба, улица, площадь, фабрика, контора, учрежденіе. Женщина изводитъ изъ себя семью, буквально ткетъ ее изъ своихъ внутренностей и физіологически и духовно. Мужъ на $^1/_{10}$ живетъ семьею, женщина на $^9/_{10}$. Въ силу же сострадательности женщина никогда не отнеслась бы столь квіетично къ такимъ чудовищнымъ фактамъ, какъ проституція, дѣтоубійство, какъ вывозъ дѣвушекъ на Востокъ. Она сперва по несообразительности боролась бы съ этимъ паліативно, торопливо, нервно, страстно; а затѣмъ эту нервность и страстность и благородство души своей приложила бы къ тому, чтобы побѣдить зло и не паліативно, а радикально, дѣйствуя не на симптомы, а на причины. И побѣдила бы, и побѣдитъ. Торжество женщинъ, какъ главнаго и страдальчески въ семьѣ заинтересован-

наго существа, будетъ непремѣнно и торжествомъ семьи. А какъ безспорно же женщина стыдливѣе и нравственнѣе мужчины, сдержанѣе и цѣломудреннѣе, то это передвиженіе такъ сказать отъ патерната къ материату будетъ торжествомъ хорошей семьи. И теперь вѣдь почти безъ правъ въ семьѣ, кромѣ права быть вписанной въ мужнинъ паспортъ и получить отъ него „билетъ" на поѣздку въ сосѣдній городъ, женщина силою и интенсивностью своего духа, столь родственнаго къ Матери-Землѣ, столь близкаго къ природѣ, столь одновременно и наивнаго и мудраго, является въ каждой единичной семьѣ царицею, хозяйкою, матерью, установительницею обычаевъ и законовъ и всего „духа дома". А мужъ именно только „бываетъ" въ семьѣ, „проходитъ" въ ней, есть „гость" у подлинной его хозяйки. Такъ природа вещей одолѣваетъ гипотезы законовъ.

Женское медицинское образованіе въ Россіи.

Очень трудно сказать, кто болѣе, врачъ-мужчина или врачъ-женщина, можетъ оказать пользу окружающему населенію, если ихъ медицинское образованіе и искусство практики стоятъ, какъ говорится на биржѣ, al pari. Дѣтскія и женскія болѣзни есть законная собственность женщины-врача, а это половина существующихъ болѣзней. Замѣтимъ, что заболѣваніе ребенка и молодой матери болѣе несетъ въ себѣ такъ-сказать отдаленныхъ послѣдствій, нежели всякое иное, рѣзко локализованное заболѣваніе, и обращеніе къ врачу во-время особенно важно здѣсь. Вотъ почему ростъ женскаго медицинскаго образованія въ странѣ есть огромное условіе поддержанія и улучшенія здоровья цѣлой страны. Особенно это нужно сказать про Россію съ ея темными далекими уголками, куда такъ неохотно ѣдетъ мужчина-врачъ и куда женщина пойдетъ, какъ піонеръ, какъ колонистъ образованія. Уже и теперь можно наблюдать въ качествѣ земскихъ врачей женщинъ, неустанно работающихъ въ уѣздѣ на врачебныхъ пунктахъ, являясь также самоотверженными, какъ и женщины-фельдшерицы, женщины-учительницы, женщины-сестры милосердія. Противъ мужчины у женщины есть большое преимущество въ ея сердцѣ и самоотверженіи, и эти качества не менѣе цѣнны во врачѣ, какъ и въ сестрѣ милосердія.

Петербургскій Медицинскій институтъ есть очевидно первый этапный пунктъ на томъ длинномъ пути, которымъ предстоитъ идти женскому образованію въ Россіи. Въ Москвѣ получено утвержденіе устава общества для учрежденія и тамъ Медицинскаго института, и до сихъ поръ успѣхи женскаго образованія у насъ шли такъ прочно и быстро, что, нѣтъ сомнѣнія, въ ближайшія пять лѣтъ мы увидимъ и тамъ медицинскій институтъ, а затѣмъ, Богъ

дастъ, въ недалекомъ будущемъ и всѣ остальные университетскіе города обогатятся у насъ вполнѣ солидными и необходимыми для страны женскими высшими образовательными учрежденіями. Уставомъ разрѣшены только способы собиранія средствъ, нужныхъ для обезпеченія матеріальной стороны будущаго института: это—пожертвованія, членскіе взносы, устройство всякихъ чтеній, концертовъ и т. п. рубрикъ обычныхъ у насъ сборовъ «съ міру по ниткѣ» на «рубаху бѣдному». Тутъ есть та хорошая сторона, что общество шевелится и хлопочетъ около добраго дѣла; но женщина-врачъ есть такое серьезное государственное дѣло, что на помощь ему можетъ тронуться и казначейство. Ибо здоровое населеніе — это такое же условіе бодрости и труда въ странѣ, какъ и упорядоченность его нравственнаго состоянія. Нигдѣ «посѣвъ» денегъ не обѣщаетъ такого «всхода» и обильной осенней «жатвы», какъ здѣсь, гдѣ имѣется главное: огромный контингентъ рвущихся къ труду и даже рвущихся къ самопожертвованію русскихъ женщинъ, такъ вообще зарекомендовавшихъ себя на всѣхъ практическо-человѣколюбивыхъ поприщахъ.

Учительницы въ коммерческихъ училищахъ.

Медленно, но съ постояннымъ успѣхомъ русская образованная женщина отвоевываетъ большій и большій районъ для своего труда. Въ этомъ отношеніи допущеніе преподавательницъ въ коммерческія училища министерства финансовъ составитъ крупный шагъ. Кажется ни одного нельзя указать поприща, гдѣ женскій трудъ, будучи допущенъ, вызвалъ бы потомъ горькія сѣтованія на его неудачу. Вездѣ женщина является труженицею скромной и прилежною. Вездѣ она исполнительна и вноситъ въ дѣло ту мелкую акуратность и чистоплотность, которая кажется вытекаетъ изъ особенностей ея душевной организаціи. Люди частной предпріимчивости хорошо умѣютъ соблюдать свои выгоды и берутъ въ дѣло только людей, дѣйствительномогущихъ принести ему пользу. Они уже давно и на всевозможныя поприща позвали женщину и это есть общее доказательство, что государство не просчитается, открывъ для женской службы свои учрежденія. Давно слѣдовало бы подумать о болѣе рѣзкомъ, чѣмъ теперь, отдѣленіи прогимназій отъ гимназій, и передать роль надзора въ первыхъ образованнымъ женщинамъ. Переходя къ преподавательской службѣ въ коммерческихъ училищахъ, замѣтимъ, что именно преподаваніе въ младшихъ классахъ особенно удобно передавать женщинамъ. Здѣсь преподаваніе неудержимо сливается съ воспитаніемъ. Спрашивая урокъ, наказывая лѣность или шалость, предупреждая шалости, вездѣ учитель является воспитателемъ, хотя бы и не носилъ соотвѣтственнаго званія. И вотъ вполнѣ разумно, чтобы женщины учительни-

цы служили посредствующимъ звеномъ между семьею, въ которой исключительно проводилъ свое время мальчикъ до поступленія въ школу, и между старшими классами школы, гдѣ онъ подвергается серьезнымъ и сухимъ требованіямъ ученія и дисциплинарной выправки.

Жалобы на отсутствіе воспитанія въ училищахъ, на сухой формализмъ въ нихъ, давно должны бы пробудить исканіе: а *кто по природѣ своей* менѣе всего склоненъ къ педантизму, суровости и безпощадности, кто гибокъ и эластиченъ *не по задачамъ службы*, т.-е. требованіямъ регламента, а по природѣ своей? Задай лишь этотъ вопросъ во-время, и мы избѣгнули бы не маловажныхъ ошибокъ. Если во всѣхъ семьяхъ около дѣтей стоитъ мать, а не отецъ, если всемірный инстинктъ ищетъ имъ няньку, а не дядьку, то очевидно тысячелѣтняя наблюдательность давно отмѣтила педагогическіе дары женщины, и школѣ предстояло только не поправлять этого всемірнаго выбора. Къ сожалѣнію мы не сдѣлали этого своевременно, а между тѣмъ воспитательница вмѣсто надзирателя, воспитательница образованная, т.-е. съ знаніемъ курса младшихъ классовъ гимназіи, предохранила бы сотни и сотни гимназистовъ отъ исключенія за шалости и неуспѣшность. Ибо всякій легко поиметъ, что какъ тяжеловѣсны, неуклюжи и безплодноприказательны бываютъ переговоры надзирателя съ родителями учениковъ, такъ легки будутъ подобные-же переговоры воспитательницы съ матерью ученика перваго, второго или третьяго классовъ. Ни классные наставники, ни надзиратели никогда не умѣли настоящимъ образомъ завязать живыхъ сношеній съ семьями учениковъ, послужить соединительнымъ звеномъ между школою и семьей, а между тѣмъ не нужно и разъяснять, что любящій инстинктъ и природный тактъ женщины выполнилъ бы эту функцію великолѣпно. Однако старыя ошибки никогда не поздно поправлять: и допущеніе преподавательницъ въ коммерческія училища, мы увѣрены, проложитъ путь вообще къ распространенію учебнаго и воспитательнаго труда женщинъ *въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ*.

Вполнѣ правильнымъ представляется сравненіе ихъ по жалованію съ преподавателями. Давно пора перестать смотрѣть на женщинъ какъ на какихъ-то малорослыхъ существъ или какъ смотрятъ на желтолицыхъ китайцевъ и ихъ дешевый трудъ въ Америкѣ. Это рѣшительно безъ всякой нужды обижаетъ женщинъ. Напротивъ, нужно все сдѣлать, чтобы она смотрѣла на свой трудъ, какъ на нормальный, а не какъ на трудъ малорослаго. Прежде всего это не расшатаетъ ея привычнаго чувства отвѣтственности, тогда какъ отношеніе къ ней, какъ къ вѣчному несовершеннолѣтку, можетъ подорвать въ ней внутреннюю дисциплину. «Мнѣ меньше платятъ, потому что я недоростокъ, и можетъ быть мнѣ и

ошибки простятъ, какъ тоже недоростку». Это—вредное разсужденіе, для котораго не нужно давать никакого повода.

Рукодѣлье въ женскихъ гимназіяхъ.

Въ то время какъ всѣ усилія и отдѣльныхъ министерствъ, и общества, и предпріимчивыхъ людей направлены къ тому, чтобы насадить всевозможныя практическія учебныя заведенія, могущія дать приложеніе не одному уму русскому, но и русскимъ рукамъ,—ремесленная и рукодѣльная сторона въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ нисколько не поднялась надъ тѣмъ ничтожнымъ уровнемъ, на которомъ стояла въ ту пору, когда ремесленное и практическое образованіе не возбуждало о себѣ много вопросовъ въ Россіи. Практическіе интересы мощно пошли въ школу съ конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, потребовали къ себѣ вниманія теоретиковъ-педагоговъ. Но женскія гимназіи, какъ имѣли въ себѣ рукодѣлье въ качествѣ какого-то занятія пустыхъ часовъ чѣмъ-нибудь, такъ и остались въ этомъ положеніи чего-то безформеннаго, не обязательнаго, почти шутливаго. Это предметъ, едва научающій молодыхъ дѣвушекъ держать въ рукахъ иголку, и только виртуозы-ученицы расшиваютъ себѣ нелѣпыми узорами рубашечки и фартуки. Никакой серьезной задачи сюда не положено. Можно идти первой ученицей гимназіи, едва умѣя заштопать дыру и не умѣя сшить рѣшительно ни одной цѣльной вещи изъ собственнаго бѣлья. Даже чистописаніе поставлено выше и строже рукодѣлья, и всякій отдѣлъ второстепеннаго предмета отвѣтственнѣе шитья, кройки и вязанья, которыя стоятъ въ курсѣ женскаго общаго образованія не на послѣднемъ мѣстѣ, а внѣ всякаго мѣста.

Конечно, тутъ никакой нѣтъ вины ученицъ: онѣ не учатся, чему ихъ не учатъ. Собственное желаніе достигнуть практическихъ умѣній у русскихъ дѣвушекъ достаточно сказывается въ томъ, что спеціальныя школы, обучающія разнымъ рукодѣльнымъ мастерствамъ, не пустуютъ, и туда часто поступаютъ окончившія курсъ гимназій. Но совершенно своевременно подумать о томъ, чтобы поставить въ самихъ гимназіяхъ ручныя издѣлія на болѣе высокій уровень, чѣмъ они поставлены. А то несчастная гимназистка, проучившись семь-восемь лѣтъ, потомъ ни къ чему лучше не можетъ приспособить себя, кромѣ какъ къ неусыпному стучанью на аппаратѣ Морза. Ни начать что-нибудь дѣлать, ни примкнуть къ чужому мастерству она не можетъ.

Намъ думается, для этого необходимо:

1) поставить мастерство въ женскихъ гимназіяхъ какъ отвѣтственный и самостоятельный предметъ;

2) развить его въ опредѣленную программу, по годамъ ученія, совершенно наравнѣ съ теоретическими предметами;

3) поставить подъ контроль экзаменовъ;

4) программу рукодѣлія усложнить, не оставляя на степени шаблоннаго шитья и кройки (теперь кройкѣ очень немногія выучиваются въ гимназіяхъ), но введя сюда всевозможнаго вида вязанія, рисованіе по фарфору, выжиганіе по дереву, лѣпку изъ гипса и фарфора.

Вообще рукодѣлію слѣдуетъ въ гимназіяхъ сообщить художественный оттѣнокъ, но утилитарно-художественный и примѣнимый къ дѣлу. Нужно, чтобы это отнюдь не было щегольствомъ и баловствомъ, а какъ нибудь связать это съ рынкомъ и съ существующими въ каждой данной губерніи народными художественными особенностями. Навсегда мечтою и цѣлью рукодѣлья въ главной губернской школѣ должно быть то, чтобы будущая хозяйка могла приложить свой вкусъ, образованіе, знаніе книжной стороны ремесла къ темнымъ и инстинктивнымъ ремесламъ и художествамъ своей мѣстности: чтобы она могла стать руководительницею и помощницей темныхъ людей.

Такія роскошно поставленныя учебныя заведенія, какъ школа барона Штиглица въ Петербургѣ, могли бы выпускать роскошно приготовленныхъ учительницъ въ женскія гимназіи, разумѣется, при условіи, что мѣсто учительницы рукодѣлій будетъ уравнено по вознагражденію съ должностями другихъ предметовъ, теоретическихъ. Намъ кажется, различнымъ вѣдомствамъ, которымъ подчинены женскія гимназіи, слѣдуетъ внимательно и совмѣстно обсудить эту важную сторону не только педагогики русской, но и культуры русской; и, что опаснѣе всего, не ограничиваться словесными поощреніями, циркулярными наставленіями и вообще общими и разговорными тенденціями, а именно *организовать постановку совершенно ли-нова этого предмета*, считая (что довольно близко къ истинѣ), что его вовсе не было до сихъ поръ. Нужно не поощрять или развить теперешнее рукодѣліе, а отмѣнить его, какъ скорѣе вредящее дѣтямъ баловство. Ибо гдѣ есть какой-то „предметъ", но безъ всякой отвѣтственности за полное имъ пренебреженіе со стороны учениковъ или полную въ немъ неумѣлость самого учащаго лица, тамъ конечно есть только деморализующее баловство.

Ремесло художественное, да еще съ обѣщаніями быть выгоднымъ, несомнѣнно сдѣлается любимѣйшимъ предметомъ ученицъ: а если пріобрѣтенныя здѣсь знанія онѣ съумѣютъ примѣнять къ жизни, что и не такъ было бы трудно, то и польза получилась бы дѣйствительная.

О ручныхъ издѣліяхъ въ гимназіяхъ.

Разсказывая о своихъ педагогическихъ опытахъ въ Ясно-Полянской школѣ и приводя нѣкоторые изъ ученическихъ разсказовъ, гр. Л. Н. Толстой утверждаетъ, что крестьянскіе подростки проявляютъ иногда столько художественнаго вкуса и чутья, что даже ему трудно бывало иногда слѣдить за быстрымъ движеніемъ въ нихъ правильнаго творческаго воображенія. Если даже устранить изъ этого отзыва возможное преувеличеніе учителя въ оцѣнкѣ способностей учениковъ, все же останется наблюденіе, что художественно творить можетъ не одинъ взрослый, а и подростокъ, юноша, формирующаяся дѣвушка. Этотъ отзывъ во всякомъ случаѣ геніальнаго по наблюдательности и прозорливости человѣка не безполезенъ въ темѣ, къ которой мы хотѣли бы привлечь возможно больше вниманія. Это ручной трудъ подрастающихъ дѣвушекъ.

Если онѣ рвутся въ настоящее время и проникаютъ въ служебныя канцеляріи, въ департаментъ, на почту и телеграфъ, вообще къ формамъ труда, взятыя мужскимъ, то это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что совершенно у насъ не развиты и не получили педагогической себѣ помощи издревле женскія формы труда. Гонимая нуждою, дѣвушка становится за конторку, садится за реминтонъ, переписываетъ непонятную ей и глубоко поэтому антипатичную служебную бумагу, потому что она ничего не умѣетъ, окончивъ полный курсъ нормально-положенныхъ наукъ, кромѣ какъ: 1) переписать непонятное чужое, или 2) изложить отъ себя какую-нибудь теорему по геометріи, Пунические воины или о различіи прозы Пушкина и Гоголя. Наука наукою, но нужно бы что-нибудь и для корма. Дѣвушки у насъ буквально повторяютъ, только въ нѣсколько ослабленной формѣ, программу мужскихъ учебныхъ заведеній. Между тѣмъ есть прекрасныя и обширныя области, гдѣ мужчина не можетъ повторить женщину, которыя имѣютъ высочайшую цѣну въ жизни народной и въ культурномъ движеніи впередъ страны, — и эти области остаются въ забросѣ и забвеніи только оттого, что женщина обучается такъ же отвлеченно и научно, какъ мужчина, а не болѣе практическимъ и художественнымъ способомъ, какъ это отвѣчаетъ ея вкусамъ, навыкамъ и кажется природѣ. Современемъ она становится или чиновницею около чиновника, или товарищемъ около мужа, входящимъ въ подробности его мужской службы, и безъ своего особаго дѣла, заботъ и маленькой домашней культуры.

Способности женщины гораздо болѣе, чѣмъ мужскія, приноровлены къ конкретному и вещественному. Женщина болѣе чѣмъ мужчина, и дѣвушка болѣе, чѣмъ юноша, наблюдаетъ: лучше ви-

дитъ и можетъ быть лучше соображаетъ въ мелочахъ; рука ея меньше, подвижнѣе и живѣе. Всѣ эти заложенные въ душу и организмъ задатки возможно культивировать и слѣдуетъ культивировать. Мы напримѣръ почти не имѣемъ въ женскихъ школахъ живописи,—и традиціонное бряцанье на фортепіано и танцы составляютъ единственное тамъ проходимое „искусство". Праздное воспитаніе и научно отвлеченная муштровка составляютъ печальный образъ женскихъ нашихъ гимназій. Точно ученицы готовятся или жарко спорить потомъ съ товарищами-мужчинами о какомъ-нибудь биномѣ Ньютона, или, при другомъ жребіѣ жизни, плясать вѣчную польку. Между тѣмъ ни того, ни другого въ жизни имъ не выпадаетъ, за скверными исключеніями; а къ тому, что имъ выпадаетъ—къ труду и заботѣ около себя, около дома, около хозяйства, около сада, огорода и домашняго убранства у нихъ нѣтъ никакой подготовки.

Мы упомянули о живописи, которая вмѣстѣ съ черченіемъ составляетъ основаніе всѣхъ техническихъ и матеріальныхъ ремеслъ и искусствъ. Живопись вмѣсто шуточныхъ опытовъ танцевъ, музыки и пѣнія должна быть поставлена основнымъ предметомъ женскихъ учебныхъ заведеній, особенно гимназій. Глазъ или слухъ — изъ этихъ способностей которая-нибудь одна бываетъ прирождено даровита у каждаго индивидуума, по крайней мѣрѣ до возможности обширныхъ и успѣшныхъ воспріятій. Какъ мы имѣемъ серьезную постановку новыхъ языковъ, съ возможностью выбора нѣмецкаго или французскаго, такъ пластическое или тоническое искусство должно быть обязательно выбрано каждою ученицею, приблизительно со второго или третьяго класса, и стать затѣмъ предметомъ самаго серьезнаго преподаванія. Живопись открываетъ собою міръ ремеслъ. Узоръ, краски, тона ихъ—все это можетъ стать такимъ же превосходнымъ матеріаломъ педагогики, какъ у гр. Толстого въ Ясно-Полянской школѣ легкій беллетристическій разсказъ. Въ высшей степени полезно и вполнѣ возможно при каждой женской гимназіи имѣть мастерскую, гдѣ бы ученицы учились составлять краски, окрашивать матеріи, плести, ткать, разрисовывать. Вполнѣ возможно, какъ мы говорили ранѣе, установить для ремеслъ программу и экзаменъ: напр. требовать, чтобы передъ выпускомъ каждая ученица предетавила полную изготовленную ею художественно-ремесленную вещь, вытканный кусокъ матеріи, связанную серію кружевъ по собственному рисунку, сшитое полное платье, изготовленный коверъ, фарфоровую группу, выжженный по дереву шкафъ, разрисованныя стекла и фаянсъ, выведенные изъ сѣмянъ и взращенные растенія и цвѣты. Школа потеряла бы свой теперешній уныло-однообразный тонъ и превратилась бы на $^1/_3$, на $^1/_4$ въ веселую мастерскую. Сюда можно было бы употреблять и часть послѣобѣденнаго

времени: нѣкоторыя части ремесла выполнялись бы въ гимназіи, другія дома. Все могло бы быть поставлено столь же практично, умѣло и научно, какъ на нашихъ медицинскихъ факультетахъ прохожденіе анатоміи. За зиму каждый будущій врачъ „препарируетъ“ какую-нибудь часть трупа: такъ будущая хозяйка, потрудившись дома зиму, въ веснѣ и весеннему экзамену представляла бы изготовленную ею художественную вещь, и по ней, говоря и показывая, „отвѣчала“ бы изучаемое ею избранное ремесло.

И какъ это могло бы украсить не только жизнь школы, но и видъ школы. По окнамъ классовъ могли бы стоять цвѣты собственнаго вывода и ухода, а стѣны быть украшены бюстами и портретами родныхъ поэтовъ и писателей —собственной ученической лѣпки и рисунка. И, словомъ, классъ-казарма, въ какихъ дѣвушки наравнѣ съ мальчиками проводятъ главное свое время отъ 9 до 19 лѣтъ, могъ бы превратиться въ классъ уютный и художественный. Тутъ выигралъ бы не одинъ вкусъ, но и сердце. Ибо внѣшность не только дѣйствуетъ на органы чувствъ, но въ концѣ-концовъ и на душу.

Женскіе пансіоны.

Нельзя не назвать странностью, что въ то время, какъ питомцы мужскихъ учебныхъ заведеній находятъ для себя благоустроенные интернаты, ничего почти не сдѣлано у насъ для питомицъ женскихъ учебныхъ заведеній, и самаго вопроса объ этомъ не существуетъ. При очень многихъ мужскихъ гимназіяхъ существуютъ пансіоны, гдѣ надежно и безъ страха дурного вліянія могутъ быть помѣщены на все учебное время, на годы всего курса ученія, сыновья мѣстныхъ землевладѣльцевъ: между тѣмъ какъ подобныхъ пансіоновъ совершенно нѣтъ при женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Такое различіе едва ли не объясняется тѣмъ, что возникновеніе мужскихъ пансіоновъ у насъ очень старое и относится къ давнему времени, когда дочери ограничивались домашнимъ воспитаніемъ, за тѣми рѣдкими исключеніями, для которыхъ давали достаточное помѣщеніе немногочисленные женскіе институты столицъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городовъ. Въ настоящее время женское образованіе почти вполнѣ сравнялось съ мужскимъ, особенно въ отношеніи числа воспитывающихся: и нѣтъ семьи дворянина, чиновника, купца, священника, которая, проводя сыновей черезъ мужскую гимназію, не проводила бы дочерей черезъ женскую гимназію. Между тѣмъ очень большой процентъ, доходящій до половины, родителей этихъ ученицъ, не живетъ въ томъ городѣ, гдѣ находится учебное заведеніе, въ которомъ проходятъ курсъ ихъ дочери. Сюда относятся всѣ землевладѣльцы, классъ которыхъ нынѣ включаетъ въ себя

и купцовъ, и разбогатѣвшихъ мѣщанъ, и, наконецъ, чиновники мелкихъ уѣздныхъ городовъ, дѣти которыхъ отвозятся учиться въ губернскій городъ, за неимѣніемъ въ уѣздномъ другого заведенія, кромѣ трехклассной или четырехклассной прогимназіи.

Наконецъ лица, занимающія значительныя службы на большихъ заводахъ и всякихъ техническихъ сооруженіяхъ, находящихся внѣ черты города, также привозятъ своихъ дочерей въ столицу или губернскій городъ, гдѣ имъ дается школою обученіе, а собственно жизнь ихъ и воспитаніе протекаютъ внѣ вѣдѣнія и руководства какъ школы, такъ и родителей. Между тѣмъ ученіе въ гимназіи обнимаетъ годы отъ 10—11 лѣтъ до 18—20 лѣтъ, т. е. весь возрастъ формированія дѣвушки. Гдѣ и какъ проводитъ онѣ внѣклассное время, на что его тратятъ, какъ обставлено ихъ физическое здоровье, что онѣ читаютъ, среди какого общества живутъ, на все это могутъ быть даны только проблематическіе отвѣты. Не сомнѣваемся, что часть дѣвушекъ попадаетъ въ очень хорошую семейную обстановку удачныхъ квартиросодержательницъ; но онѣ именно „попадаютъ“ и именно къ „удачнымъ“ людямъ, а надежнаго и твердаго и особенно обобщеннаго здѣсь не рѣшится сказать самый смѣлый оптимистъ. Внѣ всякаго сомнѣнія большой контингентъ дѣвочекъ-подростковъ изъ очень хорошихъ провинціальныхъ семей попадаютъ къ людямъ не только посредственнымъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и худымъ. Для родителей нѣтъ здѣсь другого обезпеченія, кромѣ разспросовъ, слуховъ, свѣдѣній знакомыхъ и вообще средствъ освѣдомленія, крайне поверхностныхъ и ненадежныхъ. Между тѣмъ нужда ученія такъ велика, что едва подходитъ дѣвочкѣ возрастъ серьезной грамоты, ее наряду съ братьями везутъ въ „губернію“. Если и въ родительской семьѣ воспитаніе не всегда удается, то можно представить трудности и случайности, которымъ оно подвергается на частныхъ квартирахъ.

Недавно мы говорили о художественномъ и техническомъ элементѣ въ женскомъ образованіи, и вотъ сюда могъ бы быть отлично направленъ внѣ-классный досугъ ученицъ, а лучшее мѣсто для этого и обстановка могли бы быть даны хорошо организованными пансіонами при женскихъ гимназіяхъ. Въ устроеніе такихъ пансіоновъ могли бы принять участіе средствами и заботою и мѣстное дворянство, и городское управленіе, и земство, и дума города, и губерніи. Дѣло это могло бы стать высококультурнымъ и полезнымъ не только въ смыслѣ охраны ученицъ отъ случайныхъ воздѣйствій, но и въ смыслѣ развитія въ уѣздѣ и губерніи полезныхъ женскихъ знаній и умѣній. Для этого нужно только избѣгать стараго шаблона и не разсматривать пансіонъ, какъ мѣстопахожденіе ничего не дѣлающихъ и запертыхъ дѣвицъ, а скорѣе, какъ соединеніе сада и цѣлой системы мастерскихъ, гдѣ

онѣ работаютъ и отдыхаютъ, гдѣ имѣютъ свои удовольствія и радости, вообще полную жизнь, могущую быть приближенною къ семейной. Нужна не пассивная постановка пансіона, какъ „ограды“ отъ жизни и дѣйствительности, а активная, какъ распредѣленіе времени на другія перемѣнныя занятія, не учебныя, но тоже высоко необходимыя для дѣвушки и женщины. При такой активной постановкѣ пансіоны пріобрѣтутъ симпатіи общества и родителей, можетъ быть нѣсколько чуждающихся пансіоновъ въ прежнемъ идиллическомъ и наивномъ смыслѣ. Но о воскресеніи ихъ нѣтъ и рѣчи, ибо со всѣхъ сторонъ и на всѣхъ поприщахъ суровая дѣйствительность даетъ себя чувствовать и частному человѣку, и государству. Пансіонъ долженъ не отгораживать отъ жизни дѣвицу въ 15—18 лѣтъ, но вводить ее въ жизнь, какъ будущую труженицу, научно и всесторонне.

Новый женскій институтъ.

Высочайшій указъ объ основаніи въ Воронежѣ Ольгинскаго женскаго института вызоветъ живое чувство радости не въ однихъ воронежцахъ и вообще южно-русскихъ людяхъ, но и въ цѣлой Россіи. Двѣсти пятьдесятъ дѣвушекъ получаютъ полное казенное воспитаніе безъ платы и шестьдесятъ воспитанницъ—за плату. Государство всегда съ любовью и нѣжностью и охотою принимало на свои заботы воспитаніе дѣтей-сиротъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, въ военные корпуса и въ институты. Женскіе институты имѣютъ длинную и славную свою исторію и представляютъ одинъ изъ самыхъ старыхъ и твердо установившихся типовъ средняго женскаго образованія. Воспитательная сторона въ нихъ выдвинута впередъ учебной, и это сообщаетъ имъ чрезвычайную устойчивость и вмѣстѣ даетъ хорошіе плоды, на которые родителямъ воспитывающихся дѣвицъ не приходится жаловаться. Съ понятіемъ объ институтѣ связано понятіе о чемъ-то деликатномъ прежде всего. Деликатность есть такое качество души и жизни, которое вырабатывается очень трудно, представляетъ собою высшую цѣну и крайне необходимо на всѣхъ поприщахъ. Страны мы называемъ грубыми или цивилизованными по отсутствію или присутствію въ ихъ жителяхъ деликатности. Въ учебникахъ исторіи это отмѣчается терминами: „мягкіе нравы“, „смягченіе нравовъ“. Вотъ эту историческую роль и выполняютъ женскіе институты. Такова была первоначальная мысль Екатерины Великой, основательницы институтскаго у насъ воспитанія, и мысль эта сохранилась до нашего времени.

Воспитаніе деликатное и вмѣстѣ историческое создаетъ изъ воспитанницъ будущихъ добрыхъ семьянинокъ и лучшихъ членовъ русскаго общества. Мы имѣемъ уже обширную литературу ме-

муаровъ, написанныхъ институтками разныхъ институтовъ объ ихъ учебной и послѣдующей не учебной жизни, и въ этихъ мемуарахъ, порою подымающихся до высоты исторической интересности, освѣщена внутренняя жизнь институтовъ разныхъ эпохъ и царствованій. Такимъ образомъ каждое изъ этихъ учебныхъ заведеній выходитъ изъ рамокъ шаблона и получаетъ свою индивидуальность. Это еще болѣе возвышаетъ ихъ воспитывающую силу.

Въ Высочайшемъ указѣ оговорено, что въ программу новаго Ольгинскаго института будутъ введены „сверхъ законченнаго общаго образованія въ объемѣ институтскаго курса такія практическія знанія, которыя могли бы обезпечить питомицамъ института честный заработокъ, если имъ выпадетъ жребій жить собственнымъ трудомъ". Это прибавленіе очень важно. Аристократическій типъ нашего женскаго образованія нисколько не обходитъ возможности практическихъ занятій будущихъ русскихъ женщинъ и старается подготовить ихъ къ этому съ малолѣтства. Указъ не видитъ въ честномъ трудѣ женщинъ на поприщѣ общественныхъ службъ и занятій ничего порицаемаго, какъ продолжаютъ еще видѣть многіе слѣпцы, отстаивающіе для женщинъ какую-то тюлевую „женственность", которую можетъ измять трудъ. Указъ въ высокой заботѣ своей предвидитъ, какъ много кандидатокъ на семью остаются безъ собственной семьи, и обезпечиваетъ имъ умѣлый и полезный трудъ, который святъ для женщины, какъ и для мужчины.

О неурочныхъ занятіяхъ учащихся.

Циркуляромъ отъ 15-го августа 1902 г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія предоставилъ семь учебныхъ дней въ году въ распоряженіе педагогическихъ совѣтовъ мужскихъ и женскихъ гимназій, каковые дни могутъ быть сдѣланы рекреаціонными, но съ тѣмъ, чтобы использованіе ихъ не было предоставляемо произволу или капризу отдѣльныхъ учениковъ и учениць, а чтобы дни эти посвящались „экскурсіямъ, чтеніямъ, осмотру музеевъ и т. п. разумнымъ развлеченіямъ, смотря по времени года и мѣстнымъ условіямъ".

Эта благотворнѣйшая мѣра имѣетъ въ себѣ не одну, а нѣсколько сторонъ, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе, дабы наилучшимъ образомъ использовать самую мѣру. Прежде всего, педагогическіе совѣты выводятся изъ того летаргическаго состоянія, въ какомъ они находились и къ которому привыкли благодаря исключительно пассивному своему положенію, сводившемуся къ формулѣ: „выслушалъ и исполнилъ". Отнынѣ они призываются къ роли зоркихъ наблюдателей за здоровьемъ учениковъ и за то-

кущими моментами повышающагося или понижающагося состоянія нервной энергіи. Семь дней предложены имъ на выборъ, и они могутъ ихъ распредѣлить такъ и этакъ, лучше и хуже, цѣлесообразно и совсѣмъ безцѣльно. Прогулка въ августѣ или сентябрѣ, сейчасъ послѣ лѣтняго отдыха когда учениковъ вовсе и не тянетъ на прогулку, или осмотръ музеевъ въ декабрѣ, когда темно—вовсе не то, что день отдыха въ октябрѣ-ноябрѣ или въ апрѣлѣ-маѣ, среди интенсивныхъ занятій. Въ гимназіи есть мѣсяцы нетрудныхъ занятій и есть до извѣстной степени „страдная пора", въ которую лишь рѣдкіе ученики не бываютъ изнеможены. Здѣсь мы встрѣчаемся съ одною изъ труднѣйшихъ педагогическихъ проблемъ, пока не рѣшенныхъ вовсе, но въ рѣшеніи которой будетъ современемъ состоять истинная честь педагогической изобрѣтательности учебнаго вѣдомства. Мы говоримъ о времени экзаменовъ. Самая „страдная пора", положительно пожирающая здоровье и нервы учениковъ, есть предъэкзаменаціонная и экзаменаціоннак, и она падаетъ какъ разъ на самые цвѣтущіе мѣсяцы года. Въ августѣ, сентябрѣ и началѣ октября, когда льютъ дожди и изъ дому выйти не хочется, да и нельзя почти, у учениковъ много свободнаго времени и легко на сердцѣ; но вотъ апрѣль и май: на сердцѣ ученика тоска, безпокойство; онъ закупоренъ въ своей комнаткѣ; и хоть вы его гоните, онъ и самъ не выйдетъ въ лѣсъ, въ поле, на улицу, между тѣмъ какъ теперь одинъ часъ на воздухѣ больше поднялъ-бы здоровье, чѣмъ цѣлыя сутки на воздухѣ въ сентябрѣ. Это всѣ видятъ, и всѣ знаютъ; едва ли кто нибудь объ этомъ не болѣетъ душою. Но ничего не придумано и очень трудно что-нибудь придумать для увѣченія этого недуга школы, для возвращенія дѣтямъ и юношамъ весны.

Вторая важная сторона разсматриваемаго пункта циркуляра состоитъ въ слѣдующемъ. До сихъ поръ у насъ въ гимназіяхъ не столько совершались образованіе и воспитаніе, сколько производилась „учёба" въ самомъ дурномъ, застарѣломъ смыслѣ. Гимназія просто была мѣсто, учрежденіе, домъ, контора, гдѣ мальчики разныхъ возрастовъ учили учебники разныхъ форматовъ; учитель былъ приставленъ больше въ качествѣ наблюдателя или дозорщика за этой процедурою, чѣмъ въ значеніи руководителя, наставника и просвѣтителя. Классный журналъ и отмѣтка были „скорпіономъ" въ его рукахъ, которымъ онъ подгонялъ упражняющееся въ учёбѣ юношество-отрочество; спрашиваніе заданнаго почти исчерпывало содержаніе урока; это спрашиванье опредѣляло качество учителя (строгъ или не строгъ) и характеръ предмета (трудный или не трудный), при чемъ почти и не поднималось вопросовъ о талантѣ учителя, о занимательности предмета. Никакой „занимательности" и никакого „таланта" въ гимназіи не было; это совершенно неизвѣстная сторона въ русской педагогикѣ.

Введеніе посѣщеній музеевъ, экскурсій и чтенія хотя бы только въ семь экстраординарныхъ дней въ году разрушаетъ эту слежавшуюся и затхлую „учебу“. Въ самомъ дѣлѣ, неужели научиться можно только изъ учебника, и пріобрѣсти что-нибудь въ душу можно не иначе, какъ со страницы которой нибудь изъ девяти фатальныхъ книжекъ: 1) Соколова, 2) Киршчникова, 3) Кюпера, 4) Давидова, 5) Смирнова, 6) Иловайскаго и пр.? Вся природа и вся исторія, какъ и все богатство національныхъ сокровищъ и картинности родной страны, были выброшены изъ школы. Сынъ мѣщанъ новгородскихъ или псковскихъ зналъ о Новгородѣ и Псковѣ ровно столько-же, сколько о нихъ зналъ ученикъ Бакинской гимназіи: это были географическіе и историческіе термины куда меньшаго значенія, чѣмъ Манчестеръ или Спарта: и ученикъ Новгородской гимназіи больше зналъ о пеласгахъ, чѣмъ о кривичахъ, и о Тарквиніи Гордомъ, чѣмъ о Гостомыслѣ. Никакихъ оттѣнковъ по мѣстностямъ не было въ постановкѣ нашихъ гимназій, и это отъ того, что учебникъ—одинъ на всю Россію, а вѣ учебника не было свѣта и просвѣщенія. Теперь каждая гимназія и ученики ея увидятъ мѣстность, въ которой живутъ, и ея приблизительное значеніе. Прежде ученики ничего вокругъ себя занимательнаго не видѣли, ничего интереснаго. Образованіе было вполнѣ отвлеченнымъ, абстрактнымъ. Между тѣмъ нѣтъ мѣстности безъ огромной въ ней занимательности, если только взглянуть на нее знающимъ взглядомъ. Руководителямъ учебныхъ заведеній и учительскому персоналу и нужно создать для питомцевъ этотъ „знающій взглядъ“. Экскурсію или посѣщеніе музея можно, при лѣности и непредпріимчивости руководителей, превратить въ ротозѣйство; особенно въ музеѣ легко пріучиться къ верхоглядству. Нужно учениковъ пріучить къ *занятіямъ* здѣсь: сперва къ легкимъ *описаніямъ*, затѣмъ къ изученію *частностей*, къ *классификаціямъ*, къ *группировкамъ* и пр. Въ этомъ скромномъ занятіи появится незамѣтный ростокъ науки, любознательности, который школа будетъ или можетъ поливать, культивировать, выращивать.

И все это будетъ воспитаніе и ученіе. Но уже не сухое, не по учебнику, а съ нѣкоторой иниціативой самого ученика. Ученье - любимое, и отъ этого—дѣйственное, творческое.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

LXII Объ утвержденіи правилъ объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей.

Его Императорское Величество сего 27-го іюня 1902 г. воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, по проекту правилъ объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Михаилъ.

МНѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, законовъ, государственной экономіи и промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ дѣло по проекту правилъ объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну постановленій законовъ гражданскихъ (свод. зак. т. X, ч. 1, изд. 1900), а также другихъ подлежащихъ узаконеній, установить слѣдующія правила о дѣтяхъ отъ браковъ недѣйствительныхъ и о дѣтяхъ внѣбрачныхъ (незаконныхъ):

О дѣтяхъ отъ браковъ недѣйствительныхъ.

131[1]. Дѣти отъ брака, признаннаго недѣйствительнымъ, сохраняютъ права дѣтей законныхъ.

131[2]. Отъ соглашенія родителей зависитъ опредѣлить, у кого изъ нихъ, послѣ признанія брака недѣйствительнымъ, должны оставаться несовершеннолѣтнія дѣти.

Если со стороны одного изъ родителей вступленіе въ бракъ

было недобросовѣстно, то другой родитель имѣетъ право требовать оставленія у него всѣхъ дѣтей.

Въ случаѣ отсутствія соглашенія родителей, равно какъ необходимости отступленія отъ упомянутыхъ правилъ для блага дѣтей, подлежащее опекунское установленіе опредѣляетъ, у кого изъ родителей должны оставаться несовершеннолѣтнія дѣти.

131[3]. Родительская власть надъ дѣтьми принадлежитъ родителю, у котораго они оставлены.

131[4]. Родитель имѣетъ право свиданія съ дѣтьми, находящимися у другого родителя. Способъ и время осуществленія этого права, въ случаѣ разногласія родителей, опредѣляются мѣстнымъ мировымъ, либо городскимъ судьею или земскимъ начальникомъ.

131[5]. Каждый изъ родителей обязанъ, сообразно своимъ средствамъ, участвовать въ издержкахъ на содержаніе и тѣхъ дѣтей, которыя оставлены у другого родителя.

131[6]. По смерти родителя, у котораго оставлены были дѣти, а также въ случаяхъ лишенія его родительской власти или невозможности осуществленія имъ этой власти, находившіяся при немъ дѣти поступаютъ подъ родительскую власть другого родителя, развѣ бы подлежащее опекунское установленіе ради блага дѣтей сочло необходимымъ назначить особаго надъ ними опекуна.

О дѣтяхъ внѣбрачныхъ.

132. Внѣбрачныя дѣти суть: 1) рожденныя незамужнею; 2) прошедшія отъ прелюбодѣянія, и 3) рожденныя по смерти мужа матери, или по расторженіи брака разводомъ, или же послѣ признанія брака недѣйствительнымъ, когда со дня смерти мужа матери или расторженія брака, или же признанія его недѣйствительнымъ до дня рожденія ребенка протекло болѣе трехсотъ шести дней.

132[1]. Мать внѣбрачнаго ребенка подчиняется обязанностямъ, опредѣленнымъ въ постановленіяхъ о власти родительской, и пользуется по отношенію къ своему ребенку правами, въ сихъ постановленіяхъ указанными.

132[2]. Внѣбрачный ребенокъ, если ему не было присвоено отчества при совершеніи метрической о его рожденіи записи, именуется по отчеству сообразно имени своего воспріемника.

132[3]. Внѣбрачный ребенокъ именуется фамиліею, одинаковою съ отчествомъ, но съ согласія матери и ея отца, если онъ находится въ живыхъ, можетъ именоваться фамиліею матери, принадлежащею ей по рожденію.

132[4]. Отецъ внѣбрачнаго ребенка обязанъ, сообразно своимъ имущественнымъ средствамъ и общественному положенію матери

ребенка, нести издержки на его содержаніе, если онъ въ томъ нуждается, до его совершеннолѣтія; мать ребенка участвуетъ въ издержкахъ на его содержаніе соотвѣтственно своимъ имущественнымъ средствамъ, которыя вообще принимаются во вниманіе при опредѣленіи ребенку содержанія, слѣдующаго съ его отца. Въ случаѣ требованія означеннаго содержанія за прошедшее время отецъ ребенка обязанъ возмѣстить оное не болѣе, чѣмъ за годъ до предъявленія такого требованія.

132[5]. Обязанность отца и матери доставлять содержаніе внѣбрачному ребенку прекращается и ранѣе достиженія имъ совершеннолѣтія въ случаѣ замужества внѣбрачной дочери или когда ребенокъ, будучи уже приготовленъ къ предназначенной ему дѣятельности, въ состояніи самъ себя содержать.

132[6]. Въ составъ слѣдующаго съ отца внѣбрачнаго ребенка содержанія послѣдняго включается и содержаніе нуждающейся въ томъ матери ребенка, если уходъ за нимъ лишаетъ ее возможности снискать себѣ средства къ жизни.

132[7]. Отецъ внѣбрачнаго ребенка, въ случаѣ недостаточности средствъ его матери, обязанъ оплатить необходимые расходы, вызванные разрѣшеніемъ ея отъ бремени, и доставить ей насущное содержаніе впредь до ея выздоровленія. Требованіе о возмѣщеніи такихъ расходовъ и содержанія можетъ быть заявлено лишь до истеченія года со дня разрѣшенія отъ бремени.

132[8]. Размѣръ содержанія внѣбрачнаго ребенка, однажды опредѣленный, можетъ быть увеличиваемъ или уменьшаемъ въ зависимости отъ измѣнившихся обстоятельствъ.

132[9]. Повременныя выдачи на содержаніе внѣбрачнаго ребенка, по соглашенію сторонъ и съ утвержденія опекунскаго установленія, могутъ быть замѣнены единовременно уплачиваемою отцомъ ребенка суммою, съ принятіемъ надлежащихъ мѣръ къ охраненію расходованія этой суммы по ея назначенію.

132[10]. Отецъ, доставляющій средства на содержаніе внѣбрачнаго ребенка, имѣетъ право надзора за содержаніемъ и воспитаніемъ ребенка. Разногласія по этимъ предметамъ между отцомъ и матерью или опекуномъ ребенка разрѣшаются подлежащимъ опекунскимъ установленіемъ.

132[11]. Отецъ внѣбрачнаго ребенка, доставляющій средства на его содержаніе, въ случаяхъ учрежденія надъ ребенкомъ опеки, можетъ быть назначенъ, по желанію, опекуномъ предпочтительно предъ другими лицами.

132[12]. Внѣбрачныя дѣти и законные ихъ исходящіе наслѣдуютъ по закону лишь въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ матери на основаніяхъ, установленныхъ для дѣтей законныхъ, съ тѣмъ однако, что наслѣдуемое имущество матери, не имѣющей законныхъ сыновей, но имѣющей лишь законныхъ дочерей, дѣ-

лится между сими послѣдними и внѣбрачными дѣтьми по равнымъ между всѣми сонаслѣдниками долямъ. На законное наслѣдованіе въ имуществѣ отца и его родственниковъ, а также родственниковъ матери, равно какъ на наслѣдованіи въ родовомъ ея имѣніи, внѣбрачныя дѣти правъ не имѣютъ.

132[13]. Мать внѣбрачнаго ребенка наслѣдуетъ послѣ него по правиламъ о порядкѣ наслѣдованія въ линіи восходящей.

132[14]. Послѣ внѣбрачныхъ дѣтей, не оставившихъ призываемыхъ къ наслѣдованію нисходящихъ, наслѣдуютъ другія, происшедшія отъ одной съ ними матери, внѣбрачныя дѣти и законные ихъ нисходящіе.

132[15]. При требованіи отъ матери содержанія внѣбрачному ея ребенку, а также при предъявленіи его наслѣдственныхъ либо иныхъ правъ, доказательствомъ происхожденія ребенка отъ матери служитъ метрическая запись о его рожденіи. Если въ этой записи не поименована мать или если невозможно представить метрическую запись о рожденіи внѣбрачнаго ребенка, то въ доказательство происхожденія его отъ матери принимаютъ только исходящія отъ нея самой письменныя о семъ удостовѣренія.

II. Въ статьѣ 3 приложенія къ статьѣ 55 устава о службѣ гражданской (Свод. Зак., т. III, изд. 1896 г.) исключить, въ концѣ, слова: „за исключеніемъ однако воспитанниковъ изъ незаконнорожденныхъ или неизвѣстнаго происхожденія".

III. Статью 133 законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

133. Если бракъ признанъ недѣйствительнымъ и если одинъ изъ супруговъ вовлеченъ былъ въ такой бракъ обманомъ или насиліемъ, то подлежащій гражданскій судъ, который разсматриваетъ дѣло послѣ суда духовнаго (уст. угол. суд. ст. 1014 и 1015), можетъ во вниманіе къ обстоятельствамъ, заслуживающимъ снисхожденія, повергать на милостивое возрѣніе Императорскаго Величества участь невиннаго супруга, вступившаго по невѣдѣнію или принужденію въ недѣйствительный бракъ. Просьбы о семъ могутъ быть заявляемы подлежащему гражданскому суду и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе духовнаго суда объ уничтоженіи брака постановляется послѣ окончанія суда уголовнаго (уст. угол. суд., ст. 1012 и 1013). Просьбы подаются и разсматриваются въ порядкѣ, установленномъ статьями 1337—1345 устава гражданскаго судопроизводства.

IV. Взамѣнъ статьи 140 и примѣчанія къ ней законовъ гражданскихъ (Св. зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.) постановить слѣдующее правило:

„Внѣбрачныя дѣти казачьихъ вдовъ, женъ и дѣвицъ зачисляются въ казачье сословіе. Въ казачьихъ войскахъ Восточной Сибири тѣхъ изъ внѣбрачныхъ дѣтей казачьихъ вдовъ, женъ и дѣ-

вицъ, которыя прежде достиженія семилѣтняго возраста останутся круглыми сиротами, а между тѣмъ никто изъ лицъ войскового сословія не изъявитъ согласія взять ихъ на воспитаніе, дозволяется принимать на воспитаніе лицамъ мѣщанскаго и крестьянскаго состояній, съ приписковъ къ своимъ семействамъ, съ разрѣшенія генералъ-губернаторовъ военнаго Иркутскаго и Приамурскаго, по принадлежности".

V. Взамѣнъ пункта 1 статьи 144[1] законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.), постановить слѣдующее правило:

„Внѣбрачныя дѣти узаконяются бракомъ ихъ родителей".

VI. Статью 145 законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.) замѣнить слѣдующими двумя статьями:

145. Усыновленіе дозволяется лицамъ всѣхъ состояній, безъ различія пола, кромѣ тѣхъ, кои по сану своему обречены на безбрачіе.

Примѣчаніе къ сей статьѣ остается въ силѣ.

145[1]. Усыновленіе чужихъ дѣтей не допускается, если у лица усыновляющаго есть собственныя законныя или узаконенныя дѣти.

VII. Отдѣленіе IV главы I раздѣла II книги I законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.) дополнить слѣдующею статьею:

150[1]. Для усыновленія собственныхъ внѣбрачныхъ дѣтей допускаются слѣдующія изъятія: 1) усыновлять можетъ совершеннолѣтній и ранѣе достиженія имъ тридцатилѣтняго возраста и не будучи восемнадцатью годами старше усыновляемаго (146); 2) усыновленіе допускается и въ томъ случаѣ, если у лица усыновляющаго есть собственныя законныя или узаконенныя дѣти: такое усыновленіе допускается, по достиженіи сими дѣтьми совершеннолѣтія, съ ихъ согласія, выраженнаго въ письменномъ актѣ съ засвидѣтельствованіемъ ихъ подписи нотаріальнымъ порядкомъ, а до достиженія означенными дѣтьми совершеннолѣтія только при жизни другого ихъ родителя и съ его согласія, удостовѣреннаго въ томъ же порядкѣ, и 3) при усыновленіи отцомъ внѣбрачнаго ребенка требуется согласіе матери ребенка (ст. 149) въ томъ лишь случаѣ, если она значится въ метрическомъ о его рожденіи записи, или если происхожденіе отъ нея ребенка удостовѣрено судомъ (ст. 132[15]).

VIII. Статью 179 законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Въ отношеніи питомцевъ воспитательныхъ домовъ соблюдаются правила, въ уставахъ сихъ домовъ постановленныя".

IX. Статьи 663 и 666 законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

663. Если подвергшаяся изнасилованію дѣвица не имѣетъ

средствъ къ существованію, то изъ имѣнія лица, виновнаго въ изнасилованіи, должно быть по требованію ея или ея родителей, или опекуновъ, обезпечено приличное ея состояніе, соразмѣрное съ имуществомъ виновнаго содержаніе до выхода ея въ замужество, и возвращены всѣ употребленныя на ея излеченіе и попеченіе о ней во время леченія издержки, если послѣдствіемъ преступленія была болѣзнь изнасилованной.

666. Когда бракъ признанъ недѣйствительнымъ, какъ совершенный по принужденію или обману, то виновный въ семъ обязанъ по усмотрѣнію суда и соразмѣрно съ его собственнымъ состояніемъ доставить насильно или по обману обвѣнчанной съ нимъ средства приличнаго ея состоянію существованія до вступленія ея въ другое супружество. На семъ же основаніи опредѣляется вознагражденіе и женщинѣ, вступившей въ бракъ съ лицомъ, состоящимъ уже въ брачномъ союзѣ, если она о томъ не знала.

X. Въ главу VI раздѣла I книги II устава гражданскаго судопроизводства (Свод. Зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) включить слѣдующую новую статью:

325¹. Судебныя засѣданія по дѣламъ о содержаніи внѣбрачныхъ дѣтей происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

XI. Статью 1460² устава гражданскаго судопроизводства (Свод. Зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

1460². При просьбѣ должны быть представлены: письменное заявленіе отца и матери о томъ, что ребенокъ происходитъ отъ нихъ, и метрическія свидѣтельства: о рожденіи ребенка и о бракѣ родителей.

XII. Статью 136 законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.), а также статью 994 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (Свод. Зак., т. XV, ч. 1, изд. 1885 г.) отмѣнить, а статьи 132 и 137 законовъ гражданскихъ исключить.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

LXIII. Изъ откликовъ печати и частныхъ лицъ.

1.

Обыкновенно иностранную печать мало интересуютъ вопросы нашего внутренняго законодательства, не имѣющіе экономическаго или специально-политическаго характера. Однако обнародованное на-дняхъ Высочайшее повелѣніе объ улучшеніи участи незаконнорожденныхъ дѣтей произвело на европейскую печать сильное впечатлѣніе, такъ какъ и западныя законодательства, какъ вѣрно замѣчаютъ „ихъ органы“, сильно отстали въ этомъ отношеніи.

Отовсюду, даже изъ тѣхъ сферъ, гдѣ нападки на Россію составляютъ обязательную часть программы, раздается восторженная хвала этому высокому акту христіанскаго милосердія и государственной мудрости. Нѣмецкіе филистеры вынуждены теперь признаться, что сохранившееся по сіе время жестокое положеніе невинныхъ жертвъ общественной деморализаціи составляетъ печальное наслѣдіе средневѣковыхъ порядковъ и что ни въ одной области законодательства суровый эгоизмъ не выразился такъ рельефно, какъ въ законахъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ.

Британское ханжество, такъ ревниво охраняющее существующій въ Англіи общественный порядокъ, теперь тоже вынуждено считаться съ новымъ воззрѣніемъ на положеніе внѣбрачныхъ дѣтей. Англійская печать, хотя и нехотя, вынуждена заниматься этимъ вопросомъ и сознаться въ томъ, что нигдѣ, ни въ какой странѣ, общественные нравы не были улучшены жестокими законодательными мѣрами [1]) и что процентъ рождаемости внѣбрачныхъ дѣтей нисколько не умаляется отъ строгости законовъ. Англійскія газеты теперь сознаютъ, что внезапно изъ „darkest Russia“, пришелъ лучъ свѣта, лучъ истины...

Но особенно искренно новый русскій законъ привѣтствуется во Франціи, гдѣ дѣйствующій кодексъ Наполеона отрицаетъ за внѣбрачными дѣтьми всякое право на гражданскую жизнь, воспрещая имъ даже разысканіе отцовства. („Нов. Вр.“).

2.

Ни одинъ изъ законодательныхъ актовъ послѣдняго времени не вызывалъ въ печати такихъ шумныхъ ликованій, какъ опубликованный недавно законъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ.

Чѣмъ же, однако, объяснить эти ликованія? Что породило газетный шумъ?

[1]) Интересно *мельком*ъ это признаніе, конечно основательное, что „участь внѣбрачныхъ дѣтей“ (сводившаяся многіе вѣка къ смерти позднѣе и разрозненно—къ ниществу и отчаянію) процѣживалась единственно изъ надежды черезъ это „улучшить общественные нравы“. Иначе говоря, что „нравственное чувство“ общества побуждало такихъ дѣтей погублять. Откуда уже ясно, что „нравственность“ и „добрые нравы“ въ Европѣ не расходились съ пожеланіемъ добрыхъ нравственныхъ людей заставить посторонюю всѣмъ женщину, не человѣка, а фотографію человѣка,—убить свое дитя; но это нравственное чувство рѣшительно было-бы оскорблено, все общество было-бы нервно-разстроено и раздражено, если-бы эта ни общемъ никому не нужная женщина заступилась за своего ребенка и сказала: „да ну васъ къ чорту, ребенокъ мнѣ *ближе* васъ, и *не желаю* я вовсе ни убивать его, ни разставаться съ нимъ“. Таковая мать, твердая ну по крайней мѣрѣ какъ курица, и чадолюбивая въ ровень съ собакою—была бы объявлена „безнравственной“. Она должна быть нравственна какъ камень, какъ крестикъ на шеѣ каждаго изъ осуждающихъ ее нравственныхъ людей. *В. Р—въ.*

Въ законѣ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ нѣкоторые органы нашей печати поспѣшили прозрѣть „новую эру", эру расшатыванія законной семьи, этой основной ячейки государственнаго строя. Въ немъ увидѣли „первый шагъ", за которымъ должны послѣдовать другіе, уничтожающіе самое различіе между законными и незаконными дѣтьми, освящающіе безпорядочное сожитіе половъ, подрывающіе прочность брака чрезмѣрнымъ облегченіемъ разводовъ и дозволеніемъ раздѣльнаго жительства супруговъ чуть-ли не по простой прихоти ихъ.

Дѣйствующее законодательство еще очень недавно съ неумолимою строгостью относилось къ незаконнымъ дѣтямъ. Въ нашихъ законахъ не установлялось гражданскихъ правъ этихъ дѣтей, въ отношеніи родителей. Ст. 136 X т. I ч., напримѣръ, отрицаетъ право незаконныхъ дѣтей именоваться по фамиліи отца и наслѣдовать по закону послѣ отца или матери. Но, совершенно основательно разсматривая прижитіе дѣтей лицами, не состоящими между собою въ бракѣ, какъ преступленіе, и карая церковнымъ покаяніемъ незаконное сожительство неженатаго съ незамужней, уголовный законъ все же принялъ до извѣстной степени подъ свое покровительство незаконныхъ дѣтей, установивъ обязательство для отцовъ обезпечивать, сообразно съ его средствами, содержаніе младенца и его матери. Вотъ все, что было раньше сдѣлано для облегченія участи незаконныхъ дѣтей.

Цѣль этого законодательства состояла въ томъ, чтобъ удержать людей отъ внѣбрачнаго сожительства. Цѣль эта отчасти достигалась, но зато сами незаконные дѣти оказывались лишенными семьи.

Вотъ мнѣніе Государственнаго Совѣта, высказанное по этому поводу еще въ 1880 году:

„Между родителями и дѣтьми, хотя бы прижитыми въ незаконномъ сожитіи, существуетъ тѣсная кровная связь, самый фактъ прижитія ребенка возлагаетъ на каждаго важныя обязанности, и незаконнорожденные, будучи лишены не только всѣхъ преимуществъ, которыя могли бы перейти къ нимъ отъ родителей, но не имѣя даже семьи и роднаго крова и сохраняя на всю жизнь неизгладимое пятно своего происхожденія, должны съ особою силой чувствовать всю горечь отчужденнаго отъ всѣхъ положенія своего, нисколько ими самими не заслуженнаго. Тяготясь своею участью, они естественно способны умножить число недовольныхъ существующимъ общественнымъ строемъ, а слѣдовательно и Правительствомъ"[1]).

---

[1]) Замѣчательно: 1) что только опасеніе „безпокойнаго элемента", а не любовь и не справедливость, не какое-нибудь пониманіе *сущности* рождаемости, заставило „снизойти" къ дѣтямъ, сумма коихъ въ Петер-

Развитіемъ этихъ взглядовъ и является новый законъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ. Согласно ему внѣбрачныя дѣти узаконяются бракомъ ихъ родителей. Усыновленіе внѣбрачныхъ дѣтей значительно облегчается, такъ какъ по новому закону усыновленіе ихъ допускается лицами моложе тридцати лѣтъ и менѣе чѣмъ на 18 лѣтъ старше усыновляемаго. Имѣніе собственныхъ законныхъ или усыновленныхъ дѣтей не считается препятствіемъ для усыновленія своего внѣбрачнаго ребенка. Послѣдній пріобрѣтаетъ право на содержаніе отъ отца до совершеннолѣтія, или до тѣхъ поръ, пока онъ подготовится къ предназначенной ему дѣятельности; въ содержаніи его посильное участіе должна принимать и мать. Наслѣдовать внѣбрачный ребенокъ можетъ только послѣ матери, а не послѣ отца, и притомъ исключительно лишь въ благопріобрѣтенномъ, а не въ родовомъ имуществѣ матери.

Новый гуманный законъ *улучшаетъ* положеніе внѣбрачныхъ дѣтей, но онъ не уравниваетъ ихъ съ дѣтьми рожденными въ бракѣ, онъ не ставитъ на одну доску семьи законную и незаконную, лишь облегчая легализацію послѣдней.

Вотъ этого-то и не слѣдуетъ забывать тѣмъ органамъ нашей печати, которые прозрѣваютъ въ новомъ законѣ наступленіе какой-то эры разрушенія законной семьи. Такая эра наступила бы только тогда, еслибы Правительство вняло требованіямъ нашихъ религіозныхъ декадентовъ объ „облегченіи разводовъ". („Москов. Вѣдом.").

3.

Многоуважаемый В. В.

Мнѣ очень хочется написать вамъ хоть нѣсколько словъ сочувствія и благодарности по поводу вашихъ статей о семейныхъ дѣлахъ и стоящаго, предполагаю, въ связи съ этими статьями новаго закона о внѣбрачныхъ дѣтяхъ. Въ эту пору года мнѣ, по занимаемой мною должности инспектора училища, приходится ежегодно имѣть дѣло съ бумагами нѣсколькихъ десятковъ мальчиковъ, желающихъ поступить въ училище. Среди нихъ всегда попадаются и внѣбрачныя дѣти, и первые-же шаги ихъ въ училищѣ бывали

бургѣ [illegible] *общей суммы*, рождающихся; 2) и „снизойдя" согласиться: что „цѣль *родство* все же между родителями и не законными дѣтьми *есть*; 3) до 1880 г., когда были особыя причины тяготиться „недовольными" незаконно-рожденные были поставлены, „въ интересахъ охраненія нравовъ", *вовсе внѣ закона*, и ихъ, какъ безвѣстно кѣмъ потерянную вещь, какъ бѣглаго каторжника въ Сибирской тайгѣ, какъ отсталую отъ хозяина собаку — буквально опасно было „пристанодержательствовать", надо было отъ нихъ „отдѣлаться", явно оставалось и нужно было *убить* ихъ. Цѣпочки на крестикахъ отъ этого ни у каго не качались. *В. Р—въ.*

довольно мучительны и для меня, и для нихъ. Надо было заносить ихъ въ списки подъ фамиліей по имени крестнаго отца, а многія изъ нихъ привыкли чувствовать себя дѣтьми своихъ родителей, своей матери по крайней мѣрѣ, и непризнаніе за ними материнской фамиліи [1]) ихъ поражало чрезвычайно и больно. Положимъ, по просьбамъ матерей, многихъ вписили въ списки и подъ фамиліей матери,—но вѣдь все равно въ аттестатѣ, выдаваемомъ при окончаніи курса, необходимо было писать ту фамилію, которая соотвѣтствовала требованію закона, вѣдь иначе и аттестатъ становился сомнительнымъ и не дающимъ никакихъ правъ. Теперь это мучительное неудобство устраняется, одна изъ безчисленныхъ жестокостей жизни смягчена. Конечно, этотъ человѣколюбивый законъ васъ весьма радуетъ, какъ нѣкоторая побѣда, большая побѣда. Позвольте же и мнѣ поздравить васъ съ этою, и пожелать много новыхъ, столь-же прекрасныхъ побѣдъ.

Искренно уважающій васъ *Оедоръ Т—ковъ.*

Милостивый Государь, В. В.!

Встрѣчаются произведенія какъ въ литературѣ такъ и въ музыкѣ, прочитавъ или прослушавъ которыя остаешься въ невольномъ недоумѣніи: что хотѣлъ выразить авторъ въ своемъ произведеніи? Причиной этому—ихъ неоконченность и необработанность, дающія вмѣсто художественнаго наслажденія лишь одинъ вопросительный знакъ. Нѣчто подобное приходится наблюдать и въ рѣшеніи вопроса о внѣбрачныхъ дѣтяхъ или байструкахъ, въ посильномъ освѣщеніи котораго Вы сами принимаете такое горячее участіе.

Новый законъ очень мало улучшилъ положеніе этихъ дѣтей, потому что одно предоставлять и тутъ же въ другомъ ограничивать, и вообще останавливаться только исключительно на правахъ дѣтей, не улучшая въ то же время положенія самихъ родителей, это, сознаюсь, похоже на хожденіе вокругъ да около главнаго предмета, веденіе такъ сказать рѣчи о ледникахъ на лунѣ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ ни воздуха, ни водяныхъ паровъ. Очевидно слѣдовало бы начинать рѣчь съ причины образованія ледниковъ—съ воды, а потомъ уже говорить объ осадкахъ, т. е. главнымъ образомъ *объ образователяхъ семьи*, а не *о дѣтяхъ*, насильно теперь отдѣляемыхъ отъ этой семьи и тѣмъ лишаемыхъ естественной законной почвы.

Чего, казалось бы, проще допустить, что разъ у молодой пары появился ребенокъ, то взять да и *вписать его мужемъ и женой*.

---

[1]) Просто, ч...ть знаетъ что̀ дѣлалось. И всѣ *терпѣли*! Подлинно—„бѣглый въ тайгѣ", который и сказать не смѣетъ: „*я—такой-то*". *В. Р—въ.*

какъ самыхъ естественныхъ родителей этого ребенка, обязанныхъ уже въ силу самаго факта рожденія заботиться о воспитаніи своего дитяти. Введите только это простое и вполнѣ нормальное условіе въ жизнь и всякія хитросплетенія о правахъ какихъ-то случайныхъ дѣтей исчезнутъ сами собою, такъ какъ положеніе законныхъ дѣтей извѣстно, а эти тоже будутъ самыя наизаконнѣйшія.

Женщина прекрасна и дорога только съ ребенкомъ на рукахъ, такъ дайте же ей возможность не прятаться съ этимъ ребенкомъ, точно преступницѣ предъ Богомъ и людьми, а напротивъ—открыто заявить предъ обществомъ и самой церковью, что она выполнила свое предназначеніе сдѣлаться матерью и тѣмъ пріобрѣла неотъемленное право имѣть мужа, отца этого ребенка, съ которымъ она готова образовать новую прочную и здоровую семью.

Для этого не нужно и ломки подлежащаго закона, а вполнѣ достаточно ввести лишь такое условіе:

„Молодые люди (свободные разумѣется), состоящіе во внѣбрачномъ сожительствѣ, *признаются супругами* (или состоящими въ законномъ бракѣ) *съ возникновеніемъ перваго метрическаго свидѣтельства о рожденіи у нихъ ребенка*".

И только!

И не было бы больше несчастныхъ дѣвицъ-матерей, ни еще болѣе несчастныхъ байструковъ, а главное—не было бы убійствъ малютокъ, этихъ по истинѣ искупительныхъ жертвъ человѣческаго недомыслія.

Узаконивая подобный союзъ простымъ актомъ рожденія перваго ребенка, церковь только благословила бы и, такъ сказать, упрочивала бы болѣе цѣнный союзъ Божій,—союзъ несомнѣнной любви сроднившихся душъ, налагая на нихъ этимъ и священныя обязанности родителей по воспитанію ребенка.

Развѣ это было бы хуже, чѣмъ теперешнее отрицаніе такихъ союзовъ и обреченіе поэтому на вѣчный позоръ и слезы какъ самой матери-дѣвушки, такъ и ея потомства?

Добро бы этимъ достигалась хотя бы общественная нравственность,—а то вѣдь и того нѣтъ!

— Просто несоблюденіе установленной формы.

И въ жертву формѣ приносятся наивысшія стремленія человѣка, его счастье, честь и имя!

Кто скажетъ, что перечувствуетъ, какъ изстрадается бѣдная дѣвушка, доходящая до рѣшимости поднять свои слабыя трепетныя руки на своего первенца и быть можетъ не обидѣвшая никогда и мухи?

Первая самая чистая и безкорыстная любовь и тутъ-же клеймо преступницы съ вѣчнымъ позоромъ и угрызеніями совѣсти [1])! Это

[1]) Поразительно все это, всѣ эти указанія въ послѣднихъ шести строкахъ: просто ч...ть знаетъ что дѣлается. Какая-то „черная месса" въ

способно сломить и искалѣчить и не такія хрупкія созданія, какъ молодыя дѣвушки,

А между тѣмъ съ какимъ сладостнымъ ожиданіемъ, съ какой радостью тѣ же дѣвушки могли бы привѣтствовать появленіе въ свѣтъ своего перваго ребенка.

Вѣдь этотъ первенецъ дастъ ей мужа!

Она будетъ имѣть неопозореннаго ребенка, потому что она уже законная жена отца этого дитяти, который съ этого момента становится такимъ же семьяниномъ, какъ и стоявшій подъ вѣнцомъ.

И вмѣсто позора, слезъ и проклятій—здоровая и счастливая семья!

Но, къ сожалѣнію, человѣчество не любитъ жить по законамъ, прямо указываемымъ природою, а предпочитаетъ искажать ихъ различными условностями и формами собственнаго изобрѣтенія и пристегивать къ нимъ даже такую непокорную силу, какъ любовь.

Для спасенія ни въ чемъ неповиннаго ребенка законъ, наконецъ, рѣшается дать ему отца (отыскиваніе отца!), но никакъ не

зерцѣ цивилизаціи, и—открыто, на площади, при дикомъ гоготаніи толпы Для „охраненія нравственности“ отпускается, „не запрямъченнымъ“ по требованію закона, застегивающійся самецъ (есть и *прекрасные* юноши-родители, но тѣ отъ дитяти своего и матери его *не отходятъ*, и за это законъ и ихъ *въ тужe муку*, какъ мать). Остается одинокая, покинутая дѣвушка, передъ рогами устремленныхъ на нее: 1) готовящаго въ удовольствіи общества, 2) застегнутыхъ въ форменные фраки юристовъ, 3) одѣтыхъ въ кроткіе епитрахили священниковъ. И вотъ ея беременность, девять мѣсяцевъ: уже на пятомъ торгается ножками младенецъ въ утробѣ матери. Проклясть его? „Рога“ говорятъ: „онъ уже проклятъ отъ всѣхъ, прокляни и ты, *тогда останешься наша*“. Груди милой дѣвушки къ девятому мѣсяцу наполняются молокомъ: готовитъ природа и наконецъ (да! да!) *святая* Venus Genitrix кормъ дитяти. Какъ все устроено! какая мудрость!! святость!!! Но физіологіи—какъ холмикъ, а общество какъ гора передъ нимъ. И вотъ гора готова обвалиться и задавить холмикъ. Холмикъ трепещетъ: родилась малютка,—и „никогда не задавившая мухи“ 18-лѣтняя дѣвушка душитъ своего первенца. „*Все* разверзающее ложесна—Мое, говоритъ Господь“ („Исходъ“, Второзаконіе“). Нѣтъ—разрушенъ Ветхій Завѣтъ—вотъ гдѣ *узелъ* вопроса. Богъ отогнанъ отъ дѣтей, дѣти отогнаны отъ Бога -вотъ корень всего. Распаялось кольцо обрѣзанія, символъ вѣчный, *символъ реальный Завѣта Вѣчнаго и Единственнаго*. вовсе не „ветхаго“. ничуть не „обвѣтшавшаго“, а ежедневно нужнаго, практически необходимаго. „Введите меня въ Завѣтъ Вѣчный! Куда вы меня изъ него вывели“—вотъ восклицаніе дѣвушки, восклицаніе на концѣ всѣхъ этихъ фактовъ. „Я имѣю ребенка отъ *обрѣзаннаго* (genitalii): не смѣйте возставать противъ *него*—вы черезъ это отступаете отъ *Бога*“! „И ребенокъ у меня родился, ибо я не имѣла силы противиться обрѣзанному; и самое *обрѣзаніе дано, сюда положена печать Завѣта* –дабы не было fallus'y сопротивленія, дабы заклясть затворъ передъ рожденіемъ. И когда ворота передъ нимъ хотятъ захлопнуться—дабы петли задерживали ихъ, створки не поворачивались: и все раскрывалось, что fallus'y должно быть открыто“. *В. Р—ва.*

рѣшается дать его матери—мужа, потому что это противорѣчитъ другому закону—таинству брака.

— Не соблюдена формальность!

И обществу приходится признавать одно—отца, но отвергать другое—мужа.

Признавать за человѣкомъ право родить и „содержать", но лишать права воспитывать и назвать свою семью законною.

— О, времена, о, нравы!

Вникая въ эти глубоко укоренившіяся удивительныя противорѣчія, просто диву даешься, до чего человѣчество остается закоснѣлымъ и неподвижнымъ въ вопросахъ даже самыхъ незначительныхъ реформъ, предпочитая упрямо исполнять и отстаивать обычаи и завѣты хотя бы и до очевидности отжившей старины—наперекоръ стихіямъ и здравому разсудку.

Эхъ, если бы сила да право,—взмахнулъ бы перомъ да и разрубилъ бы разъ навсегда этотъ пережитокъ дореформенныхъ временъ, чѣмъ, безъ сомнѣнія, осушилъ бы не одну тысячу заплаканныхъ прекрасныхъ глазъ!

Глубоко Васъ уважающій *Ксенофонтъ Лозинскій.*

LXIV. Письмо въ редакцію.

М. г. Не откажите черезъ посредство настоящаго письма ознакомить множество заинтересованныхъ лицъ съ распоряженіемъ, для нихъ важнымъ и имѣющимъ до нѣкоторой степени законодательное значеніе. Мною только-что получено письмо отъ священника А. П. Устьинскаго, принимавшаго на страницахъ „Нов. Вр." участіе въ обсужденіи и косвенно въ выработкѣ формы метрической записи внѣбрачныхъ дѣтей, слѣдующаго содержанія:

„Благіе результаты споровъ о незаконнорожденности съ каждымъ днемъ сказываются. Такъ, по разъясненію редакціи Сѵнодальныхъ „Церковныхъ Вѣдомостей". № 31, стр. 1071, подъ рубрикой *Отвѣтъ священнику П. В—му*, новаго закона о незаконнорожденныхъ,—священники впредь должны записывать внѣбрачныхъ дѣтей въ метрики *отнюдь не прибавляя къ имени ребенка означенія его незаконнорожденнымъ* (курс. А. П. У—скаго). Итакъ, не тщетны были Ваши старанія снять съ невинныхъ этотъ позорящій терминъ. Преданный вамъ протоіерей *А. Устьинскій*, 7-го августа 1902 года".

Запросъ священника П. В—го въ редакцію „Церковныхъ Вѣдомостей" безъ сомнѣнія вытекъ изъ недоумѣнія его, какъ впредь писать такихъ дѣтей: и несомнѣнно въ такомъ же недоумѣніи находится и еще множество и другихъ священниковъ. Разъясненіе оффиціальнаго органа нашего духовнаго вѣдомства, получаемаго во всѣхъ благочиніяхъ и можетъ быть во всѣхъ приходахъ Импе-

ріи, предупредитъ ошибки и колебанія священниковъ при метрическихъ записяхъ. Я же позволю себѣ спросить и напомнить, что чѣмъ несчастнѣе такія дѣти, родившіяся въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ этого года, тѣхъ другихъ подобныхъ же дѣтей, которыя рождаются начиная съ 30-го іюня, дня опубликованія новаго благодѣтельнаго закона: да и потомъ, можетъ быть многіе уже священники раньше разъясненія „Церковныхъ Вѣдомостей"—въ теченіе всего іюля мѣсяца—записывали, вслѣдствіе семинарія и не знанія, дѣтей по прежней формѣ, которая навсегда для нихъ останется пятномъ. Какъ извѣстно, прописъ этого слова въ документѣ удерживаетъ стыдящихся матерей отдавать подрастающихъ внѣбрачныхъ дѣтей своихъ въ училища и принуждаетъ ихъ обходиться домашними средствами ученія и воспитанія, очень мало надежными. Въ виду того, что законодательное благорасположеніе къ этимъ дѣтямъ такъ явно теперь выразилось, позволяю себѣ напомнить и, насколько позволительно публицисту, попросить, дабы въ единственномъ этомъ, но вполнѣ основательномъ случаѣ, изданный законъ возымѣлъ „силу обратнаго дѣйствія", т.-е. чтобы ранѣе рожденныя такія дѣти получили право обратиться куда слѣдуетъ съ просьбою о выдачѣ имъ взамѣнъ прежнихъ другихъ метрикъ, безъ прописи „незаконнорожденный", т. е. чтобы они сравнялись вполнѣ съ дѣтьми, рождающимися послѣ 30-го іюня. Это никого не обидитъ, никому вреда не принесетъ, а счастья и успокоенія прибавитъ много. *В. Розановъ.*

LXV. Кто не обрадовался новому закону.

На-дняхъ мы не безъ удивленія привели сообщеніе одной провинціальной газеты о томъ, что терминъ „незаконнорожденный" до сихъ поръ продолжаетъ употребляться провинціальными духовными консисторіями, да еще подчеркивается.

Оказывается, это еще не такъ удивительно. По поводу нашей замѣтки одинъ изъ столичныхъ священниковъ пишетъ намъ, что новый законъ не дошелъ не только до медвѣжьихъ угловъ, *но онъ не извѣстенъ и въ столицѣ.*

„Ни въ одномъ изъ духовныхъ официальныхъ органовъ, пишетъ онъ намъ, —о новомъ законѣ нѣтъ никакого упоминанія, а безъ опубликованія его въ официальномъ органѣ Св. Синода духовенство его не знаетъ, *да и не будетъ знать,—и этой клички не измѣнитъ.* Я лично не пишу „незаконнорожденный", но не ручаюсь, что за это не придется отвѣчать передъ духовнымъ начальствомъ. А рядомъ, священники сосѣднихъ церквей, пишутъ „незаконнорожденный"...

Какъ медленно проводится даже вполнѣ ясно выраженный опредѣленный законъ въ жизнь. Скептицизмъ лицъ, которымъ

приходится проводить этотъ законъ въ жизнь, положительно не знаетъ предѣловъ. „Мы не читали новаго закона, пишетъ нашъ авторъ, и не знаемъ его, но сомнѣваемся, есть ли тамъ что-нибудь гласящее объ уничтоженіи слова *незаконнорожденный*. Оно быть можетъ тамъ не употребляется и вмѣсто него стоитъ слово „внѣбрачный", но это еще не говоритъ объ уничтоженіи ранѣе существовавшаго слова"...

Авторъ письма совершенно забываетъ, что никто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона. Онъ впрочемъ и не отговаривается. Онъ знаетъ о немъ изъ газетъ, но газетамъ не вѣритъ.

„Свѣтской печати,—говоритъ онъ,—мы не имѣемъ права вѣрить". Ну, а духовной? Духовной, оказывается, тоже нѣтъ. Отвѣтъ редакціи „Церковн. Вѣд." одному изъ сомнѣвавшихся, по его мнѣнію, не болѣе не менѣе, какъ „частное мнѣніе" официальнаго органа. Словомъ, священники ждутъ „циркулярнаго предложенія". Казалось бы въ такихъ случаяхъ естественнѣе всего было спросить; особенно удобно это сдѣлать столичному духовенству, которое въ Синодѣ могло бы получить самыя авторитетныя указанія. Изъ того однако, что одни изъ священниковъ „боятся" и продолжаютъ писать „незаконнорожденный", а другіе еще съ большимъ страхомъ, все время опасаясь отвѣтственности, изгоняютъ это слово,—видно, что самый простой, на нашъ взглядъ, способъ, почему-либо не простъ и трудно осуществимъ. Необходимъ слѣдовательно общій авторитетный циркуляръ, который бы положилъ конецъ недоразумѣнію тягостному какъ для священниковъ, такъ особенно для бѣдныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей, которыя остаются внѣ закона 29-го іюня 1902 г. („Нов. Вр." 25 сентября 1902 г.).

Послѣдніе фрагменты о бракѣ.

Введеніе дѣтей въ семью.

Правила объ улучшеніи положенія внѣ брака рожденныхъ дѣтей, недавно опубликованныя, обнимаютъ огромное число рождающихся. Въ Россіи по даннымъ переписи 1897 года на каждыя сто рожденій приходится внѣбрачныхъ: въ городахъ 11, въ селахъ и деревняхъ немного менѣе 2-хъ. Въ Петербургѣ изъ 1,000 женщинъ, разрѣшающихся въ данный годъ первымъ ребенкомъ, 437 рождаютъ внѣ брака, и эта послѣдняя цифра остается неизмѣняющеюся въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Вообще цифра „незаконныхъ" рожденій представляетъ чрезвычайную устойчивость, чуть-чуть колеблясь въ зависимости отъ улучшенія или ухудшенія экономическаго положенія страны. Бѣдность затрудняетъ заключеніе законныхъ браковъ, достатокъ облегчаетъ; но вообще всякая мѣстность съ большимъ подвижнымъ, приходящимъ на заработки населеніемъ и съ постоемъ войскъ, даетъ большой процентъ незаконныхъ рожденій. Повидимому, *число* вообще *рожденій представляетъ абсолютную процентную величину въ отношеніи къ численности населенія*. Извѣстно, что послѣ войнъ, уносящихъ особенно много мужскихъ жизней, начинаетъ рождаться особенно много мальчиковъ, чѣмъ возстановляется въ странѣ равенство мужской и женской половины населенія. Къ подобнымъ же неизслѣдимымъ причинамъ неодолимаго дѣйствія относится по всему вѣроятію и рожденіе, — изъ котораго если законъ зачерпнетъ въ себя болѣе, то останется менѣе ихъ „внѣ закона", а если законъ менѣе зачерпнетъ, то „внѣ закона" останется болѣе, *безъ всякой перемѣны собственно въ абсолютной общей величинѣ*. Такъ, у евреевъ въ Петербургѣ рождается незаконными 0,6 проц., у магометанъ—0,3 проц., у католиковъ—13 проц., у протестантовъ—9 проц. Допущеніе четвертаго брака и отсутствіе затрудненій въ разводѣ уменьшаетъ, какъ видно изъ этихъ данныхъ, процентъ незаконнорожденности.

Можно думать, что наши воспитательные дома, благородная инициатива которыхъ принадлежитъ сподвижнику Екатерины II И. И. Бецкому (незаконный сынъ *Трубецкого*, получившій только окончаніе фамиліи своего отца), уже окончили свою историческую службу, и фактъ незаконнорожденности будетъ урегулированъ иначе и лучше, нежели черезъ пріемъ на государственное вскормленіе и отчасти воспитаніе едва-ли не всѣхъ въ Имперіи незаконнорожденныхъ дѣтей. Если принять во вниманіе, что воспитательные дома выдаютъ небольшую плату незаконнородившимъ матерямъ, отдавшимъ сюда дѣтей своихъ, если они приходятъ сами первые мѣсяцы кормить ихъ; если далѣе обратить вниманіе, что въ настоящее время строится колонія-пріютъ для такихъ матерей, дающая имъ полное содержаніе на фермѣ во время беременности и послѣ родовъ, то законодательное отдѣленіе ребенка отъ матери, въ виду этой заботливости о такихъ дѣтяхъ и такихъ матеряхъ самого же закона и законодательствующей администраціи, представится очевиднымъ архаизмомъ, дѣланіемъ одною рукою того, что другая рука раздѣлываетъ. Очевидно, законодательствующая мысль вполнѣ дозрѣла до сознанія, что раздѣлять ребенка и матерь такъ же не слѣдуетъ, если рожденіе произошло внѣ закона, какъ и тогда, когда оно произошло въ законѣ; и что напротивъ обоюдность и соединеніе ихъ оберегаетъ здоровье и жизнь ребенка, а мать во всякомъ случаѣ предохранитъ болѣе всего другого отъ легкомысленнаго поведенія. Незаконно родившая дѣвушка, сдавшая куда-нибудь ребенка своего на воспитаніе, чаще всего затѣмъ и попадаетъ въ реестръ сперва дѣвушекъ окончательно дурного поведенія, а наконецъ и проститутокъ. Ибо она не имѣетъ якоря нравственнаго воздержанія, чистоты своего дома или комнатки — какъ только изъ нея вынесена колыбель ребенка. Труды кормленія и воспитанія суть самое вѣрное средство обезараженія духовной атмосферы около такой неудачливой дѣвушки, и очень вѣроятно, что огромный ихъ процентъ послѣ перваго ребенка и не имѣлъ бы вовсе потомъ дѣтей, найдя достаточную цѣль жизни въ одномъ. Новыя правила о незаконныхъ дѣтяхъ, все значеніе которыхъ сейчасъ трудно даже обнять мыслью, и устраняютъ въ самомъ законѣ лежавшее раздѣленіе ребенка и матери, вносятъ новорожденнаго подъ кровъ его собственной матери, юридически устанавливаютъ между ними связь, очищаютъ, соскребаютъ нечистоту отъ ребенка и вводятъ его въ семью, какъ признаннаго члена. Съ передачею ему фамиліи матери и нормальнаго наслѣдованія ей въ ея личной, не родовой собственности. „Правила“ узаконяютъ ребенка, и самый терминъ „незаконнорожденный“ отнынѣ становится совершенно призрачнымъ. Потому что если ребенокъ родился въ формахъ, установленныхъ для его рожденія, то никакой строжайшій юристъ уже не назоветъ его

„незаконнымъ", т.-е. какъ бы „въ противорѣчіи съ закономъ" родившимся, или „безъ закона" родившимся. Поэтому самый терминъ этотъ вѣроятно скоро исчезнетъ, и особенно исчезнетъ въ разговорномъ языкѣ общества. Дѣти эти перестанутъ быть „не знаемо" чьими, и главная мука родителей, прежде происходившая во время отдачи ихъ въ учебныя заведенія, теперь не имѣетъ болѣе для себя основаній. Мы впрочемъ не нашли въ „Правилахъ" одного добавленія или „примѣчанія": это чтобы матерямъ такихъ дѣтей не писали болѣе въ паспортѣ „дѣвица". Отдача въ учебное заведеніе своего ребенка дѣвицею и становилась всегда на порогѣ желанія воспитывать такихъ дѣтей нормально въ общегражданскихъ заведеніяхъ. Государству никакой нѣтъ выгоды или интереса, чтобы въ паспортѣ матери стояло „дѣвица". И маленькое административное распоряженіе, чтобы при рожденіи ребенка перемѣнялся матери ея паспортъ, съ прописью въ немъ имени, отечества и фамиліи, безъ обозначенія „замужняя" или „дѣвица", съ припискою: „при ней дѣти такія-то" (одни имена, конечно безъ прибавленія слова „незаконнорожденные"), успокоитъ чрезвычайно много тревогъ. Нужно замѣтить, вся эта область чрезвычайно наболѣла. Общество и населеніе уже до того привыкли мучить такихъ матерей, что законъ, неизмѣримо возвышшійся возрѣніемъ своимъ надъ уровнемъ грубыхъ и распространенныхъ возрѣній, спасетъ взятыхъ имъ подъ свою защиту отъ всякихъ маленькихъ человѣческихъ неудобствъ, всю муку которыхъ не въ силахъ оцѣнить посторонніи и знаютъ подлинно только эти матери. Законъ сдвинулъ скалу. Остается ее полировать. Мы убѣждены, что реформы касательно дѣтей и женщинъ у русскихъ станутъ однимъ изъ лучшихъ со временемъ украшеній нашего законодательства.

Говоря о „полировкѣ" скалы, мы говоримъ не о пустомъ. Нужно закону повести за собою общество: нужно, чтобы законъ привился въ населеніи и началъ спасительно, въ отношеніи женщинъ и дѣтей, дѣйствовать. Только тогда населеніе воспитательныхъ домовъ разрѣдится и наконецъ исчезнетъ, а притоны, какъ Скубличекой, будутъ воспоминаніемъ прошлаго безъ возможности въ настоящемъ. Вотъ почему къ ранѣ „незаконнаго рожденія", которую вѣка разъѣдала наемѣшка, придется еще годы прикладывать вату, лечить ее осторожно, пока она совсѣмъ не закроется. Ужасная эта рана выкидывала изъ себя въ одну сторону дѣтоубійство, въ другую- проституцію. Дѣвушки гибли сами и губили дѣтей, не въ силахъ будучи бороться съ осужденіемъ. Чашка воды, брошенная на землю, только расплещется, но брошенная на раскаленную плиту — она брызнетъ парами и кипяткомъ. Такимъ образомъ незамѣтное для закона и для общества осужденіе, по степени возбужденности въ этой точкѣ совѣсти, будетъ спо-

собно производить все еще прежнее ужасное и роковое дѣйствіе, гибель юныхъ существъ.

Дѣти офицеровъ и солдатъ.

Всѣ помнятъ, что Санчо-Панчо, остроумный и вѣрный оруженосецъ Донъ-Кихота, на нѣкоторое время былъ сдѣланъ губернаторомъ острова, и что въ краткіе дни воображаемой власти онъ проектировалъ многія мѣры улучшенія. Между ними не было распоряженія, но могло-бы быть, чтобы и имущество вѣноподданныхъ не спускалось ниже милліона: „а у кого меньше окажется, у того конфисковать то, что есть". На такой необыкновенно благожелательный законъ капля въ каплю походитъ семейное право цѣлой Европы, сводящееся къ допущенію единственной и наилучшей формы брачныхъ отношеній: „союзъ единаго съ единою на всю жизнь, счастливый". Я прибавилъ-бы къ этому пожеланію только еще слѣдующее: „чтобы до старости брачущіеся, вставая отъ ложа, находили передъ утреннимъ самоваромъ пшеничный свѣжій хлѣбъ съ надписью: *поздравляемъ*". Но какъ въ поздравленіи этомъ, такъ и въ благожелательномъ законѣ, есть одинъ почти незамѣтный недостатокъ: онъ не указываетъ, какимъ-же образомъ вступить въ такой бракъ: 1) кому это запрещено закономъ-же, 2) кому это нельзя по тысячѣ частныхъ могущественныхъ причинъ.

Между тѣмъ, въ порывѣ благодѣяній, законъ не допускалъ ни компромиссовъ, ни *дробей счастья*. Онъ сурово обрекалъ „на сломъ" всякую семью, которая не походила полнотою формъ на идилію Авраама и Сары. Ничего *половинчатаго*, ничего *неполнаго*, ничего *временнаго* въ отношеніяхъ мужчины и женщины онъ не допускалъ. Кромѣ, впрочемъ, голаго нуля—проституціи. „Или милліонъ, или нищенская сума". Проституція и кафе-шантанное загрязненіе улицъ явились отвѣтомъ на это. Правила о дѣтяхъ, внѣ церковнаго брака рожденныхъ, которыя имущественно и фамильно усваиваются матери и образуютъ материнскую семью, важны не гуманною своею стороною, или не одною ею, а тѣмъ, что вносятъ порядокъ и законъ туда, гдѣ ранѣе не было ни порядка, ни закона (иначе какъ отрицательнаго). Они устанавливаютъ и санкціонируютъ семейное состояніе „ниже милліона цѣною", которое на вѣсахъ государства и общества составляетъ положительное богатство. Правилъ этихъ собственно давно и вопіюще требовало распоряженіе, отодвинувшее бракъ офицеровъ до поздняго возраста и запретившее солдатамъ вступать въ бракъ ранѣе отбыванія воинской повинности. Государство могло запретить бракъ воинамъ; но запретить семью женщинамъ, которыя, спасая этихъ воиновъ отъ грязи и болѣзней проституціи, имѣли и имѣютъ отъ

ихъ дѣтей, этого не только не можетъ и не въ правѣ государство, но оно всячески должно-бы облегчать ихъ положеніе. Военному министерству нуженъ воинъ подвижный, готовый каждую минуту сняться съ мѣста, не привязанный, не прикрѣпленный ни къ чему, кромѣ службы. Но въ „дѣвственности" этихъ воиновъ начальство не заинтересовано, да и не предполагаетъ ея. Государству предстояло громко о нихъ произнести: „пусть эти довольствуются проституціей; въ случаѣ-же къ ней отвращенія, пусть пользуются слабостью дѣвушекъ". Государство, однако, упиралось; и хотя очевидно, что ничего третьяго произвести тутъ нельзя, оно не начало своихъ законовъ подобнымъ указаніемъ. Но что-же получилось? Черезъ это государство перелагало всю невыносимую тяжесть со своихъ могучихъ и безличныхъ плечъ на слабыя и личныя, отвѣчающія плечи частныхъ людей, именно женщинъ. Государство молчало, а частный человѣкъ долженъ былъ выбирать. Государству трудно было вытворить слово. А каково-же крестьянкѣ, мѣщанкѣ, чиновницѣ, дворянкѣ (мы знаемъ такихъ, имѣющихъ дѣтей именно отъ военныхъ) было сдѣлать то, о чемъ стыдно сказать въ законѣ слово? Можно сказать, государство слишкомъ себя берегло и слишкомъ не берегло частныхъ людей. Его genitalia было сохранено, законы были чисты какъ весталка; но лицо частныхъ людей именно въ мѣру этого замарывалось самымъ невозможнымъ образомъ,—замарывалось тѣмъ обременительнѣе, чѣмъ полнѣе было молчаніе закона о всякихъ случаяхъ семьи, кромѣ единственной допущенной: „полнаго церковнаго брака, единаго на всю жизнь". И вотъ рождались и рождаются дѣти отъ солдатъ, отъ офицеровъ, и выбрасывались кто куда, въ помойную яму или въ Воспитательный домъ, не только безъ вины своей, но и безъ всякой рѣшительно вины родителей, которымъ некуда дѣваться.

Дѣти умирали въ сущности отъ того, что законъ самъ ихъ стыдился. „Ну, стыдятся меня тогда я умру". Пусть застыдится мужъ своей жены (законной)— она удавится; то же мужъ, если жена будетъ стыдиться его какъ мужа. Человѣческая деликатность, это благородное и нѣжное качество, не выноситъ, когда человѣка человѣкъ стыдится, и деликатный человѣкъ предпочитаетъ умереть, нежели стыдить ближняго своимъ существованіемъ. Но незаконнаго ребенка; и его родителей всѣ стыдились. Какъ-же имъ было не умереть?! А если принять во вниманіе, что они родились „внѣ закона" ради службы отечеству своихъ отцовъ, которое эти отцы любятъ, которое они защищаютъ, умрутъ за него если не завтра, то послѣ-завтра, то какъ опредѣлить и выразить ужасъ того, что дѣти такихъ служилыхъ людей кто съ камнемъ на шеѣ въ воду, кто въ Воспитательный домъ? Законъ о материнствѣ дастъ этому выходъ. Онъ обнимаетъ вовсе не одни

случаи „соблазненныхъ дѣвицъ“, а главнымъ образомъ утаиваемыя связи, во главѣ всего офицеровъ и солдатъ, а затѣмъ и другихъ дробей населенія въ аналогичномъ или близкомъ положеніи. Передача дѣтямъ фамиліи матери и наслѣдства послѣ нея разламываетъ своды катакомбъ брака (давно пора произнести это слово) и выводитъ на воздухъ и свѣтъ задыхавшихся тамъ людей, -задыхавшихся отцовъ, матерей и дѣтей.

Позволимъ себѣ маленькое историческое напоминаніе. Въ сферѣ семьи всегда надо искать прецедентовъ, для покоя и такъ сказать счастья совѣсти. Въ библейскія времена (см. „Мишна“, отдѣлъ „Жены“) было установлено, что, становясь женою, невѣста иногда давала жениху запись, что не только не будетъ отъ него требовать содержанія, одежды и прокормленія, но сама будетъ трудомъ своимъ кормить его. Это относилось къ молодымъ людямъ, „идеалистамъ“, всецѣло преданнымъ изученію Писанія. У насъ это перекинуто на воиновъ. Юридическіе крючки семьи зацѣпливаются за плечи матери, когда отцу почему-либо юридически, а не физіологически семья невозможна.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, разъ съ новыми правилами рожденіе дѣтей такихъ входитъ „въ законъ“, урегулировано „закономъ“, они, конечно, становятся „законными“. Собственно неясный и невѣрный терминъ „незаконныя дѣти“ проистекалъ отъ того, что вовсе никакого не было закона о ихъ рожденіи. Дѣти предполагались рождающимися единственно при наличности полныхъ обстоятельствъ церковнаго брака; внѣ его никакихъ дѣтей вовсе не предполагалось, хотя государство хорошо знало, что они есть (Воспитательные дома). Рожденіе ихъ входило въ такую-же хронику случайностей, какъ уличный дебошъ, разбитыя стекла въ трактирѣ или кража со взломомъ. Итакъ, это было „внѣ закона“. Это собственно болѣе полицейскій терминъ, нежели юридическій. Теперь не сохраняется никакихъ болѣе причинъ для его удержанія, ибо всѣ такъ рождаемыя суть „рождающіяся по правиламъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта“.

Къ читателю.

Вопросъ о супружествѣ, о дѣтяхъ, семьѣ—конечно не только не конченъ здѣсь, но онъ едва продвинулся на вершокъ въ темахъ *незаконнорожденности* и *развода*), когда ему предстоитъ пройти еще версты: и, во-первыхъ—пройти *теоретически*, а во-вторыхъ *законодательно*. Прощаясь съ добрымъ читателемъ, я хотѣлъ-бы найти въ немъ *друга* своимъ мыслямъ, изложеннымъ въ этихъ томахъ, изложеннымъ робко, первоначально, какъ бываютъ неувѣренны шаги дитяти, пріучающагося ходить. Но едва кладя перо *редактора* этихъ томовъ, я беру его какъ *писатель*, чтобы продолжать вопросъ, особенно неизмѣримый въ своей теоретической части, на страницахъ повременной печати. Открытіе журнала „Новый путь", обѣщавшаго мнѣ значительный просторъ для темъ о семьѣ, дозволяетъ надѣяться, что я доведу тамъ вопросъ до требуемой закругленности: но это—уже матерьялъ для третьяго и послѣдующихъ томовъ „Семейнаго вопроса въ Россіи". Боткинъ нѣкогда издавалъ „Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней". Мои „Семенные вопросъ въ Россіи", въ мечтаемыхъ размѣрахъ и границахъ, есть именно начало подобнаго-же обширнаго, сложнаго и разнообразнаго изданія: какъ бы созданіе новой отрасли философскихъ исканій и практической озабоченности. Я вѣрю, что кто *любитъ*—въ концѣ концовъ *побѣждаетъ*, и кто *заботится*—опять-же въ концѣ концовъ *побѣждаетъ*. Мнѣ выпало на долю, или можетъ быть указано было Богомъ, сказать такъ *пространно* и такъ *молчаливо* о всѣхъ сторонахъ супружества (см. книги: „Религія и культура", въ ея второй половинѣ, и особенно: „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго"), что самая *любовь* моя и *пристальность* къ темѣ внушаютъ надежду, что если при жизни я былъ черноработникъ этой темы, можетъ быть загробно возьму скипетръ въ ней. Въ концѣ концовъ я даю *серію* рѣшеній вопроса, выраженныхъ въ *условной* формѣ: „возьмешь *это*—получишь *это*". „возьмешь *другое*—найдешь *третье*". И уже по обширному арсеналу заготовленныхъ рѣшеній въ настоящемъ какъ бы „Архивѣ семенныхъ болѣстей русскаго народа",—всякій, даже и законодатель, раньше чѣмъ подумать вновь о семьѣ и какой-нибудь ея детали, поищетъ, не заготовлено-ли уже чего-нибудь объ этой детали въ „Сем. вопр. въ Россіи". Итакъ, до будущихъ надеждъ, до будущихъ успѣховъ, читатель: не смѣю сказать, по зрѣлости возраста, до слѣдующихъ томовъ... *В. Р.*

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Дѣти Солнца... какъ они были прекрасны!..

Я уже поставилъ „finis“ къ книгѣ въ „Письмѣ къ читателю“, когда новое сильное впечатлѣніе какъ бы дало еще послѣдній, заключительный и болѣзненный, аккордъ изложеннымъ здѣсь мыслямъ о семьѣ. Аккордъ этотъ—поразительный разсказъ профессора московской духовной академіи, по каѳедрѣ каноническаго права, П. А. Заозерскаго, о томъ, „какъ онъ гулялъ разъ вечеромъ по Москвѣ“, при „хорошей погодѣ“, и что онъ увидѣлъ, и „какъ почувствовалъ въ своемъ добромъ сердцѣ“. Разсказъ помѣщенъ въ статьѣ знаменательнаго смысла: „*На чемъ основывается церковная юрисдикція въ брачныхъ дѣлахъ*“, полемическом въ отношеніи приведеннымъ у насъ статьямъ (см. выше) изъ „Церковнаго Вѣстника“. Въ ней онъ высокомѣрно спрашиваетъ: „неужели наступаетъ время передать разводъ свѣтскимъ судамъ и черезъ это пошатывать 1.000-лѣтнюю теорію и практику, по которой разводъ всегда находится въ рукахъ духовенства“. Разсказъ помѣщенъ въ концѣ майскаго (за май мѣс.) отдѣла статьи, печатавшейся за 1902 г. въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, органѣ Моск. Дух. академіи:

„Года два—три тому назадъ мнѣ случилось быть на Московскомъ Калитниковскомъ кладбищѣ. Въ сопровожденіи одного изъ священниковъ кладбищенской церкви я долго ходилъ по этому кладбищу, разсматривалъ его разнообразные могильные памятники. Это было въ срединѣ мая; погода стояла чудная, подлинно майская; пріятнаго настроенія, ею навѣянnаго, не въ силахъ было одолѣть и это поле костей человѣческихъ (т. е. „не кладбище одолѣло пріятность прогулки, но прогулка одолѣла грусть кладбища“, пишетъ, вѣроятно уже покушавшій, и послѣ обѣда прогуливавшійся профессоръ. В. Р.), итакъ: „не въ силахъ было преодолѣть поле костей человѣческихъ, покоющихся подъ зеленѣющимися холмиками могилъ съ водруженными на нихъ крестами, изящными памятниками, иногда утопавшими въ цвѣтахъ и вѣнкахъ. Мирялись

покоемъ покоятся эти кости не только въ уютныхъ, но иногда комфортабельныхъ уголкахъ. Эти уголки навѣщаются признательными родичами; здѣсь льются ихъ слезы печали, признательности, благодарности, здѣсь возносятся, съ кадильнымъ дымомъ священника, пламенныя молитвы къ небу о дарованіи новой блаженной жизни мирно покоющимся въ этихъ уютныхъ и комфортабельныхъ уголкахъ (NB: что-то есть завистливое въ повторяемомъ словѣ: „комфортабельныхъ", и можетъ быть мы доскажемъ мысль автора указаніемъ, что „какъ взлито было муро драгоцѣнное на ноги Спасителя, такъ и это убранство не полезнѣе-ли было бы употребить на отдѣлку казенныхъ квартиръ преподавателей Моск. дух. академіи", хоть того-же сироты. Заозерскаго? В. Р.) Прочь уныніе, прочь безнадежность! Эти умершіе—здѣсь временные поселенцы-дачники, отправившіе сюда, въ свои дачи (каково?! это о кладбищѣ! В. Р.), въ сопровожденіи милыхъ сердцу родныхъ и друзей, ими благословляемые и взаимно получившіе предсмертное благословеніе усопшихъ. Но вотъ я и спутникъ мой подошли къ краю огромнаго кладбища: по ту сторону кладбищенской межи открылась чудная панорама окраинъ Москвы, по внутри, по эту сторону межи, предъ нами рядъ холмовъ, изъ которыхъ два—три недавно насыпанные. „Что это за холмы", спросилъ я священника.—„Это могилы младенцевъ изъ Воспитательнаго дома",- отвѣчалъ онъ.

— Сколько-же ихъ тутъ, подъ каждымъ холмомъ?

- Много, но не знаю сколько—отвѣчалъ онъ. Обыкновенно намъ *присылаютъ отъ времени до времени нѣсколько плотно закупоренныхъ ящиковъ съ трупиками и мы, не раскупоривая, опускаемъ и хоронимъ ихъ въ общей могилѣ.*

— Но какъ же вы опускаете, не зная, что̀ въ этихъ закупоренныхъ ящикахъ?

— Намъ каждый разъ присылается именной препроводительный списокъ этихъ младенцевъ: по этому списку мы и опѣваемъ (NB, замѣчательно, что оба торопливо спрашиваютъ и отвѣчаютъ, „какже при этомъ нашъ церковный обрядъ"? В. Р.).

„Эта грустная повѣсть священника навѣяла на насъ обоихъ тяжелое настроеніе и мы поспѣшили оставить кладбище.

„Съ тѣхъ поръ къ видѣннымъ мною холмамъ вѣроятно присоединились новые. Конечно, они, какъ и прежніе, скрываютъ подъ собою трупы младенцевъ—плоды незаконныхъ связей лицъ, въ числѣ которыхъ, безъ сомнѣнія, были и есть осужденные § 253 устава Духовной Консисторіи на всегдашнее безбрачіе, или же только устрашенные этимъ закономъ и, не имѣя дара воздержанія (да что̀ имъ, къ каучуковымъ трубкамъ, что-ли, прибѣгнетъ консисторія прибѣгать? В. Р.), сохраняя фиктивное законное супружество, вступали въ кратковременныя преступныя связи, и препоручали Воспитательному дому надъ плодами этихъ связей солидать холмы Калитниковскаго кладбища.

„Пусть же эти холмы послужатъ вещественными доказательствами непригодности кары, состоящей въ осужденіи на всегдашнее безбрачіе лицъ, виновныхъ въ оскорбленіи святости брака прелюбодѣяніемъ, не имѣющихъ, по выраженію архіепископа Ѳеофана, дара воздержанія.

„Проектированная нами въ настоящихъ статьяхъ замѣна такой кары епитиміею и покаяніемъ имѣетъ въ виду не ослабленіе силы евангельскаго закона: *женящійся на прелюбодѣицѣ—прелюбодѣиваетъ*, а только смягченіе наказанія за нарушеніе его, съ цѣлью сдѣлать иго Христово удобоносимымъ и пріостановить увеличеніе могилъ безвинныхъ мучениковъ—младенцевъ" (стр. 85—86, майская книжка „Богослов. Вѣстн.").

Мнѣ кажется, лѣтописи Тацита вздрогнулись-бы отъ такой страницы: извергнули бы ихъ, какъ невозможныя и для языче-

ства. Поразительно, что пѣвецъ поетъ здѣсь про „загородную прогулку свою" съ такими деталями описанія, явно любуясь и на способность свою къ эстетическимъ эмоціямъ, и на доброту свою, что вотъ онъ, профессоръ канонического права, „подвигнулся въ сердцѣ" и, видите-ли, „разрѣшилъ" или проводитъ мысль о „возможности разрѣшать" вступать въ бракъ родителямъ этихъ дѣтей, и въ послѣднемъ случаѣ конечно оставить ихъ у груди своей, а не относить въ Воспитательный Домъ. И вотъ, прочтя эту „добродѣтельную" страницу, взволнованный, я открылъ Достоевскаго и его знаменитый (однако, *вед*-ли и знаютъ его?) „Сонъ смѣшного чѣловѣка", который тоже цитирую... Ибо описанный здѣсь „полетъ на новую землю", къ инымъ богамъ и людямъ, къ иному Солнцу, такъ неотстранимо стучится въ душу послѣ чтенія и Заозерскаго, да пожалуй и послѣ всѣхъ реплик и споровъ этого двухъ-томнаго изданія. Господь съ ними, съ Дернового, и съ Заозерскимъ. Ни возродить *нас*, ни возрождаться съ ними *самому*—невозможно. Да и не хочется. Не нужно. „Новое! новое! новаго, новаго!!"- вотъ крикъ сердца, неудержимый. Неужели мы станемъ „реформировать Кормчую"! Боже, да вѣдь *откуда*-же она? есть *ея корни*. Вѣрно *погасла* наша земля, умерла *планета* наша! И тогда конечно—къ новому, къ новому!

...„Это было въ мрачный, самый мрачный вечеръ, какой только можетъ быть. Дождь лилъ весь день и это былъ самый холодный и мрачный дождь, какой-то даже грозный дождь, я это помню, съ явной враждебностью къ людямъ; но въ одиннадцатомъ часу онъ пересталъ, и началась страшная сырость, сырѣе и холодѣе, чѣмъ когда дождь шелъ, и отъ всего шелъ какой-то паръ, отъ каждаго камня на улицѣ и изъ каждаго переулка, если заглянуть въ него въ самую глубь, по дальше, съ улицы. Мнѣ вдругъ представилось, что если-бъ потухъ вездѣ газъ, то стало-бы отраднѣе, а съ газомъ грустнѣе сердцу, потому что онъ все это освѣщаетъ...

„Я поднялся въ мой пятый этажъ. Комната у меня бѣдная и маленькая, а окно чердачное, полукруглое. У меня клеенчатый диванъ, столъ, на которомъ книги, два стула и покойное кресло, старое—престарое, но зато вольтеровское. Я сѣлъ, зажегъ свѣчку и сталъ думать. Рядомъ, въ другой комнатѣ, за перегородкой, продолжался содомъ... Я сижу всю ночь, и, право, не слышу сосѣдей: до того о нихъ забываю. Я вѣдь каждую ночь не сплю до самого разсвѣта и вотъ уже этакъ годъ. Я просиживаю всю ночь у стола въ креслахъ и ничего не дѣлаю. Книги читаю я только днемъ. Сижу и даже не думаю, а такъ, какіе-то мысли бродятъ, а я ихъ пускаю на волю. Свѣчка сгораетъ въ ночь вся. Я сѣлъ у стола тихо, вынулъ револьверъ, положилъ передъ собою. Когда я его положилъ, то, помню, спросилъ себя: „такъ-ли"? и совер-

тенно утвердительно отвѣтилъ себѣ: „такъ“. То-есть застрѣлюсь. Я зналъ, что ужъ въ эту ночь застрѣлюсь навѣрно, но сколько еще просижу до тѣхъ поръ за столомъ этого не зналъ...

...„Вопросы, у меня мелькавшіе, были теперь праздные и лишніе, такъ какъ револьверъ лежалъ уже передо мною, и я всѣмъ существомъ моимъ зналъ, что *это* будетъ навѣрно: но мысли горячили меня и я обѣспился. Я какъ-бы уже не могъ умереть теперь, чего-то не разрѣшивъ предварительно. Словомъ—вопросами я отдалилъ выстрѣлъ. Между тѣмъ за перегородкой стало все утихать: сосѣди кончили въ карты, и устраивались спать, а пока ворчали и лѣниво доругивались. Вотъ тутъ-то и вдругъ и заснулъ, чего никогда со мной не случалось прежде, за столомъ въ креслахъ. Я заснулъ совершенно мнѣ непримѣтно. Сны, какъ извѣстно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется съ ужасающею ясностью, а черезъ другое перескакиваешь, какъ бы не замѣчая вовсе, напр., черезъ пространство и время. Сны, кажется, стремитъ не желаніе, не голова, а сердце... И вотъ, мнѣ приснился тогда этотъ сонъ, мой сонъ 3-го ноября. Всѣ дразнятъ меня сейчасъ тѣмъ, что вѣдь это былъ только сонъ. Но неужели не все равно, сонъ или нѣтъ, если сонъ этотъ возвѣстилъ мнѣ Истину? Ну, и пусть сонъ, и пусть; но эту жизнь, которую всѣ такъ превозносятъ, я хотѣлъ погасить самоубійствомъ, а сонъ мой, сонъ мой о, онъ возвѣстилъ мнѣ новую, великую, обновленную, сильную жизнь!

„Слушайте.

„Я сказалъ, что заснулъ незамѣтно, и какъ бы даже продолжая разсуждать о тѣхъ-же матеріяхъ. Вдругъ приснилось мнѣ, что я беру револьверъ, и, сидя, наставляю его прямо въ сердце, въ сердце, а не въ голову. Наставивъ въ грудь, я подождалъ секунду или двѣ, и свѣчка моя, столъ и стѣна передо мною вдругъ задвигались и заколыхались. Я поскорѣе выстрѣлилъ.

„Боли я не почувствовалъ, но мнѣ представилось, что съ выстрѣломъ моимъ все во мнѣ сотряслось и все вдругъ потухло и стало кругомъ меня ужасно черно. Я какъ будто ослѣпъ и оглохъ. И вотъ я лежу на чемъ-то твердомъ, протянутый, навзничь, ничего не вижу и не могу сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Кругомъ ходятъ и кричатъ, бранитъ капитанъ, визжитъ хозяйка, и вдругъ опять перерывъ, и вотъ уже меня несутъ въ закрытомъ гробѣ. И я чувствую, какъ колыхается гробъ, и разсуждаю объ этомъ, и вдругъ меня въ первый разъ поражаетъ идея, что вѣдь я умеръ, совсѣмъ умеръ, знаю это и не сомнѣваюсь, не вижу и не двигаюсь, а между тѣмъ чувствую и разсуждаю. Но я скоро мирюсь съ этимъ, и по обыкновенію, какъ во снѣ, принимаю дѣйствительность безъ спору. И вотъ меня зарываютъ въ землю. Всѣ уходятъ, и одинъ, совершенно одинъ. Я не движусь. Всегда.

когда я прежде на яву представлялъ себѣ, какъ меня похоронятъ въ могилѣ, то собственно съ могилой соединялъ лишь одно ощущеніе- сырости и холода. Такъ и теперь я почувствовалъ, что мнѣ очень холодно, особенно концамъ пальцевъ на ногахъ, но больше ничего не почувствовалъ.

„Я лежалъ и, странно ничего не ждалъ, безъ спору принимая, что мертвому ждать нечего. Но было сыро. Не знаю, сколько прошло времени, -часъ или нѣсколько дней, или много дней. Но вотъ вдругъ, на лѣвый закрытый глазъ мой упала просочившаяся черезъ крышку гроба капля воды, за ней черезъ минуту другая, затѣмъ черезъ минуту третья, и такъ далѣе и такъ далѣе, все черезъ минуту. Глубокое негодованіе загорѣлось вдругъ въ сердцѣ моемъ, и вдругъ я почувствовалъ въ немъ физическую боль. „Это рана моя", подумалъ я, „это выстрѣлъ, тамъ пуля". А капля все капала, каждую минуту, и прямо на закрытый мой глазъ. И я вдругъ воззвалъ, не голосомъ, ибо былъ недвижимъ, но всѣмъ существомъ моимъ къ Властителю всего того, что совершалось со мною:

„Кто бы Ты ни былъ, но если Ты есть, и если существуетъ что нибудь разумнѣе того, что теперь совершается, то дозволь ему быть и здѣсь. Если же Ты метишь мнѣ за неразумное самоубійство мое—безобразіемъ и нелѣпостью дальнѣйшаго бытія, то знай, что никогда и никакому мученію, какое бы ни постигло меня, не сравниться съ тѣмъ презрѣніемъ, которое я буду молча ощущать хотя бы въ продолженіи милліоновъ лѣтъ мученичества!"

„Я воззвалъ и смолкъ. Цѣлую почти минуту продолжалось глубокое молчаніе, и даже еще одна капля упала; но я зналъ, я безпредѣльно и непарушимо зналъ и вѣрилъ, что непремѣнно сейчасъ все измѣнится. И вотъ вдругъ развернлась могила моя. То есть я не знаю, была-ли она раскрыта и раскопана, но я былъ взятъ какимъ-то темнымъ и неизвѣстнымъ мнѣ существомъ и мы очутились въ пространствѣ. Я вдругъ прозрѣлъ. Была глубокая ночь и никогда, никогда еще не было такой темноты! Мы неслись въ пространствѣ уже далеко отъ земли. Я не спрашивалъ того, который несъ меня, ни о чемъ, я ждалъ и былъ гордъ. Я увѣрялъ себя, что не боюсь, и замиралъ отъ восхищенія при мысли, что не боюсь. Я не помню, сколько времени мы неслись и не могу представить: совершалось всѣ такъ, какъ всегда во снѣ, когда перескакиваешь черезъ пространство и время и черезъ законы бытія и разсудка, и останавливаешься лишь на точкахъ, о которыхъ грезитъ сердце. Я помню, что вдругъ увидалъ въ темнотѣ одну звѣздочку. „Это Сиріусъ?"—спросилъ я, вдругъ не удержавшись, ибо я не хотѣлъ ни о чемъ спрашивать. -„Нѣтъ, это та самая звѣзда, которую ты видѣлъ

между облаками, возвращаясь домой",—отвѣчало мнѣ существо, уносившее меня. Я зналъ, что оно имѣло какъ бы ликъ человѣческій [1]). Странное дѣло, я не любилъ это существо, даже чувствовалъ глубокое отвращеніе [2]). Я ждалъ совершеннаго небытія и съ тѣмъ выстрѣлилъ себѣ въ сердце. И вотъ я въ рукахъ существа, конечно не человѣческаго, но которое *есть*, существуетъ: „А, стало быть, есть и за гробомъ жизнь"! —подумалъ я съ страннымъ легкомысліемъ сна, но сущность сердца моего оставалась со мною во всей глубинѣ: „И если надо *быть* снова"—подумалъ я, „и жить опять по чьей-то неустранимой волѣ, то не хочу, чтобъ меня побѣдили и унизили"! -„Ты знаешь, что я боюсь тебя и за то презираешь меня",—сказалъ я вдругъ моему спутнику, не удержавшись отъ унизительнаго вопроса, въ которомъ заключалось признаніе, и ощутивъ, какъ уголь булавки, въ сердцѣ моемъ униженіе мое. Онъ не отвѣтилъ на вопросъ мой, но я вдругъ почувствовалъ, что меня не презираютъ, и надо мной не смѣются, и даже не сожалѣютъ меня [3]), и что путь нашъ имѣетъ цѣль неизвѣстную и таинственную, и касающуюся одного меня. Страхъ нарасталъ въ моемъ сердцѣ. Что-то нѣмо, но съ мученіемъ сообщалось мнѣ [4]) отъ моего молчащаго спутника и какъ бы пронизало меня. Мы неслись въ темныхъ и неизвѣдомыхъ пространствахъ. Я давно уже переталъ видѣть знакомыя глазу созвѣздія. Я зналъ, что есть такія звѣзды въ небесныхъ пространствахъ, отъ которыхъ лучи доходятъ на землю лишь въ тысячи лѣтъ. Можетъ быть, мы уже пролетали эти пространства. Я ждалъ чего-то въ страшной измучившей мое сердце тоскѣ. И вдругъ какое-то знакомое и въ высшей степени зовущее чувство потрясло меня: я увидѣлъ вдругъ наше солнце! Я зналъ, что это не могло быть наше солнце, породившее *нашу* землю, и что мы отъ нашего солнца на безконечномъ разстояніи, но я узналъ по-

[1]) Достоевскій въ этомъ мѣстѣ текста ничего не вспоминалъ; но замѣчательно, что въ самой *терминологіи* совпалъ съ *Апокалипсисомъ* и *Іезекіилемъ*: „оно имѣло какъ бы ликъ человѣческій" (поразительно, что не просто „человѣческій") сказано тамъ объ одномъ изъ четырехъ животныхъ передъ Престоломъ Божіимъ, оно-же есть и херувимъ. *В. Р—въ.*

[2]) Здѣшнее, *земное* отношеніе, чувство земныхъ феноменальныхъ существъ, какимъ остается еще самоубійца съ пережиткомъ прежнихъ идей, къ существамъ вовсе иного міра, къ ноуменамъ. При взглядѣ, при близости ихъ - содрогаешься: „не люблю! даже *чувствую отвращеніе*" *В. Р—въ.*

[3]) Категорія отношеній „того свѣта" (—ноумена) къ намъ; „надо", а не „хорошо". *В. Р—въ.*

[4]) Проницаніе „иными мірами" начинается, „иные міры" войдутъ въ насъ по подобію какъ теплота входитъ въ холодное тѣло, или какъ сладкое волненіе -въ равнодушное: только острѣе и кристалличнѣе (не столь аморфно). Мы ихъ сперва почувствуемъ себѣ, какъ дорогое, но *за стѣною оставленное*. Потомъ стѣна—отодвинется „и все откроется новымъ, но предчувствованнымъ". *В. Р—въ.*

Фиг. 6.

чему-то, всѣмъ существомъ моимъ, что это совершенно такое же солнце, какъ и наше, повтореніе его и двойникъ его. Сладкое зовущее чувство зазвучало восторгомъ въ душѣ моей: родная сила свѣта, того же, который родилъ меня, отозвалась въ моемъ сердцѣ и воскресила его, и я ощутилъ жизнь, прежнюю жизнь, въ первый разъ послѣ моей могилы.

— „Но если это солнце, если это совершенно такое же солнце, какъ наше, вскричалъ я, то гдѣ же земля“? И мой спутникъ указалъ мнѣ на звѣздочку, сверкавшую въ темнотѣ изумрудным блескомъ. Мы неслись прямо къ ней.—„И неужели возможны такія повторенія во вселенной, неужели таковъ природный законъ? И если это тамъ земля, то неужели она такая же земля, какъ и наша... совершенно такая же, несчастная, бѣдная, но дорогая и вѣчно любимая, и такую же мучительную любовь рождающая къ себѣ въ самыхъ неблагодарныхъ даже дѣтяхъ своихъ, какъ и наша?“.. вскрикивалъ я, сотрясаясь отъ неудержимой, восторженной любви къ моей родной прежней землѣ, которую я покинулъ. Образъ бѣдной дѣвочки, которую я обидѣлъ, промелькнулъ передо мною.—„Увидишь все“, отвѣтилъ мой спутникъ, и какая-то печаль послышалась въ его словѣ. Но мы быстро приближались къ планетѣ. Она росла въ глазахъ моихъ, я уже различалъ океанъ, очертанія Европы,—и вдругъ страшное чувство какой-то великой, святой ревности возгорѣлось въ сердцѣ моемъ: „какъ можетъ быть подобное повтореніе и для чего? Я люблю, я могу любить лишь ту землю, которую я оставилъ, на которой остались брызги крови моей, когда я, неблагодарный, выстрѣломъ въ сердце мое погасилъ мою жизнь. Но никогда, никогда не переставалъ я любить ту землю, и даже въ ту ночь, разставаясь съ ней, я, можетъ быть, любилъ ее мучительнѣе, чѣмъ когда либо. Есть-ли мученіе на этой новой землѣ? На нашей землѣ

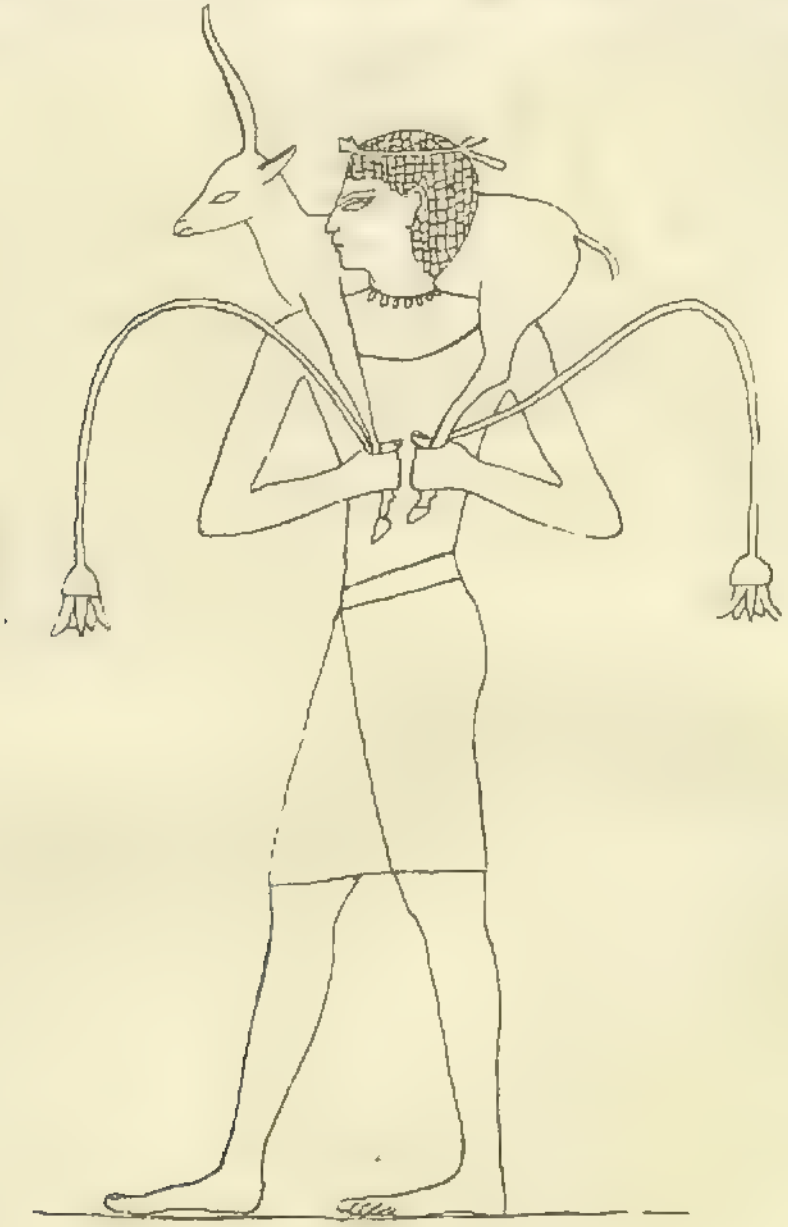
мы истинно можемъ любить лишь съ мученіемъ и только черезъ мученіе! Мы иначе не умѣемъ любить и не знаемъ иной любви. Я хочу мученія, чтобы любить. Я хочу, я жажду, въ сію минуту, цаловать, обливаясь слезами, лишь одну ту землю, которую я оставилъ, и не хочу, не принимаю жизни ни на какой иной!"

„Но спутникъ мой уже оставилъ меня. Я вдругъ, совѣмъ какъ бы для меня незамѣтно, сталъ на этой другой землѣ въ яркомъ свѣтѣ солнечнаго, прелестнаго какъ рай дня. Я стоялъ, кажется, на одномъ изъ тѣхъ острововъ, которые составляютъ на нашей землѣ Греческій Архипелагъ, или гдѣ-нибудь на прибрежьи материка, прилегающаго къ этому Архипелагу. О, все было точно такъ же, какъ у насъ, но, казалось, всюду сіяло какимъ-то праздникомъ и великимъ, святымъ и достигнутымъ, наконецъ, торжествомъ. Ласковое, изумрудное море тихо плескало о берега [1]) и ло-

---

[1]) Фиг. 6 передаетъ часть стѣнной живописи изъ внутренности въ пирамидѣ *Гизеха*, построенной при четвертой династіи такъ наз. „древняго царства" (около $2^1/_2$ тысячъ лѣтъ до Р. Х.). *Тонъ* египетскихъ рисунковъ вообще до поразительной точности совпадаетъ съ *тономъ* разсказа Достоевскаго, хотя послѣдній кажется ни разу въ своихъ сочиненіяхъ даже не произноситъ слово „Египетъ" и вообще едва-ли что знаетъ о немъ. Рисунокъ—вполнѣ поразителенъ, и ни одного подобнаго мы не находимъ во всемъ уже похолодѣвшемъ, уже только эстетичномъ искусствѣ грековъ. Только на первыхъ страницахъ *Библіи*, въ исторіяхъ Іакова и Іосифа, мы находимъ *въ словѣ* эту-же теплоту. Пастухи, чистые какъ боги (ихніе) простерли каждый правую руку свою надъ спиной животныхъ, - какъ-бы имъ покровительствуя, какъ-бы ихъ благословляя. Въ лѣвой сторонѣ—отдѣльная семья коровъ; теленокъ-бычекъ идетъ такъ, что головой касается чрева матери, ея вымя дотрагивается спины его, а задняя часть его туловища вся помѣщена между ея ногъ: полная связь сына и матери, близость столь наглядно выраженная! Вспомнишь Библейское: „не вари козленка въ молокѣ его матери", что уже непонятно намъ, да и грекамъ было непонятно. Судя по сложенію головы, быкъ-отецъ—тутъ-же, и всѣ трое, около любящихъ человѣковъ, связались въ узелъ взаимнаго вниманія и ощущенія. Но самое удивительное—далѣе. Нигдѣ во всей всемірной живописи я не встрѣтилъ изображенія животнаго, положившаго голову свою, позволю сказать *лицо* свое, на спину и родного и друга, рядомъ стоящаго животнаго; здѣсь-же не одно, но *всѣ* животныя, какъ-бы волнуясь съ лаской головами другъ на друга. Изъ ощущеній зрѣніе есть самое объективное и холодное: мы только *видимъ* предметъ, но не воспринимаемъ его. Усвоеніе объекта совершается черезъ *осязаніе* и *обоняніе*, и эти чувства глубже, позволю сказать священнѣе. Образуется *токъ* между объектомъ и субъектомъ: вотъ почему природу можно слушать, припавъ (осязательно) къ ней ухомъ, а глазомъ ея пульса не схватишь. Здѣсь все, и животныя и люди, соединены осязательно въ одинъ пульсъ. И они чувствуютъ другъ друга съ глубиною, намъ недоступной. Взаимное чувство и пониманіе породило ласку: животныя не боятся человѣка-животнообразнаго, человѣкъ не притѣсняетъ животныхъ человѣкообразныхъ. Все растопилось, потекло въ среднемъ, промежуточномъ человѣкѣ: онъ беретъ вымя козы и пьетъ изъ него, козочка беретъ грудь женщины и кормится отъ нея. Температура человѣчества, точнѣй—планеты 29° по Реомюру; тепло.

бызало ихъ съ любовью, явной, видимой, почти сознательной. Высокія, прекрасныя деревья стояли во всей роскоши своего цвѣта, а безчисленные листочки ихъ, я убѣжденъ въ томъ, при-



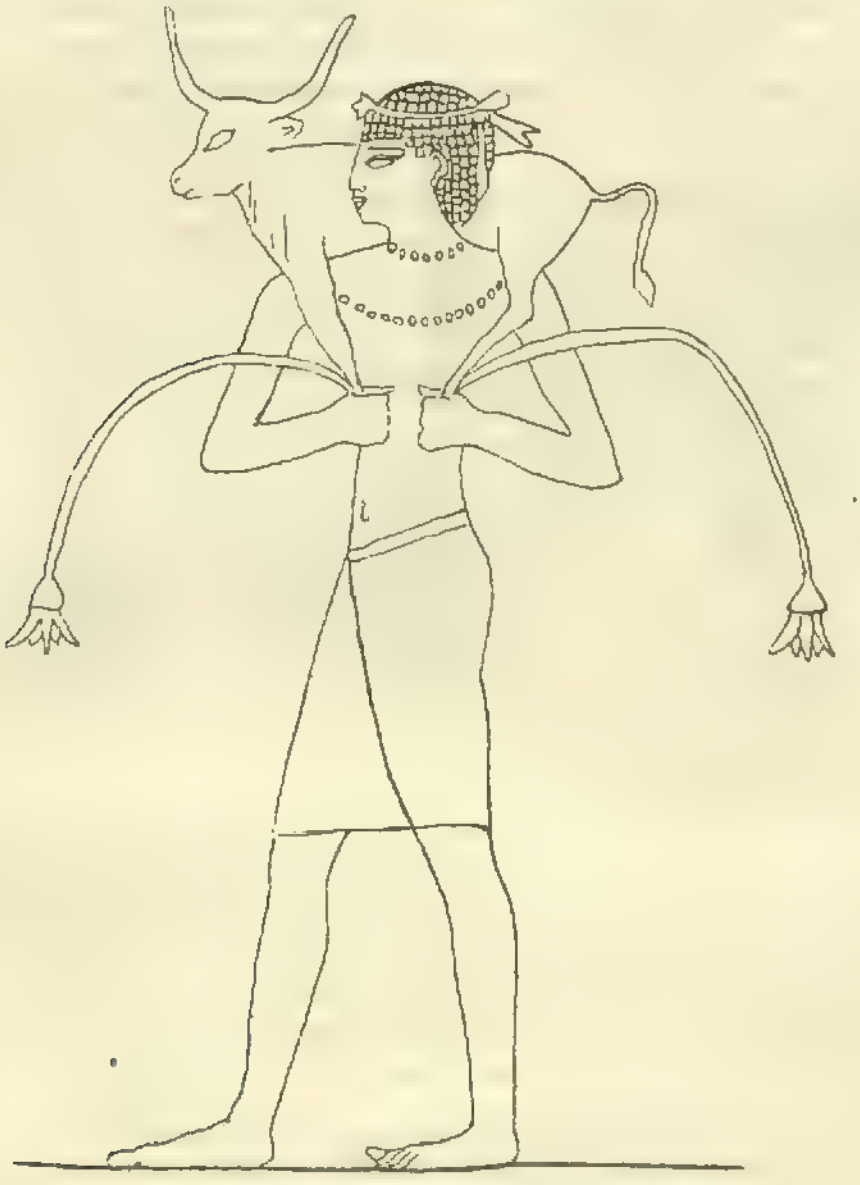
Фиг. 7.

вѣтствовали меня тихимъ, ласковымъ своимъ шумомъ, и какъ бы выговаривали какія-то слова любви. Мурава горѣла яркими аро-

---

почти жарко—всѣ скинули одежды, нѣтъ „кожаныхъ препоясаній". (*Бытіе*, 4). У насъ температура уже 3° тепла: холодно, жмемся: заперлись въ каменныхъ домахъ, надѣли шубы. Для животныхъ устроили бойни, сказываютъ комфортабельныя и гигіеничныя, чтобы „мнѣ не заразиться". Но, сказываетъ также статистика и медицина—зараза все распространяется, болѣзни не знаю откуда берутся. И сколько мы ни пьемъ изъ пузырьковъ „стерилизованной крови" все хирѣемъ и замираемъ

матными цвѣтами. Птички стадами перелетали въ воздухѣ и, не боясь меня, садились мнѣ на плечи и на руки и радостно били меня своими милыми, трепетными крылышками [1]). И, наконецъ, я



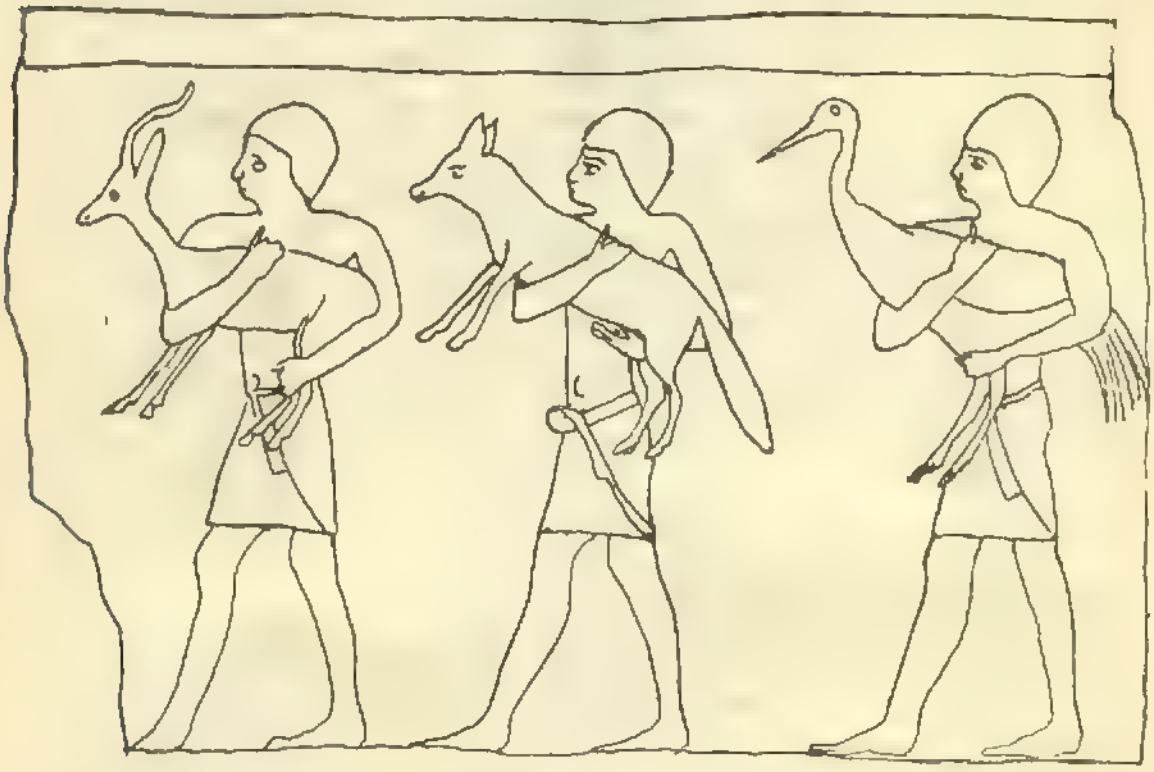
Фиг. 8.

увидѣлъ и узналъ людей счастливой земли этой. Они пришли ко мнѣ сами, они окружили меня, цаловали меня. Дѣти солнца, дѣти

„Холодно, холодно!"—и близко исполненіе глагола: „когда благовѣстіе пронесется до послѣднихъ предѣловъ земли—тогда *охладѣютъ въ людяхъ любовь*". Ибо чѣмъ насыщеннѣе они станутъ словами, „словомъ". *Логосъ* тѣмъ рѣже станутъ *осязательно* припадать ухомъ къ груди животныхъ, пить изъ нихъ міровую теплоту: „колесница Іезекіиля" (въ его видѣніи)—расхлябается, разсыплется. *В. Р—въ.*

[1]) Фигуры 7 и (ниже) 8 заимствованы изъ изданія *Росселлини*: „Памятники древняго Египта". Опять здѣсь—ласка человѣка къ животнымъ.

своего солнца. О, какъ они были прекрасны! Никогда я не видывалъ на нашей землѣ такой красоты въ человѣкѣ. Развѣ лишь въ дѣтяхъ нашихъ, въ самые первые годы ихъ возраста, можно бы было найти отдаленный, хотя и слабый отблескъ красоты этой. Глаза этихъ счастливыхъ людей сверкали яснымъ блескомъ. Лица ихъ сіяли разумомъ и какимъ-то восполнившимся уже до спокой-



Фиг. 9.

ствія сознаніемъ, но лица эти были веселы; въ словахъ и голосахъ этихъ людей звучала дѣтская радость. О, я тотчасъ же, при первомъ взглядѣ на ихъ лица, понялъ все, все! Это была земля

Человѣкъ поднялъ ихъ на рамена свои—и несетъ, какъ мы поступаемъ только съ своими дѣтьми. Человѣкъ почувствовалъ какъ-бы родительство свое въ отношеніи животныхъ („нарекъ имена имъ"—въ *Библіи*), законъ обереганія ихъ, во всякомъ случаѣ—пощады имъ (*охоты* какъ и *войны*—не было: охота какъ и война—„трефа", запрещенное, заклятое). Судя по лѣвой части рисунка на фиг. 6, египтяне изображали теленка-лани безрогимъ: здѣсь въ фиг. 9 взята, судя по развитію рогъ, корова въ полномъ возрастѣ. Такъ какъ коровъ подобнаго вида не знаетъ ни зоологія, ни палеонтологія, то здѣсь въ живописи скорѣй представлена *мечта* человѣка, желаніе его *сердца*: то, что у насъ зовутъ „идеаломъ". Человѣкъ держитъ руку. имѣетъ съ ногой животнаго, и по цвѣтку. „Такъ-бы я понесъ на раменахъ своихъ всю природу: ибо *вся* она родила меня и я *сынъ* ея". И забылъ оговориться выше, что по *разуму* человѣкъ есть какъ-бы *отецъ* животныхъ, попечитель ихъ: а генетически, какъ продуктъ 6-го дня творенія, онъ есть *сынъ* ея: и ему присуще и равно истинно то *уподобляться* къ животнымъ и цвѣтамъ, также—къ звѣздамъ, то *возродительствовать* въ линіи къ первымъ двумъ (= садиться на

не оскверненная грѣхопаденіемъ, на ней жили люди не согрѣшившіе, жили въ такомъ же раю, въ какомъ жили, по преданіямъ всего человѣчества, и наши согрѣшившіе прародители, съ тою только разницей, что вся земля здѣсь была повсюду однимъ и тѣмъ же раемъ. Эти люди, радостно смѣясь, тѣснились ко мнѣ и ласкали меня; они увели меня къ себѣ и всякому изъ нихъ хотѣлось успокоить меня. О, они не разспрашивали меня ни о чемъ, по какъ бы все уже знали, такъ мнѣ казалось, и имъ хотѣлось согнать поскорѣе страданіе съ лица моего.

„Видите-ли что, опять такъ: Ну, пусть это былъ только сонъ! Но ощущеніе любви этихъ невинныхъ и прекрасныхъ людей [1]) осталось во мнѣ навѣки, и я чувствую, что ихъ любовь изливается на меня и теперь оттуда. Я видѣлъ ихъ самъ, ихъ позналъ и убѣдился; я любилъ ихъ, я страдалъ за нихъ потомъ. О, я тотчасъ же понялъ, даже тогда, что во многомъ не пойму ихъ вовсе; мнѣ, какъ современному русскому

Фиг. 10.

тронъ родительства). Ниже, въ фиг. 9, мы видимъ на рукахъ—*лисицу!* животное, въ наши времена не прирученное, не приручимое, совершенно дикое и хищное. Это открываетъ, что дѣйствительно черезъ гармонизацію въ человѣкѣ „левъ еще лежалъ около овцы" въ то время. Правая рука несущаго охватываетъ лисицу полнымъ круговымъ охватомъ, а лѣвая—держитъ брюшко ея, пройдя между лапами—шахтинъ нѣжности и ласки, какъ ее можно высказать въ дѣйствительности или передать въ живописи! Эта девятая фигура также заимствована изъ изданія-атласа *Росселлини. В. Р—въ.*

[1]) Фигура 10 какъ и 11 передаютъ юныхъ египтянъ въ любящемъ

прогрессисту и гнусному петербуржцу, казалось неразрѣшимымъ то, напримѣръ, что они, зная столь много, не имѣютъ нашей науки. Но я скоро понялъ, что знаніе ихъ восполнялось и питалось иными проникновеніями, чѣмъ у насъ на землѣ, и что стремленія ихъ были

Фиг. 11.

тоже совсѣмъ иныя. Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились къ познанію жизни такъ, какъ мы стремимся сознать ее,

---

ласканіи. Разсмотримъ подробности. Въ фиг. 9 женщина или дѣвушка обняла мужа или юношу, очевидно встрѣчаемаго. Лѣвую руку она перебросила черезъ плечо его, правую провела подъ мышками, и встрѣтившись ими—образовала кольцо около него. Ныть еще никакихъ жестовъ ласканія, и они остановились, просто любуясь другъ другомъ. Желая передать лучше невиннаго состоянія людей до грѣхопаденія: на ней вовсе нѣтъ одежды, на немъ поясъ, къ которому прикрѣплена занавѣсь съ изображеніями, о смыслѣ которыхъ можно догадываться. Онъ имѣетъ фигуру треугольника—намъ привычнаго геометрическаго чертежа, изображающаго *любовь* и *рожденіе*, связь *двухъ* линій (сторонъ треугольника) черезъ *одну* (основаніе треугольника), какъ черезъ *одного* ребенка связуется *чета* его родителей. Какъ черезъ семью восходитъ человѣкъ „куда-то туда", къ „звѣздамъ" что-ли, къ „небу" -такъ внутри треугольника изображена лѣствица (см. въ *Бытіи* сонъ Іакова). Внизу прикрѣплены три кисточки: это *цицесы* (кисти на 4-хъ краяхъ, по подолу одежды, у евреевъ) и вѣроятно они были также какъ у евреевъ изъ голубой, *не-*

потому что жизнь ихъ была восполнена. Но знаніе ихъ было глубже и высшее, чѣмъ у нашей науки, ибо наука наша ищетъ объяснить, что такое жизнь, сама стремится сознать ее, чтобы

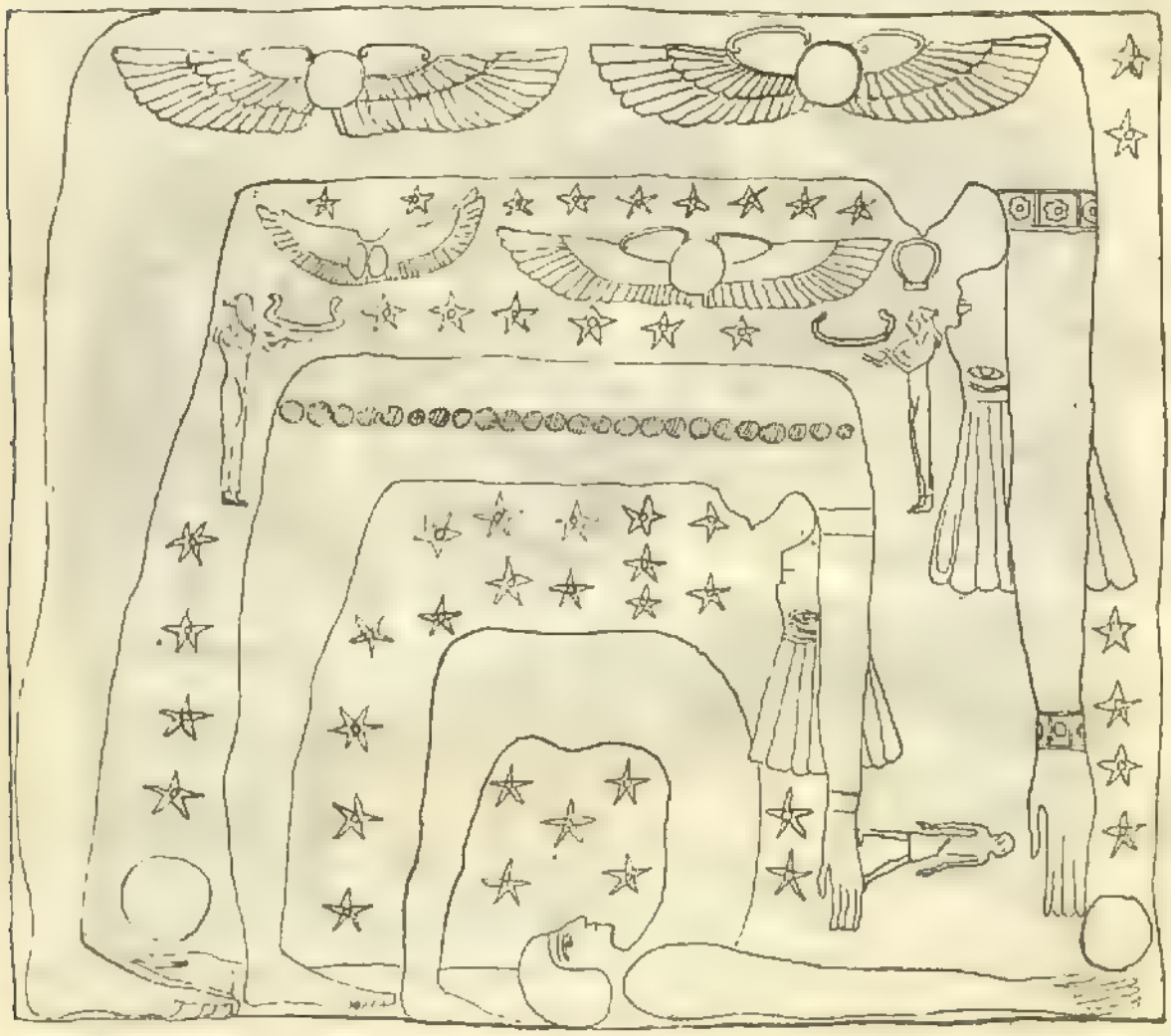
Фиг. 12.

научить другихъ жить: они же и безъ науки знали, какъ имъ жить, и это я понялъ, но я не могъ понять ихъ знанія. Они ука-

---

беснаго цвѣта, шерсти, и изъ зеленой цвѣта растеній. Что значатъ частые въ Египтѣ *приподнятыя головки* змѣевъ—труднѣе сказать. Они разбросаны всюду, иногда кучками, рядами. Вспоминается „мѣдный змій" въ пустынѣ израильтянъ. Но что онъ значитъ—труднѣе сказать: судя по положенію занавѣса, не выражали-ли имъ, просто какъ очеркомъ фигуры, безъ всякаго указанія именно на *змѣя*, находящійся за занавѣсью genitor? -На фиг. 11 при всей некрасивости лицъ, нельзя не обратить вниманія на чрезвычайную нѣжность оборота и ласки ихъ: этотъ жестъ *поддерживанія подбородка* онъ не извѣстенъ вовсе былъ грекамъ! Судя по едва сказывающимся формамъ это мальчикъ и дѣвочка, только что перешедшіе изъ дѣтства въ отрочество. Формы едва выдѣляются—и первой кромкой поднялась заря любви. Эту раннюю ея фазу, какъ-бы первый день рожденной луны—и схватили египтяне въ рисункѣ. *В. Р—въ.*

зывали мнѣ на деревья свои, и я не могъ понять той степени любви, съ которою они смотрѣли на нихъ, точно они *говорили съ себѣ подобными существами* [1]). И знаете, можетъ быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили съ ними! Да, они нашли ихъ



Фиг. 13.

языкъ и я убѣжденъ, что тѣ понимали ихъ. Такъ смотрѣли они и на всю природу,—на животныхъ, которыя жили съ ними мирно, не нападали на нихъ и любили ихъ, побѣжденныя ихъ же лю-

[1]) Фиг. 12 представляетъ мужа и жену: оба держатъ въ рукахъ по цвѣтку; она - вдыхаетъ изъ него запахъ. Отчего мы любимъ запахъ цвѣтовъ—никто не знаетъ; ибо что онъ *пріятенъ* намъ—это механизмъ причинной связи, *орудіе* исполненія факта, смыслъ коего вовсе неизвѣстенъ. Думаю, однако, я, что какъ въ *глазѣ* предустановлены всѣ цвѣта, въ первѣ обоняющемъ заложена сумма *предчувствій* нужныхъ запаховъ: и тѣ, которые тамъ заложены—и *пріятны* намъ, вдыхаются: они—живительны, отъ „древа жизни". Запахъ черезъ канальцы осязательно касается мозга, и родитъ образы, желанія: родитъ именно тѣ, какіе нужны столь явно *думающей* природѣ. Передъ сидящими—дерево: стволъ его раскрылся и изъ него выходитъ человѣческое существо, и протягиваетъ на блюдѣ—

бовью. Они указывали мнѣ на звѣзды и говорили о нихъ со мною о чемъ-то, чего я не могъ понять, но я убѣжденъ, что они какъ бы чѣмъ-то соприкасались съ небесными звѣздами, не мыслью только, а какимъ-то живымъ путемъ [1]). О, эти люди и не добивались, чтобы я понималъ ихъ, они любили меня и безъ того, но за то я зналъ, что и они никогда не поймутъ меня, и потому почти и не говорилъ имъ о нашей землѣ. Я лишь цаловалъ при

Фиг. 14.

нихъ ту землю, на которой они жили, и безъ словъ обожалъ ихъ самихъ, и они видѣли это и давали себя обожать, не стыдясь, что я ихъ обожаю, потому что много любили сами. Они не стра-

фрукты и листья; невозможно человѣкообразнѣе, одушевленнѣе представить отношеніе человѣка къ дереву и наоборотъ. Это — поэзія Гете

Тихія долины
Полны свѣжей мглой...

сказанная за 5000 лѣтъ до Гете. *В. Р—въ.*

[1]) Фиг. 13 и 14 представляютъ живописныя осложненія, *возникнуть* не могшія бы безъ жизненнаго, животнаго, такъ сказать безъ нервнаго и мускульнаго чувства звѣзднаго неба. Свились-ли звѣзды здѣсь *вокругъ человѣка*, какъ-бы опустясь на землю, или „ликъ человѣческій" былъ вознесенъ туда: получилась группа звѣздно-человѣческая, животно-звѣздная. До сихъ поръ ясная ночь волнуетъ кровь юныхъ. Почему? — Никто не знаетъ! Буря должна бы волновать болѣе — но нѣтъ этого! Ясно, что въ *свѣтѣ* звѣздъ есть нѣчто, еще не раскрытое: алфавитъ буквъ, еще никѣмъ не прочитанный. Какъ прилегши ухомъ и щекой къ боку коровы, мы слушаемъ токи всей природы *до человѣка*, такъ смотря въ звѣзды, мы сомнамбулически погружаемся въ общеніе съ природою *послѣ человѣка*. Что это такое — никто не знаетъ, но всѣ чувствуютъ. *В. Р—въ.*

дали за меня, когда я, въ слезахъ, порою цаловалъ ихъ ноги, радостно зная въ сердцѣ своемъ, какою силой любви они мнѣ

Фиг. 15.

отвѣтятъ. Порою я спрашивалъ себя въ удивленіи: какъ могли они, все время, не оскорбить такого, какъ я, и ни разу не

возбудить въ такомъ, какъ я, чувства ревности и зависти? Много разъ я спрашивалъ себя, какъ могъ я, хвастунъ и лжецъ, не говорить имъ о моихъ познаніяхъ, о которыхъ, конечно, они не имѣли понятія, не желалъ удивить ихъ ими, или хотя бы только изъ любви къ нимъ? — Они были рѣзвы и веселы какъ дѣти. Они блуждали по своимъ прекраснымъ рощамъ и лѣсамъ, они пѣли свои прекрасныя пѣсни, они питались легкою пищей, плодами своихъ деревьевъ, медомъ лѣсовъ своихъ, и молокомъ ихъ любившихъ животныхъ. Для пищи и для одежды своей они трудились лишь немного и слегка. У нихъ была любовь и рождались дѣти [1]), но никогда я не замѣчалъ въ нихъ по-

[1]) Фиг. 15 взята со стѣны одного египетскаго храма и воспроизводитъ рисунокъ, находящійся въ „Описаніи экспедиціи ученыхъ, сопровождавшихъ армію Бонапарта при завоеваніи Египта", т. I, табл. 123.— Храмъ всегда есть храмъ: относится *къ Богу*, есть *часть религіи*. „Покажите мнѣ храмы ваши, и я уже пойму, какому вы богу молитесь: прочія разсужденія ваши и объясненія—не нужны". *Зрѣлище* храма, просто — картина его, это и есть религія какъ *фактъ*, а не какъ *идеалъ* („нужно-бы, а нѣтъ") или *преданіе* („намъ завѣщано, но мы не исполняемъ"). Что-же намъ открываетъ эта картина *на стѣнѣ храма?* Да воспроизведеніе „Сна смѣшного человѣка" у Достоевскаго—и только, но этого слишкомъ достаточно. Никогда еще и нигдѣ у другихъ народовъ (между прочимъ и у халдеевъ, очевидно, слишкомъ грубыхъ, мужиковатыхъ) мы не находимъ этой ласки и граціи въ ласкѣ. „Развѣ-развѣ только полусмежонными глазомъ, пробудясь утромъ, увидимъ это у поднявшихся гораздо раньше съ постелекъ дѣтей своихъ, когда они обуваются, умываются и тутъ-же начинаютъ уже игры съ куклами своими" (мысль Достоевскаго о людяхъ новой планеты). У египтянъ былъ какой-то *аристократизмъ* дѣтства, т. е. дѣтство было возведено въ аристократическій авторитетъ, до аристократическаго утонченія и пластики. Вотъ возмите эту фигуру. Какъ много говоритъ палецъ, только одинъ палецъ, при отогнутыхъ назадъ трехъ, которымъ возлюбленный касается подбородка любимой дѣвушки. Ея голова—въ бутонахъ и цвѣтахъ. Возрастъ ея созрѣлъ, „поднялись груди и отрасли уже волосы", какъ говоритъ (гл. 24) у Іезекіиля Богъ о дщери израильской. Оба невинные, обнаженные: знойный *климатъ* Египта не просилъ одежды, и они бы могли явиться лишь по мотиву *стыда*, котораго еще не было. Лѣвою рукою, пройдя плечевой частью *между ея рукою и своей*, онъ держитъ ея лѣвую руку *предъ кистью*: это—покровительство, защита, это—дружба. Она, также коснувшись правою рукою его предплечья лѣвой руки, поддерживаетъ ею около локти правую. Какъ мы могли-бы придумать еще, еще увеличить нѣжность и грацію? Здѣсь она достигла предѣла. Любовь, такъ выразившуюся, не стыдно было внести въ храмъ. А можетъ быть отъ того, что храмъ и предназначенъ былъ у египтянъ для любви, любящаго воркованія, для нѣжности-этихъ волненій души—манеры любви соотвѣтственнымъ образомъ и вытянулись въ пальму, а не начали слаться по землѣ мохомъ. Дивная фата-моргана! —одно дуновеніе, и ты разлетѣлась! Но при полномъ штилѣ исторической атмосферы, до войнъ, до торговли и промышленности, до литературы и *нашей* науки—до вѣческаго смятенія, смущенія, любовь и выростала до стройности молитвы и строгости религіи, однако мягкой, ласкающей, нѣжной. Все выростало какъ у дѣтей, если-бы взрослые отошли отъ нихъ и они остались одни — до конца одни; прошли-бы годы

Фиг. 16.

рлвовъ того *жестокаго* сладострастія, которое постигаетъ почти всѣхъ на нашей землѣ, всѣхъ и всякаго, и служитъ единственнымъ источникомъ почти всѣхъ грѣховъ нашего человѣчества.

игръ, настала иная пора, и игра *безъ нервныхъ психологій* перешла-бы *въ дѣйствительно чудесный и удивляющій* феноменъ любви, которая разыгралась-бы точь въ точь, какъ у египтянъ. Если-бы храмъ воздвигнулся, если-бы идея Бога появилась у дѣтей, то ее они отнесли-бы *къ самому удивляющему и сладкому моменту* -любви; и если-бы, пусть гораздо позже, они построили храмъ, то стѣны его и наполнили-бы живописью, гдѣ передали-бы самыя счастливыя минуты своей жизни. Геній женщинъ осуществилъ-бы „osiris"а, мужской геній—„isis"у: напишемъ съ маленькихъ буквъ, потому что, конечно, это были первоначально нарицательныя имена, позднѣе при полномъ уже непониманіи превратившіяся въ собственныя, въ имена какихъ-то „боговъ", „богинь". Наши все это понятія, пошлыя, поздніе. Было счастье, и благодарность, и ласка: до сихъ поръ (до нашего поздняго времени!) сохранился обычай, помолившись передъ образомъ—потомъ *поцѣловать* его!. Какая связь съ религіей „духа истины"? „Истину" не цѣлуютъ и „духъ" не обнимаютъ. Странный атавизмъ, „рудиментарный органъ" біологовъ, потерявшій назначеніе и употребленіе, а только *оставшійся*. Но въ то время, за тысячелѣтія до эры нашей и были только *поцѣлуи*, и послѣ нихъ—*какъ-бы молитва* къ поцѣлованному: и затѣмъ, въ вѣкахъ, vice-versa, *молитва съ прибавкой* поцѣлуя и, наконецъ, она *одна*. „Сіе творите въ мое воспоминаніе", могъ-бы о ней, содружной съ собою, сказать *поцѣлуй*, когда онъ умеръ, ушелъ въ могилу, засыпался землею Молитва осталась *одна* на землѣ, и нерѣдка-изрѣдка мы присоединяемъ къ ней и странное лобзаніе, такъ мало относящееся къ „духу и истинѣ". Но уже этотъ поцѣлуй „по привычкѣ, по должности". Милые египтяне: они не только носили на рукахъ своихъ животныхъ, какъ дѣти наши — кошекъ: они, я убѣжденъ, и цѣловали ихъ, прижимали къ грудямъ своимъ. Не было еще религіи у нихъ въ тяжеловѣсномъ, долгодумномъ смыслѣ, „по присягѣ и съ отвѣтственностью"; были розовыя облачныя религіи, первыя. „И не разберешь, заря-ли, облако-ли"; „религія"-ли, „любовь"-ли! Какъ для фараоновъ своихъ, они устроили погребальныя катакомбы и для животныхъ: съ сложенными ножками, склоненными головами, также завернутые въ гипсъ и папирусъ, они спятъ въ тысячелѣтнихъ могилахъ. Тысячи народа за избраннымъ животнымъ двигались, въ цвѣтахъ, съ плодами и ароматы, и звуки. „Ты далъ намъ плодородіе на землю, зерно плодовъ нашихъ, начатокъ деревъ нашихъ!" И невозможно себѣ представить, чтобы они ихъ не любовались, когда *вся* ихъ религія была любованіе и вытекала изъ любованія, была влюбленность и вытекала изъ влюбленности. Невозможно представить, чтобы и тысячи глазъ, съ любовью на тельца устремленныхъ, и его не преображали въ достойное любви. Вѣдь носили-же они лисицъ на рукахъ, и вѣрно тѣ лисицы были не злыя. Если доброта вызываетъ отвѣтно доброту (у лисицы), то и любованіе вызываетъ влюбляющій видъ. Молитва создаетъ образъ, а потомъ уже образъ создаетъ молитву: такъ у насъ, и такъ было вѣчно, и въ отношеніи совершенно другихъ предметовъ. Столь пышныя похороны, столь заботливыя, наконецъ дорогія, не могли быть вызваны ничѣмъ, какъ дѣйствительнымъ оплакиваніемъ цѣлаго Египта—своего возлюбленнаго! „Его нѣтъ! Его нѣтъ!"—„Онъ найденъ вновь, утраченный!" о смыслѣ этихъ криковъ записалъ и Геродотъ. Въ нихъ и сущность всего. Ласкаемый „родитель жизни", „отецъ бытія" въ концѣ временъ и въ самомъ дѣлѣ началъ влечь къ ласканію: уже не они его создавали, а онъ ихъ создавалъ! Такимъ образомъ это не была предвзятая процес-

Они радовались являвшимся у нихъ дѣтямъ, какъ новымъ участникамъ въ ихъ блаженствѣ. Между ними не было ссоръ и не

сія, подстроенная, „нарочно“, какъ при охлажденіи чувствъ, въ перидскую и птоломейскую эпоху, стало происходить („сіе творите въ мое воспомиманіе“). Въ „золотомъ снѣ“, за тысячелѣтія ранѣе—процессія сложилась сама изъ неудержимо притягивавшихся сюда волнъ народа, который снѣпилъ къ „мудрому избранцу“ мудрыхъ (ученыхъ и жрецовъ, они-же — юноши и дѣвы, соотвѣтственно юному отливу всей религіи). Природно избирался (опытнымъ взглядомъ, упражнявшимся тысячелѣтія) самый прекрасный, котораго всеобщая любовь доводила до апогеоза красоты: нужно замѣтить, безъ „глубинъ психологіи“ самая любовь въ то время была романтична, но менѣе спиритуалистична, болѣе физіологична (какъ безумно *до нашего времени* любятъ иногда очень некрасивыхъ, прямо наконецъ безобразныхъ женъ ихъ мужья, мужей ихъ жены: существуютъ вспышки страсти, очевидно физіологической, не пластической, до нашего времени, и она бываетъ обыкновенно самая безразсудная, самая неотступная и какая-то вмѣстѣ вѣчная, не проходящая). Такъ называемый „анисъ“, съ суммою maximum'ально выраженной въ немъ физіологичности, и служилъ центромъ притяженія, а вмѣстѣ и центромъ возбужденія физіологической, а однако-же вмѣстѣ и подлинно романтической, женской любви въ странѣ, какъ „изида“-чаша была такимъ-же возбудителемъ и притяженіемъ мужской, отцовской любви. На фиг 16 мы видимъ жертвенникъ, передъ isis-чашей поставленный,—и царственную женщину, ей приносящую цвѣты-же въ жертву. И вся она въ цвѣтахъ,—то въ распустившихся *колокольчиках*, то въ *бутонах*: „я и дѣва, и мать“ какъ будетъ у грековъ ихъ βοωπις (терминъ у Гомера) Гера, супруга и дѣва Зевса-озириса“. И вотъ въ процессіяхъ одну и другого несли въ этихъ цвѣточно-образныхъ лодкахъ, и посмотрите, какой дѣйствительно кроткій и мудрый видъ лица у изиды: скромный и тихій загибъ носа, деликатныя ноздри, молчаливыя губы. Всеобщая любовь возвела ее до граціи, да и предварительный выборъ это обезпечилъ. О юности ея говоритъ вымя, почти совершенно человѣческое (тутъ—выборъ). Вѣдь и мы напр. домашнихъ *собакъ* не всѣхъ равно любимъ: въ нихъ есть *индивидуальность*, и къ ней-то мы и привязываемся. А поискать-бы въ цѣлой странѣ, да опытнымъ египетскимъ взглядомъ: можно найти животное въ самомъ дѣлѣ почти человѣческой красоты и осмысленности, но крайней мѣрѣ—дѣтской, тѣлесно-граціозной, невинной и только чрезвычайно массивной. Къ этой массѣ дѣтства, гораздо гораздо больше самого рослаго человѣка, и вмѣстѣ дѣтства еще болѣе невиннаго и непосредственнаго, чѣмъ у человѣческаго дитяти, — къ дитятѣ-супругу, къ дитятѣ-отцу производителю—и подымалось, какъ подъ смерчемъ океанъ, вмѣстѣ романтическое и физіологическое чувство цѣлаго Египта. И несся не выдуманный восторгъ, отъ города къ городу и изъ деревни въ деревню, черезъ цвѣтущія нивы, мимо высокихъ пальмъ, крикъ сказыванія другъ другу: „Онъ найденъ, Онъ найденъ, нашъ утраченный!“ И всѣ шли смотрѣть его, бросая плуги;—и фиміамы, и звуки, и цвѣты, и жертвы, и горячія объятія, страстные и нѣжные поцѣлуи, и пріемъ его дыханія изъ устъ. „И вдохнетъ онъ въ насъ дыханіе жизней (біологическихъ) душу не старѣющую и не умирающую“, вѣрили они. И уходили подъ своды сложныхъ какъ лабиринтъ храмовъ, громадныхъ, протяженныхъ, куда вмѣщался едва не весь народъ, и для служенія, и для какихъ-то неясныхъ „таинствъ“, что уже не могло быть совершено открыто и днемъ. „Я бы могъ это разсказать“, -пишетъ Геродотъ: „но священный страхъ меня удерживаетъ“. О нихъ не осталось ничего извѣст-

было ревности, и они не понимали даже, что это значитъ. Ихъ дѣти были дѣтьми всѣхъ [1]), потому что всѣ составляли одну семью.

Фиг. 17.

У нихъ почти совсѣмъ не было болѣзней, хотя и была смерть; но старики ихъ умирали тихо, какъ бы засыпая, окруженные прощавшимися съ ними людьми, благословляя ихъ, улыбаясь имъ и

наго, и ни одно изображеніе, ни даже единственный рисунокъ ихъ не изображалъ. Когда Пиѳагоръ, желая „до тонкости" войти въ египетское ученіе, наконецъ, послѣ всѣхъ выслушанныхъ разсказовъ, едва-ли большею частью не выдуманныхъ, „попросилъ *показать* ему самыя таинства храмовъ", ему отвѣчали, что „этого невозможно сдѣлать для необрѣзаннаго". Авраамъ тоже обрѣзался, а до этого времени ничего особеннаго не зналъ, ничему не былъ пріобщенъ. Послѣ-же этого начались и пророчества, и законодательство. *В. Р—въ.*

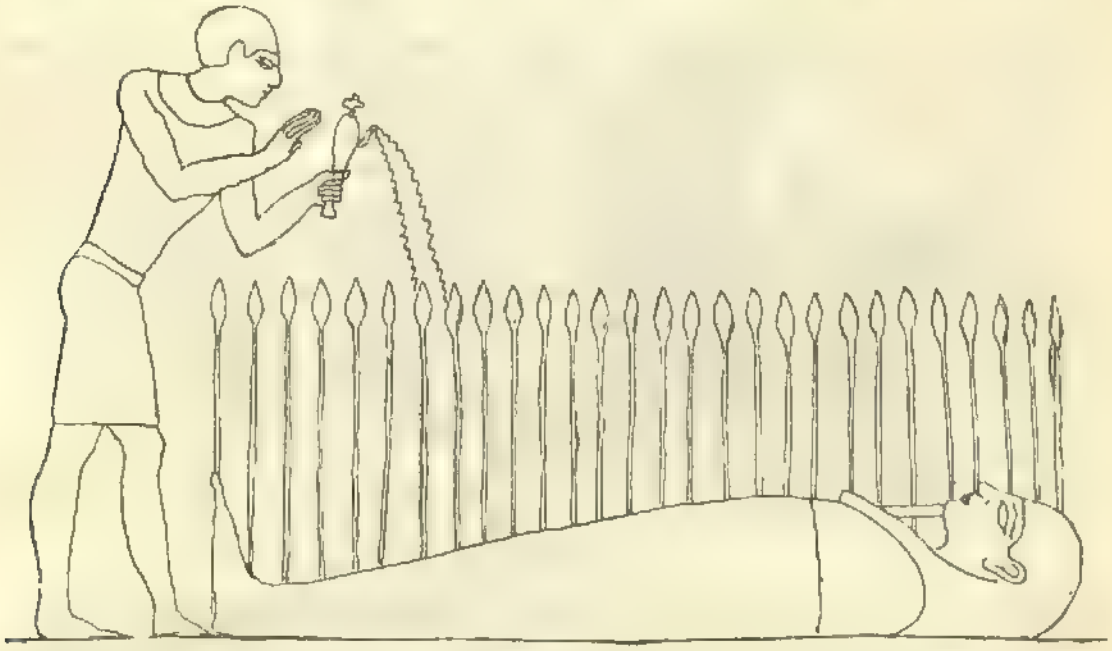
[1]) Фиг. 17 изображаетъ египетскую сцену изъ жизни XVII династіи: гдѣ двѣ дѣвушки равно влюблены въ одного юношу. „И сказала Рахиль Іакову: войди къ Валлѣ, служанкѣ моей, данной мнѣ отцомъ моимъ чтобы я имѣла дѣтей черезъ нее: пусть она разрѣшится отъ бремени въ колѣна мои" *(Бытіе)*. Семья можетъ быть и эгоистичной, *волчей*: когда она слишкомъ себя уединяетъ отъ племени и *племенности*, запи-

сами, напутствуемые ихъ свѣтлыми улыбками. Скорби, слезъ при этомъ я не видалъ, а была лишь умножившаяся какъ бы до во-

---

ряетъ и единственную дверь на крѣпко, вмѣсто того, чтобы имѣть всѣ четыре двери (въ *хорошемъ* дому дверей должно быть четыре—по странамъ горизонта) отворенными. „Вотъ, сестра моя Сарра, мы идемъ въ Египетъ, ты же прекрасна лицомъ, а египтяне тамошніе не равнодушны къ женской красотѣ. И возьметъ тебя Фараонъ во дворецъ свой, въ опочивальню свою: ты же скажи про меня, что я братъ твой, потому что ты и въ самомъ дѣлѣ сестра мнѣ: и будетъ мнѣ ради тебя хорошо среди служителей Фараона". Такъ говорилъ Авраамъ,—и *продолжалъ идти въ* Египетъ. Богъ, черезъ сновидѣніе, запретилъ Фараону „познать" Сарру, уже взятую къ нему въ опочивальню: но *самъ* Авраамъ не уклонился отъ пути въ Египетъ, предвидя это. У него была привязанность не страстно-личная, всегда эгоистическая, но обще-физіологическая, однако очень теплая, нѣжная и горячая; „жестокаго сладострастія" (всегда исключительнаго, личнаго) еще не возникало. „Я уже долго любовался на твой милый станъ а вотъ онъ все такой-же, и даже лучше цвѣтетъ: онъ не потеряетъ цвѣта своего, но еще станетъ благоуханнѣе, когда полюбуется имъ *братъ мой, возлюбленный мой* (въ тайнѣ этой психологіи все дѣло), правитель этой страны". Ни—посягновенности, ни—экстаза. Не было—хорошо, случится—не умремъ. „Какъ воля Божія". Капли мѣрно падаютъ съ неба; цвѣты каждый годъ расцвѣтаютъ: человѣку (Аврааму) дано девяносто лѣтъ жизни: и нельзя ихъ устроить какъ одинъ день. „Сестра-служанка пусть разрѣшится мнѣ въ колѣна отъ тебя", „братъ мой Фараонъ пусть преспитъ съ тобою". И—ни громовъ, ни молній. Тихо струится вѣтеръ пустынь. Небо все тоже, въ этомъ вѣкѣ и прошломъ. Всѣ мы братья: и исключительная красота отчего-же должна принадлежать исключительно мнѣ? Красота какъ солнце „восходитъ надъ добрымъ и злымъ". Не торопящій дней, однако „и не задерживай солнца и луны". Чувство ревности возникаетъ исключительно изъ чувства личности, *политичности*: если, вообще говоря, абсолютно общеніе не *замарываетъ человѣка*, не замарываетъ *жену мою мое общеніе съ нею*, и послѣ десяти лѣтъ супружества она невинна и чиста какъ въ ночь передъ бракомъ, и только стала еще глубже, психологичнѣе, полнѣе, но абсолютно-абсолютно также невинна: то отчего *въ тѣхъ-же условіяхъ и съ тою-же психологіею* (покой и истинная любовь) общеніе ея съ другимъ (но лишь-бы доносила его плодъ, это conditio sine qua non) сколько-нибудь вообще понизитъ ея достоинство и замараетъ ее какъ человѣка или женщину?! Если не маратъ мужъ, не маратъ и никто: а если кто-нибудь маратъ, маратъ и мужъ—и тогда бракъ какъ чистое явленіе невозможенъ. Но бракъ какъ абсолютно невинное явленіе *есть, существуетъ*. Герміона, Андромаха, Пенелопа, Дездемона, тысячи прекраснѣйшихъ русскихъ женъ, болѣе невинныхъ чѣмъ всякая дѣвица—не мнѣ. Значитъ не мнѣ абсолютно невинное общеніе. Но если оно таково въ метафизическомъ зернѣ своемъ, если общеніе *внѣ приводящихъ ингредіентовъ*, психологическихъ и физическихъ, невинно: то *съ устраненіемъ виновной психологіи и физики* оно вообще и съ каждымъ оставляетъ человѣка невиннымъ-же какъ до общенія: развѣ что углубляетъ психологію и расширяетъ духъ какъ всякій бракъ. Не торопите дней и не мѣшайте 365 ихъ въ хаосъ чудовищныхъ сутокъ. Не сжимайте время. Тогда общеніе, съ зарей взошедшей любви и съ зарей погасшей любви вытянется въ свою линію, съ цвѣткомъ и корнемъ: и она будетъ сіять *равно такъже* какъ линія вашей любви. Отсюда—покрывала на лицахъ у женщинъ Востока (не гадкій турецкій обычай всегдашняго покрывала:

сторга любовь, но до восторга спокойнаго, воспоминающагося, созерцательнаго.—Подумать можно было, что они соприкасались еще



Фиг. 18.

съ умершими своими [1]) даже и послѣ ихъ смерти и что земное единеніе между ними не прерывалось смертью. Они почти не по-

---

но и Ревекка закрылась при приближеніи незнакомыхъ мужчинъ, однако Ревекка—*женщина*, а дѣвушкою она была открыта). Не нужно пробуждать желанія къ себѣ, ибо когда оно пробуждено—жестоко и уже не слѣдуетъ прерывать его. Никакая линія да не рветея („и льна курящагося да не угасятъ"). Отъ этого Рахиль какъ-бы помѣшавшаяся на страсти *именно родить*, ощутить скользящаго между бедръ крошечнаго ребенка, сказала мужу начать его отъ служанки: въ ней психологическая любовь (личная, эгоистическая) или угасла, или не рождалась; и Авраамъ, уже насыщенный любовью Сарры, не надѣлъ „покрывала на лицо ея" отъ всѣхъ. Что въ природѣ вообще это предустановлено, и нужно въ цѣляхъ какого-то строительства (я думаю — въ цѣляхъ міровой связности, сцѣпленности, о которой и въ „Сынѣ" своемъ говоритъ Д—кій.), — видно изъ случаевъ всеодолимо *у двухъ вспыхивающей любви къ одному, къ одной*. Въ этомъ случаѣ только строжайшимъ образомъ должна быть убрана всякая соломинка съ путей *плодородія*, т. е. никогда съмя и сѣмя не должны имѣть встрѣчи. Но, какъ Авраамъ относительно фараона, нужно сказать: „вотъ наступаютъ дни его, когда раньше текли мои". Имѣя въ виду, что случаи эти развертываются съ неудержимою силою и въ наше время, и развертываются часто въ семьяхъ высшаго идеализма (здѣсь я могъ-бы назвать одну литературную семью, глубоко чтимую всею Россіею, еще 40-хъ годовъ),—указываемая мною регулировка линій вводитъ норму въ аномально текшее, порядокъ—въ хаотическое, и вотъ отчего я не могу быть осужденъ. „Всмотрись во все, особенно -чего ты не можешь смести съ лица земли", вотъ мой принципъ. *В. Р—въ.*

[1]) Фиг. 18 (взятая у Росселлини). Намъ не приходитъ на умъ, что идея „загробной жизни", „безсмертія души", коей по исторіи египтяне

нимали меня, когда я спрашивалъ ихъ про вѣчную жизнь, но видимо были въ ней до того убѣждены безотчетно, что это не со-

Фиг. 19.

ставляло для нихъ вопроса. У нихъ не было храмовъ [1]), но у нихъ

были первые „изобрѣтателями" или „открывателями", есть идея романтическая. До настоящаго времени, ужъ во всякомъ случаѣ не справляясь съ катехизисами, влюбленные *природно, сами,* съ какимъ-то *первоначальнымъ чувствомъ,* говорятъ: „встрѣча—*за гробомъ*"! „дальнѣйшее *тамъ*"! Говорятъ въ случаѣ разлуки, нежданной смерти, а иногда, тѣснимые обстоятельствами, рѣшаясь одновременно умереть. Здѣсь (при такомъ несчастіи) у влюбленныхъ происходитъ такое смятеніе души, отчаяніе, быстрый трепетъ смѣняющихся чувствъ, что въ эту секунду „безсмертіе души"—не логика, не припоминаніе уроковъ, и вмѣстѣ не поверхностная, опровержимая догадка. Она дѣйствуетъ какъ инстинктъ, и быстро какъ топоръ (въ случаяхъ одновременнаго самоубійства). Отсюда и можно объяснить, почему „тамошняя жизнь" изначально, въ незапамятныя у человѣчества времена, окрасилась въ розовый цвѣтъ, въ „сладкое пребываніе", а не въ пребываніе вообще, не въ какой-нибудь безразличный средній цвѣтъ. „Тамъ будутъ плоды и цвѣты, и животныя вокругъ насъ, невинныя и добрыя, и мы будемъ счастливы вѣчно". Все розово по колориту, ибо имѣетъ въ корнѣ своемъ бутонъ. Гораздо позднѣе, слишкомъ поздно *уже эти открывшаяся* идея „жизни тамъ" окрасилась цвѣтами мести („*тамъ* васъ будутъ мучить, враги наши, мои") или злости, безсильной здѣсь горечи („ну, хорошо: *тамъ* сквитаемся; кто здѣсь былъ яблоки, тамъ полижетъ горячую сковороду, а кто здѣсь былъ одинъ хлѣбецъ—тамъ будетъ кушать все сытное и сладкое"). Но вообще все это риторично, и мы больше увѣряемъ себя, чѣмъ вѣримъ, что „продолжимся тамъ". Обычай усаживать могилы цвѣтами, и оставлять самый гробъ цвѣтущими-же растеніями, — опять есть „рудиментарный органъ" той египетской біологической религіи. Здѣсь на рисункѣ и представленъ умершій: онъ весь погруженъ въ бутоны, *безъ единаго распустившагося*: они распустятся—*„тамъ"*! Всегда у египтянъ бутонъ и распустившійся колокольчикъ *чередуются*: но здѣсь распусканіе отнесено „туда". Изъ сосуда со знакомъ креста надъ собой (всегда—знакъ *жизни*) льется вода: „я васъ полью, и цвѣты и усопшаго, дабы вы расцвѣли *тамъ*". *В. Р—въ.*

[1]) Когда я увидѣлъ фиг. 19, въ 11-мъ или 12-мъ томѣ „Denkmäler"

было какое-то насущное, живое и безпрерывное единеніе съ Цѣлымъ вселенной; у нихъ не было вѣры, зато было твердое знаніе, что когда восполнится ихъ земная радость до предѣловъ природы земной, тогда наступитъ для нихъ, и для живущихъ и для умершихъ, еще большее расширеніе соприкосновенія съ Цѣлымъ вселенной. Они ждали этого мгновенія съ радостью, но не торопясь, не страдая по немъ, а какъ-бы уже имѣя его въ предчувствіяхъ сердца своего, о которыхъ они сообщали другъ другу. По вечерамъ, отходя къ сну, они любили составлять согласные и стройные хоры. Въ этихъ пѣсняхъ они передавали всѣ ощущенія, которыя доставилъ имъ отходящій день, славили его и прощались съ нимъ [1]). Они славили природу, землю, море, лѣса. Они любили

Лепсіуса, гдѣ начинается уже и христіанская живопись, я прошелъ мимо рисунка, сперва принявъ его именно за христіанскій. Было три часа, въ декабрѣ, и въ залахъ Публичной библіотеки темнѣло. Я торопился, когда изображеніе грудей заставило меня усумниться, точно-ли христіанская это живопись, а затѣмъ символы въ рукахъ, *крестъ съ кольцомъ надъ нимъ*, всегдашніе египетскіе древніе символы, открыли родину и духъ рисунка. Поздній ужъ я замѣтилъ, въ сумеркахъ, и *грудь*, и *луну*, и *шаръ* - на головѣ. Но вотъ полное религіозное изображеніе, совсѣмъ ужъ наше! Только средній ангелъ стоитъ на распустившемся *бутонѣ*: древняя *родина* всѣхъ ангеловъ, ибо—родина всего въ людяхъ ангельскаго, ангело-виднаго, ангело-образнаго. И какъ солидно изъ четырехъ крылъ два опущены долу, два подняты кверху. Рисунокъ выполненъ въ краскахъ, по золоту и отъ красоты его невозможно оторваться. Шла уже вѣрно римская эпоха, смѣнившая птоломеевскую: ибо, повторяю, уже чередовались изображенія нацарапанныхъ на стѣнахъ изображеній, всѣмъ знакомыхъ по катакомбамъ. *В. Р—въ.*

[1]) Фиг. 20 вполнѣ представляетъ пластически эти лирическія слова вѣщаго сна Д-го. Она попорчена на стѣнѣ египетскаго храма, но все равно. Въ лучи солнца, въ ихъ середину, прямо въ грудь ихъ—подымается кадильница съ дымомъ, и какой-то предметъ, и на столѣ лежащіе древнѣйшіе „хлѣбы предложенія", эти тонкія лепешки. Все это понятно намъ, ибо уже извѣстно отъ другихъ народовъ, но чего не разсказалъ ни одинъ изъ нихъ—*это чувства солнца къ человѣку*. Нигдѣ свѣтило, Ангелъ, teттае genitor (ем. внутри его тѣнь) не явлено живымъ и разумѣющимъ и простирающимъ къ человѣку руки, какъ здѣсь. Когда я возвращался изъ Кисловодска на сѣверъ, и выглянулъ изъ окна вагона на оставляемый югъ, солнце (вечернее) стояло надъ горизонтомъ на 15—20°. Небо было безоблачно. И вотъ я увидѣлъ, какъ стѣна голубой атмосферы точно разселилась въ треугольники, вершиною лежащіе въ солнцѣ, а широкимъ основаніемъ лежащіе на землѣ. Впечатлѣніе какъ-бы частыхъ спицъ мірового колеса, спицъ-лучей отъ солнца-центра, было не стираемо. Но никому кромѣ какъ египтянамъ не пришло на умъ: вообразить, что лучи эти оканчиваются крошечными деликатными ручками, которыя уже только остается облобызать человѣку, когда онѣ ласкаютъ его щеку, ласкаютъ цвѣты его цвѣтниковъ. Тогда вдругъ— міръ очеловѣчился. Какъ на прозрачномъ транспарантѣ, съ водяными знаками, разумный обитатель земли прозрѣлъ разумъ, обитающій во вселенной: и ласка, и любовь, и красота, и мудрость все есть на землѣ, но болѣе того есть все это въ бездонныхъ глубинахъ неба. Если на фиг. 20 намъ далъ очеркъ культа, то на фиг. 21 мы можемъ всмотрѣться въ

слагать пѣсни другъ о другѣ, и хвалили другъ друга какъ дѣти: это были самыя простыя пѣсни; но онѣ выливались изъ сердца и проницали сердца. Да и не въ пѣсняхъ одѣхъ, а казалось и всю жизнь свою они проводили лишь въ томъ, что любовались другъ другомъ. Это была какая-то влюбленность другъ въ друга, всецѣлая, всеобщая. Иныхъ же ихъ пѣсенъ, торжественныхъ и восторженныхъ, я почти не понималъ вовсе. Понимая слова, я никогда не могъ проникнуть во все ихъ значеніе. Оно оставалось какъ бы недоступно моему уму, зато сердце мое какъ бы проникалось имъ безотчетно и все болѣе и болѣе. Я часто говорилъ имъ, что я все это давно уже прежде предчувствовалъ, что вся эта радость и слава сказывалась мнѣ еще на нашей землѣ зовущею тоскою, доходившею подчасъ до нестерпимой скорби; что я предчувствовалъ всѣхъ ихъ и славу ихъ въ снахъ моего сердца и въ мечтахъ ума моего, что я часто не могъ смотрѣть, на землѣ нашей, на заходящее солнце безъ слезъ... Они слушали меня и я видѣлъ, что они не могли представить себѣ то, что я говорю. Да, когда они глядѣли на меня своимъ милымъ проникнутымъ любовью взглядомъ, когда я чувствовалъ, что при нихъ и мое сердце становилось столь-же невиннымъ и правдивымъ, какъ и ихъ сердца, то и я не жалѣлъ, что не понимаю ихъ. Отъ ощущенія полноты жизни мнѣ захватывало духъ и я молча молился на нихъ.

„О, всѣ теперь смѣются мнѣ въ глаза и увѣряютъ меня, что

дѣйствительно прекрасныя и счастливыя лица поклонниковъ: ибо величина изображеній достигаетъ портретности. Черты лица тонки и нѣжны: о, это не эстеты-греки, не воины-римляне и не посатые еще евреи, такъ надоѣвшіе стиптянамъ угрюмымъ своимъ характеромъ. „Дѣти солнца, дѣти своего солнца -какъ они были прекрасны", только и можемъ мы сказать, при взглядѣ на изображеніе. „Храмовъ еще не было",—пишетъ и Достоевскій, и молитва прямо попружалась въ купу лучей солнца. Сильно развитыя губы показываютъ чувственность (южное солнце), а положеніе головы, разрѣзъ глазъ и даже самое сложеніе чувственныхъ губъ—резигнацію сердца, ко всему готоваго, во всемъ покорнаго Солнцу. Плечи и шея господина дома являютъ тонкость арабской лошади: къ поздрямъ его „ручка солнца" поднесла крестъ, уже привычный намъ египетскій символъ—*жизнь*. Такой-же крестъ опущенъ и къ поздрямъ его супруги. Она еще юна, а ниже всѣхъ стоящая дочь ея уже сама близка къ возрасту стать супругою. Лишь-солнце утопляетъ развитіе. Сядьте, въ какой любви переплелись руки всей семьи: какъ мать взяла голову младшей изъ дочерей, и какъ разумный ребенокъ, обернувшись къ ней, благодарно подноситъ руку къ подбородку материнскаго лица. Черезъ ея плечо и спину перекинувъ руку, больной ребенокъ касается локтя младшаго. Такимъ образомъ ни одна часть тѣла не опущена, не спитъ, не тунеядствуетъ: все поднялось на встрѣчу жизни и ушло въ ласку. Сколько касаній въ простой семейной сценѣ: точно каждый футъ воздуха они хотѣли-бы насытить вздохомъ любви, и каждому вершку тѣла своего дать осязать другое тѣло. Все—въ касаніи! и все касающееся—къ Солнцу!! *В. Р—въ.*

Фиг. 20.

и во снѣ нельзя видѣть такія подробности, какія я передаю теперь, что во снѣ моемъ я видѣлъ или прочувствовалъ лишь одно ощущеніе, порожденное моимъ же сердцемъ въ бреду, а подробности уже самъ сочинилъ проснувшись. И когда я открылъ имъ, что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ такъ было—Боже, какой смѣхъ они подняли мнѣ въ глаза и какое я имъ доставилъ веселье! О да, конечно, я былъ побѣжденъ лишь однимъ ощущеніемъ того сна, и оно только одно уцѣлѣло въ до-крови раненомъ сердцѣ моемъ: но зато дѣйствительные образы и формы сна моего, т. е. тѣ, которыя я въ самомъ дѣлѣ видѣлъ въ самый часъ моего сновидѣнія, были восполнены до такой гармоніи, были до того обаятельны и прекрасны, и до того были истинны, что, проснувшись, я, конечно, не въ силахъ былъ воплотить ихъ въ слабыя слова наши.—Но какъ же мнѣ не вѣрить, что все это было? Было, можетъ быть, въ тысячу разъ лучше, свѣтлѣе и радостнѣе, чѣмъ я разсказываю! Пусть это сонъ, но все это не могло не быть. Знаете-ли, я скажу вамъ секретъ: все это, быть можетъ, было вовсе не сонъ! Ибо тутъ случилось нѣчто такое, нѣчто до такого ужаса истинное, что это не могло бы пригрезиться во снѣ. Пусть сонъ мой породило сердце мое, но развѣ одно сердце мое въ силахъ было породить ту ужасную правду, которая потомъ случилась со мною? Какъ бы могъ я ее одинъ выдумать или пригрезить сердцемъ? Неужели же мелкое сердце мое и капризный, ничтожный умъ мой могли возвыситься до такого откровенія правды! О, судите сами: я до сихъ поръ скрывалъ, но теперь доскажу и эту правду. Дѣло въ томъ, что я... развратилъ ихъ всѣхъ!

* * *

„Да, да, кончилось тѣмъ, что я развратилъ ихъ всѣхъ! Какъ это могло совершиться—не знаю, но помню ясно. Сонъ пролетѣлъ черезъ тысячелѣтія, и оставилъ во мнѣ лишь ощущеніе цѣлаго. Знаю только, что причиною грѣхопаденія былъ я. Какъ скверная трихина, какъ атомъ чумы, заражающій цѣлыя государства, такъ и я заразилъ собой эту счастливую, безгрѣшную до меня, землю. Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, можетъ быть, началась невинно, съ шутки, съ кокетства [1]),

---

[1]) Какая глубина прозрѣнія, что „грѣхъ“ и „азъ“ въ немъ вообще начинается съ чего-то именно *въ отношеніи къ полу*, и именно *съ отрицательнаго отношенія*, первоначально пожалуй легкаго: напр. съ *шутки, шутливости*. Сліянные въ восторгъ за минуту, юные и добрые существа, послѣ сліянія—вспомнили о немъ въ шуткѣ: и—грѣхъ *начался*. Началась вдругъ наша земля, потемнѣвшая, похолодѣвшая; явился эмбріонъ театровъ, комедій, фарсовъ и сатиры. Проблема возвращенія къ невинности, поэтому, идетъ черезъ задачу: какъ возстановить торжественное и милое, ласковое „и изумрудное“ (см. о морѣ въ этомъ разсказѣ), всѣми видимое и никѣмъ не осуждаемое, дѣтское и одновременно животное общеніе половъ. Приблизиться къ дѣтямъ и къ живот-

съ любовной игры, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, съ атома, но этотъ атомъ лжи проникъ въ ихъ сердца и поправился имъ. Затѣмъ быстро родилось сладострастіе [1]), сладострастіе породило рев-

---

нымъ, къ „травкамъ"—это во всякомъ случаѣ сюда шагъ; начать отходить отъ учености, ученыхъ, отъ книги и академіи, однако ничего не теряя въ мудрости „непосредственнаго тайнаго общенія съ міромъ и познанія міра", это тоже шагъ не въ сторону. Часто я думаю, что для этого просто надо обниматься съ животными; начать носить ихъ на рукахъ (дѣти вѣчно носятъ кошекъ на рукахъ). Великое дѣло—прилечь ухомъ къ груди доброй коровы: новая теплота, новая жизненная теплота какъ бы не нашей даже планеты, безъ категоріи еще грѣхопаденія. Великому мы можемъ научиться изъ вздоховъ животныхъ. Одна женщина (даже „дама", жена архитектора) мнѣ разсказывала, какъ ища какой-то квартиры она вошла въ дворницкую и увидя на кроваткѣ одинокаго ребенка (а она сама кормила, своего, недавно разрѣшившись отъ бремени)—вынула грудь и накормила его. И смѣшно, я какъ мило. Проницаніе въ невинный или гораздо менѣе насъ виновный животный міръ достигло-бы осязательности и дѣйственности, если бы иногда человѣческія матери такъ сказать мѣнялись дѣтенышами съ матерями животныхъ: образовалось-бы „молочное родство", „братъ и сестрица" между козами и людьми, ими же и овцами, и даже съ животными болѣе крупныхъ породъ. Черезъ это мы *почувствовали*-бы животныхъ, *ассимилировались*-бы не ихъ меньшему разуму, но ихъ большей доброть. Чернильная клякса «первороднаго грѣха» потускнѣла-бы, пожелтѣла какъ выцвѣтшія чернила. Подѣйствовало-бы это даже сразу, индивидуально—сильно: а въ десятилѣтіяхъ, въ вѣкахъ чрезмѣрно. Домъ „съ домашними животными", съ комнатной собакой, кошкой—добрѣе, теплѣе, привѣтливѣе. Будемъ это наблюдать и будемъ изъ этого учиться. *В. Р—въ.*

[1]) И въ *невинномъ* состояніи, или у животныхъ, половое общеніе—*сладостно*, а стало быть *влечетъ*; и испытывается оно *съ физіологической стороны* какъ нами сейчасъ, но съ психологической стороны—совсѣмъ противоположно: *испытывается невинно*, какъ *рость* тѣла, или какъ срывъ съ вѣтки земляники первой весенней ягоды. У Геродота записано, что „греки и египтяне первые *перестали* сообщаться въ храмахъ": слѣдовательно еще далѣе, за началомъ цивилизаціи, это происходило. Они смотрѣли, еще „не проснувшись отъ первоначальнаго сна", на половое сліяніе какъ на величайшій феноменъ удивительности: какъ на волшебство, во-первыхъ столь сладкое въ мигъ его, а главное волшебство, рождающее такое чудное и новое существо какъ дитя. „Точно черезъ 9 мѣсяцевъ еще пришелъ *кто-то*, и поблагодарилъ за то сліяніе ребенкомъ". Естественно люди пріучились думать, что половою сліянностью они еще повышаютъ посторженное напряженіе міра, ускоряютъ, но здорово ускоряютъ, пульсъ его; что здѣсь пріятность, въ нихъ самихъ проходящая есть лишь вторичная и тѣневая, а главная радость этого акта даже и не у нихъ происходитъ, а дальше и выше. Поэтому, замѣтку Геродота мы должны читать такимъ образомъ, что и самые храмы явились у первыхъ людей сперва какъ лиственное, въ рощахъ, въ цвѣтникахъ, въ садахъ окруженіе любви ихъ и любящаго соединенія, а затѣмъ съ легкими архитектурными прибавленіями, напр. какъ защита отъ палящаго солнца: пока, наконецъ, роща и шалашъ не выросли, не развились въ храмы. Въ подлинно геродотовскую эпоху душа храма уже выносилась или была вынесена изъ него: осталось здѣсь лишь *воспоминаніе* „о касаніи къ звѣздамъ", о „пониманіи лепета древесныхъ листовъ" (см. разсказъ Достоевскаго), которому внимали люди еще до архитектуры, въ цвѣтникахъ и рощахъ, въ

Фиг. 21

ность¹), ревность, жестокость... Я не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивились и ужаснулись и стали расходиться, разъединяться. Явились союзы, но уже

дни и ночи любви и влюбленности, удивительной и чудотворной. Уже началось, въ дни Геродота и раньше, затаиванiе любви: человѣчество (племена) перестали быть одною семьею; явилось „сладострастiе", какъ удовлетворенiе не насыщеннаго полового голода, какъ *брошенiе* на жертву его, когда прежде горлинка сама подходила къ голубю и голубь отыскивалъ свою подругу въ стадѣ. Все было также прочно, длительно—какъ у насъ (прочнѣе даже), какъ у голубей, у лебедей (см. въ первомъ томѣ разсказъ г. *Н. Энгельгардта*), но безъ пустынности, непрерывнаго, безъ живыхъ общенiй и измѣнъ, безъ „жестокости и ревности" (см. слова Достоевскаго сейчасъ ниже). *В. Р—въ.*

¹) Ревность какъ и стыдъ суть главные стигматы „*первороднаго грѣха*". Стыдъ привелъ ко лжи, а ревность родила злобу. Великая тайна любви заключается *въ любви къ любви еще другого*: чтобы мать хотѣла *и сама стать матерью* (слова Рахили Iакову о Валлѣ, ...) и счастливый супругъ и не супруга видѣть въ супружествѣ и всѣхъ остальныхъ своихъ и дѣвушекъ. Влюбленiе порождаетъ доброту и сочувствiе. На этой почвѣ, когда она хорошо вспахана и ..., не осквернена грѣхомъ, и возможно полное исчезновенiе ревности какъ ограниченiя себя въ любви, какъ чувство жестокой собственности въ любви. Въ сущности „ревность рождается изъ гордости, изъ жадности, „оскорбленнаго самолюбiя", и лишь очень немного „рождается отъ любви. Она „исключительности" и была всегда, и всегда она сохранится. Но она длится, пока длится голубое влюбленiе двухъ сторонъ, когда и нѣтъ для ревности, измѣна невозможна. А когда создаются обстоятельства для ревности, любви уже нѣтъ, а остается одно самолюбiе („Цыганы" Пушкина). Такимъ образомъ ревность есть нагаръ на свѣчѣ цивилизацiи, копотный, не свѣтящiй, мучительный. Въ „Аннѣ Карениной" не только самъ Толстой и всѣ его критики, но вся Россiя назвала самымъ нравственнымъ мѣстомъ, какъ-бы чудомъ нравственности, ту страницу, гдѣ старикъ Каренинъ беретъ на руки и няньчитъ ребенка, рожденнаго его женою отъ Вронскаго. Всѣ это назвали „чудомъ", какъ-бы „съ того свѣта", и Вронскiй заплакалъ: „жестокость сладострастiя" исчезла въ немъ, исчезнувъ предварительно въ старикѣ-мужѣ какъ „ревность". Но что-же дальше? какъ дальше? Силъ Толстого хватило только на страницу этого видѣнiя; Достоевскiй заглянулъ его дальше, и разсказъ цѣлаго „Сна смѣшного человѣка". Можетъ быть у изстрадавшагося человѣчества, измученнаго, хватитъ силъ продолжить еще дальше, видя, что „ревность" и „жестокость" ничего не сумѣли поправить въ любви. Но главное—новое сердце! Когда мужъ „старый и оскорбленный" (теперешняя терминологiя, „ridicule" Каренина) обнимется съ „любовникомъ" (грубый теперешнiй терминъ) жены своей, а на самомъ дѣлѣ съ ея возлюбленнымъ, съ возлюбленнымъ ея, который оживитъ ея силы къ новой веснѣ, обнимется и, какъ дѣлаютъ арабы въ пустынѣ, „усталому омоетъ усталыя ноги какъ гостю дома своего": то ни жена никогда жестко не оттолкнетъ его отъ себя, ни юный возлюбленный никогда не переступитъ черты сыновней покорности и цѣлованiя руки у стараго своего совмѣстителя. Жена въ отношенiи къ нему какъ-бы преобразуется въ дочь, а онъ—въ зятя: семья не разрушается, а вспыхиваетъ новыми ... неиспытанными чувствами: и *вечеръ* дня (старикъ) привѣтствуетъ *утро* другого новаго дня, „они-же (слова Достоевскаго) не могли смотрѣть безъ слезъ на закатъ солнца", т. е. старый и поцѣловавшiй ихъ

другъ противъ друга. Начались укоры, упреки. Они узнали стыдъ [1]) и стыдъ возвели въ добродѣтель. Родилось понятіе о чести и въ каждомъ союзѣ поднялось свое знамя. Они стали мучить животныхъ [2]) и животныя удалились отъ нихъ въ лѣса и стали имъ врагами. Началась борьба за разъединеніе, за обособленіе, за личность, за мое и твое. Они стали говорить на разныхъ языкахъ. Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мученія и говорили, что Истина достигается лишь мученіемъ. Тогда у нихъ явилась наука. Когда они стали злы, то начали говорить о братствѣ [3]) и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрѣли справедливость [4]) и предписали себѣ цѣлые кодексы, чтобы сохранить ее, а для обезпеченія кодексовъ поставили эшафотъ. Они чуть-чуть лишь помнили о томъ, что по-

человѣкъ, нѣтъ, болѣе: *полюбившій ихъ любовь*—становится самымъ, самымъ дорогимъ въ мірѣ для нихъ (юныхъ любовниковъ) существомъ, почти дрожайшимъ, чѣмъ они сами другъ для друга! И въ этой дѣтской ихъ любви къ себѣ онъ найдетъ неизмѣримо высшее счастье, чѣмъ какое находилъ прежде въ ласкахъ жены своей: ибо *отцовство* не менѣе глубоко и блаженно нежели супружество. Такимъ образомъ кровь не брызнетъ (какъ теперь), но любовь подымется къ небу, къ звѣздамъ; изъ за забора, гдѣ скрывалась семья кусточекъ, подымется семья-пальма семья-баобабъ, неразрушимая для стихій, вѣчная, всеобъемлющая. И такъ разростаясь преобразуется въ семью-племя, въ плодящійся народецъ, подобный множествомъ стволовъ при единствѣ кроны и корня индѣйской смоковницѣ. „Каждый гость въ дому моемъ дорогъ мнѣ; но который оставляетъ сѣмя свое домочадицѣ моей или служанкѣ, или сестрѣ, или дочери, еще не познавшимъ мужа есть побратимъ мой и родственникъ, завѣтный мнѣ человѣкъ: и отнынѣ я отдамъ кровь свою за него". Но, конечно: все это возможно когда родится въ человѣкѣ совершенно *новое сердце*. *В. Р—въ.*

[1]) Поразительна эта истина и въ разсказѣ Д—го, что съ *стыда* начинается *грѣхъ*. Глубина обрѣзанія (у евреевъ) и заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что имъ снимался *упрекъ* и *осужденіе* (возможные) съ genitalій, а слѣдовательно и снимался стыдъ съ точки всемірной стыдливости. Обрѣзаніе снимаетъ „кожаное препоясаніе" съ Адама,—и снова вводитъ его въ Эдемъ. Этотъ Эдемъ—семья: черезъ нее открывается, что все и течетъ въ бытіи своемъ и въ благѣ своемъ изъ genitalій, хотя они были у народовъ „въ презрѣніи, и никакого вида не имѣли, и были всѣмъ въ поношеніе". Всѣ ихъ порицаютъ, въ грѣхопаденіи, не обращая вниманія, что всѣ изъ нихъ текутъ, и всѣ отъ нихъ пьютъ блага свѣта своего и теплоты своей (семейный союзъ, дѣтскія радости, позднѣйшая любовь выросшихъ дѣтей). Поразительно, что въ грѣхопаденіи самый центръ осужденія палъ на genitalia: когда явно *безъ нихъ* ничего бы не было, „еже есть", и не было бы главной добродѣтели на землѣ, тихаго и лучшаго на ней благочестія—между-семейныхъ отношеній (мужъ и жена, родители и дѣти, братья и сестры, дѣды и внуки, зятья и невѣстки, свекрови и тести). *В. Р—въ.*

[2]) Поразительна вся исторія грѣха. Это въ самомъ дѣлѣ психологія и законъ причинности въ ступеняхъ грехопаденія. Здѣсь Д—кій пишетъ какъ-бы священный текстъ. *В. Р—въ.*

[3]) Да—все такъ и было. О, это священный текстъ. *В. Р—въ.*

[4]) Именно—такъ. Дѣти, еще не преступники, и „справедливости" не знаютъ: а спокойно пользуются каждый всѣмъ, и живутъ въ родитель-

теряли, даже не хотѣли вѣрить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смѣялись даже надъ возможностью этого прежняго ихъ счастья и называли его мечтой. Они не могли даже представить его себѣ въ формахъ и образахъ, но, странное и чудесное дѣло: утративъ вѣру въ бывшее счастье, назвавъ его сказкой, они до того захотѣли быть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали передъ желаніями сердца своего, какъ дѣти,—обоготворили это желаніе, настроили храмовъ и стали молиться своей же идеѣ, своему же „желанію", въ то же время вполнѣ вѣруя въ неисполнимость и неосуществимость его, но со слезами обожая его и поклоняясь ему. И, однако, еслибъ только могло такъ случиться, чтобъ они возвратились въ то невинное и счастливое состояніе, которое они утратили, и еслибъ кто вдругъ имъ показалъ его вновь и спросилъ ихъ: хотятъ-ли они возвратиться къ нему?— то они навѣрно бы отказались. Они отвѣчали мнѣ: „пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы знаемъ это и плачемъ объ этомъ, и мучимъ себя за это сами, и истязаемъ себя и наказываемъ больше, чѣмъ даже, можетъ быть, тотъ милосердый Судья, Который будетъ судить насъ и имени Котораго мы не знаемъ. Но у насъ есть наука и черезъ нее мы отыщемъ вновь Истину, но *примемъ ее уже сознательно*. Знаніе выше чувства, *сознаніе жизни—выше жизни*. Наука дастъ намъ премудрость, премудрость откроетъ законы, а знаніе законовъ счастья—выше счастья. Вотъ что говорили они, и послѣ словъ такихъ каждый возлюбилъ себя больше всѣхъ, да и не могли они иначе сдѣлать. Каждый сталъ столь ревнивъ къ своей личности [1]), что изо всѣхъ силъ старался лишь унизить и умалить ее [2]) въ другихъ; и въ томъ жизнь свою полагалъ. Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство: слабые подчинялись охотно сильнѣйшимъ, съ тѣмъ только, чтобъ тѣ помогали имъ давить еще слабѣйшихъ, чѣмъ они сами. Явились праведники, которые приходили къ этимъ людямъ со слезами и говорили имъ объ ихъ гордости, о потерѣ мѣры и гармоніи, объ утратѣ ими стыда. Надъ ними смѣялись или побивали ихъ каменьями. Святая кровь лилась на порогахъ

скомъ дому, какъ въ „собственномъ" мірѣ, вмѣстѣ и ихнемъ и не ихнемъ. „Все не мое, но какъ бы мое, и это — лучше, чѣмъ еслибы было мое". *В. Р—въ.*

[1]) Замѣчательно вторичное упоминаніе, что въ „личномъ началѣ", оно-же есть начало разъединенія, разграниченія людей, вообще скрыть одинъ изъ устоевъ „первороднаго", очень сложнаго „грѣха". *В. Р—въ.*

[2]) Для этого ведутся войны. Мы только не замѣчаемъ, что *всѣ* войны начались и продолжаются изъ-за „чувства оскорбленнаго достоинства", по началу *личному* и *гордому*—и это есть продолженіе „крови, брызнувшей первоначально изъ ревности". Такимъ образомъ половая ревнивость есть никому неизвѣстный прародитель и войны (=одно чувство, раздѣленія моего и твоего, и самолюбія личности). *В. Р—въ.*

храмовъ. Зато стали появляться люди, которые начали придумывать, какъ бы всѣмъ вновь такъ соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всѣхъ, въ то же время не мѣшать никому другому, и жить такимъ образомъ всѣмъ вмѣстѣ какъ бы и въ согласномъ обществѣ. Цѣлыя войны поднялись изъ за этой идеи. Всѣ воюющіе твердо вѣрили въ то же время, что наука, премудрость и чувство самосохраненія заставятъ, наконецъ, человѣка соединиться въ согласное и разумное общество, а потому пока для ускоренія дѣла „премудрые“ старались поскорѣе истребить всѣхъ „непремудрыхъ“ и не понимающихъ ихъ идею, чтобъ они не мѣшали торжеству ея. Но чувство самосохраненія стало быстро ослабѣвать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо потребовали всего или ничего. Для пріобрѣтенія всего прибѣгалось къ злодѣйству, а если оно не удавалось—къ самоубійству. Явились религіи съ культомъ небытія [1]) и саморазрушенія ради вѣчнаго успокоенія въ ничтожествѣ. Наконецъ, эти люди устали въ безсмысленномъ трудѣ, и на ихъ лицахъ появилось страданіе, и эти люди провозгласили, что страданіе есть красота, ибо въ страданіи лишь мысль. Они воспѣли страданіе въ пѣсняхъ своихъ [2]). Я ходилъ между ними ломая руки и плакалъ надъ ними, но любилъ ихъ, можетъ быть, еще больше чѣмъ прежде, когда на лицахъ ихъ еще не было страданія и когда они были невинны и столь прекрасны. Я полюбилъ ихъ оскверненную ими землю еще больше, чѣмъ когда она была раемъ, за то лишь, что на ней явилось горе. Увы, *я всегда любилъ горе и скорбь, но лишь для себя, для себя*, а объ нихъ я плакалъ, жалѣя ихъ. Я простиралъ къ нимъ руки, въ отчаяніи обвиняя, проклиная и презирая себя. Я говорилъ имъ, что все это сдѣлалъ я, я одинъ; что это я имъ принесъ развратъ, заразу и ложь! Я умолялъ ихъ, чтобъ они распяли меня на крестъ, я училъ ихъ, какъ сдѣлать крестъ“ . . . . . .

. . . . . .

[1]) *Народная* этого форма—аскетизмъ, интеллигентная—ученія Будды и Шопенгауэра, вообще пессимизмъ, этотъ „первородный грѣхъ“ мозга. *В. Р—въ.*

[2]) Отсюда (ниже) начинается самая поразительная часть „исповѣди великаго грѣшника“. *В. Р—въ.*

2007041663